



**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2017 Том 8 № 4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный Университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 20.12.2017. Выход в свет 29.12.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 56,03. Тираж 500 экз. Заказ № 1605. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017



RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2017 VOLUME 8 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Editor K.V. Zenkin

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

IN MEMORIAM

- Бараш О.Я. (Москва, Россия).** Сергей Юрьевич Преображенский — стиховед и стихотворец 777

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- Преображенский С.Ю. (Москва, Россия).** Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация 788

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

- Ненарокова М.Р. (Москва, Россия).** Пушкинский «Арион» на английском языке: к проблеме полноценности переводов 794

- Школьникова О.Ю., Дементьева А.В. (Москва, Россия).** Бежать или лететь стрелой: лексика движения в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» и ее итальянском переводе 811

- Бурдина Е.А. (Брянск, Россия).** Лексико-семантическая репрезентация философской категории «любовь» в рамках пространственно-временного континуума в поэтическом и эпистолярном наследии А.К. Толстого 826

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

- Матулевич Т.Г. (Новосибирск, Россия).** Креолизованный анонс на обложке журнала The Economist 838

- Mikheeva E.S. (Москва, Россия).** Creative Types of Speech Advertising Slogan as a Text «With a Creative Task» (**Михеева Е.С.** Рекламный слоган как текст «с креативным заданием») 847

- Мамонтов А.С. (Москва, Россия).** О некоторых проблемах адекватности перевода как одной из форм межкультурной коммуникации 854

- Ху Пэйпэй (Шэнчжэнь, Китай).** Вариантность переводов заимствований английского происхождения в китайском языке 864

- Федулова М.Н. (Москва, Россия).** Критерии типологизации концептов в юридическом дискурсе 873

- Костева В.М. (Москва, Россия).** Словари тоталитарных Италии и Албании ... 884

- Грачёва О.А., Копылова П.А. (Москва, Россия).** Приставочные возвратные глаголы 892

НАУКА 21.0

- Дугалич Н.М. (Москва, Россия).** Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) 902

- Михайленко А.Ю. (Москва, Россия).** Кодификация поэтических вольностей в метатекстах XVII—XVIII вв. 912

Абдуллаева Ш.Н. (Ташкент, Узбекистан). Казначейство как сфера употребления финансово-экономических терминов (на материале узбекского, английского, русского языков)	920
Fityan Reema (Москва, Россия), Azcutia Maite (Страна Басков, Испания). Translating Idioms of Colour (an Examination of the Relationship of Idioms of Colour Between English, Arabic And Spanish Languages) (Фитьян Рима, Аскутия Майте. Перевод идиом с компонентом-названием цвета (на материале английского, арабского и испанского языков))	930
Шляховой Д.А. (Москва, Россия). Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации	939
Кытина В.В. (Москва, Россия). Роль экстралингвистических факторов при формировании языковой личности ребенка-билингва	949
Багдасарян В.Ф. (Ереван, Армения). Сопоставительный когнитивный анализ лексико-семантических полей глаголов со значением «открытие» и «сокрытие» в английском, армянском и русском языках	957
Ахмедова З.М. (Баку, Азербайджан). Выражение концепта принадлежности в английском языке формой абсолютного родительного падежа и его эквиваленты в азербайджанском языке	963
Раадранириана Антса (Москва, Россия). Представление феномена антипаремии в русском, французском и малагасийском языках	975
Чинина Д.С. (Москва, Россия). Латинский язык в тату индустрии	985
Тугова Е.В. (Москва, Россия). Психосоциолингвистический подход к изучению процесса переключения кода в билингвальной среде	993
Наурызова А.К. (Нукус, Узбекистан). Этикетная лексика каракалпакского языка	999

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ РУДН

НАУЧНАЯ СТАЖИРОВКА «ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ» РУДН, апрель 3—8, 2017

Валентинова О.И. (Москва, Россия). Общая и частная методология филологической науки	1005
Поленова Г.Т. (Таганрог, Россия). «Скрытая память» кетского глагола ..	1010
Ващекина Т.В., Попова Е.Н. (Москва, Россия). Слоговая структура морфа в разных классах слов и разных типах текстов	1020
Кошелева Т.И. (Великий Новгород, Россия). К вопросу об особенностях религиозного (православного) дискурса: ассоциативно-вербальный аспект	1028
Иконникова О.Н. (Ростов-на-Дону, Россия). К проблеме категоризации мира на начальных этапах развития языка (на материале салишского языка сквамиш)	1033
Батулина А.В. (Великий Новгород, Россия). О метаязыковых контекстах в массовой литературе	1041
Загуменнов А.В. (Вологда, Россия). «Феноменологический момент» в разработках Г.П. Мельникова: к постановке проблемы	1051

ЛИНГВИСТИКА ХХІ ВЕКА: КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Выпускающий редактор **С.А. Москвичева**

- Videgain Ch. (Байон, Франция).** Unite et variation dans la langue basque (Видеган Ш. Единство и вариативность баскского языка) 1058
- Чеснокова О.С., Джишкарини Л.М. (Москва, Россия).** Баскский язык и баскская топонимия: межкультурные контакты и стандартизация 1074
- Паско А. (Пессак, Франция).** Миноритарный язык, минорируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации 1084
- Москвичева С.А., Ли Сюэ (Москва, Россия).** Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве Китайской народной республики 1103
- Недопекина Е.М. (Москва, Россия).** Политический и социальный статус языков «старых» диаспор на территории СССР 1118
- Куцаева М.В. (Москва, Россия).** Функции чувашского языка в диаспоре московского региона 1131
- Борисова А.А., Ильина Н.Ю. (Москва, Россия).** Языковая ситуация и языковая политика в Нигерии 1146
- Балясникова О.В., Черкасова Г.А., Степанова А.А., Уфимцева Н.В. (Москва, Россия).** Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания 1161
- Чес Н.А., Ковалев Н.А. (Москва, Россия).** «СВОИ» versus «ЧУЖИЕ»: динамика развития и манипулятивный потенциал концепта холодная война в англоязычном политическом дискурсе 1171
- Чулкина Н.Л., Кольцова Н.В. (Москва, Россия).** Уровень конфликтности концептуального поля «богатство/бедность» в языковом сознании русских и китайцев 1178
- Александрова О.И. (Москва, Россия).** Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы 1191
- Крюкова И.В. (Волгоград, Россия).** Семантические преобразования глобальных брендов в российских масс-медиа постсоветского периода 1200
- Маркова Е.А., Тодорова И.Д. (Москва, Россия).** Вариативность английского и русского языков в свете лингвистической концепции Г.П. Мельникова 1207
- Шейпак С.А. (Москва, Россия).** Реконструкция «мест памяти» в художественном дискурсе 1219
- Дилдабекова А.К. (Астана, Казахстан).** Русский как язык-посредник в процессе перевода с казахского на другие языки 1228
- Повалко П.Ю. (Москва, Россия).** Структура семиотической категории времени в художественном тексте (на материале романа А. Кабакова «Невозвращенец») 1237

CONTENTS

IN MEMORIAM

- Barash O.Ya. (Moscow, Russia).** Sergey Yurievich Preobrazhensky, Scholar and Author of Verses 777

LINGUISTIC HERITAGE

- Preobrazhensky S.Yu. (Moscow, Russia).** The Problem of Inter-Textile Relations in the Linguistic Interpretation of Artistic Texts: Allusia and Citation 788

THE LITERARY TEXT LANGUAGE

- Nenarokova M.R. (Moscow, Russia).** Pushkin's *Arion* in English: Concerning the Problem of Translation Adequacy 794
- Shkolnikova O.Ju. & Dementieva A.V. (Moscow, Russia).** Of Movement in the N.V. Gogol's Story "Nevsky Prospect" and its Italian Version 811
- Burdina E.A. (Bryansk, Russia).** "Love" Within the Framework of the Space-Time Continuum in the Poetic and Epistolary Heritage of A.K. Tolstoy 826

THE ACTUAL ISSUES OF LINGUISTICS

- Matulevich T.G. (Novosibirsk, Russia).** The Creolized Announcement on *The Economist* Magazine Cover 838
- Mikheeva E.S. (Moscow, Russia).** Creative Types of Speech Advertising Slogan as a Text "With a Creative Task" 847
- Mamontov A.S. (Moscow, Russia).** About Some Problems of Adequacy in Translation as one of Cross-Cultural Communication Forms 854
- Hu Peipei (Shenzhen, China).** The Variants of the English Loan Words in Chinese 864
- Fedulova M.N. (Moscow, Russia).** Criteria for Typology of Concepts in the Legal Discourse 873
- Kosteva V.M. (Moscow, Russia).** Dictionaries of Totalitarian Italy and Albania 884
- Grachyova O.A. & Kopylova P.A. (Moscow, Russia).** Prefixal reflexive verbs 892

SCIENCE 21.0

- Dugalich N.M. (Moscow, Russia).** The Problem of Translating the Verbal Component of the Creolized Text of the Political Caricature (Based upon the Material of the Arabic and French Languages) 902
- Mikhaylenko A.Yu. (Moscow, Russia).** Poetic Licences in Metatexts of the 17th to Early 18th Centuries 912

Abdullayeva Sh.N. (Tashkent, Uzbekistan). The Using of Financial-Economic Terms in Sphere of Treasury (on the Material of the Uzbek, the English, the Russian Languages)	920
Fityan Reema (Moscow, Russia) & Azcutia Maite (Basque Country, Spain). Translating Idioms of Colour (an Examination of the Relationship of Idioms of Colour Between English, Arabic And Spanish Languages)	930
Shlyakhovoy D.A. (Moscow, Russia). Genre Features of Blogs as Electronic Means of Mass Communication	939
Kytina V.V. (Moscow, Russia). Role of Extralinguistic Factors in the Formation of Language Personality of Bilingual Child	949
Baghdasaryan V.F. (Yerevan, Armenia). Comparative Cognitive Analysis of Lexical Groups and Semantic Fields of the Verbs Denoting the Notions “Open” and “Hide” in English, Armenian and Russian Languages	957
Akhmedova Z.M. (Baku, Azerbaijan). The Expression of the Concept of Possession in the English Language by Means of the Absolute Form of the Genitive Case and its Equivalents In the Azerbaijani Language	963
Antsa Rahadraniyana (Moscow, Russia). Antiparemia in Russian, French and Malagasy Languages	975
Chinina D.S. (Moscow, Russia). Latin in Tattoo Industry	985
Tutova E.V. (Moscow, Russia). Psychosociolinguistic Approach to Studying the Process Code Switching in Bilingual Environment	993
Nauryzova A.K. (Nukus, Uzbekistan). Historical Forming of Etiquette Words	999

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCES AT RUDN UNIVERSITY

SCIENTIFIC WORKSHOP “GENERAL AND SPECIFIC METHODOLOGY OF PHILOLOGY”, Moscow, RUDN University, April, 3—8, 2017

Valentinova O.I. (Moscow, Russia). General and Specific Methodology of Philology	1005
Polenova G.T. (Taganrog, Russia). “Latent Memory” of Ket Verb	1010
Vashchekina T.V. & Popova E.N. (Moscow, Russia). Syllabic Structure of Morph in Different Word Classes and Different Types of Texts	1020
Kosheleva T.I. (Veliky Novgorod, Russia). To the Question about the Specificity of Religious (Orthodox) Discourse: Associations — Verbal Aspect	1028
Ikonnikova O.N. (Rostov-on-Don, Russia). The Problem of Categorization of the World at the Initial Stage of the Language Development (within the Framework of the Salishan Language Squamish)	1033
Batulina A.V. (Veliky Novgorod, Russia). To the Problem of Metalinguistic Contexts in Mass Literature	1041
Zagumennov A.V. (Vologda, Russia). “Phenomenological Moment” in the Development of G.P. Melnikov: Statement of the Problem	1051

LINGUISTICS OF THE XXI CENTURY: CONTACTS AND CONFLICTS OF CIVILIZATIONS

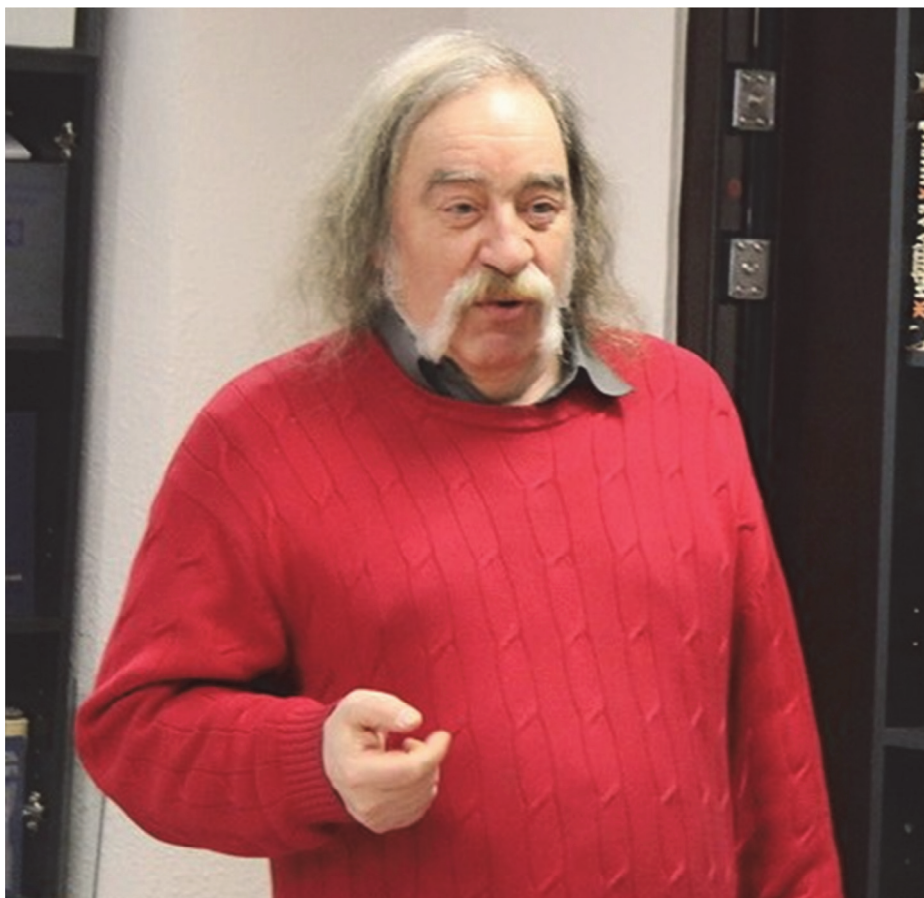
Guest editor **S.A. Moskvitcheva**

Videgain Ch. (Bayonne, France). Unite et variation dans la langue basque	1058
Chesnokova O.S. & Dzhishkariani L.M. (Moscow, Russia). Basque Language and Basque Toponymy: Intercultural Contacts and Standartisation	1074
Pascaud A. (Pessac, France). Minority Languages, Marginalized Languages, Minoritized Languages or Language in a Minoritial Situation? Attempted Definition and Performances	1084
Moskvitcheva S.A. & Li Xue (Moscow, Russia). Categorization of Language Nominations in the Sociolinguistic Space of the People's Republic of China	1103
Nedopekina E.M. (Moscow, Russia). Political and Social Status of "Old" Diaspora Languages in the USSR	1118
Kutsaeva M.V. (Moscow, Russia). Functions of the Chuvash Language in Moscow Region Diaspora Groups	1131
Borisova A.A. & Ilina N.Yu. (Moscow, Russia). Language Situation and Language Policy in Nigeria	1146
Balyasnikova O.V., Cherkasova G.A., Stepanova A.A. & Ufimtseva N.V. (Moscow, Russia). Ethnopsycholinguistic Aspect of Regional Language Consciousness	1161
Ches N.A. & Kovalev N.A. (Moscow, Russia). "One's Own" Versus "Alien": Development Dynamics and the Manipulative Potential of "The Cold War" Concept in the English-Political Discourse	1171
Chulkina N.L. & Koltsova N.V. (Moscow, Russia). Conflictogenety Level of the Conceptual Field "Wealth/Poverty" in The Linguistic Conciousness of Russians and the Chinese	1178
Aleksandrova O.I. (Moscow, Russia). Original and Translated Film Titles as Specific Naming Units	1191
Kryukova I.V. (Volgograd, Russia). Semantic Transformation of the Global Brands in Russian Mass Media of the Post-Soviet Period	1200
Markova E.A. & Todorova I.D. (Moscow, Russia). Variability of English and Russian Languages in the Light of the Linguistic Concept of G.P. Melnikov	1207
Sheypak S.A. (Moscow, Russia). "Realms of Memory" Reconstructed in Literary Discourse	1219
Dildabekova A.K. (Astana, Kazakhstan). Russian as the Interim Language in the Process of Transfer from Kazakh to other Languages	1228
Povalko P.Yu. (Moscow, Russia). The Structure of the Semiotic Category of Time in a Literary Text (based on novel "The Defector (Nevozvrashchenets)" by A. Kabakov)	1237

IN MEMORIAM

УДК: 821.161.1-1:801

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-777-787



СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — СТИХОВЕД И СТИХОТВОРЕЦ

О.Я. Бараш

Статья посвящена памяти Сергея Юрьевича Преображенского, лингвиста и поэта. Описываются научные интересы исследователя, рассматриваются его основные концепции в стиховедении. Кроме того, статья содержит краткую характеристику его поэтического творчества.

Ключевые слова: стиховедение, поэтика, интертекст, поэтический синтаксис, русская поэзия

И будь готов к восторгу пифии,
Не понимающей того,
Что слово, предварив событие,
Быть может, породит его.

С. Преображенский

В 2002 году по просьбе издания *Toronto Slavic Quarterly* составить автобиографическую справку, Сергей Юрьевич Преображенский написал о себе: «...выбор специальности был для меня и случайным и неслучайным — кроме русской лингвистики открывалось не так уж много поля деятельности, где власть не особенно доставала, а никаких специальных навыков, кроме навыка беглого чтения, не требовалось. Подписавшись на лингвистику, я вынужден был лет двадцать подтверждать профессиональный статус (...) — и чем больше я статус подтверждал, тем меньше мне нравилась вся эта русистика и славистика, потому что по ходу дела я обнаруживал в ней много нелепого и бестолкового, а также откровенной халтуры и просто, честно сказать, ерунды. Один человек — истинный лингвист и настоящий методолог — оказал без дураков серьезное влияние на мои научные взгляды. Его уже нет в живых, это Г.П. Мельников. Кроме того, я знал и знаю многих замечательных людей, занимающихся русистикой и славистикой. Несмотря на все перечисленные выше недостатки этого рода деятельности, он заметно расширяет круг знакомств в лучшую сторону. Мои немногочисленные научные достижения представляют собой по форме статьи — плод вынужденных усилий — и свободный полет не обремененной чрезмерной эрудицией мысли по существу. Тем не менее я смею утверждать, что, опять-таки по существу, я сейчас лучше, чем любой другой лингвопоэт (или лингвопоэтик — это уж как кому угодно), представляю себе языковую природу стиха» [Преображенский 2002 URL <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/preobrazh.shtml>].

Этот текст отражает не столько научную деятельность автора, сколько его характер, в первую очередь склонность к иронии и самоиронии. Конечно же, филологией он занимался не ради расширения круга знакомств, эрудицией обладал весьма солидной (а вот гелертерства в нем не было ни капли) и статьи писал вовсе не для подтверждения статуса: не вынося «откровенной халтуры и ерунды» у других, он и сам никогда не писал и тем более не публиковал того, что не было тщательно продумано и обоснованно, как бы свободно ни «летала» его мысль. И именно благодаря этой свободе — не предшествующей научному знанию и дисциплине, а вытекающей из них, — он создавал собственную концепцию языковой природы стиха.

Если собрать его статьи — а их свыше восьмидесяти — они едва ли составят больше одного тома. Преображенский излагал свои идеи сжато и четко, без столь любезного многим филологам «плетения словес»; он знал цену слову — как художественному, так и научному, так как был не только лингвистом, но и поэтом (отсюда и шуточное «лингвопоэт» или «лингвопоэтик» — а как на самом деле называется тот, кто занимается лингвопоэтикой — дисциплиной с границами столь же размытыми, сколь неопределенно ее название?). Собственно, Преобра-

женский занимался не лингвопоэтикой в ее общепринятом понимании, скорее стиховедением, но тоже не вполне традиционным, не тем, что ограничивает себя узкими рамками ритмико-метрического строения стиха. К тому же в этой сфере долгие годы господствует количественный, или статистический метод, имеющий дело с большими массивами текста и не объясняющий природы стихотворной речи, где, как считал Сергей Юрьевич, исключения важнее правил.

С.Ю. Преображенский в своих исследованиях поэтического текста исходил из того, что поэтический язык подлежит описанию в рамках принятых моделей описания естественных языков. Согласно его концепции стихи (или стихотворные строки) — «это не стиховедческие конструкторы, а элементы своеобразной языковой системы, разнообразно ритмически организованные сигналы, главной коммуникативной функцией которых в рамках этого поэтического языка является вторичная сегментация речи с вытекающей из этой сегментации частичной синтаксической перестройкой сообщения» [Преображенский 2015: 318]. Для описания данных единиц С. Преображенский предлагает использовать «эмический» термин — «стихема» (впервые примененный М. Кенигсбергом несколько в другом значении), пользуясь которым возможно выстроить типологию стиха, соотносимую с типологией естественных языков.

Можно, конечно, сожалеть, что создание такой типологии не было завершено С. Преображенским и что автор успел рассмотреть и охарактеризовать лишь некоторые стихемы (в частности, «шевченковский» шестисложник и логаэд адоний), однако подобная работа не может быть завершена силами одного исследователя, да это и не входило в задачи Преображенского и противоречило его научному темпераменту. Им создана теоретическая база, на которой исследования могут и, думается, должны быть продолжены, тем более что сам их предмет, у которого «разнообразные внешние признаки варьируются и сменяют друг друга в результате смены коммуникативных задач и условий коммуникации, а вовсе не некоему эстетическому произволу» [Преображенский 2007: 677—678].

Осознавая динамическую природу стихотворной речи, С. Преображенский не ограничивался рассмотрением «готовых» стихем, сформировавшихся в результате длительной традиции; его интересовали современные, находящиеся в становлении формы, а также пограничные между стихом и прозой явления (свободный и гетероморфный стих, ритмизованная и метризованная проза). Ряд его статей посвящен современным авторам, творчество которых считается прерогативой литературной критики, а не филологической науки (Г. Сапгир, Л. Губанов, А. Штыпель, Д. Веденяпин, А. Еременко, Д. Файзов), и которые были для него не только объектом исследования, но и товарищами «по цеху».

Интересы Преображенского состояли не только в изучении метрики, ритмики и поэтического синтаксиса. С самого начала научной деятельности (кандидатской диссертации на тему «Языковые средства выражения пародии в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1983), автореферат которой и сегодня широко цитируется как исследованиями творчества Салтыкова-Щедрина, так и специалистами по пародии) его глубоко занимала природа «чужого слова» в художественном тексте. Это сегодня только ленивый не пишет об интертекстах; в первой половине 80-х в литературоведении еще не было повальной моды ни на труды М.М. Бах-

тина, ни, тем более, на теории интертекстуальности, выдвинутые зарубежными учеными. Так или иначе, Преображенского и здесь интересовало не столько то, «кто кого цитирует», сколько лингвистическая природа бытования в тексте «чужого слова». Этой проблеме посвящены две его ранних статьи («К типологии межтекстовых отношений: аллюзия и цитата», 1989 и «Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация», 1991), да и в последние годы он ею не пренебрегал, отыскивая временами неожиданные «сближенья» (О. Мандельштам — С. Нельдихен, М. Гаспаров — З. Жаботинский, К. Вежиньский — Н. Заболоцкий, В. Ходасевич — Д. Веденяпин и др.).

Имя польского поэта Казимежа Вежиньского не зря попало в этот ряд. Преображенский уже в зрелом возрасте вдобавок к английскому и французскому овладел польским и украинским языками в достаточной мере, чтобы рассматривать общие парадигмы славянского стихосложения, привлекая для сравнения и западноевропейский материал. Он высоко ценил достижения польской школы стиховедения (М.Р. Майенова, А. Кулявик, М. Длуска, Л. Пщоловска), польские коллеги, в свою очередь, ценят его работы, где речь идет о Ю. Тувиме, Б. Шульце, Ч. Милоше, Т. Ружевиче. Недаром его в последнее десятилетие так часто приглашали на конференции в польские университеты, где, к сожалению, представителей этой школы почти не осталось.

Участие в конференциях — будь то в Польше, России или, скажем, Белоруссии — было для Преображенского неотъемлемой частью научной жизни, в которой, по его мнению, нередко и рождался «свободный полет» мысли. Когда сегодня слушавшие его коллеги вспоминают его «неповторимый голос» (С.Е. Ляпин в частном письме автору данной статьи), они, конечно же, имеют в виду не только тембр, действительно редкой красоты. «Его очень любили на научных конференциях — он действительно очень много знал и поэтому всегда задавал докладчикам массу вопросов. Не для того, чтобы показать, что знает, а чтобы помочь аудитории. Эти вопросы, которые вели всю конференцию, были не только вдохновенной работой, они были и самой конференцией в полном смысле этого слова, ради них многие из нас сами того не понимая приходили и приезжали туда, где ожидался Преображенский», — вспоминает профессор Ю.Б. Орлицкий [Орлицкий 2017 URL <http://kultinfo.com/novosti/2485/>]. Любили, правда, не все: Преображенский был непримирим к тем, чьи сообщения, как он считал, не имели научной ценности, и всегда высказывался (порой резко) тогда, когда другие лишь молча пожимали плечами. Столь же бурно он приветствовал любую оригинальную мысль, даже если не был с ней согласен.

Обаяние личности трудно передать на бумаге, а научные статьи позволяют судить лишь об интеллекте и эрудиции того, кто их пишет. Иное дело стихи, в которых автор «отсюду виден», как приговский милиционер, вне зависимости от того, тождественна ли, говоря по-тыняновски, личность автора авторской личности. В случае Преображенского — соответствует, точнее, почти соответствует. И снова слово Ю.Б. Орлицкому: «Как поэт Преображенский начинал в годы максимального московского поэтического кипения восьмидесятых, он знал всех,

и все его знали. Но ни с какой из возникших в те годы группировок его идентифицировать невозможно: он всегда был сам по себе, шел своим путем. Наверное, именно поэтому его читали незаслуженно скудно». Неверно здесь одно — начал он раньше. «Стихи я начал писать давно, задолго до занятий лингвистикой, и именно в этом качестве считаю себя человеком не случайным» — так завершает Сергей Преображенский приведенную в начале данной статьи автобиографическую справку. В разговорах он неоднократно отмечал, что первые стихи, за которые ему «не было стыдно», он написал в 1976 году. А вот первая его публикация состоялась двумя годами раньше, в 1974 году в журнале «Смена». По словам тогдашней сотрудницы журнала Ольги Теслер, которая и предложила их редактору отдела поэзии, «...когда была разборка номера с его стихами, то ли какой-то инструктор из ЦК комсомола, то ли наш глав. ред., которому там накрутили хвост, сказал: „Это что за декадентство такое, это что за Гиппиус, что за Игорь Северянин, за Гумилев?“ Мы рассказали Сергею, и он ответил, что для него это самая большая похвала: „вот уж, порадовали!“» [см. Бараш 2017 URL <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Barash61.pdf>].

Не удивительно, что в дальнейшие 15 лет публикаций было мало — два-три стихотворения в журналах, небольшая подборка (исковерканная цензурой) в сборнике 1985 года «Молодые поэты Москвы» — и лишь в 1990 году стихи Преображенского были в достаточном объеме представлены в антологии «Граждане ночи». Первый его поэтический сборник «Мы жили в Москве» вышел в 1997 году, второй — «0-1», в 2001-м, третий — «Календа» — в 2011-м. Выпустить четвертый он не успел, хотя написанных после 2001 года и неопубликованных стихов хватило бы не на один сборник. Преображенский публиковал стихи не очень охотно — мешал присущий его характеру перфекционизм, хотелось что-то доделывать, шлифовать, доводить «до совершенства». И никакие аргументы, что поэты обычно лишь портят готовые тексты, пытаясь их улучшить, не действовали...

Он имел неширокий, но устойчивый круг ценителей. Узость круга отчасти объясняется и малым числом публикаций, и, может быть, тем, что, по словам одного молодого поэта, «у него очень сложные стихи — нужно перестроить мозги, чтобы воспринимать их полноценно. Целая наука — понимать его стихи». И, конечно же, тем, что он, как отмечает Ю.Б. Орлицкий, всегда был сам по себе. Несмотря на личное приятие и даже дружбу с И. Ждановым, А. Парщиковым, А. Еременко, А. Сопровским, он никогда не входил в «обоймы», хотя в конце 80-х сблизился с поэтами группы (тогда уже клуба) «Московское время». Близость определялась поэтикой и отчасти тематикой стихов, общностью традиции, ориентированностью на одни и те же образцы. Однако, как рассказывал сам Преображенский, когда его решили «принять в клуб», он заявил, что в «посвящении в рыцари» не нуждается, чуть не рассорившись из-за этого с С. Гандлевским.

Клуб вскоре распался, но и не случись этого, Преображенскому скоро бы стало тесно в его рамках, так как поэтика его менялась. Неловко повторять заезженные фразы о «периодах» в творчестве того или иного поэта, но, увы, в данном случае эти периоды существуют.

Ранние (1976 — начало 1982 г.) тексты на первый взгляд кажутся бесхитростными — стихи о детстве, зарисовки московского быта, мини-баллады:

Рыжий пес ведет слепца.
Пахнет ситным, пахнет сайкой.
На спине китайской лайки
Солнца теплая пыльца...
(1978)

На самом краю котлована
Бытовки фанерный фонарь
Лучом перспективного плана
Пронзает морозную хмарь.
В потемках ночных буераков,
Где битая плитка лежит,
Блуждающий сторож с собакой
Со скуки объект сторожит...
(1981) —
И т.п.

Эта «бесхитрость» в свое время несколько обескуражила искушенного, но принадлежащего к другому (младшему) поколению критика К. Медведева, автора рецензии на первый сборник, воспринявшего его как попытку «примирить регулярное стихосложение, русскую поэтическую культуру, накопленную за два с половиной века интенсивного развития, с необходимостью современного поэта, желающего вывести хоть сколько-нибудь оригинальную мелодию, каждый раз пользоваться новыми, по случаю изобретенными приемами» [Медведев 1999, URL <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-02-13/medved.htm>]. Напомню, что слова «регулярное стихосложение», «традиция» и даже «рифма» были тогда (а для многих и остаются) почти ругательными.

Для Преображенского наличие в русских стихах, в том числе собственных, рифмы и метра (или хотя бы только метра) — не просто дань традиции, а данность, диктуемая самой природой языка, не отменяющая, однако права на существование стихов, написанных по иным правилам. Конечно, филологическая рефлексия пришла позже, во многом как следствие поэтического опыта. Так или иначе, свободный стих у Преображенского присутствует в исчезающе малых количествах, и, что интересно, немногочисленные верлибры чаще встречаются в позднем творчестве.

Нужно прожить
как выжить
чтобы в простоте
апостольской
откровенно вымолвить
тело изнашивается
быстрее
чем одежда
вторичный покров
(2013)

Так или иначе, это не было ни экспериментом, ни сознательной попыткой написать именно верлибром: форма стихотворения диктовалась той внутренней мелодией, на которую ложились слова в определенном порядке, а мелодия, образно говоря, могла принадлежать как Моцарту, так и Шнитке.

Зрелый Преображенский мог быть почти герметичным:

Слепорожденный рыцарь пера и шпаги,
Вываленный, как в пухе, в бархатной книжной пыли,
Вник в корневой источник подземной отваги.
Все твои начинанья лютиком проросли...
(«Ода кроту», 2010)

А мог впасть в «неслыханную простоту»:

В кухне плоский шорох тараканов,
Неизменный горький запах табака;
И с прогулки так еще румяна
Эта нежная прохладная щека...
(«Мария», 2014)

Вне зависимости от используемой системы стихосложения, «приключения языка» в его стихах совершаются внутри строки, на синтаксическом/синтагматическом уровне. Можно говорить, опять же, словами Ю. Тынянова, о тесноте стихового ряда, можно — вслед за О. Мандельштамом — о «пропущенных звеньях», — чем больше семантических звеньев пропущено, тем выше пресловутая трудность восприятия.

Будучи сугубо университетским человеком, Преображенский не был «университетским поэтом», если, понимать университетскую поэзию как нечто нарочито герметичное, отличающееся «самоцельной языковой игрой» и «демонстративным аутизмом» (выражение С. Чуприна). Неприятие подобной самоцельной игры и «аутизма» исключило его взаимопонимание с поколением поэтов, которому сейчас между сорока и пятьюдесятью. Но, что интересно, его стихи все лучше воспринимаются и понимаются теми, кому сегодня между двадцатью и тридцатью. Остается — и это уже наша задача — только донести до читателя то, чего он не успел донести при жизни.

В заключение — несколько стихотворений разных лет.

* * *

Серо-розовой дымкой, почти слюдяною средой,
Износившейся легочной тканью, сцежающей кровь,
Расползается небо над темной кирпичной стеной,
И под этой стеной учреждается наша любовь
На мучнистом тумане, замешенном густо в груди,
На дыханье, пробившемся сквозь толоконный раствор.
Так суди нас, о Господи, этой любовью, суди,
Потому что страшней без суда услышать приговор,
Потому что надежда одна — оглашенный реестр,
Отдаваемый в рост, обеспечит прирост души,
На копеечный бублик, на чашку кагора, на погнутый крест,
На шепот разложенья, оскребок посмертной парши.

Потому что надежда одна. И крути не крути,
В этом хлебном хвосте мы стояли за телом Твоим.
Здесь, в лабазе мучном, на слепом, на червивом пути,
На голодном пайке, как часы, отбывая режим.
20.11.87.

И. Клеху

Дрозды на подкрылках несут голубую зарю —
Тату из рябины, ресницами ставшей на горло.
В хрусталике синем дисперсно

написано: «Пью»,

Но это не тот, кто слепой,

кто с клешней,

Это то, что не вмёрло,
Как Польша, Украина,
И запад славянский, и юг:
Гортанное бульканье,

долгих шипящих дробленья.

И если у ног недостаток хождения,

и скрепы у рук —

Языки приходят в движенье.

24.07 2001

И всё

Стынет подледное ухо,
Где дотлевают сверчок.

Меченный белым пухом
На смоляной бочок,
На коломяный коврик,
На половичный стан,
На ледящий поморок,
На море-окиян,
Он, по доске прошедший,
твёрдый тяни-толкай,
Рогий, двоякоплечий,
Лег: века вековой.

2006

© Бараш О.Я.

Дата поступления: 6.09.2017

Дата приема к печати: 20.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бараш О.Я. Поэт и литература // Toronto Slavic Quarterly # 61. <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Barash61.pdf>, дата обращения 10.09.2017.
2. Медведев К. Сергей Преображенский. Мы жили в Москве. М.: Арго-Риск, 1997. <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-02-13/medved.htm>, дата обращения 10.09.2017.

3. *Орлицкий Ю.Б.* Его любили // Памяти Сергея Преображенского. <http://kultinfo.com/novosti/2485/>, дата обращения 10.09.2017.
4. *Преображенский С.Ю.* Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2015.
5. *Преображенский С.Ю.* Стихотворный синтаксис в свете лингвистической типологии // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20—23 марта 2007 г. Труды и материалы. М., МГУ, 2007.
6. *Преображенский С.Ю.* Verses // *Toronto Slavic Quarterly* #1 (Summer 2002), <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/preobrazh.shtml>, дата обращения 10.09.2017.

УДК: 821.161.1-1:801

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-777-787

SERGEY YURIEVICH PREOBRAZHENSKY, SCHOLAR AND AUTHOR OF VERSES

Olga Ya. Barash

Abstract. The article is written in memoria of Sergey Yurievich Preobrazhensky, linguist and poet. It tackles upon the scientific interests of the scholar, deals with his principal concepts in prosody and other spheres of poetics. Besides, It also contains a brief characteristics and examples of his own poetic work.

Key words: prosody, poetics, intertext, poetic syntax, Russian poetry

REFERENCES

1. Barash, O.Ya. (2007). Poet and Literature, *Toronto Slavic Quarterly* # 61. <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Barash61.pdf> (accessed: 10.09.2017). (In Russ.).
2. Medvedev, K. (1997). Sergey Preobrazhensky. We Lived in Moscow. Moscow: Argo-Risk. <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-02-13/medved.htm>, (accessed: 10.09.2017). (In Russ.).
3. Orlicskij, Yu.B. (2017). He was loved In Memory *S.Yu. Preobrazhensky*. <http://kultinfo.com/novosti/2485/> (accessed: 10.09.2017). (In Russ.).
4. Preobrazhensky, S.Yu. (2015). System Analysis of Verse. In: Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhensky S.Yu. & Rybakov M.A. *Systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: Izdatel'skij dom JaSK. (In Russ.).
5. Preobrazhensky, S.Yu. (2007). Poetic Syntax in the light of Linguistic Typology In *III International Congress of Russian Language Researchers "Russian Language: Historical Fates and the Present"*, Moscow, Moscow State University. M.V. Lomonosov, March, 20—23, 2007 Proceedings and materials. (In Russ.).
6. Preobrazhensky S.Yu. (2002). Verses, *Toronto Slavic Quarterly* #1 (Summer 2002), <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/preobrazh.shtml>. (accessed: 10.09.2017).

С.Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Избранные работы (библиография)

1. *К типологии межтекстовых отношений: аллюзия и цитата* // Русская альтернативная поэзия XX века. М., 1989. С. 43—47.
2. Функциональные возможности ритмико-синтаксических клише как суперсегментного синтаксического средства (на материале орнаментальной прозы А. Белого) // Межуровневые связи в системе языка. М., 1989. С. 76—86.

3. Методология лингвистики. Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1989. 84 с. (в соавторстве с Г.П. Мельниковым, 2-е изд. 2015).
4. Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация // Проблемы семантики в аспекте преподавания русского языка как иностранного. М.: Изд-во УДН, 1991. С. 107—112.
5. Функционально-доминантная модель эволюции художественных систем: от идиолекта к идиостилю (в соавторстве с О.И. Северской) // Поэтика и стилистика. 1988—1990. М.: Наука, 1991. С. 146—156.
6. «Метонимические» прилагательные у Мандельштама в свете «тесноты стихового ряда» // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28—29 декабря 1998 г.). М., 2001. 316 с. С. 197—205.
7. Фонетическая теория А. Потебни и новые подходы к русскому стиху (в соавторстве с О.Я. Бараш) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. N 632: Філологія. Вип. 42. Харків, 2004. С. 164—167.
8. Протопредложение и протословосочетание в русском стихе: парадоксы двусловных клише // Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Вып. 1. М., 2010. С. 35—40.
9. Эмические единицы и лингвистика стиха (о статусе первого пеона) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 34—41.
10. Автономизация стиха: идиостиль И.В. Коневского и эволюция русского стихотворного синтаксиса // Стратегии исследования языковых единиц. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2012. С. 61—66.
11. «Коломыйковый стих»: версификационный интернационализм (Украина — Польша — Болгария — Россия) и его общеславянская синтаксическая база // W kręgu problemów antropologii literatury: W stronę antropologii niezwykłości. Научный редактор В. Супа. Материалы научной конференции. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, 2013. С. 457—471.
12. Славянский двусловный стих: пограничье силлабики и силлаботоники // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразаўства, культуралогія. Віцебск, 2013. С. 370—373.
13. Авторская программа читательской рецепции: история отсроченной рифмы (Т.С. Элиот — М. Йогансен — Я. Сатуновский — Г. Сапгир) // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе. Гродно: Изд-во ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. С. 264—272.
14. Стихема: умножение сущностей или концепт когнитивного стиховедения // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Статьи и материалы Седьмой Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 7—9.
15. Логаэд адоний: славянский ритмико-синтаксический инвариант // Сборник серии Acta Polono-Ruthenica, т. XIX. Olsztyn: Wyd. UWM, 2015. С. 251—261.
16. Рецепция метризованной прозы: сигналы переключения сегментации // Русская филология: Ученые записки СмолГУ, т. 16. Смоленск: СмолГУ, 2015. С. 237—243.
17. Системная лингвистика Г.П. Мельникова: воспоминания о будущем? // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани нервного срыва. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2015. В 3-х тт. Т. 2. С. 59—68.
18. «Сеновал» О.Э. Мандельштама: ритмика, рифма, интонация в контексте поэтической полемики // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. Ярославль: РИО ЯГПУ. С. 11—17.

19. Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 303—376.
20. Три канона русского верлибра: переводческий, писательский и филологический // Проблемы каноничности русской литературы: теория, эволюция, перевод. Краков: Изд. Ягеллонского ун-та, 2017. С. 125—140.
21. «Футбол»: версии поэтической концептуализации (О. Мандельштам, В. Набоков, Н. Заболоцкий, К. Вежиньский, А. Слисаренко, Н. Отрада) // Человек в пространстве языка. № 9. Периодический сборник научных статей. Каунас, 2017. С. 273—281.



ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК: 821.161.1.0

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-788-793

ПРОБЛЕМА МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ: АЛЛЮЗИЯ И ЦИТАЦИЯ

С.Ю. Преображенский

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Эта статья С.Ю. Преображенского, содержащая лингвистический анализ таких явлений, как аллюзия и цитата в художественном тексте, была опубликована в 1991 году в сборнике «Проблемы семантики в аспекте преподавания русского языка как иностранного» (М., Изд-во УДН, 1991, тираж 300 экз.). Поскольку автор высоко оценивал и считал актуальной эту статью, предлагаем ее читателям настоящего выпуска «Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика».

Ключевые слова: аллюзия, цитата, лингвистический анализ, художественный текст

Общепризнанно, что методика анализа художественных текстов складывается как бы из двух этапов. При этом сам комплексный анализ, предполагающий конечный выход в целостную эстетическую систему художественного произведения, связывающий языковые особенности текста с его образным и идейным планом (триада, репрезентирующая «образ автора» — В.В. Виноградов), является уже завершающей стадией. Первым же, до известной степени подготовительным этапом, служит разноаспектное лингвистическое комментирование, представляющее собой «разъяснение тех его (отрывка или текста — С.П.) „темных мест“, которые особенно сильно мешают его правильному пониманию и восприятию как определенной информации и образной системы» [Шанский 1983: 57]. Принято считать, что лингвистическое комментирование сосредоточено в основном на объяснении собственно языковых моментов, т.е. необычного употребления грамматических конструкций и т.п., вкраплений внелитературных единиц (диалектизм, профессионализмов и т.д.), авторского языкового слово- и формотворчества.

На стадии намеренного использования языкового материала с целью создания эстетического эффекта (поэтических приемов) лингвистическое комментирование как бы исчерпывается и начинается уже лингвопоэтический анализ, включающий в себя элементы лингвистической и традиционной, литературоведческой поэтики.

Именно поэтому проблема описания различных видов межтекстовых отношений, отсылок в одном тексте к другому художественному тексту не включается обыкновенно в число таких, которые могут быть решены в рамках лингвистического комментирования. Методисты склонны скорее считать, что межтекстовые отношения, выражаемы с помощью аллюзивных (реминисцентных), пародийных отсылок, следует описывать как общую фоновую информацию, необходимый запас культурных знаний, требующийся для адекватного понимания данного текста. Поэтому межтекстовые отношения занимают обыкновенное место в системе лингвострановедческого или дополнительного общекультурного (базирующегося на литературоведческих принципах) комментария.

Между тем представляется, что механизм установления некоторых видов межтекстовых отношений имеет непосредственную связь с собственно языковым уровнем организации текста и может быть достаточно удачно и экономно описан на основе аппарата, которым описывается семантика языковых высказываний. Речь идет в первую очередь о цитации и аллюзии, в отношении которых применение этого аппарата может даже привести к установлению более четких критериев разграничения.

В настоящий момент термины аллюзия и цитата употребляются, конечно, в разных значениях, однако общая тенденция к синонимии весьма отчетливо выражена. Очень характерно, например, толкование, дающееся в последнем издании «Словаря иностранных слов», отражающее, как думается, общее, не специализированное по филологическим отраслям понимание содержания указанной терминологической пары (см. [Словарь иностранных слов 1987: 28; 558]).

Аллюзия предстает как всякое указание на содержание какого-либо текста, содержащееся в данном, а цитата — как дословное включение в данный текст любого фрагмента какого-либо иного текста. Таким образом, речь идет о родо-видовых отношениях, и цитата есть вид аллюзии. Между тем едва ли это так. Первый вопрос, который следует поставить: действительно ли аллюзия обязательно содержательна? В многочисленных англоязычных словарях по поэтике и литературоведению (а именно этой традиции мы обязаны широким употреблением слова аллюзия) трактовка термина не включает в себя отнесение к содержанию как обязательный признак, что, по-видимому, разумно, ибо, если не принять требование отнесения к содержанию, то не вполне ясно, как поступать с классическим, казалось бы, случае аллюзии — употреблением имен собственных и даже их переименованием (ср.: Молчалин 1-й и Молчалин 2-й в «Дневнике провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина).

По отношению к определенности термина «цитация» возникает еще больше проблем. Можно указать на тот факт, что в сборнике «Знак. Язык. Культура», вышедшем на английском языке в 1970 году, было помещено несколько статей по цитате, среди которых были, например, работы Б.С. Шварцкопфа и А. Вежбицкой, совершенно по-разному использовавших этот термин. Вслед за А. Вежбицкой цитациями вообще стали называть элементы, представляющие некоторую оппозицию дескрипциям Б. Рассела, и, таким образом, вопрос о цитате переместился в сферу компетенции теории референции, что и было отражено в публикации

названной статьи и XIII выпуске «Нового в зарубежной лингвистике». В той же теории референции, однако, сохранилось представление о цитате в предельно широкой трактовке, выдвинутое Г. Фреге: «Слова в прямой речи — это знаки знаков» [цит. по Золян 1988: 22]. В данном случае оказывается, что аллюзия в широкой трактовке и цитата в широкой трактовке смыкаются. Один из советских литературоведов, А.Г. Левинтон, в своих ранних исследованиях, пытаясь определить цитату как факт отношения между художественными текстами, считал цитатным всякое подключение к содержательному плану данного текста содержательного плана, «изъятая» из другого целостного текста. Опять мы имеем дело с совпадением терминов *цитация* и *аллюзия*, но уже в их наиболее узком значении.

Один из подходов к описанию содержательных структур — применение аппарата семантики высказывания, причем для художественных текстов этот аппарат наиболее целесообразно разворачивать в модификации «логики возможных миров». При таком подходе содержательность можно рассматривать как интерпретируемость высказывания относительно истинности/ложности в одном из «возможных миров».

Для содержательности в таком случае необходимым становится наличие пропозициональности у некоторой языковой формы. Принимая схему, согласно которой единичные термы могут быть отмечены только фактом существования или всеобщности, тогда как пропозиции интерпретируемы с точки зрения смысла, можно переходить к определению цитаты и аллюзии как форм реализации межтекстовых связей у художественных текстов.

Как было отмечено, предельным случаем аллюзии является указание на текст-источник в форме включения в данный текст имен собственных. Имена собственные представляют собой действительно полный аналог единичных термов. Поэтому фраза: «Я, конечно допускаю, что ваш образ жизни похож на жизнь лейтенанта Глана, но тогда кто же ваша Эдварда?» (В. Солоухин) может быть в сущности проинтерпретирована так: в некоем возможном мире существовали Глан и Эдварда, этот возможный мир предполагается известным получателю информации, формулируется утверждение, базирующееся на факте существования референтов указанных единичных термов. Таким образом, в предельном случае в тексте может содержаться указание лишь на то, что некто (некто) существовало в некоем возможном мире другого текста. Практически это означает указание на то, что существовал самый возможный мир текста, к которому осуществляется отсылка.

Есть основания полагать, что взятая в наиболее широком значении аллюзия является именно такой отсылкой к факту существования некоторого возможного мира. Поэтому в пределе аллюзия представляет собой «переселение» единичных текстов в данный с целью заставить читателя соотносить их возможные миры целиком, как обобщенные логические пространства. Создается то, что можно было бы назвать эффектом «заселения» текста:

«Принц и нищий, Макс и Мориц, Бобус и Бубус, Том Сойер и Гек Финн, Оливер Твист, Маленькие женщины и Маленькие мужчины, они же, ставшие взрослыми, дети капитана Гранта, маленький лорд Фаунтлерой, двенадцать егерей, ...

семь мудрых школяров 33 богатыря, племянники дядьки Черномора, Последний день Помпеи, 1001 ночь вышли встречать нас... (Л. Кассиль).

Вообще при аллюзивном указании любое имя, слово, взятое из текста-источника, выступает в своей единичности в функции термина и выполняет задачу указать на логическое пространство текста-источника, вне зависимости от того, какова его собственная семантическая природа. Любой знак, используемый аллюзивно, оказывается потенциально напряженным в плане обращения в имя собственное, знак текста, выполняющий в основном коннотативную функцию (т.е. знака знака).

Иное дело цитата. Для художественного текста, очевидно, малопродуктивны ограничения, налагаемые на представление о содержании цитаты в концепции, например, А. Вежбицкой. Представляется более перспективным рассматривать цитату в оппозиции к аллюзии. Цитата, в отличие от аллюзии, стремится отнестись *высказывание*, обладающее пропозицией, интерпретируемой относительно некоторого возможного мира, с другим высказыванием, с которым данное включается как одно из пропозициональных суждений в свернутой форме. При цитате вхождение обоих высказываний (данного и нового) в один возможный мир обеспечивает и совмещение данного и нового возможного мира: «Это он в переполненном зале // спал ту черную розу в бокале, // или все это было сном?» (А. Ахматова).

При анализе цитат встает вопрос об условии сохранения первоначальной оппозиции, т.е. возможном минимуме включаемых в новый текст из цитируемого знаков, на основе которых читатель может восстановить первоначальную пропозицию.

С этой точки зрения удобно активизировать терминологическое сочетание, предложенное в свое время И.И. Ревзиным для описания пародийных трансформаций: «центры соответствия» (т.е. такие компоненты, в данном случае цитатного текста, которые буквально воспроизводят компоненты текста-источника и в то же время наиболее значительно изменяют свое семантическое наполнение во включающем тексте. Начальная строфа стихотворения Ф. Глинки «Песнь узника» насчитывает, по крайней мере, 4 известных в литературе цитатных интерпретаций.

Романсный вариант в качестве центра соответствия имеет слово *луна*, вокруг которого и совершается смысловой поворот, создающий содержательную разницу в практически идентичных по лексическому наполнению текстах, очень большую роль играет, конечно, и смена определения при слове *луна*, переводящая его из символического плана у Ф. Глинки в фактуальный в романсе:

«Не слышно шуму городского, // В заневских башнях тишина! // И на штыке у часового // Горит полночная луна!» (Ф. Глинка). «Не слышно шуму городского, // На невских башнях тишина, // И на штыке у часового // Горит двурога луна!» (Романс).

При уменьшении объема массива воспроизводимого текста-источника в тексте-оригинале увеличивается число центров соответствия и происходят большие семантические изменения в центрах. Тот же текст романса подан в пародической цитации А. Блока так: «Не слышно шуму городского, // Над невской башней тишина! // И больше нет городского — // Гуляй, ребята, без вина!» «Шум город-

ской» и «тишина» становятся здесь центрами соответствия: спящий город превращается в город вымерший. Использование в «Двенадцати» именно романса вне стихотворения Ф. Глинки позволяет поставить вопрос о цитациях первого, второго, третьего и т.д. порядков и о превращении цитируемого в цитатный архетип. Очевидно, что, во-первых, возможны такие случаи, когда в цитату включается не только пропозиция первоначального текста источника, но и текст — его последующая цитация. Число центров соответствия и их концентрация в тексте в таком случае увеличивается, что позволяет сохранить возможность восстановления пропозиций. Например, строфа Н. Заболоцкого из стихотворения «Часовой» цитирует явно два текста — романса и А. Блока: «На карауле ночь густеет, // Стоит, как башня, часовой. // В его глазах одервенелых // Четырехгранный вьется штык». Однако для доказательства того, что это цитация второго порядка, связанная с текстом А. Блока более тесной связью, чем форма числа у слова «башня» (один из центров соответствия), требуется обращение к контексту поэмы и стихотворения и обнаружение дополнительных центров, подкрепляющих цитату (например, слова «ночь», которого нет в цитируемой строфе А. Блока, но которое связывает таксты Н. Заболоцкого и А. Блока).

Очевидно, что цитата, трансформированная во многих текстах в различной степени, становится наконец архетипической цитатой, замкнутой в возможном мире не всего текста, из которого она извлечена, а в возможном мире того минимального объема высказывания, в котором она берется как цитата.

Итак, в данной статье была предложена попытка разграничить понимание аллюзии и цитаты с точки зрения описания их семантики в рамках принятых моделей описания семантики естественных языков.

Отношение к цитатам и аллюзиям как к содержательным компонентам текста, не просто отсылочным, но отсылочным по-своему, специфически направленным на текст-источник, по-разному связанным с его семантикой, кажется важным для практики лингвистического комментирования, ибо по своему статусу и аппарату описания аллюзия и цитата могут быть рассмотрены как языковые явления.

Вычленение «центров соответствия» в цитатах вполне эквивалентно обычному анализу тематических полей слов в художественных текстах, принципов создания образности, выразительности художественного текста и может быть рекомендуемо как особый прием лингвистического комментария текста, содержащего художественные цитаты.

Учет межтекстовых отношений бесспорно оказывается важным для достижения адекватного понимания содержания текста при работе с ним в аудитории, при обучении навыкам художественного текста. С этой точки зрения, необходимо иметь точное представление о механизмах формирования аллюзии и цитаты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Золян С.Т.* Поэтическая семантика и семантико-композиционная организация поэтического текста: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ереван, 1988.
2. *Шанский Н.М.* Лингвистический анализ и лингвистическое комментирование художественного текста // Русский язык в школе. 1983. № 3.

УДК: 821.161.1.0

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-788-793

**THE PROBLEM OF INTER-TEXTILE RELATIONS
IN THE LINGUISTIC INTERPRETATION OF ARTISTIC TEXTS:
ALLUSIA AND CITATION**

S.Yu. Preobrazhensky

RUDN University

Mikhlukho-Maklaya str., 10/2A, Moscow, Russia, 117198

REFERENCES

1. Zolyan, S.T. (1988). Poetic Semantics and Semantic and Compositional Organization of the Poetic Text. [Dissertation]. (In Russ.).
2. Shanskiy, N.M. (1983). Linguistic Analysis and Linguistic commenting of a Fiction Text. *Russian language at school*, 3. (In Russ.).

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК: 811.111'255.4:821.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810

ПУШКИНСКИЙ «АРИОН» НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛНОЦЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ

М.Р. Ненарокова

Институт мировой литературы им. М. Горького РАН
ул. Поварская 25а, г. Москва, Россия, 121069

В статье с точки зрения полноценности перевода рассматриваются десять переводов стихотворения А.С. Пушкина «Арион» на английский язык, выполненных с 1930 по 2016 г. Анализируется передача как формы, так и содержания оригинала. Переводы выполнены как русскоязычными, так и англоязычными переводчиками. Большинство переводчиков стремится сохранить размер, рифму и количество строк подлинника, однако в XXI в. возникла тенденция отказываться от сохранения формы в пользу как можно более точной передачи содержания. При этом переводчики заимствуют художественные средства национальной культуры, например, аллитерацию. Сложности передачи содержания проявляются на лексическом уровне. Переводчикам не всегда удается подобрать точные лексические соответствия словам оригинала в своем родном языке. Ошибки в словоупотреблении приводят иногда к комическому эффекту.

Ключевые слова: полноценность перевода, А.С. Пушкин, «Арион», форма, содержание, стиль, размер, рифма, аллитерация, лексический эквивалент

ВВЕДЕНИЕ

Адекватность, или полноценность, перевода традиционно понимается как необходимость не только правильно, точно и полно передать содержание подлинника со всеми его художественными особенностями, но и воссоздать средствами принимающего языка форму произведения, учитывая его стиль, грамматику, лексику [Нелюбин 2003: 14]. Особенно труден перевод поэтических текстов, ибо переводчик связан необходимостью передавать такие особенности стихотворной формы, как размер и рифма. Случай А.С. Пушкина осложняется еще и тем, что его слава «солнца русской поэзии» обязывает переводчиков, обратившихся к его творчеству, максимально сохранять и форму, и содержание его произведений, а это подчас ведет к искажению смысла и формы. Чаще всего эти искажения можно заметить на лексическом уровне. Их причина часто коренится в недостаточном знании или невнимании переводчика к значению слова, английского или русского, к его бытованию в языке. В результате англоязычная читательская аудитория не получает верного представления о творчестве великого русского поэта. По меткому выражению Л.Г. Лейтона, «„Настоящий Пушкин“ уже много лет как бы „играет в прятки“ с зарубежными читателями» [Лейтон 1999: 139].

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ ПУШКИНА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Впервые имя Пушкина стало известно англичанам в 1821 году [Лейтон 1999: 135], через три года, в 1824 г., появились первые переводы его произведений на английский язык [Лейтон 1999: 135], а к концу 20-х гг. XIX в. он был известен в Британии как ведущий русский поэт. Его называли «русским Байроном» [Лейтон 1999: 139], и не без причины: в 1830 г. английская читающая публика познакомилась с отрывками «восточной» поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан», которая была опубликована в «Новом ежемесячном журнале» в переводе известного русского поэта И.И. Козлова [Берков 1937: 227]. Интересно, что и знакомство американцев с творчеством Пушкина началось с этой же поэмы. В 1849 г. «Бахчисарайский фонтан» был полностью переведен и опубликован американским коммерсантом и литератором Уильямом Д. Льюисом [Лейтон 1999: 35—136]. Этот перевод считается образцовым до сих пор.

Иван Козлов был не единственным русским поэтом, переводившим Пушкина на английский язык. Следует упомянуть и талантливую поэтессу и переводчицу Анну Давыдовну Абамелек-Баратынскую (1814—1889), в совершенстве знавшую несколько языков, в том числе и английский, и писавшую под псевдонимом *The Russian Lady* [Липгарт 1999: 7].

Первые сборники переводов Пушкина появились в 1835 г. Джордж Борроу издал две книги: сборник баллад «Таргум», главное место в котором было отведено произведениям Пушкина (туда вошли, в частности, такие известные произведения, как «Черная шаль» и «Песня Земфиры», отрывок из поэмы «Цыганы» [Берков 1937: 227]), и «Талисман», составленный только из переводов пушкинских стихотворений и названный по одному из них [Липгарт 1999: 7; Лейтон 1999: 135].

В популяризации поэзии Пушкина большую роль сыграли переводчики, жившие в иноязычной среде. Кроме упомянутого выше Джорджа Борроу, в XIX в. в России жили и работали еще два замечательных переводчика — Томас Бодж Шоу, опубликовавший в 1845 г. 21 перевод стихотворений Пушкина в эдинбургском литературном журнале [Лейтон 1999: 135], и Чарльз Эдуард Турнер, автор сборника «Переводы из Пушкина» (1899), куда вошли многочисленные стихотворения, поэмы, драматические произведения, фрагменты из поэмы «Евгений Онегин» [Лейтон 1999: 136]. Примечательно, что оба эти переводчика были еще и педагогами: каждый из них в свое время преподавал в Царскосельском лицее и Петербургском университете [Лейтон 1999: 135, 136]. С другой стороны, русские, жившие за рубежом, также переводили поэзию Пушкина, например, Иван Панин, издавший собрание стихотворений поэта в 1888 году в Бостоне [Липгарт 1999: 9].

На протяжении XX в. огромное значение для популяризации творчества Пушкина за пределами России имела деятельность русских эмигрантов. Пожалуй, наиболее известен среди переводчиков-эмигрантов В.В. Набоков, издавший в 40-х гг. XX в. поэтическую антологию, куда вошли и переводы стихотворений Пушкина [Лейтон 1999: 136], а в 1965 г. опубликовавший свой комментированный перевод «Евгения Онегина». Менее известны американский литературовед и пе-

реводчик Аврам Ярмолинский, родившийся в украинском Гайсине и уехавший за рубеж еще до Октябрьской революции, и его жена Бэбетт Дейч, поэтесса и литературный критик. Они составили сборник «Поэзия, проза и драмы Александра Пушкина» (1936), до сих пор пользующийся заслуженной славой. В этом сборнике был опубликован перевод пушкинского «Ариона», принадлежащий перу Бэбетт Дейч.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ «АРИОНА»

Судьба «Ариона», одного из самых таинственных стихотворений Пушкина, складывалась непросто. Первый вариант стихотворения был написан 16 июля 1827 г. [Глебов 1941: 299], после посещения поэтом тайной могилы пяти казненных декабристов [Глухов 1998: 179]. Лишь через три года «Арион» был опубликован — без имени автора в № 43 «Литературной газеты» от 30 июля 1830 г., а еще через год, в 1831 г., в сборнике «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов» [Глебов 1941: 299—300]. Видимо, античный сюжет позволял цензорам рассматривать «Арион» как продолжение цикла «крымских» стихотворений 1826 г., представлявших собой «подражания древним» [Смирнов 1988: 67]. Больше при жизни Пушкина «Арион» не публиковался, не включался в собрания его сочинений и поэтические антологии. Только после Октябрьской революции это стихотворение, включенное в школьную программу, стало известно широким читательским массам. «Арион» относили к «декабристским» стихам Пушкина и обычно рассматривали как вызов непокорного поэта царскому правительству, проявление его верности делу декабристов [Городецкий 1970: 110]. Это понимание «Ариона» было воспринято и англоязычными переводчиками, первым из которых был Робин Лэмпсон: «Это стихотворение выражает радость по поводу того, что Пушкин избежал мщения правительственных кругов мыслящим людям [России] после декабрьского восстания 1825 года» [Lampson 1930: 206]. Этот же взгляд на «Арион» сохраняется и в наши дни: в 2016 г. переводчик-аноним в комментариях к своей версии стихотворения пишет, что Пушкин, «как многие молодые люди, горячо отстаивал мнение о необходимости улучшения общественного строя ... Пушкин знал, что его стихотворение можно прочитать, имея в виду политический подтекст» [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>]. Более современное прочтение «Ариона» — благодарность за «чудесное, промыслительное» [Сурат 1999: 125] спасение от гибели, причем причиной таинственного спасения становится поэтический дар [Сурат, Бочаров 2002: 69] — пока, как кажется, не получило широкого распространения.

Как уже говорилось выше, первый перевод «Ариона», сделанный американским литератором Робинотом Лэмпсоном (1900—1978), появился в 1930 г., второй [Pushkin 1936: 63], принадлежащий Бэбетт Дейч (1895—1982), увидел свет в 1936 г. Советская переводчица Ирина Железнова (1924—1987) включила перевод «Ариона» в двухтомное издание произведений Пушкина [Zheleznova <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>], вышедшее в 1974 г. Чуть позже, в 1983 г., издательство Penguin выпустило сборник переводов *The Bronze Horseman*

and Other Poems литератора и переводчика Дональда Майкла Томаса (род. 1935), известного как Д.М. Томас, куда входил и перевод «Ариона» [Thomas <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>].

Публикация остальных переводов этого стихотворения пришлась на рубеж XX—XXI в., хотя точные даты выполнения переводов установить по большей части не удалось. В марте 1997 г. переводчик Евгений Бонвер (1937—2008) опубликовал новую версию «Ариона» на своем сайте [Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>]. В изданиях 1999 г., выпущенных к 200-летию Пушкина, появились переводы «Ариона», сделанные Уолтером Меем [Pushkin 1999: 110], переводчиком не только русской, но и белорусской и среднеазиатской поэзии, исследовательская и переводческая деятельность которого началась в середине 60-х гг. XX в. и продолжалась до начала XXI в., и Шеймасом Хини [Feinstein 1999: 83] (1939—2013), причем его же перевод с комментариями переводчицы Ольги Андреевой-Карлайл (род. 1930) был переиздан отдельной книгой в 2002 г. В том же, 2002-м, году в трехтомнике *The complete works of Alexander Pushkin* находим перевод [Pushkin-3 2002: 46—47] Алана Майерса (1933—2010). Еще один перевод [Лоуэнфельд, 2009:299], сделанный Джулианом Лоуэнфельдом (род. 1963), включен в авторский двуязычный сборник этого переводчика (2009). Как уже упоминалось, последний по времени перевод этого стихотворения появился в сентябре 2016 г. [Аноним <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation/>].

«АРИОН»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ФОРМЫ

Практически все обращавшиеся к «Ариону» переводчики поставили себе целью воссоздать форму оригинала, сделать эквilinearный, эквиритмичный перевод: текст из пятнадцати строк, написанный четырехстопным ямбом. Большинство из них преуспело в этом. Вот несколько примеров. Первая строка стихотворения «Нас было много на челне» передается, например, так: *We numbered many in the ship* [Pushkin 1936: 63] (Дейч), *A goodly number shipped as crew* [Pushkin-3 2002: 46—47] (Майерс), *We numbered many on the boat* [Pushkin 1999: 110] (Мей), *We sailed in numerous company* [Thomas <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>] (Томас). У всех переводчиков сохраняется здесь пушкинский ритм, если не общее звучание. Другое дело вторая строка: «Иные парус напрягали». С одной стороны, имеем, с разной степенью благозвучности, строки, соответствующие по ритму оригиналу (четырёхстопный каталектический ямб): *Some spread the sails, some pulled, together* [Pushkin 1936: 63] (Дейч), *While some of us broad sails were spanning* [Лоуэнфельд 2009: 299] (Лоуэнфельд), *Some helped to set the sail and trim it* [Pushkin-3 2002: 46—47] (Алан Майерс), *Some framed a sail for windy weather* [Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>] (Бонвер). С другой, находим четырехстопный ямб без лишних слогов: *Some straining on the sails were bent* [Pushkin 1999: 110] (Мей), *Some of us up tightening sail* [Feinstein 1999: 83] (Хини). Тем не менее, очевидно, что переводчики стремились сохранить ритм пушкинского стихотворения.

Переводчикам надо было помнить, что они воссоздают на другом языке поэтический текст, и, следовательно, он должен быть благозвучен. Не всегда благозвучия удается достигнуть. Практически в каждом переводе встречается хотя бы одна неудачная в звуковом отношении строка. Так, например, скопления согласных встречаются у Алана Майерса: *Some helped to set the sail and trim it, / While others, straining to the limit, / Dug deep the oars* [Pushkin-3 2002: 46—47]. При том что Ирине Железновой удалось сделать весьма благозвучный перевод, последняя строка оказалась не такой певучей: *Old, well loved songs in relish singing* [Zheleznova; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>]. Хотя в нижеследующих строках перевода Д.М. Томаса даже присутствует аллитерация, и ему не удалось избежать некоторой негармоничности звучания: *Our skillful helmsman clasped the rudder / To guide the vessel's thrust* [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>].

Наиболее последовательно такое средство достижения благозвучия, как аллитерация, было использовано Евгением Бонвером. В его варианте «Ариона» находим аллитерацию на s/sk, m, w, th: ... *Some framed a sail for windy weather, / The others strongly and together / Moved oars. In silence sunk, / Keeping a rudder, strong and clever, / The skipper drove the heavy skiff...* [Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>].

Совершенно особый случай представляет собой перевод анонима, датирующийся 2016 г. Его можно считать экспериментальным. Переводчик сознательно отступает от описанной им самим в примечаниях формы пушкинского стихотворения («Стихотворение Пушкина состоит из 15 строк, со схемой рифмовки ABBA CDDDC EE FGGF. Это вариант сонетной формы») [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>] и открыто заявляет: «Я пробую иной подход» [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>].

Отступая от привычной, строгой формы, скелет которой составляют размер, рифма и число строк, переводчик «использует аллитерацию, чтобы обеспечить ритмическую структуру стихотворения» [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>]. Его выбор вполне обоснован: «В раннеанглийском языке существовала традиция аллитерационной поэзии» [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>].

По мнению переводчика, использование им древних художественных средств своей культуры становится «проявлением уважения к Ариону и Пушкину» [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>]. С другой стороны, сам характер и жизнь древнегреческого певца, как считает аноним, предполагают гораздо большую свободу выражения, чем это может позволить жесткая сонетная форма: «Арион был поэтом, который ввел в употребление поэтическую форму дифирамба, хоровод и пение, исполнявшиеся в честь бога вина Диониса. Рассказывая историю Ариона, не стоит сковывать себя правилами написания сонета» [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>].

В своих заметках к переводу аноним отмечал, что он попытался при помощи аллитерации и перемены ритма воссоздать то «тишину» моря, то «шторм», то радость спасения. Скольжение корабля по морской глади, удары тяжелых весел о воду передается при помощи аллитерации на s/str и p: *Some strained the sturdy*

sail, / others set pace with powerful strokes... [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>], причем погружение весел «вглубь» передается долгим звуком [ɔ:], обычно вызывающим ассоциацией с темными цветами, с темнотой, а, видимо, приближение весла к поверхности воды, к свету, обозначается звуком [i:]: *oars drawing deep* [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>]. Ритм резко меняется, когда штиль сменяется «вихрем шумным», становится отрывистым: *Wild waves suddenly stopped our song ... / All hands and helmsman were lost!* Аллитерация, с одной стороны, подчеркивает единство морской стихии в его вражде против человека (*wild waves*) и его мощное действие (*suddenly stopped our song*), с другой, указывает на гибель команды, находившейся на корабле и отличавшейся от певца (*hands and helmsman*). В двух последних строках радость спасшегося поэта выражается в появлении сочетаний ямбов, которые становятся символом восторженного танца: *I dance, chant songs of deliverance / and dry my garments in the sun...* [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>], однако возвращения к размеру подлинника не происходит, поскольку переводчик не имел такого намерения.

Как кажется, эксперимент анонима можно назвать удавшимся. Он смог передать в своем переводе добавочные смыслы стихотворения или, по крайней мере, те, которые он ощутил, читая оригинал, при помощи ритма и звукописи.

СТИЛЬ И ЯЗЫК ПЕРЕВОДОВ «АРИОНА»

Полноценное воссоздание литературного произведения невозможно без внимательного подбора лексических соответствий, во многом определяющегося стилем оригинала. В тексте «Ариона» можно выделить несколько ключевых моментов, правильный или неправильный перевод которых влияет на образы, возникающие перед мысленным взором читателя.

Первое из ключевых слов стихотворения встречаем в самом его начале: «Нас было много на *челне...*». Анализ переводов показывает, что пушкинский «челн» не был понят однозначно. В XIX в. первым значением существительного «челн» было «небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева», но как поэтизм «челн» означал небольшой корабль вообще. Синонимом «челна» была «ладья» — «старинное небольшое парусно-гребное судно», а разновидностью его — «струг» — «старинное речное деревянное плоскодонное парусно-гребное судно». И «ладья», и «струг» в зависимости от размеров могли принять на борт от 20 до 40 человек.

«Челн» переводился как *ship* (Дейч), *boat* (Уолтер Мей, Шеймас Хини, Железнава), *bark* (аноним, Бонвер), *craft* (Лэмпсон), *skiff* (Лоуэнфельд). Кроме того, два переводчика — Алан Майерс и Д.М. Томас — производят замену частей речи: Майерс переформулирует строку: *A goodly number shipped as crew...* [Pushkin-3 2002: 46—47] — и использует нейтральный глагол *ship* — «посылать или перевозить что-то/кого-то при помощи корабля (*ship*)», а Томас, выбирая глагол *sail* (*We sailed in numerous company...* [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>]) делает акцент на том, что корабль был парусным. Как видим, большинство пере-

водчиков выбирает нейтральные слова: *ship* — «корабль, большое судно, которое перевозит людей или грузы по морю» и *boat* — «судно меньшего размера, чем корабль, которое передвигается по воде, движется при помощи весел, парусов; любой корабль». Стилль перевода меняется, становясь из высокого нейтральным, однако при этом дополнительные оттенки значений не привносятся.

Аноним обратился к многозначному существительному *bark*, которое означает «маленький корабль», характеризуя судно с точки зрения его размеров, а также «маленькое судно, движимое веслами или парусами», то есть указывая на способы, которыми это судно можно привести в движение, но и обозначает «большой парусный корабль с тремя мачтами». Кроме того, *bark* принадлежит к высокому стилю, являясь поэтизмом. Как видим, в переводе *bark* может сохранять добавочные оттенки значений, которые не предполагались поэтом.

Существительное *craft*, использованное Р. Лэмпсоном, — «судно, особенно небольшое», видимо, было выбрано под влиянием первого значения слова «челн», однако в толковых английских словарях около этого слова стоит пометка *formal* — «официально-деловой стиль», что искажает стилевое восприятие перевода.

Наиболее неудачным приходится признать выбор Джулиана Лоуэнфельда. Существительное *skiff* имеет одно значение «маленькая легкая лодка, в которой ходят на веслах или под парусом, обычно рассчитанная на одного человека». Очевидно, переводчик не принял во внимание процесс развития русского языка со времен Пушкина и удовлетворился тем значением существительного «челн», которое сохранилось сегодня: «небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева». Возникает комический эффект, которого переводчик не предполагал: *crowded skiff* [Лоуэнфельд 2009: 299] — «лодочка на одного, в которую погрузилась целая толпа людей», обречена утонуть даже при штиле на море.

Происходящее на «челне» во время штиля читатель видит глазами Ариона. Пушкин лаконичен в описаниях, большинство переводчиков гораздо многословнее. Пушкинскому «иные парус напрягали» близок только, пожалуй, вариант Бэббет Дейч: *Some spread the sails* [Pushkin 1936: 63]. Остальные переводчики либо сосредоточиваются на изображении действий моряков, поднимающих парус, например, *Some helped to set the sail and trim it* — «Иные помогали поднимать парус и приводить его по ветру» (Майерс) [Pushkin-3 2002: 46—47], *Some framed a sail for windy weather* — «Иные натягивали парус [, как на раму,] по причине ветреной погоды» (Бонвер) [Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>], *Some handled, set the sails a-flying* — «Иные управляли парусом, поднимая его ввысь» (Лэмпсон) [Lampson 1930: 206]; либо обращают внимание на характеристики парусов, например: *broad sails* — «широкие паруса» (Лоуэнфельд) [Лоуэнфельд 2009: 299], *the sturdy sail* — «крепкий парус» (аноним) [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation/>], *the sheeting* — «крепкое полотно» (Томас) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>], на их движение в пространстве: *Some held the sails aloft and flying* — «Иные держали паруса летящими в вышине» (Железнова) [Zheleznova; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>].

Более развернуто у Пушкина описание действий гребцов: «Другие дружно упирали / В глубь мощны веслы». Бэббет Дейч снова оказывается наиболее лаконичной и точной: *some pulled, together, / The mighty oars* — «иные тянули вместе / могучие весла» [Pushkin 1936: 63]. Для обозначения морских глубин выбираются существительные *deep* — «глубина»: *into the deep* (Мей) [Pushkin 1999: 110], *along the deep* (Robin Lampson) [Lampson 1930: 206], — и более образное *brine* — «море, то есть морская, соленая, вода» (Томас) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>].

Идея морской глубины не исчезает и там, где напрямую море не называется. В переводах находим словосочетания, описывающие движения весел, например, *oars drawing deep* — «глубоко погружая весла» (аноним), *dug deep the oars* — «глубоко погружали весла» (Майерс) [Pushkin-3 2002: 46—47]. Некоторые переводчики подчеркнули усилие гребцов, например, *straining to the limit* — «напрягаясь до предела» (Майерс) [Pushkin-3 2002: 46—47], силу и размеренность их движений: *timely, mighty oar-strokes sent* — «посылали могучие удары весел через точные промежутки времени» (Мей) [Pushkin 1999: 110], *set pace with powerful strokes* — «задавали ритм мощными ударами» (аноним), *with mighty oar were beating* — «били могучим веслом» (Томас) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>]. Дружная, слаженная работа гребцов чаще подразумевается, чем упоминается переводчиками: из десяти переводчиков двое выбрали наречие *together* — «вместе» (Дейч, Бонвер) [Pushkin 1936: 63; Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>], один — существительное с предлогом *in unison* — «согласованно / в согласии» (Лэмпсон) [Lampson 1930: 206]. Лишь Лоуэнфельд использовал наречие *amiably*, которое можно перевести как «дружно», но не в значении «слаженно», а в значении «дружелюбно» [Лоуэнфельд 2009: 299]. Тем самым смысл оригинала в переводе был искажен.

Пушкинское «кормщик» — «рулевой, кормчий» — относится к словам высокого стиля, к поэтизмам или архаизмам. Кормщик не только держал руль, то есть не давал кораблю сбиться с курса, но и фактически управлял всем кораблем. Кормщиками становились наиболее опытные моряки, пользовавшиеся уважением у команды. Как указывают исследователи, в образе «кормщика умного» Пушкин вывел Павла Пестеля. В своем кишиневском дневнике поэт записал: «9 апреля <1821>, утро провел я с Пестелем, **умный** человек во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю» [Городецкий 1962: 325, сноска].

Существительное *helmsman*, к которому прибегли многие переводчики, является точным соответствием «кормщика», а эпитеты, которые они использовали, передают разные стороны понятия «умный» — «обладающий способностью логически мыслить, быстро понимать; способный находить разумное решение в трудных, запутанных ситуациях, может предвидеть последствия каких-либо событий, действий». Это *sage* — «глубоко понимающий, проницательно различающий добро и зло, выносящий здравые суждения (благодаря размышлению и опыту)» (Лоуэнфельд) [Лоуэнфельд, 2009: 299], *trusty* — «надежный» (Майерс) [Pushkin-3 2002: 46—47], *wise* — «способный принимать разумные решения и давать хорошие советы благодаря знаниям и опыту» (аноним) [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/>]

2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation], *skillful* — «имеющий знания, опыт и навыки, нужные, чтобы сделать что-то хорошо» (Томас) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>]. Значения этих эпитетов не противоречат характеристике кормчего, если, создавая этот образ, Пушкин вспоминал Пестеля. Однако в переводах встречаем и другие эпитеты, например, *Our cunning helmsman* — «наш хитрый кормчий», где *cunning* — «способный находчиво получить желаемое, особенно обманув кого-либо» (Walter May) [Pushkin 1999: 110] или *helmsman buoyant* — «кормщик веселый», где *buoyant* — «жизнерадостный и уверенный в успехе» (Хини) [Feinstein 1999: 83], которые показывают на то, что культурный контекст в переводах не учитывался.

Кроме существительного *helmsman*, которое точно передает пушкинскую мысль, переводчики выбирали *captain* (Лоуэнфельд), *pilot* (Лэмпсон) [Lampson 1930: 206] и *skipper* (Бонвер) [Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>]. У всех трех существительных, имеющих общее значение «лицо, ответственное за корабль», имеются оттенки значений, которые искажают пушкинский смысл: *captain* управляет не только кораблем, но и пассажирским самолетом, *pilot*, «лоцман», проводит корабль по трудному маршруту, а *skipper* может быть капитаном не только корабля, но и спортивной команды.

Большинство переводчиков правильно истолковало «беспечную веру» Ариона, постаравшись отразить в своих текстах отсутствие беспокойства, сомнений, забот. Ощущение беззаботности передается в их переводах: *from doubts and sorrows free* — «свободен от сомнений и скорбей» (Дейч) [Pushkin 1936: 63], *by carefree faith* — «беззаботной верой...» (Лоуэнфельд) [Лоуэнфельд 2009: 299], *still carefree* — «все еще беззаботный» (Майерс) [Pushkin-3 2002: 46—47], *still full of faith carefree* — «все еще полон беззаботной веры» (Мей) [Pushkin, 1999: 110], *at ease in carefree trust* — «свободно с беззаботным доверием» (Томас) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>], где *carefree* означает «не имеющий никаких забот и ответственности». Евгений Бонвер использовал однокоренное слово, казалось бы, и близкое по значению, но меняющее смысл строки: *with careless belief* — «с легкомысленной/несерьезной верой» (Бонвер) [Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>]. *Careless*, хотя и родственно *carefree*, имеет совершенно другое значение: «не обращающий достаточного внимания и мысли на то, что делается, по причине чего происходят ошибки».

В остальных переводах Арион предстает не таким, каким его задумал поэт. У И. Железновой и анонима полностью снят элемент веры, поэт счастлив на земном уровне: *content/ And unconcerned* — «счастливый и довольный» (Железнова) [Zheleznova; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>]; *happy of heart, careless of concern* — «со счастливым сердцем, свободный от забот» (аноним) [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>]. Робин Лэмпсон использует устаревшую идиому *as blithely as a lark* — «очень счастливый; букв. счастливый, как жаворонок» с добавочным значением «беззаботный и не знающий темных сторон жизни» [Lampson 1930: 206]. Наиболее далеко от первоначального смысла отошел Шеймас Хини. Он передал пушкинское «беспечной веры полн» как *I, who took it all for granted* — «я, который принимал все это как само

собой разумеющееся», иными словами, «не испытывал сомнений касательно происхождения» [Feinstein 1999: 83].

Лаконичность пушкинского описания бури («Вдруг лоно волн / Измял с налету вихорь шумный...») оказалась особенно трудна для передачи. Ни один переводчик не смог добиться гармоничного соединения формы и содержания. Наиболее кратко пушкинскую мысль выразил аноним: *Wild waves suddenly stopped our song...* — «Бурные волны внезапно остановили нашу песню...» (аноним) [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>], но это скорее пересказ, чем перевод. Даже Бэббет Дейч, перевод которой наиболее близок к оригиналу в отношении языка и стиля, вводит в свой перевод более очевидную метафору: *When suddenly, / A storm! and the wide sea was rearing...* — «Когда внезапно, [началась] буря! и широкое море встало на дыбы...» (Дейч) [Pushkin 1936: 63]. Если у Дейч море напоминает коня, вставшего на дыбы, то Уолтер Мей создает другой образ: *Then swift the sea / Was churned beneath a roaring gale...* — «Затем море быстро вспенилось под воздействием ревущей бури» (Мей) [Pushkin 1999: 110].

Первым значением глагола *churn* является «сбивать масло», а существительное *churn* не только означает аппарат для сбивания масла, маслобойку, но и принадлежит к технической лексике (*churn* — «мешалка; миксер, смеситель; смешивающий аппарат»). У Мей мы видим не только высокие волны, идущие одна за другой и швыряющие кораблик из стороны в сторону, но и движение вспененной воды по кругу, как в маслобойке, если не сам пушкинский «вихрь», то его закономерное следствие. Робин Лэмпсон также вводит в свое описание бури метафору, но он использует точный перевод глагола, который находим в оригинале — «измял». У Лэмпсона читаем: *Sudden, dark, / The thund'rous storm came crumpling, rending!* — «Внезапно — тьма, / Буря с грозой налетела, сминая, разрывающая» (Лэмпсон) [Lampson, 1930:206]. Глагол *crumple* — «мять, комкать» — в прямом значении употребляется в контекстах, где речь идет об изменении формы материала — бумаги, ткани, глины. Гладкая поверхность сминается, покрывается складками. То же можно сказать и о море, гладкая поверхность которого под воздействием сильного ветра покрывается волнами, похожими на складки. Если глагол *crumple* передает идею сближения участков поверхности, например, под давлением, то идущий с ним в паре глагол *rend* — «разорвать с силой и яростью» — выражает противоположное по значению действие. В паре эти глаголы достоверно описывают движение волн во время сильного шторма.

В переводных описаниях бури интересно употребление слов, имеющих добавочные коннотации. Так, чтобы передать в переводе пушкинский «вихрь» — «порывистое круговое движение ветра», Шеймас Хини вводит в свой текст существительное *maelstrom* [Feinstein 1999: 83], заимствование из голландского языка, имеющее известную историю. Мальстремом называется водоворот в Норвежском море, о котором впервые стало известно в XVI в. Для деревянных судов Мальстрем был очень опасен. Со временем мальстремом стали называть любой водоворот в море, способный поглощать предметы в радиусе своего действия. Вводя в свой текст существительное *maelstrom*, Хини изменяет смысл оригинала: вместо «кругового движения воздуха», «вихря», читатель наблюдает «круговое движение воды», «водоворот».

Наиболее распространенной и далеко отстоящей от изображения бури, созданного Пушкиным, оказывается картина бурного моря, принадлежащая перу Джулиана Лоуэнфельда: *Then great waves sheered / Up, swept, smashed, whirlwinds blasted, crashing...* — «Затем огромные волны заходили под углом, / Понеслись, разбились, вихри задули с грохотом» (Лоуэнфельд) [Лоуэнфельд 2009: 299].

Строка «Погиб и кормщик, и пловец» предоставляет не много возможностей для нестандартного прочтения. В большинстве своем переводчики сохраняют даже структуру предложения, например, *The helmsman and the crew were lost* — «Кормщик и команда погибли» [Pushkin 1936: 63] (Дейч), *And crew and helmsman, all were lost!* — «И команда, и кормщик, все погибли!» (Томас) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>], *All hands and helmsman were lost!* — «Все матросы и кормщик погибли!» (аноним) [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>]. Во времена Пушкина существительное «пловец» имело значение «мореход, мореплаватель, много и долго бывавший в море, в дальних странах». В переводах встречаем несколько соответствий: *mate* — «товарищ, подручный, pl. люди, объединенные общей работой» (Julian Lowenfeld), *sailor* — «матрос, моряк» (Шеймас Хини), *hand* — «матрос» (аноним).

Некоторые переводчики правильно поняли форму единственного числа «пловец» как метонимию, и в их текстах появились *hands* — «матросы» (аноним), *sailors* — «моряки» (Хини), *crew* — «команда корабля» (Дейч, Томас), но также и *guard* — «охрана, стража, группа вооруженных людей, охраняющих кого-либо/что-либо» (Лэмпсон, Бонвер), существительное, которое не вполне соответствует контексту стихотворения. Самым коротким переводом этой строки оказывается вариант Ирины Железновой: *All were lost* — «Все погибли» (Железнова) [Zheleznova; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>], а наиболее отличающимся от оригинала — строка из перевода Алана Майерса: *Engulfing helmsman, mast, and yard!* — «Поглощая кормщика, мачту и рею!» (Майерс) [Pushkin-3 2002: 46—47].

Как говорилось выше, стихотворение «Арион», одно из «декабристских» стихотворений Пушкина, навеяно событиями его жизни, поэтому последующие поколения читателей и исследователей считают, что в образе Ариона Пушкин изобразил себя: «...этот несравненный художник русского Слова, самый могучий его творец или служитель, называл себя „таинственным певцом“» («Арион») [Струве 2000: 250], «Пушкин же, Арион, так и остался лучезарным любимцем столетия» [Зайцев 2000: 263].

Словосочетание «таинственный певец» становится во всех отношениях смысловым центром стихотворения, его ключевым словом, ибо спасшийся из морских волн поэт является «существом избранным, особым, рожденным не для общих путей, отмеченным печатью высшего покровительства» [Сурат 1999: 126]. Значение эпитета «таинственный» в этом контексте таково: «находящийся в положении избранника судьбы благодаря покровительству силы, источник которой остается неизвестным» [Смирнов 1988: 71]. Анализ переводов показывает, что не все переводчики правильно определили значение этого ключевого слова. Некоторые, например, Бэбетт Дейч, Ирина Железнова, аноним, опустили эпитет, видимо, полагая, что сама ситуация чудесного спасения характеризует «певца» как необык-

новенного человека. В переводах находим следующие варианты: *mysterious* — «таинственный», то есть «трудный для понимания или объяснения, странный и интересный из-за недостатка информации» (Лоуэнфельд, Лэмпсон) [Лоуэнфельд 2009: 299; Lampson 1930: 206], *enigmatic* — «загадочный», то есть «относящийся к чему-то, что трудно понять или объяснить» (Майерс, Бонвер) [Pushkin-3 2002: 46—47; Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>], *mystic* — «тайный/мистический», то есть «тот, кто находится в богообщении посредством молитвы и таким образом постигает то, что находится за пределами человеческого понимания» (Мей) [Pushkin 1999: 110], *secret* — «тайный», то есть «известный лишь ограниченному кругу людей» (Томас) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>] и перифраза *A mystery to my poet self* — «тайна для самого себя как поэта» (Хини) [Feinstein 1999: 83]. Если учитывать то, как эпитет «таинственный» понимается литературоведами-пушкинистами, то наиболее точными лексическими соответствиями ему будут *mysterious* (например, *And only I, mysterious bard, / Was cast ashore by storm and lightning* — «И только я, таинственный певец-бард, / был выброшен на берег бурей и молнией» (Лоуэнфельд) [Лоуэнфельд 2009: 299]), *mystic* (*But only I, the mystic bard, / Was cast ashore by stormy swell* — «И только я, мистический певец-бард, / Был выброшен на берег бурным морем» (Мей) [Pushkin 1999: 110]) и перифраза *A mystery to my poet self* (Хини), поскольку все эти три однокоренных слова греческого происхождения имеют оттенок значения «связь с религией, с Божеством», заставляют вспомнить о древнегреческих Элевсинских мистериях — празднествах в честь богинь Деметры и Персефоны, на которые не допускались непосвященные. Неслучайно Арион в переводах чаще всего называется богодухновенным поэтом, «бардом»: *bard* — «поэт, сочинявший эпические поэмы и исполнявший их, играя на арфе», причем само английское слово относится к поэтизмам.

К элементам образа Ариона относятся и «гимны прежние», которые он поет, очутившись на берегу после бури. Выбор переводчиков позволяет читателю представить себе самые разные песнопения: это и нейтральные *songs* — «песни» (Дейч, Железнова) [Pushkin 1936: 63; Zheleznova; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>], и *hymns* — «хвалебные песни, гимны» (Лэмпсон, Мей, Лоуэнфельд) [Lampson 1930: 206; Pushkin 1999: 110; Лоуэнфельд 2009: 299], и *anthems* — «религиозные песнопения, гимны» (Томас, Бонвер) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>; Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>]. Аноним вложил в уста своего Ариона *songs of deliverance* — «песни в честь избавления» (аноним) [Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>]. У двоих переводчиков пение Ариона изображается описательно: *And tune my lyre with skilful stroke* — «И настраиваю свою лиру умелыми взмахами [пальцев]» (Майерс) [Pushkin-3 2002: 46—47], *Only I, still singing, washed / Ashore by the long sea-swell, sing on* — «Только я, все еще поющий, Выброшенный на берег долгим морским волнением, продолжаю петь» (Хини) [Feinstein 1999: 83].

Столь же разнообразны и варианты перевода «ризы влажной», которая «становится формой торжественных одежд певца, серьезно и благоговейно относящегося к своему дару, который обладает чудесным свойством оберегать и хва-

лить поэта» [Смирнов 1988: 70], по античной, гораццианской, традиции, благодарственным приношением морскому божеству [Смирнов 1988: 70]. Слова, использованные переводчиками, отражают образ Ариона, который возникал перед их мысленным взором, когда они работали над текстом стихотворения. Только Шеймас Хини и Джулиан Лоуэнфельд выбрали слова, не содержащие каких-либо добавочных коннотаций, но различающиеся стилевой принадлежностью: Хини использовал слово нейтрального стиля *clothes* — «одежда» [Feinstein 1999: 83], тогда как Лоуэнфельд обратился к словарю высокого стиля: *raiment* [Лоуэнфельд 2009: 299] является лексическим соответствием *clothes*, но с тем же общим значением. Все остальные существительные обозначают «верхнюю одежду»: *robes* — «длинная свободная верхняя одежда» (Дейч) [Pushkin 1936: 63], *cloak* (Лэмпсон, Майерс) [Lampson 1930: 206; Pushkin-3 2002: 46—47] и *mantle* (Бонвер) [Bonver; <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>] — «плащи», и разница между ними заключается в том, что плащ-*cloak* свободно свисает с плеч и застегивается у горла, а плащ-*mantle* не имеет рукавов. *Garment/garments* (Томас, аноним) [Thomas; <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>; Аноним; <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>] являются бесформенными одеяниями с рукавами. *Vestments* (Мей) [Pushkin, 1999: 110] также относятся к верхней одежде, но к ее парадной или церемониальной разновидности. Таким образом, большинству переводчиков Арион представлялся одетым в длинные свободные одежды, свободно спадавшие с плеч.

Как кажется, переводчики «Ариона» в большинстве своем стремились сохранить стиль пушкинского стихотворения, выбирая слова либо нейтрального, либо высокого стиля. На общем фоне выделяются перевод Шеймаса Хини, сознательно отказавшегося от поэтизмов и временами даже использовавшего разговорную лексику, и версия анонима, которую можно назвать скорее переложением, чем переводом, поскольку по форме новый «Арион» разительно отличается от оригинала и написан в традициях не общеевропейской культуры, а англосаксонской. Особняком стоят переводы Бонвера и Лоуэнфельда. Лексический анализ этих текстов показывает, что переводчиков подвело недостаточное знание языков, невнимание к их истории, к развитию значений слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере пушкинского «Ариона» можно увидеть отношение к проблеме полноценности перевода в течение XX—XXI вв. Поскольку в задачи, стоящие перед переводчиком, входит возможно более точная передача и формы, и содержания оригинала, поэзия Пушкина, чья слава великого поэта не подлежит сомнению, является идеальным материалом для исследования. Редкий переводчик позволит себе сознательно пренебречь стилем Пушкина, решит изменить форму его произведения в переводе. Если же такое происходит, переводчик не ждет, что читательская аудитория поймет и примет его замысел, он вынужден объясняться с потенциальным читателем, отстаивая свои взгляды при помощи переводческого комментария. Переводчик как бы связан некими культурно-обусловленными ожиданиями

в отношении формы произведения, которые питает читатель. У переводчика нет права изменить сюжет произведения, однако передача деталей содержания, особенно в поэтических текстах, может представлять для него значительную сложность, особенно если он стремится к сохранению стихотворного размера и рифмы оригинала в своем тексте. Достижению полноценности перевода может препятствовать недостаточное внимание к значениям слов, к правилам сочетаемости в языке перевода.

На протяжении XX в. переводчики «Ариона» решают проблему полноценности перевода поэтического текста традиционно: они воссоздают единство пушкинского содержания и формы, соглашаясь с неизбежными утратами. XXI в. обнаруживает новую тенденцию. Акцент переносится на передачу содержания, при этом средства, которыми оно доносится до читателя, могут быть заимствованы из принимающей культуры.

© Ненарокова М.Р.

Дата поступления: 26.07.2017

Дата приема к печати: 6.08.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берков П.Н. Пушкин в переводах на западноевропейские языки // Вестник Академии наук СССР Москва—Ленинград: издательство Академии Наук СССР. 1937. № 2—3. С. 220—229.
2. Глебов Г.С. Об «Арионе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Москва—Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 1941. Вып. 6. С. 296—304.
3. Глухов В.И. Лирика Пушкина в ее развитии. Иваново: Ивановский государственный университет, 1998.
4. Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. Москва—Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1962.
5. Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. Ленинград: Просвещение, 1970.
6. Зайцев Б.К. Пушкин (Перечитывая его) // А.С. Пушкин: pro et contra. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. 2000. Т. 2.
7. Лейтон Л.Г. Пушкин в англоязычном мире // Вестник Российской Академии Наук. М.: Наука. 1999. Т. 69. № 2. С. 135—139.
8. Лингарт А. Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина // А.С. Пушкин. Избранная поэзия в переводах на английский язык. Москва: Рудомино-Радуга, 1999.
9. Лоуэнфельд Д.Г. Мой талисман. Избранная лирика Пушкина в переводе на английский язык. Санкт-Петербург: Пушкинский Фонд, 2009.
10. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва: Флинта-Наука, 2003.
11. Смирнов А.А. Лирика Пушкина. Принципы анализа поэтического текста. Москва: Изд-во Московского университета, 1988.
12. Струве П.Б. Дух и слово Пушкина // А.С. Пушкин: pro et contra. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. 2000. Т. 2.
13. Сурат И., Бочаров С. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
14. Сурат И. Пушкин: биография и лирика. Москва: Наследие, 1999.
15. Anonym. Arion. Режим доступа: <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation>. Дата обращения: 02.04.2017.

16. *Bonver E.* Arion. Режим доступа: <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html>. Дата обращения: 02.04.2017.
17. *Feinstein E.* (Ed.) After Pushkin: versions of the poems of Alexander Sergeevich Pushkin by contemporary poets / ed. a. introd. by Elaine Feinstein. London: Folio society, 1999.
18. *Pushkin A.* The works of Alexander Pushkin: Lyrics. Narrative poems. Folk tales. Plays. Prose / Selected and ed., with an introd. by Avrahm Yarmolinsky. New York: Random house, cop., 1936.
19. *Pushkin A.* Selected Works in Two Volumes. Volume One. Poetry. Moscow: Progress Publishers, 1974. Режим доступа: <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>. Дата обращения: 6.07.2017.
20. *Pushkin A.* Lyrical poems. Tragedy. Story: Dedicated to the 200th anniversary of A.S. Pushkin. Transl. into Engl. by Walter May. Moscow—Bishkek: Kyrgyz branch of Intern. centre “Traditional cultures a. environments”, 1999.
21. *Pushkin A.* The complete works of Alexander Pushkin. Vol. 2. Lyric poems: 1820—1826. London, 2002.
22. *Pushkin A.* The complete works of Alexander Pushkin. Vol. 3. Lyric poems: 1826—1836. London, 2002.
23. *Thomas D.M.* Arion. Режим доступа: <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm>. Дата обращения: 6.07.2017.

УДК: 811.111'255.4:821.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810

PUSHKIN'S ARION IN ENGLISH: CONCERNING THE PROBLEM OF TRANSLATION ADEQUASY

Maria R. Nenarokova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25A, Povarskaya str., Moscow, Russia, 121069

Abstract. The article focuses on ten translations of Alexander Pushkin's poem *Arion* into English from the point of view of the translation adequacy. The translations in question were made from 1930 to 2016. They are analyzed from the point of view of form and content. The texts in question were created both by the Russian-speaking and English-speaking translators. Most translators strive to preserve the meter, rhyme and number of lines of the source poem. In the XXIth century there is a growing tendency towards conveying the content of the poem at the expense of its original form, the translators using the artistic means, traditional for their own culture, f.eg. alliteration. Conveying the poem's ideas constitutes a problem because of the lexical gaps between the two languages. Translators quite often choose a wrong contextual meaning. Word usage mistakes lead sometimes to comic effect.

Key words: translation adequacy, Alexander Pushkin, *Arion*, form, content, style, meter, rhyme, alliteration, lexical equivalence

REFERENCES

1. Berkov, P.N. (1937). Pushkin in translations into West European Languages. *Vestnik of the USSR Academy of Sciences*, Moscow—Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. № 2—3, 220—229. (in Russ.).
2. Glebov, G.S. (1941). Concerning “Arion” In: Pushkin: Vremennik of the Pushkin Committee, Vol. 6. Moscow—Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 296—304. (in Russ.).

3. Glukhov, V.I. (1998). Pushkin's lyrics in its development. Ivanovo: The Ivanovo State University. (in Russ.).
4. Gorodetsky, B.P. (1962). Pushkin's Lyrics. Moscow—Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR (in Russ.).
5. Gorodetsky, B.P. (1970). Pushkin's Lyrics. Leningrad: Prosveschenie. (in Russ.).
6. Zaitsev, B.K. (2000). Pushkin (Rereading his works) In: *Pushkin: pro et contra*, Vol. 2. Saint Petersburg: The Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 260—278 (in Russ.).
7. Leighton, L.G. (1999). Pushkin in the English-Speaking World. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*, Vol. 69 (2), 135—139. (in Russ.).
8. Lipgart, A. (1999). Concerning the English Translations of A.S. Pushkin's Poetry and Drama In: *A.S. Pushkin. Selected Lyrics in English Translations*. Moscow: Rudomino-Radouga. (in Russ.).
9. Lowenfeld, J.H. (Ed.) (2009). My Talismam. The Poetry of Alexander Pushkin. A Bilingual Book. Saint Petersburg: Pushkin Fund. (in Russ.).
10. Nelyubin, L.L. (2003). Explanatory translational dictionary. Moscow: Flinta-Nauka (in Russ.).
11. Smirnov, A.A. (1988). Pushkin's Lyrics. The principles of the Poetic Text Analysis. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russ.).
12. Struve, P.B. (2000). Pushkin's Spirit and Word In: *Pushkin: pro et contra*, Vol. 2. Saint Petersburg: The Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 249—259 (in Russ.).
13. Surat, I., & Bocharov, S. (2002). Pushkin: A Shorter Sketch of his Life and Work. Moscow: Languages of Slavonic Culture. (in Russ.).
14. Surat, I. (1999). Pushkin: Biography and Lyrics. Moscow: Nasledie. (in Russ.).
15. Anonym; Arion URL: <https://lasi2.wordpress.com/2016/09/04/pushkin-poem-arion-translation> (accessed: 02.04.2017).
16. Bonver, E. (Translator) (1997). Arion URL: <https://www.poetryloverspage.com/poets/pushkin/arion.html> (accessed: 02.04.2017).
17. Feinstein, Elaine (Ed.). (1999). After Pushkin: versions of the poems of Alexander Sergeevich Pushkin by contemporary poets. London: Folio society.
18. Pushkin, A. (1936). The works of Alexander Pushkin: Lyrics. Narrative poems. Folk tales. Plays. Prose Selected and ed., with an introd. By Avrahm Yarmolinsky New York: Random house, cop., 1936.
19. Pushkin, A. (1974). Selected Works in Two Volumes. Volume One. Poetry. Moscow: Progress Publishers. URL: <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm> (accessed: 6.07.2017).
20. Pushkin, A. (1999). Lyrical poems. Tragedy. Story: Dedicated to the 200th anniversary of A.S. Pushkin. Transl. into Engl. by Walter May. Moscow—Bishkek: Kyrgyz branch of Intern. centre "Traditional cultures a. environments".
21. Pushkin, A. (2002). The complete works of Alexander Pushkin. Vol. 2. Lyric poems: 1820—1826. London.
22. Pushkin, A. (2000). The complete works of Alexander Pushkin. Vol. 3. Lyric poems: 1826—1836. London.
23. Thomas, D.M. Arion URL: <http://www.poetarium.info/pushkin/arion.htm> (accessed: 6.07.2017).

Для цитирования:

Ненарокова М.Р. Пушкинский «Арион» на английском языке: к проблеме полноценности переводов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 794—810. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810.

For citation:

Nenarokova, M.R. (2017). Pushkin's *Arion* in English: concerning the problem of translation adequacy. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 794—810. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810.

Maria R. Nenarokova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 794—810. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810.

Сведения об авторе:

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; *научные интересы*: история средневековой культуры, средневековой латинской литературы, богословия; жанры средневековой литературы, средневековая школа; английская, датская, русская литература эпохи романтизма; язык цветов; компаративные исследования, переводоведение, преподавание перевода; *e-mail*: maria.nenarokova@yandex.ru

Bio Note:

Nenarokova Maria Ravil'evna, Doctor of Philology, Leading Researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; *Interests*: history of Medieval Culture, Medieval Latin literature, Medieval education; English, Danish, Russian Literature of Romanticism; Russian Orthodox Spirituality, Russian Culture of the 19th century; the language of flowers; comparative studies, translation and interpretation studies; *e-mail*: maria.nenarokova@yandex.ru



УДК: 811.131.1'255.4:821.161.1
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-811-825

БЕЖАТЬ ИЛИ ЛЕТЕТЬ СТРЕЛОЙ: ЛЕКСИКА ДВИЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ» И ЕЕ ИТАЛЬЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ

О.Ю. Школьникова, А.В. Дементьева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, Москва, ГСП-2, 119992

В статье рассматриваются лексические средства итальянского и русского языков, используемые для вербализации понятия «движение». На основе компонентного анализа выделяется ряд дифференциальных сем — способ передвижения, степень интенсивности движения, цель движения и ее отсутствие, горизонтальное и вертикальное движение, направление движения относительно других объектов, движение во взаимодействии с другими субъектами и объектами, движение как метафора. Результаты исследования показали различия в семантической структуре русской и итальянской лексических единиц и выявили способы компенсации смысловой составляющей оригинала в итальянском переводе.

Ключевые слова: сопоставительная семантика, компонентный анализ, лексика движения, художественный перевод

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «движение», наряду с понятиями «пространство» и «время», с философской точки зрения определяется как форма существования материи, процесс развития материального мира. Такое определение мы находим в толковых словарях, например, у С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой [Ожегов 1973; Ефремова 2000]. Движение является одной из наиболее значимых областей бытия человека [Никитина 2010]. Если рассматривать его с позиций лингвокультурологии, то это понятие включает в себе знания и представления о кинетическом фрагменте мира, специфические для носителей каждого конкретного языка.

Эти представления, вербализирующиеся в лексическом составе, и их различия, характерные для носителей разных языков, можно наглядно увидеть в произведениях художественной литературы и их переводах на другие языки.

В качестве материала для данного исследования мы выбрали повесть Н.В. Гоголя «Невский проспект» и ее перевод на итальянский язык, выполненный известным славистом и переводчиком Леоне Пачини-Савой [Gogol 2012]. Выбор материала обусловлен насыщенностью данного текста лексикой, имеющей в себе семантический компонент «движение». Например, глагол «идти» употребляется автором 14 раз, «лететь» — 12 раз, «нести» — 11 раз, «гулять» и его производные — 7 раз, а «ходить» и его производные — 24 раза.

Философский мотив пути и движения занимает очень важное место, в целом, в творчестве Н.В. Гоголя. В данной же повести он выходит на первый план — все,

что описывается в повести, пребывает в движении — реальном или воображаемом: люди, транспорт, лестницы, музыка, сумерки и сам Невский проспект. Интересно, что определенные персонажи описываются повторяющимися лексемами, например, в эпизоде, повествующем о любовном увлечении художника Писарева, глагол «лететь» многократно употребляется применительно к девушке, которая кажется ему неземным созданием, и к его собственным действиям, характеризуя его возвышенное душевное состояние. Вторая же героиня, воспринимаемая поручиком Пироговым более обыденно, описывается глаголом «порхать», что сразу же отсылает к животному миру, как к чему-то более примитивному.

Мы сосредоточим свое внимание на движении физическом — перемещении кого-чего-н. в определенном направлении; изменении положения тела или его частей; езде, ходьбе в разных направлениях [Ожегов 1973].

В словаре С.И. Ожегова отмечены также переносные значения: «внутреннее побуждение, вызванное каким-н. чувством, переживанием» и «оживленность, напряженность действия». Движение в переносном смысле находит свое отражение в произведении Гоголя как раз через описание физического движения.

Для рассмотрения данного пласта лексики мы воспользуемся методом компонентного анализа, разложив значения исследуемых лексем на составляющие их семантические компоненты — семы. Далее мы попытаемся определить иерархию вычлененных сем и степень их реализации в версии перевода.

Лексическая структура слова включает несколько уровней составляющих ее сем [Гак 1977: 14—15]. Во-первых, это архисемы (гиперсемы или родовые семы) — компонент смысловой структуры, общий для группы лексем. Для всей совокупности рассматриваемых в данном исследовании лексем архисемой будет «движение». Следующий уровень — это дифференциальная (видовая или гипо-) сема, которая выражает признаки содержания понятия, отличающие его от других. Эти два уровня составляют ядро значения слова. Выделяют еще три уровня сем — коннотативную сему, содержащую оценочный или стилистический компонент значения; потенциальную или вероятностную сему, которая может не отражаться в структуре прямого значения слова и быть архисемой в структуре переносного значения; и этносему, выражающую национально-культурный компонент значения.

В качестве важнейших дифференциальных сем мы можем выделить следующие: способ передвижения, степень интенсивности движения, цель движения и ее отсутствие, горизонтально и вертикально направленное движение, направление движения относительно других объектов (приближение — удаление, пересечение, движение мимо), движение во взаимодействии с другими субъектами и объектами, движение как метафора.

В ряде случаев следует отметить одновременное присутствие вышеперечисленных сем, ту из них, которая будет иметь большую значимость, мы будем считать дифференциальной семой для всего корпуса рассматриваемой лексики и объединяющей архисемой для выделенных групп. Эти случаи представляют трудности при переводе, так как структуры лексического значения в разных языках строятся по-разному, и переводчик не всегда может актуализировать все семантические компоненты исходной лексемы.

СПОСОБ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Этот компонент значения присутствует далеко не во всех лексемах, связанных с движением, а на первый план выходит лишь в определенном контексте. Трудностей в этом случае у переводчика не возникает, поскольку дополнительных компонентов значения не имеется, и для перевода слов *кататься* и *идти пешком* он может использовать описательные обороты *andare scarrozzando* — *andare a piedi*.

- (1) «Тому судьба дала прекраснейших лошадей, и он равнодушно катается на них, вовсе не замечая их красоты, — тогда как другой, которого сердце горит лошадиною страстью, идет пешком и довольствуется только тем, что пощелкивает языком, когда мимо его проводят рысака».

«A uno la sorte ha elargito magnifici cavalli — e costui se ne va scarrozzando, indifferente. senza neppur notarne la bellezza, mentre un altro che ha il cuore acceso di passione equina ha da andarsene a piedi, e non puo cavarsi altro gusto che quello di far schioccare la lingua quando gli passa accanto un trotatore».

Глагол *идти* в следующих примерах не имеет других семантических компонентов, кроме пешего способа передвижения. В итальянском переводе он передается глаголами *passare* и *avanzare*, которые имеют значение двигаться вперед, не указывая, каким именно способом.

- (2) «Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами...»

«Johns inglesi e galletti francesi passano, tenendo sotto braccio i pupilli affidati alla loro patria tutela...»

- (3) «Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идушими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами».

«Ma quanta piu ci si approssima alle due, tanto piu si assottiglia la schiera delle istitutrici, dei pedagoghi e degli infanti; questi vengono infine soppiantati dai loro smanciosi genitori, i quali avanzano al braccio delle proprie, variopinte, policrome e neurofragili consorti».

В итальянском языке есть глагол, который обозначает именно пешее передвижение — *camminare*. В следующем случае переводчик использует именно его.

- (4) «Дивно устроен свет наш! — думал я, идя третьего дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествия».

«In che modo curioso e fatto questo mondo!», pensavo l'altro ieri, camminando per il Corso Neva, e ricordando queste due vicende».

Глагол *идти*, употребленный с приставкой за-, выдвигает на первый план значение цели, которое и актуализируется в переводе глаголом *seguire* «следовать, преследовать», сема «способ передвижения» также утрачивается в итальянском переводе.

- (5) «Что ж ты не идешь за брюнеткою, когда она так тебе понравилась?»

«Perché non seguì la bruna, se ti piace tanto?»

В следующем случае та же сема цели комбинируется с семами начала движения и быстроты его совершения. Идея цели также передается производным

от *seguire* — *inseguimento*, две другие выражены в глаголе *lanciarsi*, имеющем такую же семантическую структуру, как русское *бросаться*.

- (6) «Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на том, как он ... устремился за блондинкою».
«Noi, mi sembra, abbiamo lasciato il tenente Pirogov nell'istante in cui ... si lanciava all'inseguimento della biondina».

Глагол *ходить* может, кроме способа передвижения, нести в себе и другие семантические компоненты, как, например, «гулять», а также «находиться, присутствовать». В этом случае переводчик использует выражение *andare in giro*, актуализируя сему «гулять, передвигаться без определенной цели или ради отдыха».

- (7) «В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре».
«Di regola in quelle ore non e conveniente che le dame se ne vadano in giro, poiché in Russia i popolani amano esprimersi con certe locuzioni così incisive che alle suddette dame non capiterebbe certo di udirne di simili neppure a teatro».

ЦЕЛЬ ДВИЖЕНИЯ ИЛИ ЕЕ ОТСУТСТВИЕ

Большую группу составляют лексемы с общей семой «отсутствие цели движения»: *гулянье, прогулка, гуляющие, прохаживаться, пройтись, бродить, прохожий, проходящий*. Цель движения при прогулке, возможно, и существует, но не является доминантой — настоящей целью часто становится само движение, физический или моральный отдых. Можно отметить, что в русской картине мира бесцельное (но не бессмысленное) движение разработано более подробно, нежели в итальянской. *Гулянье* и *прогулка* переводчик передает одним словом *passaggiata* (от *passare* «продвигаться вперед»), оно соответствует слову *прогулка*. Слово *гулянье* также отглагольное производное, но у него есть несколько дополнительных сем, которые утрачиваются при переводе. Как отмечают исследователи, у слова *гулять* и его многочисленных производных имеется характерный гедонистический оттенок. Если слово *прогулка* предполагает приятное и полезное времяпрепровождение и вполне космополитично, то *гулянье* подразумевает «безудержную дикую радость жизни, с песнями, плясками, а зачастую пьянкой и мордобоем» и специфично для русского менталитета. С идеей гулянья связаны понятия *размаха, удали, воли и простора* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 73], которые не имеют никакого отношения к семантике слова *прогулка*. Весь этот комплекс значений в итальянском переводе пропадает.

- (8) «Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем».
«Ci metti piede — e già senti profumo di passaggiata».
- (9) «...или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, — словом, большую частью все порядочные люди».
«...oppure gente indaffarata a compiere passeggiate, a leggere i giornali nei Caffè; in breve, nella maggior parte, gente perbene».

Одну фразу, очевидно, из-за слова *гулянье* переводчик вообще исключает из текста:

- (10) «Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга!»
«Corso Neva onnipotente! <...>»

Таким же образом стирается различие в значении слов *прогуливаться* и *прохаживаться* (*passaggiare*), а также *прохожий* и *проходящий* (*passante*). У слова *прохаживаться* утрачивается сема «медленно», зато актуализируется сема «туда и обратно». У слова *проходящий* главную сему составляет движение пешком (не актуализирующееся глаголом *passare*), в слове *прохожий* акцентуируется значение «незнакомый» человек, идущий по улице, это значение есть и у итальянского *passante*.

- (11) «Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались в два часа по Невскому проспекту...»
«Qui voi incontrate quei rispettabili vecchietti i quali, alle due pomeridiane, passeggiavano sul Corso Neva con aria così grave, e una distinzione così straordinaria...»
- (12) «В один день прохаживался он по Мещанской, поглядывая на дом, на котором красовалась вывеска Шиллера с кофейниками и самоварами; к величайшей радости своей, увидел он головку блондинки, свесившуюся в окошко и разглядывавшую прохожих».
«Un giorno se ne andava passeggiando su e giù per via dei Borghesi, e gettando occhiate alla casa dove faceva pompa di se l'insegna di Schiller con le caffettiere e i samovar; con somma gioia vide sporgere dalla finestra la testolina della bionda, intenta a osservare i passanti».

А вот семантический компонент слова *пройтись* — совершить небольшую прогулку — верно передается уменьшительным суффиксом *-ina*.

- (13) «Притом довольно приятный прохладный вечер заставил его несколько пройтись по Невскому проспекту...»
«Inoltre, la serata fresca, assai piacevole, lo indusse a fare una passeggiatina sul Corso Neva...»

Еще один глагол с семой «отсутствия цели» — это *бродить*. Он предполагает отсутствие пункта назначения, разнонаправленность и небольшую скорость. Часто связан с определенным душевным состоянием субъекта, растерянностью, неприкаянностью. У Гоголя употребляется именно в таком контексте, данная сема поддерживается лексически. На итальянский переводится глаголом *errare*, имеющим подобную структуру лексического значения.

- (14) «...глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день».
«...follemente, non vedendo, non udendo nulla... errò senza meta tutto il giorno».

НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ

Как правило, главная оппозиция, которую несет в себе соответствующая лексика — движение по горизонтали или по вертикали, следовательно, в центре расположены глаголы движения с приставками, а также *поднимать(ся)* и *опускать(ся)* и затем синонимичные им.

Переводчик учитывает, каков субъект движения — если он передвигается весь, используется глагол *involarsi* (взлететь).

(15) «Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина...»

«Rassomigliano un tanterellino a due palloni aerostatici, talche la dama potrebbe involarsi nell'aria tutto a un tratto, se non la trattenesse a terra il cavaliere...»

Когда речь идет об одной части тела: употребляются глаголы *abbasare* (опускать, склонять) и *sollevare* (при)поднимать).

(16) «...прекрасные длинные ресницы опустились равнодушно...»

«...bellissime ciglia si abbassavano con indifferenza...».

(17) «Со страхом поднял он глаза посмотреть, не глядит ли она на него»

«Pieno di sgomento, sollevò gli occhi per vedere se lo guardasse».

На перевод влияет (как лексически, так и грамматически) вид глагола в русском языке. Так, если глагол *сидеть*, означающий продолжительное действие и положение в пространстве, переводится в основном исключительно *sedere*, при переводе глагола *сесть* применяется итальянский аналог, указывающий на движение: *posarsi* (расположиться), *montare* (садиться в транспорт).

(18) «Совсем нет: они говорят о том, как странно сели две вороны одна против другой».

«Nemmeno per sogno: parlano del modo curioso col quale due comae che si sono posate l'una dirimpetto all'altra».

(19) «Он сел в нее, дверцы хлопнули...».

«Vi monto, gli sportelli sbatterono...».

Также часто упоминается движение назад и вперед. В итальянском переводе мы видим полный аналог *пятиться* — *arretrare*.

(20) «Он уже был на ней, уже вошел в первую залу, испугавшись и попятившись с первым шагом от ужасного многолюдства».

«In un lampo egli vi era di già salito, era già entrato nel primo salone, ed era arretrato, fin dal primo passo, dinanzi ad una incredibile folia di persone».

Глагол *выступить* теряет в переводе часть значений, передавая главную сему — «продвигаться вперед», глагол *avanzare* не передает характер этого движения — торжественный и неторопливый.

(21) «Хорошенькая немка выступила на середину комнаты и подняла прекрасную ножку.»

«La vezzosa Tedesca avanzò verso il centro della stanza e sollevò un piedino delizioso.»

Степень интенсивности движения

Динамика движения также является очень важным параметром при описании событий в повести Гоголя. Посмотрим, как модифицируется семантика лексем, объединенных семой интенсивности движения. Глагол *бежать*, самый простой по семантической структуре, кажется итальянскому переводчику недостаточно

выразительным, он передает его глаголами *sfrecciare* и *trottare*, отсылающим, соответственно, к образам летящей стрелы и бегущей рысью лошади.

- (22) «...но никто их не слушает и не смеется над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах, с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках, бегущих молниями по Невскому проспекту».
«...salvo qualche monello in gabbana di traliccio, che reca un paio di scarpe appena ultimate, o delle fiasche vuote, sfreccia per il Corso Neva come un fulmine».
- (23) «Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы...»
«Li vedete trottare, ne piu ne meno, come i giovani archivisti...»

Существующий в итальянском *correre*, аналогичный русскому *бежать* по объему значения, переводчик использует также для усиления выражения *ускорить ход*, которое он переводит как *correre a più non posso* «бежать изо всех сил».

- (24) Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход.
Ufficiali copisti, ufficiali contabili, e ogni specie di altri ufficiali se ne vanno correndo a più non posso.

Глагол *броситься* включает в свою семантику также значение резкого начала действия, которое есть в самом глаголе *gettarsi* или же передается с помощью формы *passato remoto* глагола *fuggire* (убегать).

- (25) «Так просидел он до самого вечера и с жадностью бросился в постель.»
«Rimase seduto così fino a sera; allora si gettò sul letto pieno d'ansia».
- (26) «...он бросился со всех ног, как дикая коза, и выбежал на улицу»
«...fuggì a precipizio come un antilope selvatica, e uscì in strada correndo».

Выражение *броситься со всех ног* переводится более драматическим идиоматическим выражением *fuggire a precipizio* (броситься стремглав, где *precipizio* — обрыв, пропасть, пучина и, в переносном значении гибель, бедствие). Интересно, что в переводе также усилено сравнение — вместо козы переводчик вводит экзотический образ и предлагает антилопу, по-видимому, как символ большей быстроты передвижения.

Обратим внимание также на перевод слова *выбежал*, в котором комбинируются семы движения, направленного наружу совершаемого в высоком темпе. Эти значения передаются аналитическим образом с помощью комбинации личной формы глагола *uscire* (выходить) и герундия *correre* (бежать).

Кроме того, у Гоголя мы встречаем глаголы, сочетающие семы быстроты и легкости: *лететь, улетать, порхнуть (впорхнуть)*. Глагол *лететь* переводится как *correre* (бежать), хотя у итальянского *volare* есть такое же переносное значение «быстро идти куда-либо», *улетать* точно переведен аналогом *involarsi*.

- (27) «Он летел домой...»
«Corse a casa...»
- (28) «Он не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание улетавшей вдали красавицы...»
«Non ardiva neppur pensare di avere il minimo diritto a una qualche attenzione da parte della bella che si involava lontano...»

В нижеприведенном отрывке мы видим подряд три глагола от корня лететь, два первых, употребленных в прямом значении, переведены глаголом *volare*, а третий случай — переносное значение опять же передается глаголом *correre*, однако переводчик хочет все-таки оставить образ полета с помощью дополнительного сказуемого — дословно: он надел (обрел) крылья. Получается, что опять семантика русского глагола передается аналитически.

- (29) «...это прелестное существо, которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда. Он летел так скоро, что сталкивал беспрестанно с тротуара солидных господ...»
«...quel essere pieno di incanto che pareva esser disceso, volando, giù dal cielo direttamente sul Corso Neva, e che certo, di nuovo, si sarebbe involato chissà dove. Aveva messo le ali e, correndo, urtava ogni momento rispettabilissimi signori dalle bassette grigie.»

Глагол *porxать* отсылает к животному миру, птицам и бабочкам, и описывает быстрое и легкое перемещение с места на место. В итальянском переводе в обоих случаях предлагается *frullare*, который также употребляется применительно к птицам, однако описывает действие немного по-другому: его первое значение — «вращаться, вертеться», а второе — «шелестеть крыльями». В первом из нижеприведенных двух примеров следует также отметить введение несуществующей в данной форме глагола *бежать* семы начала действия, что приводит к искажению: вместо сравнения переводчик указывает на изменение скорости движения.

- (30) «Блондинка бежала скорее и впорхнула в ворота...»
«La biondina accelerò il passo e frullò dentro un portone...»
(31) «Незнакомка порхнула далее в боковую дверь.»
«La sconosciuta frullò oltre, per una porta laterale.»

Глагол *нестись*, употребленный Гоголем в контексте танца, переводчик передает с такой же дополнительной семой «кружиться».

- (32) «Они неслись, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях, сотканных из самого воздуха...»
«Le dame volteggiavano avviluppate entro diafane creazioni parigine, in abiti intessuti di purissima aria...»

Среди глаголов со значением движения в медленном темпе можно отметить следующие: *взойти*, *идти величаво*, *выступить*, *пробраться* (*vs проскользнуть*) и *плестись*.

В семантической структуре глагола *взойти* можно выделить такие компоненты, как движение вверх, медленный темп и коннотативную стилистическую сему архаично-возвышенного регистра, в данном случае употребленная иронически. В переводе не удастся ее сохранить, хотя используется перифраза *mettere piede*, равнозначная русскому *вступить*, однако недостаточно повышающая регистр.

- (33) «Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле.»
«Potresti avere degli impegni urgenti, inderogabili: ci metti piede — e gli impegni svaporano dal cervello.»

Следующие два описания движения синонимичны в русском языке — *идти величаво* и *выступать*. Глагол *выступать* указывает на определенную пластику движения, которая как раз описывается аналитически выражением *идти величаво*. В обоих случаях невозможно указание на направление или пункт назначения. В переводе того и другого мы видим глагол *incedere* (торжественно выступать), в первом примере усиленный прилагательным *impettito* (с прямой осанкой и выпяченной грудью).

- (34) «Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво позади своих легеньких, вертлявых девчонок...»
 «Le governanti, pallide *misses* e rosee *mademoiselles*, incedono impettite dietro le loro ragazzette magroline e irrequiete...»
- (35) «Он увидел за одним разом столько почтенных стариков и полустариков с звездами на фраках, дам, так легко, гордо и грациозно выступающих по паркету или сидевших рядами...»
 «La egli vide, tutti in una volta, un tal visibilio di vecchietti e semivecchietti dalle marsine decorate di stelle; di dame che incedevano cosi leggere, altere e graziose sul parquet, o che sedevano in fila...»

Глаголы *пробраться* и *проскользнуть* представляют собой пару с целым комплексом общих значений: пройти куда-л. преодолевая или избегая препятствие, либо же незаметно, осторожно, м.б., незаконно, различаются они темпом движения: пробираются медленно, проскальзывают быстро. В итальянском переводе мы видим пару *infilarsi* и *risgattaiolare* — первый из них отсылает к нитке, продернутой в иголку, второй — к кошке, пролезающей в узкое отверстие, таким образом оба они ближе к *проскользнуть*, чем к *пробираться*. Глагол *insinuare*, наоборот, ближе по семантической структуре к *пробираться*, поскольку означает аккуратное и ловкое, однако, не обязательно, быстрое проникновение куда-либо.

- (36) «...она ... вошла в дверь, в которую тоже смело пробрался Пирогов».
 «entrò in una porta attraverso la quale si infilò intrepidamente anche Pirogov».
- (37) «заметив, что пугливая блондинка хотела проскользнуть в дверь, прибавил...»
 «accortosi che la trepida biondina stava per risgattaiolare dentro la porta, soggiunse...»
- (38) «Она проскользнула между толпой и исчезла»
 «Si insinuò tra la folla, e scomparve»

Еще один глагол со сложным комплексом значений любит использовать Гоголь — это *плестись*. Он три раза встречается в тексте и переведен тремя разными способами: *trascinarsi*, *andare arrancando*, *seguire col passo trascinante*.

- (39) «...и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется за ним, не имея другого дела».
 «...e soltanto un'accattona, che si e imbattuta in essa per caso, la segue col suo passo trascinante per non aver altro da fare».
- (40) «Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент».
 «Talvolta per il Corso Neva, se di li passa la strada che lo conduce in ufficio, si trascina un qualche impiegato insonnolito, con la borsa di cuoio sotto l'ascella».
- (41) «По улицам плетется нужный народ...»
 «Per la strada se ne va arrancando gente indaffarata...»

Глагол *плетись* описывает медленное вялое передвижение человека, в основе образа — заплетающиеся ноги. В итальянском языке точного аналога ему нет, самый близкий по значению — глагол *trascinarsi*, который, однако, построен на образе человека, который с трудом отрывает от земли ноги, поэтому он ближе по комплексу значений к русскому *тащиться*. Что касается *arrancare*, то его значение ковылять, хромать, то есть трудность ходьбы связана с каким-то физическим недостатком. Переводчик ослабляет значение этого глагола, вводя его с помощью перифразы — дословно «идет, ковыляя».

ДВИЖЕНИЕ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ СУБЪЕКТАМИ И ОБЪЕКТАМИ

Этот тип лексики описывает две ситуации: во-первых, когда, двигаясь, субъект нарушает личное пространство других субъектов. Это нарушение может быть его целью, как в сочетаниях *совершать наезды*, *делать набег*, либо же его собственное движение затруднено личным пространством других субъектов и его нарушение является необходимым условием движения: *притиснуть*, *продраться*, *толкать*, *растолкать*, *оттолкнуть*.

(42) «В двенадцать часов на Невский проспект делают набег гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках...»

«A mezzogiorno vengono a fare una puntata sul Corso Neva precettori di tutte le nazioni, con i loro pupilli in solino di batista...»

(43) «Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих». «Incominciamo dal primo mattino allorché tutta quanta Pietroburgo odora di pane caldo appena sfornato e pullula di vecchiette, dai cappottini e gli abiti a brandelli, che muovono all'assalto delle chiese e dei passanti misericordiosi».

Оба эти выражения употреблены в переносном значении, их прямое значение диссонирует с описываемой ситуацией, при этом актуализируется коннотативная сема иронической оценки. На итальянский язык выражение *делать набег* переведено разговорным выражением *fare una puntata*, имеющим значение заскочить куда-то или к кому-то, поэтому коннотативная сема утрачивается.

Второе выражение переведено как *muovere all'assalto* (двигаться на приступ), здесь, наоборот, утрачивается сема транспортного средства и появляется сема намеренного действия, не актуализированная в оригинальном выражении.

Многочисленное появление глагола *толкать*, употребленного в тексте 6 раз, и его синонимов в повести Гоголя подчеркивает многолюдность города, нехватку личного пространства в прямом и переносном смысле.

Действие, составляющее значение глагола *толкать*, в итальянском описывается двумя глаголами — *urtare* и *spingere*, первый из них описывает резкий и непреднамеренный контакт субъекта с чем-то или с кем-то, второй — преднамеренное давление на что-то или кого-то с целью сместить или подвинуть.

(44) «— Простак! — закричал Пирогов, насильно толкнувши его в ту сторону, где развевался яркий плащ ее».

«— Bamboccio! — esclamò Pirogov, sospingendolo energicamente nella direzione in cui si vedeva fluttuare in distanza il mantello vivace».

- (45) «...не смел попятиться назад, опасаясь толкнуть каким-нибудь образом какого-нибудь тайного советника».
«egli ... non arrischiava di farne uno indietro, nel timore di urtare comeché sia un qualche consigliere di Stato».
- (46) «...и толкал без милосердия всех встречных...»
«...urtando senza misericordia chiunque incontrasse sul suo cammino...»

Глагол *оттолкнуть* с прибавлением семы отдаления также точно переводится глаголом *respingere*, а вот *растолкать*, дифференцирующееся семой разделения, не имеет эквивалента в итальянском и переводится опять же описательным оборотом *farsi strada*, в котором не актуализируется само движение, потому что *проложить себе дорогу* можно и устными уговорами.

- (47) «...но он грубо оттолкнул его...»
«...lo respinsi di mala grazia...»
- (48) «Он как помешанный растолкал толпу и был уже там.»
«Tra la fola si fece la strada come un invasato — e già era là.»

Для экспрессивизации образа автор использует стилистически маркированную лексику, коннотативная составляющая которой пропадает в переводе, так, *притиснуть* переводится как *serrare* (прижать), а *продрасться* — *riuscire farsi strada* (смочь проложить себе дорогу).

- (49) «...притом толпа его притиснула так, что он не смел податься вперед...»
«...perdi piu la folla lo serrava a tal punto che egli non arrischiava piu di fare un passo in avanti...»
- (50) «Но вот он продрался-таки вперед и взглянул на свое платье, желая прилично оправиться...»
«Ma ecco che gli riuscì, nonostante, di farsi strada, e dette un'occhiata al proprio vestito per rassettarlo...»

Второй тип ситуации взаимодействия в движении с другими субъектами и объектами — это какое-либо действие, приводящее к движению другого субъекта или объекта, что выражается в переходности русского глагола. При переводе получают три варианта — либо перевод переходным же глаголом: *проводить* — *accompagnare*, *привезти* — *riaccompagnare*, *стремить* — *ricospingere* (букв. *снова подталкивать*), либо перевод описательной конструкцией: *высадить* — *aiutare a discendere*, либо каузативной конструкцией: *выронить* — *lasciare sfuggire*, *завзвать* — *fare venire*.

- (51) «...меня привезли в семь часов утра».
«...mi hanno riaccompanata a casa alle sette».
- (52) «Лакей в богатой ливрее высадил его из кареты и почтительно проводил в сени с мраморными колоннами...».
«Il servo in ricca livrea lo aiutò a discendere dalla carrozza, e lo accompagnò, rispettoso, entro un vestibolo...».
- (53) «...тревога всех чувств стремила его вперед».
«...il tumulto dei sensi lo risospingevano innanzi».

- (54) «...нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший ее в море».
«trovata una perla di valore inestimabile, nell'istante stesso l'abbia lasciata sfuggir di mano e ricadere in mare».
- (55) «Он вечно зазовет к себе какую-нибудь нищую старуху...»
«Invariabilmente costoro si fanno venire a casa una vecchia mendicante...»

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ИМПЕРАТИВЕ

Определенный динамизм в текст вносит употребление глаголов движения в императиве. Выражение повелительного наклонения при переводе часто подвергается значительным изменениям, которых требуют особенности языка, аспекты разговорной речи. Глаголы движения в переводе заменяются глаголами других семантических полей: *aspettare* (ждать), *spicciarsi* (торопиться), *essere* (быть), *degnarsi* (соизволить), *favorire* (соблаговолить).

- (56) «Стой! — закричал в это время поручик Пирогов...»
«— Aspetta! — grido in quel momento il tenente Pirogov...»
- (57) «Ступай, простофиля, прозеваешь!»
«— Spicciati, ingenuo, che te la lasci scappare!»
- (58) «Идите осторожнее!» — зазвучал, как арфа, голос и наполнил все жилы его новым трепетом...»
«Siate piu cauto! — risuono una voce come un vibrare d'arpa, e gli riempi le vene di un nuovo tremore»
- (59) «Ну, так пожалуйте поскорее, барыня непременно желает видеть вас и просит вас уже пожаловать прямо к ним на дом».
«Vene, allora degnatevi di far presto: la signora desidera assolutamente vedervi, e vi prega di favorire da lei, nel suo palazzo».

ДВИЖЕНИЕ КАК МЕТАФОРА

Движутся в повести Гоголя не только люди, но и все, что их окружает. Глаголы движения часто употребляются метафорически, и это придает еще больший динамизм повествованию. Переводчик не всегда его сохраняет, в следующем примере глагол *упасть*, применительно к сумеркам, он заменяет на нейтральный *discendere* (опускаться). Переводя *шевелиться* глаголом *brulicare*, он несколько видоизменяет образ, отсылая к большому скоплению насекомых, ближе к русскому *кишеть*.

- (60) «Но как только сумерки упадут на дома и улицы, ... тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться.»
«Ma non appena il crepuscolo discende sulle case e le vie, ... ecco che il Corso Neva torna ad animarsi e a brulicare.»

Мы видим окружающий мир глазами героя, находящегося в возбужденном состоянии, это отражается в таких глаголах, как *нестись*, *валиться*, *витья*, *вырываться* применительно к окружающим его предметам.

- (61) «...освещенная перспектива домов с яркими вывесками понеслась мимо каретных окон».
«...una prospettiva luminosa di case coi lampioni e le insegne fuggi veloce accanto ai vetri della carrozza».

- (62) «Тротуар несся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, ... будка валилась к нему навстречу...»
«il marciapiede sfuggiva sotto i suoi passi, le carrozze dagli scalpitanti cavalli sembravano immobili, ... una garitta gli si precipitò incontro...»
- (63) «Лестница вилась, и вместе с нею вились его быстрые мечты».
«La scala turbinava, e turbinavano insieme con essa i sogni febbrili di lui».
- (64) «Воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматами неслась вверх».
«Un aereo scalone, fragrante di aromi, dalla scintillante ringhiera, si lanciava in alto, vertiginoso».
- (65) «Танец длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала, и опять вырывалась, визжала и гремела...»
«Le danze si protrassero a lungo; la musica, illanguidita, pareva spegnersi, morire del tutto, e di nuovo prorompeva sonora, strepitava, rimbombava...»

Глагол *нестись* передается глаголами *fuggire* (быстро или тайно убежать), *sfuggire* (избегать, ускользать), в обоих этих глаголах есть сема опасности или неприятности, от которой спасаются бегством. Этот компонент не актуализирован в русском глаголе *нестись*, передающим быстрое движение. Стремительное движение глагола *нестись*, когда речь идет о лестнице, точно передается глаголом *slanciare*, описывающим стремительное движение. Глагол *валиться* точно передан глаголом *precipitarsi* (устремляться вниз). Глагол *виться* усилен глаголом *turbinare* (кружиться вихрем). Стремительное движение, преодолевающее некую преграду глагола *вырываться* передается глаголом *prorompere*.

Следует отметить качество итальянского перевода, внимание ко всем компонентам смысла лексем, выражающих движение, проанализированных в рамках данного исследования.

Можем также констатировать, что за счет различий в грамматическом строе рассматриваемых языков автор перевода часто прибегает к формам, позволяющим адаптировать текст к нормам итальянского языка, в том числе к устоявшимся идиоматическим выражениям.

Основные сложности для перевода представляет маркированная, экспрессивная, разговорная и просторечная лексика, так как к ней сложно подобрать аналог, который передаст все семантические компоненты.

Не меньшую сложность представляют приставочные глаголы, семантическая структура которых часто содержит большой набор сем разного уровня.

Переводчик может не полностью передать всю смысловую составляющую оригинала, но во многих фрагментах текста вносит дополнительные (уточняющие) элементы в лексические единицы, выражающие образ движения, делая текст более аналитическим.

© Школьникова О. Ю., Дементьева А.В.

Дата поступления: 26.06.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

ИСТОЧНИКИ

Гоголь Н.В. Невский проспект // Сочинения. М.—Л., 1928. Том 2. С. 5—38.

Gogol, N.V. Il Corso Neva // Tutti i racconti. A cura di Leone Pacini Savoj. Roma, 2012. pp. 381—404.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гак В.Г. Сравнительная лексикология французского и русского языков. Ленинград: Просвещение, 1977.
2. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская Энциклопедия, 1973.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.
5. Никитина И.Г. Способы репрезентации концепта движение в разноструктурных языках: на материале русского, английского и чувашского языков: дисс... канд. филол. наук: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2010. <http://www.dissercat.com/content/sposoby-reprezentatsii-kontsepta-dvizhenie-v-raznostrukturnykh-yazykakh#ixzz4kTqKseru> (дата обращения 10.06.2017).

УДК: 811.131.1'255.4:821.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-811-825

TO RUN OR TO FLY LIKE AN ARROW FROM THE BOW: VOCABULARY OF MOVEMENT IN THE N.V. GOGOL'S STORY “NEVSKY PROSPECT” AND ITS ITALIAN VERSION

Olga Ju. Shkolnikova, A.V. Dementieva

Moscow State University

Leninskie Gory, GSP-2, Moscow, 119992

Abstract. The paper examines the lexical means of rendering the concept “movement” in the Russian and Italian languages. On the basis of component analysis we found a number of differential semantic components as a mode of movement, its intensity, purpose, direction and others. The analysis demonstrates a series of differences between Russian and Italian lexical units on the level of semantic structure. It shows how Italian translator tries to find Italian words with meaning equivalent to Russian original.

Key words: comparative semantics, component analysis, vocabulary of movement, literary translation

REFERENCES

1. Gak, V.G. (1977). Comparative Lexicology of French and Russian Languages. Leningrad: Просвещение. (In Russ.).
2. Zalizniak, Anna A., Levontina, I.B., & Shmelev, A.D. (2005). The main ideas of Russian Language world outlook. Moscow: Languages of the Russian Culture. (In Russ.).
3. Ozhegov, S.I. (1973). Dictionary of Russian language. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
4. Efremova, T.F. (2000). The New Dictionary of Russian language. Moscow: Publishing House “Russian Language”. (In Russ.).

5. Nikitina, I.G. (2010). The ways of Representation of the Concept “movement” in the different structure languages: Russian, English and Chuvash [dissertation]. URL: <http://www.dissercat.com/content/sposoby-reprezentatsii-kontsepta-dvizhenie-v-raznostrukturnykh-yazykakh#ixzz4kTqKseru> (accessed: 10.06.2017). (In Russ.).

Для цитирования:

Школьникова О.Ю., Дементьева А.В. Бежать или лететь стрелой: лексика движения в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» и ее итальянском переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 811—825. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-811-825.

For citation:

Shkolnikova, O.Ju. & Dementieva, A.V (2017). To Run or to Fly like an Arrow from the Bow: Vocabulary of Movement in the N.V. Gogol's Story “Nevsky Prospect” and its Italian Version. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 811—825. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-811-825.

Olga Yu. Shkolnikova & A.V. Dementieva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 811—825. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-811-825.

Сведения об авторе:

Школьникова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; *научные интересы*: сопоставительные исследования романских языков и культуры в синхронии и диахронии, история латинского письма, проблемы издания рукописных текстов, теория и практика перевода; *e-mail*: chkolnikova@mail.ru

Bio Note:

Shkolnikova Olga Yurievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *Interests*: comparative studies of Romance Languages and culture in the synchronic and diachronic aspects, story of the Latin writing, the problems of the publishing of manuscripts, theory and practice of translation; *e-mail*: chkolnikova@mail.ru



УДК: 811.161.1'37:821.161.1-1:177.61
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЛЮБОВЬ» В РАМКАХ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В ПОЭТИЧЕСКОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.К. ТОЛСТОГО*

Е.А. Бурдина

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
241022 г. Брянск, ул. Профсоюзов, д. 9

Статья посвящена изучению понятия «Любовь» с точки зрения лексико-семантического аспекта на материале поэтических произведений и писем А.К. Толстого. Автор рассматривает лексемы, входящие в лексико-семантические поля «Любовь», «Время», «Пространство», выявляя смысловые сдвиги в их семантической структуре, происходящие под влиянием контекстного окружения. Лексико-семантическое выражение «хронотопа любви» в анализируемых текстах писем актуализирует локально-темпоральную сему в структуре лексем, не связанных с семантикой пространства и времени, что приводит к смысловому многообразию эпистолярия А.К. Толстого. Репрезентация философской категории «Любовь» в письмах поэта рассматривается в сопоставлении с лексико-семантическим выражением этого понятия в поэзии, для чего используется словарная статья «Любовь» поэтического словаря А.К. Толстого, находящегося в настоящее время в разработке. Сопоставительный анализ позволяет определить связь основных философских констант «время», «пространство», «движение» с понятиями «любовь» и «Бог», которые являются семантической основой текстов писем и поэтических произведений А.К. Толстого. Подобное исследование помогает определить круг основных лексических репрезентантов «хронотопа любви» в рассматриваемом фрагменте творчества писателя, что детализирует языковую картину мира автора и раскрывает мировосприятие элитарной языковой личности.

Ключевые слова: любовь, время, пространство, эпистолярный жанр, поэзия, А.К. Толстой, пространственно-временной континуум, контекст, лексика, семантика, словарь

ВВЕДЕНИЕ

Граф Алексей Константинович Толстой, его личность и творчество всегда были предметом обсуждения как современников писателя, так и более поздних поколений литературоведов. Двойственность его мировоззренческих позиций: вера в демократический расцвет Новгородской Руси, отождествляющийся с западным рыцарством, и ненависть к монгольскому периоду и эпохе Ивана Грозного; особое самоопределение по отношению к западничеству и славянофильству («двух станом не боец»), эстетика «искусства для искусства» при поэтическом реализме и активной социальной позиции значительно осложняли анализ его жизни и творчества.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Брянской области научного проекта № 17-14-32001а(р).

В любом случае критики сходятся во мнении, что А.К. Толстой внес значительный вклад в русскую литературу, показав себя талантливым лириком, сатириком, прозаиком и драматургом. Стоит, однако, отметить, что творчество А.К. Толстого исследовалось в большей степени с литературоведческих, а не лингвистических позиций, его же эпистолярное наследие вовсе не подвергалось лексико-семантическому анализу. Этим в первую очередь обусловлена актуальность и новизна нашего исследования.

В жизни креативной личности любовь способна выступать первоисточником творчества, и жизнь А.К. Толстого не является исключением: любовь для него символизировала идеал, к которому стремился писатель, наряду с верой и чувством изящного [Бельский 1912: 289]. Творчество А.К. Толстого раскрывает все грани этого чувства: от влечения до основы мироздания, любовь актуализируется как истинный, божественный путь в жизни, следование которому сопряжено с большими трудностями [Дмитриева 2006: 88].

Особый интерес для исследования в этом плане представляет лексико-семантическая репрезентация понятия «Любовь» в речи элитарной языковой личности, каковой является Алексей Константинович Толстой. Личностные качества адресанта и восприятие мира в базовых пространственно-временных понятиях находят наиболее яркую реализацию в личной переписке, что побудило нас выбрать в качестве объекта работы тексты писем А.К. Толстого, а предмета — лексико-семантическую репрезентацию в них лексем, формирующих лексико-семантическое поле «Любовь» в рамках авторского пространственно-временного континуума (хронотопа).

ПОНЯТИЕ «ЛЮБОВЬ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как известно, любовь является одним из фрагментов, составляющих концептуальную картину мира носителя любого языка, в мировосприятии которого это чувство нередко связано с представлениями о пространстве и в особенности времени (вспомним известную притчу «Любовь и время»). Действительно, в обыденном сознании физическое пространство служит испытанием для настоящей любви, а метафизическое пространство (душевное пространство, интрапространство) — вместительным для нее. Время же позволяет осознать важность любви, ее место в жизни человека, оценить силу чувства.

Понятие «Любовь» обладает разными коннотациями. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь, www], на слово-стимул «Любовь» в сознании носителей русского языка в первую очередь возникают ассоциаты, связанные с прецедентными текстами: *с первого взгляда* (ассоциативная норма), *до гроба, зла, и голуби, Яровая*. Затем следуют реакции, выражающие парадигматические (гиперо-гипонимические — *чувство*; антонимические — *ненависть*) и синтагматические отношения (*безответная, платоническая, светлая* и т.д.). Имеют место единичные когнитивные реакции, связанные с философским восприятием различных сторон этого чувства: *друга, к жизни, к людям, много зверей*, а также реакция на его табуирование —

это непринципиально. Отметим, что в числе периферийных ассоциатов нам встретились темпоральные (*вечная, вечность, жизнь*) и локальные лексемы (*душа*). Как видим, ассоциативное лексикографическое описание этого понятия касается многих его сторон «Любовь», однако преобладающим является, по всей видимости, аспект, связанный со взаимоотношениями людей.

Многими исследователями отмечается, что философская категория «Любовь», безусловно, тесно связана с иными фрагментами картины мира: «Семья», «Родство», «Дружба», «Ненависть», «Жалость», «Жертвенность», «Страсть» и т.п. [Салимова 2014: 173—175; Балашова 2006; Гибадуллина 2012; Севрюгина 2003]. Полагаем, в этот ряд можно включить понятия «Время» и «Пространство».

С.Г. Воркачëв, совершивший попытку создать «семантическую модель любви», опираясь на этические, психологические и лексикографические источники, определил следующие черты этого понятия: спонтанность, зависимость от природных и возрастных факторов, эмотивность, антиномичность, центральное место ценности объекта в системе личностных приоритетов, осознание уникальности объекта, его желанность субъектом и ответственность за его благополучие. Любовь, кроме того, может составлять смысл существования и моральный закон [Воркачëв 2003: 189—208]. Иначе говоря, это преходящее, конечное чувство, формирующее внутренний мир индивида, что наделяет лексико-семантическую репрезентацию понятия «Любовь» не только локально-темпоральными, но и кинетическими свойствами.

СЕМАНТИКА ЛЮБВИ, ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ПИСЬМАХ И ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.К. ТОЛСТОГО

Практически вся любовная лирика А.К. Толстого посвящена его спутнице жизни, С.А. Миллер-Толстой, и имплицитно в себе «милосердную силу *aganã*, где страсть присутствует в преображенном виде» [Дмитриева 2006: 89]. Действительно, лексема «любовь» в поэтических текстах А.К. Толстого находит проявление прежде всего в своем основном значении «глубокое эмоциональное влечение, сильное чувство к человеку противоположного пола»:

- (1) *Сама того не зная, Ты любишь в нем лишь первую любовь* [Толстой 1969 т. 1: 167];
- (2) *То на любовь мою в ответ Ты опустила вежды* [Толстой 1969 т. 1: 196];
- (3) *И, к ней [Ярославне] обращаясь, Гаральд говорит, С любовью в сияющем взоре...* [Толстой 1969 т. 1: 259].

Темпоральный компонент потенциальной семантики, обусловленной контекстом (1), как видим, связан с транспективной времени: чувство появилось в прошлом и длится до настоящего момента. Контексты (2) и (3) касаются локального компонента: это отражение любви субъектом в ее векторной направленности в метафизическом пространстве, о чем говорит употребление лексемы *в ответ* (2), или же сема «вместилище любви» в семной структуре лексемы *взор*, которая содержит метонимические связи с лексемой *душа* в традиционном употреблении в художественной литературе «вместилище чувств».

Можно утверждать, что сохранившиеся письма поэта к С.А. Миллер-Толстой также содержат в большей степени любовь-жалость, мотивированную ретроспек-

тивным субъективным временем, а именно воспоминаниями о прошлом Софьи Андреевны. О хромотопической основе любви говорит лексический комплекс эпистолярных текстов.

Бедное дитя, с тех пор, как ты брошена в жизнь, ты знала только бури и грозы. Даже и в самые лучшие минуты <...> тебя волновали какая-нибудь неотвязная забота... Когда я об этом думаю, мне видится домик, полускрытый деревьями, видится деревня... <...> Этот домик, эта благодатная и спокойная жизнь, все это — в нас самих. ...И даже среди мирской суеты мы можем быть одни и быть счастливыми [Толстой 1964 т. 4: 56].

Как видим, само понятие любви не находит в приведенном тексте лексической репрезентации, однако оно выражено в нем имплицитно посредством употребления эмотивных лексем-эпитетов *бедное*, *благодатная*, *спокойная*, *счастливыми*, характеризующих взаимное чувство. Контекст содержит темпоральную лексему *минуты*, относящуюся к центру лексико-семантического поля «Время», и лексему *жизнь*, которая имеет временную сему в третьем значении («время (целиком или частично) от рождения до смерти живого человека; век» [Словарь... 1955 т. 4: 69]). Однако, полагаем, справедливо будет утверждать, что последняя лексема посредством контекстного окружения приобретает потенциальную локальную сему, что показывает употребление ее словоформы с пространственным предлогом «в» и глагольной формы «брошена» (*брошена в жизнь*). Локальная сторона в хромотопе приведенного контекста репрезентируется лексемами *домик* (обратим внимание на суффикс субъективной оценки *-ик-*, сужающий пространство, делающий его более интимным), *деревня*, имплицитными физическое пространство и являющимися архетипами укрытия, убежища, и местоимением *мы*, приобретающим сему общего внутреннего мира, метафизического пространства в противоположность контекстному антониму *мирская суета*, заключающему в себе чуждое, порой враждебное влюбленным пространство.

В письме, написанном Софье Андреевне из Дрездена, находим:

Вот я здесь опять, и мне тяжело на сердце, когда вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату без тебя. Я только что приехал в 3 1/4 ч. утра, и не могу лечь, не сказав тебе то, что говорю тебе уже 20 лет, — что я не могу жить без тебя, что ты мое единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет тому назад. Кровь застывает в сердце при одной мысли, что я могу тебя потерять... Думая о тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, ни одной, все — лишь свет и счастье... [Толстой 1964: 346]

Приведенный контекст содержит значительное количество локальных лексем, образующих градацию сужающегося пространства: *здесь* (т.е. город, место в целом), *улицы*, *гостиница*, *комната*. Пространство словно концентрируется в одной точке, которая оказывается пустотой, обусловленной отсутствием любимого человека: *без тебя*. Это пространство, проявляющееся в эмоциональном и духовном аспектах. Локальной потенциальной семой наделяется и лексема *образ*, чему способствует употребление предлога «в».

Примечательно, что метафора *тень* дает характеристику, направленную как бы «внутри» субъекта, а лексемы *свет* и *счастье* репрезентируют качества, имеющие противоположную векторную направленность: образ будто излучает их, питая любовь автора. В рамках анализируемого текста чувство снова не находит прямого эксплицитного лексического выражения, однако контекстное окружение *единственное, сокровище, (не могу) жить*, безусловно, указывает на него. Интересно употребление трансформированной идиомы *кровь стынет в сердце* с заменой компонента (ср. *кровь стынет в жилах* — «кто-либо испытывает чувство сильного страха, ужаса и т.п.» [Фёдоров 2008 www]).

В семантической структуре лексемы *сердце*, которая традиционно, наряду с квазисинонимом *душа*, как мы уже упоминали, использовалась в поэтической, высокой речи в метонимическом значении «вместилище чувств», в результате такой замены наблюдается аппликация потенциальной локальной и эмотивной сем. Не случайно в пределах сравнительно небольшого контекста автор употребляет еще один трансформированный фразеологизм, передающий чувства, с этим же компонентом: *тяжело на сердце* (ср. с тяжелым сердцем — «в мрачном, подавленном состоянии; с чувством тревоги» [Фёдоров 2008 www]). Темпоральные лексемы, представляющие собою количественно-именные сочетания (*3 1/4 ч. утра, 20 лет*), усиливают экспрессию текста, характеризуя длительность, непрерывность и глубину любви автора. Анализируемый контекст, кроме того, эксплицирует постоянство чувства посредством лексем *опять, уже, тому назад*.

Еще одно письмо из Дрездена:

...Мне очень грустно и очень скучно, и глуп я был, что думал, что будет здесь приятно. Если б у меня был Бог знает какой успех литературный, если б мне где-нибудь на площади поставили статую, все это не стоило бы четверти часа — быть с тобой... <...> И тяжело слушать музыку без тебя; я будто через нее сближаюсь с тобой! [Любовные письма... 2010 www]

Минорная тональность эмотивных лексем *грустно, скучно, тяжело* передает одну из сторон сильного чувства, которое испытывает автор; локатив *здесь*, репрезентирующий физическое пространство, сочетается с воображаемым условным пространством, выраженным лексемами *где-нибудь* и *площадь*. Примечательно, что придаточное условия, обозначающее литературную славу и признание, уравнивается Толстым по семантической ценности с временным количественно-именным сочетанием *четверть часа* — малым отрезком времени, проведенным с любимой женщиной, но более важным в духовной жизни писателя.

Особой семантикой наделяется в приведенном контекстном окружении лексема *музыка*. Толстой, по его же словам, будучи необыкновенно восприимчивым ко всем видам искусства, особое место уделял музыке: не случайно его стихи не раз были положены в основу выдающихся музыкальных произведений. Здесь лексема *музыка* в соседстве с лексемой *сближаюсь* приобретает потенциальную сему «духовная близость», что позволяет отнести ее к периферии лексико-семантического поля «Пространство», а также рассмотреть в составе периферии лексико-семантического поля «Движение».

В другом письме интерес представляет использование локально-темпоральной лексики на фоне имплицитного выражения чувства любви:

...Я все думаю и гущу о Смалькове... (Толстой жил у Софьи Андреевны в Смалькове во второй половине ноября и в декабре 1854 г. — Прим ред. собрания сочинений А.К. Толстого.) Мне кажется, это — кульминационный пункт моей жизни... Я не заметил ни зимы, ни дурной погоды. Мне казалось, что была весна, я вывез из Смалькова впечатление зелени и счастья [Толстой 1964: 73].

Топоним *Смальково* (Смольково) является здесь репрезентантом хронотопа, поскольку содержит в себе как локальную сему, обозначающую определенное место, так и темпоральную, выражающую субъективное время — прошлое в жизни автора, воспоминание о времени, проведенном с любимой женщиной. Лексема *весна*, вступающая в окказиональные антонимические отношения с лексемой *зима*, в подобном контекстном окружении актуализирует оттенок значения «пора любви» [Словарь... 1951 т. 3: 117], это любовь-воспоминание, связанная не со страстными переживаниями сиюминутных событий [Дмитриева 2006: 90], но умственное созерцание былого. Словосочетание *кульминационный подъем* метафорически переосмысливается как «подъем душевных сил» (автор затем открыто употребляет лексему *счастье*), обусловленный любовью, и позволяет говорить о вертикально направленном метафизическом пространстве, близости к Богу.

Подобный вектор в метафизическом пространстве (словосочетание высокого стиля *судилище господне*) мы также можем видеть в тексте письма, которое включает в себя не столько размышление о любви, сколько ее безоговорочное, фатальное приятие:

Клянусь тебе, как я поклялся бы перед судилищем господним, что люблю тебя всеми <...> страданиями и радостями моей души. Прими эту любовь, какая она есть... не анализируй ее. <...> Мы знаем, что любовь не есть вечное чувство. <...> Поидем же смело навстречу, не заглядывая вперед и не оглядываясь назад, или лучше будем смотреть вперед, встретим лицом к лицу кроткую братскую дружбу, протягивающую к нам руки, и благословим Бога за то, что он посылает ее нам... Я в гораздо большей мере — ты, чем — я сам [Толстой 1964: 55—56].

В контексте содержится как лексема *любовь*, так и ее дериват — словоформа *люблю* в рамках кинетической локально-темпоральной трансспективы: *пойдем, навстречу, вперед, назад*. Любовь, посланная Богом, выводится автором за пределы вечности (*любовь не есть вечное чувство*). Подобная негативная дефиниция характеризует это сакральное чувство как конечное, но не умирающее, а перерождающееся в дружбу, что дается через репрезентацию развернутым олицетворением *кроткую братскую дружбу, протягивающую к нам руки*.

Два локально-темпоральных вектора: горизонтальный (движение чувства во времени от любви к дружбе) и вертикальный (связь человека с Богом посредством любви) — сочетаются с отождествлением духовного интрапространства любящих людей посредством актуализации потенциальной семантики личных местоимений (*я — ты — я*).

Р.Г. Магина упоминает, что нередко лирика А.К. Толстого содержит реминисценции, связанные с его письмами к Софье Андреевне. Так, 30 октября 1851-го

года, в тот же период, когда были написаны строки письма, приведенного выше, появилось на свет стихотворение «Ты не спрашивай, не распытывай...», практически полностью повторяющее мысли поэта о сакральности чувства, высказанные любимой женщине [Магина, 1972].

Поэтические тексты А.К. Толстого действительно нередко содержат лексему «любовь» в значении «божественное начало, первооснова и внутренняя энергия мироздания, всего сущего во Вселенной»:

- (1) *И всюду звук, и всюду свет, И всем мирам одно начало, И ничего в природе нет, Что бы любовью не дышало* [Толстой 1969 т. 1: 82];
- (2) *Свети лишь ты, небесная любовь, В моей ночи звездой лучезарной!* [Толстой 1969 т. 1: 492];
- (3) *И в юном восторге познала она, Молитвой паря в необъятном просторе, Бездонной любви безбрежное море* [Толстой 1964, т. 1: 491].

Именно этот лексико-семантический вариант наиболее, по нашему мнению, хронотопичен, поскольку время и пространство гармонично заключено в божественном начале, точке отсчета мироздания, что репрезентируется лексическим комплексом *всюду, всем, мирам, начало* (1). Контекст (2) представляет пространственно-временной континуум посредством локальной лексики *небесная* и темпоральной — *ночи*, а контекст (3) в лексическом комплексе *юный* (время жизни), *простор, бездонной, безбрежное* (пространство).

Интересно, что две последние лексемы представляют в контексте как бы «крестообразное» наложение: *бездонной* реализует вертикальное пространство, а *безбрежное* — горизонтальное. Глагольная форма *паря* совмещает в себе семы как пространства, так и движения, а синтаксически зависимое от нее слово *молитвой* углубляет и расширяет метафизическое, сакральное пространство.

Размышления о любви через общение с Богом, через молитву о благе любимого человека находим также в следующих двух письмах:

- (1) *Просить с верой у Бога, чтобы Он отстранил несчастье от любимого человека — не есть бесплодное дело... чем более вы приближаетесь к Богу, тем более вы становитесь в независимость от вашего тела, и потому ваша душа менее стеснена пространством и материей, которые отделяют ее от той души, за которую она молится. <...> ...какое влияние может быть сильнее, чем влияние души, приближающейся к Богу с горячим желанием, чтобы все обстоятельства содействовали счастью души друга?;*
- (2) *Мне кажется, что первобытное состояние нашей души — сильная любовь к добру или к Богу, которую мы теряем с холодным прикосновением к матери, в которой заключается наша душа. Это и есть причина тому чувству необходимости любви, которое мучает иных людей, и тому радостному чувству и счастью, которое они ощущают, когда они, согреваясь и тая, возвращаются к своему первоначальному нормальному существованию... <...> Бог позволяет, время от времени, чтобы в этой жизни немного тепла оживило нашу душу и напомнило бы ей случайно то блаженное состояние, в котором она находилась до своего заключения... и к которому возвращение обещано нам после смерти. Это бывает, когда мы любим женщину, мать или ребенка... [Любовные письма... 2010, www].*

Из приведенных контекстов следует четкое разделение семантики лексем пространственно-временного континуума в мировосприятии А.К. Толстого. Первая разновидность — это хронотоп божественного существования. Вертикальный вектор исходит из интрапространства души и обращается (возвращается) к Богу и во времени, и в пространстве (лексический комплекс: (1) *Бог, приближается, приближающейся*; (2) *возвращается, находилась, возвращение, после смерти*). Это пребывание души в непосредственной близости со своим Создателем, в свете его любви, дающем ощущение былого счастья в жизни до рождения. Вторая разновидность — это хронотоп реальности, земного существования (лексический комплекс: (1) *тело, пространство, материя*; (2) *холодное прикосновение, материя, заключается, заключение, в этой жизни*). Душа, стремящаяся к Богу, заключена в темницу тела, земного бытия в ожидании будущего блаженства в жизни после смерти. Именно в любви, по мнению автора, человек на короткий срок (*время от времени*) способен вернуться к небесной жизни, приблизиться к Богу, дарующему это чувство. В молитве за любимого человека любовь земная (филия) и любовь небесная (агапэ) гармонично объединяются.

Подобный синкретизм находит место и в поэтических текстах А.К. Толстого, что позволяет говорить об особом лексико-семантическом варианте лексемы «любовь», совмещающем в себе как значение «глубокое эмоциональное влечение, сильное чувство к человеку противоположного пола», так и семему «божественное начало, первооснова и внутренняя энергия мироздания, всего сущего во Вселенной»:

- (1) *И мысли все, и жизнь, и кровь, И каждой жилки бьенье Отдам я с радостью той, Которой образ милый Меня любовью святой Исполнит до могилы* [Толстой 1964 т. 1: 469];
- (2) *Слиясь в одну любовь, мы цепи бесконечной Единое звено, // И выше восходить в сиянье правды вечной Нам врозь не суждено* [Толстой 1969 т. 1: 160].

В первом случае локально-темпоральная семантика контекста, включающего лексему «любовь», построена на интрапространстве (*мысли, кровь, исполнит* — лексемы, обозначающие тело и дух лирического героя, «сущность» и «темницу»), *жизнь, до могилы* — лексемы с временной семантикой с потенциальными семами «длительность», «постоянство» (1). Во втором контексте пространство выходит за рамки земного бытия и устремляется ввысь, к божественной сущности человека (*выше восходить*), не зависимой от земного времени (*вечной*). Единство влюбленных в божественном чувстве, невозможность разъединения, пока жива любовь, находит лексическую реализацию в контекстных антонимах *слиясь* и *врозь* (2).

И.Г. Ямпольский отмечает, что интимная лирика Толстого нередко объединяет в себе постоянные черты образа лирического героя, в результате чего может создаваться впечатление, что перед нами «нечто вроде лирической поэмы, лирического дневника, фиксирующего точные биографические факты и передающего характер и историю взаимоотношений между героями» [Ямпольский 1974: 115.] Такие параллели между эпистолярными и поэтическими произведениями позволяют, на наш взгляд, говорить о цельности натуры А.К. Толстого, его предельной искренности в жизни и творчестве.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ лексико-семантической стороны эпистолярного и поэтического наследия А.К. Толстого показал, что система взглядов поэта на любовь полностью отражает особенности его мирозерцания. Основные философские константы «время», «пространство», «движение» переплетаются в сознании писателя с понятиями «любовь» и «Бог», что находит яркое отражение в их лексико-семантических репрезентантах в текстах писем и поэтических произведений А.К. Толстого. В результате влияния контекстного окружения лексемы, не связанные в своем основном значении с пространственно-временным значением, способны приобретать и актуализировать локально-темпоральную сему. Отсюда хроно-топ любви в письмах и поэтических текстах А.К. Толстого может репрезентироваться следующими лексемами, представляющими то или иное контекстное окружение в своей совокупности: 1) непосредственно гиперонимом «любовь», относящимся к ядру лексико-семантического поля, и его дериватами *любить, любимый, люблю*; 2) лексемой, близкой по гиперо-гипонимической отнесенности в приведенном сочетании к понятию «любовь» — *братская дружба*; 3) эмотивными лексемами и окказиональными идиомами при имплицитном выражении чувства любви как с негативной коннотацией (*тяжело на сердце, кровь застывает в сердце, грустно, скучно*), так и с позитивной (*свет, счастье, сокровище, блаженство, радость*); 4) локальными лексемами, выражающими духовное пространство (*душа, музыка, ты, я, мысли*), материальное (*пространство, материя*), метафизическое (*заключение, к Богу, судилище господне, небесный, выше, бездонный, безбрежный*); 5) темпоральными лексемами, актуализирующими наряду со своим прямым значением метафорическую коннотацию (*весна, зима, 15 минут = краткосрочность, вечный, до могилы*); 6) лексемами, включающими в свою семантическую структуру как локальную, так и темпоральную сему (*Смальково, жизнь = земная и небесная, начало*); 7) лексемами с семантикой движения (*сближаюсь, пойдём, приближается, паря, ввысь*); 8) лексемами, объединяющими в своей семантической структуре семы времени, пространства и движения (*навстречу, вперед, назад*).

Семантические сдвиги в лексическом комплексе, репрезентирующем пространственно-временной континуум, обогащают лексико-семантическое поле «Любовь», представленное в эпистолярном наследии А.К. Толстого и его творчестве в целом, а также помогают более детально рассмотреть картину мира писателя.

© Бурдина Е.А.

Дата поступления: 26.09.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Балашова Е.Ю.* Концепты «Любовь» и «Ненависть» в русском и американском языковом сознании: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
2. *Бельский А.В.* Поэтическая летопись душевных настроений в произведениях А.К. Толстого // Алексей Константинович Толстой. Его жизнь и произведения: Сб. историко-литературных статей / Сост. В.И. Покровский. М., 1912. С. 283—290.

3. *Воркачев С.Г.* Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189—208.
4. *Гибадуллина Л.З.* Объективация концептов «Любовь» и «Семья» в татарской и русской языковой картине мира (на материале современной женской прозы): автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2012.
5. *Дмитриева М.А.* Проблема идеала в творчестве А.К. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006.
6. *Любовные письма великих людей. Книга 3. Соотечественники.* М.: Добрая книга, 2010. 320 с. URL: <http://www.fanread.net/book/11780280/?page=16> (дата обращения: 21.07.2017).
7. *Магина Р.Г.* О поэтическом мастерстве А.К. Толстого-лирика // Филологические этюды. Серия «Рус. лит.». Вып. 1. Ростов н/Д: РТУ, 1972. С. 45—60.
8. *Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов.* URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 25.07.2017).
9. *Салимова Л.М.* О лингвокультурном концепте «Любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 173—175.
10. *Севрюгина Е.В.* Языковое отражение концептов «любовь» и «красота» в поэзии Ф.И. Тютчева и У. Вордсворта: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
11. *Словарь современного русского языка.* М., Л.: Академия наук, 1951. Т. 3.
12. *Словарь современного русского языка.* М., Л.: Академия наук, 1955. Т. 4.
13. *Толстой А.К.* Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1.
14. *Толстой А.К.* Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Художественная литература, 1964. Т. 4.
15. *Толстой А.К.* Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Библиотека «Огонек», Изд-во «Правда», 1969. Т. 1.
16. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. URL: <http://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 30.07.2017).
17. *Ямпольский И.Г.* Середина века: Очерки о русской поэзии 1840—1870 гг. Л.: Художественная литература, 1974.

УДК: 811.161.1'37:821.161.1-1:177.61

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837

**LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION
OF THE PHILOSOPHICAL CATEGORY “LOVE”
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SPACE-TIME CONTINUUM
IN THE POETIC AND EPISTOLARY HERITAGE OF A.K. TOLSTOY***

Elena A. Burdina

Ivan Petrovsky Bryansk State University
14, Bezytskaya, Bryansk, Russia, 241036

Abstract. The article is devoted to the study of the definition of “Love” based on the lexico-semantic aspect presented in the lyrics and letters of A.K. Tolstoy. The author investigates the lexemes included in the lexical semantic fields “Love”, “Time”, “Space”, revealing the semantic changes in their semantic

* The study was supported by RFBR and Gouvernement of the Bryansk region, project № 17-14-32001a(p).

structure which occur under the influence of the contextual environment. The lexico-semantic expression of the “chronotope of love” in the analyzed texts of the letters actualizes the local-temporal seme in the structure of lexemes that are not related to the semantics of space and time, which leads to the semantic variety of the A.K. Tolstoy’s epistolary. The representation of the philosophical category “Love” in the poet’s letters is compared with the lexical-semantic expression of this concept in the author’s poetry. The comparison is made with the help of the dictionary article “Love” from the poetic vocabulary of A.K. Tolstoy’s language, which is currently under development, is used. The comparative analysis allows us to determine the relation of the main philosophical constants “time”, “space”, “movement” to the concepts of “love” and “God”, which are the semantic basis of texts of the letters and poetic works of A.K. Tolstoy. Such a study allows us to determine the range of the main lexical representatives of the “love chronotope” in the considered fragment of the writer’s work, which details the linguistic picture of the author’s world and reveals the worldview of the elite language personality.

Key words: Love, time, space, epistolary genre, poetry, A.K. Tolstoy, the space-time continuum, context, vocabulary, semantics

REFERENCES

1. Balashova, E.Y. (2006). Concepts of “Love” and “Hate” in the Russian and American linguistic consciousness. Saratov. (In Russ.).
2. Belsky, A.V. (1912). Poetic chronicle of spiritual sentiments in the works of A.K. Tolstoy. In: *Alexei Tolstoy. His life and works*. Moscow, pp. 283—290. (In Russ.).
3. Vorkachev, S.G. (2003). The concept of love in the Russian language consciousness In: *Communicative Studies 2003: Contemporary Anthology*. Volgograd: Peremena, pp. 189—208. (In Russ.).
4. Gibadullina, L.Z. (2012). Objectivization of the concepts “Love” and “Family” in the Tatar and Russian language picture of the world (on the basis of modern female prose). Ufa. (In Russ.).
5. Dmitrieva, M.A. (2006). The problem of the ideal in the works of A.K. Tolstoy. Veliky Novgorod. (In Russ.).
6. Love letters of great people. Book 3. Compatriots. Moscow, 2010. Available at: www.fanread.net/book/11780280/?page=16. (In Russ.).
7. Magina, R.G. (1972). On the poetic skills of A.K. Tolstoy the lyrical poet, *Philological studies. The series “Rus. Lit.”. Issue 1*. Rostov on Don: RTU, pp. 45—60. (In Russ.).
8. Russian associative dictionary available at: www.thesaurus.ru/dict/dict.php. (In Russ.).
9. Salimova, L.M. (2014). On the linguocultural concept “Love” in the Russian language picture of the world In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 2 (32): Tambov: Gramota, pp. 173—175. (In Russ.).
10. Sevryugina, E.V. (2003). The linguistic reflection of the concepts “love” and “beauty” in the poetry of F.I. Tyutchev and W. Wordsworth, Moscow. (In Russ.).
11. Dictionary of the modern Russian language (1951). Vol. 3. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk. (In Russ.).
12. Dictionary of the modern Russian language (1955). Vol. 4. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk. (In Russ.).
13. Tolstoy, A.K. (1964). Collected works in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
14. Tolstoy, A.K. (1964). Collected works in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
15. Tolstoy, A.K. (1969). Collected works in 4 vols. Vol. 1. Moscow: M.: Biblioteka “Ogonyok”, Izd-vo “Pravda”. (In Russ.).
16. Fedorov, A.I. (2008). Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language. Moscow: AST, available at: www.phraseology.academic.ru (In Russ.).
17. Yampolsky, I.G. (1974). Mid-century: Essays on Russian poetry of 1840—1870. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Для цитирования:

Бурдина Е.А. Лексико-семантическая репрезентация философской категории «любовь» в рамках пространственно-временного континуума в поэтическом и эпистолярном наследии А.К. Толстого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 826—837. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837.

For citation:

Burdina, E.A. (2017). Lexico-semantic representation of the philosophical category “love” within the framework of the space-time continuum in the poetic and epistolary heritage of A.K. Tolstoy. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 826—837. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837.

Elena A. Burdina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 826—837. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837.

Сведения об авторе:

Бурдина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского; *научные интересы*: семантика, лексикология, лингвистический анализ текста, лексикография; *e-mail*: burdinaele@yandex.ru; ORCID iD 0000-0001-8374-1231; SPIN-код 1494-4358

Bio Note:

Burdina Elena Alexandrovna, PhD (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department of the Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, *Scientific Interests*: semantics, lexicology, linguistic analysis of text, lexicography; *e-mail*: burdinaele@yandex.ru; ORCID iD 0000-0001-8374-1231; SPIN 1494-4358



АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ

УДК: 659.1:811.111'27:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-838-846

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ АНОНС НА ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА *The Economist*

Т.Г. Матулевич

Новосибирский государственный технический университет
проспект К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073

Работа посвящена семиотически гетерогенному произведению с обложки британского политико-экономического еженедельника. В статье показано, что формат журнала обуславливает своеобразие функционирования в нем анонса в виде креолизованного текста. Предъявление последнего там, в отличие от принятой в газете практики, опережает предъявление увязанной с ним передовой статьи. Наряду с этим, уменьшенный обложечный креолизованный текст регулярно воспроизводится в виде одного своего компонента, компонентов или их репрезентативных фрагментов на внутренних страницах журнала. Особенность функционирования обложечного креолизованного текста состоит также в интеграции им анонса тематически близкой подборки статей. Отмеченные особенности отвечают потребностям комфортности коммуникации и способствуют оптимизации этого процесса.

Ключевые слова: анонс, журнал, креолизованный текст (КТ), изоверб, вербальный компонент (ВК), пластический компонент (ПК)

ВВЕДЕНИЕ

На страницах зарубежных и отечественных журналов, различающихся тематикой, целевой читательской аудиторией, степенью солидности, обычно фигурирует «статья, проиллюстрированная на обложке» [cover story 1996: 221]. Оглавления русскоязычных медиа-изданий иногда подают ее под грифом «Тема номера» [см.: *Огонек* 2017 г.]. Ее анонс, состоящий из изображения с надписью (подписью) к нему, представляет собой креолизованный текст (КТ).

Числу журналов, постоянно публикующих на обложке креолизованный анонс передовой статьи, принадлежит британский *Экономист*. Страноведческий словарь характеризует его как «...политико-экономический журнал консервативного направления; влиятельный орган промышленных и финансовых кругов...» [Ecopm-ist, The 1999: 176]. Вероятно, сам он и ныне хотя бы отчасти оспорит приведенную характеристику. По словам его редактора 2000 г. Б. Эммота, «...философия *Экономиста* всегда была либеральной, не консервативной» [Emmot 2017].

Владельцы журнала утверждают, что он ориентирован на высокообразованную аудиторию, что его читают руководящие работники и высшие должностные

лица [The Economist 2017]. В 2014 г. тираж его составил более 1,5 млн экземпляров. Журнал делит область своего распространения на восемь регионов (Северная Америка, Юго-восточная Азия, ЕС, др.), охватывая практически весь мир. При выборе темы передовой статьи и анонсирующего ее на обложке креолизованного текста редакторы учитывают запросы потенциального адресата в глобальном масштабе. Содержательно она отвечает актуальности информационного повода для лишь одного, двух-трех, всех восьми регионов.

Данное медиа-издание стало в России объектом диссертационных исследований. Усматривая в нем ценный ресурс, в том числе источник сведений о языке современной британской прессы, нельзя не заметить, что журнал выработал свой стиль оформления обложек. Они открывают большие возможности изучения креолизованного текста. Приступая к выполнению данной задачи, целесообразно выяснить прежде всего, сказывается ли на его функционировании формат журнала, отметить наиболее явное сходство и отличие его от других типов креолизованного текста. Материал исследования составляют номера 2008—2017 гг. (economist.com/print).

АНОНС НА ЖУРНАЛЬНОЙ ОБЛОЖКЕ КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ

Теория журналистики воздает должное дизайну обложек журналов [см., напр.: Цветкова 2014]. В то же время ни в журналистике, ни в складывающейся ныне соответствующей лингвистической теории обсуждаемое здесь произведение не выделяется в отдельный тип. Не упоминаемое среди «наиболее актуальных в современном информационно-текстовом пространстве типов креолизованного текста», которым отнесены кинотекст, реклама, политическая карикатура, плакат [Ворошилова 2006: 187], оно, однако, вполне обоснованно попадает в число таковых, поскольку при оформлении своих обложек некоторые журналы демонстрируют пристрастие жанру политической карикатуры (напр., британские *Нью стейтсмен*, *Спектейтор*).

Особенностью, обуславливающей качественную определенность креолизованного [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181], или поликодового [Ейгер, Юхт 1974: 107] текста (афиши, научной или научно-технической публикации с формулами, графиками и подобн., театральной постановки, проч.), признана семиотическая негомогенность, двучастность его фактуры, складывающейся из вербальной и невербальной составляющих. Термин «креолизованный текст» подразумевает меру смысловой спаянности (слитности) вербального и невербального компонентов произведения, явствующей из их автосемантии или синсемантии [Анисимова 2003: 15]. Среди креолизованных текстов выделяются те, которые сопрягают потенциалы языкового и изобразительного кодов и получили терминологические обозначения «видеовербальный текст», «изовербальный комплекс», «изоверб» и др.

По задействованным в них визуально воспринимаемым знаковым системам вышеуказанные произведения с обложек заслуживают места в той группе, где взаимодействуют средства семиотической системы естественного языка и изобразительной знаковой системы. Им можно присвоить метонимически мотивированные видовые названия «обложечный креолизованный текст», «обложечный изоверб».

В зависимости от роли надписи/подписи в их структуре креолизованные тексты в печатных изданиях были подразделены на три основные группы: состоящие из изображения и подписи; из основного текста и изображения; из основного текста, изображения и подписи или нескольких таких единиц [Анисимова 2003: 65—67]. Интенсивность связей допускает не только обособленное размещение подписи и изображения, но и интеграцию их [там же: 28—29]. При отсутствии основного текста, как у плаката, или при его дистантности, как у обложечного изверба, перед реципиентом последнего предстают два взаимодействующих компонента: преимущественно пластическое плоскостное изображение (пластический компонент — ПК, или изображение) и надпись/подпись (согласно размещению над или под ПК), или вербальный компонент (ВК).

Будучи изолирован от увязанной с ним статьи, обложечный изверб обычно вполне вразумителен сам по себе и потому самодостаточен. Этим свойством, а также своей обозримостью, тиражированностью, искомому воздействию в области распространения идеи в массах он напоминает иной раз плакат. В подтверждение того достаточно упомянуть провокационную обложку ирландского журнала *Village*, демонстрирующую профиль недавно избранного 45-го Президента США под прицелом огнестрельного оружия с подписью *Why not?* (Почему бы и нет?), призывный прагматический смысл других обложечных КТ.

Участвующие в политической борьбе и информационной войне журналы порой делают обложку мощным оружием в своих руках, пользуясь ее компактностью и обозримостью, способностью публикуемого там произведения сопрягать силу слова и видеоряда. Не случайно при обострении политических схваток, например в период выборов и принятия других общественно значимых решений, на журнальных обложках возникает несколько преобразованный хорошо известный плакат (Febr27/2016/NAм) (Sept27/2008/NAм). Журнальная обложка есть своеобразный социокультурный локус, где в той или иной дискурсивной стратегии со всей наглядностью не только отражается, но и разворачивается во временной перспективе общественно-политическая жизнь.

Журнал *Экономист* действует там не без доли осмотрительности. Выпуская региональный номер для только своей страны или для нескольких регионов распространения, он позволяет себе переступить сдерживающие рамки политкорректности. На обложке номера, предназначенного для лишь пяти регионов из восьми, можно найти едкую бессловную карикатуру на Президента Дж. Буша-мл. (Oct29/2005/NAм), картину отдельного недостатка страны Запада. В то же время компрометирующее Президента Трампа столь же бессловное портретное изображение (Aug19/2017) предлагается читательскому сообществу всех восьми регионов без ограничения.

ОБЛОЖЕЧНЫЙ ИЗОВЕРБ И АНОНСИРУЕМАЯ ИМ СТАТЬЯ

При всей своей самодостаточности КТ на обложке инкорпорирован в среду бытования. Формат журнала обуславливает особенности функционирования обложечного изверба. Они проявляются при сравнении его с использованием КТ в другом виде прессы.

Публикации на первой полосе газеты удостаиваются передовая статья с фотографиями и другими ПК, анонсы прочих материалов. Журнальная обложка также анонсирует одну или несколько статей. В Оглавлении некоторые журналы комментируют или воспроизводят, в сопровождении резюме анонсируемой статьи, уменьшенную обложку (см., напр., американские научно-популярные *Сайэнтифик американ*, *Нэшнл джиографик*). Уменьшенный, целый или сокращенный и потому содержательно слегка урезанный обложечный КТ может переключаться еще дальше — на внутреннюю страницу к самой статье. Формат газеты не предусматривает регулярную дистантность и воспроизведение компонентов изоверба, хотя текст статьи с первой полосы может разноситься по страницам.

В журнале *Экономист* опережающее предъявление КТ, увязанного с одной из передовых статей, воспроизведение компонентов обложечного изоверба на внутренних страницах является правилом. Анонсируемая на обложке статья печатается среди других передовиц после сводки новостей, рекламных объявлений. Путь к ней пролагает уменьшенный целый или урезанный, содержательно слегка обедненный ПК обложечного изоверба, размещаемый рядом с оглавлением над подписью «На обложке» вместе с резюме и указанием страницы. Уменьшенный, зачастую урезанный или, наоборот, более четко прорисованный ПК фигурирует далее при самой передовице. Со своей стороны, ВК совпадает с заглавием статьи, или интегрируется в него лишь своим фрагментом, или перифразируется в нем. Нередко при статье печатаются без изменения оба компонента КТ. Изредка изображение при передовице несколько отличается от такового на обложке, но тогда совпадение демонстрируют ее заглавие и текст ВК (Oct19/2013: 1, 11). В любом случае возникающая благодаря полному или частичному повтору компонентов связь между изовербом и дистантной статьей визуализируется вполне надежно. Два компонента чередуются в выполнении «навигационной» функции или подкрепляют друг друга в этом качестве.

В результате обложечный изоверб так или иначе интегрируется в публикуемую статью. Его ПК воспроизводится преимущественно дважды, нередко содержательно обедненным, а ВК воспроизводится однократно, зачастую не дословно и не полностью, но и тогда просматривается в заголовочном комплексе передовицы. Порождаемый полным или частичным повтором акцент направляет реципиента к анонсируемой статье; за счет картинки или ВК облегчает идентификацию ее на внутренних страницах среди прочих передовиц, что особенно существенно при несовпадении картинок или отличии заголовка от ВК; устанавливает обратную связь с обложечным изовербом, чем повышает эффективность чтения и осмысления статьи, укореняя в сознании основную ее мысль. Возникающие на этой основе избыточность кодировки информации, надежность продвижения к анонсируемой статье отвечают потребностям читателя, обеспечивают комфортность процесса коммуникации.

ОБЛОЖЕЧНЫЙ ИЗОВЕРБ И АНОНС ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДБОРКИ

Формат журнала накладывает и другой отпечаток на функционирование рассматриваемого произведения. Обложечный изоверб взаимодействует с некоторыми выносимыми на обложку анонсами публикуемой в номере многостраничной

тематической подборки материалов. В полной своей форме такие анонсы, чья краткость диктуется природой жанра, извещают о теме указанной подборки, зачастую и ее объеме в страницах; в неполной нет формулировки темы и присутствует лишь общее название публикации — *A special report*, иногда с указанием листажа. Выделяемый здесь для изучения тип анонса подборки встречается, когда ее тема совпадает с темой изоверба и передовицы. Если этого тройного совпадения нет, анонс подборки предстает пространственно изолированным от КТ: располагается либо на зарезервированной для него узкой цветной полосе над логотипом журнала (Sep13/2014), либо (гораздо реже) в столбце прочих анонсов напротив логотипа (Feb11/2017: 1, 10, 14-16) (Jan3/2009).

Рассматриваемые ниже проявления взаимодействия обложечного КТ и анонса подборки возникают при вторжении последнего на поле изоверба, обнаруживая там смысловую связь и пространственную интеграцию двух анонсов. Полный или неполный анонс подборки может располагаться на строках сопредельных таковым ВК и дистантных, всегда ниже, обычно с иной супраграфемикой: *How to save Europe A special report on the future of the EU* (Mar29/2017/Eu) ср.: (Apr9/2011). Интенсивность и механизмы их взаимодействия варьируют, что требует раздельного описания соответствующих комбинаций в двух группах в зависимости от полноты содержания анонса подборки.

В первую группу входят те образцы анонса подборки, в которых есть формулировка темы. Это делает его полным и самодостаточным постольку, поскольку для определения поднимаемой в нем проблематики не требуется обращения к ВК изоверба.

Более того, благодаря своему содержанию он может оптимизировать условия смысловой обработки семиотически гетерогенного произведения в целом. Так, ПК (May28/2011/AsPac) представляет собой изобразительную метафору, экспликантом которой выступает картинка россыпи золотых самородков в форме материка и островов Австралийского Союза. ВК данного изоверба *The next Golden State* над изображением содержит словесную метафору, уподобляющую ту страну американскому штату Калифорния, Золотому штату по официальному его прозвищу. В условиях двойной метафоризации полный анонс подборки *A 16-page special report on Australia* размещен так, что фигурирующее в нем краткое официальное название страны почти целиком попадает под букворяд орфограммы прозвища американского штата. Вследствие того в одном поле зрения оказываются два близлежащих имени собственных: одно идентифицирующее, другое входящее в смысл сообщения о единичном предмете. Между ними возникает и замыкается смысловая связь, подкрепляющая успешность интерпретации прагматического смысла изоверба. Регулярность подобного сближения (напр., couple и CHINA AND AMERICA) (Oct24/2009) дает основания полагать, что это не случайно возникающая удача, а ценный и сознательно применяемый ресурс. Формулировка темы анонса способствует повышению комфортности коммуникации за счет избыточности кодировки информации и синергии сопричастующих средств семиотических систем.

Тот же эффект достигается в образце (July25/2009), где формулировка темы анонса оптимизирует условия интерпретации КТ: *Waking from its sleep A 14-page special report on the Arab world* (Пробуждение ото сна 14-страничная подборка материалов об арабском мире). ПК-фотография содержит ряд индикативных признаков

региона. На персонажах арабские одежды и головные уборы, под ногами их раскинулись волны песка, в простирающемся перед ними мареве видны нефтяные вышки — еще один атрибут арабского мира. Корректность и комфортность идентификации референта притяжательного местоимения, описывающего экспириенсив обозначенного в ВК состояния пробуждения, гарантирует также пространственная близость этой словоформы и фразы *the Arab world*. Силами анонса подборки достигается бесспорная идентификация региона места действия в извербе (May14/2016) с ВК *The war within A SPECIAL REPORT ON THE ARAB WORLD (Война внутри ПОДБОРКА МАТЕРИАЛОВ ОБ АРАБСКОМ МИРЕ)*. Сам КТ, рассчитанный на осведомленного реципиента, дает лишь зацепки для предположений относительно денотата места действия в кадре, вероятно Пальмиры (Сирия). Составляющая ПК репортажная фотография показывает изнутри анфиладу поврежденных, но сохранивших свое величие арок архитектурного сооружения, в ней несколько человек, по-видимому восточной национальности, в пуленепробиваемых жилетах и с оружием в руках. ВК не обеспечивает идентификацию места события. Оно устанавливается, с удовлетворительной согласно авторской интенции степенью конкретности, благодаря учету близлежащего анонса подборки, включающего в себя идентифицирующий языковой знак *THE ARAB WORLD*.

Ко второй группе отнесены КТ с тем анонсом, в котором отсутствует формулировка темы подборки. Ее оглашает, выполняя свое предназначение, ВК изверба. Сам же занимающий сопредельные, обычно нижележащие строчки анонс подборки извещает лишь о наличии последней в данном номере, иной раз и об ее объеме: *Cuba hurtles towards capitalism A 10-PAGE SPECIAL REPORT (Mar24/2012/ NAM)*. Степень интеграции неполного анонса подборки в ВК изверба может быть еще выше: *The whole world is going to university Is it worth it? A SPECIAL REPORT (Mar28/2015)*. Здесь два анонса увязаны не только по смыслу, но также размещением их частично в одной строке, а не в разных, как обычно, и бóльшим единством средств супраграфемии. При различии рисунка шрифта аллографам вопросительного предложения — конституента ВК и аллографам анонса подборки приданы одинаковые цвет и высота.

Контактное положение анонса подборки и ВК приносит в подобных случаях свою пользу, основанную на связности текста. Оно дает возможность избежать ненужного вербального повтора и вместе с тем уменьшить графическую протяженность речевой цепи без ущерба для комфортности коммуникации.

Обе группы дают пример игры анонсами. Перечисляя в составном ВК изверба общественные явления, авторы допускают явное озорство, когда вопреки правилу сочетаемости вводят в ряд однородных членов название речевого жанра, а именно анонса тематической подборки, т.е. явления иной категории: *Saving the world THE PANIC, THE RESCUES, AND A SPECIAL REPORT (Oct11/2008) (Как уберечь мир ПАНИКА, МЕРОПРИЯТИЯ ПО СПАСЕНИЮ, И ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА)*. Это образец злоупотребления эстетической функцией естественного языка, рассчитанного на юмористический эффект.

Если при описании второй группы говорилось о пространственной интеграции единиц одной семиотической системы — естественного языка, то в первой группе встречаются случаи пространственной интеграции единиц разных семиотических систем. В этих случаях анонсу подборки выделяют место в ПК на кар-

тинке предмета, неподходящего для данного речевого жанра по совместной встречаемости в реальном бытии: на мембране барабана (May23/20015), на щитке, прибитом к воткнутой в прибрежный песок безлюдного островка палке (Feb16/2013). Авторы вновь проказничают, не соблюдая традицию корректного размещения единиц речевого жанра.

Их игра не всегда безобидна. Журнал не останавливается перед поистине устрашающей пейоризацией образа человека. Словосочетание *A SPECIAL REPORT ON RUSSIA* (Oct22/2016) интегрировано в изображение лица представителя верховной государственной власти так, что поставленные в два ряда над друг другом белые аллографы на затененной области рта напоминают обнаженные в оскале зубы. Анонсу тематической подборки здесь приданы, наряду с обычной информативной, несвойственные ему ярко выраженные дополнительные функции: экспрессивная и формирующая имидж. Обе рассчитаны на отрицательный эмоциональный эффект. Данный образец есть плод игры языковым знаком в процессе креолизации ПК.

Интегрированный в КТ анонс тематической подборки демонстрирует свою долю синергии и тем оправдывает свое там сопричастие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционирование обложечного КТ в журнале *Экономист* имеет некоторые особенности по сравнению с родственным ему по месту бытования в прессе газетным. Своеобразие использования его состоит прежде всего в опережающем передовую статью предьявлении. Воспроизведение КТ на внутренних страницах целиком или частями обеспечивает визуализацию его связи с дистантной передовой статьей и служит навигационной цели подвода к ней. Третья особенность функционирования обложечного изоверба проявляется в его способности интегрировать анонс тематически близкой подборки материалов.

Изоверб может напоминать некоторыми своими признаками плакат. Обусловленная журнальным форматом функциональная нагрузка обложечного изоверба выше по сравнению с таковой плаката. По сравнению с газетным, обложечный изоверб демонстрирует большую мобильность на поле страницы. Наличие у перечисленных креолизованных текстов сходства и отличия говорит об актуальности сравнительного исследования их. Оно позволит уточнить место обложечного изоверба в ряду однородных произведений.

Обложечный изоверб выступает как интегрируемой, так и интегрирующей единицей. В отношении анонсируемых статьи и подборки он выполняет по крайней мере аттрактивную и информативную функции, а любой из двух его компонентов или весь КТ при передовице выполняет идентифицирующую и связующую функции, обеспечивает избыточность кодировки информации, навигационные ориентиры на страницах и комфортность процесса коммуникации. Оформление обложки нацелено на раскрытие индивидуальности номера, оптимизацию процесса использования его ресурса путем удовлетворения потребностей коммуникативной деятельности еще не раскрывшего журнал читателя.

© Матулевич Т.Г.

Дата поступления: 26.06.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

ИСТОЧНИКИ

Ссылка на цитируемый изверб содержит дату выхода номера журнала *Экономист* (economist.com/print), при необходимости также название региона распространения (NAм — Северная Америка, AsPac — Юго-восточная Азия, Eu — Европа), номера страниц изверба и анонсируемой им передовицы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВК — вербальный компонент (в любой падежно-числовой форме)

КТ — креолизованный текст (в любой падежно-числовой форме)

ПК — пластический (изобразительный) компонент (в любой падежно-числовой форме)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Москва: Издательский центр «Академия», 2003.
2. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // *Политическая лингвистика*. 2006. Вып. 20. С. 180—189.
3. *Ейгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // *Лингвистика текста: Материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. Мориса Тореза*. Ч. 1. Москва, 1974.
4. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. Москва: Наука, 1990.
5. *Цветкова А.В.* Абстрактный код XX века: эволюция в искусстве и влияние на дизайн журналов // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2014. № 4. С. 65—82.
6. *Cover story* // *Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь* / под ред. Г.В. Чернова. Смоленск: Полиграмма, 1996. С. 221.
7. *Economist, The* // *Рум А.Р.У.* Великобритания: Лингвострановедческий словарь. Москва: Рус. яз., 1999. С. 176.
8. Emmot B. Time for a referendum on the monarchy. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk/2000/dec/08/monarchy.comment> Дата обращения: 21.03.2017.
9. *The Economist*. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Economist. Дата обращения: 21.03.2017.

УДК: 659.1:811.111'27:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-838-846

THE CREOLIZED ANNOUNCEMENT ON *The Economist* MAGAZINE COVER

Tamara G. Matulevich

Novosibirsk state technical university

20, prospect K. Marksa str, Novosibirsk, Russia, 630073

Abstract. The article deals with the functioning of the creolized texts published on the cover of the British political and economic magazine. The author discusses their peculiarities conditioned by the magazine format. One obvious peculiarity is that, unlike that on the newspaper front page, the magazine-cover creolized text is distanced from the leader with which it goes. Another peculiarity is that its verbal, non-verbal components and their representative fragments are regularly used on the Contents page and with the cover story. A third peculiarity is that it integrates in it the announcement of a special report. As a result it appears in the capacity of both an integrated and integrating entity. The peculiarities ensure surplus

encoding, visualize connection between the creolized text and the cover story, help find and identify that story, organize communication making this process comfortable.

Key words: announcement, magazine, creolized text, verbal component, non-verbal (iconic) component

REFERENCES

1. Anisimova, E.E. (2003). Text linguistics and cross-cultural communication (a study of creolized texts). Moscow: Izdatel'sky tsentr *Academia*. (in Russ).
2. Voroshilova, M.B. (2006). The creolized text. Aspects of study. *Political Linguistics*, 20, 180—189. (in Russ).
3. Yeyger, G.V. & Yukht, V.L. (1974). Towards building the typology of texts. Text Linguistics: *Proceedings of the conference at the Moscow Maurice Thorez Foreign Language Teacher Training State Institute*. Part 1. Moscow. (in Russ).
4. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. Optimizing speech impact. Moscow: Nauka. (in Russ).
5. Tsvetkova, A.V. (2014). The abstract code of the XXth century: Evolution in art and the impact on magazine design. *Bulletin of Moscow University: Journalism*, 4, 65—82. (in Russ).
6. Cover story. (1996). *Americana: English-Russian encyclopedic dictionary*, ed. Gh.V. Chernov. Smolensk: Polygramma.
7. Economist, The. (1999). *Dictionary of Great Britain*, ed. A.R.W. Room. Moscow: Russky Yazyk Publishers.
8. Emmot, B. (2017). Time for a referendum on the monarchy. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2000/dec/08/monarchy.comment> (Accessed: March 21.03.2017). (in Eng).
9. The Economist. (2017). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Economist (Accessed: 21.03.2017). (in Eng).

Для цитирования:

Матулевич Т.Г. Креолизованный анонс на обложке журнала *The Economist* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 838—846. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-838-846.

For citation:

Matulevich T.G. (2017). The creolized announcement on *The Economist* magazine cover. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 838—846. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-838-846.

Tamara G. Matulevich, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 838—846. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-838-846.

Сведения об авторе:

Матулевич Тамара Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета; научные интересы: креолизованный текст, языковая игра, топонимика, методика преподавания иностранных языков; e-mail: tmatulev@mail.ru; matulevich@corp.nstu.ru

Bio Note:

Matulevich Tamara Georgievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies at Novosibirsk State Technical University; research interests: creolized text, language play, toponymy, methods of foreign language teaching; e-mail: tmatulev@mail.ru; matulevich@corp.nstu.ru



УДК: 81.659.123.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-847-853

CREATIVE TYPES OF SPEECH ADVERTISING SLOGAN AS A TEXT “WITH A CREATIVE TASK”

Elena S. Mikheeva

RUDN University

Mikhlukho-Maklaya str., 10/2A, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The urgency of the work is due to the fact that modern speech activity has a distinct creative character. The research of the creative potential itself in the linguistic system, on the one hand, and linguistic identity (the speaker), on the other, is one of actual directions of modern linguistics. The different definitions of types of speech cannot give a full description of the variety of types of modern Russian speech. One of the steps towards a modern perspective on this issue is the selection and description of creative styles of speech that have a differential feature as the creative transformation of language units into the facts of speech. The appeal to the sphere of creative types of speech allows to understand a new perspective on the main language features. So in modern linguistics is being formed the representation of creative function, therefore there is a need of analysis of this feature in the aspect of its interaction with aesthetic function and linguistic manipulation. Analysis of the implementation of these functions in creative types of speech allows to identify texts with an *imaginative* task (with imagery in a broad sense), where the realization of the aesthetic function is a necessary condition, and the texts with a creative task, characterized by the realization of creative functions, as well as linguistic manipulation. Despite the fact that some advertising slogans can be combined with several imaginative means to talk about their aesthetic values, advertising slogans should be attributed to the texts with a creative task.

Key words: linguistic creativity, advertising slogan, creative types of speech, texts with a creative task, texts with an imaginary task, creative function, aesthetic function

INTRODUCTION

The problems regarding creative possibilities of a speaker, a degree of linguistic competence, various forms and methods of speech creation are especially actively being discussed in the Russian Philology in context which goes beyond the description of the phenomenon of “language game”. This is due to the fact that the development of modern linguistic science is determined by the need for a conceptual understanding of the living language processes which are characterized by different kinds of innovation affecting both the plan of expression and the content of the Russian language’s categories. Modern speech activity has a pronounced creative nature outside the literary text. That is why the research of the creative potential of the linguistic system and linguistic identity (the speaker) is one of actual directions of modern linguistics.

This approach involves the description of the resources of the Russian language in the aspect of the interaction of language system and speech activity in various creative spheres of speech practice (contemporary literary text, media, Internet communication, naming, etc.) in dire need of deautomatization of the linguistic sign. In this case the linguistic efforts of the speaker is directed not only to create an informative meaningful text, but “creative” one.

CREATIVE TYPES OF SPEECH

These problems required the understanding of a certain set of types of speech as “creative”. The different definitions of types of speech cannot give a full description of all variety of modern Russian speech. One of the steps towards a modern perspective on this issue is the allocation and description of creative types of speech which are characterized by creative use of language means. They are colloquial, poetic, journalistic, non-fiction and advertising texts with their genre varieties (headings, subheadings, slogans, interviews, etc.). Creative types of speech “have common ways of actualization of grammatical meanings and a set not only of standard language means (lexical, grammatical, stylistic) but also occasional means of expression that is a unifying element in this collection” [Remchukova 2005: 18].

These types of speech can be understood as a special object of research because of the presence of differential characteristic that distinguish them from other types of speech and also regular, well-defined principles of implementation of linguistic resources. A differential sign of the given linguistic object is the creative conversion of units of language into the facts of speech. The “key” of such transformations (one of the regular principles) is “intentional violation of the linguistic rules” — a language game.

This approach seems us promising from the point of view of the description of the linguistic and creative processes that characterize the modern media. The awareness of violation of the language rules is one of the most important requirement to the creation of a creative text because it is largely due to the linguistic competence of a journalist and a copywriter.

The appeal to the sphere of creative types of speech allows us to interpret the main functions of language from a new point of view.

CREATIVE LANGUAGE FUNCTION

So in modern linguistics (in particular linguistics of creativity) the creative function was identified. The function is based on linguistic and creative thinking impelling the individual to use the potential of language units. The factors of the creativity of linguistic thinking are 1) originality — the ability to produce association; 2) semantic flexibility — the ability to propose a new use of an object’s function and 3) semantic spontaneous flexibility — the ability to produce a variety of ideas in a relatively unrestricted situation [Trick 1981: 298—303].

Analyzing the phenomenon of linguistic creativity (particularly in media texts) E.N. Remchukova tells about ways of thinking about the creative function in the aspect of its interaction with aesthetic function and a function of the impact (linguistic manipulation). The aesthetic function is distinguished primarily in relation to the poetic language: “the poetic or aesthetic function is characterized by focus on the message itself... the aesthetic function of language, its poetry, characterized by a developed system of metaphor, semantic diversity that date back to mythology historically” [Novikov 2001: 494]. The poetic language as an aesthetic phenomenon is characterized by sound organization (rhythm, rhyme), imagery (figures of speech (tropes), semantic diversity), composition constructive — these are all essential components of linguistic creativity. How-

ever, in contrast to the aesthetic function, the creative function is manifested in the broader area of creatively oriented types of speech (conversational, promotional, journalistic texts): the creative function goes beyond texts of fiction (artistic literature, belles-lettres).

It seems to us that the appeal to linguistic material under this perspective helps to understand the general laws of functioning of the language system, on the one hand, and its potential, due to the needs of live speaking on the other.

TEXTS WITH A CREATIVE TASK

The concept of creative styles of speech presented here was complemented and refined by O.A. Krylova who suggested the concept and the term “texts with a creative task”: “...in contrast to the literary and poetic texts, there are such texts (journalistic, scientific-popular, religious, advertising, conversational etc.) which are expressive but at the same time they do not have the imagery in a broad sense; they do not create genuine artistic imagery that is why we suggest to call them «texts with a creative task»” [Krylova 2013].

Thus according to O.A. Krylova the concept of creative types of speech include 1) texts with an *imaginative* task and 2) texts with a *creative* task. The texts of the first type are literary, artistic texts that perform the aesthetic function above all else. They have truly artistic imagery. We mean *imagery* in a broad sense which is not only created with tropes, figures of speech or any special techniques but by the entire system of language means, including neutral ones. We can find such understanding of the imagery in works of V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur, A.M. Peshkovsky and their followers.

The texts of the second type (texts with a creative task) include advertising, publicistic, journalistic, religious, scientific-popular, colloquial texts and others. The aesthetic function is not obligatory or essential for such texts. They are not characterized by the “increment of meaning” or the “diversity of meaning” which we can see in imaginative literature (belles-lettres) or poetry. There is just imagery in a narrow sense as the use of tropes, figures of speech, linguistic games and other special techniques realizing the creative potential of language means.

ADVERTISING SLOGAN AS A TEXT “WITH A CREATIVE TASK”

As we can see creative types of speech are heterogeneous in terms of the imagery but the division does not mean that there is no aesthetic function and complex means of creating imagery in texts “with a creative task”. We believe that advertising slogans are the very texts with a creative task but analyzing slogans we can see the aesthetic function of language may come to the fore even in the space of syntactically limited structure of such media texts that is driven by the intention or desire of a copywriter to create “a linguistic miniature”. Some slogans can combine several imaginative means that allows us to set their aesthetic value.

From this point of view there is an interesting slogan which is analyzed in the work of A.V. Strakhova who explores French and Russian slogans in a comparative aspect [Стрехова 2012]. The author analyses slogan *La femme est une île, Fidji est son parfum*

(*A Woman is an island, "Fiji" is her perfume*). This slogan seems a very successful one because there is a complex of various expressive means in it: actualization of different meanings of the same word within the context (Fiji — an island, "Fiji" — perfume); the metaphorical comparison of a woman with a mysterious island creates the effect of subtle flattery that evokes positive emotions from a woman-consumer; the indefinite article (*une île*) gives the word the value of uniqueness. Thus in the space of a mini-text (an advertising slogan) the copywriter uses a range of means of expression (metonymy, metaphorical comparison, syntactic parallelism) which determine the artistic value of the advertising product.

The advertising slogan is often seen as a "miniature literary work" in advertising science (copywriting): "artistic value of a slogan means an attitude to it as to a miniature literary work and is expressed in its aesthetics which is achieved through the use of a variety of expressive linguistic means" [http://studbooks.net/891721/marketing/paragraf_mehanizm_raboty_slogana]. However slogans where you can see a complex of expressive linguistic means are relatively rare and in our opinion we cannot talk about imagery in a broad sense, even in such slogans.

Typically we see the actualization of only one specific stylistic device or the use of expressive means within one slogan. For example: an application of precedent texts and their transformation (*Проснись и пой с MAXWELL HOUSE!* — advertising coffee (the words from a famous song); *У весны больше, чем 17 мгновений!* — advertising photo studio 4Foto.ru (here we can find the transformed name of the famous film)), idioms and their transformation (*Хороший подарок стоит свеч!* — advertising decorative candles IKEA (we can see the transformed idiom *игра стоит свеч* — *it's worth the cost* or *battle is worth the blood*), actualization several meanings of a compound word or homonyms within a slogan (*Достаточно одной "Секунды"!* — advertising instant glue "Sekunda" (we can see actualization of the proper name and a common name that allows to express several meanings in a rather short sentence: *it is enough to have glue "Sekunda" to glue anything* and *one second is enough for the glue*); *С нами везет. Кому-то везет!* — the inscription on the car, delivering goods to customers of IKEA), the use of occasional and potential words, slang (*It's the **cheesiest*** — advertising product "Kraft Macaroni & Cheese" (occasional form of the superlative of a relative adjective); *Положи на футбол, поставь на лошадь* — advertising horse totalizator ТАТТО (we can see a slang here «положи» that means *blow it off*) etc.

CONCLUSION

There is a huge of various means of expression and stylistic techniques in the Russian language. The success and appropriateness of using the language means and techniques of creating expression depends on language competence and creativity of the copywriter. That is why there are some slogans that cannot be called successful because they have unconsciously broken language norms or ethical standards existing in the society. All these facts allow us to relate the slogan to the very texts with a creative task.

© Михеева Е.С.

Дата поступления: 26.10.2017

Дата приема к печати: 6.11.2017

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1976). Selected works. The poetics of Russian literature. Moscow: Publishing House “Nauka”. (in Russ.).
2. Gridina, T.A. (2002). Language game as linguistic and creative activities. *Language. System. Personality. Language game as a kind of linguistic and creative activities. Formation of the language personality in ontogenesis: the materials of reports of all-Russian scientific conference*, 25—26 April 2002. Ekaterinburg, 25—31. (in Russ.).
3. Krylova, O.A. (2013). Imagery and texts with creative task. *Scientific reports of higher school. Philological science*, 3, 21—25. (in Russ.).
4. Krylova O.A. & Remchukova E.N. (2002). Hyperexpression and combinatorics of grammatical medium. *Abstracts of reports and speeches International scientific-methodical conference “Modern Russian language: formation and problems of teaching” March 22—23, 2002*. Budapest, 33—34. (in Russ.).
5. Linguistics creativity-2: Collective monograph (2012). under the General editorship of Professor T.A. Gridina. 2-e Izd. Ekaterinburg: the Ural State University. (in Russ.).
6. Novikov, L.A. (2001). Selected works. Vol. 1. The problem of the language difference. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia. (in Russ.).
7. Remchukova, E.N. (2005). Creative potential of Russian grammar. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia. (in Russ.).
8. Remchukova, E.N. (2009). Linguistic and creative components of the modern media on the background of the active language processes. *Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic Philology. Linguistics XII. Active processes in Russian language Diaspora and the metropolis*. Tartu. pp. 303—316. (in Russ.).
9. Strakhova, A.V. (2012). Verbal and non-Verbal means of expression of gender oriented advertising text in Russia and in France [dissertation] Peoples’ Friendship University of Russia. Moscow. (in Russ.).
10. Trick, H.E. (1981). The Main directions of the experimental study of creativity. *Anthology of General psychology. Psychology of thinking*. Moscow: Moscow State University. (in Russ.).
11. Mode of access: http://studbooks.net/891721/marketing/paragraf_mehanizm_raboty_slogana
Date of access 01.09.2017.

УДК: 81.659.123.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-847-853

ТВОРЧЕСКИЕ ТИПЫ РЕЧИ РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК ТЕКСТ «С КРЕАТИВНЫМ ЗАДАНИЕМ»

Е.С. Михеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2А, Москва, Россия, 117198

Актуальность работы обусловлена тем, что современная речевая деятельность имеет ярко выраженный креативный характер. Исследование креативного потенциала самой языковой системы, с одной стороны, и языковой личности (говорящего), с другой, представляется одним из актуальных направлений современной лингвистики. Рамки различных определений типов речи оказываются тесны для описания всего разнообразия типов современной русской речи. Одним из шагов в на-

правлении современного взгляда на данную проблему является выделение и описание творческих типов речи, дифференциальным признаком которых является креативность преобразования единиц языка в факты речи. Обращение к сфере творческих типов речи позволяет осмыслить под новым углом зрения основные функции языка. Так, в современной лингвистике формируется представление о креативной функции, в связи с чем появляется необходимость анализа этой функции в аспекте ее взаимодействия с эстетической функцией и функцией воздействия. Анализ реализации этих функций в творческих типах речи позволяет выделить тексты с образным заданием (художественные), обладающие образностью в широком смысле, для которых реализация эстетической функции является необходимым условием, и тексты с креативным заданием, которым свойственна реализация креативной функции, а также функция воздействия. Несмотря на то, что в некоторых рекламных слоганах могут комбинироваться несколько образных средств, позволяющих говорить об их эстетической ценности, рекламные слоганы следует относить к текстам с креативным заданием.

Ключевые слова: лингвокреативность, творческие типы речи, креативная функция, эстетическая функция, тексты с образным заданием, тексты с креативным заданием, рекламный слоган

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. Москва: Издательство «Наука», 1976.
2. *Гридина Т.А.* Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25—26 апреля 2002. Екатеринбург, 2002. С. 25—31.
3. *Крылова О.А.* Образность и тексты с креативным заданием // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2013. Вып. 3. С. 21—25.
4. *Крылова О.А., Ремчукова Е.Н.* Гиперэкспрессия и комбинаторика грамматических средств // Тезисы докладов и выступлений Международной научно-методической конференции «Современный русский язык: формирование и проблемы преподавания» 22—23 марта 2002. Будапешт, 2002. С. 33—34.
5. Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012.
6. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. Москва: РУДН, 2001.
7. *Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики: Монография. Москва: РУДН, 2005.
8. *Ремчукова Е.Н.* Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009. С. 303—316.
9. *Страхова А.В.* Вербальные и невербальные средства выражения гендерной направленности рекламного текста в России и во Франции: Автореф. ... дис. канд. филол. наук: РУДН. Москва, 2012.
10. *Трик Х.Е.* Основные направления экспериментального изучения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Москва: МГУ, 1981.
11. Режим доступа: http://studbooks.net/891721/marketing/paragraf_mehanizm_raboty_slogana
Дата обращения 01.09.2017.

Для цитирования:

Михеева Е.С. Творческие типы речи. Рекламный слоган как текст «с креативным заданием» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 847—853. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-847-853.

For citation:

Mikheeva E.S. (2017). Creative types of speech. Advertising slogan as a text “with a creative task”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 847—853. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-847-853.

Elena S. Mikheeva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 847—853. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-847-853.

Сведения об авторе:

Михеева Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: теоретическая грамматика, лингвистическая стилистика современного русского языка, медиалингвистика; *e-mail*: mikheeva_ys@mail.ru

Bio Note:

Mikheeva Elena Sergeevna, PhD, Lecturer of General and Russian Linguistics Department of Peoples' Friendship University of Russia; *Scientific Interests*: theoretical grammar, linguistic stylistics of modern Russian language, media linguistics; *e-mail*: mikheeva_ys@mail.ru



УДК: 81'255.4:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.С. Мамонтов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

В статье рассматриваются проблемы перевода как одной из форм межкультурной коммуникации. Основной акцент делается на необходимости знания переводчиком широкого социокультурного контекста: как чужого, так и своего собственного. Одновременно в ряде случаев обуславливается необходимость лингвострановедческого комментирования на сопоставительной основе и с учетом родной культуры адресата-реципиента художественного текста. Также отрицается значимость попытки обязательного нахождения эквивалента в языке перевода. Приводится ряд примеров перевода отрывков из художественной литературы, принадлежащих перу известных авторов, на английском языке с последующим лингвострановедческим анализом. Переводческая работа анализируется в тесной связи с обучением языку как средству межкультурной коммуникации и призвана решать задачи максимального устранения помех при взаимодействии самых разных языков и культур.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, текст, комментарий, сопоставительный, лингвострановедческий

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в системе современных психолингвистических координат перевод как вид речевой деятельности, как умение представляет собой двуязычную коммуникацию, где процесс передачи информации опосредован функцией субъекта переводчика, в задачу которого входит изложение полученной информации на другом языке. В свою очередь у него предполагается наличие так называемой «переводческой компетенции», состоящей из набора ряда компетенций, например, языковой, технико-трансляционной и т.д. Среди них для нас наибольший интерес представляет *лингвокультурологическая* (знание о национально-культурной специфике обоих контактирующих сообществ с выходом этих знаний в особенности общения) компетенция, взятая в ее сопоставительном аспекте, иными словами, с точки зрения *межкультурной коммуникации*. Ибо, по сути дела, перевод — это и есть одна из форм межкультурной коммуникации.

Без учета подобных экстралингвистических факторов, постоянно взаимодействующих с внутренними законами развития языка, невозможно представить себе как теорию перевода вообще, так и интересующего нас художественного в част-

ности. Игнорирование этих факторов, как нам кажется, и явилось одной из причин известного спора о «переводимости».

Так, *например, различия* в климате способны объяснить тот факт, что на Кубе красивая женщина сравнивается с январским цветком — «Eres tan bonita como la flor de enero», тогда как в России — с «майской розой» и т.д. и т.п.

Следует еще раз подчеркнуть, что связь между языком и культурой неразрывна, и для теории перевода данное положение играет роль. Отсюда правила «перекодирования» при переводе предполагают не только учет собственно языковых значений, но и их тесное взаимодействие с экстралингвистическими, культурообразующими факторами. Ведь ни для кого не секрет, что переводчик не только переводит текст ИЯ на ПЯ, но и систему ценностей одной культуры на систему ценностей другой культуры. Известны многие переводческие казусы, явившиеся прямым результатом примитивного перекодирования текста на ИЯ в текст на ПЯ.

В частности, З.Д. Львовская пишет в своей монографии об одном незадачливом португальце, который, выступая на банкете в Мадриде, решил поблагодарить присутствующих и начал свою речь словами: «Senores, estoy embarazado...». Реакция присутствующих его очень удивила... Он хотел сказать: «Господа! Я в очень затруднительном положении...», а сказал: «Господа! Я в положении...» [Львовская 1985: 35].

Стремление порой «уйти» от национально-культурной специфики с тем, чтобы как-то «подстраховать» себя от неточного перевода, приводит к обезличиванию текста в процессе перевода, к выхолащиванию из него этно-самобытных черт. Нельзя не заметить, что подобное обращение ведет к утрате тем или иным произведением художественной литературы ряда своих черт, а также к снижению познавательно-эстетических функций текста.

Весьма значимым представляется еще и то, что проблемы перевода тесно переплетаются с проблемами психолингвистики, а точнее такого ее раздела, каким является этнопсихолингвистика. Напомним, что речевая деятельность, как и любая другая осмысленная деятельность, всегда имеет определенный мотив и цель, из сложного взаимодействия которых рождается смысл текста или высказывания в понимании его автора (продуциента).

Пишущий-продуцент сообщает читателю-реципиенту какую-то информацию, выражает свои эмоции или стремится вызвать какие-то эмоции у получателя информации, иногда старается побудить его к каким-то действиям, в том числе речевым и т.д. Какова бы ни была конкретная цель автора текста, он всегда стремится воздействовать тем или иным образом на *интерпретатора* текста, регулируя его поведение в самом широком смысле слова (сознание, побуждения, поступки и т.п.).

Продуциент в процессе порождения (синтеза) речи совершает путь от мысли к тексту, то есть облакает свою мысль в соответствующую форму — текст. В выборе формы он руководствуется, с одной стороны, чисто субъективными, экстралингвистическими соображениями (цель речевого поступка), а с другой — объективно существующими в данной лингвокультурной общности нормами речевого

поведения. Кроме того, автор текста руководствуется и целым рядом других экстралингвистических факторов национально-культурного характера, которые составляют в совокупности ситуацию речевого общения.

Специфика деятельности интерпретатора-переводчика текста заключается в том, что он, как отмечалось выше, проделывает путь от текста к смыслу, осуществляя анализ полученного текста с целью извлечения из него смысла. При этом в речевой деятельности интерпретатора-переводчика, в его понимании смысла текста огромную роль играет фактор экстралингвистического характера — с ним связаны фоновые знания о предмете речи, «шкала ценностей» и т.д. и т.п.

Приемы и способы интерпретации могут быть самыми разными, однако все они направлены на то, чтобы по возможности передать, где необходимо, национально-культурную специфику, отраженную в исходном тексте. В то же время их эффективность зависит от того, в какой степени они используют инструментарий межкультурной коммуникации, в рамках которой сопоставительное лингвострановедение (СЛСВ) играет ключевую роль.

Иными словами, при обучении языку как средству межкультурной коммуникации с учетом национальной культуры адресата вышеназванные сентенции приобретают форму лингводидактической установки. Недооценка последней, ее игнорирование способно провоцировать помехи в данном виде коммуникации, свидетельствующие о недостаточном уровне подготовки специалиста.

Обратимся теперь к конкретным примерам.

Пример перевода. Данный пример репрезентации национально-культурной специфики взят нами из перевода известного романа Дж. Голсуорси «To let» («Сдается в наем»). Он также связан с употреблением реалии английской действительности:

«In the doorway they passed the young man called Mont and his partner. But Soams had hung out a board “Tresspassers will be prosecuted” and barely acknowledged the young fellow’s salute» [Galsworthy 1954: 51].

«В дверях они опять столкнулись с Монтом и его товарищем. Но Сомс вывесил дощечку с надписью „Посторонним вход воспрещен“ и едва ответил на поклон молодого человека» [Голсуорси 1962: 350].

В данном случае переводчик, также опираясь на сопоставительное лингвострановедение, предпочел передать «Tresspassers» реалией, характерной для русского узуса — «Посторонним вход воспрещен», сопоставив факты двух языков и культур и сумев до известной степени сохранить «дух» оригинала.

Установление факта наличия национально-культурной специфики в тексте ИЯ по отношению к тексту ПЯ в процессе поиска путей переводческого решения в ситуации обучения художественному переводу в условиях языкового вуза входит в компетенцию СЛСВ по отношению к теории перевода. На его основе, в свою очередь, определяются пути преодоления соответствующих трудностей.

По нашему мнению, при переводе наибольшую трудность представляет собой перевод не столько реалий, то есть перевод без эквивалентной лексики и обозначаемых ею явлений, сколько перевод сопряженных с нею коннотаций, специфич-

ных для каждого национального языка и культуры и носящих название «культурных» [Мамонтов 2010: 117].

Напомним, что основным частным методом сопоставительного лингвострановедения является сопоставление семантики единиц конкретного языка (включая коннотации и национально-культурный фон) с соответствующими единицами другого языка. Несовпадение национально-культурных фонов или, в другой терминологии, культурного смысла может быть выявлено при сопоставлении двух языковых систем, а это несовпадение, как уже отмечалось, особенно ярко видно при переводе с одного языка на другой.

Например, слово «Park Avenue» на первый взгляд, абсолютно нейтральное для русского, ассоциируется у носителей языка (в первую очередь американцев) с высоким социально-имущественным положением, что, в свою очередь, связано с тем, что даже небольшая квартира на Park Avenue в Нью-Йорке стоит около миллиона долларов.

Трудности перевода и понимания национально окрашенной лексики английского языка всегда привлекали внимание исследователей, однако данный вопрос не рассматривался не только в контексте сопоставительно-лингвистической проблематики, но и собственно лингвострановедческой, несмотря на то, что проблема адекватной передачи реалий при переводе является одной из главных в теории и практике перевода. И не случайно, поскольку неточный перевод или отсутствие комментария могут не только затруднить понимание, но и исказить смысл текста.

Значительный пласт «религиозной» лексики до относительно недавнего времени был фактически неизвестен и малопонятен российскому читателю, тогда как в англоязычных странах Запада им овладевали едва ли не с пеленок. Рассмотрим ряд примеров.

Пример перевода. «*Ha the good Samaritan. I understood, you've done my tound for me. Extremely noble*» [Cronin 1937: 106].

«*А, милосердный самаритянин! Я полагаю, что вы опять сделали вместо меня визиты. Весьма благородно с вашей стороны*» [Кронин 1955: 83—84].

В рамках комментария дается разъяснение, согласно которому самаритянин — это член религиозного сообщества, возникшего на основе Библии. Совершенно очевидно, что содержание библейской притчи не раскрывается, и смысл комментируемого остается вне понимания читателя. Полагаем, что в комментарии, адресованном российскому читателю, необходимо сказать о том, что по Евангелию, некий житель Самарии помог избитому и ограбленному путнику, тогда как богатый купец и священник прошли мимо, не проявив милосердия.

«В школах основали группу „молодых самаритян“. Будем помогать людям и все такое» [Иностранная литература 1986, № 4: 45]. Данный отрывок текста не прокомментирован, а ведь, согласно соответствующему словарю, к сожалению, далеко не всегда доступному широкому читателю: «„Самаритяне“ — это благотворительное общество помощи людям в бедственном положении, особенно замышляющим самоубийство. Основано в 1953 году» (комментарий).

По справедливому замечанию А.А. Черноброва, если это выражение употребляется с определенным артиклем, то имеется в виду конкретный библейский персонаж, если же неопределенным, то член общества самаритян. Далее исследователь говорит о существующем «разнобое» в переводах данной лексической единицы: так, в романе А. Кронины «Юные годы» прилагательное «good» в этом выражении переведено как «добрый», а не «милосердный» [Чернобров 1993].

Пример перевода. «*I looked through the Gideon Bible in my motel room for tales of great destruction*» [Vonnegut 1980: 157].

«*Я поискал в Библии на столике в мотеле описание какого-нибудь огромного разрушения*» [Воннегут 1978: 40].

Выражение «the Gideon Bible» переведено как «Библия на столике», и, хотя фактической ошибки здесь нет, от читателя ускользает любопытная деталь из жизни христиан на Западе. Напомним: так называемая «Гидеонова Библия» представляет собой дешевое издание, бесплатно распространяемое в местах подобного рода Гидеоновым обществом, основанным в 1899 году, что не оправданно не нашло своего отражения в комментарии...

Символика употребления лексики религиозного характера способна проявляться как на уровне предложения, так и всего дискурса, ярким примером чему может служить известный роман У. Фолкнера «Осквернитель праха». Нетрудно заметить, как фактически через все произведение проходит слово «суббота» — «субботный отдых», «субботняя праздничная одежда», «субботняя толпа», и даже убийство в романе также случается в субботу. Объяснение этому следует искать в специфике персонажей Фолкнера — преимущественно чернокожих гражданах США, проживающих в тех районах, которые принадлежат к так называемому «Bible belt» («Библейскому поясу»).

Местные жители входят главным образом в такие конфессии, как евангелистская, методистская и др., а для данных конфессий суббота является святым днем.

Яркую коннотативную окраску несут не только религиозные реалии, что, во избежание обеднения восприятия произведения, следует постоянно учитывать с помощью лингвострановедческого комментария. Приведем примеры некоторых из них.

Пример перевода. «*Mrs. Snell had her hat on... The Hattie Carnegie label was still inside it, faded but (it might be said) unbowed*» [Salinger 1948: 5].

«*Миссис Снел была в шляпе. Ярлык фирмы „Карнеги“ еще держался на подкладке — поблекший, но смело можно сказать, непобежденный*» [Сэлинджер 1963: 22].

В комментарии дается пояснение, что Карнеги — это «одна из ведущих модельеров женской одежды в США». Цены в салоне очень высокие, поэтому очевидно, что шляпа была подарена миссис Снел одной из ее работодательниц, так же как сумка и спичечный коробок с эмблемой клуба «Stork club», то есть эксплицируется социальное положение данного персонажа.

Пример перевода. «*Адриенна и Шейла только что пришли домой и, стоя на кухне, потягивают „Овалтайн“*» [Болдуин 1980: 535].

В случае отсутствия лингвострановедческого комментария к лингвокультуре «Овалтайн» у читающего может сложиться определенное (превратное) мне-

ние о девушках, пьющих всего-навсего популярный безалкогольный шоколадно-молочный напиток, тем более что глагол «потягивать» в русском лингвокультурном узусе чаще всего ассоциируется с напитками, способными вызвать опьянение.

Пример перевода. Без обращения к СЛСВ может быть затруднено понимания целых отрезков дискурса:

«...he had the impression that G'd said over the air that the Gettysburg Address was "bad for children". Not true. I told him G'd said I thought it was a bad speech for children ... to memorize in school. He also had the impression G'd said it was a dishonest speech. I told him G'd said that 51, 112 men were casualties at Gettysburg, and that if someone had to speak at the anniversary of the event, he should simply have come forward and shaken his fist at his audience and then walked off — that is, if the speaker was an absolutely honest man... Much talk from him, ... on the virtues of accepting one's own and other's weaknesses» [Salinger 1963: 348].

«У него создалось впечатление, будто я сказал в эфир, что геттисбургская речь Линкольна „вред для детей“. Это неправда. Я ему объяснил, что я сказал, что детям вредно заучивать эту речь наизусть в школе. У него сложилось впечатление, будто я сам сказал, что это нечестная речь. Я ему объяснил, что под Геттисбургом было убито и ранено 51 112 человек, и что если уж кому пришлось выступать в годовщину этого события, так он должен был выйти, погрозить кулаком всем собравшимся и уйти, конечно, если оратор до конца честный человек», и далее «Он много говорил ... о том, как надо принимать свои и чужие слабости» [Сэлинджер 1967].

Остается неясным, отчего президент США должен был бы «выйти, погрозить кулаком собравшимся и уйти», непонятно, зачем далее зашел разговор о терпимости и, наконец, далеко не всем известно, в какой именно части Соединенных Штатов находится упомянутое место.

Дело в том, что большинство присутствовавших на геттисбургском выступлении Авраама Линкольна — это жители южных штатов, которые и инспирировали гражданскую войну в США и на которых лежит ответственность за многочисленные жертвы одноименного сражения, годовщине которого и посвящена речь на мемориальном кладбище. Что же касается лингвокультуремы-топонима Геттисбург, то это город на юге восточного штата Пенсильвания, близ которого 1—3 июля 1863 года состоялось одно из крупнейших сражений Гражданской войны 1861—1865 годов.

Подчеркнем, что подобная лингвострановедческая информация известна любому американцу еще со школьной скамьи в отличие от представителя русской культуры, и именно критерий общеизвестности является одним из основных при разделении энциклопедических и фоновых, лингвострановедческих знаний — «взвешенных фоновых знаний» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). Вряд ли вызывает возражение то, что подобный факт необходимо учитывать при обучении художественному переводу.

Пример перевода. Отсутствие комментария способно не только разрушить, но и затемнить его юмористический эффект, также относящийся к культурной коннотации:

«My cap was one I have worn for many years, a blue serge British naval cap with a short visor and on its peak the royal lion and unicorn, as always fighting for the crown of England» [Steinbeck 1962: 37].

«Фуражку свою я ношу уже много лет. Это синяя английская капитанка с маленьким козырьком и кокардой, на которой лев и единорог все еще дерутся из-за английской короны» [Стейнбек 1965: 49].

Лингвострановедческий комментарий, который здесь необходим, призван восполнить отсутствие у реципиента знания о том, что лев и единорог — это геральдические животные, изображенные на королевском гербе Англии, а также аллюзии на книгу «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, практически неизвестную широкому российскому читателю, где в 8-й главе, наблюдая схватку единорога со львом, Алиса вспоминает песенку:

*«The Lion and Unicorn were fighting for the crown:
The Lion beat the Unicorn all-round the town.
Some gave them white bread, some gave them brown:
Some gave them plum-cake and drummed them out of town».*

Пример перевода. Рассмотрим примеры использования СЛСВ с точки зрения использования ряда других существующих способов передачи культурной коннотации в процессе перевода художественной литературы.

«...every man in must have treated me to a Dixie cup or a box of Crackerjack» [Сапоте 1951: 31].

«Не было в городе человека, который не купил бы мне стаканчик мороженого или коробку воздушной кукурузы с патокой» [Капоте 1971: 15].

Пример перевода. В данном случае переводчик передает культурный компонент слова «Crackerjack» описательно, что, в конечном счете, является одной из форм лингвострановедческого комментария, так же как и способ; а) связанный с добавлением слов в тексте и способ б) связанный с заменой одной реалии другой:

а) *«I closed my eyes and waited, a trifle guardedly, for the organist to quit the incidental music and plunge into „Lohengrin“» [Salinger 1963: 150].*

«Я закрыл глаза и стал настороженно ждать, пока органист не перестанет играть разные разности и загремит свадебным маршем из „Лоренгрин“» [Сэлинджер 1967: 173].

Если для западного читателя добавление «свадебный марш» к названию «Лоренгин» абсолютно нерелевантно, поскольку музыка Рихарда Вагнера — «Хор подружек невесты», исполняемый в переложении для органа, является неотъемлемой частью свадебной церемонии, то у нас музыка Вагнера известна преимущественно только меломанам, тем более что свадебная церемония у русских, как известно, сопровождается «Свадебным маршем» Людвиг Мендельсона.

б) *«He is short and I am tall. We were Mutt and Jeff in the war» [Vonnegut 1980: 147].*

«Он низенький, а я высокий. На фронте нас звали Пат и Паташон» [Воннегут 1978: 27].

Легко заметить, что при переводе на русский язык известная в англоязычных странах пара клоунов Матт и Джефф удачно заменена на другую, хорошо известную русской лингвокультурной общности, пару Пат и Паташон, однако подобные трансформации следует использовать осторожно, дабы не изгнать из текста его национально-культурный «дух».

Пример перевода. В заключение приведем примеры, связанные с недооценкой роли СЛСВ, что выливается в опущение лингвокультурем в тексте:

«He was killed in an unspeakably absurd G. I. accident in late autumn of 1945, in Japan» [Salinger 1963: 169].

«Он погиб по нелепейшей случайности в Японии в 1945 году» [Сэлинджер 1967: 169].

В данном случае при переводе опущена лингвокультурема «G.I.», означающая «рядовой американской армии», и это ведет к искажению смысла фразы. Слово-сочетание «G.I. accident» переводится как «несчастный случай в армии или в тылу», то есть не во время военных действий. Подобное уточняющее добавление более чем уместно, поскольку переводчик не дал точного указания на время, а именно позднюю осень 1945 года, когда уже наступил конец Второй мировой войны.

Пример перевода. *«She read an article in a women's pocket-size magazine, called "Sex is Fun — or Hell"... She moved the button on her Saks blouse»* [Salinger 1963: 27].

«Она прочла статейку в женском журнальчике — карманный формат — под заголовком: „Секс — либо радость — либо ад“. Она переставила пуговицу на готовой блузке» [Сэлинджер 1967: 55].

Здесь опущена реалья («Сакс — один из наиболее престижных магазинов в Нью-Йорке) кроме всего прочего вызвало разрушение звуковой ассоциации «sex — saks» и привело к потере юмористического эффекта.

Справедливости ради, нельзя не заметить, что вышеназванные недочеты при переводе могут являться следствием простого незнания переводчиком экстралингвистической информации, заложенной в слове, однако мы все-таки склонны считать это результатом недооценки роли национально-культурной окрашенности содержания номинативной единицы в тексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение позволим себе сделать следующий вывод: необходимо учитывать, что перевод художественного текста является одной из форм *взаимодействия культур*, и считается, что он дает известное представление о некоторой «чужой» культуре. Однако одновременно нельзя не видеть, как удачные, по общему мнению, переводы обладают минимальным интеркультурным колоритом за счет нахождения эквивалентов исходному тексту и оцениваются в силу этого в качестве принадлежащих прежде всего той культуре и языку, на котором осуществляется перевод.

На попытки преодоления подобного противоречия, по нашему мнению, и должен быть ориентирован подход к переводу с точки зрения *межкультурной коммуникации* и обучение ей [Мамонтов 2010].

© Мамонтов А.С.

Дата поступления: 12.08.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Болдуин Дж.* Если бы Билл-стрит могла заговорить // Современная американская повесть. М.: Прогресс, 1980.
2. *Воннегут К.* Бойня № 5 и другие романы / Пер. с англ. Р. Райт-Ковалёвой. М.: Прогресс, 1978.

3. *Голсуорси Дж.* Сдается в наем. М.: Правда, 1962.
4. Иностранная литература. № 4. 1986.
5. *Капоте Т.* Голос травы / Пер. с англ. М.О. Митиной. М.: Прогресс, 1971.
6. *Кронин А.* Цитадель / Пер. с англ. М.Е. Абкиной. Киев: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
7. *Львовская З.Д.* Теоретические проблемы перевода. М.: Высшая школа, 1985.
8. *Мамонтов А.С.* Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации: Учебное пособие. М.: Флинта—Наука, 2010.
9. *Сэлинджер Дж.Д.* Грустный мотив / Пер. с англ. Н. Галь. М.: Прогресс, 1963.
10. *Сэлинджер Дж.Д.* Выше стропила, плотник. Повести. Рассказы / Пер. с англ. Р. Райт-Ковалёвой. М.: Иностранная литература, 1967.
11. *Стейнбек Дж.* Путешествие с Чарли в поисках Америки. М.: Прогресс, 1965.
12. *Томахин Г.Д.* Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М.: Прогресс, 1988.
13. *Чернобров А.А.* Трудности понимания и перевода реалий (лингвострановедческий подход) // Филология, лингвистика, лингводидактика. М.: Гаудеамус, 1993.
14. *Cronin A.J.* (1937). *The Citadel*. London: Collancz.
15. *Capote T.* (1951). *The Grass Harp*. N.Y.: Random House.
16. *Galsworthy J.* (1954). *ToLet*. Moscow: Foreign Languages Publishing House.
17. *Salinger J.D.* (1948) *Blue Melody*. N.Y.: Cosmopolitan.
18. *Salinger J.D.* (1963). *Raise High The Roof Beam, Carpenters*. N.Y.: Little, Brown and Company.
19. *Steinbeck J.* (1962). *Travels With Charly In Search Of America*. N.Y.: Viking Press.
20. *Vonnegut K.* (1969). *Slaughterhouse-Five or The Children's Crusade*. N.Y.: Delacorte.

УДК: 81'255.4:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863

ABOUT SOME PROBLEMS OF ADEQUACY IN TRANSLATION AS ONE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION FORMS

Alexander St. Mamontov

State Institute of the Russian Language n.a. A.S.Pushkin
Acad. Volgina str.,6, Moscow,Russia, 117485

Abstract. The article discusses some problems of translation as one of cross-cultural communication forms. In the article there are mainly stressed necessity of vast sociocultural context knowledge by a translator: both foreign and own. Simultaneously in some cases there are brought about necessity of encyclopedic commentary on comparative basis with reconing recipient's of literary text native culture. The author denies as well significance of attempt of obligatory equivalents finding in translator's language. In the article there are given some examples of literary text by famous writers fragments translation in English with following encyclopedic analysis. Translation activities are analyzed in close connection with language as mean of cross-cultural communication teaching and called upon to solve the problems how in a proper way to eliminate obstacles in the situation of different languages and cultures interaction.

Key words: translation, cross-cultural communication, text, commentary, comparative, encyclopedic

REFERENCES

1. Baldwin, John. (1980). *If Beale Street Could Talk*. In *The Modern American novel*. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Vonnegut, K. (1978). *Slaughterhouse — Five and other novels*, trans. from English R. Wright-Kovaleva. Moscow: Progress. (In Russ.)

3. Galsworthy, John. (1962). *Rentals*. Moscow: Pravda. (In Russ.)
4. Foreign literature (1986). No. 4. (In Russ.)
5. Hood, T. (1971). *The Grass Harp*. Trans. from English by M.O. Mitina. Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Cronin, A. (1955). *The Citadel*. Trans. from English. M.E. Akinai. Kiev: State publishing house of artistic literature. (In Russ.)
7. Lviv, Z.D. (1985). *Theoretical problems of translation*. Moscow: Higher school. (In Russ.)
8. Mamontov, A.S. (2010). *Lingua-cultural basises of language as cross-cultural communication means teaching. Training manual*. Moscow: Flinta—Nauka. (In Russ.)
9. Salinger, J.D. (1963). *Blue Melody*. Trans. from English N. Gal. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. Salinger, J.D. (1967). *Above the rafters, carpenter. Story. Stories*. Trans. from English R. Wright-Kovaleva. Moscow: Foreign literature. (In Russ.)
11. Steinbeck, John. (1965). *Travels with Charly in search of America*, Moscow: Progress. (In Russ.)
12. Tomakhin, G.D. (1988). *Realities-Americanisms. Benefit on the country*. Moscow: Progress. (In Russ.)
13. Chernobrov, A.A. (1993) *The difficulty of understanding and translating reality (linguistic approach)*. In *Philology, linguistics, didactics*. Moscow: Gaudeamus.
14. Cronin, A.J. (1937). *The Citadel*. London: Collancz. (In English)
15. Capote, T. (1951). *The Grass Harp*. NY: Random House. (In English)
16. Galsworthy, J. (1954). *ToLet*. Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In English)
17. Salinger, J.D. (1948) *Blue Melody*. NY: Cosmopolitan. (In English)
18. Salinger, J.D. (1963). *Raise High The Roof Beam, Carpenters*. NY: Little, Brown and Company. (In English)
19. Steinbeck, J. (1962). *Travels With Charly In Search Of America*. NY: Viking Press. (In English)
20. Vonnegut, K. (1969). *Slaughterhouse-Five or The Children's Crusade*. NY: Delacorte. (In English)

Для цитирования:

Мамонтов А.С. О некоторых проблемах адекватности перевода как одной из форм межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 854—863. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863.

For citation:

Mamontov, A.S. (2017). About some problems of adequacy in translation as one of cross-cultural communication forms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 854—863. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863.

Alexander St. Mamontov, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 854—863. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863.

Сведения об авторе:

Мамонтов Александр Степанович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; *научные интересы*: лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, культурология, русский язык и культура речи; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru

Bio Note:

Mamontov Alexander Stepanovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian literature and intercultural communication of State Institute of the Russian Language n.a. A.S. Pushkin; *Scientific Interests*: cultural linguistics, linguistics, intercultural communication, methods of teaching RFL, cultural studies, Russian language and speech culture; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru



УДК: 811.111'373.613:811.581
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-864-872

ВАРИАНТНОСТЬ ПЕРЕВОДОВ ЗАИМСТВОВАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ху Пэйпэй

Прикладной институт иностранных языков
Шэньчжэньский политехнический институт
518055 Китай, Гуандун, Шэньчжэнь,
район Наньшань, проспект Люсянь, 2190

Благодаря постоянным языковым контактам заимствованные слова стали неотъемлемой частью китайской лексики. Процесс освоения заимствованных слов давно существует в китайском языке. Типичными способами освоения заимствованных слов английского происхождения китайским языком являются фонетический и семантический. В истории китайского языка был период, когда одно и то же английское заимствованное слово могло осваиваться одновременно как фонетическим, так и семантическим способами. Также при заимствовании английских слов существовала практика замены семантического способа заимствования фонетическим, и наоборот. В китайской лингвистике «конкуренция» именно фонетического и семантического способов до сих пор является открытой полемикой. В своих трудах китайские лингвисты выражают разные точки зрения относительно использования фонетического и семантического способов. В данной статье подробно рассмотрены различные способы ассимиляции и возможные варианты передачи английских заимствованных слов в китайский язык, выбранные из анализируемых материалов научных трудов китайских лингвистов. В работе также приводится большое количество примеров из современных средств массовой информации Китая. Для более глубокого сравнения и исследования семантического и фонетического способов освоения заимствований в современном китайском языке в данной статье используется метод сопоставительного анализа. По результатам проведенного исследования подчеркнута тенденция использования буквенных аббревиаций и семантического способа при заимствовании английских лексических единиц в современном китайском языке.

Ключевые слова: ассимиляция, заимствование, неологизм, английский язык, китайский язык, омонимия, способы заимствования, буквенные аббревиации

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно в китайском языке выделяют следующие способы освоения заимствованной лексики других языков: фонетический, графический и семантический. Нужно отметить, что в китайском языке графический способ употребляется в случае, когда системы письменности двух языков похожи друг на друга (например, китайский и японский языки). При заимствовании английских слов в китайский язык графический способ почти не применяется. Вариантность освоения заимствования в лексике китайского языка имеет свои особенности. Результаты изучения вариантности освоения английских заимствований в китайском языке отражены в работах Гао Минкая, Лю Чжэнтань, Ян Сипэня и др.

По трудам китайских лингвистов, вариантность освоения заимствованных слов классифицируется в схеме 1.

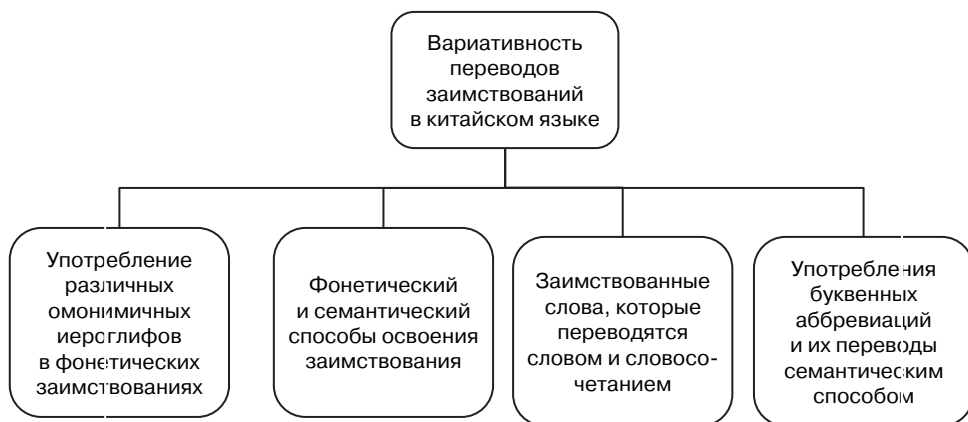


Схема 1. Вариативность освоения заимствований в китайском языке (по трудам китайских лингвистов Ян Сипэня, Гао Минкяя, Лю Чжэнтаня)

Рассмотрим каждый вариант в отдельности.

1. ОМОНИМИЧНЫЕ ИЕРОГЛИФЫ В ФОНЕТИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Употребление различных омонимичных иероглифов в фонетических заимствованиях, например, приведенные в таблице 1 типичные примеры употребления фонетических заимствований английского происхождения в переводах континентального Китая, Гонконга и Тайваня.

Таблица 1

Варианты переводов английских заимствованных слов в континентальном Китае, Гонконге и на Тайване

Исходное слово	Перевод слова в континентальном Китае	Перевод слова в Гонконге	Перевод слова в провинции Тайване
blog	博客 [бо кэ]	博客 [бо кэ]	部落格 [бу лоу гэ]
cheese	芝士 [чжи ши]	芝士 [чжи ши]	起司 [ци сы]
disco	迪斯科 [ди сы кэ]	的士高 [ди ши гао]	狄斯可 [ди сы кэ]
Disney	迪斯尼 [ди сы ни]	迪斯尼 [ди сы ни]	狄斯奈 [ди сы най]
Email	伊妹儿 [и мэй эр]	伊妹儿 [и мэй эр]	伊媚儿 [и мэй эр]
Sydney	悉尼 [си ни]	雪梨 [сюе ни]	雪梨 [сюе ни]
show	表演 [бяо янь]	秀 [сю]	秀 [сю]
store	商店 [шан дянь]	士多 [ши до]	士多 [ши до]
Titanic	泰坦尼克号 [тай тань ни кэ]	铁达尼号 [тэ да ни хао]	铁达尼号 [тэ да ни хао]

Таким образом, если сравнивать фонетические заимствования в языке континентального Китая, Гонконга и Тайваня, можно отметить существование различий иероглифов-омофонов для передачи звучания английского неологизма.

Еще одной особенностью освоения английских слов является «разрыв» слогов английского заимствования. Так, например, слово *blog* в континентальном Китае переводится как 博客 [бо кэ]. На Тайване, где используется традиционный китайский язык, слово *blog* пишется как 部落格 [бу лоу гэ]. Существует мнение, что английское слово *blog* имеет значение ‘совокупность группы’. Заметим, что слово-

сочетание 部落 [бу лоу] обозначает ‘племя’. Кроме того, произношение словосочетания также близко по звучанию к исходному слову.

От слова *blog* образовалось еще слово *microblog*, что обозначает разновидность блога, обычно с короткими постами. Данное слово вошло в китайский язык с помощью семантического способа перевода 微型博客 [вэй син бо кэ], дословно на русском языке: *микроблог* или *миниблог*. Обычно в китайском языке употребляется сокращенный вид, как 微博 [вэй бо], дословно ‘минимальный блог’.

На Тайване слово *microblog* употребляется в двух вариантах перевода: 微型部落格 [вэй син бу лоу гэ] и 微网志 [вэй ван чжи]. Слово 微型部落格 было зафиксировано в китайском языке с помощью семантического (*micro* — 微型) и фонетического (*blog* — 部落格) способов, хотя в данном случае имеется ввиду ‘совокупность группы’.

微网志 — сокращенное слово от 微型网络日志, исключительно семантический перевод, обозначающий ‘небольшой, миниральный сетевой дневник’.

2. ФОНЕТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ

Результаты проведенного китайскими лингвистами исследования показывают, что основными способами передачи английских заимствований в китайский язык являются фонетический и семантический. Выбор фонетического или семантического способа при освоении иностранных слов до сих пор остается дискуссионной проблематикой в китайской лингвистике. Существуют несколько точек зрения по данной проблеме.

Гао Минкай, Гао Нянчжан и др. считают, что фонетический способ должен быть единственным способом освоения заимствований. А Чэнь Юань придерживается семантического способа освоения новых иностранных слов. Большинство лингвистов же считают, что фонетический и семантический способы в равной степени важны для освоения заимствованных слов. Например, Ян Сипэн в своей книге «Исследование заимствования в китайском языке» критикует точку зрения Чэнь Юаня: «С точки зрения когнитивной психологии, можно согласиться с Чэнь Юанем в том, что китайский язык имеет тенденцию к употреблению семантического способа при освоении заимствованных слов. Но если противиться употреблению фонетического способа при освоении заимствований, то это не будет соответствовать существующим фактам в языке... Фонетический способ является главным способом для освоения заимствованных слов не только в различных языках, но и одним из важных способов в китайском языке» [Ян Сипэн, 2007, 45—46]. По мнению Пань Вэньгуо, Е Буцин, Хань Ян, не имеет смысла обсуждать, являются ли семантические слова заимствованиями, так как: с точки зрения словообразования, семантические способы образования новых слов, возможно, не станут продуктивными словообразовательными способами в китайском языке [Пань Вэньгуо, Е Буцин, Хань Ян 1993: 56].

В нашей работе мы придерживаемся третьей точки зрения относительно освоения заимствованных слов, то есть при освоении английских заимствований

в китайском языке следует активно использовать и семантический, и фонетический способы.

Приведем примеры употребления *семантического способа* заимствования английских слов вместо ранее используемого *фонетического способа* (см. таблицу 2):

Таблица 2

Примеры употребления семантического способа заимствования английских слов вместо ранее используемого фонетического способа

Исходное слово	Фонетический способ заимствования	Семантический способ заимствования
bank	板克 [бань кэ]	银行 [инь хан]
empire	英拜尔 [ин бай эр]	帝国 [ди гоу]
lawyer	劳叶儿 [лао е эр]	律师 [люй ши]
science	赛因斯 [сай инь сы]	科学 [кэ сюе]

Итак, вышеуказанные примеры относительно являлись заимствованиями-неологизмами в конце XIX века. В последние годы с развитием Интернета появилось значительное количество заимствованных слов английского происхождения в китайский язык. В процессе освоения новых слов снова повторяется явление конкуренции фонетического и семантического способов.

К примеру, рассмотрим слово *facebook*. Хотя в Китае с 2009 года запрещено пользоваться приложением *facebook*, но перевод самого слова долго был дискуссионной темой для интернет-пользователей Китая. На начальном этапе пользователи употребляли исходную форму, то есть английскую. Затем пользователи придумали шутовую форму фонетического перевода как ‘非死不可’ [фэй си бу кэ]. Примечательно, что данное словосочетание в китайском языке имеет значение ‘нельзя не умереть’, как бы случайно совпадая с судьбой приложения *facebook* в Китае.

В практике китайского языка существовали два различных перевода слова *facebook* семантическим способом освоения: 脸谱 [лянь пу] и 脸书 [лянь шу].

脸谱 [лянь пу] дословно переводится как *лицевые альбомы маски*, что легко ассоциируется с *образцами гримов пекинской оперы*.

Слово 脸书 [лянь шу] — полное калькирование исходное слова, 脸 [лянь] обозначает ‘лицо’, 书 [шу] — ‘книга’.

Необходимо отметить, что если вводить ‘非死不可’ на сайте Бaidu (крупнейшая китайская поисковая система), в результате поиска обнаруживается ссылка на сайт facebook. Лексическая единица ‘脸书’ зафиксирована на сайте Бaidu Байкэ (энциклопедия Бaidu или Байдупедия — китайская энциклопедия), ‘脸谱’ также приводится как синонимичное слово. Можно сделать вывод, что хотя пока нет официального названия *facebook* на китайском языке, но слово ‘脸书’ в последнее время стало самым распространенным названием для пользователей Интернета в Китае. Приведем пример употребления ‘脸书’ в китайских СМИ:

中国是禁止脸书，但是并不禁止其联合创始人兼 CEO 马克扎伯格，做客北京时他讲了一口流利的普通话，让在场的学生震惊不已。[URL: <http://fm.m4.cn/2014-10/1249714.shtml>].

Перевод на русский язык: *Китай может запретить Facebook в стране, но никак не визит главы компании Марка Цукерберга, который поразил аудиторию китайских студентов в Пекине своим отличным произношением на китайском языке.*

В начале статьи мы уже рассматривали примеры вариантности английских заимствований, которые употребляются на материковом Китае, в Гонгконге и на Тайване. Жители Гонгконга привыкли к использованию *facebook* на английском языке, особенно в разговорной речи.

Кроме того, необычный характер данного явления заключается в том, что существует еще один вариант перевода слова *facebook*: 面子书 [мянь цзы шу]. Его употребляют китайцы, проживающие в Малазии. По нашему мнению, данный вариант несет более глубокий смысл, так как слово ‘面子’ (дословно ‘лицо’ и ‘поверхность’) имеет большое значение для китайцев и обозначает *доброе имя и репутация*.

Рассмотрим подробнее другие примеры в таблице 3.

Таблица 3

Примеры переводов фонетическим способом английских заимствований в китайском языке с шутливой окраской

Исходное слово	Фонетический перевод с шутливой окраской	Формальный фонетический / семантический перевод
Bing	病 [бин] (дос. <i>болезнь, болеть</i>)	必应 [би ин] (дос. <i>ответить на все</i>)
Google	狗狗 [гоу гоу] (дос. <i>собака</i>)	谷歌 [гу гэ] (дос. <i>песня из ущелья</i>)
iPhone	爱疯 [ай фэн] (дос. <i>безумно любить</i>)	苹果 (手机) [пин го шоу цзи] (дос. <i>яблочный телефон / телефон ‘яблоко’</i>)
LinkedIn	邻客音 [лин кэ инь] (дос. <i>голос от соседа</i>)	领英 [лин ин] (дос. <i>лучший литер / лидер, выдающийся человек</i>)

На наш взгляд, фонетические переводы английских заимствований, предложенные в шутливой форме, которые придумали интернет-пользователи Китая, являются сленговыми лексическими единицами. Благодаря огромному количеству китайских иероглифов и их значений сочетания различных омонимов, которые звучат близко к исходному английскому слову, были заимствованы в китайский язык фонетическим способом.

Рассмотрим слова *фонетического* способа заимствования английских слов вместо *семантического* в таблице 4.

Таблица 4

Слова с фонетическим способом заимствования английских слов вместо семантического

Исходное слово	Семантический способ заимствования	Фонетический способ заимствования
brandy	葡萄蒸馏酒 [пу тао чжэн лю цзю]	白兰地 [бай лань ди]
sofa	安乐椅 [ань лэ и]	沙发 [ша фа]
mister	先生 [сян шэн]	密斯特 [ми сы тэ]

Изменение семантического способа заимствования слова на фонетический встречается в китайском языке крайне редко, что можно объяснить, во-первых, тем, что носители языка привыкли использовать фонетические заимствования. Во-вторых, фонетические заимствования сохраняют эффект новизны.

Необходимо отметить, что в китайском языке также встречаются слова, заимствованные одновременно фонетическим и семантическим способами. Рассмотрим примеры в таблице 5.

Таблица 5

**Слова, заимствованные из английского языка
одновременно фонетическим и семантическим способами**

Исходное слово	Фонетический способ заимствования	Семантический способ заимствования
Internet	因特网 [инь тэ ван]	互联网 [ху лян ван]
bus	巴士 [ба ши]	公共汽车 [гун гун ци чэ]
vitamin	维他命 [вэй та мин]	维生素 [вэй шэн су]
Email	伊妹儿 [и мэй эр]	电子邮件 [дянь цзы ю цзянь]
cartoon	卡通 [ка тун]	动画 [дун хуа]

Приведем анализ слов, заимствованных фонетическим способом, которые представлены в книге «Исследование заимствований в современном китайском языке» [Гао Минкай, Лю Чжэнтань 1958].

Общее количество слов для анализа — 107 заимствований фонетическим способом. Представим результаты проведенного исследования:

— 60 слов, заимствованных фонетическим способом, более не используются в китайском языке. Вместо них в настоящее время употребляются слова, заимствованные семантическим способом, 56,07% от общего числа заимствованных слов;

— 32 лексические единицы сохранили фонетический перевод (29,91%) неологизмов-англицизмов, в том числе 4 фонетических заимствования были заменены омонимичными иероглифами (3,74%);

— у 8 фонетических заимствований появились семантические варианты перевода, то есть одновременно в современном китайском языке употребляются и фонетические, и семантические варианты перевода, их доля составляет 7,48%;

— у одного фонетического заимствования появился вариант семантического и фонетического переводов (0,93%);

— кроме того, у двух слов, заимствованных фонетическим способом, (1,87%) появились переводы, в которых добавился классификатор китайского языка (смешанный способ):

- ◆ классификатор 鱼 [юй] ‘рыба’: 沙丁 [ша дин] — 沙丁鱼 [ша ди юй],
- ◆ классификатор 弹 [дань] ‘снаряд’: 达姆 [да му] — 达姆弹 [да му дань].

Таким образом, фонетические и семантические способы являются типичными способами освоения заимствований, однако в китайском языке ярко выражена тенденция к употреблению семантического способа при освоении заимствований.

3. ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЕРЕВОДЯТСЯ СЛОВОМ ИЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЕМ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние годы в связи с активным развитием Интернета слова в сфере интернет-технологий появляются в английском языке особенно активно, соответственно так же активно и заимствуются в китайский язык. К примеру, слово *notebook* в английском языке изначально обозначало ‘записная книжка’, ‘тетрадь’, затем появилось новое значение как термин в сфере интернет-технологий — ‘персональный компьютер’. Новое значение было заимствованно как расширение семантики к исходному китайскому слову ‘笔记本 [би цзи бэнь]’. Его широко употребляют не только в сфере технологий, но и в повседневной жизни китайцев в качестве жаргона. Также существуют полные семантические переводы: 笔记本电脑 и 手提型电脑.

笔记本电脑 [би цзи бэнь дянь нао]: записная книжка + компьютер
 手提型电脑 [шоу ти син дянь нао]: ручной/переносный + компьютер

4. УПОТРЕБЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТНЫХ БУКВЕННЫХ АББРЕВИАЦИЕЙ И ИХ АССИМИЛЯЦИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПУТЕМ ПЕРЕВОДА СЛОВ ИСХОДНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Буквенные аббревиации как особенная группа заимствований также занимает важное место в лексике современного китайского языка. Их заимствование происходит с помощью фонетического или семантического способов.

Следует отметить, что существуют аббревиатуры английского происхождения, у которых одновременно присутствуют признаки фонетического и семантического способа заимствования в китайском языке. Приведем несколько примеров в таблице 6:

Таблица 6

Примеры аббревиатур английского происхождения, у которых присутствуют фонетические и семантические заимствования в китайском языке

Исходное слово	Фонетический способ	Семантический способ
CPU	—	中央处理器 [чжун ян чу ли ци]
WTO	—	世界贸易组织 [ши цзи мао и цзу чжи]
OPEC	欧佩克 [оу пэй кэ]	石油输出国组织 [ши ю шу чу гоу цзу чжи]
Email	伊妹儿 [и мэи эр]	电子邮件/电邮 [дянь э цзы ю цзянь/дянь ю]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в китайском языке вариантность освоения заимствований английского происхождения является отдельной характеристикой ассимилированной заимствованной лексики. Анализируя примеры, следует сделать следующие выводы.

1. Фонетический и семантический способы при освоении заимствованных слов английского происхождения равнозначно важны. Тем не менее, традиционно се-

мантические заимствования экономнее фонетических заимствований для носителей китайского языка, так как, во-первых, в семантических заимствованиях обычно используется меньшее число иероглифов. Во-вторых, в большинстве случаев значения понятнее, чем при фонетических заимствованиях.

2. В последнее время появилась тенденция освоения заимствований-неологизмов английского происхождения с помощью китайских омонимов-иероглифов с семантическими значениями. Такие переводы одновременно обеспечивают близкое к произношению звучание исходного слова английского происхождения и дают более четкое представление значения нового заимствованного слова носителям китайского языка.

3. Новой тенденцией является предложение фонетических переводов английских заимствований, предложенных в шуточной форме, придуманных интернет-пользователи Китая; данные лексические единицы часто являются сленговыми.

© Ху Пэйпэй

Дата поступления: 1.09.2017

Дата приема к печати: 30.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гао Минкай, Лю Чжэнтань*. Исследование заимствований в современном китайском языке. Пекин: Вэньцзи гайгэ чубаньшэ, 1958.
2. *Пань Вэньгуо, Е Буцин, Хань Ян*. Исследование словообразования китайского языка: 1898—1990 гг. Тайбэй, Сюэшэн шуцзю, 1993.
3. *Чэнь Юань*. Язык и человек. Пекин: Шан'у Чубаньшэ, 2003.
4. *Ян Сипэн*. Исследование заимствованных слов в китайском языке. Шанхай: Жэньмин чубаньшэ, 2007.
5. Придет ли facebook в Китай? Режим доступа: <http://fm.m4.cn/2014-10/1249714.shtml>
Дата обращения: 07.07.2017.

УДК: 811.111'373.613:811.581

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-864-872

THE VARIANTS OF THE ENGLISH LOAN WORDS IN CHINESE

Hu Peipei

School of Applied Foreign Languages

Shenzhen Polytechnic

Avenue Liuxian, 2190, Nanshan District, Guangdong, China, 518055

Abstract. Through constant language contacts, loan words have become an indivisible part of the Chinese vocabulary. The process of assimilation loan words has long existed in Chinese language. Typical ways of assimilation loan words with English origin in Chinese language are phonetic and semantic ways. In the history of Chinese language, existed a period when the same English loan word could be translated at the same time in phonetic and semantic ways. During the assimilation of English words, exists the fact

of replacing semantic way to phonetic way, and vice versa. Till now, in Chinese linguistics “competition” between phonetic borrowing and semantic borrowing is still an open controversy. In their works, Chinese linguists have different views on the use of phonetic and semantic ways. After selection and review of scientific works of Chinese linguists, this article in detail considers different ways of assimilation and possible variants of transfer English loanwords in Chinese language. This work also gives many examples from modern Chinese mass media. For more in-depth comparison and study of semantic and phonetic ways of assimilation words in modern Chinese language, this article uses the method of comparative analysis. The results of the conducted research highlights the trend of using alphabetic abbreviation and using semantic way of assimilation English words in modern Chinese language.

Key words: assimilation, loan word, neologism, English, Chinese, homonymy, models of borrowing, alphabetic abbreviations

REFERENCES

1. Gao Mingkai, Liu Zhen.gtan. (1958). Loanwords in Modern Chinese. Beijing: Language Reform Publishing House. (In Chinese)
2. Pan Guowen, Ye Buqing, Han Yang. (1993). A study of Chinese word formation: 1898—1990. Taipei, Student Book. (In Chinese).
3. Chen Yuan. (2003). Language and People. Beijing: The Commercial Press. (In Chinese).
4. Yang Xipeng. (2007). A study of English Loanwords in Chinese. Shanghai: People’s Publishing House. (In Chinese).
5. Will Facebook enter China? URL: <http://fm.m4.cn/2014-10/1249714.shtml> (accessed: 07.07.2017) (In Chinese & English).

Для цитирования:

Ху Пэйпэй. Вариантность переводов заимствований английского происхождения в китайском языке. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 864—872. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-864-872.

For citation:

Hu Peipei (2017). The variants of the English loan words in Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 864—872. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-864-872.

Peipei Hu, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 864—872. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-864-872.

Сведения об авторе:

Ху Пэйпэй, кандидат филологических наук, старший преподаватель, старший преподаватель Прикладного института иностранных языков Шэньчжэньского политехнического института; *научные интересы:* лексикология, заимствования, неологизмы; *e-mail:* hupp1217@163.com

Bio Note:

Hu Peipei, Candidate of Philology, Lecturer, Lecturer of the School of Applied Foreign Languages, Shenzhen Polytechnic; *Scientific Interests:* lexicology, loan words, neologisms; *e-mail:* hupp1217@163.com



УДК: 81'276.5:34

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-873-883

КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М.Н. Федулова

Военный университет МО
ул. Б. Садовая, д. 14, Москва, Россия, 123001

Жизнь общества основывается на определенной системе ценностей, дифференциация которых соответствует определенной концептуальной сфере, которая отражена в семантическом пространстве языка. По мнению автора, лексическая семантика, лексическая организация юридического дискурса является определенной проекцией концептосферы права и может быть критерием в концептуальном анализе языка права. Автор считает, что проблема заключается в выборе критериев к типологизации концептов юридического дискурса как специального дискурса. Принимая во внимание, что юридический дискурс является социальным регулятором, в нем очень важен кумулятивный компонент, который зависит от правильно выбранной лексической единицы. Кумулятивная составляющая определяет насыщенность семантики слова, которая важна для регулирования отношений в социуме. Концептосфера юридического дискурса обладает рядом характерных особенностей. Автор считает, что помимо общих онтологических критериев выделения концептов, свойственных для любого вида дискурса, в основу построения типологизации может быть положен критерий информативной насыщенности, емкости концепта, который может раскрываться не только через непосредственные (терминологические), но и косвенные (нарративно-описательные, образные и пр.) формы выразительной репрезентации в тексте.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, типология концептов, дискурс, юридический дискурс, семантическое пространство языка

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь человека, его опыт, знания постоянно меняются по объему и содержанию, что, безусловно, придает соответствующую динамику и создает условия для изменений различных концептосфер человеческой жизни. Такая постоянная параллельная динамика не позволяет концепту и концептосферам приобрести законченный по содержанию и объему вид. В условиях отсутствия единообразного видения содержания концепта, его организации, дифференцирующих признаков достаточно проблематично выработать жесткую методологию по определению критериев типологизации концепта.

КОНЦЕПТ И КОНЦЕПТОСФЕРА

Термин «концептосфера» был введен в отечественную науку академиком Д.С. Лихачевым. Концептосфера, по определению Д.С. Лихачева, — это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей

языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, искусство, религия, тем богаче концептосфера народа [Лихачев 1993: 5]. Под концептосферой можно понимать область знаний, состоящих из единиц — концептов, интерпретирующих реальность. Большое значение имеет концептосфера права — как система концептов, выполняющих регулятивную роль в организации и жизни общества. Язык в праве — это не только вопросы техники и стилистики, это — конструктивные моменты существования самого права как своеобразного социального феномена [Алексеев 1983: 7—12]. Через право осуществляется контроль отношений в социуме, так как именно право ориентировано на определенную систему ценностей, оно отражает и охраняет эти ценности, имеет аксиологическую основу.

КОНЦЕПТОСФЕРА ПРАВА

По мнению С.Ю. Бакулиной, «концептосфера права это система представлений, значений, образов и ассоциаций, возникающих в индивидуальном и массовом сознании в процессе восприятия и осмысления ключевых морально-нравственных категорий, имеющих правовую нагрузку (закон, ответственность, свобода, обязанность, вина, права человека, правопорядок, суд и т.д.)» [Бакулина 2012: 4]. Поэтому в основе системы концептов юридического дискурса лежит этическая составляющая, в центре которой находится макроконцепт «мораль—нравственность». Именно этот концепт в системе иерархии концептов юридического дискурса занимает самое высокое место.

Концепты выступают своеобразными смысловыми и ценностными «ячейками культуры», существующими в формах национального языка в виде понятий, ассоциаций, стереотипов, установок, переживаний, участвующими в формировании ценностной «картины мира» [Лихачев 1993]. Ценности не существуют без субъекта, они проявляются только по отношению к субъекту. Актуализация понятий, ассоциаций, стереотипов возможны в условиях коммуникации и взаимодействия различных субъектов. В связи с этим мы полагаем, что такие условия коммуникации, как наличие субъектов — участников коммуникативного пространства и их взаимодействие можно отнести к обязательным факторам формирования и актуализации юридического дискурса. Именно в условиях коммуникации определяется характер развития концепта, принцип репрезентации концепта, так как в процессе общения активизируется идеология, целевые установки, находящиеся в основе производства концепта. Поэтому при разработке подходов к типологизации концептов очень важно учитывать их дискурсивный аспект, свойства объективируемого дискурсом сознания как «самобытного способа видения и переживания мира, его осмысления и упорядочения, предопределяющего характер востребованных знаний и способов их передачи, стратегии противопоставления себе объекту и субъекту и взаимодействия с ними, характер формулируемых целей деятельности и способов их достижения» [Полонский 2010: 62].

В языковом сознании концептосфера права обретает свою определенность и полноту не только в условиях коммуникации, но и во взаимосвязи с концептами

других сфер бытия, и, прежде всего, во взаимосвязи с этической сферой, в центре которой, как уже указывалось, находится макроконцепт «мораль — нравственность» [Тихомиров 1999; Тихомиров, Тихомирова 1997].

Взаимосвязь юридического дискурса с другими сферами бытия опосредует отражение разнообразных сфер человеческой деятельности и потребностей, поэтому юридический дискурс — это комплексное понятие, в которое входят несколько видов языков права. Несмотря на взаимосвязь с концептами других сфер бытия, юридический дискурс обладает своими специфическими функциями, не совпадающими с общепринятыми функциями обычного языка. Данная особенность заключается в том, что языковые средства юридического дискурса направлены на выражение нормативно-регулятивных функций в целях правового взаимодействия и общественного развития с опорой на факторы их нравственной оценки и концептуального терминологического закрепления.

В зависимости от сферы правового регулирования тех или иных отношений можно выделить язык уголовного права, язык гражданского права, административного права, язык публициста-правоведа, язык судопроизводства, язык адвоката и т.д. Все эти виды языка права отличаются друг от друга. По мнению Т.Г. Поповой, особое место среди них занимает язык законодателя, так как этот язык является официальным государственным языком, посредством которого государство в лице законодательного государственного органа устанавливает обязательные для исполнения правила поведения [Попова 2003: 42]. Именно в этой части языка права наиболее ярко представлен макроконцепт «мораль—нравственность». Так, например, Конституция РФ как основной закон государства учреждает, юридически оформляет политическую форму существования общества, систему органов государственной власти, устанавливает порядок их формирования и способ функционирования, закрепляет права и свободы человека и гражданина (право на жизнь, на свободу вероисповедания). В этом документе отражено правовое признание, закрепление и защита свободы личности в соответствующих областях общественной жизни (в сфере морали, нравственности, религии и т.д.), что является необходимым условием не только нормального бытия и функционирования всех социальных норм и регуляторов, но и самой социальной регуляции права в общей системе социальных норм и данного общества.

Юридический дискурс — это институциональный дискурс. Концептосфера юридического дискурса как институционального дискурса имеет максимально строгую структуру вербально-терминологического закрепления в языке (в системе терминов, понятий), и, как следствие, по смысловой насыщенности, развернутости в масштабе детализации можно судить о степени системного развития концептосферы дискурса в языке. Лексическая семантика отражает системность концептосферы дискурса и может использоваться в качестве критерия в концептуальном анализе языка. Лексическая организация дискурса является отражением его концептуальной организации.

ИЕРАРХИЯ КОНЦЕПТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Для выявления иерархии концептов юридического дискурса, строящейся на аксиологических основаниях, помимо критерия семантической абстракции на уровне терминологического закрепления концепта можно использовать критерий информативной насыщенности.

Абстракция и информативная насыщенность — соотносительные категории. Всякая абстракция аккумулирует в себе определенный объем информации и, таким образом, сама подлежит интерпретации через информационный компонент. «Кумуляция информации оказывается важным презентационным фактором, определяющим степень первоочередности/факультативности сведений о мире, используемую человеком в целях самопрезентации и дескрипции того, что он стремится транслировать по коммуникативным каналам в социум с тем, чтобы успешно исполнить задачи влияния и воздействия на социум» [Олянич 2007: 117], который определяет степень очередности/факультативности сведений о мире, используемой человеком в целях самопрезентации и дескрипции того, что он стремится транслировать по коммуникативным каналам в социум для того, чтобы успешно исполнить задачи влияния и воздействия на социум. Информативная насыщенность семантики слова может быть определена как результат выполнения словом его важнейшей функции — кумулятивной. Говоря иными словами, способности лексической единицы содержать (концентрировать) в себе целый ряд «смысловых компонентов, которые отражают тот или иной отрезок реальности и к тому же строго иерархизированных, выполняющих жестко закрепленную за каждым компонентом задачу» [Там же: 126].

Задача построения типологии концептов с позиций когнитивного подхода уже давно является предметом научных споров. Справедливым является утверждение о том, что одним из главных критериев такой классификации может и должен явиться такой критерий, как степень отражения в нем различных фрагментов действительности. В чем-то аналогично разделению лексики с этих позиций все концепты могут разделяться на мыслительные (ментальные) и чувственные. Всякий концепт в его функциональном применении характеризуется как ментализмом, так и чувственностью. При этом ментальная сторона более абстрактная. Чувственная отражает конкретику момента. Чувственные концепты так или иначе направляют нас к общему правилу, к ментальной оценке. Ментальные концепты в свою очередь получают чувственное применение в условиях конкретной оцениваемой ситуации.

Так, давая юридическую оценку тому или иному факту или событию, мы опираемся на некоторое ментальное представление о том, что представляет из себя данный факт или событие с точки зрения социально-нравственной нормы. В то же время сама нормативно-аксиологическая идентификация факта или события являются вполне чувственным актом. Апелляция к норме — это ментальная сторона концепта. Его актуальное применение к конкретному факту, событию это практическая, чувственная сторона концепта.

Разделение концептов на ментальные и чувственные носит скорее функциональный, а не семантический характер. Чувственный концепт скорее ситуативен, отражает «требование момента», он же более интенционален и регулятивен в коммуникативном контексте. Конкретика такого концепта — это чувственная конкретика момента, отправной пункт коммуникативной аргументации. Ментальный концепт отражает требования культурной нормы (в нашем случае — нормы права). Вектор функционального подчинения здесь имеет обратную направленность: от момента к норме. Момент оказывается частью культурно-нравственной (правовой) ситуации, получает соответствующую оценку. Ментальный концепт более устойчив, обладает признаками ситуационной воспроизводимости. Ментальные и чувственные концепты можно разделять лишь условно. Функционально в их ситуативном применении они неразделимы и могут рассматриваться как две стороны одного и того же концепта в его функциональной заданности. Степень институциональной устойчивости дискурса определяется не чувственной, а ментальной стороной концепта, характером его выразительного закрепления в коммуникативном культурно-выразительном опыте языка.

Многие существующие классификации концептов строятся на предметных, а не на функциональных основаниях. Действительно, предметный критерий в классификации концептов может рассматриваться как первичный, сущностный. Однако не менее важным представляется функциональный критерий, в основе которого лежит степень информативной насыщенности или нарративной развернутости концепта, то есть степень абстракции или близости вербальной выразительной формы концепта к описываемой ситуации/ситуациям.

Построение типологии юридических концептов может основываться на множестве критериев и выбрать основные и вспомогательные представляется довольно сложным, так как сущность любого концепта так или иначе вербализуется в языке не только словами, а применительно к юридическому дискурсу — терминами, но одновременно оно дублируется в дефиниции, то есть высказывании. Одновременно нельзя совершенно определенно утверждать, что существует однозначное соотношение концептов юридического дискурса и терминов (=понятий) юридического словаря, так как, очевидно, не все понятия области права вербализованы в конкретном языке, к тому же существуют множественные вариации определенных понятий, в отношении которых ведутся постоянные дискуссии, приводящие к расширению концепта и познанию научного понятия.

При разработке основ типологии концептов необходимо также учитывать, что концепты не являются однородными, поскольку связаны с различными по объему понятиями, с одной стороны, и имеют различное количество внутрисистемных связей, с другой. Из этого возникает следующее предположение: типология концептов возможна на основании понятийного объема и его внутрисистемных связей с другими единицами системы. Здесь необходимо отметить, что данные критерии являются взаимосвязанными, так как объем понятия чаще всего описывается через функциональные категории синтагматики и парадигматики, ко-

торые являются, в свою очередь производными от устойчивых зависимостей от других элементов данной сферы.

В основу неосновной (вторичной) типологии концептов юридического дискурса вряд ли могут быть положены принципы, предлагаемые для общей типологии концептов. Вряд ли приемлемо разграничение концептов на вербализованные и невербализованные для специальной сферы. Специфика самого дискурса, в котором речевая деятельность является приоритетной по сравнению с другими, предполагает обязательную вербализацию значимых объектов. Как только какое-либо явление подвергается правовому регулированию, происходит его специфическая вербализация в юридическом дискурсе. Даже если слово, обозначающее явление, понятие, давно существует в общем дискурсе, оно превращается в часть правового дискурса только тогда, когда получает соответствующую дефиницию в законе, подзаконном акте, научном исследовании.

Важным может быть критерий лингвистического оформления концепта. Так, все концепты в аспекте их вербальной репрезентации могут делиться на лексические (слова — термины, слова — профессионализмы, слова — классификационные единицы, соответственно: закон, преступление, наказание; отказ, присяга; решение, апелляция, прошение), фразеологические (понятия, выраженные устойчивым словосочетанием: оперативно-розыскные действия).

В.И. Карасик [Карасик 2004: 29—36] разграничивает активно и пассивно транслируемые концепты (здесь играет значительную роль частота употребления, или вербализация, того или иного концепта). В.И. Карасик разграничивает также содержательно модифицируемые и немодифицируемые концепты. Для последних исследователь объявляет важным такой критерий, как их переводимость — непереводимость в иные формы, то есть возможность заменять не только дефиницией, но и близкими понятиями, например, родо-видовыми, свободными словосочетаниями, то есть контекстуальными синонимами. На наш взгляд, последний критерий требует дополнительной проверки на материале юридического дискурса. Как бы то ни было, в подходе В.И. Карасика привлекает идея потенциальной вариативности форм вербальной репрезентации концепта.

Какой бы ни была форма его вербальной репрезентации, всякий концепт характеризуется качеством информативной насыщенности (емкости) масштабом охватываемого интенционала. Под интенционалом понимается вся совокупность подлежащих юридической концептуальной оценке ситуаций, объектов. Собственно концепт в его терминологическом понимании является как основанием, так и результатом сопряжения по критерию смыслового родства определенного множества ситуаций (объектов). Осознание концептуальных оснований понимания (трактовки) конкретной ситуации/ситуаций может возникать как дедуктивным (в конкретном акте юридической оценки), так и индуктивным (в историческом опыте юридической оценки) путем.

ФОРМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ КОНЦЕПТА

Закрепление концепта как основание для юридической оценки в дискурсивном опыте языка (соотносительным процессом юридической практики) может осуществляться в трех формах, отличающихся друг от друга по степени narra-

тивной развернутости: 1) непосредственные нарративно-описательные, 2) образно-идиоматическая (как правило, на прецедентных основаниях), 3) понятийно-терминологическая форма закрепления концепта, служащая критерием юридической социально-значимой оценки, имеющая статус законодательного предписания.

Первая форма является наиболее рудиментарной в плане своей ситуационно-описательной наглядности: описываемая ситуация как бы говорит сама за себя, провацируя чувственную реакцию оценки, которую трудно выразить или обозначить словами. Это своеобразная иллюстративная форма репрезентации концепта. На этой основе возникает апелляция к прецедентным ситуациям, к различного рода ситуационным аналогиям. Такого рода формы вербализации концептов нередко можно встретить и современном юридическом дискурсе: в выступлениях адвокатов, прокуроров, внешне объективно описывающих ситуацию, но при этом подводящих свое описание под определенную оценку, концептуально-нравственное основание.

Вторая форма закрепления юридических концептов широко представлена в системах так называемого прецедентного права, в которых для обозначения концептуальных оснований выбираются конкретные метонимические аналогии (например, *Migan rule*, *Miranda rule*, *Castle doctrine*, *Poison tree rule*). Многие нормы права здесь получают образное обозначение, за которым стоит конкретная прецедентная ситуация.

Третья форма может быть названа высшей формой вербального закрепления концепта в языке, когда за концептом независимо от его смысловой емкости закрепляется устойчивой абстрактное обозначение в языке (подсудность, подведомственность, презумпция невиновности и т. д.).

Потенциально все указанные формы вербальной реализации концепта юридических концептов взаимозаменяемы, хотя, конечно, любая из этих форм в юридическом речевом узусе используется в целях создания некоторой понятийной, экстенциональной формы концепта, то есть некоторого единого целостного понимания социально-юридической значимости описываемой референтной ситуации.

Описательная форма репрезентации концепта может быть названа косвенной и безусловной, когда «ситуация говорит сама за себя». Образно-идиоматическая и терминологическая форма репрезентации концептов могут быть названы непосредственными и условными.

Можно предположить возможность экстраполяции принципов вербальной феноменологической дискурсивной классификации концептов в юридическом дискурсе на другие виды дискурсов в культурно-выразительном опыте языка, где многие концепты не получают терминологического закрепления и могут быть выражены лишь иллюстративно, описательно.

Как бы то ни было, всякая концептуализация есть способ сокращенного, свернутого представления содержания (здесь как нигде применим термин А.А. Потебни «сокращение мысли» [Потебня 1999: 215]). Сокращению подлежит множество внешних подводимых под концепт ситуаций. Сам концепт, как и любой смысл,

может быть представлен как объективная реальность лишь через совокупность внешних реализуемых на его основе ситуаций. Ситуация материализует концепт. Вместе с тем концепт есть определенная абстракция (которая может терминологически фиксироваться в составе языка). Отсюда между концептами и репрезентирующими его внешними ситуациями могут возникать отношения верификации — фальсификации (по К. Попперу) [Поппер 1999], что может составить предмет отдельного концептуалогического исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принимая во внимание необычайный интерес в современном мире к изучению и описанию различных концептов, их места и роли в национальной концептосфере, в научной и научно-практической концептосферах, можно с уверенностью утверждать, что выработка наиболее полной научной типологии концептов является в настоящее время одной из наиболее актуальных исследовательских задач.

При разработке юридической концептосферы необходимо понимать, что когнитивный подход должен быть обязательно дополнен дискурсивным, так как ментальная основа формирования концепта-понятия обязательно дополняется его дискурсивной обработкой, в ходе которой формируются устойчивые связи с другими единицами, определяется характер этих отношений, устанавливается в определенной иерархии. Именно в ходе обсуждения и анализа рождается форма концепта: прототип, фрейм или сценарий.

Концепты должны различаться по степени информативной насыщенности (емкости), раскрываемой через подразумеваемую предметную нарратацию, и через масштаб эмоционально-образной и линейно-выразительной репрезентации, что является эксплицитной стороной репрезентации концепта.

Большинство юридических концептов являются логически-конструируемыми и лишены образного начала: *фальсификация, патент, передаточный акт*. Однако значительная часть концептов вербализируется в языке с помощью уже существующих лексем, что, в свою очередь, является источником образности: *жалоба, пиратство, поджог, коммерческий подкуп*. Юридические концепты носят коллективный характер и имеют инвариантное ядро, закрепленное в определениях юридических документов: законах, актах, договорах. Однако нельзя не отметить незначительную вариативную составляющую их содержания, которая определяется областью применения: собственно правовая, научная, правовая публицистика. Первая исходит из жесткого инварианта, определенного в самом документе, вторая устанавливает связи, формирует «объем» и «полноту» содержания, третья допускает максимальные отклонения, связывая аксиологические формы информации с уже имеющимися.

Реализуемый в юридическом дискурсе нарратив имеет своей целью описание и классификацию сценариев, которые являются регулярными и требуют правовой квалификации. Следовательно, рожденные в таком дискурсе концепты довольно разнообразны по сложности. Их интерпретация и характеристика определяется

связью с определенными типами текстов по жанру и назначению, а также и выбором языковых средств в самом акте номинации. Поэтому и выходит на первый план не только сложность, но и внутренняя противоречивость, связанная с конкретной деятельностью сознания. Ментальная модель подвергается дискурсивной обработке, в результате чего возникает многоуровневая модель различных репрезентаций.

Юридический дискурс, устанавливающий правила организации и удовлетворяющий потребности жизни общества, которые зачастую вызывают много споров в самом обществе, поликонцептуален. В юридическом дискурсе возникает противоречивость и борьба концептов. Концептуализация проявляется: 1) в тексте (законы, нормативно-правовые акты), 2) в образных средствах, 3) в обычных словах — номинациях. Концептуализация происходит на двух уровнях: 1) нарративно-логическая реализация концепта (текстуальная форма), 2) номинативно-характеризующая реализация концепта, то есть вербальная форма. Эти два уровня взаимодействуют.

Мы полагаем, что критерием для классификации должен быть функциональный критерий. Основным функциональным критерием будет информативность концепта, под которым следует понимать масштаб ситуационного нарративного декодирования концепта. При этом степень нарративной развернутости может быть различной (непосредственной — описательной, образно-идиоматической, максимально-свернутой — терминологической).

© Федулова М.Н.

Дата поступления: 1.09.2017

Дата приема к печати: 30.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеев С.С.* Право — институциональное социальное образование // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1983. С. 7—12.
2. *Бакулина С.С.* Концептосфера права как фактор гуманизации культуры: Автореф. ... дисс. канд. культурологии. СПб., 2012. [Электронный ресурс]: www.disscat.com (дата обращения: 01.09.2017).
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
4. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. СЛЯ. 1993. № 1. С. 3—9.
5. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2007.
6. *Полонский А.В.* Дискурс как объективация сознания (введение в проблематику) // Проблемное поле дискурсологии: сб. науч. ст. / под ред. А.В. Полонского. Белгород: ИПЦ «Политерра», 2010. С. 57—67.
7. *Поппер К.* Логика и рост научного знания / под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Изд-во «Прогресс», 1983.
8. *Потебня А.А.* Собрание трудов. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
9. *Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). Монография. М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003.

10. Тихомиров Ю.А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. М., 1999. № 8. С. 5—12.
11. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997.

УДК: 81'276.5:34

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-873-883

CRITERIA FOR TYPOLOGY OF CONCEPTS IN THE LEGAL DISCOURSE

Maria N. Fedulova

Military University

14, Bolshaya-Sadovaya str., Moscow, Russia, 123001

Abstract. The public relations are based on a particular system of values which is brought to the society through different conceptual spheres articulated by its own specific semantic area of language. The author says that the semantic area of language and the semantic structure of legal discourse are the reflection of the conceptual sphere of law and can be considered as a criteria in the conceptual analyze of legal language. The problem is to choose a correct criteria for typology of concepts in the legal discourse as a special discourse. Taking into consideration that the legal discourse is a social regulator the cumulative component that depends on a correct lexical unit is very important. The cumulative component is an informative intensity of the word semantics that is very important for regulation of public relations. The conceptual sphere of the legal discourse is characterized by some specific features. The article says that in addition to the common ontological criteria characterizing any discourse the criteria of semantic intensity can be a base of typology of concepts in the legal discourse. The criteria of semantic intensity, concept volume can be seen in direct (terminological) and in indirect (narrative) forms of expressive representation in any text.

Key words: concept, conceptual sphere, typology of concepts, discourse, legal discourse, semantic area of language

REFERENCES

1. Alekseev, S.S. (1983). Law is an institutional social entity In *The issues of theory of state and law*. Saratov. pp. 7—12. (In Russ.).
2. Bakulina, S.S. (2012). Conceptual sphere as a factor of a humanization of culture [dissertation]. Saint-Peterburg. URL: www.dissercat.com. (Accesed: 20.9.2017). (In Russ.).
3. Karasik, I.V. (2004). Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnoszis. (In Russ.).
4. Likhachyov, D.S. (1993). Conceptual sphere of the Russian language. *The News of the Russian Academy of science, 1*, SLYA 1993. pp. 3—9. (In Russ.).
5. Olyanich, A.V. (2007). Presentational theory of discourse: Monography. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
6. Polonskyi, A.V. (2010). Discourse is as an objectification of conscience (introduction into the issue) In *The problematic sphere of discourse studies: the digest of scientific articles*, A.V. Polonskyi (Ed.). Belgorod: IPP “Polyterra”, pp. 57—67. (In Russ.).
7. Popper, K. (1983). The logic and growth of scientific knowledge edited by V.N. Sadovskiy Moscow: Publishing house Progress.

8. Potebnya, A.A. (1999). The collected works. Idea and language. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
9. Popova, T.G. (2003). National-cultural semantics of language and cognitive-socio-communicative aspects (based on the materials of the English, German and Russian languages): Monography. Moscow: Publishing house MGOU «Public teacher». (In Russ.).
10. Tikhomirov, U.A. (1999). Law: national, international, comparative]. *State and law*, no 8. Moscow. pp. 5—12. (In Russ.).
11. Tikhomirova, L.V. & Tikhomirov, M.U. (Ed.) (1997). Legal encyclopedia. Moscow. (In Russ.).

Для цитирования:

Федулова М.Н. Критерии типологизации концептов в юридическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 873—883. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-873-883.

For citation:

Maria N. Fedulova (2017). Criteria for typology of concepts in legal discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 873—883. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-873-883.

Maria N. Fedulova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 873—883. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-873-883.

Сведения об авторе:

Федулова Мария Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, докторант кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков Военного университета МО РФ; *научные интересы*: теория языка, дискурс, юридический дискурс; *e-mail*: mfedulova@mail.ru

Bio Note:

Fedulova Maria Nickolaevna, Candidate to Doctor of Philology, PhD in law, PhD in philology; *Scientific Interests*: theory of language, discourse, legal discourse; *e-mail*: mfedulova@mail.ru



УДК: [811.131.1:811.18]374
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891

СЛОВАРИ ТОТАЛИТАРНЫХ ИТАЛИИ И АЛБАНИИ

В.М. Костева

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина»
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

Актуальность статьи определяется первичностью обращения к сопоставительному анализу развития лексикографии в странах с тоталитарным устройством общества. При этом анализируемый материал рассматривается с точки зрения «тоталитарной» лингвистики, понимаемой как совокупность дискурсивных практик, присущих тоталитарной эпохе. Целью представленной статьи является подтверждение выдвинутой автором гипотезы о том, что тоталитарное государство, независимо от временных рамок, порождает особый вид лингвистики, обладающей набором определенных признаков, позволяющих отнести ее к тоталитарному типу, следуя современной политической семантике. Предметом исследования являются лексикографические произведения эпохи тоталитаризма в Италии и Албании. Материалом исследования в представленной статье послужили оригинальные лексикографические источники Италии и Албании, а также научные работы в области лексикографии, посвященные периоду тоталитаризма, представленные преимущественно зарубежными лингвистами. Исследование проводится в русле нарративной лексикографии, позволяющей воссоздать объективную картину состояния и развития лингвистики в тоталитарных государствах, что способствует переосмыслению лингвистического наследия тоталитарных государств, открывает дальнейшие перспективы в области нарративной лингвистической историографии. Полученные результаты характеризуются большой степенью новизны. Впервые лексикографическая практика тоталитарных государств представлена в сравнительном анализе дискурсивных практик тоталитарной эпохи. Ранее изучение лексикографии тоталитарных государств было реализовано на основе исследований отдельных аспектов словарного дела и представлено фрагментарно, в основном на иностранных языках, что существенно ограничивает доступ русскоязычных читателей к данным работам. Результаты проведенного анализа вносят вклад в общую теорию лексикографии и лингвистической историографии XX века.

Ключевые слова: лексикография, «тоталитарная» лингвистика, дискурсивные практики, нарративность, кодификация, семантизация, толковый словарь

ВВЕДЕНИЕ

В рамках изучения «тоталитарной» лингвистики, понимаемой нами в общем и целом как совокупность дискурсивных практик тоталитарной эпохи [Костева 2013: 37], сопоставительному анализу подвергается лексикографическая практика следующих стран с тоталитарным устройством общества: СССР периода 1923—1953 гг., Германии — 1933—1945 гг., Италии — 1922—1943 гг., Испании — 1933—1975 гг., Албании — 1941—1985 гг., Румынии — 1948—1989 гг. и Китая — 1949—1976 гг. Тем самым мы имеем возможность проанализировать материал разных временных периодов, начиная с 1920 г. и заканчивая 1980-ми гг., и, кроме того, разных регионов, географически отдаленных друг от друга, но имеющих общие тенденции политического развития [Костева 2013: 6].

Представить анализ лексикографии во всех вышеупомянутых странах в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому в данной статье мы ограничимся сопоставительным анализом лексикографии тоталитарных Италии и Албании, как государств, разведенных во времени, но близких в географическом отношении.

Обращаясь к лексикографии **Италии тоталитарного периода**, отметим два важных признака: во-первых, большое количество лексикографических изданий — за 20 лет периода правления фашистов из печати были выпущены 9 наименований различных словарей, и, во-вторых, контроль и регулирование лексикографической деятельности со стороны государства, что проявлялось как в личном участии Б. Муссолини в лексикографических проектах, так и в национальном законодательстве.

Декретом от 1923 г. была запрещена активная лексикографическая деятельность Королевской Академии Италии (*La Reale Accademia d' Italia*) и публикация 5-го издания словаря *Vocabolario*, история которого началась еще в 1863 г. Словарь имел распространение не только в Италии, но и других европейских странах, служа при этом моделью создания академических словарей для других языков, например, во Франции. Запрету предшествовало решение комиссии, учрежденной Б. Кроче, занимающего в то время пост министра образования, о реформировании и ограничении деятельности Академии публикациями литературных текстов (1921 г.).

Попытка создания нового словаря осуществилась только в 1935 г., после того как существующий словарь итальянского языка, составленный Н. Томазео и Б. Беллини («*Dizionario della lingua italiana*», 4 тт., 1861—1879 гг.), был признан устаревшим и несоответствующим современному состоянию языка.

Лично Муссолини поручил Академии создание нового словаря под названием *Vocabolario della lingua italiana*, намереваясь, таким образом, распространить влияние фашистской идеологии среди широких народных масс [Kolb 1990: 138]. В ответ Академией была предложена концепция нового полного словаря итальянского языка в пяти томах, который отражал бы текущее состояние языка и его историю. Подобные идеи имели место еще в конце XIX века, однако реализация их оказалась возможной только в первой половине XX-го.

Задуманный словарь, разработка которого поручалась Дж. Бертони, был предназначен не только для филологов, но и для широкой публики. На создание словаря отводилось пять лет, и уже в 1941 г. был выпущен первый том словаря (буквы А—С), где толковались слова как архаичные, так и современные. Наряду с традиционной лексикой в словник включались научные и технические термины; иностранные слова, имеющие распространение в повседневном общении, а также те иноязычные заимствования, которые использовал в своих выступлениях Муссолини. В соответствии с проводимой языковой политикой из словника были исключены диалектальные слова и выражения.

По лексикографической традиции словарь сопровождается предисловием, в котором составители описывают задачи, структуру и предназначение словаря. Для нашего исследования данный раздел представляет интерес с точки зрения

отражения в нем доминант политической жизни Италии. Так, причины появления данного лексикографического труда были объяснены авторами в 1935 г. влиянием идеологии фашизма на все государственные и общественные институты, а также непосредственным влиянием на язык: «Причиной нового издания является стремление добавить новые слова и новые значения, а также внести важные изменения, четко отразить нововведения, которые привнесла в язык и во все остальное мощная жизнь фашизма. И мы делаем это с удовольствием, рассматривая это также как новое доказательство того, что язык является правдивым отражением жизни народа» («L'occasione della nuovo ristampa è data soprattutto dal gradite dovere di aggiungere nuove parole e nuovo significati o fare importanti cambiamenti, esprimendo in chiara maniera le innovazioni, che anche nella lingua, come in tutto il resto ha portato la potente vita del fascism. E lo facciamo assai volentieri anche come novella prova che la lingua è specchio fedele della vita del popolo») [Цит. по Kolb 1990: 140].

В соответствии с провозглашенной линией на единство языка и нации в предисловии присутствуют высказывания, отражающие политические лозунги того времени: «Единство языка — это, прежде всего, единство нации» («Unità linguistica è soprattutto unità nazinale»), «потому что язык является той же нацией» («Perchè la lingua è la stessa Nazione») [Цит. по Kolb 1990: 141].

В приложении к словарю отдельно толковались основные лексемы итальянского фашизма: автакция (*autarchia*), корпорация (*corporazione*), дуче (*Duce*), фашизм (*Fascio*), режим (*Regime*) и др. [Kolb 1990: 142].

В качестве иллюстративных примеров, особенно для неологизмов фашистского режима, служили цитаты Муссолини и других политиков, идеологов, верных режиму писателей. Кроме того, часть общей лексики, использовавшейся в политических речах, типа *мужество* (*corragio*), *завоевания* (*conquista*), была также проиллюстрирована цитатами Муссолини [Kolb 1990: 140].

Исследователи также отмечают, что толкование лексем фашистской тематики типа *корпоративизм* (*corporativismo*) сопровождается более пространными и подробными объяснениями и иллюстративными примерами, чем, например, лексемы *коммунизм* (*comunismo*) или *большевизм* (*bolscevismo*), имеющие ярко выраженную негативную коннотацию [Kolb 1990: 191].

Отметим, что позднее указанный словарь был подвергнут критике в основном из-за толкования неологизмов, значение которых еще не было окончательно утверждено [Duro 1999: 1864—1865].

Кроме того, в представленном лексикографическом произведении нашла свое отражение политика языкового пуризма, предписывающая использование итальянских слов взамен иноязычных: «Уважение к традициям и ревнивая любовь к истории языка не должны препятствовать тому, чтобы в язык вошли новые слова для обозначения идей и новых вещей. Слова не требуют ни власти Академии, ни указов. Но когда для этих новых вещей и идей существуют слова собственного языка, большой ошибкой будет их забыть и использовать иноязычные слова» («Il rispetto per la tradizione e il geloso amore per la storia della lingua non debbono impedire l'accettazione di vocaboli nuovi per designare idee e cose nuove. I vocaboli non s'impongono per autorità nè di Academie, nè di decreti. Ma quando per queste nuove

cose e idee soccorrano genuine voci, sarebbe colpa dimenticarle e servirsi di parole straniere») [Цит. по Kolb 1990: 143—144].

Другим интересным лексикографическим источником эпохи фашизма является «Современный словарь» А. Панцини (*Dizionario moderno. Supplemento ai Dizionari italiani* [Panzini 1935]). В предисловии мы можем получить представление о точке зрения автора на соотношение языка и нации *lingua/favella* и *nazione* в современной ему Италии: «Защита родного языка — это защита чести нации: сохранение своей оригинальности и сохранение души нации» («*La difesa della favella natia è la difesa dell'onore della nazione: la conservazione della sua originalità e la conservazione dell'anima stessa della nazione*») [Цит. по Kolb 1990: 143].

Этот словарь отличался от других словарей итальянского языка прежде всего тем, что включал в себя лексемы-неологизмы, не кодифицируемые другими словарями. Чрезвычайно важны личная заинтересованность и личное участие Муссолини в составлении словаря, проявившиеся в том, что некоторые лексемы были включены в словник по его личной просьбе, что было отражено составителем в словаре с помощью соответствующей пометы *M*. К данной группе слов относятся не самые употребительные лексемы итальянского фашистского дискурса, но те, которые либо употреблялись лично Муссолини, либо возникли в эпоху итальянского фашизма, например, *ambulantata*, *coperchuare*, *disarmista*.

Лексемы фашистского дискурса в основном иллюстрируются цитатами Муссолини, например: «*fasci — processo rivoluzionario dittatorio, creazione di un novo Stato che è autoritario, ma non absolutist, gerarchico e organico aperto al popolo in tutte le sui classi e categorie e interessi*» («фашизм — процесс революционной диктатуры, создание нового государства, которое является авторитарным, но не абсолютистским, иерархически и органически открытым для народа, для всех классов, категорий и интересов») [Цит. по Kolb 1990: 146].

А толкование лексемы «государство» сопровождается фашистским политическим слоганом «*stato — tutto per lo stato, nulla sopra lo Stato, null contro lo stato: formula politico dell fascismo*» («Все для государства, ничего, выше государства, ничего против государства: формула политики фашизма») [Цит. по Kolb 1990: 148].

В перечисленных выше изданиях разных лет можно также встретить лексемы, синтагмы, слоганы и ключевые слова германских нацистов, как, например, *Blut und Boden* (кровь и земля), *Arier* (ариец), *Nichtarier* (не ариец), *Lager* (лагерь) др. [Kolb 1990: 191], что является показателем идеологических связей тоталитарной Италии и нацистской Германии.

Второй отличительной чертой представленного словаря стала ярко выраженная пуристическая направленность. Вероятно, это было связано с тем, что автор А. Панцини был членом Королевской Академии и принимал участие в составлении списка иноязычных слов, использование которых в речи итальянских граждан не было рекомендовано. В приложении к последнему изданию словаря содержится список запрещенных слов и их итальянские замены, предложенные как самим автором, так и другими членами специальной комиссии Академии (*Comissione dell'Accademia per l'italianità della lingua*), занимавшейся поиском итальянских эквивалентов для заимствованных слов [Klein 1986: 130—131].

Иноязычная лексика, прежде всего американизмы и англицизмы, была представлена в крайне небольшом количестве по отношению к итальянской лексике, и, кроме того, определения данных слов не отличались адекватностью и были весьма отрывочны. Кодификация словарных форм проходила в соответствии с правилами итальянского неопуризма, с использованием элементов итальянского языка, например, специальных суффиксов, служащих для образования абстрактных и обобщающих существительных *-iente*; *-itâ* (*suffiente, intimitâ*) [Duro 1999: 1867].

Обобщая вышесказанное, отметим, что не все существующие словари Италии, изданные в эпоху фашизма, имели ярко выраженную профашистскую ориентацию. Словарные статьи, семантизирующие лексикон фашистского дискурса, отличались от статей слов общей лексики в основном бóльшим количеством строк и способом кодификации, толкования были сделаны с учетом реалий и доминант тоталитарной идеологии [Kolb 1990: 184].

Очевидным представляется факт, что лексикографические источники эпохи итальянского тоталитаризма являлись средством пропаганды для привлечения широких народных масс к идеям дуче. Кроме того, словари служили проводниками основных направлений языковой политики тоталитарной Италии, в частности, идей пуризма как составной части лингвистической автаркии (*autarchia linguistica*) (термин, предложенный в 1937 г. Б. Мильорини) и борьбы за единый язык.

В **Албанской Народной Республике (АНР)** после победы социалистического строя Секцией языка и литературы Института наук был осуществлен ряд проектов, среди которых издание первого «Толкового словаря албанского языка» (*Fjalor i gjuhës shqipe*), содержащего 22 000 слов, наиболее употребительных в общенародном албанском языке [Ciro 1954].

Словник отражал лексику, функционирующую в языке до 1950-х гг., соответственно в словаре не были кодифицированы неологизмы. В словаре были представлены лексемы токского и гегского диалектов, а также частично итало-албанские слова. Таким образом, словарь создавал у пользователей представление о наиболее употребительных лексемах и одновременно явился предпосылкой для разработки единого письменного языка.

Над созданием словаря трудились виднейшие лингвисты Албании, к их числу относились: К. Ципо (K. Ciro), Э. Чабей (E. Çabej), М. Доми (M. Domi), А. Крайни (A. Krajni), О. Мюдерризи (O. Muederrizi). Тем не менее, несмотря на громадный труд по составлению словаря, два его автора П. Геци (P. Gazi) и С. Малешова (S. Malesova), стоявшие в оппозиции к правящей партии, по политическим соображениям не были указаны в качестве составителей [Ляфе 2001: 348].

В двуязычной албанской лексикографии издавались словари, использовавшие преимущественно материал языков дружественных на тот период стран, прежде всего социалистических. Отметим также ряд русско-албанских словарей, например, один из первых двуязычных словарей АНР «Краткий албанско-русский словарь» (*Fjalor i shkurtër shqip-rusisht*) [Кочи, Скенди 1950]. В преамбуле словаря указано, что основную часть словника составляют слова южного наречия. Однако в отдельных случаях составители кодифицировали лексику северного наречия, имеющую большую степень распространения. К словарю был приложен

краткий очерк грамматики албанского языка, составленный Б.А. Серебренниковым. В предисловии авторы также отмечали трудности составления словаря, связанные с практически полным отсутствием справочного материала [Кочи, Скенди 1950: 5—6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая вышесказанное, мы выделяем следующие общие дискурсивные практики тоталитарного государства в области лексикографии.

1. Акцентирование внимания со стороны государства на масштабных лексикографических проектах, что нашло свое отражение в финансировании данных проектов, в создании специальных групп и комиссий.

2. Реализация задачи создания крупномасштабного лексикографического труда по определенному сценарию, с привлечением государственного ресурса — законодательства, СМИ, финансирования, личной поддержки лидеров государства. Содействуя, с одной стороны, тем или иным лингвистическим проектам, государство, с другой стороны, контролирует работу ученых, навязывая им работу в нужном русле, делая их проводниками своих политических установок, языковой политики. В этой связи отметим и готовность большей части лексикографов работать по новым правилам, так как участие в крупных лексикографических проектах открывало новые возможности для публикаций, получения финансирования, роста научного авторитета.

3. Яркое проявление изменения политических и идеологических пристрастий государства и его лидера.

4. Влияние внешнеполитических связей государства, что проявляется в выборе и следовании методике семантизации и кодификации лексем, принятой в той или иной стране, что особенно типично для тоталитарных государств бывшего социалистического лагеря.

Нельзя не отметить, что словари тоталитарной эпохи, несмотря на некую конъюнктурность, в большей своей части являются основательными и авторитетными лексикографическими трудами, они послужили основой для переиздания современных одноязычных толковых, а также переводных словарей.

Безусловной заслугой составителей словарей тоталитарной эпохи является и их практическая ориентация, перечень изданий свидетельствует о том, что составители стремились удовлетворить потребности различных слоев населения, осознавая, что не существует единого универсального словаря, рассчитанного на все категории пользователей.

© Костева В.М.

Дата поступления: 1.09.2017

Дата приема к печати: 30.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Костева В.М.* «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике: монография. М.: МПГУ, 2013.
2. *Кочи Р.Д., Скенди Д.И.* Краткий албанско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1950.

4. *Ляфе Э.* Развитие книжной лексики албанского языка во второй половине XX в. // *Studia linguistica et balcanica: Памяти Агнии Васильевны Десницкой.* СПб.: Наука, 2001. С. 346—352.
5. *Bertoni G.* Vocabolario della lingua italiana Edited by Giulio Bertoni, assisted by Carlo For-michi and Clemente Merlo. Milano: Soc. An. per la Public. del Vocabolario Lingua It., 1941.
6. *Cipo K.* Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë: Institut i shkencave, 1954.
7. *Duro A.* Italienische Lexikographie // *Wörterbücher: ein internationales Handbuch der Lexiko-graphie / Hrsg. F.-J. Hausman.* Berlin—New-York: de Gruyter, 1999. Teilbd. 2. S. 1880—1891.
8. *Klein G.* La politica linguistica del fascismo. Bologna: Il mulino, 1986.
9. *Kolb S.* Sprachpolitik unter dem italienischen Faschismus. Der Wortschatz des Faschismus und seine Darstellung in den Wörterbüchern des Ventennio (1922—1943). München: Voegel, 1990.
10. *Panzini A.* Dizionario moderno. Supplemento ai Dizionari italiani. Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1935.

УДК: [811.131.1:811.18]374

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891

DICTIONARIES OF TOTALITARIAN ITALY AND ALBANIA

Viktoria Kosteva

Pushkin State Russian Language Institute
Ac. Volgin Street, 6 Moscow, Russia 117485

Abstract. The relevance of the article is defined by the primary appeal to a comparative analysis of the development of lexicography in countries with a totalitarian society. The analyzed material is considered from the point of view of the “totalitarian” linguistics, which is considered as a set of discursive practices inherent to the totalitarian era. The aim of the present article is the confirmation of the hypothesis put forward by the author, that the totalitarian state, regardless of the time frames, generates a special kind of linguistics, which has a set of certain features making it totalitarian type according to the current political semantics. The subject of the study is the lexicographic works of the totalitarian era in Italy and Albania. The research material of this article was the original lexicographic sources from Italy and Albania, as well as scientific works in the field of lexicography devoted to the period of totalitarianism, mainly represented by foreign linguists. The research is conducted in line with the narrative lexicography, which allows to recreate an objective picture of the status and development of linguistics in totalitarian states, which contributes to the rethinking of the linguistic heritage of totalitarian states, and opens further perspectives in the field of narrative lingvo historiography. The obtained results are characterized by a high degree of novelty. It is the first time when the lexicographical practice of totalitarian states is presented as a comparative analysis of the discursive practices of the totalitarian era. Previously, the study of the lexicography of totalitarian states was implemented on the basis of studying specific aspects of the vocabulary and was presented fragmentarily, mostly in foreign languages, which significantly limits the access to the works for Russian-speaking readers. The results of this analysis contribute to a General theory of lexicography and lingvo historiography of the twentieth century.

Key words: lexicography, “totalitarian” linguistics, discursive practice, narrative, codification, semantization, dictionary

REFERENCES

1. Kosteva, V.M. (2013). “Totalitarian” linguistics and its manifestation in linguistic politics: Monography. Moscow: MPGU. (In Russ.)
2. Kochi, R.D. & Skendy, D.I. (1950). A short Albanian-Russian dictionary. M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries.

4. Lyafa, E. (2001). Development of the book vocabulary of the Albanian language in the second half of the 20th century // *Studia linguistica et balcanica: In memory of Agni Vasilyevna Desnitskaya*. SPb.: Nauka. pp. 346—352. (In Russ.)
5. *Bertoni, G.* (1941). *Vocabolario della lingua italiana* Edited by Giulio Bertoni, assisted by Carlo Formichi and Clemente Merlo. Milano: Soc. An. per la Public. del Vocabolario Lingua It. (In Ital.)
6. *Cipo, K.* (1954). *Fjalor i gjuhës shqipe*. Tiranë: Institut i shkëncavet. (in Albanian)
7. *Duro, A.* (1999). *Italienische Lexikographie* In *Wörterbücher: ein internationales Handbuch der Lexikographie* / (Hrsg.) F.-J. Hausman. Berlin–NY: de Gruyter. Vol. 2. pp. 1880—1891. (In German)
8. *Klein, G.* (1986). *La politica linguistica del fascismo*. Bologna: Il mulino. (In Ital.)
9. *Kolb, S.* (1990). *Sprachpolitik unter dem italienischen Faschismus. Der Wortschatz des Faschismus und seine Darstellung in den Wörterbüchern des Ventennio (1922—1943)*. München: Voegel. (In German)
10. *Panzini, A.* (1935). *Dizionario moderno. Supplemento ai Dizionari italiani*. Milano: Ulrico Hoepli Editore. (In Ital.)

Для цитирования:

Костева В.М. Словари тоталитарных Италии и Албании // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2017. Т. 8. № 3. С. 884—891. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891.

For citation:

Kosteva V.M. Dictionaries of Totalitarian Italy and Albania (2017). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 884—891. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891.

Viktoriya M. Kosteva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 884—891. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891.

Сведения об авторе:

Виктория Михайловна Костева, кандидат филологических наук, доцент. Советник по внешним связям при ректорате ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина». *Сфера научных интересов*: лексикография, фразеография, фразеология, лингвоисториография. Автор более 45 научных публикаций. *Контактная информация*: vmkosteva@gmail.com

Bio Note:

Kosteva Viktoriya Mikhailovna, candidate of philological Sciences, assistance professor, External Affairs Advisor to the Rector in Pushkin State Russian Language Institute; *Area of scientific interests*: lexicography, phraseography, phraseology, lingvo historiography. The author of over 45 scientific publications. *Contact information*: vmkosteva@gmail.com



УДК: 81'366.574

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-892-901

ПРИСТАВОЧНЫЕ ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ

О.А. Грачёва, П.А. Копылова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные особенности семантики русских приставочных возвратных глаголов, созданных только префиксально-постфиксальным и префиксальным способами образования, разнородных в плане структуры и значения (620 единиц). В статье определяется степень активности функционирования префиксов возвратных глаголов, приводятся количественные данные ранжировки таких глаголов по степени употребления в них определенных префиксов. В статье проводится детальное исследование значений возвратных глаголов с каждым конкретным префиксом, дается полный список возвратных глаголов указанных способов образования, выявляются префиксы, семантически маркированные, и префиксы, семантически немаркированные. В статье делается вывод о прямо пропорциональной зависимости количества возвратных глаголов с определенными префиксами от количества значений, которыми они обладают. В статье применены подходы к анализу префиксов возвратных глаголов — «от формы к значению» и «от значения к форме» — что позволило установить между ними отношения полифункциональности, омонимии, изофункциональности, трактуемые в отношении префиксов. Для понимания специфики данного вида морфемы в статье приводится сопоставление различных префиксов, функционирующих в одном контексте, подчеркивается важность подобного исследования для описания глагольного признака возвратности.

Ключевые слова: префиксально-постфиксальный и префиксальный способы образования глаголов, семантическая маркированность, полифункциональность, омонимия, изофункциональность, семантическое поле.

ВВЕДЕНИЕ

Глагол как наиболее «живая», семантически емкая часть речи, как категориально сложное и предикативно активное грамматическое явление всегда интересовал лингвистов. Последние, изучая глаголы на -ся, провели четкую границу между глаголами с постфиксом -ся, участвующим в формировании форм пассива (залоговое -ся) и глаголами с омонимичным ему постфиксом -ся, не имеющим залогового значения, назвав таковые возвратными глаголами, которые весьма разнородны в плане структуры (со словообразовательной точки зрения) и значения. Естественно, что все возвратные глаголы непереходные.

Несмотря на то, что русисты XIX и XX веков никогда не обходили своим вниманием возвратные глаголы [Обнорский 1960, Янко-Триницкая 1962], была проанализирована лишь их определенная часть, причем в поле их зрения попадали мотивированные переходные (в основном бесприставочные) глаголы, которые были сгруппированы в лексико-грамматические разряды, т.е. были рассмотрены под словообразовательным углом зрения, либо приставочные (в основном без постфикса -ся) глаголы, распределенные по способам глагольного действия [Шведова 1980, Лукина 2001, Сай 2008].

Осуществление детального анализа семантики всех префиксальных возвратных глаголов, проведение которого стало назревшей необходимостью, и установление взаимоотношений между глаголами с определенными префиксами составляет актуальность нашего исследования.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИСТАВОЧНЫХ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА, ОБРАЗОВАННЫХ ПРЕФИКСАЛЬНЫМ И ПРЕФИКСАЛЬНО-ПОСТФИКСАЛЬНЫМ СПОСОБАМИ

Нас заинтересовали приставочные возвратные глаголы, созданные префиксально-постфиксальным и префиксальным способами образования, в которых постфикс *-ся* изначально присутствует в составе слова, а не добавляется к невозвратному глаголу (т.е. глаголы типа *расстелить (ся)* исключались из нашего списка), что явилось темой нашего тщательного исследования, а подобные глаголы — его объектом. Методика исследования заключалась в выборке данных глаголов из «Орфографического словаря русского языка» объемом около 100 000 слов [Лопатин 1991] и распределении их по группам в зависимости от того или иного префикса. Всего мы насчитали таких глаголов 620 единиц.

Анализ семантики приставочных глаголов с незалоговым *-ся* на основе исчерпывающего материала позволяет прийти к следующим выводам.

1. Данные глаголы обогащают русский язык, поскольку содержат в своем составе аффиксы, позволяющие выражать разнообразные значения.

2. Приставочные возвратные глаголы различаются по степени активности употребления в них определенных префиксов. По данному признаку они выстраиваются таким образом:

1) *раз(о)-/рас-* — *-ся* (118 глаголов), 2) *по-* — *-ся* (87 глаголов), 3) *за-* — *-ся* (83 глагола), 4) *на-* — *-ся* (65 глаголов), 5) *о-* — *-ся* (33 глагола), 6) *с-* — *-ся* (32 глагола), 7) *при-* — *-ся* (28 глаголов), 8) *от-* — *-ся* (27), 9) *до-* — *-ся* (25 глаголов), 10) *пере-* — *-ся* (20 глаголов), 11) *из-/ис-* — *-ся* (18 глаголов), 12) *про-* — *-ся* (17 глаголов), 13) *в-* — *-ся* (17 глаголов), 14) *об-* — *-ся* (14 глаголов), 15) *под-* — *-ся* (11 глаголов), 16) *у-* — *-ся* (9 глаголов), 17) *вз-* — *-ся* (5 глаголов), 18) *над-* — *-ся* (3 глагола), 19) *обез-* — *-ся* (3 глагола), 20) *пре-* — *-ся* (2 глагола), 21) *вы-* — *-ся* (2 глагола), 22) *недо-* — *-ся* (1 глагол).

3. Для того чтобы сделать вывод о значениях возвратных глаголов с определенными префиксами, необходимо их детальное и тщательное исследование (направление вторичной имперфективации не учитывалось).

1. Возвратные глаголы с префиксом **раз(о)-/рас-** имеют следующие значения:

1) **«движение в разные стороны»:** *расставаться* — *расстаться*, *расступаться* — *расступиться*, *расходиться* — *разойтись*, *разбредаться* — *разбрестись*, *разбежаться* — *разбежаться*, *разлетаться* — *разлететься*, *расползаться* — *расползтись*, *разлезаться* — *разлезтись*, *расплываться* — *расплыться*, *растекаться* — *растечься*, *разъехаться*, *распадаться* — *распасться*, *распалзываться*, *разрастаться* — *разрастись*; 2) **«начало действия»:** *разбаливаться* — *разболеться*, *разбежаться* — *разбежаться*, *разговляться* — *разговориться*, *разгораться* — *разгореться*, *разлипаться* — *разлипнуться*, *расподобляться* — *расподобиться*, *рассмеяться*, *разреветься*, *разры-*

даться, расхохотаться, расхныкаться, раздражаться, разродиться, разжиться — разжиться, распогоживаться — распогодиться, разъясняться, расплакаться; 3) **«доведение действия до предела»**: распрощаться (распроститься), растелиться, разрыхлиться, раскаиваться — раскаяться, расквитаться, рассыхаться — рассохнуть, растрескиваться — растрескаться, раскланиваться — раскланяться, разонравиться, раскраснеться, раскрутиться, расплачиваться — расплатиться, расхрабриться, расшаркиваться — расшаркаться, расщедриваться — расщедриться; 4) **«достижение пика действия»**: разахаться, разбаливаться — разболеться, разбегаться, разбрюзжаться, разбушеваться, разбуяниться, разважничаться, развизжаться, развоеваться, развопиться, разворковаться, разворочаться, развыться, разгруститься, разжужжаться, раззеваться, раззудеться — раззудиться, разляться, разлѣживаться — разлежаться, разлениваться — разлениться, разлечься, разлюбезничаться, разплотоваться, размахаться, размечтаться, разнедужиться, разнежничаться, разнемогаться — разнемочься, разненаститься, разнервничаться, разнюниться, разовратиться, разолгаться, разоспаться, разоткровенничаться, разохаться, расплѣвываться — расплеться, расплясаться, распрыгаться, распылаться, рассвистеться, расседаться, рассиживаться — рассидеться, рассказаться, расслабиться, расстараться, расстелиться, растосковаться, растужиться, расфантазироваться, расфрантиться, расфуфыриться, расхандриться, расхвариваться — расхвораться, разрезвиться, разъерепениться, раскалякаться, раскапризничаться, раскашливаться — раскашляться, раскипеться, раскипятиться, раскочевряжиться, раскудаться, раскуражиться, распетушиться, расхлопотаться, расхорохориться, расчиркаться, расчихаться, расчувствоваться, расшалиться, расшуметься.

2. Возвратные глаголы с префиксом **по-** имеют следующие значения: 1) **«действие, совершаемое в короткий промежуток времени»**: поартачиться, побарахтаться, погорячиться, погордиться, погневаться, поглумиться, поволноваться, погнушаться, повеселиться, побесноваться, пожеманиться, позаниматься — позаняться, поиздеваться, покланяться, покорячиться, покочевряжиться, покрасоваться, покрениться, покривляться, покручиниться, покувыркаться, покуражиться, полениться, полопаться, полюбоваться, померещиться, пообжиться, поосмотреться, поохотиться, попетушиться, попечалиться, попоститься, попрактиковаться, попритчиться, порезвиться, порумяниться, поскитаться, посмеяться, посоревноваться, посуетиться, потрудиться, поупрямиться, почваниться, похрабриться, поцеремониться, пошляться, побаиваться — побояться; похвалиться, пожить (время от времени) — пожить; 2) **«действие совершаемого и совершенного факта»**: побожиться, побрататься, повиниться, повиноваться, позаботиться, поинтересоваться, позариться, поздороваться, поздоровиться, покаяться, поквитаться, поклясться, покумиться, помолиться, понадеяться, понравиться, поплатиться, попрощаться, посестриться, поскальзываться — поскользнуться, поскуниться, послышаться, посовеститься, постараться, посторониться, посчастливиться, потрескаться, потщиться, появляться — появиться; 3) **«усиление действия»**: понаглядеться, понасмотреться, понатужиться, поизноситься, поразъехаться, порастрескаться, поугомониться, поулечься, поуправиться.

3. Возвратные глаголы с префиксом **за-** имеют следующие значения: 1) **«начало действия»**: заартачиться, забеспокоиться, заблагорассудиться, забрыкаться, завиднеться, завихляться, задвоиться, задыхаться, заёжиться, заерепениться, зажелтеться — зажелтиться, заговляться — заговеться, заикаться — заикнуться, заискриться, запечалиться, запетушиться, заневеститься, замахиваться, закурчавиться, заочевряться, закопошиться, законфузиться, закипятиться, засочиться, затрепыхаться, затревожиться, затопорщиться, затемниться, засуетиться, застеняться, заулыбаться, заупрямиться, зашущукаться, зачертыхаться, зачернеться, захорохориться, засовеститься; 2) **«продолжение начатого действия с нарушением допустимой границы»**: забеседоваться, забюрократиться, завираться — завраться, загащиваться, загорячиться, загоститься, задураться, заждаться, заживаться, закичиться, закалякаться, заспесивиться, зарапортоваться, занездоровиться, замечтаться, залюбоваться, залениться, залёживаться — залежаться, залгаться, зарваться, зарезвиться, засидеться, засмотреться, замешкаться, затомиться, затолпиться, затолковаться, застаиваться — застояться, захвастаться, зачураться, зачокаться, зачваниться, зажраться; 3) **«завершение действия»**: задохнуться, заблуждаться — заблудиться, зазнаваться — зазнаться, заилиться — заилиться, заплутаться, закрадываться — закрасться, закоптиться, закаиваться — закаяться, зарекаться — заречься, зарубцовываться — зарубцеваться, заручаться — заручиться, заслаться.

4. Возвратные глаголы с префиксом **на-** имеют следующие значения: 1) **«действие, исчерпавшее себя до конца, доведённое до абсолютного предела»**: набедствоваться, набеседоваться, набродиться, набунтоваться, навидаться, наглодаться, наглумиться, наглядеться, нагореваться, нагоститься, нагрустить, надивоваться, надураться, нажираться — нажраться, наздравствоваться, назюзюкаться, наклюкаться, накружиться, налазиться, налакаться, налакомиться, нализываться — нализаться, наловчиться, налопаться, налюбоваться, намаяться, намолиться, наругаться, наскитаться, наслоняться, наслужиться, намыкаться, наняничиться, наодеколониться, наохаться, наохотиться, напиться, наплутаться, наплясаться, наползаться, напрактиковаться, напрыгаться, наслушаться, наслышаться, насмеяться, наспориться, настрадаться, настранствоваться, натапцаться, натерпеться, натолковаться, натосковать, натрескаться, натрудиться, нахлебаться, нахлопотаться, нахохотаться, нашататься, нашляться, напыжиться; 2) **«начало действия»**: нагнаиваться, нарождаться; 3) **«действие, направленное на объект»**: напнуться, нажаловаться, насмеяться.

5. Возвратные глаголы с префиксом **о-** имеют следующие значения: 1) **«стать таким, каким названо в мотивирующем слове»**: обабиться, обанкротиться, озлиться, оподлиться, оскотиниться, оголиться, остервениться, опошлиться, опроститься, опростофилиться, осмеливаться — осмелиться, опростоволоситься, обогатиться, округлиться, оздоровиться; 2) **«действие совершаемого или совершенного факта»**: окукливаться — окуклиться, отелиться, оклематься, окочуриться, околотиться, остебеляться — остебелиться, опохмеляться — опохмелиться, опороситься, очухаться, очувствоваться, охладиться, отяготиться; 3) **«действие, связанное с совершением или исправлением ошибки»**: а) ослушиваться — ослушаться, ослышаться, оступаться — оступиться; б) опамятоваться, одумываться — одуматься, опоминаться — опомниться.

6. Возвратные глаголы с префиксом **с(о)-** имеют следующие значения:

1) **«действие, направленное на сближение с объектом или вовнутрь»:** сжаться, скукожиться, скукаться, слёживаться — слежаться, слипнуться, соударяться, срастаться — срастись, ссыхаться — ссохнуть, стакнуться; 2) **«совместное действие или действие, направленное на предмет»:** свкаться — свкнуться, слюбляться, смиловаться, снюхиваться — снюхаться, созваниваться — созвониться, соприкасаться — соприкоснуться, спеваться — спеться, спознаваться — спознаться, состязаться, совещаться, сопротивляться, столкываться — столкаться, съякшаться, сыгрываться, спотыкаться — споткнуться (спотыкнуться); 3) **«действие совершаемого или совершённого факта»:** скапутиться, скончаться, смилостивиться, содрогаться — содрогнуться, спокаяться, спохватываться — спохватиться; 4) **«начало действия»:** сбеситься, скипаться — скипеться.

7. Возвратные глаголы с префиксом **при-** имеют следующие значения:

1) **«действие физического или ментального приближения»:** прибудиться, прилуниться, приластиться, присоседиться, притрагиваться — притронуться, притулиться, прикасаться — прикоснуться, привидеться, пригрезиться, примерещиться, присниться, причудиться; 2) **«неполнота действия»:** прибедняться, пригорюниваться — пригорюниться, принахмуриться, притуманиться, прифасониться, прифрантиться; 3) **«действие обращения внимания на объект»:** приглядеться, призадумываться — призадуматься, прислушиваться — прислушаться, принохиваться — принохаться, прицениваться (приценяться) — прицениться; 4) **«действие отношения к ситуации»:** придышаться, приловчиться, приосаниваться — приосаниться, пригодиться, приедасться — приестся.

8. Возвратные глаголы с префиксом **от(о)-** имеют следующие значения:

1) **«полное прекращение действия»:** отбеситься, отбояриваться — отбояриться, отвисеться, отзаниматься, откланиваться — откланиться, откристаллизоваться, отмяться, отнереститься, отовратиться, отолгаться, отпочковываться — отпочковаться, оттрудиться, отшвартоваться; 2) **«действие избавления от чего-то неприятного»:** отбрькиваться — отбрькаться, открещиваться — откреститься, отпихаться, отрекаться — отречься, отсмаркиваться — отсморкаться, отчихаться, отшатываться; 3) **«действие решения проблемы с помощью того, что названо мотивирующим словом»:** отдышаться, отмалчиваться — отмолчаться, отнекиваться, отругиваться, отшучиваться — отшутиться; 4) **«действие, связанное с чувством, вызванным определённой ситуацией»:** откликаться — откликнуться, отчаиваться — отчаяться.

9. Возвратные глаголы с префиксом **до-** имеют следующие значения:

1) **«совершение действия до предела с последующими негативными последствиями»:** добаловаться, добалтываться — доболтаться, добегаться, довраться, докружиться, досплетничаться, доссориться, достукаться, дофилософствоваться, дохозяйничаться, дошалиться, дошутиться; 2) **«действие достижения желаемого результата при приложении усилий»:** допытаться, добудиться, доведаться, догадываться — догадаться, дозваниваться — дозвониться, дозваться, дознаваться, доискиваться — доискаться, докарабкаться, докликаться, докричаться, достучаться; 3) **«действие приближения, соприкосновения с объектом»:** дотрагиваться — дотронуться.

10. Возвратные глаголы с префиксом **пере-** имеют следующие значения: 1) *«совместное действие (со всеми участниками, время от времени, один раз с одним лицом)»*: перечокаться, перездороваться, перекумиться, переведываться — переведаться; перебраниваться, перешихиваться, переругиваться, перемигиваться, перекоряться; перешепнуться, перемигнуться, перекликнуться; 2) *«действие перемещения»*: перекачнуться, перекосяться, передвигаться; 3) *«негативные или позитивные последствия от чрезмерного действия»*: а) перетрудиться, перестараться, перетрескаться; б) перемяться, перебеситься.

11. Возвратные глаголы с префиксом **из(о)-/ис-** имеют следующие значения: 1) *«действие выполняется изошрённо, с помощью уловок»*: избочениваться — избочениться (избочиться), изворачиваться — извернуться, извольничаться, извороваться, изгаляться, издеваться, изловчаться — изловчиться, измываться, извораться, изолгаться, исподличаться, исхитряться — исхитриться; 2) *«интенсивным действием субъект наносит себе ущерб»*: известись, изволноваться, изглодаться, истрадаться, истосковаться, истрескаться.

12. Возвратные глаголы с префиксом **про-** имеют следующие значения: 1) *«достичь результата действия путём усилий»*: прочихаться, просачиваться, проснуться, просветлиться, протесниться, прослезиться, прокрадываться — прокрасться, пробавляться, прошвырнуться; 2) *«достичь результата путём ошибочных действий»*: проштрафиться, проворовываться — провороваться, провизниться, провираться, продорожиться, пропятиться, промахнуться, прослоняться.

13. Возвратные глаголы с префиксом **в(о)-** имеют следующие значения: 1) *«усиленное действие, направленное вовнутрь объекта»*: вглядываться — вглядеться, вгнездиться, вгрызаться — вгрызться, вдавливать, вдаваться, вдумываться — вдуматься, взариться, вкашиваться, вкогтиться, вкрадываться — вкрасться, вкуриться, вламываться, вчитываться, вчувствоваться, вьедаться — вьестись, ворваться; 2) *«усиленное действие, направленное вверх»*: вкарабкиваться — вкарабкаться.

14. Возвратные глаголы с префиксом **об(о)-** имеют следующие значения: 1) *«нарушение допустимой границы действия с негативными последствиями»*: облениваться, облопаться, обреться, обидеться, обхохотаться, обтрескаться; 2) *«испытать действие того, что названо в мотивирующем слове»*: обветриться, обстрекаться, обыностраниться, обинтеллигниться; 3) *«действие простого, или случайного, или специального совершаемого/совершённого факта»*: объягниться; обмолвиться, обознаваться — обознаться; обзаводиться — обзавестись.

15. Возвратные глаголы с префиксом **под(о)-** имеют следующие значения: 1) *«выполнение действия в небольшом объёме»*: подгорюниться, подзаняться, поддичиться, подсластиться, поднатужиться, подольщаться — подольститься, подпечься, подслуживаться — подслужиться, подбочениваться — подбочениться, подсмеиваться; 2) *«выполнение тайного действия, направленного на объект, с умыслом»*: подкрадываться — подкрасться.

16. Возвратные глаголы с префиксом **у-** имеют следующие значения: 1) *«интенсивным действием субъект наносит себе ущерб»*: убегаться, уобять-

ся, упиваться — упиться, уработаться; 2) «*в результате действия достичь желаемого результата*»: усесться, улечься, уживаться — ужиться, ухитряться — ухитриться; 3) «*действие некоторого недоверия объекту*»: усомниться.

17. Возвратные глаголы с префиксом **вз(о)-** имеют следующие значения:

1) «*начало действия*»: взмаливаться — взмолиться, взроиться, взъедаться — взъесться, взъерепениться; 2) «*действие, направленное вверх*»: взбираться — взобраться.

18. Возвратные глаголы с префиксом **над-** имеют следующее значение: «*действие пренебрежительного отношения к объекту*»: надругаться, надседаться, надсмеяться.

19. Возвратные глаголы с префиксом **обез-/обес-** имеют следующее значение: «*действие, направленное на окончательную ликвидацию того, что названо в мотивирующем слове*»: обезводиться, обесплодиться, обессмыслиться.

20. Возвратные глаголы с префиксом **пре-** имеют следующие значения:

1) «*действие обоюдных претензий*»: пререкаться; 2) «*действие нахождения места*»: преткнуться.

21. Возвратные глаголы с префиксом **вы-** имеют следующие значения:

1) «*потеря способности к действию, названному мотивирующим словом*»: выбегаться; 2) «*действие ликвидации чего-либо с помощью средства, названного мотивирующим словом*»: выветриться.

22. Возвратный глагол с префиксом **недо-** имеет следующее значение: «*действие с негативным результатом*»: недосчитаться.

4. Префиксы активно участвуют выражении данных значений (которые подчас бывают с наложенными друг на друга семантическими семами), однако с точки зрения семантической нагрузки на шкале «префикс — корень — суффикс — флексия — постфикс» ведут себя по-разному: префиксы *по-, о-, -с, при-, про-, об-, пре-* семантически «поглощаются» глаголом, тогда как префиксы *раз-/рас-, до-, от-, пере-, из-/ис-, в-, под-, у-, вз-, над-, за-, н-, обез-/обес-, вы-, недо-* семантически маркированы.

5. Чем большим количеством значений обладают возвратные глаголы с определенными префиксами, тем более весомы они в количественном плане.

6. Подход «от формы к значению» (в силу языкового изоморфизма) позволил установить, что существуют отношения как полифункциональности, так и омонимии при рассмотрении значений возвратных глаголов с теми или иными префиксами. Так, например, глаголы *растечься, разгореться, раскрутиться, разбушеваться*, имея в своем составе префикс *раз-/рас-* и относясь к разным по значению группам, имеют тем не менее общее семантическое ядро в их содержательных структурах — распространение из одной точки, а потому в данном случае это явление полифункциональности. Примером омонимии могут служить значения возвратных глаголов с префиксом *до-*: *дошутиться, дозвониться, дотронуться*, где отсутствует семантическая общность в их содержании.

7. Подход «от значения к форме» (в силу языкового изоморфизма) позволил установить, что при рассмотрении значений возвратных глаголов с теми или иными префиксами существуют отношения изофункциональности, т.е. один контекст

(одно значение) обслуживается глаголами с разными (синонимичными) префиксами. Так, например, значение «начало действия» выражается глаголами с префиксами *раз-, за-, на-, с-, вз-*: *разболеться, забеспокоиться, нарождаться, сбеситься, взломиться*. Значение «действие в небольшом объёме» выражается глаголами с префиксами *при-, под-, по-, у-*: *прибедняться, поднатужиться, погорячиться, усомниться*. Значение «действие, доведённое до абсолютного предела» выражается глаголами с префиксами *раз-, на-, от-*: *расквитаться, набунтоваться, отвисеться*. Значение «чрезмерно активное действие, ведущее к негативным последствиям» выражается глаголами с префиксами *до-, пере-, об-*: *дошалиться, перестараться, облопаться*. Значение «интенсивное действие, в результате которого субъект наносит себе ущерб» выражается глаголами с префиксами *из-/ис-, у-*: *известись, истосковаться, уработаться*.

8. Сопоставление различных префиксов, функционирующих в одном и том же контексте, т.е. с одной и той же основой, дает возможность подчеркнуть специфику данного вида морфемы. Большинство префиксов возвратных глаголов семантически маркированы (при наличии чистовидовых приставок), способны передавать оттенки значений семантически схожих глаголов либо полностью рвать с семантическими узлами и вводить глагол в сферу иного семантического поля. Например, в каждой группе возвратных глаголов (**на-вратся**: *разовратся, отовратся, довратся, изовратся, завратся*, **на-смеяться**: *рассмеяться, посмеяться, подсмеяться, надсмеяться, насмеяться*, **на-бегаться**: *разбегаться, добегаться, убежаться*, **на-чихаться**: *расчихаться, отчихаться, прочихаться*, **на-хохотаться**: *обхохотаться, расхохотаться*, **на-шутиться**: *отшутиться, дошутиться*, **на-трескаться**: *перетрескаться, истрескаться, обтрескаться, потрескаться*, **на-стараться**: *расстараться, перестараться*, **на-питься**: *напиться, упиться*, **на-трудиться**: *оттрудиться, перетрудиться*) при некоем различии значений тем не менее сохраняется тесное семантическое согласование префиксов с другими морфемами (по-видимому, в силу прямого значения лексем), тогда как в возвратных глаголах **выветриться, обветриться**, в которых действие совершено с помощью одно и того же средства, одно из значений глагола *выветриться* стало переносным (*выветриться* из памяти), а группах возвратных глаголов **на-красться**: *прокрасться, подкрасться, вкрасться, закрасться* такое семантическое единство уже не столь крепко, поскольку глаголы требуют иного (абстрактного) лексического окружения: «*вкрасться* в доверие», «*мысль* закралась». В возвратных глаголах **на-маяться**: *перемаяться, отмаяться*, **на-жраться**: *нажраться, зажраться*) уже имеет место их переносное значение (*отмаяться* — «умереть», *зажраться* — «заязвиться»). В возвратных глаголах **на-слушаться**: *наслушаться, прислушаться, ослушаться* префикс *о-* выводит глагол *ослушаться* из семантического поля «слушать», придавая глаголу значение «не подчиниться чьему-н. требованию, распоряжению» [Ожегов 1975: 422]. Совсем разошлись в значениях возвратные глаголы **въесться** (грязь въелась), **приесться** (удовольствия приелись) и **зарекается** (зарекается пить вино), **пререкаться** (пререкаться с соседями).

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный анализ приставочных возвратных глаголов на исчерпывающем материале с помощью методов «от формы к значению» и «от значения к форме» позволил определить степень активности функционирования префиксов данных глаголов, выявить основные особенности их семантики, установить между ними отношения полифункциональности, омонимии и изофункциональности. Думается, что данное исследование явится необходимым звеном в описании такого важного глагольного признака в русском языке, как возвратность.

© Грачёва О.А., Копылова П.А.

Дата поступления: 1.04.2017

Дата приема в печать: 1.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Лопатин В.В.* (отв. ред.) и др. Орфографический словарь русского языка, около 100 000 слов. М.: Рус. яз., 1991.
2. *Лукина С.Л.* Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
3. *Обнорский С.П.* Возвратные глаголы на -ся в русском языке // Известия АН СССР. Отделение лит-ры и яз., Т. XIX. Вып. I. 1960. С. 19—20.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка, около 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энциклопедия, 1975.
5. *Сай С.С.* К вопросу о семантической классификации русских возвратных глаголов // Известия Рос. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 285—289.
6. *Шведова Н.Ю.* (отв. ред.) и др. Русская грамматика. М.: Наука. Т. 1. 1980.
7. *Янко-Триницкая Н.А.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Акад. наук СССР, 1962.

УДК: 81'366.574

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-892-901

PREFIXAL REFLEXIVE VERBS

Olga A. Grachyova, Polina A. Kopylova

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The main features of Russian prefixal reflexive verbs, which were made only by prefixal-postfixal and prefixal methods of forming, dissimilar in structure and meaning (620 units) are considered in this article. Defined the degree of activity of functioning prefixes of reflexive verbs, quantitative data ranking of verbs according to the degree of usage of certain prefixes. The article provides a thorough and detailed study of the meanings of reflexive verbs with each specific prefix, gives a complete list of all reflexive verbs of the above-mentioned ways of founding, identifies prefixes which were semantically marked, and prefixes which were semantically unmarked. It concluded directly proportional to the number of reflexive verbs with certain prefixes on the number of values the possess. The article applied approaches to the analysis of prefixal reflexive verbs — “from form to meaning” and “from meaning to form”, that allowed to establish between them relations of polyfunctionality, homonymy, isofunctionality, interpreted

in the field of prefixes. To understand the specificity of this type of morpheme, the article provides a comparison of the different prefixes, functioning in the same context, emphasizes the importance of such studies for describing the verbal sign of recurrence.

Key words: prefixal-postfixal and prefixal methods of forming verbs, semantic markedness, polyfunctionality, homonymy, isofunctionality, semantic field

REFERENCES

1. Lopatin, V.V. (ed.) (1991). Spelling dictionary of Russian, about 100 000 words. Moscow: Russian language.
2. Lukina, S.L. (2001). Russian reflexive verbs and their English equivalents [dissertation]. Voronezh.
3. Obnorsky, S.P. (1960). Reflexive verbs on -ся in Russian language. *Izvestiya of USSR Academy of Sciences. Department of literature and languages*. Vol. XIX. Iss. I. pp. 19—20.
4. Ojegov, S.I. (1975). The dictionary of Russian, about 57 000 words. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia.
5. Sai, S.S. (2008). To a question of semantic classification of Russians reflexive verbs. *Izvestiya of Russian Government Pedagogical Institute of A.I. Hertsen*. N 65. pp. 285—289.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.). (1980). The Russian grammar. Vol. 1. Moscow: Nauka.
7. Janko-Trinititskaya, N.A. (1962). Reflexive verbs in modern Russian language. Moscow: USSR Academy of Sciences.

Для цитирования:

Грачёва О.А., Копылова П.А. Приставочные возвратные глаголы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 892—901. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-892-901.

For citation:

Grachyova, O.A., Kopylova, P.A. (2017). Prefixal reflexive verbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 892—901. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-892-901.

Olga A. Grachyova, Polina A. Kopylova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 892—901. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-892-901.

Сведения об авторах:

Грачёва Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН. Сфера научных интересов: сопоставительная грамматика различных языков. Контактная информация: oagra@hotmail.com

Копылова Полина Александровна, старший преподаватель кафедры русского языка № 1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН. Сфера научных интересов: русский язык как иностранный, научный стиль речи для иностранных студентов. Контактная информация: kpafiles@gmail.com

Bio Notes:

Grachyova Olga Alekseevna, candidate of philological sciences, associate professor of the department of Russian language № 1 at RUDN University. *Research interests:* comparative grammar of different languages. *Contact information:* oagra@hotmail.com

Kopylova Polina Aleksandrovna, senior lecturer of the department of Russian language № 1 at RUDN University. *Research interests:* Russian as a foreign language, scientific style of speech for foreign students. *Contact information:* kpafiles@gmail.com



НАУКА 21.0

УДК: [811.411.21:811.133.1]255.4:82-7
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ (на материале арабского и французского языков)

Н.М. Дугалич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме перевода вербального компонента креолизованного текста. Исследование проведено на материале арабского и французского языков. Автор рассматривает стратегии перевода вербального компонента как составной части креолизованного текста политической карикатуры. Объект исследования предлагаемой работы — текст политической карикатуры. Предметом рассмотрения в статье являются особенности перевода с французского и арабского языков на русский язык вербального компонента в сочетании с визуальным и паралингвистическим компонентами карикатуры. Актуальность предлагаемой работы связана с общелингвистическим интересом к типологии креолизованных текстов, с одной стороны, и с отсутствием в научной традиции сопоставительных работ на материале французской и арабской политической карикатуры, с другой. Методологической базой научной статьи являются работы исследователей креолизованного текста как особой знаковой системы, имеющей интегративный коммуникативный эффект, Е.Е. Анисимовой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, и лингвистов, занимающихся проблематикой теории и тактик перевода, Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, А.П. Паршина, Я.И. Рецкера. Исследование проведено на материале более 100 карикатур на арабском и французском языках, посвященных политическим событиям и политическим лидерам Алжира, Египта, России, Сирии, США, Франции.

Ключевые слова: политический дискурс, креолизованный текст, иконический компонент, вербальный компонент, политическая карикатура, арабский язык, французский язык

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящее время коммуникативно-когнитивная парадигма лингвистического знания расширяет круг вопросов, стоящих перед языковедами, в том числе за счет включения креолизованных текстов различных типов, например, политической карикатуры, и выявляет механизмы взаимодействия языка с другими знаковыми системами. Актуальным направлением являются также такие вопросы современной политической лингвистики, как общие проблемы политической коммуникации, объект исследования которой направлен на описание характерологических особенностей политического дискурса с точки зрения языковедческой традиции.

Наша статья продолжает исследование политического дискурса вслед за работами таких языковедов, как А.Н. Баранов [Баранов, Караулов 1991], Е.А. Попова [Попова 1995], Е.И. Шейгал [Шейгал 2000], которые выделяли следующие компоненты структуры политического дискурса: участники политического дискурса; хронотоп; цели; ценности, в том числе ключевой концепт; стратегии; тематика; жанры; прецедентные тексты; дискурсивные формы.

На наш взгляд, в условиях глобализации и включения в общее медийное пространство периодических изданий на разных языках важной составляющей становится перевод политического текста, например, политической карикатуры, и возникающая проблема адекватности и полноты его перевода.

В работах ученых, занимающихся проблематикой политической лингвистики, выделяются ряд функций, «потеря» которых при переводе обесценивает политический текст:

- 1) функция социального контроля, т.е. манипуляция общественным сознанием;
- 2) функция легитимизации власти, под которой понимается аргументирование решений власти, например, при распределении общественных ресурсов;
- 3) функция воспроизводства власти, т.е. укрепление в обществе приверженности системе;
- 4) функция ориентирования, создание и укрепления в обществе ориентиров, целей, задач, перспектив политической жизни;
- 5) функция социальной консолидации, проводимая для целого общества или отдельных социальных групп;
- 6) агональная функция — создание социального конфликта, выражение протеста против действия властей;
- 7) акциональная функция, выражающаяся в проведении мероприятий для мобилизации сторонников власти и отвлечения внимания неактивной или враждебной части населения.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА КАК ЖАНР КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Интерес к изучению креолизованных текстов и невербальных средств в языке возник в конце 20-го века и обусловлен динамичным развитием средств массовой информации.

Термин «креолизованные тексты» принадлежит Ю.А. Сорокину и Е.Ф. Тарасову, которые употребили его в следующем контексте: «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180—181].

Креолизованный текст имеет ряд особенностей [Анисимова 1996] и характеризуется целостностью и связанностью, что является категориальным и для гомогенного текста. Целостность — это характеристика текста как способность существовать в коммуникации любого вида как структурированное целое; связанность описывает связь на уровне формы и контента.

Целостность и связанность текста объединяет общая тема, что обусловлено сочетанием иконических, параграфемных и вербальных компонентов на разных уровнях, например, на визуальном, структурном, смысловом, функциональном.

Наша задача рассмотреть проблему переводимости вербального компонента в поликомпонентном тексте политического дискурса — арабской и французской политической карикатуре, которая может быть определена как изображение, обычно содержащее текстовый компонент, отличительными чертами которой являются злободневность фактов, гипербола и сатира в представлении иконического и вербального компонентов.

2. СТЕПЕНЬ ПЕРЕВОДИМОСТИ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Наше исследование продолжает традицию теоретического осмысления лингвистической проблемы перевода и рассмотрения переводческих практик вслед за работами Л.С. Бархударова [Бархударов 1975], В.Н. Комиссарова [Комиссаров 1980], А.В. Паршина [Паршин 2000], Я.И. Рецкера [Рецкер 1974, 2016].

Одной из отличительных особенностей вербальной составляющей креолизованного текста является проблема адекватного перевода, которая «стоит особенно остро, прежде всего по той причине, что значения вербального и иконического (изобразительного) компонентов не просто складываются, а тесно переплетаются между собой» [Анисимова 2003: 11]. Процесс перевода креолизованного текста, таким образом, подразумевает создание нового текста, который должен быть эквивалентен первому, содержать итог декодирования визуального ряда и анализ содержания непрямого варианта, т.е. прецедентные, метафорические, специфические социокультурные данные и другие парадигмы как текстового, так и иконического плана.

По степени переводимости креолизованные тексты письменной коммуникации, к которым принадлежит политическая карикатура, могут быть разделены на три основные группы (рисунок 1).



Рис. 1. Типология креолизованных текстов по степени переводимости

Рассмотрим данную типологию на примере креолизованных текстов политической карикатуры на арабском и французском языках:

а) вербальный компонент, переводимый в полном объеме

Данный тип представлен рисунком 2 — карикатура на арабском языке, на которой изображены:

- Троянский конь с надписью الإصلاح, которая однозначно переводится как ‘реформы’ (здесь и далее перевод наш — Н.Д.);
- ведущий коня человек в форме сирийской армии, на мундире надпись النظام السوري ‘сирийский режим’.

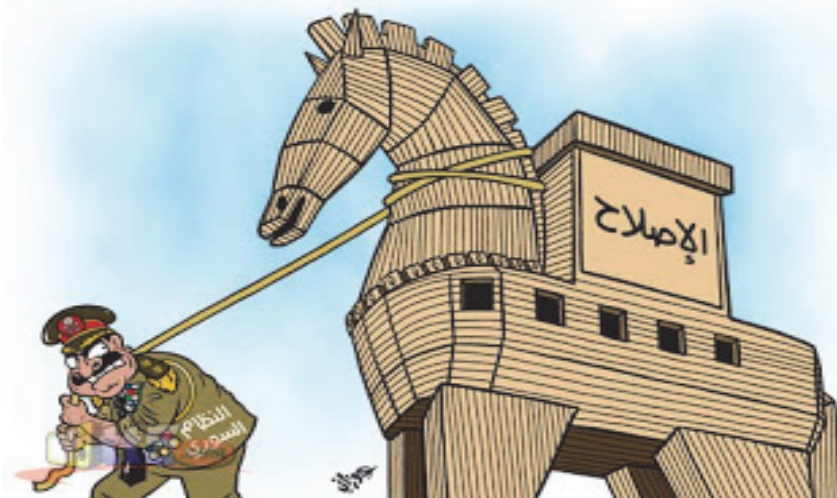


Рис. 2

<http://www.dreamarabs.com/showthread.php?t=2768&styleid=2>

Примером карикатуры на французском языке может служить рисунок 3, на котором изображен президент Франции Франсуа Олланд. Карикатура сопровождается следующим вербальным компонентом: *Hollande: Mettons les points sur les i!* ‘Олланд: Расставим точки над «и»!’ *Président fiable* ‘Надежный президент’ *Président faible* ‘Слабый президент’.

Hollande: Mettons les points sur les i!

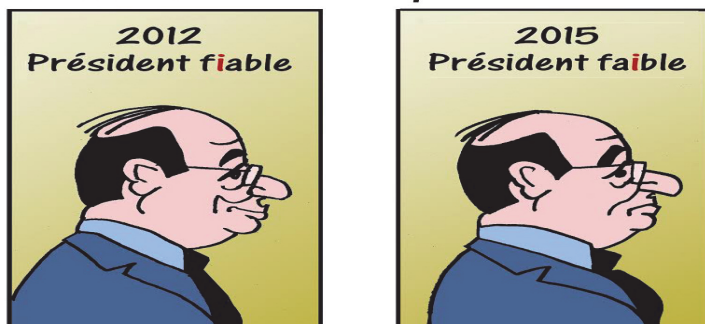


Рис. 3.

<http://www.dreuz.info/2015/06/15/la-caricature-du-jour-de-martin-linden-hollande-les-points-sur-les-i/hollande-les-points-sur-les-i/>

Переводимость вербального компонента данных карикатур связана, прежде всего, с небольшим объемом лексики, используемой в них (3 слова в арабском тексте, 11 слов во французской карикатуре); наличием визуального ряда, однозначно декодируемого (перевод на русский ‘сирийский режим’ соответствует изображению военного в форме сирийской армии; узнаваемое изображение бывшего Президента Франции Франсуа Олланда поддерживается лексемой ‘президент’); а также с отсутствием полисемичной лексики.

б) вербальный компонент, переводимый частично

Примером креолизованного текста данного типа является карикатура на арабском языке (рисунок 4), на которой изображены президент Египта Абдул Фаттах Халил Ас-Сиси и его помощник Аббас Камиль. Их реплики *افتح يا سمسم* и *فلوس زي الرز* могут быть переведены, как ‘Сим-Сим, откройся!’ и ‘Денег куры не клюют’, однако дословный перевод второй реплики звучит как ‘Денег как риса’. Переводчик может предложить эквивалентный тип перевода, заменив арабскую паремию на русскую с аналогичным содержанием.



Рис. 4.

<http://asrararabiya.com/news/?p=4992>

В качестве примера частичной переводимости с французского языка на русский можно рассмотреть карикатуру, главными героями которой являются действующий Президент России В.В. Путин и бывший Президент США Барак Обама (рисунок 5). Реплика Президента России: «*Tu gardes ton fou et je garde mon roi...*» может быть переведена с французского на русский язык как: ‘Оставь себе свою никчемную фигуру, а я оставлю себе короля...’. Трудность достижения эквивалентности связана с использованием полисемичной единицей *fou*, которая, являясь в предложении существительным, может иметь значение: 1. 1) сумасшедший, -ая, безумный, -ая, умалишенный, -ая; 2) сумасброд, -ка, глупец, дурак, дура; 3) шут (придворный) и 2. 2) шахм. слон [Гак 2002: 473].



Рис. 5.

<http://euro-synergies.hautefort.com/tag/caricature>

В данных примерах объективные трудности перевода вербальной составляющей креолизованного текста могут быть решены с помощью соответствия визуального ряда (пещера разбойников → несметные богатства → паремия со значением «очень много»); а описательный перевод лексико-семантического варианта *слон/шут/дурак* инициирован иконическим контекстом данной карикатуры (второстепенная шахматная фигура, колпак шута, шаржевое изображение, нелепая поза).

в) вербальный компонент, переводимый со значительными трудностями и необходимостью использования распространенных пояснений

К рассматриваемому типу относится рисунок 6 — карикатура на арабском языке, на котором изображены действующий Президент Египта Абдул Фаттах Халил Ас-Сиси и обобщенный представитель народа, который несет груз, части которого подписаны и легко переводятся *فقر* ‘бедность’, *اقتصاد متدهور* ‘ухудшающаяся экономика’, *حكم العسكر* ‘армия’, *فساد* ‘коррупция’ и т.д., за исключением одного компонента: *مشاريع ”الفنكوش“*, наиболее близким переводом которого может быть русская паремия ‘пыль в глаза’. Прецедентность данной фразы связана с существованием фильма на арабском языке «واحدة بواحدة» ‘Шило на мыло’. Главный герой фильма (которого играет известный актер Адель Имам) в целях обогащения продает *это*, чего не существует, все вокруг *это* ждут с нетерпением с целью приобрести нечто уникальное и не признаются в том, что *этого* нет, чтобы сохранить свою статусность. Для эквивалентного перевода данной фразы необходимо обладать обширными экстралингвистическими данными, а переводчику предложить значительные по объему пояснения.



Рис. 6.

<http://egyptwindow.net/media/6948/Default.aspx>

Рассмотрим аналогичный пример на французском языке (см. рисунок 7). Трудность перевода связана с наличием в вербальном компоненте представленной карикатуры игры слов с использованием омофонов *Normalie* [no:rmali] и *Nord Mali* [no:r mali]. Для декодирования авторской интенции необходимо учитывать грамматический компонент вербальной составляющей, выраженный определенными артиклями женского и мужского рода единственного числа *la* и *le*, которые сопровождают существительные, вступающие в омофонические отношения, и экстралингвистическую информацию о военном вторжении Франции на север Мали. Таким образом, карикатуры данного типа являются труднопереводимыми на иностранный язык (в нашем случае — русский) за счет наличия элементов текста, которые требуют распространенного комментария, отсутствие которого делает невозможным полное понимание адресатом авторской интенции.



Рис. 7.

<http://www.wingz.fr/tag/president/>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашему исследованию политической карикатуры на французском и арабском языках, необходимо отметить следующие важные особенности ее перевода:

1) структурные и содержательные особенности креолизованного текста ставят перед переводчиком особые задачи по переводу его вербальной части;

2) жанровое своеобразие политической карикатуры подразумевает необходимость соблюдения темпоральной напряженности при переводе, т.к. ее тематика, как правило, связана с политическими и социальными новостями и событиями;

3) для точного перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры важна, а иногда и первостепенна, информация, которую содержит иконический компонент. Наиболее часто это относится к карикатурам, использующим прецедентные феномены национального или регионального уровня;

4) жанровое требование политической карикатуры к минимизации текстового компонента креолизованного текста предполагает использование переводчиком неполного и/или сопряженного с комментариями перевода вербальной части политической карикатуры;

5) политическая карикатура имеет определенный набор функций, которые необходимо учитывать при выборе в переводе определенных лексических единиц, грамматических структур, синтаксических построений, а также экстралингвистической информации иконического компонента. Сохранение этих функций при переводе реализует интенцию автора карикатуры;

6) существует некоторый процент непереводаемых политических карикатур.

© Дугалич Н.М.

Дата поступления: 1.08.2017

Дата принятия к печати: 10.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991.
2. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград: 2000.
4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
5. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы // Филологические науки. 1996. № 5.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
7. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980.
8. Паршин А.В. Теория и практика перевода. М., 2000.
9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: AUDITORIA, 2016.

10. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003.
11. Гак В.Г., Ганишина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002.

УДК: [811.411.21:811.133.1]255.4:82-7
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911

THE PROBLEM OF TRANSLATING THE VERBAL COMPONENT OF THE CREOLIZED TEXT OF THE POLITICAL CARICATURE (Based upon the Material of the Arabic and French Languages)

Natalia M. Dugalich

RUDN University
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the problem of translating the verbal component of the creolized text. The study was conducted on the basis of the Arabic and French languages. The author considers strategies for translating the verbal component as an integral part of the creolized text of a political caricature. The object of research of the proposed work is the text of a political caricature. The subject of the article is the peculiarities of translating the verbal component from French and Arabic into Russian in combination with visual and paralinguistic components of the caricature. The relevance of the proposed work is related, on the one hand, to the general linguistic interest in the typology of creolized texts and, on the other, to the lack of comparative studies in the scientific tradition on the basis of the French and Arab political caricatures. The methodological base of the scientific article is the work of researchers of the creolized text as a special sign system having an integrative communicative effect, E.E. Anisimova, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov, and linguists, dealing with the problems of theory and tactics of translation, L.S. Barkhudarov, V.N. Komissarov, A.P. Parshin, Ya.I. Retsker. The study was conducted on the basis of more than 100 caricatures in the Arabic and French languages devoted to political events and political leaders of Algeria, Egypt, Russia, Syria, the United States and France.

Key words: political discourse, creolized text, iconic component, verbal component, political caricature, Arabic, French

REFERENCES

1. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1991). Russian political metaphor: Materials to the dictionary. Moscow: Institute of the Russian Language, USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Popova, E.A. (1995). Cultural and linguistic characteristics of political discourse (based on newspaper interviews): [dissertation]. Volgograd. (In Russ.)
3. Sheigal, E.I. (2000). Semiotics of political discourse: [dissertation]. Volgograd. (In Russ.)
4. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In *Optimization of speech influence*. Moscow. (In Russ.)
5. Anisimova, E.E. (1996). On the integrity and coherence of the creolized text. To the formulation of the problem. *Philological Sciences*, 5. (In Russ.)
6. Barkhudarov, L.S. (1975). Language and translation. Moscow. (In Russ.)
7. Komissarov, V.N. (1980). Linguistics of translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.)
8. Parshin, A.V. (2000). Theory and practice of translation. Moscow. (In Russ.)

9. Retsker, Ya.I. (2016). Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation. Moscow: AUDITORIA. (In Russ.)
10. Anisimova, E.E. (2003). Linguistics of the text and intercultural communication (on the basis of creolized texts). Moscow: Academia. (In Russ.)
11. Gak, V.G. & Ganshina, K.A. (2002). A new French-Russian dictionary. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)

Для цитирования:

Дугалич Н.М. Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 902—911. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911.

For citation:

Dugalich, N.M. (2017). The Problem of Translating the Verbal Component of the Creolized Text of the Political Caricature (based upon the material of the Arabic and French languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 902—911. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911.

Natalia M. Dugalich, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 902—911. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911.

Сведения об авторе:

Дугалич Наталья Михайловна, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы:* прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков, сравнительно-сопоставительное языкознание *e-mail:* avvineeva_nm@rudn.university

Bio Note:

Natalia M. Dugalich, Senior lecturer of the department of foreign languages, RUDN University; *academic interests:* pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages, comparative linguistics; *e-mail:* avvineeva_nm@rudn.university



УДК: 82-1"16/17"

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919

КОДИФИКАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЕЙ В МЕТАТЕКСТАХ XVII—XVIII ВВ.

А.Ю. Михайленко

Институт славяноведения РАН

Ленинский проспект, д. 32А, Москва, Россия, 119334

Статья посвящена проблеме кодификации поэтических вольностей в церковнославянских и русских лингвистических сочинениях XVII—XVIII вв. *Объект исследования* — кодифицированные грамматические и лексические неравносложные версификационные варианты, основанные на разных видах изменения слов, сознательно используемые авторами для решения различных задач стихосложения. *Предмет исследования* — система поэтических вольностей в культурно-языковом контексте разных исторических периодов. *Цель исследования*: рассмотрение типов поэтических вольностей в церковнославянских и русских метатекстах. Основное внимание уделено изучению поэтических вольностей, зафиксированных в церковнославянской грамматике М. Смотрицкого и в русских филологических трактатах В. Тредиаковского, А. Кантемира, Ап. Байбакова, В. Подшивалова. *Актуальность работы* определяется общим интересом современной лингвистики к исследованиям в области истории русского стихосложения, посвященным в том числе проблеме «грамматики» поэзии в аспекте диахронии.

Ключевые слова: поэтические вольности, церковнославянский язык, грамматика

ВВЕДЕНИЕ

Поэтические вольности (лат. *licentia poetica*) — это система версификационных неравносложных грамматических и лексических вариантов, основанных на разных видах изменения слов. Риторическое учение о поэтических вольностях перешло в славянские грамматические сочинения из греческих и латинских грамматик и риторик XV—XVI веков.

Возникновение в XVII в. системы поэтических вольностей свидетельствует об изменении функции церковнославянского языка, начинающего обслуживать не только тексты конфессиональной культуры, но появлявшиеся собственно литературные тексты, выполнявшие эстетические задачи. Основу формирующейся светской литературы XVI—XVII вв. составляла виршевая поэзия. Книжникам важно было добиться «украшенности» языка. Поэтические вольности позволяли стихотворцу учесть все возможные параллельные варианты, чтобы, соблюдая их, «укладываться в нужный размер по числу слогов».

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЛЬНОСТИ В РАННИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

В набор поэтических вольностей входили неравносложные лексические и грамматические варианты. В первой славянской «Риторике», «Риторике псевдо-Макария» (сочинение кон. XVI в., приписываемое вологодскому епископу Макарию, восходящее к латинской «Риторике» Филиппа Меланхтона) поэтическим вольностям посвящен раздел «**О схематех, снй рѣчь начертанияхъ**». В «Грамматике»

(1619) Мелетия Смотрицкого соответствующий параграф называется «**О страстех речений**», а поэтические вольности характеризуются здесь следующим образом: «**Страсть речений есть речения измѣна мѣры ради стихотворны бываемая. Страсть сѣть сѣгубы изобилія и скудости**» [Смотрицкий 1619: 248—249].

Каждый вид «страсти речений» (поэтических вольностей) сопровождается примерами на увеличение и на сокращение слогов в слове. К примерам на увеличение («изобилия страсти») отнесены:

◆ «приложение» («**прелесть**» вместо «**лесть**»), «**премудрость**» вместо «**мудрость**»);

◆ «усугубление» — дублирование первого или второго слога либо буквы («**естесмы**» вместо «**есмы**», «**естесте**» вместо «**есте**»);

◆ «распространение» — включение в середину слова дополнительного слога («**царествѹю**» вместо «**царствѹю**»);

◆ «раздѣление» — расщепление одного слога на два («**радѹися**» вместо «**радѹся**», «**достонный**» вместо «**достойный**») и т.д.

Среди приемов «скудости страсти»:

◆ «отлажение» — устранение буквы или слога в начале слова («**менне**» вместо «**именне**», «**мена**» вместо «**измена**»);

◆ «стиснение» — исключение слога из середины слова («**человек**» вместо «**человеков**»); «усечение» — устранение слога в конце слова, превращение полной формы прилагательного или причастия в краткую («**чист**» вместо «**чистый**», «**бьющ**» вместо «**бьющий**») и т.д.

В набор поэтических вольностей включались и неравносложные грамматические варианты. Так, в грамматике Смотрицкого отношения между вариантными формами имен м.р. в **И. мн.** с флексиями **-е** и **-еве** рассматривались как пример «прибавления» слога в конце слова: **Припѣти / ѣсть слога в концѣ реченїа изложене / їакъ... врачеве, вмѣстѣ враче** [Смотрицкий 1619: 251].

*Отношения между вариантными формами имен м.р. в **Р. мн.** с флексиями **-ъ** и **-ивъ** рассматривались как пример «убавления» слога из середины слова, при этом буква **-ъ** рассматривалась как носитель слога: **Стисненїе / ѣсть слога зъ среди реченїа изложене — їакъ человекъ, в мѣсто члвкъвъ** [Смотрицкий 1619: 250].*

*Формы существительных оказывались противопоставленными формам прилагательных и причастий, демонстрировавших «убавление» слога в конце слова: **Усеченїе / ѣсть слога в концѣ реченїа итрѣшенїе. їакъ / чист в мѣсто чистый, бьющ, в мѣсто бьющїй...** [Смотрицкий 1619: 251].*

В «Риторике» отношения между книжной и некнижной формами инфинитива на **-ти** и на **-ть** рассматривались как пример «убавления» в конце слова: **продать вмѣсто продати** (Р, 75). Так, например, в текстах Симеона Полоцкого встречаются неравносложные грамматические варианты: инфинитив на **-ти // -ть** («Паче же молюся аз на ня ко Богу, да зло еже / любят казнить по премногу»), формы 2-го л. ед.ч. наст. вр. на **-ши // -шь** («Его же ради духом днесь играеш, / Сим землю, море, аер исполняешь»), рассматриваемые грамматикой как пример «убавления» слога.

КОДИФИКАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЕЙ В XVIII В.

Определяющим процессом русской языковой ситуации XVIII века явился процесс формирования и становления русского литературного языка нового типа. Уже в петровскую эпоху в связи с происходившими преобразованиями, ведущими к государственной и культурной секуляризации, установилось противопоставление традиционного церковнославянского литературного языка «простому русскому языку» как новому литературному языку. Начальная точка в понимании нового литературного языка определялась предшествующей языковой традицией, а именно гибридным вариантом церковнославянского языка. Тексты на гибридном церковнославянском языке были ориентированы на ограниченный набор маркированных книжных признаков, коррелировавших с не книжными признаками на уровне грамматических категорий. Традиция гибридного варианта церковнославянского языка формировала в языковом сознании эпохи принципиально важную оппозицию «книжные элементы//нейтральные элементы» [Живов 1996; Запольская 1985; 2008].

При негативной ориентации «простого русского языка» относительно церковнославянского создание текстов на простом языке изначально осмыслялось только как отказ от маркированных книжных элементов, в состав которых входили формы аориста и имперфекта, краткие изменяемые причастия и краткие изменяемые формы сравнительной степени, формы двойственного числа и формы звательного падежа.

Церковнославянские элементы, не входившие в набор книжных признаков, допускались и в «простой русский язык» на правах нейтральных элементов. Сферу нейтральных вариантов-элементов составляли падежные формы имен существительных и прилагательных, краткие и полные прилагательные, энклитические и полные местоимения, инфинитив на **-ти// -ть**, формы 2-го л. ед.ч. наст. вр. на **-ши// -шь**. Дальнейшая эволюция нового литературного языка, связанная с установлением его собственных норм, предполагала нормализацию нейтрального вариативного материала: либо выбор одного из элементов, либо их функциональное распределение.

На первом этапе кодификации нового русского литературного языка (30—40 гг.) ведущей нормализаторской тенденцией явилась тенденция устранения «глубокословных славенщизны» на грамматическом уровне. В этот период удаление «славянизмов» предполагало уже не только отказ от маркированных книжных элементов, но и последовательную дифференциацию ранее нейтрального вариативного языкового материала в плане новой функционально-генетической оппозиции «славянские элементы//русские элементы». Однако устранение широкой вариативности, вызывающей усложнение внутренней структуры языка, проводилось не во всех сферах литературного языка. Развитие в этот период поэтических литературных жанров особо остро поставило вопрос «об умении подчинять требованиям метрики грамматически оформленное слово... поэтому громадное практическое значение приобрели всякого рода неравносложные варианты, предоставлявшие возможность известного выбора языкового материала в соответствии с требованиями стиха» [Винокур 1959: 127].

Таким образом, конструирование поэтического языка в рамках «простого русского языка» легализовало использование церковнославянских элементов для формального разграничения языка поэзии и языка прозы. Элементы, релевантные для грамматики поэтического языка, могли восприниматься либо в плане предшествующей оппозиции как нейтральные признаки, либо в плане новой оппозиции как признаки «славянского» языка. Обе указанные возможности, облегчавшие стихотворную практику и вместе с тем удерживавшие ее в рамках «природного» русского языка, отразились в концепциях «поэтических вольностей», изложенных в трактатах двух ведущих кодификаторов — В.К. Третьяковского и А.Д. Кантемира.

Предстояло решить, учитывать систему поэтических вольностей, заданную церковнославянской традицией или отказаться от предшествующего опыта использования неравносложных морфологических вариантов.

Первую возможность реализовал Кантемир в трактате «Письмо Харитона Македонтина к приятелю о сложении стихов русских» (1744 г.): он включил в кодекс поэтических вольностей русского языка грамматические формы, демонстрирующие приемы «стиснения» и «усечения», представленные в грамматике Смотрицкого:

М. Смотрицкий
Стисненіе/ «**ѣсть слога зъ среди реченіа изложеніе ѣкв/ чистъ, в мѣстѣ чистомъ чловѣкъ, в мѣстѣ члвѣкъвъ и про**» (Г1619, л. 250)

Усѣченіе/ «**ѣсть слога в концѣ реченіа ѡрѣшеніе ѣкв/ чистъ, в мѣстѣ чистый бѣоцъ, в мѣстѣ бѣоцїи чиста, в мѣстѣ чтаа чисто, в мѣстѣ чтоѣ и про**» (Г1619, л. 251)

Прилагательная на кїи ...блгогласїа дѣла ...о в концѣемый слогъ прилю ... *сладкій, сладокъ* (л. 80)

А.Д. Кантемир
 «*Все сокращения речей, которые славянской язык узаконяет, можно понужде смело принять в стихах русских, так например изрядно употребляется **вѣкъ, чловѣкъ, чистъ, сладкъ, вместо вѣковъ, чловѣковъ, чистый, сладкій***» (27).

Третьяковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735 г.) предложил новую систему поэтических вольностей, большую часть которой составляли формы, относившиеся к нейтральным вариантам. Следуя за Третьяковским, эти формы кодифицировал как поэтические вольности и Кантемир:

В.К. Третьяковский
 «Местоимения *мя, ты* вместо *меня, тебя*, так же *ми, ти*, вместо *мнѣ, тебѣ*, не не часто ж кладется *ти* вместо *твой*» (16).

«Существительныя и прилагательныя имена, которыя кончат творительный единственный на *ю*, после каковаго нибудь гласнаго, могут оной кончить в стихе на *и краткое*. Так вместо *совершенную правдою*, можно положить *совершенной правдой*» (17).

А.Д. Кантемир
 «Всего же реже употреблять советую *мя, ты, ми, ти*, вместо *меня, тебя, мнѣ, тебѣ*» (22).

«Изрядно употребляются вместо творительнаго на *ами*, или *ою* сокращенное на *ы, и, ой*; так писать можно *роги* вместо *рогами*, *советы* вместо *советами*, *рукой* вместо *рукою*» (22).

«Глаголы второго лица, числа единственного, могут кончиться на *ши*, вместо *шь*, так же и неопределенные на *ти*, вместо на *ть*. Например: *пишеши* вместо *пишешь* и *писати* вместо *пишеть*» (16).

«Можно в глаголах второе лице единственного числа кончить на *ши* вместо *шь*, и неопределенные на *ти* вместо на *ть*; например: *пишеши* вместо *пишешь*, *читати* вместо *читаеть*» (23).

В.К. Третьяков

«Сверх сего, слова, которые двойное, и часто сомнительное имеют ударение просодии, могут положиться в стихе двояко; например: *цвѣты*, и *цвѣтъ*. Однако, в сем случае, больше надобно держаться общаго употребления. Впрочем не для чего, кажется, упоминать о прилагательных сокращенных, которые понеже и в прозе часто употребляются, то в стихах могут употреблены быть, ежели надобно будет и чаще» (18—19).

А.Д. Кантемир

О вольностях рифм

«Совсем не хвалю преложение силы с одного слога на другой, так, чтоб вместо *глава* писать *глава*, вместо *законъ*, писать *законъ* и проч.» (9)

Только вводя в кодекс поэтических вольностей формы **Зв.** п., являвшиеся маркированным книжным элементом, Третьяков представил развернутый комментарий, в котором соотнес формы Зв. п. с церковнославянским языком: «Многие *звательные надежи*, которые у нас все подобны именительным (кроме преблагословенных и превысоких сих имен: Боже, Господи, Слово, то есть воплощенное Слово) могут иногда в стихах образом славенских кончится. Так вместо *Филоть*, может положиться *Филоте*, что я и употребил в одной моей сатире» [Третьяков 1735: 18].

Концепция поэтических вольностей, изложенная А.Д. Кантемиром, реализовалась на втором этапе кодификации языка (50—70 гг.), когда была провозглашена ориентация нового «русского» литературного языка на «славенский» язык. В этот период поэтические вольности рассматривались как принадлежность только высокого поэтического стиля и непосредственно соотносились с церковнославянским языком.

Лишь на третьем этапе кодификации (конца XVIII — начала XIX вв.) характеризовавшемся консолидацией нейтральных языковых средств, поэтические вольности вновь стали рассматриваться как нейтральные грамматические варианты, безразличные к дихотомии церковнославянского и русского языков. Так, В. Подшивалов в трактате «Краткая русская просодия, или правила, как писать русские стихи» (1798 г.) указывал, что «...стихотворец может сокращать слова, посредством некоторой перемены...» таким образом он может оказать вместо *чистый чистъ*).

КОДИФИКАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЕЙ

Наряду с грамматическими формами кодификаторы вводили в предлагаемые системы поэтических вольностей и лексические элементы, которые также в зависимости от установки соотносились или не соотносились с церковнославян-

ской языковой традицией. Подчинение метрике выражалось либо в искусственном увеличении или сокращении слогов в начале/середине/конце слова, либо в использовании неравносложных родственных слов с сохранением или потерей исходной семантики. В грамматике М. Смотрицкого лексические поэтические вольности, как уже указывалось выше, с одной стороны, демонстрировали повторение первого или второго слога, или устранение слога в начале слова, с другой стороны, представляли отношения родственных слов [Смотрицкий 1619: 248—249].

Осуществившийся в XVIII веке переход от конфессиональной культуры к секулярной, возникновение новых литературных жанров вызвало необходимость кодификации набора лексических поэтических вольностей, возможных в стихах уже на русском языке. Так, В. Тредиаковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735) сформулировал принцип «употребительности» поэтических вольностей, применение которого не допускало искусственного увеличения или сокращения слогов в начале/середине/конце слова: «стихотворцы весьма великую нашему языку противную употребляют вольность, когда кладут вместо... *имею способ, мею способ*».

Формирование поэтического языка в рамках нового литературного языка мотивировало появление нового типа поэтических вольностей, включавшего лексику книжных («Словам: *рыцерь, ратоборец, рать, витязь, всадник, богатырь* и прочим подобным, ныне в прозе не употребляемым, можно в стихе остаться») или фольклорных текстов («Ежели материя будет не важная и шуточная, то не некрасно положатся прилагательныя с своими существительными, в особливо поэзии... у нашего простаго народа употребленныя, например: *тугой лук, бел ша-тер* и прочия премногия подобныя») [Тредиаковский 1735: 18]. А. Кантемир, говоря об отграничении языка поэзии «от обыкновеннаго простаго слога» с целью «укрепить тем стихи свои» («Наш язык ... изрядно *из славенскаго занимает от-менные слова*»), ссылается на поэтический опыт итальянских, испанских, английских грамматиков, которые, «имея подобные нам способы, были много удачливы в *свободных стихах*». Равным образом и А. Байбаков в трактате «Правила пиитические о стихотворении российском и латинском со многими против прежнего прибавлениями» (1790) в разделе «О вольностях в стихах» признает только поэтические вольности, «употреблением утвержденные»: «Остерегаться однако же надобно, дабы не положить слов каких странных, диких и нелепых. Ибо в таковой излишней вольности погрешали иногда и знаменитые Стихотворцы. Напр. *Небо, жребю*. Вместо *жребя*» [Байбаков 1790: 34]. В. Подшивалов в трактате «Краткая русская просодия, или правила, как писать русские стихи» (1798 г.) также указывал, что «под вольностью разумеется здесь право, присвоенное стихотворцами, отступать иногда для большей удобства, от тех правил, коих прозаик нарушать не должен...» [Подшивалов 1798].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, набор элементов системы поэтических вольностей зависел от типа литературного языка и от лингвистической установки конкретного исторического периода. Основной исторический смысл поэтических вольностей за-

ключался в том, что посредством их решалась проблема использования ресурсов традиционного церковнославянского языка в рамках нового русского литературного языка. В поэтической практике XVII в., XVIII в., а затем и XIX в. поэтические вольности получили широкое распространение, поскольку предоставляли возможность выбора языкового материала в соответствии с требованиями стиха.

© Михайленко А.Ю.

Дата поступления: 2.08.2017

Дата принятия к печати: 10.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Байбаков А.* Правила пиитические о стихотворении российском и латинском со многими против прежнего прибавлениями: с приобщением Пиитико-Исторического словаря... а также Овидиянские превращения при конце отборные Пуб. Виргилия Марона стихи. Изд. 4. Москва, 1790.
2. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959.
3. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996.
4. *Запольская Н.Н.* «Усеченные» причастия в русском литературном языке XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 1985. № 3.
5. *Запольская Н.Н.* Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI—XVIII вв.): теория и история норм // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание, Доклады Российской делегации. 2008.
6. *Подшивалов В.С.* Краткая русская просодия, или правила, как писать русские стихи. Изданы для воспитанников Благородного Университетского Пансиона. Москва, 1798.
7. *Смотрицкий М.* Грамматіки Славѣ?нски) пра?вилноє Сц?нтагма Мелеті) Смотри?скоє҃. В Ђве. 1619 (репринт *Мелетий Смотрицький* Грамматика Киев, 1979).
8. *Тредиаковский В.К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Санкт-Петербург, 1735.

УДК: 82-1"16/17"

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919

POETIC LICENCES IN METATEXTS OF THE 17TH TO EARLY 18TH CENTURIES

A.Yu. Mikhaylenko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
32A Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334

Abstract. The article is devoted to the problem of of poetic licences' codification in Church Slavic and Russian linguistic works of the 17th—18th centuries. The object of the study is the codified grammatical and lexical unequal versification variants based on different kinds of word accident, responsibly used by the authors to solve various problems of versification. The subject of the study is the system of poetic licences in the cultural and linguistic context of different historical periods. The purpose of the study: consideration of poetic licences' types in Church Slavonic and Russian metatexts. The research is focused the study of poetic licences, recorded in the Church Slavonic grammar of M. Smotritsky and in Russian philological tracts of V. Trediakovski, A. Kantemir, Ap. Baibakov, V. Podshivalov. The relevance of the work is determined by a general interest of modern linguistics to research in a history of Russian versification, among which are the problems of the poetry "grammar", presented in an aspect of diachrony.

Key words: Poetic licences, Church Slavonic language, grammar

REFERENCES

1. Baibakov, A. (1790). *Pravila piiticheskie o stikhotvorenii rossiiskom i latinskom so mnogimi protiv prezhnego pribavleniyami: s priobshcheniem Piitiko-Istoricheskogo slovarya... a takzhe Ovidiyanskie prevrashcheniya pri kontse otbornye* Pub. Virgiliya Marona stikhi. Izd. 4. Moscow. (in Russ.).
2. Vinokur, G.O. (1959). *Selected works on Russian language*. Moscow: Uchpedgiz (in Russ.).
3. Zhivov, V.M. (1996). *Language and culture in Russia of the XVIII century*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.).
4. Zapolskaya, N.N. (1985) "Clipped" adjectives in the Russian Standart language of XVIII century. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, Vol. 3. (in Russ.).
5. Zapolskaya, N.N. (2008). *Grammar and sub-grammar of Slavic literary languages (XVI—XVIII centuries): the theory and history standards / XIV International Congress of Slavists. Slavic linguistics. Reports of the Russian delegation*. Moscow. (in Russ.).
6. Podshivalov, V.S. (1798). *A short Russian prosody, or the rules of how to write Russian poetry*. Published for the students of the Noble University hostel. (in Russ.).
7. Smotriskii M. (1979). *Meletiy Smotriskiy's Grammar book. 1619*. (in Russ.).
8. Trediakovskii, V.K. (1735). *Trediakovskij's Method of 1735*. (in Russ.).

Для цитирования:

Михайленко А.Ю. Кодификация поэтических вольностей в метатекстах XVII—XVIII вв. // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 912—919. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919.

For citation:

Mikhailenko A.Yu. (2017). Poetic licences in metatexts of the 17th to early 18th centuries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 912—919. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-912-919.

Сведения об авторе:

Михайленко Арина Юрьевна, младший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук; научные интересы: история русского литературного языка, поэтический язык, история литературных языков; e-mail: mihaylenko@gmail.com

Bio note:

Mikhailenko Arina Yurievna, Junior Researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Scientific Interests: the history of the Russian standart language, poetic language, the history of standart languages; e-mail: mihaylenko@gmail.com



УДК: [811.512.133:811.161.1]276.6:33
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-920-929

КАЗНАЧЕЙСТВО КАК СФЕРА УПОТРЕБЛЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (на материале узбекского, английского, русского языков)

Ш.Н. Абдуллаева

Узбекский государственный университет мировых языков
100138, Узбекистан, Ташкент, ул. Кичик халка йули, 21а

В статье исследуется проблема функционирования финансово-экономических терминов в сфере казначейства на материале узбекского языка в сопоставлении с английским и русским языками; анализируются исконно национальные и заимствованные термины (интертермины) в аспекте их эквивалентности/неэквивалентности; осуществляется попытка определения ключевых и периферийных терминов в одном синонимическом ряду; делается вывод о том, что в современном узбекском языке равноценно функционируют заимствованные термины из европейских и восточных (фарси, арабский) языков; осуществленный сопоставительный анализ материала узбекского языка, с материалом английского и русского языков позволяет выявить среди них доминантно функционирующие заимствованные финансово-экономические термины в сфере казначейства в узбекском языке. Термины казна, казначейство арабского происхождения, заимствованные тюркскими языками с принятием мусульманской религии, которые были использованы в том же значении, что и в арабском языке (сокровище, хранительница сокровищ в системе государства), но со временем их значения интерпретировались, т.е. расширились. В европейские языки эти понятия и термины были приняты через тюркские языки (или непосредственно через арабский язык). Эти термины во всех языках-реципиентах употребляются в одних и тех же значениях. Разница заключается в произношении и написании. Понятия и термины казна, казначейство сыграли большую роль в становлении и развитии финансово-экономического аспекта как самого арабского мира, так и государств, языки которых восприняли эти понятия и термины.

Ключевые слова: казначейство, бюджет, сфера, термин, заимствование, английский, узбекский, русский

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящее время идет процесс бурного развития специальной терминологии во всех сферах социальной деятельности индивида и общества. Одной из таких финансово-экономических сфер является сфера казначейства, которая имеет большую историю развития как в странах Востока, так и в странах Европы. Исследование терминообразования и терминопотребления в сфере казначейства характеризуется интернационализацией, т.е. функционированием большого количества интертерминов при наличии определенного количества и собственно-национальных терминов. Их сочетаемость, взаимодополняемость и составляет терминосистему сферы казначейства.

Изучение терминов казначейства как составляющего элемента широкого пласта финансово-экономических терминов и профессионального языка представ-

ляется актуальной как в плане общего языкознания, так и в плане сопоставительной лингвистики. «Проблема изучения профессиональных языков и отраслевых терминологий всегда привлекала внимание языковедов, но в последнее время она стала особенно актуальной в связи с активным исследованием специфики профессионального образа мира» [Орлова 2010: 1].

КАЗНАЧЕЙСТВО: ИСТОРИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ И ИНТЕРТЕРМИНЫ

Казначейство, как специально уполномоченный финансовый орган, является исторически сложившейся частью финансово-экономической инфраструктуры государства, в связи с чем можно сделать вывод, что в различных языках терминология казначейства прошла через разнообразные тенденции становления в соответствии с задачами, возложенными на данный орган государством в различные периоды истории. Так, например, известно, что в средневековом арабском мире казначейство представляло собой особое ведомство расходов, предназначенное для обслуживания двора правителя, состоящее из нескольких специальных палат советников по разным делам, и, таким образом, служило учетным и контрольным ведомством, где велись книги учета казны [Омельченко 2000]. Известен факт из истории Московской Руси о существовании Казенного двора, где не только хранилась государева казна, что и многочисленные подарки русским царям от потока гостей и послов, прибывающих к царскому двору [Аргументы и факты 2015: 31]. Подобные ведомства средневекового мира послужили прообразом современных финансовых структур, в том числе и казначейств.

В совместной работе С.М. Омирбаева и его коллег «Государственный бюджет» [Омирбаев 2011], посвященной вопросам модернизации системы государственных финансов, бюджетного планирования и мониторинга доходов и расходов государственного бюджета, анализу влияния государственного бюджета на развитие общества, а также методическим и правовым аспектам процесса формирования современных бюджетных отношений в целях обеспечения экономической стабильности и безопасного развития страны, указывается неопределимая роль казначейства для государственной финансовой системы в целом. В историческом аспекте казначейству отводилась роль государственной казны (кассы), через которую осуществляется движение бюджетных денежных средств, тогда как в современном обществе органы казначейства выполняют контрольную функцию путем фиксации, мониторинга и анализа перемещения государственных финансов. Согласно С.М. Омирбаеву и его коллегам, роль казначейства выражается в исполнении бюджета согласно специфике финансовой системы каждого отдельно взятого государства: казначейство может выполнять функцию исполнителя, выделяющего бюджетные средства бюджетным учреждениям; обладать более расширенными полномочиями и даже иметь право устанавливать определенные ограничения на бюджетные расходы; наделяется определенными учетными и контрольными функциями. Единого же подхода к организации деятельности казначейства не существует в связи с тем, что организация казначейства и его деятельность варьируются в зависимости от исторического опыта страны [Омирбаев 2011].

В современном англоязычном мире функции казначейства приблизительно схожи, за исключением некоторых нюансов. В них входят, в основном, разработка, составление и исполнение государственного бюджета; финансово-экономическое прогнозирование; планирование и контроль за общественными расходами, поддержка баланса бюджета, своевременная и эффективная координация бюджета, составление проекта финансового и бюджетного отчета и представление его на рассмотрение правительству [Юрий 2002 URL: <http://lybs.ru/index-9947.html>].

Следует отметить также, что в значении структурного подразделения в английском языке имеются две лексемы со значением «казначейство»: *treasury* — для обозначения полномочного финансового органа государства, и *bursary* — для обозначения казначейства преимущественно в образовательных учреждениях (Великобритания, США), в монастырях (*историч.*).

В Российской Федерации казначейство является федеральным органом исполнительной власти (федеральной службой), осуществляющим в соответствии с законодательством страны правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предварительному и текущему контролю за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями и получателями средств федерального бюджета [Информационно-правовой портал Гарант URL: http://base.garant.ru/12137879/#i_xzz3YWqSmFRf].

С лингвистической точки зрения интересна история происхождения слова «казначейство» в русском языке, в качестве производного от слова «казна», которую этимологический словарь М.Фасмера определяет как заимствованное из тюркских языков: **казна́** др.-русск. казна, начиная с грам. 1389 г.; см. Срезн. I, 1176. Заимств. из тур. *ħaznā*, крым.-тат. *ħazna* — то же, тат. *ħāzinā* (Радлов 2, 1689 и сл.; 1700); см. Mi. TEI. I, 309; Доп. 1, 45; 2, 126; Бернекер 1, 386; Локоч 68 [Фасмер URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-4623.htm>].

Тогда как для тюркских языков (узбекского, казахского, татарского и многих других) данная единица является заимствованным из арабской лексики словом, обозначавшим «сокровище»: ср. *узб.* *ғазина*; *каз.* *казына*; *рус.* *казна*.

Таким образом, лексема «казна» представляет собой интересный пример интерлингвального финансово-экономического термина.

В Узбекистане, на основании Постановления Кабинета Министров Республики № 53 от 20.03.2007, казначейство является подразделением Министерства финансов [Алимухамедов 2001: 4]. Основой возникновения данного финансового органа и внедрение казначейского исполнения бюджета Республики явилось результатом принятия Олий Мажлисом Республики Узбекистан 26 августа 2004 года Закона «О казначейском исполнении Государственного бюджета», вступившим в силу с января 2006 года [Информационный портал Министерства финансов Республики Узбекистан. URL: <https://www.mf.uz/mf-resources-menu/mf-treasury-menu.html>].

Казначейство Узбекистана выполняет следующие задачи, во многом схожие с задачами казначейств мира, например:

«— кассовое исполнение Государственного бюджета, включая распределение доходов между бюджетами разных уровней, исполнение смет расходов бюджетополучателей и составление отчетности об исполнении Государственного бюджета;

- управление средствами Государственного бюджета посредством введения единого казначейского счета;
- осуществление мониторинга за оптимизацией использования бюджетных средств;
- ведение бухгалтерского учета и отчетности казначейского исполнения Государственного бюджета, сбор, обработка и анализ информации о ходе его исполнения;
- обслуживание внутреннего и внешнего долга Республики, исполнение гарантий Республики» [цит. по: Казначейское исполнение Государственного бюджета Республики Узбекистан 2007: 238—239].

Рассмотрение примеров истории, задач и функций казначейства в разных странах позволяет сделать вывод, что термины казначейства являются неотъемлемой частью финансово-экономической терминологии, одним из составляющих элементов терминосистемы, за счет которых разрастается лексика узбекского языка, наряду с заимствованиями интерлексики других сфер [Турсунпулатов 1982]. См. схему 1.

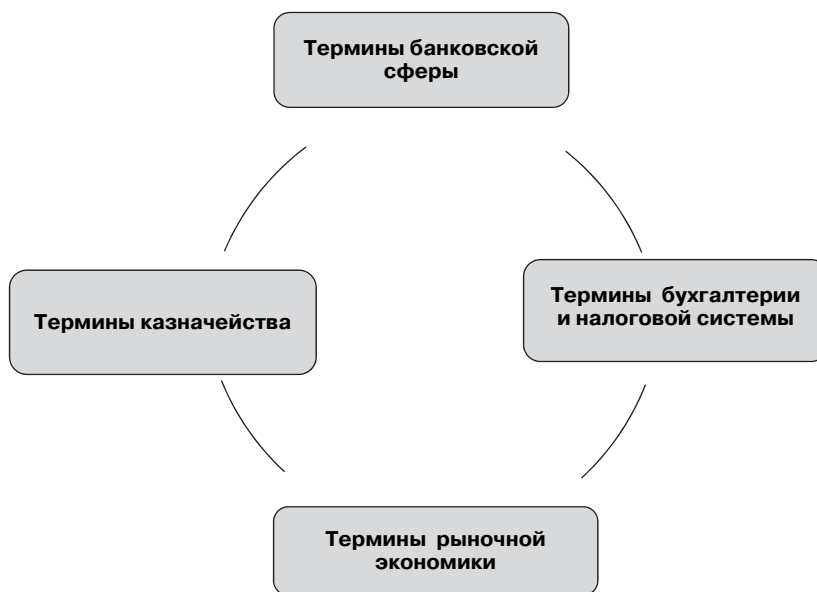


Схема 1. Сферы функционирования финансово-экономических терминов

В то же время границы терминологии казначейства являются проницаемыми, открытыми для процесса взаимодействия с терминологией других терминосфер, в силу профессионального взаимодействия, предмета и объекта деятельности и оперирования универсальными базовыми финансово-экономическими терминами. См. схему 2.

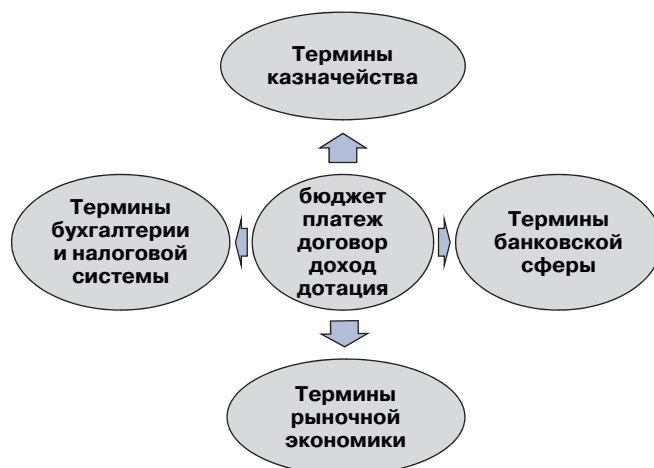


Схема 2. Базовые термины, применяемые в казначействе и других финансово-экономических структурах

Для подтверждения понятия базовый термин приведем примеры из материала английского, русского, узбекского языков.

англ. agreement	— рус. соглашение	— узб. шартнома
англ. fee	— рус. комиссия, вознаграждение	— узб. йигим
англ. invoice	— рус. счет-фактура	— узб. тўловнома
англ. expense	— рус. трата, расход	— узб. арф-харажат
англ. income	— рус. доход	— узб. даромад
англ. forfeit	— рус. неустойка	— узб. жарима
англ. finance	— рус. финансы	— узб. молия
англ. tallange	— рус. налоги	— узб. соликлар
англ. stamp	— рус. штамп, печать	— узб. муҳр, тамға
англ. inpayment	— рус. платеж	— узб. тўлаш, тўлов.

В связи с разнородностью финансово-экономических терминов современного узбекского языка в этимологическом плане в силу влияния схожих и отличных от него языков и культур на всей протяженности исторических процессов развития и расширения словарного запаса узбекского языка, анализируя терминосистему казначейства Узбекистана в сопоставительном аспекте, мы становимся свидетелями динамической стадии, которую современный узбекский язык проходит в своем развитии, а именно процесса формирования и обогащения терминосистемы. Например, в течение последних десятилетий наблюдалась тенденция изменения языковых норм посредством попыток отказа от терминологии, заимствованной из английского или русского языков, и замещения их эквивалентами, заимствованными в более ранние периоды развития языка из персидского, арабского языков, однако не все из них были восприняты носителями языка [Казакбаева 2012: 16—17]. Данный факт можно иллюстрировать на примере заимствованных слов **бюджет** (заимствовано через русский язык) и его эквивалента **маблағ** (заимствовано из арабского).

1. В двухтомном русско-узбекском словаре, изданном в 1983 году, слово **бюджет** в переводе с русского на узбекский не изменяется, заимствованное из араб-

ского языка слово **маблағ(лар)** приводится в одном ряду со словом **молия** в качестве перевода термина **финансы** на узбекский язык [Русско-узбекский словарь, Т. 1, 1983: 95; Русско-узбекский словарь, Т. 2: 665].

2. В англо-узбекско-русском словаре экономических терминов, выпущенном издательством «Ўзбекистон» в 1994 году, в переводе слова **budget** на узбекский язык даны варианты **бюджет** и **маблағ** [Дўстмухаммедов 1994].

3. В англо-узбекском словаре экономики, финансов, банковского дела и коммерции, опубликованном издательством «Ўқитувчи» в 1998 году, при переводе того же слова даны варианты: 1. **бюджет, молиявий смета**; 2. **захира**; 3. **смета** (*харажатларгаoid*); слово **маблағ** отсутствует [Мусаев 1998: 274].

4. В пятитомном толковом словаре узбекского языка «Ўзбек тилини изоҳли луғати» (ЎТИЛ), выпущенном издательством «Ўзбекистон миллийэнциклопедияси» с 2006 по 2008 гг., приведена следующая статья: **БЮДЖЕТ** /ингл. **budget** — хамён, **маблағ**/ 1 икт. Муайян вақт (йил, чилчароқ) учун ишлаб чиқилган, меъёрлаштирилган ва қонуний тарзда тасдиқланган даромадлар ва харажатлар йиғингидиси. Бюджет йили. Бюджет тизими. Давлат бюджети. Ҳарбий бюджет. 2 Шахсий қирим-қиқим мажмуи. Ўқиш даврида менинг ойлик бюджетим уч минг сўмдан ошмас эди. Тўғри, оилада оилавий бюджетни бошқарадиган бир киши бўлиши керак. Газетадан. [Ўзбек тилининг изоҳли луғати 2006—2008: 394].

5. Англо-русско-узбекский онлайн-переводчик Solver.uz [Онлайн-переводчик Solver.uz URL: <http://solver.uz>] переводит **budget** как **бюджет**.

В билингвальном сборнике нормативно-правовых документов «Казначейское исполнение Государственного бюджета Республики Узбекистан», подготовленном издательством Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои в 2007 году, в узбекской версии превалирует слово **бюджет** и многочисленные словосочетания на его основе [Казначейское исполнение Государственного бюджета Республики Узбекистан 2007: 5—6]:

бюджет → бюджет тизими → бюджет жараёни → Давлат
бюжети → бюджет субвенцияси → бюджет ташкилоти, и т.д.

Наличие таких словосочетаний свидетельствует о расширении сочетаемости терминов в связи с активизацией терминосистемы [Нестерская 2010: 313].

Слово **маблағ** в указанном сборнике используется в словосочетаниях: **бюджет маблағлари**, **касса маблағи** [Казначейское исполнение Государственного бюджета Республики Узбекистан 2007: 5, 16].

В информационно-рекламном смс-сообщении мобильного оператора Ucell на сегодняшний день мы наблюдаем следующее использование термина **маблағ**:

“Ishonchgarovi” xizmati — *911#niteringvahisobingizdamablag'gaegabo'ling (передано 5 июня 2015).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что для некоторых лексем процесс закрепления языковой нормы еще окончательно не завершён: попытка замены лексической единицы **бюджет** на заимствованный из арабского языка эквивалент **маблағ** не утвердилась до конца, однако термин **маблағ** в контексте приобрёл коннотативное значение *денежные средства*, *денежный фонд*, обогатив тем самым финансово-экономическую терминосистему узбекского языка.

При изучении и анализе подобных примеров следует учитывать отсутствие или недостаточность семантических аналогов, факторе принципа реализации экономии речевых усилий, смысловой насыщенности языковой единицы, а также контекстуальное окружение термина. Относительно важности контекста арабский лингвист Найеф Н. Харма в своей работе, посвященной контекстуализации и билингвальным словарям, писал следующее: «One of the most important characteristics which help us understand lexical item sinsentences, passages, etc. is ‘context’ and, as we shall see later on, ‘contextualization’ has been considerably made use of in larger dictionaries in particular» [Nayef 1983: 199] («Контекст является одной из важнейших характеристик, помогающих нам понимать лексические единицы в предложениях, отрывках, ит.д., и, как мы увидим в дальнейшем, „контекстуализация“ значительно используется, в частности, в больших словарях»).

Таким образом, анализ и упорядочение наиболее употребительных терминов казначейства позволит выявить своеобразную языковую модель этой профессиональной сферы деятельности, а сопоставительное исследование терминов казначейства английского, русского и узбекского языка позволит выявить сходства и различия между изучаемыми финансово-экономическими терминами и терминологиями; выявить конкретные особенности лексических систем и установить общие закономерности и факты, а также лингвостатистические характеристики, свойственные этим системам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном узбекском литературном языке терминология сферы казначейства характеризуется полиязычным происхождением терминов — общетюркские, собственно узбекские, арабские, персидские, европейские (латинские, греческие, английские и т.д.). В этом комплексе терминов доминируют заимствованные термины, которые следует подразделить на следующие два ряда: 1) заимствованные интертермины, которые употребляются как в узбекском языке, так и во многих других языках мира; 2) заимствованные термины, но не являющиеся интертерминами, т.е. которые употребляются в узбекском языке и, как правило, или в арабском, или персидском языках и, возможно, еще в некоторых тюркских языках.

Термины, функционирующие в сфере казначейства — это в целом финансово-экономические термины, которые употребляются и в других сферах экономики и финансов, но некоторые из них являются преимущественно употребляемыми в сфере казначейства и потому, как бы «маркируются» как «собственно» казначейские.

Результаты сопоставительного анализа финансово-экономических терминов, функционирующих в сфере казначейства, показывают, что в английском, русском и узбекском языках в комплексе данной терминосистемы много единого, так как большинство понятий, принципов и категорий во всех языках (или почти во всех языках) схожие или одинаковые.

© Абдуллаева Ш.Н.

Дата поступления: 2.08.2016

Дата принятия к печати: 10.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алимухамедов Р.* Правовое регулирование деятельности казначейства в Узбекистане // *Финансы*. 2001. № 9. С. 69—70.
2. *Аргументы и факты*. Узбекистан. 2015. № 24 (1805).
3. *Дўстмухаммедов Ж.* English-Uzbek-Russian dictionary of economical terms. Т.: Ўзбекистон, 1994.
4. Информационно-правовой портал Гарант: <http://base.garant.ru/12137879/#ixzz3YWqSmFRf>.
5. Информационный портал Министерства финансов Республики Узбекистан <https://www.mf.uz/mf-resources-menu/mf-treasury-menu.html>.
6. *Казакбаева Г.А.* Арабизмы в узбекском языке в прикладном и теоретическом аспектах: Автореф. дис. ... к. филол. н.: Спец. 10.02.22; [ИВ РАН]. М., 2012. 25 с.
7. Казначейское исполнение Государственного бюджета Республики Узбекистан. Сборник нормативно-правовых документов. Ташкент, 2007. 413 с.
8. *Мусаев Қ.М., Эрдонаев А.Х., Қудратов М.Ш.* Economics. Finance. Banking. Commerce. English-Uzbek dictionary // Иқтисодиёт. Молия. Тижорат. Инглизча-Ўзбекча луғат. 5 жилдлик. Ёжилд. Т., 1998. 654 с.
9. *Нестерская Л.А., Норейко Л.Н.* Основные тенденции пополнения словаря экономической сферы общения // Материалы научно-практической конференции МГУ. Секция VII. Русская лексика как система. 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec07.pdf.
10. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права. В 2-х т. 3-е изд., испр. М.: ТОН-Остожье, 2000. Т. 2. 528 с.; Т. 2. 496 с.
11. *Омирбаев С.М., Интыкбаева С.Ж., Адамбекова А.А., Парманова Р.С.* Государственный бюджет. Алматы: Дзуир, 2011. 632 с.
12. Онлайн-переводчик Solver.uz (<http://solver.uz/>).
13. *Орлова М.В.* Теоретические обоснования термина как языкового явления, 2010. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/013-8.pdf>.
14. Русско-узбекский словарь // Русча-Ўзбекча луғат. В 2-х томах. Т., 1983.
15. *Турсунгулатов М.* Лексика узбекской разговорной речи: Автореф. дис. ... к. филол. н. Т., 1982. 25 с.
16. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдлик. I жилд. Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006—2008.
17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-4623.htm>.
18. *Юрий С.И.* (2002). URL: Казначейские системы. <http://lybs.ru/index-9947.htm>.
19. *Nayef N. Kharma.* Contextualization and the bilingual learner's dictionary. Euralex, 1983. URL: [http://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex1983/030_Nayef%20N.%20Kharma%20\(Kuwait\)%20Contextualization%20and%20the%20bilingual%20learners%20dictionary.pdf](http://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex1983/030_Nayef%20N.%20Kharma%20(Kuwait)%20Contextualization%20and%20the%20bilingual%20learners%20dictionary.pdf).

УДК: [811.512.133:811.161.1]’276.6:33

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-920-929

THE USING OF FINANCIAL-ECONOMIC TERMS IN SPHERE OF TREASURY (on the Material of the Uzbek, the English, the Russian Languages)

Abdullayeva Shokhida Norkulovna

Uzbekistan state university of world languages
100138, Uzbekistan, Tashkent, Kichik halka yuli str., 21a

Abstract. This article deals with the problem of functioning of financial-economic terms in sphere of treasury on the material of the Uzbek language, which compared with the English and the Russian languages. The archetypal national and borrowed words are analyzed in aspect of equivalence/nonequivalence.

An attempt of definition the main and peripheral terms is made in one synonymic row. There is drawn a conclusion, that in the borrowed terms from the European and the Oriental (the Arabic and the Persian) languages equally function in the modern Uzbek language. The comparative analysis of the material of the Uzbek language and the material of the English and the Russian languages allows to reveal the dominant functioning of borrowed financial-economic terms in sphere of treasury in the Uzbek language. Term “kazna” (treasury, exchequer) is origin of the Arabic language, which was borrowed by the Turkic languages with adoption of Muslim religion. The borrowed term “kazna” (treasury) was used in the same sense as in the Arabic language (treasure, keeper of treasure in government system), but the meaning of that term became wider with time. The notion and term “kazna” were accepted in the European languages from the Turkic languages (or directly from the Arabic language). That term is used in the same senses in all recipient languages. Differences between in senses of recipient languages lie on pronunciation and spelling of that word. Notion and term “kazna” went a long way in formation and development of financial-economic aspect, both Arabic world and countries, which approved that notion and term.

Key words: treasury, budget, sphere, term, borrowing, English, Uzbek, Russian

REFERENCES

1. Alimuhamedov, R. (2001) Legal regulation of treasury activity in Uzbekistan. *Finances*. № 9, 69—70. (In Russ.).
2. *Argumenty i fakty. Uzbekistan*. 2015. № 24 (1805). (In Russ.).
3. Dustmammedov Zh. (1994). English-Uzbek-Russian dictionary of economic terms. Tashkent: Uzbekiston.
4. The informational juridical portal Garant. URL: <http://base.garant.ru/12137879/#ixzz3YWqSmFRf>.
5. The informational portal of the Ministry of Finance of the republic of Uzbekistan. URL: <https://www.mf.uz/mf-resources-menu/mf-treasury-menu.html>.
6. Kazakbaeva G.A. (2012). The applied and theoretical aspects of Arabisms in the Uzbek language. Author’s abstract of dissertation paper on PhD: Spec. 10.02.22; [IV RAN]. Moscow.
7. The treasury implementation of the State budget of the Republic of Uzbekistan. (2007). The collection of the normative legal documents.. Tashkent.
8. Musaeu K.M., Jerdonaev A.H., Qudratov M.Sh. (1998). Economics. Finance. Banking. Commerce. English-Uzbek dictionary. *Economics. Finances. Buisness. English-Uzbek dictionary*. 5 volume edition, Tashkent.
9. Nesterskaja L.A., Norejko L.N. (2010). The main tendencies of stocking of the Dictionary of economic communicational sphere. *The materials of theoretical and practical conference of MSU. The Russian lexis as system*. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec07.pdf.
10. Omel'chenko O.A. (2000). The General History of State and law. V 2-h t. 3-rd edition. Moscow: TON-Ostozh'e, Volume 2nd.
11. Omirbaev S.M., Intykbaeva S.Zh., Adambekova A.A., Parmanova R.S. (2011). The State budget. Almaty: Djeuir.
12. Online translator. Solver.uz. URL: <http://solver.uz>.
13. Orlova M.V. (2010). The theoretical basses of term in language. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/013-8.pdf>.
14. The Russian-Uzbek dictionary. (1983) 2 volumes, Tashkent.
15. Tursunpulatov M. (1982). Lexicon of the Uzbek oral speech. Author’s abstract of dissertation paper on PhD. Tashkent.
16. The explanatory dictionary of the Uzbek language. (2006—2008). 5 volumes. 1 volume. Tashkent: «Uzbekiston millij jenciklopedijasi».
17. Fasmer M. The Etymological dictionary of the Russian language. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-4623.htm>
18. Jurij S.I. (2002). The treasury systems. URL: <http://lybs.ru/index-9947.htm>.

19. Nayef N. Kharma. (1983). Contextualization and the bilingual learner's dictionary. Euralex, [http://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex1983/030_Nayef%20N.%20Kharma%20\(Kuwait\)%20%20Contextualization%20and%20the%20bilingual%20learners%20dictionary.pdf](http://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex1983/030_Nayef%20N.%20Kharma%20(Kuwait)%20%20Contextualization%20and%20the%20bilingual%20learners%20dictionary.pdf).

Для цитирования:

Абдуллаева Ш.Н. Казначейство как сфера употребления финансово-экономических терминов (на материале узбекского, английского, русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 920—929. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-920-929.

For citation:

Abdullaeva S.N. (2017). The using of financial-economic terms in sphere of treasury (on the material of the Uzbek, the English, the Russian languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 920—929. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-920-929.

Shohida N. Abdullaeva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 920—929. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-920-929.



УДК: [811.111:811.411.21:811.134.2]255.2
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-930-938

TRANSLATING IDIOMS OF COLOUR (an Examination of the Relationship of Idioms of Colour Between English, Arabic and Spanish Languages)

Reema Fityan, Maite Azcutia

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Nowadays, human communication is considered to be one of the most important topics occupying the minds of linguists, anthropologists, psychologists, and philosophers. Since it is the most important means for communication among human beings, the relation between language, history, culture, worldview and their mutual interactions have high significance. The inextricable connection highlights different indications of conventionalized language including the idiomatic expressions as one of the important and pervasive language uses reflecting culture in real life. Like different sorts of figurative language, idioms give off an impression of being the common decoders of traditions, social convictions, social traditions, and standards. Idioms, as a major component of native-like correspondence, empower a language learner to comprehend the thoughts, feelings and perspectives of the speakers of target language. Therefore, learning idioms provides learners a good opportunity to get data about the basic parameters of a language.

Key words: language, idioms, culture, translation, English, Arabic, Spanish

INTRODUCTION

Language, as conceived by Kramersch [Kramersch 1998, as cited in Yağiz, O. & Izadpanah, S. 2013: <http://www.academypublication.com/issues/past/jltr/vol04/05/07.pdf>], is a system of signs that has cultural value of its own. Speakers identify themselves and others through language as the symbol of their social identity. Therefore, when a restriction in language use is perceived, speakers tend to feel that their social group or culture is being ambushed. Culture and language travel together as one, we use one to understand the other, to construct our social lives and improve our world. We can see this declared in several studies [Alptekin 2002; Brown 1994; Bygate 2005; Jiang 2000; MacKenzie 2012; Risager 2007, as cited in Yağiz, O. & Izadpanah, S. 2013: <http://www.academypublication.com/issues/past/jltr/vol04/05/07.pdf>]. Even if we have a wide understanding of a certain language's linguistic features, this has been proven not to be enough for successful intercultural communication [Scarino 2010, as cited in Yağiz, O. & Izadpanah, S. 2013: <http://www.academypublication.com/issues/past/jltr/vol04/05/07.pdf>]. This knowledge must be supported by notions of cultures, tendencies, conventions and norms [Baker 2012]. Culture not only helps people understand each other's verbal languages, but also plays a crucial role in non-verbal communication such as beliefs, norms, behaviours and values.

Speaking a language is not only about memorizing the linguistic aspects of a given etymology, but also contextualizing and processing the information acquired through

either visual or aural inputs [Scarino 2010, as cited in Yağiz, O. & Izadpanah, S. 2013: <http://www.academypublication.com/issues/past/jltr/vol04/05/07.pdf>]. Translation also plays a crucial role in understanding culture, according to House [House 2009], who stated that translation is as much a linguistic act as it is cultural; it is a way of communicating between cultures. We cannot separate language and culture when translating, because one cannot exist without the other; they are embedded.

Language has proven to be one of the best ways for humans to express feelings, needs, knowledge and traditions. The problem sojourns in that not everyone shares the same language and culture. That is why translation and interpreting play a crucial role in human understanding. Written and spoken texts are the manifestations of sociocultural norms and traditions. Texts are culturally specific, which means that they cannot be translated word-by-word from an SL (source language) to a TL (target language), for the cultural elements implicit on them will not be understood by the target readers. The translation should have the same effect on its readers as the source text has on the original target readers (Nida, as cited in Munday, 2001).

The linguistic worldview or the linguistic picture of the world is one of the fundamental concepts of modern linguistics and has widely been debated by philosophers, linguists and social scientists. Although this notion started to be important in the early 20th century with the suggestion of Benjamin Lee Whorf that language affects our perception of the world, the relationship between language and culture has been debated since Ancient Greek by those who consider that the relationship is natural and those who think that it is subjective and conventional.

The representation given to idioms determines how they are processed and understood in a particular context. Consequently, two important questions have to be asked: Are idioms of colour related interculturally or interlinguistically? And, are there untranslatable idiomatic expressions? This paper attempts to answer those questions, starting from the hypothesis that people from different cultures and languages still have the same experiences, and that that leads to a mutual understanding of idioms of colour.

THEORETICAL PART

On idioms:

Every idiom has its own semantic, syntactic and pragmatic structure based on the culture and the history they are reflected on. In other words, their configuration justifies their meaning. Idiomatic expressions are based on the non-literal meaning of the words that compose them; therefore, it becomes quite clear that an awareness of the source and context of the idiom are needed to understand them.

On culture:

Throughout the decades many definitions of culture have emerged, but the most quoted and one of the oldest, would be that from the anthropologist Edward Burnett Tylor in 1871, who stated that “culture is that complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, customs and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society” [as quoted from Katan 1999: 16]. Through the years, the definition

has been slightly modified and extended. In this last claim, Hester and Eglin made a point in 1997, declaring that culture is in action, “this means that the orderliness of cultural resources (categories, devices and the rest) is constituted in their use rather than pre-existing” [Hester, Eglin 1997: 20]. A more recent view of culture can be provided by Katan [Katan 2009], who claims that with the passing of time, the concept of culture will change. Originally, culture referred exclusively to what was civilized in a certain society (education, art, architecture). Later, how people lived (sociology and then ideology) was introduced in the concept of culture.

On culture and language:

Lambert [Lambert 2000] says that language is a rather common aspect to consider when talking about cultural identity. He adds importance to the changes on the answers to two basic questions: “Has culture anything to do with language? [And,] is language a distinctive feature in matters of cultural identity?” [Lambert 2000: 166]. According to Katan [Katan 1999], Malinowski was one of the first to support that language could not be understood without culture. While Boas [Boas 1986] believed that language and thought had no barriers in between, that language, culture and thought were dynamically related and that “the form of language will be moulded by the state of that culture”. To which Bennet added in 1998 that intercultural communication is based on the differences between cultures’ behaviour patterns, values and languages. Hongwei [Hongwei 1999] thought that language is a portrait of culture, that it “mirrors other parts of culture, supports them, spreads them and helps to develop others” [Hongwei 1999: 121]. This makes language one of the most important features of culture. Since all aspects of culture are closely related, language evolves and changes with them [Hongwei 1999: 123].

On language against culture:

Once stated that culture and language are closely related, one must stop and look at the criticism on the area too. Newmark [Newmark 1988], for example, does not think of language as a component of culture, for he says that “if it were so, translation would be impossible”. He claims that language is not the determining factor influencing our understanding of reality; those determining factors would be beliefs and thoughts, as Reddick [Reddick 1992] suggests [*as cited in* Katan 1999].

According to Lambert [Lambert 2000], it is not that language and culture are not related, but that cultural studies have paid little attention to linguistics and language. One of the most striking observations Lambert makes is that one of the disciplines devoted to language, linguistics, has not paid much attention to culture and identity. Lambert [Lambert 2000: 166], as an added criticism, also states that although in any area of the humanities the link between culture and language may be approached, there is no accepted ground for it, and those who do study this connection, rarely combine it with other disciplines.

On translation:

Up until now we have tried to define idioms and their relation to culture and what is understood as culture. This is important because the way in which we perceive it will delimit which elements we consider cultural and how do we translate them. For the same

reasons, we should define translation too. As Venuti stated in 1995, the act of translation consists on replacing the chains of signifiers that conform the source-text for equivalent signifiers on the target language, providing an adequate and understandable interpretation. He views translation as something indispensable for cultural consideration, which aims to domesticate a foreign culture maintaining its origins [Venuti 1995: 18].

When translating a text, knowledge of the languages alone does not guarantee a successful interpretation. Bell [Bell 1991], supported by Palusziewicz-Misiaczek [Palusziewicz-Misiaczek 2005], states that a translator not only has to possess a perfect knowledge of the languages involved, but also a wide socio-linguistic competence to be able to understand the text, the context, its function and the target readers. Translation studies do not see the source text and the target text just as linguistic material; they approach them from afar, “seeing first the cultural context, then the situational context, and finally the texts itself” [Leppihalme 1997: 3].

When translating idioms, some words might be conceptually equivalent, but not schematically equivalent. Meaning that, although the words themselves are translatable from the source language or culture to the target language or culture as they are, they might not get the same meaning as a whole. This reflects each culture’s characteristics and backgrounds, and the difference in understanding abstract equivalents, which might or might not be the same.

On colours:

Since time immemorial, Colour Psychology has had an effect on the human mind, although the true meaning of it has never been described. Theories and investigations on the matter have been proposed since the XVIII century, but the wide intertwined aspects of psychology and culture make it difficult to box colour in zip lock categories. In Ancient China and in the Mayan civilization, cardinal points were represented with colours; Egyptians believed them to have healing powers; Aristotle related the basic colours to the elements, and Leonardo Da Vinci offered the world a classification. With the pass of the years, many techniques have been developed using colours, like chroma-therapy, for example, but their direct (immediate, physical, tangible) and indirect (secondary, related to affections) effects have not been yet proven definitive. Taking this into consideration, colour can be weighed to be an explored subject, and it is, but as we have already stated, there is much more to it than meets the eye.

One of the major exponents of Colour Psychology would be Johann Wolfgang Goethe, whose discourse on Colour Theory proposes that colour is up to our perception, and that involves both the brain and the sight. According to him, each colour influences an individual in three ways: impression, expression and construction. First, colours are perceived; then, we associate them with a feeling; finally, we link them to a symbol that communicates an idea. Colours can also harmonize between them, as well as with their environment, and make us feel emotions in a way that we start automatically associating them to certain things and using them to express ourselves.

PRACTICAL PART:

Metaphoric signification of colours can be problematic, especially in translation, as we have already stated. The perception of colour idioms rests on the culture we are referring to, and in particular, to the context behind the use of the idiom. The same idiom,

in different societies, can awake a variety of emotions. Xing [Xing 2008: 88] argues that each colour use has three meanings: original or etymological, extended or metaphoric (extended through cognitive means), and abstract.

It has to be understood that finding two colours in three different languages that match in meaning and are used in an idiom with the same essence is rare, but it happens. Some other times, they are translatable interculturally, but not literally. And there is a third option we are going to explore; the non equivalency that results from different cultural backgrounds. The cultures and languages we are going to focus on are English from the United Kingdom, Arabic from Jordan and Spanish from Spain; and we are going to centre our attention in green, black and white, with some particular additions.

When literal translation is acceptable:

According to our research, these three cultures we are working with have some cultural aspects in common due to what happened in the eighteenth century between Arabs and Spain and between England and Arabs in the twentieth century so we can say that they do share some history and aspects. Therefore, in various cases, literal translation of the idioms is possible. We are going to illustrate some examples hereunder

In these cultures coal has been a very used and important mineral, and this made the expression “black as coal” literally translatable as “أسود مثل الفحم” in Arabic and “negro como el carbón” in Spanish. The same occurs with “black as night”, “أسود مثل الليل”, and “negro como la noche”. To follow with black, in English, to be in someone’s “blacklist” is not to be appreciated by them, but you can also do so in Arabic (“القائمة السوداء”) and Spanish as well “lista negra”. We can print something “black on white” “أسود على أبيض” “negro sobre blanco” in the three cultures too. It is curious how the language of Shakespeare can be translated literally into Arabic and Spanish, because his expression “green eyed monster” has the literal translation “الوحش ذو العيون الخضراء” and “monstruo de los ojos verdes”. Maybe traffic lights have had a bigger effect on our daily life than we imagine, because “give/get the green light”, “خذ/أعطي الضوء الأخضر”, and “dar/tener luz verde” are used to approve something, just as stoplights let the cars through. And as a last example on this section, we will “roll out the red carpet” to the exact equivalent of this idiom in Arabic “فرش السجادة الحمراء” and Spanish “poner la alfombra roja” that also means to receive with respect and commodity.

When a non literal equivalent exists:

Occasionally, some cultural aspects are slightly or very changed from one society to the other. For example, we can see a bad or “black future” in English and “futuro negro” in Spanish but in Arabic it is “مستقبل فارغ” (empty future), or have dirty or “black money” “dinero negro” which means in Arabic “forbidden money” “مال حرام”. “once in a blue moon” that in Arabic loses the colour and changes it to “century”: “مرة بالقرن” (once in a century) and changes to “wind” in Spanish “de ciento en viento” (from a hundred wind). Another exemplification can be the idiom “out of the blue” that in Arabic is “فجأة” (suddenly); in Spanish is “de la nada” (out of nothingness); which actually has a literal translation, but lacking colour, “out of thin air”.

When there is no equivalent:

In many cases there is no close equivalent, literal or otherwise, due to the differences on the cultural background the three languages have. There is an idiom in Arabic that is commonly used “العفريت الزرق تقفز أمامي” (the blue afreet is jumping in front of me), afreet is a powerful jinn or a demon according to Muslim mythology, which is to describe how a person is angry that he cannot see anything else and in English and Spanish there is no such description. When a joke is vulgar and has sexual connotations, Spaniards speak of a green joke or “chiste verde”, which in English and Arabic are not as such. To finish the third section, when something is very odd, they say it is “weirder than a green dog” (“más raro que un perro verde”, but English and Arabic speakers do not regard green dogs as a spreaded synonym of oddness.

CONCLUSION:

To sum it up, idioms are very helpful in learning other languages and understanding different cultures, we may say that they are not only expressions to learn but a path to diversity. But we should keep in mind that one must know how to translate them right not to lose their cultural and lexical diversities because through the previous examples we managed to prove that some expressions have different meaning or translations. And finally, this study showed us that people from different origins whether it is history, culture, worldview or language, still we do have a mutual life experiences and understanding of idioms and in this case, idioms of colour.

REFERENCES

1. Akbari, M. (2013). *Strategies for Translating Idioms*. URL: <https://fr.scribd.com/doc/219484811/Strategies-for-Translating-Idioms> (accessed: 08.08.2016).
2. Al-Adaileh, B. The connotations of arabic colour terms. URL: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/al-adaileh/ada-001.pdf> (accessed: 07.01.2017).
3. Bell, R. (1991). *Translation and translating*. London: Longman.
4. Hester, S. & Eglin, P. (1997). *Culture in Action: Studies in Membership Categorization*.
5. Hongwei, C. (1999). *Cultural difference and translation*. *Translations' Journal*, 44, 121—132.
6. House, J. (2009). *Translation*. Oxford: Oxford University Press.
7. Katan, D. (1999). *Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St Jerome.
8. Katan, D. (2009). *Translation as Intercultural Communication*. In J. Munday (Ed.), *The Routledge companion to translation studies* (pp. 74—92). Abingdon: Routledge.
9. Lambert, J. (2000). *Cultural Studies, The Study of Cultures and The Question of Language: Facing / Excluding in New Millennium*. In D. Delabastita, L. D'hulst, & R. Meylaerts (2006), *Functional approach to culture and translation* (pp. 163—172). Amsterdam: John Benjamins
10. Larsen, M. (1984).
11. Leppihalme, R. (1997). *Culture bumps. Clevedon: Multilingual Matters*.
12. Munday, J. (2001). *Introducing translation studies*. Routledge 270 Madison Ave, New York, NY 10016.
13. Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. Harlow: Prentice Hall.
14. Nida, E. & Taber, C. (1969). *The theory and practice of translation*. Leiden: E.J. Brill.
15. Paluszkiwicz-Misiaczek, M. (2005). *Strategies and methods in dealing with culture specific expressions on the basis of Polish-English translations of certain administrative and institutional terms*. *Theory and Practice in English Studies*, 3, 243—248.

15. Reddick, R. (1992). *English expository discourse*. Language in Context: Essays for Robert E. Longacre, Shin Ja J., Hwang and W.R. Merrifield (Eds), Arlington: The Summer Institute of Linguistics and The University of Texas at Arlington.
16. Salehi, M. (2012). *Reflections on Culture, Language and Translation*. URL: <http://www.ipedr.com/vol33/017-ICLMC2012-L00062.pdf> (accessed: 05.01.2017).
17. Vasiljevic, Z. (2015). Effects of Etymology and Pictorial Support on the Retention and Recall of L2 Idioms. *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*, 12(1), 35—55. URL: <http://e-flt.nus.edu.sg/v12n12015/vasiljevic.pdf> (accessed: 09.09.2016).
18. Vega-Moreno, R.E. Representing and processing idioms. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/publications/WPL/01papers/vega.pdf> (accessed: 05.01.2017).
19. Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A history of translation*. London and New York: Routledge.
20. Xing, J.Z. (2008). *Semantics and Pragmatics of Colour Terms in Chinese*. Washington: Western Washington University.
21. Yağiz, O. & Izadpanah, S. Language, Culture, Idioms, and Their Relationship with the Foreign Language. *Journal of Language Teaching and Research*, Vol. 4(5), 953—957. URL: <http://www.academypublication.com/issues/past/jltr/vol04/05/07.pdf> (accessed: 09.09.2016).

© Fityan R., Azcutia M.

Дата поступления: 10.05.2017

Дата принятия к печати: 10.10.2017

УДК: [811.111:811.411.21:811.134.2]’255.2
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-930-938

ПЕРЕВОД ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ ЦВЕТА (на материале английского, арабского и испанского языков)

Фитьян Рима, Аскутия Майте

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Человеческое общение является сферой актуальных научных исследований лингвистов, антропологов, психологов и философов. История, культура, мировоззрение народа взаимосвязаны и находят свое отражение во фразеологии, единицы которой являются своеобразными декодерами традиций, социальных убеждений, традиций и стандартов общества. Идиомы, как составной элемент общения с носителями языка, передают основные идеи, принципы и ценности отдельно взятой культуры и народа. Изучение идиом является хорошим ресурсом для умножения знаний любого языка.

Ключевые слова: фразеологизмы, идиомы, перевод, арабский язык, русский язык, испанский язык

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Akbari, M. (2013). Strategies for Translating Idioms. URL: <https://fr.scribd.com/doc/219484811/Strategies-for-Translating-Idioms> (accessed: 08.08.2016).
2. Al-Adaileh, B. The Connotations of Arabic Colour Terms. URL: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/al-adaileh/ada-001.pdf> (accessed: 07.01.2017).

3. Bell, R. (1991). *Translation and translating*. London: Longman.
4. Hester, S. & Eglin, P. (1997). *Culture in Action: Studies in Membership Categorization*.
5. Hongwei, C. (1999). *Cultural difference and translation*. *Translations' Journal*, 44, 121—132.
6. House, J. (2009). *Translation*. Oxford: Oxford University Press.
7. Katan, D. (1999). *Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St Jerome.
8. Katan, D. (2009). *Translation as Intercultural Communication*. In J. Munday (Ed.), *The Routledge companion to translation studies* (pp. 74—92). Abingdon: Routledge.
9. Lambert, J. (2000). *Cultural Studies, The Study of Cultures and The Question of Language: Facing / Excluding in New Millennium*. In D. Delabastita, L. D'hulst, & R. Meylaerts (2006), *Functional approach to culture and translation* (pp. 163—172). Amsterdam: John Benjamins
10. Leppihalme, R. (1997). *Culture bumps. Clevedon: Multilingual Matters*.
11. Munday, J. (2001). *Introducing translation studies*. Routledge 270 Madison Ave, New York, NY 10016.
12. Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. Hamel Hempstead: Prentice Hall.
13. Nida, E. & Taber, C. (1969). *The theory and practice of translation*. Leiden: E.J. Brill.
14. Paluszkiwicz-Misiaczek, M. (2005). *Strategies and methods in dealing with culture specific expressions on the basis of Polish-English translations of certain administrative and institutional terms*. *Theory and Practice in English Studies*, 3, 243—248.
15. Reddick, R. (1992). *English expository discourse*. *Language in Context: Essays for Robert E. Longacre, Shin Ja.J., Hwang and W.R. Merrifield* (Eds), Arlington: The Summer Institute of Linguistics and The University of Texas at Arlington.
16. Salehi, M. (2012). *Reflections on Culture, Language and Translation*. URL: <http://www.ipedr.com/vol33/017-ICLMC2012-L00062.pdf> (accessed: 05.01.2017).
17. Vasiljevic, Z. (2015). Effects of Etymology and Pictorial Support on the Retention and Recall of L2 Idioms. *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*, 12(1), 35—55. URL: <http://e-flt.nus.edu.sg/v12n12015/vasiljevic.pdf> (accessed: 09.09.2016).
18. Vega-Moreno, R.E. Representing and processing idioms. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/publications/WPL/01papers/vega.pdf> (accessed: 05.01.2017).
19. Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A history of translation*. London and New York: Routledge.
20. Xing, J.Z. (2008). *Semantics and Pragmatics of Colour Terms in Chinese*. Washington: Western Washington University.
21. Yağiz, O. & Izadpanah, S. Language, Culture, Idioms, and Their Relationship with the Foreign Language. *Journal of Language Teaching and Research*, Vol. 4(5), 953—957 URL: <http://www.academypublication.com/issues/past/jltr/vol04/05/07.pdf> (accessed: 09.09.2016).

Для цитирования:

Фитьян Р., Асцутия М. Перевод идиом с компонентом-названием цвета (на материале английского, арабского и испанского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 930—938. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-930-938.

For citation:

Fityan, R. & Azcutia, M. Translating Idioms of Colour (an Examination of the Relationship of Idioms of Colour Between English, Arabic and Spanish Languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 930—938. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-930-938.

Сведения об авторах:

Фитьян Рима, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *научные интересы*: перевод, межкультурная коммуникация; *e-mail*: r.m.fityan@gmail.com

Аскутия Майте, выпускница Университета Страны Басков (специальность — «Перевод», специализация «английский и русский языки»); *научные интересы*: теория перевода, межкультурная коммуникация; *e-mail*: maitezcutia@gmail.com

Bio Note:

Fityan Reema, Graduated in MA Studies “Theoretical and Applied Linguistics” from RUDN University; *research interests*: translation, intercultural communication, linguistics; *e-mail*: r.m.fityan@gmail.com

Azcutia Maite, Graduated in Translation and Interpreting from the University of the Basque Country, majored in English and Russian; *research interests*: song translation, theory of translation, linguistics; *e-mail*: maitezcutia@gmail.com



УДК: 81:070:004.72

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948

ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЛОГОВ КАК ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д.А. Шляховой

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
ул. Большая Садовая, 14, Москва, Россия, 123001

В статье автор рассматривает коммуникативное пространство блогов в их стилистическом, жанровом и дискурсивном аспектах. Актуальность работы состоит в том, что в теории интернет-коммуникации блог не выделяется как самостоятельный жанр со своими особенностями. Объектом исследования выбран блог-дискурс как среда компьютерно-опосредованной коммуникации; предметом данной работы является макрожанр блога. Исследователи не выделяют блог как отдельный жанр интернет-коммуникации, хотя для интернет-коммуникации уже сформировалась новая отрасль — виртуальное жанроведение. Определение жанра блога предстает сложной задачей ввиду многоплановости природы интернет-блога и различных подходов к его изучению. Блог — это всегда макрожанр интернет-коммуникации, а отдельные публикации в блоге, посты, формируют микрожанры блога. И только блог, выполненный в жанре дневника, существует в форме макрожанра, не имея в себе постов-микрожанров. Кроме того, в одном блоге могут пересекаться несколько микрожанров, что лишний раз убеждает в том, что любая классификация огрубляет истинное соотношение объектов исследования. Блоги также выступают средством формирования социальных сетей — одной из систем интернет-коммуникации и одного из важнейших элементов современного интернет-дискурса.

Ключевые слова: блог, блогосфера, жанр, интернет-коммуникация, блог-дискурс

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие интернет-коммуникации за последнее десятилетие значительно изменило виды и способы социального общения. Процесс глобализации привел к радикальному переходу от традиционных устных форм коммуникации (разговор в ситуации непосредственного общения лицом к лицу, разговор по телефону, конференция, публичное выступление и др.) к письменно-устным формам общения (чаты, форумы, социальные сети, блоги, микро-блоги, интернет-конференции, удаленные семинары, интернет-трансляции и др.). Этот процесс вызвал изменения в коммуникативном поведении: теперь отправителю речи необходимо подумать не что сказать, а что написать, чтобы максимально четко и емко передать свою мысль словами, а свою интонацию и настроение различными формами написания слов, знаками препинания и эмоджиками. Новые тенденции в общении «вживаются» в коммуникативные стратегии по всему миру, постепенно становятся пока что не признанной, но уже привычной нормой. По мнению А.А. Барковича, такие тенденции по отношению к языку носят скорее атрибутивный характер, чем деструктивный: «Текстовые возможности виртуального фор-

мата намного расширили лексическую, грамматическую и стилистическую вариативность языка. Совсем не случайно наблюдается широкое распространение в Интернете сленга, аббревиации, акронимов, портманто, эмотиконов и т.д. <...> Однако их спорадическое, обусловленное дискурсивными потребностями использование в интернет-речи не может нанести ущерба единству языковой системы, являясь скорее ее атрибутом» [Баркович 2015: 161—162]. Мы согласны с точкой зрения А.А. Барковича о том, что язык модифицируется за счет новейших тенденций в интернет-коммуникации. Благодаря возникновению все большего количества новых средств компьютерно-опосредованная коммуникация стала неотъемлемой реалией в жизни современного человека.

В настоящей статье автор рассматривает коммуникативное пространство блогов в их стилистическом, жанровом и дискурсивном аспектах.

БЛОГ КАК ЖАНР ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Исследователи не выделяют блог как отдельный жанр интернет-коммуникации, хотя для интернет-коммуникации уже сформировалась новая отрасль — виртуальное жанроведение [Горошко, Жигалина URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aid=223>]. Так, к медийным параметрам Л.Ю. Щипицина относит:

- ♦ оформление жанра, т.е. расположение на экране элементов программы и текста;

- ♦ мультимедийность («креолизованность»), т.е. реализация текста одновременно на нескольких уровнях — вербальном и графическом;

- ♦ гипертекстуальность, т.е. построение текста из отдельных, соединенных гиперссылками блоков;

- ♦ интерактивность — способность влиять на содержание и вид электронного ресурса, возможность общаться;

- ♦ синхронность или квази-синхронность интернет-коммуникации;

- ♦ количество (межличностная, групповая, массовая коммуникация) и эксплицированность коммуникантов (эксплицированный или анонимный участник коммуникации) [Щипицина 2009: 40—41].

Однако эти характеристики блогов, по мнению Е.А. Баженовой и И.А. Ивановой, не дают полной картины и конкретизации жанровой природы блога. Для этого необходимо исследовать отдельные составляющие блогов — тексты записей (постов) и комментариев [Баженова, Иванова 2012: 125].

Кроме того, необходимо учитывать, что блог — это социально-коммуникативное явление и определяется как совокупность текстов, отражающих социальные потребности коммуникантов во внутригрупповом общении. По мнению Б.Л. Бойко, в речевом портрете человека отражается его принадлежность к социальным общностям. «Принадлежность к социальным группам, основной словарь, характерный для речевого поведения их членов, человек сохраняет в индивидуальной речи и демонстрирует его по мере необходимости воссоздания сцен жизни в устном или письменном повествовании» [Бойко 2008: 117—118].

Блогеры как субъекты блог-дискурса создают единое сообщество и формируют лингвистическую субкультуру, собственный социальный вариант языка —

язык блогеров, который состоит из подязыков, например, корпоративных блогеров, блогеров — информационных аналитиков, блогеров-активистов, военных блогеров и др. В свою очередь, читатель блогов выполняет функцию носителя социального контроля. «По мере подготовки текста к публикации оттачивается социальная позиция автора, содержание текста ориентируется на референтную группу. В содержании находит выражение социальная позиция пишущего, форма приводится в соответствие с требованиями норм литературного языка и жанра» [Бойко 2008: 118]. Особенностью публикаций в блоге выступает зачастую (если речь не идет о блогах на официальных интернет-порталах) отсутствие редакторской правки, поэтому тексты в блоге не освобождаются намеренно от социально маркированных речевых средств.

К социальным СМИ относит блоги Дана Бойд. По ее мнению, блоги стали «продолжением» человека в пространстве глобальной сети, а не абстрагируют его от общества. Блог становится «цифровым телом» своего автора и тем средством, с помощью которого он осуществляет самовыражение [Boyd 2006 URL: <http://reconstruction.eserver.org/Issues/064/boyd.shtml>]. Специальное сетевое программное обеспечение блог-среды позволяет людям взаимодействовать друг с другом при помощи гиперссылок, которые функционируют как связующие звенья между блогами. Таким образом, блоги выступают средством формирования социальных сетей — одной из систем интернет-коммуникации и одного из важнейших элементов современного интернет-дискурса.

Что касается стиля текстов, размещаемых в блог-среде, то по мнению Т.Н. Колокольцевой, «записи в сетевых дневниках являются стилистически разнородными <...>, могут носить кодифицированный характер и относиться к одному конкретному стилю (например, публицистическому или деловому), однако чаще имеют контаминированный статус, совмещая в себе черты различных функциональных стилей (например, публицистического и разговорного, делового и разговорного)» [Колокольцева 2016: 142].

Особенностью текстов блогов выступает их дискурсивность, выраженная смешением устной и письменной форм общения, наличием эмоциональной нагрузки, опосредованной такими экстралингвистическими факторами как аудио, видео, эмоджиконами, а также ситуативной составляющей.

МАКРОЖАНР БЛОГА, МИКРОЖАНРЫ ПОСТОВ

Макрожанр блога с лингвистической точки зрения имеет следующие характеристики: активное использование в текстах единиц разговорной речи, эллиптических конструкций, наличие дискурсивных признаков, речевой ассимиляции и опущений. В отношении правил орфографии блогеры в основном придерживаются языковых норм, однако в сравнении с официальными интернет-страницами, язык которых полностью соответствует требованиям норм литературного языка, допускаются некоторые отклонения, особенно в частных блогах. Для блог-коммуникации характерно также активное использование особых графико-пунктуационных форм и эмоджиконов, графонов, множественного повторения букв, намеренного

написания слов прописными буквами с целью привлечения внимания и повышения выразительности письменной речи как эрзац интонации, ударений, высоты голоса и других характерных черт устной речи.

Текст блога состоит из отдельных записей, называемых постингом или постом. Особенность такого текста состоит во взаимосвязи и взаимодействии данных (в виде гипертекста) и личностей (социальных связей).

Каждый блог — это набор постов, благодаря которым он растет и развивается. Блог без постов — это цифровая оболочка или болванка. Обновление блога за счет новых постов и их хронологический порядок позволяет читателю или блогеру определить временные промежутки между созданием и прочтением текста. При наличии комментариев или репостов можно говорить о диалогичности или квази-диалогичности блог-общения.

Содержание и формат каждого поста могут существенно различаться даже внутри одного блога. Законченное повествование состоит из многих отдельных постов, состоящих из текстов и графических (в том числе видео) или аудиальных вставок, объединенных общей идеей или целью. Единых стандартов для того, какие тексты должны быть в блогах, не существует, поэтому блогер сам выбирает стиль, жанр, тематику, оформление своих идиолектичных текстов. Блог может содержать посты о повседневной жизни, политике, личной жизни, о мотивации и т.д., посты могут быть смешаны по тематикам, по стилям и жанрам. Это характеризует их как дискурсивное явление, обладающее всеми признаками спонтанной разговорной речи, всеми признаками письменной речи, а также влиянием внешних факторов на виртуальную языковую личность блогера. Однако посты определенных жанров имеют ряд признаков. Например, в новостном блоге автор использует больше ссылок или интегрирует в свою страницу другие источники, чем автор личного блога-дневника (вывод сделан нами на основе анализа массива блогов, а не единичных случаев).

Пост предполагает высокую степень реферативности, которая проявляется через обилие ссылок на внешние интернет-ресурсы и на текст или другие посты внутри одной интернет-страницы или одного блога. Таким образом текст блога — это гипертекст. Это значит, что текст одного поста может оказаться частью другого поста одного интернет-ресурса или разных интернет-ресурсов. Функции гиперссылок разнообразны: они могут расширять информацию, заключенную в тексте поста, путем перехода на страницу с пояснениями или подробным описанием предмета или явления, события или субъекта; они могут быть опубликованы как доказательство или опровержение, например, когда один текст используется для опровержения информации в другом и в текст-опровержение вставлены гиперссылки на источники.

Единицы речевого стиля чужеродны в тексте научного стиля. Гиперссылки могут реализовывать функцию социальных связей, в случае если ссылка делается на другой блог, конкретного автора или пользователя социальной сети. По гиперссылкам можно понять, к какому сообществу принадлежит блогер: читатель видит, на кого или на что ссылается автор, и может сделать вывод о принадлежности последнего к определенной социальной группе (ссылки на блоги других авторов), или, например, его политические взгляды (ссылки на интернет-СМИ).

Определить жанр интернет-коммуникации в блоге часто бывает достаточно сложно. Это обстоятельство продиктовано в первую очередь тем, что блогеры обычно не являются профессиональными писателями или журналистами и даже внутри одного блога не придерживаются одного жанра. Блог — это оболочка для постов автора или коллектива авторов, а каждый пост, в свою очередь, относится к какому-либо жанру. Блог — это всегда макрожанр интернет-коммуникации, а отдельные публикации в блоге, посты, формируют микрожанры блога. И только блог, выполненный в жанре дневника, существует в форме макрожанра, не имея в себе постов-микрожанров.

Руководствуясь принципами определения публицистических жанров А.А. Тертычного [Тертычный 2002], в блогосфере можно выделить следующие макро- и микрожанры, или жанры блогов и постов:

Макрожанры блогов	Микрожанры постов
информационный блог	пост-заметка, пост-репортаж, пост — информационная корреспонденция, пост — информационный отчет, пост-некролог
аналитический блог	пост — аналитический отчет, пост — аналитическая корреспонденция, пост-комментарий, пост-мониторинг, пост-рейтинг, пост-статья, пост — обзор СМИ, пост-прогноз, пост-версия, пост-эссе, пост-рекомендация
художественно-публицистический блог	пост-очерк, пост-фельетон, пост-памфлет, пост-пародия, пост — сатирический комментарий, пост — житейская история, пост-эпитафия, пост-анекдот, пост-шутка
блог популярных жанров	пост-опрос, пост-анкета, пост-рецензия, пост-эксперимент, пост-исповедь и др.
блог-дневник	дневниковые записи

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЛОГ

Информационные блоги используются в основном корреспондентами или активистами. Такие блоги могут быть как индивидуальными, так и коллективными. Содержание жанра информационный блог составляют микрожанры:

- ◆ пост-заметка — сжатое сообщение о значимом событии в какой-либо сфере (чаще всего такие посты размещаются в микроблогах на платформе Twitter);

- ◆ пост-репортаж — наиболее информационно-насыщенное сообщение, в котором автор, являясь участником события, погружает читателя во все его детали, однако через призму своего сознания;

- ◆ пост — информационная корреспонденция — более развернутое, чем заметка, освещение какого-либо единичного события, явления или действия;

- ◆ пост — информационный отчет — это публикация о событии, совершенном в форме обмена информацией, а именно о конференции, заседании, симпозиуме, собрании и пр. В основе такого материала лежит перечисление и краткое изложение сути обсуждаемых вопросов, имена и фамилии выступавших, а их слова передаются цитатой без искажения смысла;

- ◆ пост-некролог сообщает о смерти людей, содержит краткую биографию умершего, где и когда прошли похороны и завершается прощальными словами с выражением скорби по умершему.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЛОГ

Макрожанр аналитический блог подразделяется на следующие виды постов-микрожанров:

◆ пост — аналитический отчет — отличается от поста — информационного отчета планом отображения события: цель аналитического отчета заключается в определении взаимосвязи тех или иных суждений, оценок, выводов, предложений, содержащихся в речах выступавших, с реальными проблемами, ситуациями, процессами, существующими в данный момент жизни;

◆ пост — аналитическая корреспонденция — публикация, которая также содержит в себе сообщение об одном событии, явлении, пережитом или изложенном автором поста. Однако целью такого поста выступает истолкование события или явления с выяснением его причин, значимости, ценности, прогнозированием его дальнейшего развития;

◆ пост — аналитическое интервью — публикация, созданная методом интервью, содержит вопросы, побуждающие собеседника блогера излагать его знания, представления и мнения о предмете обсуждения, что выявит причинно-следственные связи и оценки обсуждаемого события;

◆ пост-комментарий представляет собой краткое или объемное рассуждение по поводу одного основного вопроса, с помощью которого автор выражает свое отношение, делает собственные выводы;

◆ пост-мониторинг — информационное сопровождение какого-либо явления, систематическое отражение одних и тех же параметров в определенной сфере с использованием различных статистических методов;

◆ пост-рейтинг — сравнительный анализ явлений по определенному признаку, в ходе которого исследуются разные стороны этих явлений, прогнозируется их развитие и т.д.;

◆ пост-статья представляет собой развернутое исследование, предпринятое журналистом по какому-либо важному событию или явлению, где сочетается умелое изложение материала и высокий уровень обобщения. Это жанр, предназначенный для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей [Бекасов 1972: 18—38];

◆ пост — обзор СМИ — описание публикаций в СМИ, посвященных в целом какой-то определенной тематике, или отдельным сферам жизни;

◆ пост-прогноз рассматривает будущее состояние уже существующих явлений;

◆ пост-версия — публикация, базирующаяся на неполных доказательствах или предположениях автора. Она исключает категоричность выводов и заключений;

◆ пост-эссе — публикация размышлений автора на определенную тему;

◆ пост-рекомендация — развернутые предписания по решению тех или иных задач, содержащие аргументацию, причинно-следственные связи, оценочные и прогностические суждения.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОГ

В макрожанр художественно-публицистического блога входят:

◆ **пост-очерк** — относится к жанру на стыке журналистики и литературы, в нем соединяются документально-фактологическое и художественное начало. Автор обращается напрямую к читателю, выказывая свое отношение к излагаемому материалу, организуя его на свое усмотрение журналистскими и литературными методами;

◆ **пост-фельетон** — юмористическое отражение какого-либо факта или явления в художественном стиле изложения с целью его осмеяния;

◆ **пост-памфлет** — сатирическое произведение, нацеленное на осмеяние определенных человеческих пороков и уничтожение того героя, который представляется автору носителем опасного общественного зла;

◆ **пост-пародия** — публикация, предназначенная для осмеяния какого-либо общественно-значимого, политического или культурного явления. Основные методы создания пародии — гипербола, гротеск, литота, ирония. Пародирование требует большой точности в повторении нюансов пародируемого явления;

◆ **пост** — сатирический комментарий — критика определенных недостатков того или иного явления с ярко выраженной целевой установкой автора высмеять феномен, привлекший его внимание. Для этого автор использует сатирическую типизацию, иронию, литоту, гиперболизацию;

◆ **пост** — житейская история — публикация, близкая по типу текста к рассказу в художественной литературе, но, в отличие от рассказа, носит более документальный характер. Это описание жизни людей, их поступки, различные ситуации, коллизии, то есть все то, что может быть обозначено как «бытие человека»;

◆ **пост-эпитафия** — публикация, посвященная личности умершего человека. В отличие от некролога, в котором превалирует информационное начало, эпитафия выступает как напоминание о достоинствах умершего человека, представленных в их социальном аспекте;

◆ **пост-анекдот** — короткий шуточный рассказ, опубликованный в блоге, часто не являющийся произведением автора блога, а лишь изложенный им;

◆ **пост-шутка** — сообщение, вводящее кого-то в заблуждение с целью создания смешной ситуации.

БЛОГ-ДНЕВНИК

В блоге-дневнике автор как языковая личность реализует свои коммуникативные потребности и создает свой виртуальный образ. Этот жанр интересен с точки зрения исследования языковой личности в пространстве блог-дискурса. В классическом понимании дневник — это литературное произведение в форме регулярных записей, современных описываемым событиям. Как литературная форма, дневник открывает специфические возможности для изображения внутреннего мира персонажа или автора [Русова 2004: 70]. В отличие от классической

дневниковой записи, блог-дневник имеет одну специфическую особенность — интенциональную направленность текстов автора блога на неограниченное число читателей любой или конкретной социальной группы. В своем тексте автор так или иначе выражает свою социально-групповую принадлежность — через лексику, через избранную тематику, через использования групповых интернет-ресурсов и блог-платформ. Таким образом, посылая свои тексты адресантам, блогер рассчитывает на внутригрупповую солидарность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует отметить, что в одном блоге могут пересекаться несколько микрожанров, что лишний раз убеждает в том, что любая классификация огрубляет истинное соотношение объектов исследования. Например, представляется возможным выделить относительный жанр «новостной блог», в котором будут объединены несколько микрожанров, таких как пост-заметка, пост-репортаж, пост-статья и др.

© Шляховой Д.А.

Дата поступления: 3.02.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баженова Е.А., Иванова И.А.* Блог как интернет-жанр // *Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2012. Вып. 4(20). С. 125—131.
2. *Баркович А.А.* Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация: учеб. пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука. 2015.
3. *Бекасов Д.Г.* Корреспонденция, статья — жанры публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1972.
4. *Бойко Б.Л.* Основы теории социально-групповых диалектов: Монография. Москва: Военный университет. 2008.
5. *Горошко А.И., Жигалина Е.А.* Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Филология. Социальные коммуникации.* 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 105—124. Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aid=223>. Дата обращения: 03.11.2016.
6. *Колокольцева Т.Н.* Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи.* 2016. № 2 (14). С. 96—104.
7. *Русова Н.Ю.* От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. Москва: ФЛИНТА: Наука., 2004.
8. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати: Учебное пособие. Москва: Аспект Пресс. 2002.
9. *Щитицина Л.Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: Монография. Архангельск: Поморский университет. 2009.
10. *Boyd D.* A Blogger's Blog: Exploring the Definition of a Medium // *Reconstruction.* № 6(4). 2006. Режим доступа: <http://reconstruction.eserver.org/Issues/064/boyd.shtml>. Дата обращения: 02.11.2016.

УДК: 81:070:004.72

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948

GENRE FEATURES OF BLOGS AS ELECTRONIC MEANS OF MASS COMMUNICATION

Dmitriy A. Shlyakhovoy

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14, *Bolshaya Sadovaya street, Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the communicative field of blogs in their stylistic, genre and discourse aspects. The urgency of the work is due to the fact that the theory of internet-communicational doesn't emphasize blog as a separate genre with its own characteristics. The target of research is blog-discourse as a computer-mediated communicative medium, and the scope of research is blog as a macro-genre. The linguist do not separate the blog from other communicative internet-genres, though a new sphere in the internet-communication had been already developed — the studies of virtual genres. The Definition of the blog-genre is complicated by the manysidedness of the internet-blog and by the variety of its study methods. Blog is always a macro-genre of the internet-communication, and a separate publication in blog, named post or posting, forms micro-genres of a blog. And only a diary-blog exists as a macro-genre and has no posts micro-genres. As well as one blog can contain several micro-genres, what is yet more proof that any classification is roughening the true correlation of targets of research. Blogs can also be a medium for building a social network as one of the internet-communication systems and one of the essential parts of the modern internet-discourse.

Key words: blog, blogosphere, genre, internet-communication, blog-discourse

REFERENCES

1. Barkovich, A.A. (2015). *Internet discourse: computer-mediated communication: study letter*. Moscow: FLINTA: Nauka. (in Russ.).
2. Bazhenova, E.A. & Ivanova, I.A. (2012). Blog as an internet genre. *Perm State University Herald: Russian and Foreign Philology*, 4(20). (in Russ.).
3. Bekasov, D.G. (1972). *Correspondence, article as genres of publication*. Moscow: MGU. (in Russ.).
4. Boiko, B.L. (2008). *The basic principles of social-group dialects*. Moscow: Voennyj universitet. (in Russ.).
5. Goroshko, O.Ig. & Zhigalina, O.O. (2011). Digital Genre: Challengeable and Unchallengeable. *Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philology. Social Communications*. Vol. 24(63), No. 1. P. 1. 105—124. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aid=223> (in Russ.). (accessed: 03.11.2016).
6. Kolokoltseva, T.N. (2016). Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *International Journal "Speech Genres"*, 16(2), 96—104. (in Russ.). DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104.
7. Rusova, N.Yu. (2004). *From allegory to iamb: terminological dictionary-thesaurus of literature studies*. Moscow: FLINTA: Nauka. (in Russ.).
8. Shchipitsina, LYu. (2009). *Genres of computer-mediated communication: monograph*. Arhangelsk: Northern Federal University. (in Russ.).
9. Tertychnyj, A.A. (2002). *Genres of periodical press: study letter*. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.).
10. Boyd, D. (2006). A Blogger's Blog: Exploring the Definition of a Medium. *Reconstruction*, 6 (4). URL: <http://reconstruction.eserver.org/Issues/064/boyd.shtml> (accessed: 02.11.2016).

Для цитирования:

Шляховой Д.А. Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика,* 2017. Т. 8. № 4. С. 939—948. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948.

For citation:

Shlyakhovoy, D.A. (2017). Genre features of blogs as electronic means of mass communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 939—948. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948.

Dmitriy A. Shlyakhovoy, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 939—948. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948.

Сведения об авторе:

Шляховой Дмитрий Александрович, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, преподаватель кафедры германских языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; *научные интересы:* интернет-коммуникация, блог-дискурс; *e-mail:* magistri@mail.ru

Bio Note:

Shlyakhovoy Dmitriy Alexandrovich, candidate for a degree of PhD, faculty member, department of Germanistics, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; *interests:* internet-communication, blog-discourse; *e-mail:* magistri@mail.ru



УДК: 81'276.3-053.2:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-949-956

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА-БИЛИНГВА

В.В. Кытина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье описывается влияние экстралингвистических факторов на формирование языковой личности ребенка-билингва. Проблема многоязычия определяется экстралингвистическими факторами, свидетельствующими о том, что современное общество и процессы, происходящие в нем, вынуждают людей менять свою жизнь. Актуальность исследования определяется тем, что полилингвов в мире больше, чем монолингвов. Детский билингвизм характерен для половины населения на нашей планете. Феномен многоязычия — это не данность, это необходимость постоянного развития, принимаемая сначала родителями и воспитателями, далее педагогами, затем, и самим индивидом. Мы не выбираем — быть ли ребенку билингвом, он вынужден им стать в связи с различием языков семьи, окружения, в связи с определенной жизненной ситуацией. Ребенок-билингв является членом нескольких социумов, точнее этносоциумов (поскольку общество, окружающее ребенка — носитель одной национальной картины мира, семья — носитель другой национальной картины мира). Именно тандем родителей и педагогов является точкой опоры для ребенка-полилингва. В рамках этого процесса формируется представление об окружающем его мире и об особенностях каждого из этносов и о его принадлежности к нескольким из них. Мы можем допустить, что речь идет о формировании такого понятия как «человек мира».

Ключевые слова: двуязычие, детский билингвизм, экстралингвистические факторы, языковая личность, этносоциум

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические исследования свидетельствуют о сложности и многоплановости такого явления, как двуязычие. Исходя из этого мы можем говорить о строгом учете как интралингвистических, так и экстралингвистических факторов в процессе формирования билингвальной личности. В подтверждение этому уместно было бы привести цитату У. Вайнрайха: «...чисто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений... Выводы лингвиста, если он изучает языковые взаимодействия, не учитывая при этом социокультурного окружения данного языкового контакта, остаются как бы повисшими в воздухе» [Вайнрайх 1979: 26—27].

Вторичное языковое мышление формируется, по мнению ученых, в естественной, а не в учебной среде. В данном случае мы сталкиваемся с двумя видами речевого онтогенеза: *acquisition* и *learning*. Следует отметить, что, сопоставляя эти два феномена, было бы неправомерно игнорировать их взаимодействие, так как

при исследовании ситуации учебного двуязычия мы имеем дело с использованием различных методик, учебников и прочее. У ребенка, осваивающего свой родной язык, выстраивается собственная языковая система, не повторяющая механически языковую систему взрослых. Эта концепция заложена в работах ведущих отечественных ученых, которые занимаются данной проблемой (Л.С. Выготский, А.Н. Гвоздев, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.И. Лепская Л.В., А.М. Шахнарович, Л.В. Щерба и др.). Представители западной науки, такие, как Ж. Пиаже, М. Bowerman, R. Berman, E. Clark, W.U. Dressler, D.I. Slobin, M. Tomasello и многие другие, придерживаются такой же точки зрения в дискуссии по вопросу формирования вторичного языкового мышления. В современных работах ученых-лингвистов этот подход определяется как функционально-конструктивистский.

Приверженцы генеративистики во главе с Н. Хомским считают, что освоение ребенком родного языка происходит не «с чистого листа», а по законам генеративистики, когда ребенок уже при рождении имеет некое вмонтированное в его мозг устройство, которое в дальнейшем приспосабливается к языку людей, окружающих его. Генеративисты считают, что в процессе приспособления устанавливаются определенные параметры, ориентиры языкового развития, извлекаемые ребенком из окружающей его речевой среды. Ученые, представляющие функционально-конструктивистское направление, считают, что речевая среда играет роль источника и фактора, определяющего ход развития ребенка. Для представителей генеративистов речевая среда — это лишь второстепенное условие для формирования вторичной языковой личности [Дешериев 1972: 98].

Статистика свидетельствует о том, что в современных социально-экономических условиях такое явление, как полилингвальность, только укрепляет свои позиции. Двумя или более языками владеют почти 70% жителей планеты, из них представители четверти всех существующих государств говорят на двух языках. Мониторинг лингвального пространства европейского континента свидетельствует о том, что 56% жителей двуязычны, а 28% владеют двумя языками. Каждые 5 лет возрастает количество людей, свободно говорящих на двух языках [Губогло 2003: 100—102].

Актуальность изучения проблемы многоязычия определяется экстралингвистическими факторами, свидетельствующими о том, что современное общество и процессы, происходящие в нем, вынуждают людей менять свою жизнь, а вместе с ней и язык. Исследования показали, что полилингвов в мире больше, чем монолингвов; детский билингвизм характерен для половины населения на нашей планете.

1. ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Рассматривая проблему языковой идентичности, ученые О.Б. Алтынбекова, З. Бауман, М.Н. Губогло, А.Б. Лихачёва, А.О. Орусбаев, Т.П. Млечко, М. Рустин, Э.Д. Сулейменова и др. считают, что, как и любая другая идентичность, это свойство не является приписываемым или врожденным. Этот феномен есть интерио-

ризируемое свойство человека, выражаемое в языковом и социально-культурном поведении, меняющемся согласно социально-политическим, экономическим и идеологическим контекстам [Дешериев 1972: 115].

Согласно Ю.Н. Караулову и Н.Л. Чулкиной, языковая личность — это:

1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире;

2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов [Чулкина, Караулов, 2008: 7].

Культурные и социальные нормы усваиваются индивидом посредством языка. Сигнал «я — свой, я — такой же, как вы» помогает человеку адаптироваться в социуме, параллельно осуществляя экспрессивно-оценочную деятельность. В то же время в рамках языковой деятельности человек устанавливает и поддерживает отношения в пределах этнических, тендерных, социально-ролевых и иных групп. По мнению М.Н. Губогло, язык является важнейшим инструментом самоопределения человека в обществе. Под языковой идентичностью мы понимаем общность языковых характеристик индивида и группы (знание языка/языков, или языковая компетенция, употребление языков, или речевое поведение, отношение к языкам, или языковая установка) [Губогло 2003: 23].

2. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДА-БИЛИНГВА В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Адаптация ребенка-билингва в социуме — сложный и противоречивый процесс, потому что ребенок является с рождения представителем нескольких этносоциумов: общество, окружающее ребенка — это одна национальная картина мира, а семья — представитель другой национальной картины.

Необходимо понимать, что социум — это совокупность культур, традиций, правил и норм жизни, а также условий жизнедеятельности. В процессе адаптации индивида в социуме следует учитывать не только то, как ребенок поймет социум, но и восприятие обществом малыша. Состояние, когда ребенок со своим собственным художественным и мечтательным взглядом на мир попадает в социум и не чувствует себя там комфортно, в психологии описывается понятие «белая ворона». Отвергая нормы и правила общества, человек зачастую чувствует себя невостребованным и ненужным, что негативно сказывается на его психоэмоциональном состоянии.

Возвращаясь к проблеме определения индивида-билингва в полилингвальном пространстве, следует заметить, что каждый из этносоциумов по-своему относится к билингвизму и билингам. В некоторых семьях приветствуется знание нескольких языков на уровне родных. Им противопоставлены семьи, где переход с языка на язык рассматривается как феномен некоей избранности, что порождает интерференцию, рассматриваемую в данном контексте как незнание ни одного из язы-

ков. Нельзя не упомянуть и о таком негативном явлении, как ситуация, в которой переход с языка межэтнического общения на национальный язык считается признаком дурного тона. Проблема негативного отношения окружающих к говорящим на национальном языке в инокультурном окружении зачастую объясняется не негативным отношением к нации в целом, а элементарным непониманием и чувством исключенности из коммуникации.

Необходимо отметить, что каждый из этносоциумов по-своему относится к билингвизму и билингам: от явной поддержки многоязычия (владение несколькими языками на уровне родных приветствуется и поощряется социальными привилегиями) до явного неприятия (переход с языка на язык рассматривается как акт подчеркивания своей «избранности»), интерференция — как незнание ни одного из языков; переход с языка межэтнического общения на национальный язык — как признак дурного тона и т.п.). Сложность здесь заключается в том, что нередко негативное отношение окружающих к говорящему на национальном языке в инокультурном окружении вызвана не негативным отношением к нации в целом или данной личности, а просто непониманием и чувством «исключенности» из коммуникации.

Перед участниками процесса формирования билингвальной личности стоит задача работать в едином тандеме взаимодополняя компетенции друг друга. Под участниками процесса мы понимаем с одной стороны родителей, выступающих в качестве носителей национальной картины мира, с другой стороны — это русскоязычные учителя, принимающие непосредственное участие в формировании вторичной языковой личности [Дешериев 1972: 52—60].

Известно, что в современной психолингвистике обычно выделяют три типа билингвизма: координативный, субординативный, смешанный, хотя языковая личность в принципе всегда балансирует в зависимости от речевой среды между этими тремя типами. Идеальным же считается координативный, когда ребенок свободно переключается с одной семантической базы на другую, то есть говорит на двух языках свободно.

Целесообразно дать определение направлениям в работе по детерминации феномена ребенка-полилингва. Несомненно, на первом месте стоит проблема формирования практических компетенций для адекватного восприятия норм и правил каждого из этносоциумов. Это касается не только лингвистических аспектов, но и поведения индивида при смене социумов. Ребенок должен быть способен самостоятельно дорабатывать и применять коммуникативные и практические компетенции, полученные в одном социуме при необходимости перехода в другой этномир.

3. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ

Не менее важной является проблема объяснения и демонстрации норм общения в зависимости от экстралингвистических факторов окружения и соответствующий выбор использования национального и русского языков. Ребенок получает

эти знания в процессе игры (активно и пассивно) и наблюдая за поведением других детей и взрослых — представителей определенных этносоциумов (пассивно).

Здесь уместно напомнить, что, по мнению некоторых исследователей, реальный билингвизм возникает не в ситуации урока, а в реальной языковой среде. В процентном отношении формула взаимодействия языков выглядит следующим образом: 50%—50% или 40%—60%. Таким образом, минимальный порог активного узуса — не менее 40%.

Мы делаем предположение, что «языковые ситуации» зависят от экстралингвистических факторов, включающих в себя причудливое стечение и переплетение индивидуальных особенностей, зависящих от различного языкового состава, и воспитательных установок в семье и зачастую не поддающихся какой-либо классификации. Поэтому мы можем сказать, что к началу периода социализации такие дети говорят только по-русски или, соответственно, на языке страны пребывания.

Приведем пример формирования речевой активности ребенка-билингва, который имел возможность общаться в семье на русском языке. Его речь определяется ситуациями бытового общения и зависит от прямого контакта с взрослыми. Именно прагматическая деятельность определяет основу такой речи. Языковая база представлена довольно обширным словарным запасом (по данным исследований, от 1500 до 3000 слов). Таким образом, к школьному возрасту ребенок имеет возможность непринужденного общения с родителями. Эмоционально-экспрессивный компонент определяет общение взрослых с ребенком и включает в себя спектр эмоциональных регистров: огорчение, радость, удивление и так далее. Первичная лексика насыщена уменьшительно-ласкательными формами общения: «моя золотая девочка, головушка болит, солнышко мое, кто это у нас такой красивый», уже более в зрелом возрасте обогащает свой лексикон и негативными словоформами и синтаксическими конструкциями: «в угол поставлю, включи мозги, совесть есть» сформированной языковой базой, что обеспечивает возможность непринужденного, естественного общения с родителями.

Необходимо упомянуть, что в семьях, где два языка используются с одинаковой частотностью (один родитель — один язык) ребенок-билингв чрезвычайно интенсивно усваивает два языка, в равной мере овладевая лексикой, грамматикой, фонетикой на уровне парадигматических связей во всем их многообразии. Этот метод был открыт и использован лингвистами Ж. Ронжа (1913) и С. Леопольд (1939—1949). В данном исследовании у родителей были разные родные языки, каждый общался с ребенком на своем языке, и один из языков был языком окружения. Это считалось самым эффективным методом для формирования функционального билингвизма. Здесь, очевидно, работает система неких универсальных категорий выражения смыслов и способов их кодировки.

Следует добавить, что интуитивный процесс речетворчества основывается на готовых конструкциях, которые ребенок выделяет в потоке речи взрослых и берет их за основу для построения собственных речевых высказываний для решения конкретных коммуникативных задач. Именно поэтому дети-билингвы отличаются способностью к словотворчеству, их интересует этимология и толкование

слов в соответствии с их уровнем развития. Это объясняется тем, что ребенок обладает двойным потенциалом двух языковых систем и в одинаковой мере владеет морфологическими и синтаксическими моделями для конструирования высказывания.

4. ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БИЛИНГВОВ

Онтолингвистические данные свидетельствуют о том, что словоизменительные модели русского языка продуктивно усваиваются в возрасте от 2-х до 4-х лет. Что касается словообразовательной системы, то наиболее интенсивное освоение происходит в возрасте от 4-х до 5,5 лет. В целом же только лишь к 6-ти, 7-ми годам языковое сознание индивида начинает оформляться как система лингвистических уровней.

Не следует упускать из виду того, что начиная с трех лет экспаты приобщаются к процессу социализации и обучению на другом языке в дошкольных образовательных учреждениях, а затем в школах. Этот факт задерживает процесс поступления нужного материала национальных языков для лингвистического развития детей в рамках семейных этносов. С началом учебной деятельности происходит стремительное взросление речи ребенка, связанное с учебно-предметной системой. Усложняются синтаксические модели, определяются развернутые монологические высказывания согласно тому, как написано в учебнике. Возникает потребность соответствующих механизмов планирования, контроля и коррекции речи ребенка-экспата. Ребенок учится жить в социуме, соответственно, появляются различные лингвистические парадигмы, помогающие решать вопросы взаимоотношений с друзьями, врагами, со взрослыми-чужими, со взрослыми-родными [Дешериев 1972: 78—82].

Важно заметить, что задача взрослых членов двух этнических групп — помочь ребенку-билингву скорректировать его самовосприятие. Это касается и его вербализации (я не такой как все, «почему?») и поддержки его самоанализа в рамках сопоставительного процесса с ровесниками членами каждого из этих этносов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно утверждать, что определяющим фактором в работе родителей и педагогов с детьми-билингвами является использования языка как инструмента общения между культурами. Познать мир в его многообразии позволяет набор практических и языковых компетенций в рамках соответствующих этносоциумов. Нельзя не принять во внимание тот факт, что учеными выдвинута концепция о формировании структуры мозга именно к трем годам. Пятьдесят процентов своего потенциала мозг получает в возрастной период 1—7 месяцев, а к трем годам формируется 80% от взрослого состояния. Из этого следует, что прочный фундамент двуязычия закладывается в первые три года жизни.

Следует напомнить в этой связи, что феномен многоязычия — это не данность, а необходимость постоянного развития, принимаемая сначала родителями и воспитателями, далее педагогами, а затем и самим индивидом. Нетрудно уяснить

себе, что не мы выбираем — быть ли ребенку билингвом, он вынужден им стать в связи с различием языков семьи, окружения, в связи с определенной жизненной ситуацией.

Можно сделать вывод, что именно тандем родителей и педагогов является точкой опоры для ребенка полилингва. В рамках этого процесса формируется представление об окружающем его мире и об особенностях каждого из этносов и о его принадлежности к нескольким из них. Мы можем допустить, что речь идет о формировании такого понятия как «человек мира».

© Кытина В.В.

Дата поступления: 1.09.2017

Дата приема к печати: 30.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.
2. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
3. *Дешериев Ю.Д.* Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия / под ред. П.А. Азимова. М.: Наука, 1972.
4. *Кудрявцева Е.Л., Волкова Т.В.* Комплексный подход к обучению языку (как неродному и другому родному) детей-билингвов (в возрасте 1 года — 6 лет) в образовательных организациях с этнокультурным компонентом стран Евросоюза. 2014. Режим доступа: <https://goditeljam.lv/wp-content/uploads/2014/06/Bilium2elektr-1.pdf> (Дата обращения 30.8.2017).
5. *Цейтлин С.Н., Чиршева Г.Н., Кузьмина Т.В.* Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия. М.: Златоуст, 2015.
6. *Чулкина Н.Л., Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. М.: Российский университет дружбы народов, 2008.
7. *Шаклеин В.М., Рыжова Н.В.* Современные методики преподавания русского языка нерусским. М.: Российский университет дружбы народов, 2008.
8. *Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // Языковая система речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

УДК: 81'276.3-053.2:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-949-956

ROLE OF EXTRALINGUISTIC FACTORS IN THE FORMATION OF LANGUAGE PERSONALITY OF BILINGUAL CHILD

V.V. Kytina

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str, Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article describes the influence of extralinguistic factors on the formation of linguistic identity of bilingual child. The problem of multilingualism is determined by extralinguistic factors, indicating that modern society and the processes occurring in it are forcing people to change their lives, and with it language. The relevance of the study determined that polylingual in the world than monolingual. And the children's bilingualism is characteristic for half of the population on our planet. The phenomenon of multi-

lingualism is not a given, and the need for continued development taken first by parents and caregivers, the teachers, and then by the children. We do not choose if the child will be bilingual, and he forced to become bilingual due to differences in family language, environment, and relation to a specific life situation. A bilingual child is a member of several societies, more ethnosociology (because the society that surrounds the baby carrier one national picture of the world, and the family is the bearer of another national picture of the world). It is the tandem of parents and teachers is a point of support for the polylingual child. In this process, form a view about the world around himself and about the features of every ethnic group and about his belonging them. We can assume that we are talking about the formation of such concepts as “man of peace”.

Key words: Bilingualism, child bilingualism, extra-linguistic factors, linguistic personality, ethnosocial

REFERENCES

1. Weinreich, W. (1979). Language contacts. Kiev. (In Russ.)
2. Guboglo, M.N. (2003). Identification of identity: ethno-sociological essays. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Desheriyev, Y.D. (1972). Key aspects of the study of bilingualism and multilingualism. In *Problems of bilingualism and multilingualism* (Ed. P.A. Azimov). Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Kudryavtseva, E.L. & Volkova, T.V. (2014). Integrated approach to language teaching (as a non-native and another native) to bilingual children (ages 1 year — 6 years) in educational institutions with ethno-cultural component of the EU countries. URL.: <https://roditeljam.lv/wp-content/uploads/2014/06/Bilium2elektr-1.pdf> (accessed: 30.8.2017). (In Russ.)
5. Zeitlin, S.N., Kircheva, G.N. & Kuzmina, T.V. (2015). The development of the language the child in a situation of bilingualism. Moscow: Zlatoust. (In Russ.)
6. Chulkina, N.L. & Karaulov, Yu.N. (2008). Guard. Russian linguistic personality: an Integrative perspective in terms of intercultural communication. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
7. Shaklein, V.M. & Ryzhova, N.V. (2008). Modern methods of teaching Russian to non-Russians. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
8. Shcherba, L.V. (1974) On the concept of mixing languages. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

Для цитирования:

Кытина В.В. Роль экстралингвистических факторов при формировании языковой личности ребенка-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 949—956. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-949-956.

For citation:

Kytina, V.V. (2017). Role of extralinguistic factors in the formation of language personality of bilingual child. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 949—956. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-949-956.

Victoria V. Kytina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 949—956. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-949-956.

Сведения об авторе:

Кытина Виктория Викторовна, соискатель кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов; *научные интересы:* детское многоязычие, билингвизм, языковая личность, онтолингвистика; *e-mail:* kytinavictoria@mail.ru

Bio Note:

Kytina Victoria Victorovna is a candidate for a degree at Russian language and its teaching Department, Faculty of Philology, RUDN University; *Scientific Interests:* polilingualism, child's bilingualism, linguistic identity, the first language acquisition; *e-mail:* kytinavictoria@mail.ru



УДК: [811.111:811.19:811.161.1]³7
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-957-962

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОТКРЫТИЕ» И «СОКРЫТИЕ» В АНГЛИЙСКОМ, АРМЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В.Ф. Багдасарян

Ереванский государственный университет языков
и социальных наук имени В.Я. Брюсова
Туманяна, 42, Ереван, Армения, 375002

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в ходе современных научных исследований наблюдается смена научных парадигм в изучении языка в качестве полипарадигмальной системы. Таким образом, восприятие отдельного слова рассматривается в понимании стоящего за вербальным кодом понятия; воссоздается концепт, сконструированный ранее на основе восприятия предмета или явления действительности. При этом функционирует как перцептивный опыт человека, так и ранее сформировавшаяся совокупность знаний о данном знаке. Для воссоздания целостной картины данных процессов изучены глаголы со значением «открытие» и «сокрытие». При ходе исследования выявлены и проанализированы их лексические группы и семантические поля в трех сопоставляемых языках, а также выделены сходные и различительные черты семантических прототипов изучаемых лексико-семантических групп. Материал собран из современных словарей и национальных корпусов. Полученные результаты когнитивного лингвистического анализа методом сопоставления систем в трех родственных языках позволяют реконструировать целостную языковую картину при изучении понятий «открытие» и «сокрытие». Исследование объединило содержательные элементы, выявленные при обработке результатов свободного ассоциативного эксперимента, с когнитивным лингвистическим анализом исследуемых лексико-семантических групп. Глаголы исследуемой лексико-семантической группы непосредственно отражают особенности национальной лингво-когнитивной картины мира и проявляют ряд смысловых особенностей, которые дают возможность получить наиболее целостную картину о когнитивной картине сопоставляемых языков. Полученные данные позволяют реконструировать ментальные представления, стереотипные ассоциации, поразмыслить о широких культурных процессах в истории этих трех наций.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, сопоставительная лингвистика, глагол, лексическая группа, семантическое поле, открытие, сокрытие

Статья посвящена анализу и выявлению тождественных и дифференциальных признаков в изучении лексико-семантических групп «сокрытие» и «открытие» в трех дальнеродственных языках, какими являются английский, армянский и русский. Глаголы исследуемых лексико-семантических групп непосредственно отражают особенности национальной лингво-когнитивной картины мира и проявляют ряд смысловых особенностей, которые дают возможность получить наиболее целостное представление о когнитивной картине сопоставляемых языков.

С развитием новых лингвистических направлений предопределяется смена научных парадигм в изучении языка в качестве полипарадигмальной системы. В поле исследований когнитивной науки особое место занимает тезис о воплощен-

ности познания. Теория воплощенного познания подразумевает зависимость когниции от видов телесного опыта, опосредованного сенсомоторной системой человека. С этой точки зрения при восприятии определенного слова для понимания стоящего за вербальным кодом понятия воссоздается концепт, сконструированный ранее на основе восприятия предмета или явления действительности. При этом функционирует как перцептивный опыт человека, так и ранее сформировавшаяся совокупность знаний о данном знаке.

В течение длительного времени в когнитивной науке познание трактовалось в качестве продолжения чувственного восприятия. Только в XX веке в научной литературе проводится грань между познанием и восприятием. С этой точки зрения можно рассматривать способность репрезентаций, возникающих на основе сенсорно-перцептивной информации, обеспечить функционирование всей совокупности наших знаний, или концептуальной структуры. При этом следует учесть выделенные субъективные образы в конструкциях каждого из сопоставляемых языков, которые отличаются сверхиндивидуальностью и часто не соотносятся с выделенными общими признаками классификации. Абстрактные понятия «*сокрытие*» и «*открытие*» могут выступать в виде проекции субъективного образа рассматриваемых понятий, которые, в отличие от них, обладают конкретными признаками. Рассматриваемые единицы представляются в качестве знаков с двойственной структурой как модусов символического сознания.

При исследовании дифференциальных признаков рассматриваемых лексико-семантических полей прослеживается траектория их формирования в языковой картине как воссоздание первичных форм как на сознательном, так и на подсознательном уровнях. Специфические лексические значения могут существенно отличаться от общих выделенных значений в эксплицитном слое рассматриваемого слова, однако могут силлогистически быть выявлены при когнитивном анализе понятийного поля. Особенности архетипного мышления могут оказать некое влияние на формирование представлений, которое в ретроспективе наделяется новым планом содержания. При этом архетипное мышление рассматривается не в качестве «примитивной формы» проявления современного мышления человека, а как первостепенная стадия его становления и развития, которая носит в себе некий код, для расшифровки которого лексико-семантические группы нами исследуются в парадигме когнитивной науки.

Необходимость выявления глубинного слоя понятий «*сокрытие*» и «*открытие*» как результата «осадка» мышления и мировоззрения носителей рассматриваемых языков определяется его ролью в формировании скрытых и явных «*знаний*», в дальнейшем трансформированных в ряд смежных понятий, формируя все остальные слои их значений. В современном этапе глубинный слой обретает архетипную форму, запечатленную в латентном виде в мышлении человека. Кроме этого, он также имеет направленную мотивирующую функцию, что проявляется при обработке результатов свободного ассоциативного эксперимента, который предполагает ответ респондентов на предъявленный стимул любым словом.

Для выявления целостной картины ответы респондентов не ограничиваются определенными условиями, например, определенной частью речи или конструк-

цией. В сопоставляемых трех языках нами выделяются ассоциативные поля как совокупность ассоциатов, т.е. реакций респондентов на слова-стимулы «открытие» и «сокрытие» — репрезентанты исследуемых понятий. Акцентируется не столь семантическая близость ассоциатов, сколь типы ассоциаций. В результате ближние и дальние ассоциации различаются как между сопоставляемыми языками, так и внутри самого языка.

В результате анализа нами выделены когнитивоемкие слои (в каждом языке в отдельности), общие для рассматриваемых лексем. Первый **эксплицитный** слой вбирает основные латентно проявленные признаки понятий «открытие» и «сокрытие». Специфической чертой данного слоя является характерность его проявления для всех носителей определенного языка. Второй **индивидуальный** слой включает дополнительные пассивные признаки, которые являются скрытыми в лексических значениях в современном лингвистическом периоде и характерны лишь для определенной части носителей языка и не несут коллективной маркировки. В этом слое доминируют проявления личного опыта (на уровнях сознания и подсознания). Третий **глубинный** слой составляют скрытые в современном лингвистическом этапе образные (архетипные) признаки, которые не всегда осознанно, порой опосредованно проявлены среди носителей языка. Данный слой воссоздается при когнитивном анализе, а его признаки несут коллективный характер.

Все три слоя понятий «открытие» и «сокрытие» в трех сопоставляемых языках взаимосвязаны и взаимопереходны в определенных этапах мышления. Они наиболее значимы для данного исследования, так как являются основой формирования языковой картины в парадигме рассматриваемых понятий. Таким образом, рассматриваемые понятия приобретают форму не статического проявления языка или мышления как совокупности словесных выражений и выполняемых ими функций, а носят динамический характер в парадигме этапов аналитического и абстрактного мышления.

С целью выявления емкой культурологической и мировоззренческой значимости исследуемого контента, при построении лексико-семантических полей нами учитывались также особенности выявленных архисем, дифференциальных сем и семантических параметров.

Необходимо отметить еще одну особенность исследуемых понятий: лексемы со значением «открытие» и «сокрытие» вбирают особенности осмысленной или неосмысленной оппозиции/контрадиктности, присущие категории «свое—чужое» (свойственность — чуждость). Данный семантический маркер проявляется в одной из цепей архисема-дифференциальная сема-семантический параметр у большинства лексем. Характерно наличие данного явления как в центральной, так и в периферической зоне понятий.

Направленность мышления носителей определенного языка предопределяет формирование языковой картины мира. При когнитивном анализе понятий «открытие» и «сокрытие» выделяются их дифференциальные проявления в сопоставляемых языках. Однако некоторые особенности национального мировоззрения идентифицируются также в пространстве мышления носителей других языков, что свидетельствует о существовании у них общего языкового и мировоззренческого пласта. Тем самым выделенные абстрактные понятия материализуются

в лексических проявлениях в коллективном сознании. В результате становится возможным моделировать как общую единую языковую картину, так и ее специфические проявления.

Характерной чертой рассматриваемых понятий является проявленный дифференциальный маркер «носителя» и «источника» понятий «открыть» и «сокрыть» в трех сопоставляемых языках (рассматриваются также возвратные глаголы). Маркеры «носителя» и «источника» действий в трех языках проявлены в равном количестве в одушевленных и неодушевленных аспектах. Анализ рассматриваемых понятий выявляет два противопоставления: во-первых, противопоставление «направления действия» и, во-вторых, противопоставление «одушевленности—неодушевленности».

Еще один слой первостепенной важности в рассматриваемых лексико-семантических группах — это значения, ярко отражающие специфику ментальности с точки зрения когнитивного исследования в каждом из сопоставляемых языков. В данном случае отмечается непереводаемость данных значений этих слов; в качестве равнозначных вариантов можно предложить соответствующие эквиваленты методом описания.

При прямолинейном анализе отдельно взятых лексических единиц или лексико-семантических групп нельзя получить всеобъемлющую картину национальных характеристик и особенностей, проявленных в трех языках. Целостный портрет можно получить лишь при глубинном когнитивном анализе полученных данных с учетом как внутриязыкового, так и межязыкового анализа. С этой точки зрения проводимое исследование базируется на выявлении, сопоставлении и когнитивном анализе взаимоотношений и переходов в лексико-семантических группах во всех трех языках. При сопоставлении лексических единиц с одинаковым или смежным значением в трех языках важно учесть необходимость их рассмотрения в парадигме *отождествления*. При ходе когнитивного анализа данных мы предлагаем следующую классификацию отождествлений: «*противоречивое отождествление*», при котором выделяется единый семантический аспект для разных денотатов; «*собственно отождествление*» — разные имена одного объекта; «*контрфактическое или условное отождествление*», при котором отличные единицы отождествляются в силу тех или иных признаков, и, наконец, «*отсутствие тождества*».

Полученные результаты когнитивного лингвистического анализа методом сопоставления систем в трех родственных языках позволяют реконструировать целостную языковую картину при изучении понятий «открытие» и «сокрытие». Исследование объединило содержательные элементы, выявленные при обработке результатов свободного ассоциативного эксперимента, с когнитивным лингвистическим анализом исследуемых лексико-семантических групп. Свойство языка и мышления, одновременно скрывающее и раскрывающее, придает рассматриваемому материалу характер совокупности, системы словарных единиц и когнитивных понятий, представляя многоуровневую парадигму, позволяющую генерировать слои скрытых знаний. Мы исходили из того, что набор ассоциатов стимулов в основных чертах раскрывает структуру соответствующего глагола и таким образом дает представление о том, как понятия «открытие» и «сокры-

тие» отражаются в языковой картине мира. Для нашего исследования важным является сопоставление структуры и содержания рассматриваемых лексико-семантических групп в сопоставляемых языках. Полученные данные позволяют реконструировать ментальные представления, стереотипные ассоциации, поразмыслить о широких культурных процессах в истории этих трех наций.

© Багдасарян В.Ф.

Дата поступления: 26.06.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ, 2000.
2. *Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца XX века*. Москва: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239—320.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 1997.
4. *Покровский М.М.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 87.
5. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток—Запад, 2010.
6. *Barsalou L.W.* Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, 22, 1999, pp. 577—660.
7. *Forrester M.A.* *Psychology of Language. A Critical Introduction* // SAGE Publications. London. Thousand Oaks. New Delhi, 1996.
8. *Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New Words supplement.* Pearson Education Limited, 2001.
9. *Nuyts J.* Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language. Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1992. pp. 91—322.
10. *Pecher D.* Sensorimotor simulations underlie conceptual representations: Modality-specific effects of prior activation // *Psychonomic Bulletin & Review*. 11 (1), 2004. pp. 164—167. DOI: 10.3758/BF03206477.
11. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience.* Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
12. Աղայան Է.Բ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան: Երևան. Հայաստան, 1980.

УДК: [811.111:811.19:811.161.1]’37

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-957-962

COMPARATIVE COGNITIVE ANALYSIS OF LEXICAL GROUPS AND SEMANTIC FIELDS OF THE VERBS DENOTING THE NOTIONS “OPEN” AND “HIDE” IN ENGLISH, ARMENIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Vardanush F. Baghdasaryan

Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences
42, Tumanyan Street, Yerevan, Armenia, 375002

Abstract. The relevance of this study is due to the fact that in modern scientific research there is a change in scientific paradigms in the study of language as a poly-paradigmatic system. Thus, the perception of a particular word is considered through apprehending the concept behind the verbal code. Within this framework, both the perceptual experience and the previously formed body of knowledge on a sign

operate. Verbs denoting the notions “open” and “hide” are studied to reconstruct an integral picture of these processes. The author identified and analyzed the lexical groups and semantic fields in the three languages under the study, and identified the common and distinctive features of the semantic prototypes of the lexico-semantic groups. The data is collected from modern dictionaries and national corpora. The findings of the cognitive linguistic analysis using the contrastive systems in three related languages allow to reconstruct an integral linguistic picture in studying the notions “open” and “hide”. The study combined the content elements revealed during the processing of the findings of the free associative experiment with the cognitive linguistic analysis of the lexico-semantic groups under the study. The verbs in the lexico-semantic group under the study reflect the features of the national linguistic and cognitive worldview and identify a number of semantic features that make it possible to obtain their comprehensive picture. The research findings allow reconstructing mental representations and stereotyped associations, and reflecting on broad cultural processes in the history of these three nations.

Key words: cognitive linguistics, comparative linguistics, verbs, lexical groups, semantic fields, open, hide

REFERENCES

1. Aghayan, E.B. (1980). Explanatory Dictionary of Modern Armenian Language. Yerevan: Armenia. (in Armenian).
2. Boldiryov, N.N. (2000). Cognitive Semantics: Lectures on English Philology. Tambov: TGU. (in Russ.).
3. Demyankov, V.Z. (1995). Dominating Linguistic Theories at the end of XX century In Language and Science at the end of XX century. Moscow: Institute of Languages of RAS. pp. 239—320. (in Russ.).
4. Ojegov, S.I. (1997). Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Oniks. (in Russ.).
5. Pokrovskiy, M.M. (1996). Language. Culture. Cognition. Moscow: Russkiye slovari. (in Russ.).
6. Popova, Z.D. (2010). Cognitive Linguistics. Moscow: AST: Vostok—Zapad. (in Russ.).
7. Barsalou, L.W. (1999). Perceptual symbol systems. Behavioral and Brain Sciences, 22, 577—660.
8. Forrester, M.A. (1996). Psychology of Language. A Critical Introduction. SAGE Publications. London. Thousand Oaks. New Delhi.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. (2001). Third Edition with New Words supplement. Pearson Education Limited.
10. Nuyts, J. (1992). Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language. Philadelphia: John Benjamins publishing company, 91—322.
11. Pecher, D. (2004) Sensorimotor simulations underlie conceptual representations: Modality-specific effects of prior activation. Psychonomic Bulletin & Review. 11 (1), 164—167. DOI: 10.3758/BF03206477.
12. Varela, F.J., Thompson, E. & Rosch, E. (1991) The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: MIT Press.

Сведения об авторе:

Багдасарян Вардануш Фрунзеевна, соискатель кафедры языкознания и теории коммуникации Ереванского государственного университета языков и социальных наук имени В.Я. Брюсова; *научные интересы:* когнитивная лингвистика, сопоставительная лингвистика, лингвистическая типология; *e-mail:* vardibaghdasaryan@gmail.com

Bio Note:

Vardamush Baghdasaryan Frunzeevna, Researcher at the Chair of Linguistics and Theory of Communication, Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences; *Interests:* cognitive linguistics, comparative linguistics, linguistic typology; *e-mail:* vardibaghdasaryan@gmail.com



УДК: [811:111:811.512.162]’255.4
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-963-974

ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ФОРМОЙ АБСОЛЮТНОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

З.М. Ахмедова

Бакинский Государственный Университет
1148, Азербайджан, Баку, ул. З. Халилова, 23

Азербайджанский и английский языки, привлеченные нами к исследованию в данной статье, по морфологической структуре и с точки зрения генеалогии принадлежат к различным языковым семьям. Поэтому в выражении концепта принадлежности проявляются схожие и отличительные особенности между этими языками. Принадлежность выражается в каждом языке особыми средствами. Некоторые особенности, являющиеся общими для всех языков, рассматриваются как универсалии, например, личные местоимения (притяжательное конструкция) и окончания падежей.

В этой статье анализируется форма абсолютного родительного падежа, являющаяся одним из средств выражения концепта принадлежности в английском языке, и исследуются эквиваленты этой формы в азербайджанском языке. Научная новизна статьи состоит в том, что хотя форма абсолютного родительного падежа в английском языке привлекалась в определенной степени к исследованию, до сих пор не были рассмотрены эквиваленты этой формы в азербайджанском языке, они не стали объектами типологического исследования, не были выявлены схожие и отличительные особенности, присущие этим эквивалентам. С этой точки зрения данная статья имеет определенную значимость как один из первых шагов в области сравнительного исследования азербайджанского и английского языков.

Ключевые слова: концепт принадлежности, абсолютный родительный падеж, маркированный падеж, посессум, посессор

ВВЕДЕНИЕ

Проблема категориального содержания принадлежности рассматривалась до сих пор в типологическом, сравнительно-историческом, структурном и функциональном аспектах, тем не менее, она не утратила свою актуальность в принципах современной когнитивной научной парадигмы. В различных языках отношения принадлежности или конкретизируются, или представляются лексическим, синтаксическим и морфологическим способами, или же обобщаются определенными синтаксическими конструкциями. На этом основании языковеды для выражения отношений принадлежности предлагают такие различные, традиционные термины, как «принадлежность», «посессивность», «обладание» и нетрадиционное понятие — «ассоциативность». У понятия «принадлежность» нет конкретного определения, поэтому его наличие ставится порою под сомнение, а это приводит к ограничению значения понятия «посессивность» до «обладания».

МНЕНИЯ ЯЗЫКОВЕДОВ ПО ТРАКТОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В современной лингвистике представлены узкое и широкое толкование термина «принадлежность» [Цейтлин 2007: 202; Селиверстова 2004: 577; Теория функциональной грамматики 1996: 100]. Вообще толкование отношений принадлежности предполагает присутствие двух участников этих отношений — субъекта и объекта принадлежности. Часть лингвистов в качестве субъекта отношений принадлежности представляет только человека. Вторая группа лингвистов считает, что субъектом принадлежности должны быть все живые существа. Третья группа лингвистов утверждает, что субъектами принадлежности могут быть и неживые предметы [Селиверстова, 2004: 152; Herslund, 1984: 1—25]. Мнения ученых по трактовке объекта принадлежности также различаются. В более узком значении объекты принадлежности — это предметы реальной действительности. В этом случае субъектом принадлежности является человек, а отношения принадлежности направлены к личностным отношениям. Некоторые лингвисты в понятие «объект» включают не только предметы или существительные, определяющие личность, а также события, происходящие с субъектом, его качества, существительные с различными абстрактными оттенками [Цейтлин 2007: 203; Селиверстова 2004: 152]. Мы принимаем термин «принадлежность», воспринимаемый в широком смысле.

Именно поэтому концепт принадлежности изоморфен языку в более важном аспекте. В термин «принадлежность» входят такие лингвистические понятия, которые дают нам возможность увидеть языковую карту носителей определенного языка. Единицы и синтаксические конструкции, носящие содержание принадлежности, отражают особенности связей, существующих за пределами языка, а также отражающихся в мышлении. Концепт принадлежности играет немалую роль в выполнении коммуникативной функции в предложении. Он играет значительную роль в смысловой организации высказывания, а средства его выражения — в объединении элементов внутри текста. Можно отметить, что концепт принадлежности играет большую роль и в словообразовании. В выражении этого концепта морфология, а также синтаксис выступают как объекты, и он реализуется через непосредственное участие категории падежа. Концепт принадлежности тесно связан с анафорической и дейктической структурами языка.

К понятию «принадлежность», считающемуся в литературе по языкознанию «сложным событием», нет единого подхода. С одной стороны, его связывают с понятием «обладание», с другой стороны, оно, как более широкое понятие, охватывает определенное отношение между субстанциями принадлежности, а иногда также отношения между предметом и признаком.

Исследователи признают, что понятие «обладание» связано с понятием «человек» («субъект»). Поэтому, употребляя слово «принадлежность», следует иметь в виду специфические отношения, отличающие две субстанции (с условием знания того, что одна из этих субстанций живая). Иными словами, обладателем определенной субстанции может быть только живое существо — человек. С точки зрения логики в сравнении с отношениями между человеком и предметом отношения между вещами и предметами являются второстепенными, производными [Иванова 1975: 171—174].

Следует отметить, что необходимо в определенной степени отличать понятия «принадлежность» и «обладание». Понятие «принадлежность» отражает принадлежность определенного предмета определенному субъекту, т.е. является особенностью обладания субъекта. Определенный субъект может быть обладателем того или иного предмета. Понятие «принадлежность» и «обладание» являются близкими, но не однородными, т.е. два различных понятия, связанные друг с другом в зависимости от цели коммуникации.

Сущность концепта принадлежности можно более ясно увидеть при исследовании системы падежа. Ее можно увидеть в основном на примере родительного падежа.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ФОРМОЙ АБСОЛЮТНОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Азербайджанский и английский языки, привлекаемые нами к исследованию с точки зрения генеалогии и морфологической структуры, принадлежат к различным языковым семьям. Поэтому в выражении концепта принадлежности между ними проявляются схожие и отличающиеся черты. Естественно, что концепт принадлежности подчиняется особенностям, определенным закономерностям того или иного языка. В каждом языке принадлежность выражается особыми средствами. Некоторые общие особенности, свойственные всем языкам, можно рассматривать как универсалии: например, притяжательные местоимения (притяжательные конструкции) и падежные окончания. Концепция принадлежности выражается в языке несколькими способами. Одним из таких методов является абсолютная форма родительного падежа в английском языке. В этой статье на примерах азербайджанского и английского языков исследуются своеобразные особенности выражения концепта принадлежности формой абсолютного родительного падежа.

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАК ОСНОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕДИНСТВЕННОГО МАРКИРОВАННОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

«Саксонский генитив», отражающий посессивные отношения и отличающийся использованием апострофа (*boy's, boys'*), является единственным окончанием существительных, сохранившимся из древнеанглийского языка или с англосаксонского периода («*s-genitive*» известен также как «*саксонский генитив*») [Szmrecsanyi 2008: 291].

Основным значением единственного маркированного родительного падежа является принадлежность. Как в азербайджанском, так и в английском языке в синтетическом выражении понятия «принадлежность» исключительное значение имеют окончания родительного падежа. Среди сравниваемых языков только в азербайджанском языке в выражении понятия «принадлежность» участвуют аффиксы родительного падежа и принадлежности. В английском языке в выражении концепта принадлежности участвуют окончания родительного падежа.

Родительный падеж является способом выражения синтаксем принадлежности. Синтаксема принадлежности, отражающаяся в родительном падеже суще-

ствительного, широко описывается в английском языке. Это обстоятельство обусловлено тем, что значение принадлежности является основным смыслом родительного падежа. Лексическую базу данной синтаксемы в основном составляют одушевленные, а также неодушевленные существительные [Акбулатова 1984: 35].

Что такое посессивность и как она выражается в языке? Когда мы намерены привести определенный пример в родительном падеже, приходит на ум не «*Jane's character*» («характер Джейн»), а «*Jack's pen*» («Ручка Джека»). Несмотря на то, что в обоих случаях (примерах) родительный падеж выражен синтетическим методом, значение генитива в первом примере (случае) нефункциональное. «Посессивное» (принадлежащее — З.А.) значение генитива является единственно продуктивным [Merlier, Octave 1931: 207—228; Nikiforidou Kiki 1991: 159].

Мы полностью согласны с этой мыслью. Проведенный анализ дает нам возможность выдвинуть мнение о том, что все значения генитива не сосредоточены в мозгу говорящего равномерно по сравнению с другими, т.е. некоторые значения более функциональны.

В некоторых случаях существительное, к которому присоединяется окончание родительного падежа, пишется без последующего существительного, т.е. это существительное употребляется не в составе конструкции, а самостоятельно. Эта форма родительного падежа исследуется под названиями «абсолютный родительный падеж», «самостоятельный родительный падеж», «эллиптический генитив», «анафорический/катафорический родительный падеж».

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЕНИТИВА БЕЗ ПОСЕССУМА

Отметим, что среди исследователей-языковедов нет единого мнения об употреблении генитива без посессума. А. Розенбах и Дж. Мейер-Миклестад отмечали, что термин «*elliptic-genitive*» (эллиптический генитив), восстанавливаемый лингвистическим контекстом, может быть общепринятым во всех случаях, используемых без участия посессума [Rosenbach 2002: 32; Meyer-Myklestad 1968: 58]. Некоторые авторы называют употребление существительного в родительном падеже без основного слова «самостоятельным родительным падежом» [Gordon 1986: 259; Ganshina 1964: 35] или «самостоятельным генитивом» [Quirk 1985: 329; Altenberg 1982: 63; Biber 2006: 296] называя их «анафорическими». Учитывая то, что в зависимости от лингвистического контекста, на основании другого определяемого слова, представленного в самом предложении, можно восстановить посессум, и в этих примерах генитив не всегда может сохранить свою самостоятельность, можем отметить, что мнения О. Есперсена и Г. Борштшаненко более соответствуют истине [Jespersen 1949: 12—15; Borshtshanenko 2008: 41—42].

Г. Борштшаненко делил анафорический родительный падеж на две части: а) перед посессумом и б) после него. Их можно восстановить на основе представленного, существующего контекста [Borshtshanenko 2008: 41]. Например:

- (I) *Jennifer's is the only face I recognize here. (i.e. Jennifer's face)* (Единственным человеком, которого я знаю, является Дженифер).

- (II) *He has a devotion to work like his father's. (i.e. father's devotion)* (Он также привязан к работе, как отец).
That isn't my diary — it's Luke's. (Luke's diary) (Тот дневник не мой — он Люки (дневник Люка) [Eastwood 1994: 214].

б) посессум не анафорического типа не дается в ранее представленном контексте [Borshhtshanenko 2008: 42] Например:

He crossed Fight Avenue at St. Patrick's and recalled walking through the church once-such a tourist thing to do and watching Lois light a candle. (Rick Hamlin) Он пересек Файт Авеню у площади Святого Патрика и вспомнил, как когда-то проходил через церковную площадь — совсем, как делают это туристы, и наблюдал за тем, как Луис зажигал свечи [sumqayitli-dilchi].

Дж. Аллен отмечал, что в древнеанглийском языке встречаются: а) I тип анафорического вида и б) катафорический вид:

- а) (1) *na þurh his agene mihte, ah þurh godes "not through his own power, but through God's"* (Не своим, а Божьим желанием...) [Allen 2004: 352].
б) *hit is eal Godes "It is all God's"* (Это полностью принадлежит Богу) [Allen 2004: 351].

Употребление существительного в родительном падеже без основного слова происходит в нижеследующих случаях:

а) для недопущения повтора опускается второй компонент. В этом случае существительное родительного форманта играет роль эквивалента словосочетания, например:

He was whistling note like a bird's (i.e. like a bird's note); (Это был голос, похожий на птичий).

If Annete didn't respect his feelings, she might think of Fleur's. (i.e. Fleur's feeling) (J. Galsworthy) (Хотя Аннет не уважала его (парня) чувства, она должна была учитывать чувства Флёра) [Бархударов 1973: 46].

б) этот вид родительного падежа употребляется также и вместе с существительными, означающими торговлю, отношения, здания, магазин. Это находит свое отражение в основном в приставках, например:

He has asked her to choose a restaurant and she suggested Scott's. (Я попросил его выбрать ресторан, и он посоветовал мне «Скот» (ресторан «Скот»)).

They were married at St. Paul's. (Они обвенчались в церкви Святого Павла).

Профессор В. Ильиш, в связи с обретением нового, пространственного смысла слов в родительном падеже, называл его «деривационным окончанием»: *at the baker's, at St. Paul's, at Timothy's, at my brother's* [Афанасьев 2001: 67—68].

На переднем плане конструкций типа *St. Paul's, baker's* отношения личностной принадлежности не наблюдаются. В этих конструкциях на переднем плане находится не значение принадлежности, а концепт пространства. В этой конструкции окончание «'s» вместе с вышеупомянутыми префиксами более ярко демонстрирует концепт пространства и времени.

КОНЦЕПТ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Концепт принадлежности можно наблюдать в тюркских языках, в том числе в азербайджанском. Как отмечал Н.К. Дмитриев, «в тюркской грамматике принадлежность является одной из важнейших категорий» [Дмитриев 1956: 23]. Через концепт принадлежности выражаются отношения между людьми и предметами.

Концепт принадлежности находит свое отражение в родительном падеже, и именно с помощью этого падежа выражаются различные смысловые оттенки принадлежности.

В азербайджанском языке в выражении понятия «принадлежность» исключительное значение имеет окончание родительного падежа. В английском и азербайджанском языках родительный падеж занимает второе место среди падежей. В результате аналитического сравнения способов выражения в английском и азербайджанском языках мы пришли к такому выводу: аффиксы родительного падежа и принадлежности участвуют только в азербайджанском языке, а в английском языке в выражении концепта принадлежности участвуют окончания родительного падежа.

Наиболее важным грамматическим признаком родительного падежа является его падежный суффикс. Этот падеж выражает содержание собственности и принадлежности. Так же, как и в английском языке, в азербайджанском языке родительный падеж может употребляться без существительного — посессор не зависит от посессума (обладаемого). В английском языке концепция принадлежности, выражаемая с помощью абсолютного родительного падежа, выражается в азербайджанском языке тремя формами:

I. Слово в родительном падеже может использоваться и без наличия зависимого слова. Это возможно в рамках определенного контекста, выражаясь точнее, в таких случаях мы больше становимся свидетелями данного явления в ответе на поставленный вопрос, например:

Bir açıq de görüm, kimin xatasına düşmüşsən? (Скажи мне прямо, во что ты ввязался?)
— *Kimin olacaq, dostun Şirzadın!* (M. İbrahimov) (Ну, как обычно, проблемы твоего друга Ширзада);

II. М. Гусейнзаде пишет об этом так: «Родительный падеж может быть отдельным членом предложения; особенно может быть сказуемым в предложении, если принимает окончание сказуемого, например: в предложении «*İndi söz cavanlarındır*» (А теперь слово предоставляется молодым), слово «*cavanların*» («молодым») является сказуемым в родительном падеже. В другом случае родительный падеж, несмотря на выражение определенности, становится соответствующим сложным членом предложения вместе с последующим словом» [Hüseynzadə 2007: 48].

Отметим, что это возможно только способом инверсии. Определенный родительный падеж, употребляемый в форме сказуемого, выраженного существительным, употребляется отдельно в конце предложения. Это считается сравнительно независимым состоянием определенного родительного падежа. Например:

Bu kitab tələbələrindir (Это книга студентов) [Abdullayeva 2013: 35].

Несмотря на то, что эта проблема в целом не освещена в научной литературе, есть краткая информация, связанная с этим вопросом, в книге Ю. Сеидова: «Родительный падеж существительного также употребляется в роли сказуемого, и в это время словно теряет „оковы“, переходит в активную непосредственную связь с членами предложения. Например:

Kitablar həmin tələbənindir. (Эти книги того самого ученика).

В этом предложении сказуемое, выраженное существительным в родительном падеже, согласуется с подлежащим предложения. Выражение сказуемого существительным в родительном падеже не так уж часто применяется. В сравнении с другими предложениями, в которых сказуемое выражено существительным, эти предложения отличаются ограниченным количеством слов» [Seidov 2006: 247].

Самостоятельное выступление слова в родительном падеже существительного, согласующегося с подлежащим предложения, в качестве сказуемого, выраженного существительным, является характерным явлением для обоих языков.

Отметим, что приведенные примеры в действительности являются словосочетаниями, употребляемыми в сокращенной форме. При восстановлении сокращенного слова в этих словосочетаниях становится ясно, что предикативный суффикс добавлен не к существительному в родительном падеже, а к существительному, находящемуся в составе конструкции слова в именительном падеже с притяжательным аффиксом: *Bu məktub anamındır* (Это письмо моей матери) → *Bu məktub anamın məktubudur* (Это письмо является письмом моей матери).

III. Одним из способов, широкомасштабно употребляемых в азербайджанском языке и отличающихся своеобразными особенностями в выражении концепта принадлежности, является использование единиц с элементом «-ki» существительного в родительном падеже (или же формы родительного падежа личного местоимения). Данный метод выражения понятия принадлежности в речи называется синтетическим [Kazimov 2010: 89].

М. Гусейнзаде называл существительные и местоимения, употребляемые с аффиксом «-ki» «гражданским земиром» (*mülki zəmir*) («земир» — арабское слово, означающее в старой грамматике название местоимения — *З.А.*): *mənimki, özümkü, Əhmədinki* (мой, свой, Ахмеда) [Seidov 2006: 50].

С. Джафаров пишет об этом: «Как видно, аффиксы „-inki/-inki/-unku/-üinkü“ можно добавить не только к личным местоимениям, но и ко всем существительным. Во-вторых, этот аффикс, который добавляется к слову, создает в нем (и в существительных и личных местоимениях) единый лексический смысл, смысл притяжательности и настаивания; например, *sizinki, bağinki, evinki* (ваш, сада, дома) и др.» [Сəfərov 1960: 80].

После аффиксов родительного падежа к личным местоимениям добавляется аффикс «-ki» и образуется категория принадлежности. Например: *mənimki, səninki, onunku, bizimki, sizinki, onlarınki.* (мой, твой, его/ее, наш, ваш, их). Здесь слова «*mənim, sənin, onun, bizim, sizin, onların*» (мой, твой, его/ее, наш, ваш, их) указывают на первый компонент категории принадлежности — обладателя, владельца, а аффикс «-ki⁴» — на второй компонент — принадлежащую сторону.

Хотя в составе соединений, созданных аффиксом принадлежности «-ki», имеется одно слово, в его содержании воспринимается и осознается и объект, и субъект [Hüseynzadə 1957: 63; Xəlilov 2007: 215]. В категории принадлежности, выраженной таким способом, аффикс «-ki» заменяет принадлежащего человека, предмета, принадлежащую категорию [Xəlilov 2007: 215]. То же самое можно сказать и о соединении элемента «-ki⁴» к существительным в родительном падеже. Например:

Mənimkilər təndir qoyur, sən yüyür! Bahar enişə doğru qaçdı. Mürsəl qoruqçunun qorxusundan öz quzularını ayırırdı (Mig Cəlal). (Мои печку топят, ты беги! Бахар побежала вниз. Мурсал, испугавшись караульщика, отделил своих ягнят).

Элемент «-ki⁴», выражая ранее упомянутое существительное, употребляется вместо существительного. О своеобразных особенностях единиц с элементом «-ki⁴» можем отметить нижеследующее:

1) Единицы с элементом «-ki⁴» не могут употребляться самостоятельно, изолированно; для этого необходимым является наличие соответствующего контекста (перед предложением, в котором употребляется эта единица или после такого предложения). В своей монографии «Сложные существительные в современном английском и азербайджанском языках» Н. Набиева справедливо отмечает, что единицы с элементом «-ki⁴» похожи на эллиптические предложения и на анафорически употребляемые местоимения (особенно на личные местоимения) [Nəbiyeva 2005: 96].

2) Единицы с элементом «-ki⁴», содержащие в себе три понятия («субъект» — «человек», «принадлежность» и «принадлежащий предмет»), самостоятельно отражают концепт принадлежности. *Bu papaq mənim, təzəsi isə Həsənikidir* (Эта шапка моя, а новая Гасана / принадлежит Гасану).

Следует добавить, что обладатель — субъект, выраженный существительным в родительном падеже (или формой родительного падежа личного местоимения), заранее известен говорящему, т.е. здесь основную роль играют знания говорящего и слушающего о действительности. Знания говорящего и слушающего становятся очевидным из языкового контекста.

В своей статье, посвященной аффиксу «-ki⁴», С. Ширинов, соглашаясь с мнением о том что «в отличие от других аффиксов, служащих образованию прилагательного, аффикс «-ki⁴» употребляется после окончаний родительного и творительного падежей», отмечает, что простые, производные и сложные существительные принимают аффикс «-ki⁴» после склонения (родительный, дательный падежи), Например: *Səliminki, evinki* (Салима, дома) и др. [sumqayıtli-dilchi].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая все вышесказанное о форме абсолютного родительного падежа в выражении «концепт принадлежности» в английском языке и его эквивалентах в азербайджанском языке, можно прийти к следующим типологическим выводам:

1) в обоих языках при выражении концепта принадлежности исключительное значение имеет окончание родительного падежа;

2) невозможно использовать абсолютный родительный падеж и его эквиваленты в азербайджанском языке самостоятельно, изолировано; необходимым условием для использования их является наличие соответствующего контекста (перед предложением, в котором употребляется эта единица или после такого предложения);

3) при выражении концепта принадлежности с помощью абсолютного родительного падежа и его эквивалента в азербайджанском языке родительный падеж самостоятельно становится простым членом предложения, а в других случаях родительный падеж вместе с последующим словом становится соответствующим сложным членом предложения.

Учитывая все вышесказанное о форме абсолютного родительного падежа в выражении «концепт принадлежности» в английском языке и всевозможные различия его эквивалентов в азербайджанском языке, можно прийти к следующим **выводам**.

1. В собственных существительных, в существительных торгового и прочего содержания, в том числе в конструкциях, означающих «здание» или «магазин» — в конструкциях типа *St. Paul's, baker's*, отношения личной принадлежности на переднем плане не наблюдаются. В этих конструкциях на переднем плане находится не значение принадлежности, а концепт принадлежности. В этой конструкции окончание «'s» вместе с приставками более ярко демонстрируют концепт пространства. Такие соединения в азербайджанском языке не наблюдаются.

2. В азербайджанском языке, кроме окончания родительного падежа, это понятие можно использовать также посредством существительного в родительном падеже (или же формой родительного падежа личного местоимения) вместе с единицами с элементом «-ki⁴».

© Ахмедова З.М.

Дата поступления: 26.06.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акбулатова А.М. Родительный падеж в структуре предложения современного английского языка: канд. дисс. Л.: 1984.
2. Афанасьев П.А. Теоретическая грамматика английского языка. Т.: Эсперо, 2001.
3. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1973.
4. Дмитриев Н.К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология, часть 2. М.—Л.: 1956, С. 22—37.
5. Иванова Т.А. О содержании категории притяжательности // Вестник ЛГУ. № 8. История, язык, литература. Вып. 2. 1975. С. 171—174.
6. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания // Труды по семантике. М., 2004.
7. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.

8. Цейтлин С.Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи: сборник. СПб.: Нестор-история, 2007.
9. Abdullayeva G. Müasir Azərbaycan Dili. II hissə (Morfologiya, sintaksis). Bakı, 2013.
10. Cəfərov S. Azərbaycan dilində söz yaradıcılığı. Azərbaycan Universiteti nəşriyyatı. Bakı: 1960.
11. Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili. III hissə. Bakı: Şərb-Qərb, 2007.
12. Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dilində təktərkipli və mürəkkəb təyini söz birləşmələri. Bakı: ADU nəşriyyatı, 1957.
13. Xəlilov B. Müasir Azərbaycan dilinin morfolojiyası. I hissə. Bakı: Nurlan, 2007.
14. Kazımov Q. Müasir Azərbaycan dili. Morfolojiya. Bakı: 2010.
15. Nəbiyeva N. Müasir ingilis və Azərbaycan dilində mürəkkəb isimlər. Bakı, 2005.
16. Seyidov Y. Azərbaycan dilinin qrammatikası. Morfolojiya. Bakı: Bakı Univ.Nəşr., 2006.
17. Allen C.L. A Note on 'Elliptical', 'Absolute', and 'Independent' Genitives in Earlier English // English Language and Linguistics, 8.2, 2004. P. 351—354.
18. Altenberg B. The Genitive v. the of-Construction: A Study of Syntactic Variation in 17th Century English (Lund: CWK Gleerup), 1982.
19. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Longman, 2006.
20. Borshthshenko G. The Form and Function of the Genitive in Late Medieval London English. Oslo: University of Oslo, 2008.
21. Eastwood J. Oxford Guide to English grammar. Oxford: Oxford University Press, 1994.
22. Ganshina M.A., Vasilevskiyaya N.M. English Grammar. M.: Higher School Publishing House, 1964.
23. Gordon E.M., Krylova İ.P. A grammar of present-day English. M.: Изд. «Высшая школа», 1986.
24. Herslund M., Baron I. Introduction: Dimensions of possession // In: Dimensions of possession. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. Vol. 2. pp. 1—25.
25. Jespersen O.A. Modern English Grammar on Historical Principles, Part III: Syntax, Vol. II. Copenhagen: Einar Munksgaard, 1949. pp. 12—15.
26. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.A. Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985.
27. Merlier, Octave. Le remplacement du datif par le genitif en grec moderne. Bulletin de Correspondence Hellenique. Athens: Ecole Française d'Athenes, 1931. pp. 207—228.
28. Meyer-Myklestad J. An Advanced English Grammar for Students and Teachers. Oslo: Universitetsforlaget, 1968.
29. Nikiforidou Kiki. The meanings of the genitive: A case study in semantic structure and semantic change. Cognitive Linguistics 2—2, 1991. pp 149—205.
30. Rosenbach A. Genitive Variation in English: Conceptual Factors in Synchronic and Diachronic Studies. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002.
31. Szmercsanyi B., Hinrichs L., Szmercsanyi Benedikt, Lars Hinrichs. "Probabilistic determinants of genitive variation in spoken and written English". *The dynamics of linguistic variation: Corpus evidence on English past and present 2* (2008). pp. 291—309.
32. Sumqayıtlı dilçi-metodistin yazısı: "-ki şəkilçisi və onun iştirakı". URL: <http://yenisumqayit.az> (Дата обращения: 29.10.2016).
33. Independent Genitive (Possession). Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms. URL: <https://www.thoughtco.com> (Дата обращения: 15.03.2017).

УДК: [811:111:811.512.162]255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-963-974

THE EXPRESSION OF THE CONCEPT OF POSSESSION IN THE ENGLISH LANGUAGE BY MEANS OF THE ABSOLUTE FORM OF THE GENITIVE CASE AND ITS EQUIVALENTS IN THE AZERBAIJANI LANGUAGE

Z.M. Akhmedova

Baku State University

1148, Azerbaijan, Baku, Z. Khalilova St., 23

Abstract. The Azerbaijani and English languages, drawn to the study, belong to different language families from the point of view of morphological and genealogical structure. Therefore, the expression of the concept of possession reveals some similar and distinctive features between these languages. Possession is expressed by special means in every language. The essence of the concept of possession can be more clearly seen in the field of the case system, which is mainly embodied in the genitive case. Some features that are common to all languages are considered to be universal, for instance, personal pronouns (possessive constructions) and possessive case endings.

This article deals with the absolute form of the genitive case, one of the means of expressing the concept of possession in the English language, and its equivalents in the Azerbaijani language. The scientific novelty of the article is that although the absolute form of the genitive case has been studied in the English language to a certain extent, the equivalents of this form in the Azerbaijani language have not become the objects of typological research so far; similar and distinctive features inherent in these equivalents have not been compared. From this point of view, this article has an important significance and can be considered one of the first steps in the field of comparative study of the Azerbaijani and English languages.

Key words: concept of possession, absolute genitive case, marked case, possessum, possessor

REFERENCES

1. Akbulatova, A.M. (1984). Genitive case in the sentence structure of modern English. Kand. diss. Leningrad. (in Russ.).
2. Afanasiev, P.A. (2001). Theoretical grammar of the English language. T.: Espero, 2001. 128 p. (in Russ.).
3. Barkhudarov, L.S., Shteling, D.A. English grammar. Moscow: Higher School, 1973, 423 p. (in Russ.).
4. Dmitriev, N.K. Category of belonging. In: "Studies on the Comparative Grammar of Turkic Languages", Morphology, Part 2, M.—L.: 1956, p. 22—37 (in Russ.).
5. Ivanova, T.A. (1975). About the content of the category of possessiveness. *Bulletin of the LU*, No. 8, *History, language, literature*, 2, 1975, p. 171—174 (in Russ.).
6. Seliverstova, O.N. (2004). Contrastive syntactic semantics. Experience of description In *Works on semantics*. Moscow: 2004. 152 (in Russ.).
7. Theory of functional grammar. (1996). Lokativnost. Beingness. Possession. Conditionality / Response. Ed. A.V. Bondarko. St. Petersburg: Science. (in Russ.).
8. Tseitlin, S.N. (2007). Semantic category of possessivnosti in Russian and its development by the child In *Semantic categories in children's speech: a collection*. St. Petersburg: Nestor-history. (in Russ.).
9. Abdullayeva, G. (2013). Contemporary Azerbaijani Language. Part II (Morphology, syntax). Baku. (in Azeri.).

10. Jafarov, S. (1960). Creativity in Azerbaijani language. Azerbaijan University Publishing House. Baku. (in Azeri.)
11. Huseynzadeh, M. (2007). The modern Azerbaijani language. Part III, Baku: East—West. (in Azeri.).
12. Huseynzade, M. (1957). Modern and complicated word combinations in modern Azerbaijani language. Baku: ADU publishing house. (in Azeri.).
13. Khalilov, B. (2007). Morphology of contemporary Azerbaijani language. Part I. Baku: Nurlan. (in Azeri.).
14. Kazimov, G. (2010). The modern Azerbaijani language. Morphology. Baku. (in Azeri.).
15. Nabiyeva, N. (2005). Complex names in Modern English and Azerbaijani. Baku. (in Azeri.).
16. Seyidov, Y. (2006). Grammar of Azerbaijani Language. Morphology. Baku: Baku Univ Publishing. (in Azeri.).

Для цитирования:

Ахмедова З.М. Выражение концепта принадлежности в английском языке формой абсолютного родительного падежа и его эквиваленты в азербайджанском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 963—974. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-963-974.

For citation:

Akhmedova Z.M. (2017). The expression of the concept of possession in the English language by means of the absolute form of the genitive case and its equivalents in the Azerbaijani language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 963—974. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-963-974.

Zahra Akhmedova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 963—974. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-963-974.

Сведения об авторе:

Ахмедова Захра Мирзаага кызы, диссертант кафедры общего языкознания Бакинского государственного университета (Баку, Азербайджан); *научные интересы:* теоретическая и синтаксическая грамматика, сравнительная грамматика; *e-mail:* zahrahmadova@gmail.com

Bio Note:

Zahra Mirzaaga Akhmedova, thesis of the English language department for the Humanities faculties Baku State University; *Scientific interests:* theoretical and syntactic grammar, comparative grammar; *e-mail:* zahrahmadova@gmail.com



УДК: 811.161:811.133.1:811.62:2:801.731
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-975-984

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА АНТИПАРЕМИИ В РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И МАЛАГАСИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Раадранириана Антса Миангола Малала

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В предлагаемой статье представляется лингвистическое описание явления антипаремии, существование которого обычно игнорируется исследователями. В настоящее время в связи с развитием теории языковой картины мира данная лингвистическая проблематика становится актуальной в целом ряде живых языков мира. Задачей предлагаемой работы является выявление причин и механизмов возникновения антипаремии в разных языках, рассмотрение общих вопросов теории развития антипаремии в лингвистической сфере и анализ преобразования паремии или пословицы в антипаремию. Материалом исследования являются паремии и антипаремии на русском, французском и малагасийском языках. Предметом исследования становятся способы трансформации пословицы. Мы подобрали примеры пословичных изречений тематической группы «множество людей», которое является, на наш взгляд, универсальным в разных языках. Наше исследование предлагает теоретический и практический материал для ученых-лингвистов, преподавателей, культурологов, студентов, изучающим этот феномен. Языковой материал собран путем сплошной выборки из словарей, текстов художественной и публицистической литературы. Исходя из традиционной общественной мудрости, пословицы фиксируют этапы развития национального культурного мировоззрения от раннего времени, дух которого современное поколение пытается сохранить. Тем не менее, мировоззрение изменяется в зависимости от духовной жизни поколения, вызывая появление феномена антипаремии или антипословицы, существование которых имеет разные цели и функции. Данная тема является актуальной, наше исследование предлагает описание причин данных изменений.

Ключевые слова: пословица, антипословица, антипаремия, способ трансформация, русский язык, французский язык, малагасийский язык

ВВЕДЕНИЕ

Антипаремия является актуальной темой паремиологических исследований. В лингвистике термин «антипаремия» происходит от корней «анти» и «паремия», где паремия является синонимом пословицы и определяется как устойчивое выражение, представляющее собой целостное предложение дидактического содержания. Паремии не только поучительны, недоказательны, неоспоримы, но и являются трудовым, нравственным и художественным опытом поколений, сжатым в мудрые изречения и образные выражения. Паремия также является представлением житейской практической философией, которая служит, прежде всего для отображения сложности и противоречивости бытовой, социальной и политической жизни конкретного народа. Именно поэтому паремиологическое развитие связано с изменением бытовой, социальной и политической атмосферы каждого поколения.

I. ТЕОРИЯ АНТИПАРЕМИИ

Антипаремия является интересным языковым явлением. В настоящее время паремии, в частности пословицы, испытывают некие трансформации, которые разрушают, изменяют контент пословиц, унаследованных от старших поколений, и противопоставляют разумным советам и наставлениям на самые различные случаи жизни новую философию. В них отражается недалекое прошлое и современная реальность. Таким образом, старая мудрость актуализируется.

Паремиологи считают, что феномен трансформированных пословиц является давно существующим динамическим явлением и его объем достиг за последние десятилетия такого значения, что «псевдопословица» стала распространеннее, чем канонические формы пословиц, от которых они происходят.

Однако первые сборники антипословиц вышли в свет только в 1980 г. В. Мидер, специалист по немецкой паремииологии, является одним из первых, кто исследовал «трансформированные пословицы» и ввел термин «антипословица» от немецкого слова *antisprichwörter* для их определения [Вальтер 2005: 8]. Данный новый термин имеет в русском языке такой эквивалент, как «антифраза», «трансформированная пословица», «антиафоризм», «псевдо пословица», «антипаремия».

Итак, антипословица или антипаремия определяется как игра слов, построенная как смысловой антипод первоначального значения паремии. Если паремия или пословица играет поучительную роль, то антипословица создана с целью «высмеивания» и разрушения моральных и языковых норм [Вальтер 2004].

Б.Ю. Норман замечает, что «пословицы и поговорки в своей массе архаичны, то есть отражают не современное, а некоторое древнее состояние духа народа» (цит. по: [Вальтер 2004: 7]). Это означает, что из-за разных факторов жизнь народа постоянно изменяется, следовательно, это приводит к смене взглядов, представлений, идеологий, морали. Все это естественным образом находит свое отражение в паремии.

Пословицы активно воспроизводятся, заново обрабатываются, переосмысляются и употребляются в современной речи в трансформированном виде. Изучение этих трансформаций — одна из актуальных задач современной паремииологии, лингвисты все чаще обращаются к исследованию реальной паремииологии современного поколения.

Причины возникновения и функции антипословиц

Намеренное искажение и трансформации известных пословиц наблюдается во всех языках и преследует определенные цели.

Мы считаем, что возникновение антипословиц в разных языках имеют общие причины. Во-первых, возникновение пословиц и использование их в речи связано с тем, что в своей повседневной жизни человек постоянно сталкивается с необходимостью разрешать как множество старых, хорошо известных, так и новых ситуаций и проблем. Мир вокруг нас меняется, и это приводит к необходимости пересмотра и замены старых стереотипов, которые критически осмысливаются через антипословицу.

Во-вторых, возникновение антипословиц может исходить из реализации языкового закона экспрессивности. Стремление преодолеть монотонность повседневного бытия вызывает потребность с помощью шутки, юмора и смеха разнообразить его. Смех — это активная форма отношения к жизненным ситуациям. В философии он связан с понятием комического. Оно базируется на создании смешовых, комических эффектов, и антипословица, наряду с другими комическими жанрами, становится одним из инструментов возникновения комических эффектов, создавая возможность посмеяться, что позволяет рассматривать антипословицу как одну из разновидностей пародии. Если пародия зачастую является подражанием известному всем тексту, то антипословицу можно назвать минипародией, основной целью которой является шутивное, иронизирующее рассмотрение определенных ситуаций [Вальтер 2004].

В третьих, возникновение антипословиц — стремление человека к творческой игре, а в данном случае к языковой игре, проявление его креативного подхода к миру.

Антипословицы имеют следующие цели:

- привлечение внимания;
- выражение отношения, оценки;
- создание стилистического эффекта: повышение экспрессивности, эмоциональности, создание индивидуального авторского стиля.
- создание юмористического эффекта: минипародии.

Таким образом, функциями антипословицы являются негативно-коммуникативная (ирония, пародия, смех...), социальная (т.к. она используется в речах, в новостях, в рекламах, даже в политической области), лингвистическая (т.к. такая трансформация касается в основном языка и речи), экспрессивная (она создает экспрессивный фон речи и текста).

Способы трансформации пословиц

Трансформируют пословицы по мере того, как предстоящая ситуация соответствует с ближайшими паремиологическими формулами. Таким образом, можно найти несколько вариантов одной и той же пословицы. В разных языках пословицы преобразуются общими способами и станут антипословицами.

Способы трансформации, описанные С. Думистрачель (2006), показали, что актуальность контекста управляет процесс пословичности и анти-пословичности [Шапира 2000]:

- **добавление или расширение**

Такое преобразование пословицы является способом, в результате которого паремиологическое изречение усиливается иронического или юмористического эффекта.

П: *Видеть свет в конце тоннеля.*

АП: *Если вы видите свет в конце тоннеля — это поезд* [социальная реклама для автомобилистов: www.pikabu.ru].

В этой рекламе мы видим не только добавление «это поезд», которое усиливает юмора, но и синтаксическую трансформацию самой пословицы для того, чтобы привлечь внимание автомобилистов.

— **замена**

Данная трансформация происходит путем появления некоторых новых пословичных компонентов на месте старых для выражения народной мудрости, которая адекватна ситуации, выраженной в определенном контексте:

Лес рубят — щепки летят = *Лес рубят — деньги летят* — о необходимости терпеть, мириться с какими-либо неприятными побочными эффектами [Новая газета: 02-07-2009];

Не имей сто рублей — а имей сто друзей = *Не имей сто рублей — а имей сто ходов* [название песни Басты].

— **удаление**

Оно состоит в отречении части пословичного изречения для его простой интерпретации с использованием ключевых слов.

Истина в вине, а здоровье в воде = *Истина в вине* [Плиний Старший: www.izbrannoe.com].

— **создание фразеологически насыщенного контекста**

Такой тип трансформации состоит в смеси двух или больше пословиц, являющихся смысловыми синонимами, от которых отрезали часть пословицы и соединяли в одной пословице. Такое преобразование пословицы соединяет два способа: добавление и удаление.

Слово не воробей — вылетит, не поймаешь / Что с возу упало, то пропало / Что написано пером, того не вырубишь топором = *Слово не воробей: упадет с воза, не вырубишь топором.* [www.phraserus.com]

В этом примере три пословицы говорят о том, что если написанное стало известно, то его не изменишь, не исправишь. Их соединяли в трансформированной пословице, которая создает эмоционального эффекта.

— **перестановка**

Перестановка заключается в перемещении несколько пословичных компонентов, чтобы получить комическую, ироническую, игровую, уничижительную диверсию.

— П: *Mieux vaut etre riche et en bonne sante que pauvre et malade.* ‘Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным’

— АП: *Mieux vaut etre pauvre et en sante que riche et malade.* ‘Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным’ [Charest R.M, La Presse, 15-04-2011].

«L'adage qui dit que «mieux vaut être pauvre et en santé que riche et malade» fait fi de la difficulté d'être en santé lorsqu'on est pauvre» переводится нами как ‘Поговорка «лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным» игнорирует трудности быть здоровым для бедных’.

В этом случае мы считаем, что антипословица является более логичным по пословичному смыслу, если анализируем ситуацию, так как богатым проще быть здоровым, чем бедным. Иначе пословица — пуста и не содержит сообщение. В таких необычных пословичных трансформациях совершается игровая диверсия.

II. ОТРАЖЕНИЕ АНТИПОСЛОВИЦЫ В РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И МАЛАГАСИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В русском языке

В силу политических и социальных изменений в российском обществе в конце XX века в русском языке отмечается появление значительного количества антипаремий, источниками которых являются произведения художественной литературы, статьи СМИ и ряд жанров политического дискурса. Антипаремии отвечают требованиям новой социальной ситуации и являются одной из разновидностей вторичного текста.

Приведем примеры русских антипословиц с указанием способов их трансформирования:

— Пословица (П): *Не откладывай на завтра то, что можно делать сегодня.*

— Антипословица (АП): *Не откладывай на завтра то, что можно сделать **после-завтра*** [Булянины, Бутенко 1994: 82].

В этом примере мы видим противопоставление пословицы с формой, трансформированной путем **замены** лексической единицы «сегодня» на слово «после-завтра». Такое лексико-синтаксическое преобразование меняет положительный смысл пословицы на иронический.

— П: *Время — лучший доктор.*

— АП: *Время — лучший доктор, но плохой косметолог* [Вальтер, Мокиенко 2005: 78].

Также в этом примере добавляется вторая часть в трансформированной пословице «...но плохой косметолог». Особенность данного способа преобразования в том, что смеховой эффект возникает за счет неожиданного «смыслового сдвига». Сначала слушатель предполагает, что звучит обычная пословица, например: *Время — лучший доктор...* и совершенно неожиданной, а от того производящей сильный эффект оказывается для него вторая часть, как бы выворачивающая наизнанку смысл первой части: *...но плохой косметолог.*

— П: *Одна голова хорошо, а две лучше.*

— АП: *Одна голова — хорошо, но без нее намного смешнее!* [Вальтер, Мокиенко, 2005: 106]

Такая лексико-семантическая трансформация является типичной для смеховой культуры. **Замена** второй части пословицы «...а две лучше» на выражение «но без нее намного смешнее!» усиливает комический эффект, который вызван моментальным узнаванием пословицы в первой части и в юмористической интенции второй части. Такой тип преобразования пословиц частотен.

— П: *Кашу маслом не испортишь.*

— АП: *Машу пальцем не испортишь* [Вальтер, Мокиенко 2005: 194]

Здесь трансформация путем замены *кашу* на *Машу* и *маслом* на *пальцем* рассматривается как фонетическое проявление антипословицы и создает юмористический эффект.

— П: *He oshiбается тот, кто ничего не делает.*

— АП: *He oshiбается тот, кто ничего не делает, хотя это и есть его основная oшибка.* [sherbakova.com]

Антипаремия создана путем **добавления** к существующей пословице новой части, которая развивает первую часть. Автор антипословицы развивает свою мысль с психологическим намерением.

Во французском языке

Во французском, как и в русском языке, если пословицы обобщают ситуацию, дают совет или рекомендации при реальной и необходимой ситуации [Dundes 2007: 128], то паремииологическая трансформация рассматривается как не прямое действие, которое, с одной стороны, позволяет избежать от отрицательных коннотаций, по отношению к которым говорящий и слушатель могли бы стать враждебными, с другой стороны, усиливает юмористический-иронический эффект изречения [Шапира 2000], например:

— П: *Le fou promet et le sage espère* ‘Сумасшедший обещает, а мудрый надеется’ (перевод наш — А.Р.);

— АП: *Le sage promet et le perdant espère*. ‘Мудрый обещает, а неудачник надеется’.

Такая трансформация путем **лексических замен** (*fou* ‘сумасшедший’ → *sage* ‘мудрый’, *sage* ‘мудрый’ → *perdant* ‘неудачник’) добавляет экспрессию в речь говорящего для избегания отрицательной коннотации, что зависит от ситуации.

— П: *Le monde appartient à ceux qui se lèvent tot*. ‘Мир принадлежит тому, кто рано встает’.

— АП: *Le monde appartient à ceux qui ont des employés qui se lèvent tot*. ‘Мир принадлежит тому, кто имеет рабочих, которые рано встают’ (Bruno Beaudoin по www.linternaute.com).

В этом случае с помощью **добавления** «*qui ont des employés*» антипословица в виде минипародии создает иронического эффекта и отражает изменение, происходящее в обществе.

— П: *L'argent ne fait pas le bonheur*. ‘Деньги не дают счастье’.

— АП: *La pauvreté ne fait pas le bonheur*. ‘Бедность не дает счастья’.

В таких случаях заменяют слово на более подходящий термин на реальность для того, чтобы пояснить ситуацию. Здесь антипословица играет поучительную роль. То есть замена слова “*argent*” на “*pauvreté*” является более наглядным в определенной ситуации.

— П: *C'est le propre de l'homme de se tromper*. ‘Ошибаться это нормально для человека’.

— АП: *C'est le propre de l'homme de croire qu'il a toujours raison*. ‘Верить в то, что он всегда прав это нормально для человека’

В этом преобразовании *форма инфинитива se tromper* заменяется на *сложносочиненное предложение croire qu'il a toujours raison*. Такое синтаксическое изменение является частотным. Оно не только противопоставляет пословичной мысли, но и актуализирует ее и дает эмоциональный эффект.

В малагасийском языке

Малагасийский язык — язык 18 племен малагасийцев, государственный язык Республики Мадагаскара. Около 20 миллионов человек говорит на малагасийском языке во всем мире. Он является родственным древнеиндонезийскому языку и принадлежит австронезийской семье. С XV века малагасийский язык имеет письменную литературу и использовал арабский алфавит *сyрабе*. С 1823 года язык имеет письменность латинского алфавита с 21 буквами.

В малагасийском языке существуют заимствования из языков банту, суахили, арабского, а также из французского и английского языков. Несмотря на то, что существуют 18 диалектов, литературная норма является одинаковой для всех диалектов. Она сложилась на основе диалекта племени *мерина*.

Пословица в малагасийском языке является важным малым жанром литературы. Так как до сих пор связь поколения с поколением остается крепкой и святой, опыт и мудрость предков влияют на жизнь современного поколения. На Мадагаскаре народная мудрость, описанная с помощью пословичных выражений и поговорок, используются в специальных речах на свадьбах, на похоронах, при рождении ребенка. Мы можем доказать взаимосвязь языка и культуры.

Таким образом, в малагасийском языке употребление антипословицы является редким явлением в литературе и широко распространено в языке молодежи и в уличном языке с юмористическим эффектом, что противопоставлено русскому и французскому языкам.

— П: *Trano atsimo sy avaratra, izay tsy mahalen-kialofana*. ‘В дождь бегите к соседу, у которого дом с хорошей крышей’.

— АП: *Trano atsimo sy avaratra, samy manana ny lakile-ny*. ‘У каждого соседа дом со своим ключом’ [twitter.com.ohabilana].

В этом примере вторая часть *izay tsy mahalen-kialofana* была полностью заменена *samy manana ny lakile-ny*. Эта пословица, которая выражает дружбу соседства, получила противопоставленное значение в трансформированном виде пословицы. Она была актуализирована в зависимости от сегодняшней ситуации с иронической целью.

— П: *Ny omby mahia tsy lelafin’ny namany*. ‘Худая корова не облизывается товарищами’.

— АП: *Ny omby mahia, ihomehezan’ny namany*. ‘Тонкая корова унижается своими товарищами’. [Zatovovavy, boky fampianarana voalohany 1999: 76]

В этом случае трансформированная пословица появляется путем **замены** глагола «*lelafina*» ‘облизывать’ на “*miomehy*” ‘издеваться, унижать’ и используется в речах крестьян часто, так как она несет не только более прямой смысл, но общепринята и понятна всем. Она создает иронический эффект у слушателей.

— П: *Aleo very tsikalakalam-bola, toy izay very tsikalakalam-pihavanana*. ‘Потеря денег лучше, чем потеря дружбы’;

— АП: *Aleo very tsikalakalam-pihavanana, toy izay very tsikalakalam-bola*. ‘Потеря дружбы лучше, чем потеря денег’ [forum.serasera.com].

Здесь **перестановка компонентов** в пословице разрушают мудрый смысл пословицы. На Мадагаскаре эта пословица о дружбе, которая известна всем; анти-

паремия стала иронией из-за того, что в современное время социальная и политическая ситуация показывает важность власти и денег. Трансформированная пословица появилась в СМИ, имеет иронический смысл и широко распространена.

— П: *Ny fo rano mafana: ny tendrom-po tsy mba namana*. ‘Сердце как горячая вода: первые действия после гнева — не всегда правильные’;

— АП: *Ny fo ranomafana*. [www.midi-madagasikara.mg] или только: *Ny tendrom-po tsy mba namana* [www.lagazette.dgi.com].

Мы видим здесь **удаление** двух частей пословицы в двух разных антипословицах. Части этой пословицы стали употребляться отдельно, хотя первая часть объясняет смысл второй. В современном языке обе части имеют самостоятельное значение, но употребляясь отдельно, они считаются антипословицей, так как они дополняют друг друга. Такая трансформация делается с целью словесной экономии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Феномен антипословицы — универсальное явление несмотря на то, что частотность использования оказывается разным в каждом языке.

2. Немецкий лингвист В. Мидер определяет антипословицы как «Языковые единицы широкого круга, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий» [Мидер 2005: 8].

3. Особенности антипословиц по способу образования можно рассматривать на различных уровнях языка: лексическом, фонетическом, синтаксическом, семантическом.

4. Антипословицы преобразовываются с помощью использования следующих способов: расширения или добавления, замены, перестановки, удаления, создание фразеологически насыщенного контекста. Такие способы действуют во всех языках мира. При этом изменялось значение оригинальной пословицы в зависимости от ситуации.

5. Так как пословицы зачастую трансформируются с целью иронии, высмеивания или юмора, ритм и рифма при фонетическом переобразовании являются частным явлением.

6. Стоит отметить, что русские используют антипословицы как средство протеста против любого авторитарного давления в форме скрытой смеховой критики.

7. Взаимосвязь языка и культуры играют важную роль в существовании феномена антипословицы в малагасийском языке.

© Раадранириана Антса Миангола Малала

Дата поступления: 26.06.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова О.Н. Антипословицы: история возникновения развития. Тула: изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008.
2. Аракелян В.Д. Мальгашский язык. М.: Восточная литература, 1963.
3. Булянини В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994.

4. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005.
5. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). Москва: Олма Медиа Групп, 2004.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
8. *Anscombe J.C.* Proverbes et formes proverbiales: valeur evidentielle et argumentative. 2000. Vol. 102. № 1. P. 95—107.
9. *Dumistrachel S.* Discursul repetat in textul jurnalistic — lasi. Париж: Maison d'Édition de l'Université «Alexandru Ioan Cuza», 2006.
10. *Fitoussi J.P., Savidan P.* Les inégalités. Париж: Presses Universitaires de France, 2003.
11. *Houlder J.A.* Ohabolana ou proverbes malgaches. Tananarivo: Imprimerie lutherienne, 1960.
12. *Hrisztalina H.G., Melita A.V.* Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. Berlin, 2014.
13. *Mieder W.* Twist Wisdom, Modern Anti-proverbs. Vermont, 1998.
14. *Milica I.* Proverbes et anti-proverbes. Париж, 2011.
15. *Shapira C.* Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation // *Languages*. 2000. Vol. 34. № 139. P. 81—97.
16. *Zouogbo J.P.* Le proverbe entre langue et culture. Берн: Peter Lang SA, 2006.
17. *Zatovovavy* — boky fampianarana, 1999.

УДК: 811.161:811.133.1:811.62:2:801.731

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-975-984

ANTIPAREMIA IN RUSSIAN, FRENCH AND MALAGASY LANGUAGES

Antsa Miangola Malala Rahadraniriana

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The proposed article presents a linguistic description of the phenomenon of antiparemia, which existence is usually ignored by researchers. At the present time, due to the development of the theory of the linguistic picture of the world, this linguistic problem becomes topical in a number of living languages of the world. The objectives of this research are: to identify the causes and mechanisms of the anti-paremia in different languages, to consider a general issue of the theory of development of antiparemia in the linguistic sphere, and to analyze the transformation of paremia or proverbs into antiparemia. The research material is based on the paremia and antiparemia in Russian, French and Malagasy languages. The subject of this study is the methods of transformation of the proverb. We have selected examples of proverbial sayings of the thematic group “multitude of people”, which, in our opinion, is universal in different languages. Our analysis offers theoretical and practical material for linguistic scientists, teachers, culturologists, students studying this phenomenon. Language material is collected by a massive selection of dictionaries, texts of artistic and journalistic literature. Based on the traditional social wisdom, the proverbs fix the stages of the development of the national cultural world outlook from early times, which spirit the modern generation is trying to preserve. Nevertheless, the world view changes depending on the spiritual life of the generation, causing the apparition of the phenomenon of antiparemia or antiproverbs, which existence has different mains and functions. This is a common topic and our research offers a description of the reasons for these changes.

Key words: proverbs, antiproverbs, antiparemia, method, transformation, russian language, french language, malagasy language

REFERENCES

1. Antonova, O.N. (2008). Antiparemia: the story of the apparition of development. Tula: edition TPGU of L.N. Tolstoi. (in Russ.).
2. Arakelyan, V.D. (1963). Malagasy Language. Moscow: Vostochnaja literatura. (in Russ.).
3. Bulyanin, V.P. & Butenko, I.A. (1994). Live speech. Dictionary of colloquial expressions. Moscow: PAIMS. (in Russ.).
4. Valter, H. & Mokienko, V.M. (2005). The antiproverbs of the Russian people. SPb.: Publishing House "Neva". (in Russ.).
5. Valter, H. & Mokienko, V.M. (2004). Funny dictionary (antiproverbs and antiaphorisms). Moscow: Olma media group. (in Russ.).
6. Dal, V.I. (1957). Proverbs of the Russian people. Moscow. (in Russ.).
7. Permiakov, G.L. (1988). Fundamentals of the structural paremiology. M.: Nauka. (in Russ.).
8. Anscambre, J.C. (2000). Proverbs and proverbials forms: evidential and argumentative volume 102, no 1. (in French.)
9. Dumistrachel, S. (2006). Discursul repetat in textul jurnalistic — lasi, Maison d'Édition de l'Université «Alexandru Ioan Cuza». (in English)
10. Fitoussi, J.P. & Savidan, P. (2003). Inequalities. Paris: Presses Universitaires de France. (in French.)
11. Houlder, J.A. (1960). Proverbs or Malagasy proverbs. Tananarive: Lutheran printing. (in Malagasy and French).
12. Hrisztalina H.G. & Melita, A.V. (2014). Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. Berlin. (in Eng.)
13. Mieder, W. (1998). Twist Wisdom, Modern Anti-proverbs. Vermont. (in English).
14. Milica, I. (2011). Proverbs et antiproverbs. Paris. (in French).
15. Shapira, C. (2000). Proverb, proverbialisation and deproverbialisation. *Languages*, 34(139). (in French.).
16. Zouogbo, J.P. (2006). The proverb between language and culture. Frankfurt: Peter Lang SA. (in French.).

Для цитирования:

Раадранириана А.М.М. Представление феномена антипаремии в русском, французском и малагасийском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 975—984. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-975-984.

For citation:

Rahadraniriana A.M.M. (2017). Antiparemia in Russian, French and Malagasy languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 975—984. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-975-984.

Rahadraniriana Antsa Miangola Malala, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 975—984. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-975-984.

Сведения об авторе:

Раадранириана Антса Миангола Малала, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; научные интересы: лингвокультурология, сопоставительная лингвистика, теория перевода; e-mail: antsaah88@gmail.com

Bio Note:

Rahadraniriana Antsa Miangola Malala, post-graduate student of the Department of General and Russian Linguistics of the Philological Faculty at RUDN University; Scientific interests: linguoculturology, comparative linguistics, translation theory; e-mail: antsaah88@gmail.com



УДК: 811.124:391.91

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-985-992

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В ТАТУ ИНДУСТРИИ

Д.С. Чинина

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Россия

В предоставленной статье изучается место латинского языка в современной тату индустрии. Рассматривается вопрос о том, является ли латынь одним из самых распространенных языков, использующихся в сфере боди арта. Приводится классификация фраз на латыни, которые чаще всего используются для татуировок. В работе проводится статистическое исследование, направленное на выявление самых популярных форм применения латинского языка для татуировок. Тема статьи является актуальной, так как посвящена изучению субкультурного кода, важное место в котором играет такой мертвый язык, как латинский. Объектом исследования является латинский язык в современной тату индустрии. Предметом работы служат способы применения латыни в боди арте. Источниками исследования послужила сеть Интернет, а также научная литература. В результате работы делается вывод о том, насколько действительно распространено использование латинского языка в современном искусстве татуировки. Также говорится о том, что интерес к исследованию методов использования латыни в современном искусстве может дать понимание о степени интеграции латинского языка сегодня. Статья может быть использована в курсах социолингвистики и латинского языка.

Ключевые слова: латинский язык, татуировка, крылатые выражения, статистика, английский язык

ВВЕДЕНИЕ

Историческая роль латинского языка, как международного языка науки и художественной литературы велика. В книге «Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков» приводится замечательный пример этому: «Латинский язык не был мертвым языком, и латинская литература не была мертвой литературой. По-латыни не только писали, но и говорили: это был разговорный язык, объединявший немногочисленных образованных людей того времени: когда мальчик-шваб и мальчик-сакс встречались в монастырской школе, а юноша-испанец и юноша-поляк — в Парижском университете, то, чтобы понять друг друга, они должны были говорить по латыни. И писались на латинском не только трактаты и жития, но и обличительные проповеди, и содержательные исторические сочинения, и вдохновенные стихи» [Памятники средневековой... 1970: 27].

На сегодняшний день латинский язык, будучи мертвым, утратил свои функции лингва франка и не используется как средство международного общения, написания научных работ, создания художественной литературы. Несмотря на вышеперечисленные факторы, латынь до сих пор играет неотъемлемую роль в жизни современного общества и по сегодняшний день является актуальной. Эти качества объясняют популярность латыни в индустрии создания татуировок.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что индоевропейская семья насчитывает более 80 языков и диалектов. Латынь, входящая в романскую группу, как и славянская, германская, индийская, иранская, греческая и другие группы, принадлежит к индоевропейской семье. Все живые языки, а также большинство существующих сейчас диалектов подразделяются на некоторые группы внутри языковой семьи. «Вместе с древними оскским и умбрским языками латинский составлял италийскую ветвь индоевропейской семьи языков» [Ярхо, Лобода 1998: 9].

Согласно информации, представленной в учебнике латинского языка В.Н. Ярхо и В.И. Лободы, латинский язык (*Lingua Latīna*) свое название получил от небольшого италийского племени латинов (*Latīni*), жившего в области Лаций (*Latium*) [Ярхо, Лобода 1998]. Центром данной области стал город Рим, вокруг которого поселялись и объединялись другие италийские племена, впоследствии ставшие называть себя римлянами. Данный народ хорошо известен своей высокоразвитой цивилизацией, богатым историческим и культурным наследием. Еще на ранних этапах становления римляне обладали письменностью; рано появились и зачатки литературы, как поэтической, так и прозаической.

Существуют памятники письменности на латинском языке, которые помогли лингвистам в изучении особенностей архаической латыни. Например, древнейшие латинские надписи датируются VII—VI вв. до н.э. Литературные тексты, которые, как правило, берут из сохранившихся средневековых рукописей, начинаются с середины III в. до н.э. Для изучения долитературного периода истории латыни надписи играют огромную роль и являются главным источником информации о данном этапе развития языка.

О древнейших надписях на латинском языке говорит Е.В. Федорова в своей работе «Ранняя латинская письменность» [Федорова 1991]. В «Исторической грамматике латинского языка», написанной в 1960 году, И.М. Тронский упоминает лишь пять латинских надписей до середины III в. до н.э.: Перенинская застежка (VI в. до н.э.), надпись форума (около 500 г. до н.э.), надпись из Тибура (VI—V вв. до н.э.), надпись Дуэноса (VI—VI вв. до н.э.), бронза Фуцинского озера (вероятно, начало III в. до н.э.).

По словам В.Н. Ярхо и В.И. Лободы, самые древние памятники письменности латыни предположительно относятся к концу VI—началу V веков до н.э. Один из таких — отрывок сакральной надписи на обломке черного камня, который относится примерно к 500 году до н.э.

В настоящее время список памятников древней латинской письменности увеличился благодаря археологическим и лингвистическим исследованиям, развитию инновационных способов исследований. За эти годы было найдено еще несколько важных надписей, которые датируются VII—V вв. до н.э. В первую очередь, это надпись из Стрика (VI в. до н.э.); надпись Вендии, которую относят к последним десятилетиям VII в.; надпись из Мадонетты (датируется началом V в. до н.э.), находящейся рядом с Лавинией. Вышеперечисленные надписи сохранились целиком или в достаточном объеме для получения ценной информации для изучения.

Стоит сказать, что латинские надписи, относящиеся к эпохе античности, собраны в *Corpus Inscriptionum Latinarum* — издании, выпускающемся с 1863 года, которое является одним из наиболее полных и часто цитируемых трудов такого рода, важным источником по античной эпиграфике, общественной и частной жизни Древнего Рима. Т.А. Карасева в книге «Историческая фонетика латинского языка» дает следующую классификацию древних латинских надписей:

- 1) почетные,
- 2) посвятительские,
- 3) надгробные,
- 4) строительные,
- 5) разные короткие надписи на стенах домов, на предметах быта (украшения, посуда, гири),
- 6) заклинания, заговоры,
- 7) документы,
- 8) надписи на монетах [Карасева 2003: 13].

Известно, что с древнейших времен в Риме существовала традиционная устная словесность — передававшиеся из поколения в поколение гимны, молитвы, заклинания. Так, тексты древних гимнов дошли до нас в передаче поздних авторов, которые пытались сохранить устное наследие римской культуры, или в документах авторов более поздних эпох.

Таким образом, тексты древних заклинаний сохранились в надписях и в передаче римских авторов: Катона (234—149 гг. до н.э.), Варрона (111—28 гг.), Ливия (59—17 гг.) и др. В этих образцах народной поэзии отчетливо ощущается ритмическая организация текста, свойственные для него архаические и разговорные формы. Другой жанр римской устной поэзии, такой, как хвалебные гимны, также вызывает интерес ученых. Данный вид гимнов представляет собой стихотворные надписи на гробницах Сципионов, составленные в стихах, которым характерны ямбические и трохеические стопы. Стихи такого рода датируются периодом от середины III в. до н.э. до начала II в. до н.э.

Из упомянутой выше информации можно сделать вывод о том, что одной из развитых и значимых функций латинского языка является магическая функция, в которой адресат речи — это не человек, а высшие силы.

ТАТУИРОВКА КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

Фразы на латинском языке для татуировок являются как раз демонстрацией магической функции языка. Исследователь Л.А. Мельникова указывает, что: «Татуировка, сохраняя исторически сложившиеся функции („социального письма“ индивида обществу, „защитную“, „магическую“), приобретает в современной культуре ряд других функций: эстетическую, самовыражения и демонстрации своих ценностных установок» [Мельникова 2015: 8]. Л.А. Мельникова также упоминает, что татуировка служила знаком, имеющим различные свойства, приобретая в дальнейшем ритуальное и магическое значение, и предназначалась для фиксации регламентирующих стандартов поведения (инициация, вступление в брак, похороны и др.); обозначение принадлежности к определенному полу, возрасту, статусу, группе [Мельникова 2015:9].

Значимой исторической функцией татуировки была демонстрация статусности человека. Например, в античном обществе таким образом «клеймили» рабов и пленных; у скифов татуировки наносили только вождям. Кроме того, определено, что татуировка может включать в себя мифологическое содержание и образы коллективного бессознательного [Бедненко 2008: 37—44]. Стоит отметить двойственную функцию татуировки: с одной стороны — ее влияние на окружение человека, с другой — на самого носителя, что способствует обретению им групповой идентичности. Процесс групповой идентификации может быть представлен тремя периодами, символически определяемыми вопросами: «Ты чей?», «Под чьей защитой ты находишься?», «С чем или кем ты себя соотносишь?» [Шабага 2009].

Визуальные знаки, присутствующие во внешнем облике человека, в данном случае татуировки, служат особым инструментом для общения и невербальной коммуникации. Однако в том случае, когда натальное изображение представляет собой надпись на выбранном носителем языке, тату можно рассматривать как проявление вербального кода. Можно говорить о том, что тату является сложной закрытой невербальной знаковой системой, так как в большинстве случаев представляет собой художественный рисунок на теле носителя [Максименко 2001: 29—36].

Татуировки, выполненные в форме надписи на каком-либо языке, помогают людям, не знающим сложного кода татуировки, понять, что человек хотел продемонстрировать обществу. Использование латинского языка при создании надписи может повышать интеллектуальный статус человека в среде пользователей кода. Также узнаваемость латинского языка делает татуировку менее сложной для визуального восприятия.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ТАТУ ИНДУСТРИИ

Татуировки на латинском языке могут представлять собой словосочетание или пословицу. Чаще всего для создания татуировки используют крылатые выражения на латыни. Надпись на латыни может состоять из одного слова или из нескольких, а также содержать в себе какие-то значимые для человека даты. Можно выделить несколько категорий словосочетаний на латыни, которые чаще всего используются для татуировок:

1) философские цитаты. Это известные изречения, которые появились благодаря прославленным философам и мыслителям. Например:

Non progredi est regredi (лат. Не идти вперед, значит идти назад), *per risum multum debes cognoscere stultum* (лат. По частому смеху ты должен узнать глупца);

2) современные высказывания на латыни — их можно встретить в книгах или фильмах. Очень часто такие фразы становятся крылатыми выражениями. Например:

Fera, audax, callidus, quasi bullet acutus (лат. Быстрый, дерзкий, как пуля резкий), *Anglica plena gloriarum est, sed Latina pro pueris* (лат. Английский для понтов, Латынь — для пацанов).

Приведенные примеры взяты с публичной страницы «Латынь для пацанов» в социальной сети «ВКонтакте». Отметим, что сообщество данной группы стили-

стически пародирует форму классических латинских крылатых выражений для перевода популярных в сети Интернет фраз;

3) перевод понравившегося человеку выражения на латынь. Люди, интересующиеся тату индустрией и стремящиеся сделать нательную татуировку, в большинстве случаев выбирают фразы с дорогим и очевидным только им потаенным смыслом. Известно, что люди стараются выбирать слова, словосочетания или фразы на латинском языке с неким сакральным значением, так как считается, что татуировка оказывает скрытое влияние на жизнь и судьбу своего носителя. Например:

Gaudeamus igitur (лат. Итак, будем веселиться), *perigrinatio est vita* (лат. Жизнь — это странствие);

4) фраза, которая относится к профессии владельца нательной татуировки. Например, военные часто используют для татуировок известные латинские лозунги, к примеру:

Aliis lucens uxor (лат. Служа другим, себя трачу), *gloria victoribus* (лат. Слава победителям).

В ходе нашей работы в поисковых системах Google и Яндекс был задан запрос «татуировки на латыни». Было рассмотрено 1000 результатов запроса в форме фотографий.

На рисунке 1 отображено процентное соотношение найденных при помощи поисковых систем татуировок на латинском языке.

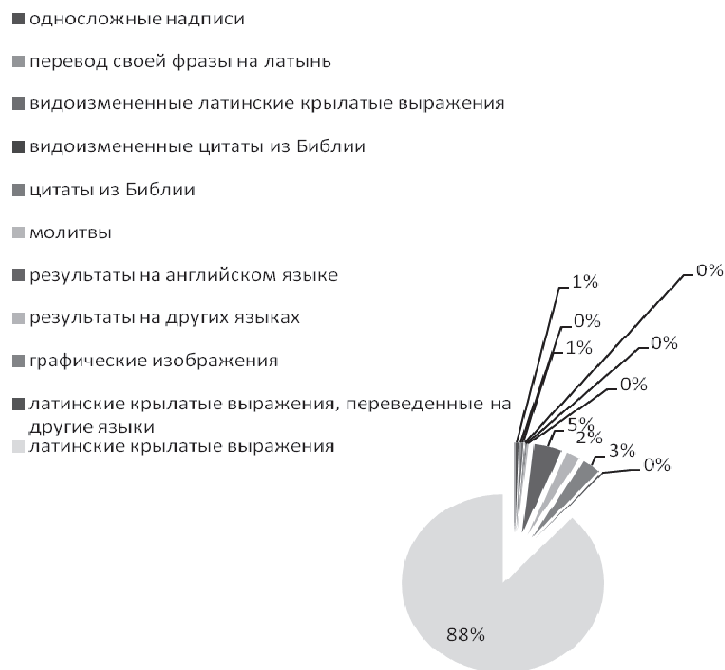


Рис. 1. Статистика использования латыни в тату индустрии / **Fig. 1.** Statistics of Latin usage in tattoo industry

Для того, чтобы в полной мере понять, насколько широко в XXI веке латинский язык употребляется в индустрии татуировки, поисковых системах Google и Яндекс был задан запрос «татуировки надписи». Данный запрос подразумевает, что поисковые системы выдают самые популярные результаты изображений татуировок с надписями без уточнения языка, на котором надпись должна быть исполнена. Было рассмотрено 1000 результатов запроса в форме фотографий. На рисунке 2 отображено процентное соотношение использования иностранных языков для создания татуировки.

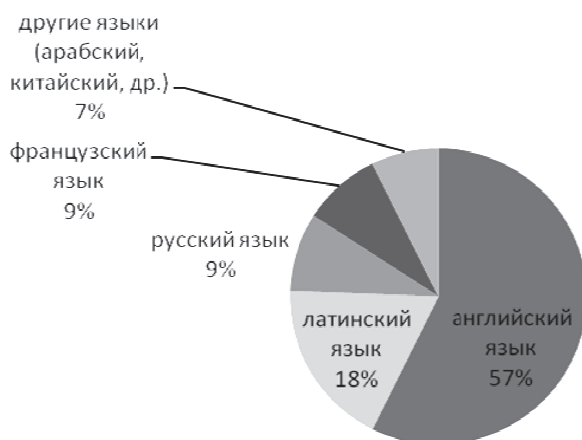


Рис. 2. Частота использования языков в тату индустрии
Fig. 2. Frequency of particular language usage in tattoo industry

Исходя из полученной статистики, можно сделать вывод о том, что латинский язык в значительной степени менее популярен, чем английский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что латынь продолжает оставаться важным культурным явлением современного мира. Сфера применения латинского языка в наше время продолжает оставаться весьма широкой и значимой. Исключительно велика роль латыни как языка народа большой и богатой культурной традиции в истории европейской и мировой культуры. Латинский язык, обладая сильно выраженной магической функцией, стал достаточно популярным в современной творческой сфере. Несмотря на то, что в проведенном исследовании эмпирическим путем было установлено, что в сфере боди арта в большей степени доминирует английский язык, латинский язык занимает второе по распространенности место. Это является прямым доказательством того, что латынь до сих пор имеет значимое место в современной культуре, а в частности в такой отрасли искусства, как тату и боди арт. Дальнейшее исследования методов использования латыни в современном искусстве даст понимание о степени интеграции латинского языка сегодня.

© Чинина Д.С.
Дата поступления: 26.06.2017
Дата приема к печати: 10.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бедненко Г.Б.* Пространство мифа // Прикладная юридическая психология. 2008. № 4. С. 37—44.
2. *Валу́йцева И.И.* Сакральные языки и фактор времени // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. Москва, 2005. № 6. С. 14—21.
3. *Иловайский Д.И.* Древняя история. Средние века. Новая история. Москва: Современник, 1997. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/polk-8/47.htm> Дата обращения 15.07.2017.
4. *Карасева Т.А.* Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII—I веков до н. э. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2003.
5. Латинский язык: Учебник для педагогических институтов по специальности «Иностранные языки» / В.Н. Ярхо, З.А. Покровская, Н.Л. Кацман и др.; под ред. В.Н. Ярхо, В.И. Лободы. 5-е изд., стер. Москва: Высшая школа, 1998.
6. *Максименко О.И.* Поликодовые компоненты субкультур (на примере хиппи и хип-хопа) // Военно-гуманитарный альманах: Лингвистика. Язык. Коммуникация. Перевод. Вып. 1. Том 1. Материалы X Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации 1 июля 2016 г. / под общ. ред. Н.В. Иванова. Москва: ИД «Международные отношения», 2016. С. 29—36.
7. *Малинаускене Н.К.* (2001). Введение в историю латинского языка. Общие вопросы и доклассический период. Курс лекций. Москва: Греко-латинский кабинет, 2001.
8. *Мельникова Л.А.* Татуировка как репрезентация социокультурных кодов визуальности (на материалах исследования молодежных субкультур города Владивостока): автореф. дисс. ... канд. культ. Комсомольск-на-Амуре, 2015.
9. Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков / пер. с латинского М.Е. Грабарь-Пассек, И.П. Стрельниковой, С.А. Аверинцева и др. Москва: Наука, 1970.
10. *Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валу́йцева И.И., Вековищева С.Н.* Лингвистика и лингвисты: прошлое и настоящее. Москва: ИИУ МГОУ, 2013.
11. *Шаблага А.В.* Исторический субъект в поисках своего Я. Москва: Изд-во РУДН, 2009.

УДК: 811.124:391.91

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-985-992

LATIN IN TATTOO INDUSTRY

Daria S. Chinina

Moscow State Regional University
105005, Moscow, Radio str., 10A, Russian Federation
dariaexplosion@gmail.com

Abstract. The issue of the article is a place of Latin in the modern tattoo industry. The role of Latin as one of the most common languages used in the field of body art is discussed. The classification of phrases in Latin that are often used for tattoos is given. In the course of work a statistical study aimed at identifying the most popular forms of Latin in tattoos is conducted. The theme of the article is relevant because it implies a study of the subcultural code, in which Latin plays an integral part. The object of the article is the place of Latin in the modern tattoo industry. The subject of the paper is the usage of Latin in the modern body art. The information for the scientific work is taken from the Internet as well as from national scientific literature. In conclusion statistics demonstrate how really widespread usage of Latin in modern tattoo art is. It is also stated that interest to the research of the methods of Latin usage in modern art may give us more profound understanding of the of Latin integration degree today. The article can be applied for courses of Sociolinguistics and the Latin language.

Key words: Latin, tattoo, Latin proverbs, statistics, English

REFERENCES

1. Berdenko, G.B. (2008). Space of the Myth. *Applied Legal Psychology*, 4, 37—44. (in Russ.).
 2. Valujtseva, I.I. (2005). Sacral Languages and Time Factor. Moscow: *Vestnik MGOU. Series: Linguistics*, 6, 14—21. (in Russ.).
 3. Il'ovskiy, D.I. (1997). Ancient History. Middle Ages. Modern History. Moscow: Sovremennik. URL: <http://www.bibliotekar.ru/polk-8/47.htm> (in Russ.). (accessed: 15.07.2017).
 4. Karaseva, T.A. (2003). Historical Phonetic of Latin. Commentary on Grammar of Latin Texts of VII—I Centuries B.C. The second edition and additions. Moscow: Greko-latinskii kabinet (in Russ.).
 5. Jarho, V.N., Pokrovskaja, Z.A., Katsman, N.L., et al. (1998). Latin: Manual for Students of Pedagogical Institutes, Qualification “Foreign Languages”. Moscow: Vyshaya Shkola. (in Russ.).
 6. Maksimenko, O.I. (2016). Polycode Components of Subculture (on the Example of Hippy and Hip-Hop). Moscow: International Relationships, 29—36. (in Russ.).
 7. Malinauskene, N.K. (2001). Introduction to the History of Latin. General Questions and Pre-classical Period. Lecture Course. Moscow: Greko-latinskii kabinet. (in Russ.).
 8. Melnikova, L.A. (2015). Tattoo as Representation of Sociocultural Codes of Visual Definition (Based on Research of Vladivostok Subcultures Materials) [synopsis]. Komsomolsk-na-Amure: HPE “VVSU”. (in Russ.).
 9. Grabar-Passek, M.E. & Gasparov, M.L. (1970). Monuments of Medieval Latin Literature of IV—IX centuries. Moscow: Science. (in Russ.).
 10. Khukhuni, G.T., Belyaeva, I.F., Valujtseva, I.I. & Vekovishcheva, S.N. (2013). Linguistics and Linguists: Past and Future. Moscow: *PO of MGOU*. (in Russ.).
- Shabaga, A.V. (2009). Historical Subject in Search for Individual Self. Moscow: Publishing Office of RUDN. (in Russ.).

Для цитирования:

Чинина Д.С. Латинский язык в тату индустрии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 985—992. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-985-992.

For citation:

Chinina D.S. (2017). Latin in Tattoo Industry. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 985—992. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-985-992.

Daria S. Chinina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 985—992. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-985-992.

Сведения об авторе:

Чинина Дарья Сергеевна, магистрант Московского государственного областного университета, кафедры теоретической и прикладной лингвистики; *научные интересы*: древние языки и культуры, социолингвистика, компаративистика, английская филология; *e-mail*: dariaexplosion@gmail.com

Bio Note:

Daria S. Chinina, undergraduate student in Moscow Region State University, Theoretical and Computer Linguistics Department; *Interests*: ancient languages and cultures, sociolinguistics, comparativistics, English philology; *e-mail*: dariaexplosion@gmail.com



УДК: 81'25:316.77:159.955

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-993-998

ПСИХОСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА В БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Е.В. Тутова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Ученые лингвисты сравнительно недавно начали изучать кодовое переключение как отдельное явление. Более ярко выраженным оно является в речи билингов, то есть людей, одинаково хорошо владеющих двумя языками и выбирающими каждый из них в подходящей ситуации. Однако лингвисты спорят — всегда ли переключение кода мотивировано или на билингов оказывают влияние какие-либо языковые факторы.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальный, кодовое переключение, лингвисты, психологический подход

Переключение кода — это процесс перехода индивида с одного языка на другой в процессе коммуникативного акта, чтобы яснее передать свои коммуникативные интенции. Для успешного осуществления процесса переключения кода между языками должен происходить непосредственный контакт.

Психолингвистический подход к изучению переключения кода среди билингвальной среды объясняет, какие аспекты языковой способности билингов позволяют менять коды.

Изучение психологического аспекта переключения кода представляет особый интерес для лингвистов, так как это явление до своего формального выражения в речи проходит определенный алгоритм в сознании человека. Чаще всего лингвисты обращаются к психолингвистическим моделям билингвальной речи, чтобы выявить связи между структурными параметрами, характеризующими ее с грамматической точки зрения. Следовательно, они помогают оценить, насколько сильно переключение кода ассимилируется в грамматический строй языка-приемника, то есть языка, на который билингвы переходят, чтобы яснее донести свои коммуникативные интенции. И. Матрас считает, что во время монолингвального разговора билингв стоит перед выбором, может ли он переключаться на иной язык или нет [Matras 2012].

Одна из самых важных моделей речепорождения в психолингвистике принадлежит В. Левельту. Он делит процесс речепорождения на три стадии: 1) стадия подготовки довербального сообщения, которое становится основой для непосредственных процессов когнитивно-лингвистической формулировки; другими словами, это сообщение рассматривается как нелингвистическая репрезентация,

состоящая из концептов и их соответствующих ролей (агент, тема, реципиент); 2) процессы грамматического кодирования, которые определяют синтаксическую структуру будущего высказывания; 3) фонологическое кодирование, или создание фонологической формы высказывания; 4) произнесение высказывания [Levelt 1989].

Параллельно с грамматическими и фонологическим кодированием происходит процесс извлечения лексических единиц из ментального лексикона. Этот процесс состоит из двух составляющих: выбор леммы и извлечение конкретной словоформы. Во время извлечения словоформы говорящий определяет ее фонологические сегменты и метрическую рамку. Метрические рамки комбинируются и образуют фонологические слова. На основе такого понимания фонологического координирования, мы можем сделать два вывода: 1) фонологическая форма слова не извлекается говорящим как некая законченная единица, она выстраивается из более мелких единиц — фонем; 2) слогоделение происходит на более позднем этапе. Силлабическая структура слов не извлекается из ментального лексикона, а определяется когда извлеченные фонологические сегменты связываются с метрической рамкой фонологического слова.

К. Де Бот, применяя модель Левелта для билингвальной речи, предположил, что лексиконы различных языков и их филологические характеристики хранятся вместе, в рамках единой системы, при этом каждый элемент этой системы обладает свойством указывать на свою принадлежность к какому-либо языку, образуя тем самым две подсистемы в рамках одной [De Bot 1992].

Таким образом, К. де Бот предлагает решение одного из основных вопросов психолингвистики в отношении места хранения информации о различных языках, помещая их в единую систему связанных между собой элементов. Эту точку зрения разделяют и другие лингвисты [Clyne 2003 и др.].

Адаптированная модель билингвальной речи согласно К. де Боту [De Bot 2000] выглядит так: сначала билингв обращается к единой концептуальной системе двух лексиконов посредством концептуализатора, однако уже на этапе грамматического кодирования он задействует различные формуляторы, которые обрабатывают разноязычные леммы в соответствии с правилами кодирования того или иного языка. Наконец, на этапе артикуляции речь получает либо монолингвальное оформление, либо билингвальное (происходит кодовое переключение), в зависимости от интенций говорящего.

Итак, принципиальное отличие механизмов монолингвальной и билингвальной речи, согласно модели Де Бота, заключается в наличии нескольких формуляторов, число которых соответствует количеству языков, на которых способен изъясняться говорящий. В поиске необходимого слова активируется сразу несколько вариантов вербализации (включая варианты из альтернативных лексиконов), и говорящий делает выбор в пользу наиболее подходящего, при этом все возможные альтернативы подавляются.

Рассмотрим пример:

The 25-year-old founder of the hit *faux-fur* label Shrimps [Vogue UK July 2015]
(25-летняя основательница популярного бренда искусственного меха — «Шримп»).

В данном случае слово «faux» заменяет английское слово *artificial*, которое длиннее и намного сложнее для произношения. Следовательно, вводится французский термин для обозначения искусственного меха, который должен быть известен всем индивидам, связанным с миром моды или проявляющими к нему интерес. В этом случае переключение кода вводится для удобства говорящего.

Если же говорящему не хватает энергетических ресурсов, чтобы подавить неприемлемые варианты (например, в случае усталости или при патологических заболеваниях), происходит непреднамеренное переключение кодов (так называемая «оговорка билингва»). М. Грин полагает, что производство лексем и языковых структур проходит процедуру, в ходе которой данные структуры, ограниченные рамками контекста, подвергаются отбору, в то время как языковые формы, которые считаются не подходящими по контексту, блокируются [Green, 1999]. Структура, которая получается в ходе данного процесса, является функционально-правильной согласно семантико-прагматической теории, но неправильной исходя из контекстуальной теории. Например:

*In this scene Chloe looks like the sort of **jeune femme** that would write one of those unfortunate books, whereas Carrie looks like the girl who bought it [Instagram: @everyoutfitsatsc]. (В этом эпизоде Хлоя выглядит как молодая женщина, написавшая одну из таких неудачных книг, в то время как Керри выглядит как девушка, которая ее купила.)*

В данном примере французская фраза *jeune femme* вкрапляется в структуру английской фразы.

Развивая идеи Д.В. Грина, Ф. Грожан уточняет, что в зависимости от степени активации альтернативного языка билингв может находиться как в монолингвальном, так и в билингвальном режиме, при котором один из языков всегда будет базовым, а другой — второстепенным. Данная предпосылка лежит в основе понятия матричного. Многие современные исследователи склонны считать, что ко-активация двух языков — довольно распространенное состояние, обуславливающее наличие таких языковых вариаций, где постоянное кодовое переключение является нормой. Одновременная активация семантических подсистем на концептуальном уровне — типичное состояние, которое наглядно проявляется при интерпретации метафоры, иронии и других приемов, построенных на взаимодействии разноязычных семантических значений [Tracy 2000; Gardner-Chloros 2009]. Рассмотрим пример метафорического переключения кода:

*With ambassadors such as Julia Roberts and Lupita Nyong'o it has become the epitome of radiance and **joie-de-vivre**. (Elle July 2015 ZA) (С такими звездными посланниками, как Джулия Робертс и Люпита Нионго, бренд стал образцом великолепия и красоты жизни.)*

В этом предложении используется знаменитая французская фраза *joie de vivre*, то есть она вводится, чтобы отразить яркую картину радости жизни, тем самым представляет собой концептуальный образ всего самого лучшего, что есть в жизни.

Если считать, что билингвизм есть особый случай более широкого явления стилистической вариации, то переключение между языками должно рассматри-

ваться как отличающееся лишь по степени стилевой окрашенности от переключения внутри одного языка, и действительно, в коллективах, где большинство говорящих двуязычно. Следовательно, в правилах выбора языка можно увидеть действие в точности тех же параметров, которые появляются при попытке соотнести монолингвальный выбор языковых элементов с ситуативными факторами преимущественно социологического характера. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое — другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова — другому и т.п. [Елоева, Русаков, 1990]. Например:

*I like to meet my interior-designer friend at Lady M's Boutique, a **patisserie** so high-class it's the Tiffany's of cakes [Harper's Bazaar UK April 2015]. (Я люблю встречаться с моим другом дизайнером интерьеров в бутике «Леди М», очень пафосной кондитерской, которую можно назвать Тиффани среди магазинов тортов.)*

Английское слово bakery заменяется французским аналогом *patisserie*, чтобы подчеркнуть высокий статус заведения. Это существительное согласуется с английским прилагательным *high-class*, тем самым подтверждая теорию о границе различных языковых кодов.

И. Матрас опровергает теорию о том, что иноязычные вкрапления являются «престижными», «социально-мотивированными» и «подверженными социальному давлению» без определенной связи с социальными условиями, влиянием разговорного языка и коммуникативных интенций, а также особой функциональной роли заданной структуры или категории [Matras, 2012].

Итак, следует отметить, что переключение кода используется билингвами не только для удобства, но зачастую и для того, чтобы подчеркнуть свою социальную роль, статус или принадлежность к какой-либо языковой группе. Как правило, один язык несет доминирующий характер, хотя оба языка находятся в рамках одной коммуникативной системы. Выбор языка в каждой отдельной ситуации не всегда маркирован, на него могут оказывать влияние такие аспекты, как уровень владения языками, коммуникативные интенции говорящего и даже психологическое состояние самого билингва.

© Тугова Е.В.

Дата поступления: 1.06.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гальперин И.П. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974.
2. Clyne M. Dynamics of language contact. English and immigrant languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. R.; Weltens, B. Q201.
4. Elle South Africa, July 2015.
5. Gardner-Chloros P. Code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
6. Levine R.D., Georgia M. Green. "Introduction". Studies in contemporary phrase structure grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

7. Levelt W.J.M. *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1989.
8. Levelt W.J.M. Accessing words in speech production: stages, process and representations // *Cognition*, 42, 1992.
9. Matras, Yaron. 2012. An activity oriented approach to contact-induced language change. In: Leglise, Isabelle; Chamoreau, Claudine, editor(s). *Dynamics of contact-induced change*. Berlin: Mouton de Gruyter; pp 128.
10. Matras, Yaron. 2012. Loanwords in the world's languages: A comparative handbook (review). In: *Language*. Vol. 88—3.
11. Myers-Scotton C., Ury W. “Bilingual Strategies: The Social Functions of Codeswitching” // *Journal of the Sociology of Language*. 1977. 13. pp. 5—20.
12. Myers-Scotton C. Codeswitching as socially motivated performance meets structurally motivated constraints // *Thirty Years of Linguistic Evolution / Piitz, Martin (ed.)*. Amsterdam: John Benjamins, 1992. pp. 417—428.
13. Myers-Scotton C. *Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching* — Clarendon Press, Oxford, 1993.
14. Myers-Scotton C. *Contact linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
15. *Vogue UK* July 2015.
16. *Vogue USA* September 2015.

УДК: 81'25:316.77:159.955

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-993-998

PSYCHOSOCIOLINGUISTIC APPROACH TO STUDYING THE PROCESS CODE SWITCHING IN BILINGVAL ENVIRONMENT

E.V. Tutova

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Linguists have recently started to explore code switching as a separate aspect. It can be more thoroughly traced in the speech of the bilinguals — people who can operate both languages equally and choose one of them in a suitable situation. However, linguists argue if code-switching is always motivated or are bilinguals influenced by the language factors.

Key words: bilingualism, bilingual, code-switching, linguists, psychological approach, language factors, communicative act, speech

REFERENCES

1. Galperin, I.R. (1974). *Informativity of units of language*. Moscow: High School. (In Russ.)
2. Clyne, M. (2003). *Dynamics of language contact. English and immigrant languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. *Elle South Africa*, July 2015.
4. Gardner-Chloros, P. (2009). *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Levine, Robert D., and Georgia M. Green. “Introduction”. *Studies in contemporary phrase structure grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
6. Levelt, W.J.M. (1989). *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge, MA: M.I.T. Press.
7. Levelt, W.J.M. (1992). Accessing words in speech production: stages, process and representations, *Cognition*, 42.

8. Matras, Yaron. (2012). An activity oriented approach to contact-induced language change. In: Leglise, Isabelle; Chamoreau, Claudine, (ed.). *Dynamics of contact-induced change*. Berlin: Mouton de Gruyter.
9. Matras, Yaron. 2012. Loanwords in the world's languages: A comparative handbook (review). In: *Language*. Vol. 88(3).
10. Myers-Scotton, C. & Ury, W. (1977). “Bilingual Strategies: The Social Functions of Codeswitching”. *Journal of the Sociology of Language*, 13. pp. 5—20.
11. Myers-Scotton, C. (1992). Codeswitching as socially motivated performance meets structurally motivated constraints In *Thirty Years of Linguistic Evolution*, Piitz, Martin (ed.). Amsterdam: John Benjamins. pp. 417—428.
12. Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching* — Clarendon Press. Oxford.
13. Myers-Scotton, C. (2002). *Contact linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
14. *Vogue UK* July 2015.
15. *Vogue USA* September 2015.



УДК: 811.512.121:395
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-999-1004

ЭТИКЕТНАЯ ЛЕКСИКА КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

А.К. Наурызова

Каракалпакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалпакского отделения
Академии наук Республики Узбекистан
230100, Республика Каракалпакстан, г. Нукус, ул. Амира Тимура, 179 А

В статье рассматривается роль этикетных слов, которые характеризуют взаимоотношения коммуникантов, показывают их взаимосвязь и их стилистическое использование с фамилией и именем при обращении. Каждый народ в соответствии со своими национальными особенностями, национальной психологией формирует собственную группу этикетных слов, используемую с антропимическим комплексом при обращении к человеку.

Принадлежность к определенной социальной группе, национальности и народу, родоплеменная и государственная связь людей, влияние хозяйственных, политических или культурных факторов предлагают разным частям общества (мужчины, женщины, пожилые люди, молодежь, дети, сельские и городские жители) действовать по соответствующим правилам и порядку. Подобным образом появляется совокупность культуры действий, сформировавшихся в отношениях между людьми и сложившихся в определенную систему, в последнее время называющуюся термином *этикет*.

Этикетная лексика современного каракалпакского языка составляет *объект исследования*; выявление роли использования единиц речевого этикета в формировании норм литературного языка, их рассмотрение в качестве основных признаков культурной речи, сопоставительное изучение особенностей речевого этикета с тюркскими языками в соответствии с внутренними закономерностями языка являются *предметом исследования*.

Ключевые слова: этикет, обращение, каракалпакский язык, фамилия, имя, национальная особенность, письменность, официальный документ

ВВЕДЕНИЕ

Этикет — философское, этическое и педагогическое понятие; совокупность действий и правил, упорядоченных и систематизированных для конкретного общества. По-нашему мнению, формирование этикета на речевом уровне особенно интересно для исследований в языке, народ которой в условиях независимости на современном этапе формирует новую духовность. Специальное исследование вопросов речевого этикета в современном каракалпакском языке, описание его особенностей являются актуальной частью сегодняшнего национального языкознания; язык народа или национальности, безусловно, имеет специфику речевого этикета, что является закономерным явлением. После получения независимости Республикой Каракалпакстан возник интерес к национальному языку, литературе, к народным традициям и обрядам, в Узбекистане и суверенном Каракалпакстане формируется новая духовная атмосфера. Специальное исследование вопросов ре-

чевого этикета в современном каракалпакском языке, описание его особенностей, диахроническое изучение и систематизация является одной из актуальных задач современного национального языкознания.

Сопоставительный анализ материалов, репрезентующих этикречевой этикетные нормы, является одним из методов исследования общепhilософского, бытового, этического и педагогического уровней. Для лингвистического аспекта исследования этикета были изучены труды лингвистов русской, узбекской и казахской языковедческих традиций, ранее исследовавших вопрос речевого этикета. В исследовании языкового материала были применены исторический, сопоставительно-исторический, описательный методы.

ЭТИКЕТНАЯ ЛЕКСИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Общеизвестно, что лексика любого языка характеризует его национальные особенности, но в максимальной мере это касается этикетных слов. Так, на уровне художественного текста использование этикетных слов играет весомую роль при выстраивании фабулы, описании характера героев, создании речевых характеристик, воссоздании исторического колорита и т.д., для реализации стилистической функции в художественном произведении.

Стилистические особенности этикетного слова богаты различными оттенками и могут образовывать синонимические ряды. Стилистические особенности этикетных слов в современном каракалпакском языке имеют свою специфику.

Этикетные слова употребляются при обращении к личности, образуя комплекс с именем и фамилией, их основной функцией является характеристика взаимоотношений коммуникантов, а также маркирование ситуаций различных типов, например, официальные/неофициальные, нейтральные/маркированные и т.д. Например: *Уважаемый (имя, отчество); Дорогой (имя); Товарищ (имя, фамилия)*.

В ряде случаев возможно употребление только имени, например, во взаимоотношениях адресата и адресанта в случае общения старший—младший, наставник—ученик.

Известно, что каждый народ в соответствии со своими национально-культурными особенностями, национальной психологией по-разному использует этикетную лексику при обращении к личности вместе с именем, отчеством, фамилией. Например, менталитету русского народа, как указывает В.Ф. Андреев, соответствует трехчленная система (фамилия, имя, отчество), исследователь связывает происхождение данного типа обращения с полным произношением имени и отчества с историей Киевской Руси и Византии [Андреев 2004: 236].

У каракалпакского народа обращение к человеку вместе с прибавлением имени и отчества пришло из культуры западных народов, на каракалпакском языке в письменной коммуникации в документах используются сокращенные формы имени и отчества (инициалы), например, *Д.С. Насыров* и т.д., а в устной форме данные типы обращений используются в официальных случаях.

О. Сайымбетов, исследовавший период формирования этикетных слов при обращении к личности с использованием фамилии, имени и отчества, приводит нижеследующее: «У каракалпаков фамилия начала использоваться в обозначении человека только с сороковых годов. До пятидесятых годов в каракалпакских антропонимах документирование было принято в виде фамилия—имя. А в последние годы, т.е. после 1950-х годов, эта антропонимическая система полностью принята в виде *фамилия—имя—отчество*. Отечество отмечено для мужчин *-ович/-евич*, для женщин *-овна/-евна* как показатели русского языка» [Сайымбетов 2000: 29].

В считающихся основными источниками, дающими сведения о формировании каракалпакского письменного литературного языка, в официальных документах XVIII—XIX веков, начала XX века мы встречаем использование в различных формах имени и фамилии человека в роли этикетного слова. Например, в письме, написанном каракалпаками в 1743 году на имя императрицы Елизаветы Петровны I:

*«...Императрица Элизавета Петровна ҳазиретлерүнди мислән меним падиша-
гымга Ким жумлә халайықларға ешкартүрлгандүр»* [Хамидов 1985: 295].

После завоевания царской Россией среднеазиатских территорий в официальных документах началось использование вместо имени и фамилии должности, например, *хәким — музафفات* и др. в роли этикетного слова. Это явление находит свое отражение в нижеследующих примерах:

1. *Улуг дәрежелі Амиўдарья музаффаты хәкими хазиретларға* [Хамидов 1985: 109].

2. *Бәләнд мәртебелу Амиўдарья музаффаты хәкимине ошбуның төбаниде қол қойыўға Чимбай таўабығындағы оң болум кол астындағы фуқараларыдың арзы* [Хамидов 1985: 108].

3. *Хүрметли Чымбай таўабығының хәкимине Ешим болусының 4 инчи аўылының фуқараларының олтурум терис ағар қаласыдын жасалмыш арзанама* [Хамидов 1985: 114].

Как и во многих национальных языках постсоветского пространства тюркской группы, в современном каракалпакском языке при обращениях широко распространено применение отчества в форме на *-ович, -овна, -евна* как слов этикета. В свидетельствующем о гражданстве документе — в паспорте — мы видим написание отчества, как указано выше.

Обратим внимание на то, что в нашем прошлом, во взаимоотношениях с русскими и в других случаях, мы видим их использование в официальном стиле.

Использование имени, фамилии в стилистических целях в языке художественных произведений освещается в нижеследующих примерах:

1. *Нажимов повернулся к Давлетову: Жаксылык Даулетович, слово вам* (Т. Кайыпбергенов).

2. *Ержан Сержанов ваш родственник или однофамилец?* (Т. Кайыпбергенов).

3. *Наши преданный друг, амир ногайский Ысмайыл Мусаевич! Хочу вам сообщить это. Из письма, написанного русским царем ногайскому эмиру* (К. Мамбетов).

4. *Борис Годунов... обратился к Ысмайылу: как ваши дела, Ысмайыл Мусаевич* (К. Мамбетов).

Приведенные примеры представляют наличие отчеств в каракалпакском языке, связанное с влиянием языка метрополии — русского языка. Отчество используется публично в большинстве официальных ситуаций, нередко в личном общении при обращении друг к другу в целях усиления функциональной значимости общения коммуникантов.

Об этом в русской лингвистической науке писала Н.И. Фармановская, доказывая, что во взаимоотношениях людей обращение по имени и отчеству к старшему человеку и схема **товарищ + фамилия** и многие другие этикетные схемы означают уважение. Кроме того, отмечает исследователь, они обозначают тесные дружеские отношения людей [Фармановская 1984: 38].

Итак, учитывая эти положения, мы считаем, что окончательная отмена отчества (*-вич, -евна, -ов/-ев* и т.д.), обсуждаемая в научных кругах, станет препятствием в развитии национального языка и не даст хороших результатов, так как в ряде случаев для сохранения официально-деловой стилистики употребление отчества необходимо. Еще одним аргументом сохранения отчества в каракалпакском языке является выражение уважения к своим истокам и предкам при сохранении имени отца как отчества.

СОВРЕМЕННАЯ ЭТИКЕТНАЯ ЛЕКСИКА КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время в официальных документах, например, при регистрации актов гражданского состояния в написании антропонимическо-но комплекса имени—отчества—фамилии, встречаем два вида их представления, например, *қызы* и *улы* или (*-ов*)-*ова, -евич(-евна* и т.д.).

По нашему мнению, в условиях использования фамилии, имени и отчества в этикетной роли необходимо обратить внимание на проблему устойчивого правописания, так как отсутствие нормативности может привести к нарушению идентификации конкретного человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что:

- 1) в каракалпакской языковедческой традиции проблема функционирования и классификации единиц этикетной лексики мало изучена и требует разностороннего описания;
- 2) использование в каракалпакском языке фамилии, имени и отчества в роли слов этикета пришло из русского языка; основная сфера употребления — официально-деловая;
- 3) использование в роли этикетной лексики комплекса фамилии, имени, отчества, особенно при обращении, указывает на национальную особенность каракалпакского языка.

© Наурызова А.К.

Дата поступления: 1.06.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Андреев В.Ф.* Золотая книга этики. Москва: Вече, 2004.
2. *Сайымбетов О.Т.* Қарақалпақ тилиндеги меншикли адам атлары. [Sobstvennoe imia sushchestvitel'noe v karakalpakskom iazyke]. Нөкис: Билим, 2000.
3. *Хамидов Х.* Ески қарақалпақ тилинің жазба естеликлери. [Pis'mennye pamiatniki starogo karakalpakskogo iazyka. [Written records of Old Karakalpak Language]. Нөкис: Қарақалпақстан, 1985.
4. *Формановская Н.И.* Употребление русского речевого этикета. Москва, 1984.

УДК: 811.512.121:395

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-999-1004

HISTORICAL FORMING OF ETIQUETTE WORDS

Aisultan K. Nauryzova

Karakalpak Research Institute of Humanities
(Karakalpak Regional Branch of Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan)

Amir Timur 179 a, 230100 Nukus, Karakalpakstan, UZBEKISTAN

Abstract. The article deals with the role of addressing by Name or Family name, and its stylistic usage. Etiquette words characterize interrelation of speakers, which shows the degree of their relationship. Each nation in accordance with its national features and psychology uses variously etiquette words in addressing to someone, sometimes with name, middle name and family names in a different way. The given work describes the usage of etiquette words in communication of Karakalpak people.

To be considered a member of certain social groups, a certain nationality, the people, tribal and other state, economic, political or cultural organizations (men, women, the elderly, youth, children, rural and urban residents) make them act according to the respective plans and procedures, obey them, follow schematic stereotypes that are inherent only to them. Similarly, the totality of the culture of action ripened, formed in the relations between people and who have fallen into a definite system, have recently been called the term etiquette.

Etiquette is a philosophical, ethical and, on the other hand, pedagogical concept; Ie, they are considered as a set of actions, ordered and systematized among people. After gaining independence and three or four years before it paid great attention to the national languages, national and nationwide rites and traditions, values, after their revival in Uzbekistan and the sovereign Karakalpakstan a new spiritual atmosphere was formed, we became even more clearly aware of our identity. Along with the national spiritual and material wealth, special attention is paid to the culture of language, especially its purity. In our opinion, all of this, indeed, is a spiritual unit that has an integral synthesis of speech etiquette, which is firmly linked to all of the above stated.

Proceeding from such points of view, taking into account the spiritual requirements of our people and nations, growing at the present stage with each passing day, we believe that the special study of questions of speech etiquette in modern Karakalpak language, its features, to bring in a certain scientific system one of the actual tasks of today's national linguistics. That's because, any language of nation or nationality definitely has its own specificity of speech etiquette, which is a natural phenomenon.

The words of etiquette in modern Karakalpak language constitute the object of research. But the identification of the role of using units of speech etiquette in forming the norms of the literary language, their consideration as the main features of the cultural speech, comparative study of the features of the speech etiquette with the Turkic languages in accordance with the internal laws of the language are considered the subject of the study.

Comparative analysis of materials related to speech etiquette is one of the methods of study of the philosophical, everyday, ethical and pedagogical views of the study in the linguistic aspect. We realized this, studying and taking into account the works of representatives of Russian, Uzbek, Kazakh linguistics, who had previously studied this issue with the scientific-theoretical, material points of view. When writing the work, historical, comparative-historical, descriptive methods were applied.

Key words: etiquette, address, style, language, family name, name, linguistics, national feature, nation, literature, writing, official document

REFERENCES

1. Andreev V.F. (2004). Golden book of ethics. Moscow: Veche. (in Russ.).
2. Sayimbetov O.T. (2000). The proper names of people in Karakalpak language. Nukus: Bilim. (in Karakalpak).
3. Khamidov Kh. (1985). Written records of Old Karakalpak Language. Nukus: Karakalpakstan. (in Karakalpak).
4. Formanovskaya N.I. (1984). The use of Russian speech etiquette. Moscow. (in Russ.).

Сведения об авторе:

Наурызова Айсултан Калбаевна, старший научный сотрудник-исследователь Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук РУз; *научные интересы:* стилистика, этикет, культура речи; *e-mail:* shirazova@mail.ru

Bio Note:

Nauryzova Aisultan Kalbaevna, The senior researcher of Karakalpak Research Institute of Humanities Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan; *Interests:* practice, stylistics, linguistics of etiquette words, speech culture; *e-mail:* shirazova@mail.ru



МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ РУДН

НАУЧНАЯ СТАЖИРОВКА

«Общая и частная методология филологической науки»
РУДН, апрель 3—8, 2017

УДК: 81-13

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1005-1009

ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

О.И. Валентинова

Руководитель программы научной стажировки
«Общая и частная методология филологической науки»
РУДН, апрель 3—8, 2017

8 апреля 2017 года завершился второй сезон работы программы научной стажировки «Общая и частная методология филологической науки», организованной кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. В этом году авторы программы предложили вниманию слушателей следующие направления работы: *М.А. Рыбаков* «Лингвистическая типология как направление и метод. Векторы развития отечественной и зарубежной типологии», *Н.А. Бубнова* «Лексикографические проекты лингвистики и их исследовательский потенциал», *О.И. Валентинова* «История литературного языка с позиций системного подхода. Синтезирование представлений о тексте как о системе с представлениями о литературном языке как о системе, находящейся в непрерываемом развитии», *С.Ю. Преображенский* «Перспективы системного подхода к анализу поэтических текстов и идиостилей. Особенности семантики текстов двойной сегментации и приемы сегментации».

Актуализация методологических проблем филологической науки, приоритетное внимание к объяснительному потенциалу системного метода как универсального метода, востребованного при изучении таких сложных самоорганизующихся систем, как язык, позволили органично объединить на программе научной стажировки ученых, работающих в очень разных областях лингвистики и филологии. Исключительный взаимный интерес к исследованиям друг друга в какой-то степени удовлетворяется возможностью ежедневного профессионального общения

в течение недели. Однако не исчерпывается этой возможностью. Вестник Российского университета дружбы народов — серия «Теория языка. Семиотика. Семантика» — становится площадкой для дальнейшего обсуждения поднятых в ходе стажировки проблем.

Доклады ученых, выступивших на научной конференции «Объяснительный потенциал системного метода в филологической науке», задали не только высокую интеллектуальную планку, но и невероятно широкий диапазон разговору, который будет продолжен, как мы ожидаем, на страницах журнала.

Доклад проф. У.М. Бахтикиреевой «Объяснительный потенциал системного подхода Г.П. Мельникова — личности, формирующей новые смыслы» раскрывал мощный объяснительный, и, как следствие, практический, в какой-то степени прикладной, потенциал концепции Г.П. Мельникова не только в науке, но и в творчестве. Как убедительно показала проф. У.М. Бахтикиреева, при переводе поэтического текста, созданного на типологически ином языке, необходимо учитывать исходную типологию и искать возможности ее отражения при переводе, особенности поэтики обуславливаются типологией языка (см., например, [1]).

Проф. М.Н. Панова в докладе «Влияние социальных факторов на речевое поведение государственных служащих» представила крайне интересные наблюдения над характером происходящих в последнее время изменений речевого поведения многочисленного социального слоя государственных служащих. Разработка методов научной оценки этих, не лежащих на поверхности, изменений, обеспечивающих формирование объемной объективной картины происходящего в языке и обществе, очевидно существенны и для лингвистической науки, и для социологии (см. [2]).

Доклад проф. О.В. Фельде «Мемораты о ссыльных в Сибирской лингвокультуре XXI века» стал свидетельством тому, что наука может и должна быть нравственной. В работе ученого найдена такая точка зрения — исследуются тексты-воспоминания не самих ссыльных, а воспоминания о ссыльных, — которая позволяет в высокой степени достоверно объективировать масштаб и ужасающую жестокость преступлений, совершаемых государством против человека. По сути лингвистическая наука формирует и сохраняет исторические источники и создает для науки исторической метод реконструкции прошлого.

Создание бесценной видеотеки, аудиотеки, расшифровка записей, комментариев и научное многофакторное осмысление собранного в экспедиционных поездках материала — одно из важнейших направлений научной работы, которая ведется в Сибирском федеральном университете под руководством проф. О.В. Фельде (см., например, [3, 4]).

Проф. Г.Т. Поленова в докладе «Диахроническая типология кетского языка» на материале последнего из оставшихся енисейских языков, на которых говорили живущие в центральной Сибири вдоль Енисея народности, доказала крайне сложно объективируемую связанность лексического уровня языка и грамматического. Вымирающий кетский язык, уникальный материал (см., например, [5, 6]) по которому проф. Г.Т. Поленова собрала во время экспедиций в кетские поселения Турханского района Красноярского края, стал, по оценке ученого, безусловным под-

тверждением мысли Г.П. Мельникова о типологическом устройстве языка, обслуживающего изолированные языковые микроколлективы.

Участие в программе научной стажировки тюркологов М.Э. Дубровиной с докладом «Отсутствие сложноподчиненных предложений в тюркских языках как следствие детерминанты агглютинативных языков», и Э.Е. Лебедева с докладом «О некоторых структурных особенностях грамматики в чувашском языке», с очень ценными для объяснительной науки отсылками к концепции системной типологии языков Г.П. Мельникова позволило на высокопрофессиональном уровне обсудить особенно важные для системной лингвистики системные взаимодействия и взаимосвязи всех ярусов языка на материале агглютинативных языков (см. также [7—10]).

Большой интерес на конференции вызвал доклад А.Б. Чернышева «К вопросу о системологии датива».

В докладе проф. И.В. Труфановой «Лексикографический портрет слова *иной*» была представлена имеющая безусловную методологическую ценность филигранная лексикографическая обработка очень сложного для грамматической и семантической интерпретации слова.

Выявлению смысловыразительного потенциала ритмической организации стихотворного текста был посвящен доклад И.А. Снегирева «Ритмическая цитата в структуре поэтического текста».

Историческая лингвистика, результаты математически точной исследовательской работы с памятниками были представлены на конференции в докладе А.Ю. Козловой «К вопросу об отражении цоканья в Александро-Невском списке „Толковой Палеи“».

В прозвучавших на конференции выступлениях исследователей-филологов: *Е.С. Абаевой* «Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом (сопоставительный аспект)», *Е.Я. Антоновой* и *О.В. Алексеевой* «„Несчастье и «злосчастье»: типология судьбы и случая в художественном мире романа „Несчастный Никанор“», *А.В. Батулиной* «Функциональные особенности метаязыковых текстов в современной массовой культуре», *Е.А. Болтовской* и *О.А. Лавшук* «Языковая репрезентация концепта *дом* в поэтических текстах Анатолия Аврутина», *А.В. Загуменнова* «Феноменологический момент в разработках Г.П. Мельникова в аспекте исследований в русле теории языковой личности», *О.С. Захаровой* «Ассоциативный эксперимент как метод исследования окказиональных лексем», *Т.И. Кошелевой* «Ассоциативно-вербальные связи в религиозном (православном) дискурсе», *В.А. Курской* «Ассоциации со словом *восток* в русском языке», *Н.А. Лобачевой* «Текстоцентричность как дидактическая стратегия подготовки учителя-словесника», *Т.М. Ляшенко* «Негативный аспект архетипа матери в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина „Господа Головлевы“ и в рассказе Л. Андреева „Ангелочек“», *Н.М. Непомнящих* «Самоидентификация шотландских горцев посредством гаэльского языка», *П.Ю. Повалко* «Постмодернистский текст как система жанров и стилей», *Н.Г. Серебренниковой* «Механизм построения структурно-сложных эпитетов» — обсуждение методологических вопросов филологии спроецировалось на исследования текстов самой разной этиологии, на проблемы перевода, вопросы

профессиональной подготовки словесников, области интересов психолингвистики и теории языковой личности.

В этом году программа объединила ученых из 3 государств, 18 городов, 24 высших учебных заведений и исследовательских центров, среди которых Алтайский государственный университет, Вологодский государственный университет, Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна), Государственный университет русского языка им. А.С. Пушкина, Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Минский государственный лингвистический университет, Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина, Московский городской педагогический университет, Московский государственный университет путей сообщения, Московский финансово-юридический университет, Национальный исследовательский мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Петрозаводский государственный университет, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский государственный университет, Северный Арктический федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Таганрогский институт им. А.П. Чехова Ростовского государственного экономического университета, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Чувашский государственный институт гуманитарных наук.

Авторы Программы выражают бесконечную признательность своим коллегам — участникам за незабываемую радость научного и дружеского общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009.
2. *Панова М.Н.* Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М.: РУДН, 2004.
3. Сибирь, XX век: люди и судьбы [Текст]: (устные рассказы Г. В. Семенковой) / публикация и примечание Л.С. Семенковой, О.В. Фельде // Живая старина. 2014. № 3. С. 44—47.
4. Сибирская Атлантида [Текст]: (рассказы переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС) / предисловие, публикация и примечание О. В. Фельде // Живая старина. 2014. № 3. С. 40—44.
5. *Поленова Г.Т.* Некоторые вопросы диахронии бинаризма в языке // Вопросы диахронической типологии. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2012. С. 9—50.
6. *Поленова Г.Т.* Категория времени — исторически бинарная оппозиция // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2012. № 3. С. 122—130.
7. *Дубровина М.Э.* Причины факультативного употребления винительного и родительного падежей в тюркских языках // Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура»; ноябрь 17—18, 2016; Москва: РУДН. С. 201—206.

8. Дубровина М.Э. Существовал ли родительный падеж в якутском языке? // Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук»; май 11, 2016; Омск. Вып. 3. С. 50—53.
9. Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2016.
10. Лебедев Э.Е. О структуре описания глагольных форм и категорий в чувашском языке // Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура»; ноябрь 17—18, 2016; Москва: РУДН. С. 207—211.

УДК: 81-13

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1005-1009

SCIENTIFIC WORKSHOP “GENERAL AND SPECIFIC METHODOLOGY OF PHILOLOGY”

Moscow, RUDN University, April, 3—8, 2017

Olga I. Valentinova

REFERENCES

1. Bakhtikireeva U.M. *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobnosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya)*. Astana: Izd-vo «TsBO i MI», 2009.
2. Panova M.N. *Yazykovaya lichnost' gosudarstvennogo sluzhashchego: opyt lingvometodicheskogo issledovaniya*. M.: RUDN, 2004.
3. Siberia, the twentieth century: people and destinies [Text]: (Oral stories of G.V. Semenkova). Publication and note by LS Semenkova, OV Velde. *Living antiquity*. 2014. № 3. pp. 44—47.
4. Siberian Atlantis [Text]: (stories of settlers from the flood zone of the Boguchanskaya HPP). Foreword, publication and note O.V. Felde. *Living antiquity*. 2014. № 3. pp. 40—44.
5. Polenova G.T. Some questions of the diachrony of binarism in the language. *Questions of diachronic typology*. Taganrog: Publishing house of the Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov, 2012. pp. 9—50.
6. Polenova G.T. The category of time is a historically binary opposition. *Izvestia of the SFU. Philological sciences*. 2012. № 3. pp. 122—130.
7. Dubrovina M.E. Causes of optional use of accusative and genitive cases in Turkic languages. *International scientific-practical conference “Contemporary Problems of Turkology: Language — Literature — Culture”*; November 17—18, 2016; Moscow: PFUR. pp. 201—206.
8. Dubrovina M.E. Was there a genitive case in the Yakut language? *International scientific-practical conference “Actual problems and perspectives of the development of the humanities”*; May 11, 2016; Омск. Issue. 3. pp. 50—53.
9. Lebedev E.E. *Aksionsartovye znacheniya slozhnoverbal'nykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke*. Cheboksary: Izd-vo ChGIGN, 2016. pp. 164.
10. Lebedev E.E. About the structure of the description of verbal forms and categories in the Chuvash language. *International scientific-practical conference “Contemporary Problems of Turkology: Language — Literature — Culture”*; November 17—18, 2016; Moscow: PFUR. pp. 207—211.



УДК: 811.511.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» КЕТСКОГО ГЛАГОЛА

Г.Т. Поленова

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
ул. Инициативная, 48, Таганрог, Россия, 347936

Статья посвящена реликтовым элементам в структуре кетского глагола. Путем анализа структур различных кетских глагольных словоформ проводится мысль, что твердых правил формирования кетского глагола не существует, несмотря на многочисленные попытки классификации типов глаголов в кетском языке. Автор отталкивается от термина, введенного Т.М. Николаевой «‘скрытая память’ языка», подробно рассматривая соответствующие ее работы, и применяет этот термин относительно структурных элементов кетского глагола. Критически используется Максимальная порядковая модель финитной глагольной словоформы в кетском языке С.С. Буторина. В качестве примеров разнообразия глагольных структур приводятся экспедиционные материалы автора, при анализе которых доказывается отсутствие какой-либо твердой закономерности в оформлении кетских глаголов. Наблюдается как агглютинация в наиболее простых структурах, так и инкорпорация в усложненных формах. Сделано заключение, что кетский глагол может дать представление о всех морфологических стадиях развития языка. Статья может представить интерес для языковедов, занимающихся диахронической типологией и проблемами происхождения языка.

Ключевые слова: «скрытая память», кетский глагол, личные показатели, дейктическая частица, классный показатель, детерминатив

«...неволью останавливаешься перед вопросом: зачем кетскому языку понадобились две группы личных показателей?»

[Крейнович 1965: 190].

ВВЕДЕНИЕ

Исследуя материалы кетского языка, немецкий ученый К. Боуда обратил внимание на регулярность личных глагольных показателей, представленных в 1-м лице единственного числа формами *ba-/bo-* и *di-*. Для удобства описания структуры кетского глагола он разделил личные форманты глагола на группы *B* и *D* [Bouda 1957: 98]. Все последующие кетологи приняли эту градацию и пользуются ей по сей день.

Впервые риторический вопрос об этом явлении языка, вынесенный нами в эпиграф, задал Е.А. Крейнович. Поскольку мы, начиная с 70-х годов прошлого века, пытаемся отвечать на те вопросы, которые ставит язык в его синхронном состоянии, то уже в первой своей монографии, «Происхождение грамматических категорий глагола», мы представили свою гипотезу относительно генезиса глагольных показателей кетского языка [Поленова 2002: 9—40].

В данной статье мы хотим вернуться к рассмотрению приведенных показателей с учетом публикаций, с которыми тогда мы еще не были ознакомлены и которые могут утвердить наши позиции.

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» ЯЗЫКА

Этот термин принадлежит замечательному ученому нашего времени Татьяне Михайловне Николаевой [Николаева 2002], взгляды которой мы всегда разделяли, и она, кстати, цитировала наши работы: «Енисейско-индоевропейские типологические параллели в области вопросительных и неопределенных местоимений» [Живова 1984] и «Происхождение грамматических категорий глагола [на материале енисейских языков]» [Поленова 2002] в своей «Непарадигматической лингвистике» [Николаева 2008: 105—106; 214; 218—223; 240].

Т.М. Николаева вводит понятие «скрытая память языка» в связи с употреблением/неупотреблением в русском языке местоимения «Я», его былой функцией и структурой, отраженными в языковой памяти. Она приводит пример польск. *sluham* и русск. *я слушаю*. На синхронном уровне противопоставлены формы: глагол 1-го лица без личного местоимения и глагол 1-го лица, сопровождаемый личным местоимением, но *-m* в польском варианте местоименного происхождения, т.е. лицо выражено местоименным элементом в правой позиции. Автор подчеркивает, что местоименный компонент значим, ибо имеет свою семантику.

Интересно приведенное в анализируемой работе свидетельство Ю.С. Степанова: «В древних индоевропейских языках повторяющимся элементом часто является какая-либо специальная дейктическая частица ... *1. *-v-/-m/*; *2. *-t-*; *3. *-n-* — дейксисы трех лиц — участников акта речи» [цит. по Николаева 2002: 28]. Т.М. Николаева, опираясь далее на точку зрения К. Шилдза [Shields 1997], пишет: «...нужно говорить о том, что и местоимения, и глагольные флексии восходят к общему для них протоэлементу, являющемуся как правило дейктическим показателем... Подобный взгляд восходит к той точке зрения на реконструируемый и.-е. язык (*the new image of I.-E. morphology*), согласно которой первый этап развития и.-е. языка не был флективным, а на синтаксическом уровне — соединялись компоненты диффузной семантики. Частицеобразные партикулы при этом объединялись в ансамбли разных семантических оттенков» [Николаева 2002: 28].

«Скрытая память» вытесняется, по Т.М. Николаевой, процессом грамматикализации. Автор приводит пример дистрибуции окончаний 3-го лица презенса (*-t* — актуальное значение презенса / \emptyset — неактуальное значение) в Северо-Западных русских говорах по А.И. Рыко (Рыко 2000: 129). Т.М. Николаева делает вывод, что *-t* «является местоименным дополнением к глагольной форме именно дейктического характера, подтверждающим ‘здесь и теперь’ совершаемого действия. В литературном русском языке и других диалектах произошло обобщение этих двух вариантов презенса и их унификация, а диалекты описанного А.И. Рыко региона это различие ‘помнят’» и далее в сноске: «...первичной формой и должна была стать форма с нулевой флексией (как аналог *casus indefinitus*), а укрепление местоимением могло быть только результатом более позднего развития содержательных синтаксических категорий» (Николаева 2002: 35). Т.М. Николаева приводит и наше мнение, высказанное нами в статье «К истокам индоевропейских и енисейских личных глагольных показателей»: «Представляется возможным предположить развитие личных аффиксов глагола как в енисейском языке, так и в индоевропейском из первичных дейктических частиц с широкой семантикой» [Поленова 2000: 162; Николаева 2002: 35]. Т.М. Николаева выражает мысль, что

частицы-партикулы являются доминантной в диахронии, «но языковая история закрепляет за каждым *Stammlaut* этих партикул более узкое значение. Это набор из 12 основных консонантов *-b-, -v-, -j-, -s-, -z-, -t-, -d-, -k-, -m-, -n-, -l-*. ...сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис (и вчерашняя семантика)» [Николаева 2002: 360. И наконец, последнее замечание Т.М. Николаевой относительно памяти языка: «...в языке реализуется проходящее сквозь время смысловое задание, которое язык ‘помнит’» [там же: 39]. Наша статья — это стремление установить, о чем «помнят» кетские глаголы.

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» КЕТСКОГО ЯЗЫКА

Кетский язык в последнее время причислен к номинативно-аккузативным языкам. Система языка включает в себя систему склонения, систему спряжения и традиционные неизменяемые части речи. Правда, предлога в кетском языке нет, но есть послелог. Однако если по Т.М. Николаевой скрытая память индоевропейских языков нивелируется процессом грамматикализации, то в енисейских языках, представителем которых является кетский язык, процесс грамматикализации не завершен.

Г.П. Мельников подчеркивал, что морфема является минимальной собственно языковой единицей, образом минимального значащего знака языка [Мельников 2000: 30]. В кетском языке понятие «морфема» часто является одновременно носителем грамматического и лексического значения.

Центром кетского предложения-сообщения является глагол. Все, кто исследовал кетский глагол, классифицировали его по-разному. Большинство исходили из личных показателей, оперируя вслед за К. Боудой, группами показателей *B* и *D* или по парам: показатель 1-го лица / показатель 3-го лица мужского класса единственного числа типа: *D-D, DI-DU, DA-DA, BA-A, BO-O*, так как кетский глагол не имеет исходной словарной формы.

Кетский глагол составлен полностью из отдельных морфем, максимальное число которых по С.С. Буторину — 14: **0** — корень/полукорень (правое составляющее базы — ПСБ); **1** — деагентивный (супрессивный) аффикс; **-1** — число агенса; **2** — число пациенса; **-2** — аффикс результата; **3** — лицо пациенса; **4** — финаль циркумфиксального аффикса времени; **5** — инициаль циркумфиксального аффикса времени; **6** — детерминатив; **7** — ролевой маркер; **8** — число фактитива; **9** — лицо фактитива; **10** — плюрализатор левого составляющего базы; **11** — левое составляющее базы — ЛСБ; **12** — плюрализатор инкорпорированного имени; **13** — инкорпорированное имя; **14** — лицо агенса [Буторин 1995: 10—11].

С.С. Буторин, автор Максимальной порядковой модели финитной глагольной словоформы кетского языка (см. выше), описал лексические порядки (0, 11, 13) на основе четырех структурных типов кетского глагола по Е.А. Крейновичу [Крейнович 1968]: тип 1 — простые глаголы с основой в конце слова, например: *dug-daptaŋ* — я-это-тащу, по С.С. Буторину $d^{l^4}-u^9-g^7-d^6-a^5-p^3-\emptyset^4-taŋ^0-\emptyset^{-1}$; тип 2 — глаголы со сложной прерывной основой, образованной двумя корневыми морфемами, например: *dɫ'aptaŋ* — я-наружу-это-вытащу: $d^{l^4}-l^1a^{11}-a^5-p^3-\emptyset^4-taŋ^0-\emptyset^{-1}$;

тип 3 — глаголы, имеющие простую прерывную основу с корневой морфемой в начале слова и деривационной в конце, например: *tangirit* < *tanqidit* — /он/ — по-тащит — меня. Этот глагол представлен как: /t¹⁴ - tanj¹¹ - gi⁶ - ø⁵ - ø⁴ - ri³ - ø² - t⁰ - ø¹. Тип 4 — глаголы, имеющие простую прерывную основу с деривационной морфемой в начале слова и корневой в конце. Пример: *dus'naddon'* — он (медведь) — меня — задерет. Интерпретация С.С. Буторина: *d¹⁴ - us'n¹¹ - a⁵ - ø⁴ - d³ - ø² - don⁰ - ø¹*. «Лексический порядок 13 является порядком инкорпорированного имени. ... Механизм инкорпорирования в кетском языке служит средством перемещения имени актанта из синтаксической приоритетной позиции в неприоритетную с целью выведения его из коммуникативного ‘фокуса’ и введения в ‘фон’, что способствует продвижению имени другого актанта в ‘фокус’». Примеры автора: *laundiŋa ul'* *d¹⁴ - at¹¹ - ø⁵ - p³ - ø⁴ - ak⁰ - ø¹* — в бочку воду я-это-налью; **инкорпорированный глагол**: *laundiŋa d¹⁴ - ul'¹³ - at¹¹ - ø⁵ - s'⁴ - ak⁰ - ø¹* — в бочку я-воду-налью [Буторин 1995: 6—7]. Таким образом, С.С. Буторин осуществил очередную попытку привести в «порядок» непослушную кетскую глагольную словоформу, но вынужден активно пользоваться знаком -ø- (нуль) для отсутствующих морфем.

Обратим внимание, что кетский глагол строится как путем агглютинации, так и инкорпорации. В свое время Г.П. Мельников, анализируя разносистемные языки, пришел к заключению, что инкорпорирующими являются не только общеизвестные языки, «но и абхазско-адыгейские и нахско-дагестанские, языки Кавказа, африканские языки банту, многие языки аборигенов американского континента, хотя в большей или меньшей мере все они отличаются от предельно инкорпорирующих языков» [Мельников 2000: 39]. Можно добавить к этому перечню и кетский язык с учетом его особенностей.

Э.И. Белимов считал, что кетский глагол не является частью речи. Это «морфологически осложненный элемент (корень или основа), занимающий в предложении позицию предиката. ... Глагол не имеет исходной формы; он существует в виде разнородной россыпи лично-ролевых и видо-временных вариантов» [Белимов 1991: 113; 40] ср. наше мнение о былом синкретизме частей речи в енисейских языках [Поленова 2011: 41—44].

Чтобы было понятно, о каких «лично-ролевых» вариантах идет речь, приведем таблицы этих формантов кетского глагола.

Таблица 1

Личные показатели группы В

Число	Лицо	Класс	1-й ряд	2-й ряд	3-й ряд	4-й ряд
Единств. число	1.		ba-	bo-	ba-	bo-
	2.		ku-	ku-	ku-	ku-
	3.	м.	a-	o-	bu-	bu-
	3.	ж.	i-	u-	bu-	bu-
Множ. число	3.	неодуш.	i/ø-	u-	ø-	-ø-
	1.		daŋ-	daŋ-	daŋ-	daŋ-
	2.		kaŋ-	kaŋ-	kaŋ-	kaŋ-
	3.	одуш.	aŋ-	oŋ-	bu-	bu-
	3.	неодуш.	i/ø-	u-	ø-	ø-

bu iyabda — она слышит*bu iyabilda* — она слышала*buŋ ayabda* — они слышат*buŋ ayabildan* — они слышали*bimbata* — слышно, слышится*ab əgdan bek bən' bayabdan* — мои уши вечно не слышат*at bayabda* (*at* — я; *ba-* — показатель 1-го лица группы *B*, фактитив, порядок 9 по С.С. Буторин; *-γ- < q* — каузативный показатель; *-a-* — показатель активного действия; *-b-* показатель недушевленного объекта; *-da* — корень).*ab əgdan bek bən' bayabdan* (*ab* — мой; *əgda-* — ухо; *-n* — показатель мн. числа; *bek < русск. век* — всегда; *bən'* — не; *bayabda-n* — мн. число 1-го лица ед. числа, хотя должна была бы, по русской логике, быть форма «*ayabda* — они слышат»). Это пример информантки А.Я. Кусаминой, прекрасно владевшей родным языком. Представляется, что этот глагол отвечает характеристике, данной Г.П. Мельниковым для эргативной стадии в развитии языков.

Можно было бы продолжать приводить примеры, и каждый из них только показывал бы свое своеобразие и неповторимость форм. Что касается «баз» и тем более «корней», то так можно назвать неразложимый, на первый взгляд, компонент лишь условно на синхронном уровне. Практически у каждого звука, составляющего этот комплекс, есть своя семантика, представляющая теперь уже «скрытую память» об их исходной значимости как классовых показателей, послуживших слово- и формообразованию [см. Поленова 2002: 14—33]. Можно считать кетский глагол, по Г.П. Мельникову, «окказиональным словом» [Мельников 2000: 30].

В структуре кетского глагола, вслед за Е.А. Крейновичем, выделяют еще «детерминатив», пустую морфему (*k, t, q, d, n, b, h, s*), порядок 6, по С.С. Буторин. Мы в свое время рассматривали эти элементы и пришли к выводу, что они являются пережитком классного строя языка, при активном строе они выполняли функцию версии и уточняли степень удаленности от говорящего в сочетании с вокалическими дейксисами, что подтверждают кетские указательные местоимения: *ki* — ‘этот’, *tu* — ‘этот/тот’, *qa* — ‘тот’ [Поленова 2002: 122—133]. Цитируем С.С. Буторина: «По всей видимости, они являются былыми корневыми или аффиксальными морфемами, которые десемантизировались в ходе исторического процесса перестройки структуры глагольного слова» [Буторин 1995: 18].

В языке есть и такие глаголы, которые вообще не вписываются в рамки С.С. Буторина. Сравним: *ad (u, bu) tajga* ‘я (ты, он, она) гуляю’; *ad (u, bu) kaba* ‘я (ты, он, она) вырежу’; *ad (u, bu) hils'a* ‘я (ты, он, она) кусаю’; *ad (u, bu) bina* ‘я (ты, он, она) плела’, хотя в настоящем времени: *ad diba, u kuba, bu duba, bu daba* ‘я плету, ты плетешь, он плетет, она плетет’; *ad sija, u sija, bu sija* ‘я ем, ты ешь, он/она ест’; *ad, u, bu sila* ‘я, ты, он/она ел’; *ad kikta bilo* ‘я ложку облизала’; *aqta has'a* ‘хорошо режу (крою)’; ср. имена: *kayins'a* ‘немой’ (букв. ‘бессловесный’); *ugda hu:ts'a* ‘сплетница’ (букв. ‘длинный хвост’). Вторая составляющая перечисленных глаголов — это предикативная частица. Такими предикативными частицами были и показатели группы *D* 2-го ряда (см. таблицу № 2), чему тоже есть свидетельства в языке. Например: *bindi* ‘я сам’, *bin'gu* ‘ты сам’, *bin'du* ‘он сам’, *bin'da* ‘она сама’. *ket qokdu* ‘человек — один’, *qim qokda* ‘женщина — одна’. Перейдя в препозицию, рассматриваемые частицы стали формировать глаголы состояния [см. Поленова 2002: 84—87].

Д.М. Сегал очень точно охарактеризовал кетский глагол: «В глаголе же зачастую невозможно выделить корневую морфему вследствие ее ‘размывания’... С этим связана и чудовищная ‘омонимия’ глагольных основ, когда одна и та же гласная является носителем самых разных лексических значений, а также является морфологическим формантом. ...Возможно, в кетском глаголе лексическое и реляционное значение передается собственно сегментом и тем местом в ‘обойме’ глагольного слова, куда данный сегмент помещается» [Сегал 1968: 31—32].

Примеры, которые приведены С.С. Буториным для демонстрации Модели порядков, можно отнести к глаголам последней стадии развития кетской грамматики, когда показатели группы *D* (2-ой ряд) в составе глагольной словоформы утвердились как субъектные показатели лица и восходят к классному показателю живого, одушевленного, ср. личное местоимение *ad-* я.

Показатели группы *B* (фактитив по С.С. Буторину) мы увязываем также с местоимением 1-го лица, ср. *ab* — ‘меня, мой’, и с категорией притяжательности, ср.: *bat* — ‘моя мать’ (*am* — ‘мать’). Последняя их ступень развития — показатели объекта переходного глагола, ср.: *bayıbdil'* ‘(он) меня оденет’ *baybil'dil'* ‘(он) меня одел’. Ранее мы предполагали, что первичные дейктические частицы *di-du-da* были связаны с духом, небесной энергией, с чем-то небом/богом данным, ср.: *Dog* — верховный шаман, *di* — орел, *di²q* — жизнь. Дейктические частицы *bi-bu-ba/bo* отсылали к телу, земле, неживому, ср.: *-bi* — предикативный суффикс притяжательных местоимений, относящихся к неодушевленным именам, ср. *ab-bi* — мой, *uk-bi* — твой, *budabi* — его, *bud-bi* — ее, *ətna-bi* — наш, *əknə-bi* — ваш, *buŋna-bi* — их, *tuda qus' abbi* — ‘этот чум мой’ (мне принадлежит); *ba²ŋ* — земля; *ba* — частица, указывающая на обычное, длительное действие, например: *bu ba dəl'daq qas'əŋ ən' s'ikŋ* — ‘и жил он там много лет’; *bat* — лицо; *ba:m* — старуха *ba:t* — старик; *baγ* — чурбак, пень, древесный ствол; *bin* — сам; *boŋ* — покойник; *bu* — он/она из первичной дейктической частицы. Значение местоимения 3-го лица частица *bu* получила на более позднем этапе из указательного местоимения, как и личное местоимение 3-го лица в других языках [ср. Поленова 2002: 166—168].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая изложенное, мы можем заключить, что кетский глагол хранит «скрытую память» о стадийном развитии языка.

Современный кетский язык отражает стадию перехода к флективному строю. Показатели *D* становятся грамматическими субъектными аффиксами, а показатели группы *B* — объектными. Так формируется категория переходности/непереходности (транзитивности / интранзитивности), например:

bokkuγus ‘я уведу тебя’ (vt)

kugdiγus ‘ты уводишь меня’

kugbiγus ‘ты уносишь это’

bugdiγus ‘он уводит меня’

В сфере имени оформляется система склонения, утверждаются падежные показатели, не утратившие связь с послелогом и личными местоимениями 3-го лица,

в роли которых они могут употребляться как самостоятельные слова, ср.: *daŋal* 'от него', *diŋal* 'от нее', *na hip* 'их сын', *naŋa* 'им', *daŋa* 'ему' (ср. *buŋna hip* 'их сын', *bunaŋa* 'им', *budaŋa* 'ему').

Диахроническая системная типология кетского языка в сопоставлении с кетской мифологией дает возможность объяснить развитие грамматических форм кетского имени и кетского глагола как процесс движения от прозрачной семантики первичных дейктических частиц — будущих строевых элементов языка — до почти полной их грамматикализации.

К первичным дейктическим частицам восходят и субъектно-объектные аффиксы кетского глагола *di-du-da* и *bi-bi-ba/bo*, где *d-* и *b-* — классные показатели, а *-i-*, *-u-*, *-a/o-* — дейкисы.

Уникальность кетского языка состоит в том, что он хранит черты всех введенных В. фон Гумбольдтом типов языка, память о его четырех «морфологических классах».

© Поленова Г.Т.

Дата поступления: 1.06.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Белимов С.С.* Кетский синтаксис. Ситуация Пропозиция Предложение. Новосибирск: НГУ, 1991.
2. *Буторин С.С.* Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения: Автореф. канд. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГУ, 1995.
3. *Живова (Поленова) Г.Т.* Енисейско-индоевропейские типологические параллели в области вопросительных и неопределенных местоимений // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск: Изд-во ТГПИ, 1984. С. 46—65.
4. *Крейнович Е.А.* О модели кетского глагола // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. Ленинград: Наука, 1965.
5. *Крейнович Е.А.* Глагол кетского языка. Ленинград: Наука, 1968.
6. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадияльной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
7. *Николаева Т.М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25—41.
8. *Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008.
9. *Поленова Г.Т.* К истокам индоевропейских и енисейских личных глагольных показателей // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. Москва: РГГУ, 2000. С. 159—162.
10. *Поленова Г.Т.* Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог: ТГПИ, 2002.
11. *Поленова Г.Т.* В поисках истоков языка. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011.
12. *Рыко А.И.* Семантическое распределение 3-го лица презенса // Балто-славянские исследования 1998—1999 XVI. Москва: Индрик, 2000. С. 129.
13. *Сегал Д.М.* Фонология кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968.

14. Филлмор Ч. Дело о падеже; Дело о падеже открывается вновь // Зарубежная лингвистика III. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1999. С. 303—351.
15. Bouda Karl. (1957) Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen // *Anthropos*. 1957. Vol. 52. No 1—2. С. 65—134.
16. Shields K. On the pronominal origin of the I—E athematic verbal suffixes // *The journal of Indo-European studies*. 1997. Vol. 25. No 1—2.

УДК: 811.511.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019

“LATENT MEMORY” OF KET VERB

Galina T. Polenova

Anton Chekhov Taganrog Institute Institute (branch)
of the Rostov State University of Economics (RINH)
Ul. Initsiativnaya, 48, Taganrog, Russia, 347936

Abstract. The article deals with relic elements in the structure of the Ket verb. The idea is held that there are no solid rules for the formation of the Ket verb, despite numerous attempts to classify types of verbs in the Ket language. The author applies the term introduced by T.M. Nikolaeva “the latent memory of the language” to the structural elements of the Ket verb. The author’s expeditionary materials are given as examples, whose analysis proves the absence of any firm patterns in the formation of the Ket verb. It is observed as agglutination in the simplest structures, as well as incorporation in complicated forms. It is concluded that the Ket verb can cast a light on the morphological stages of language development. The article can be of interest for linguists dealing with diachronic typology.

Key words: “latent memory”, Ket verb, personal indicators, deictic particle, class indicator, determinative

REFERENCES

1. Belimov, S.S. (1991). The Ket syntax. Situation Proposition Sentence. Novosibirsk: NGU. (In Russ.).
2. Butorin, S.S. (1995). Description of the morphological structure of the finite verbal word form of the Ket language using the method of ordinal division. Thesis of PhD. Novosibirsk: NGU. (In Russ.).
3. Zhivova (Polenova), G.T. (1984). Yenisei-Indo-European typological parallels in the field of interrogative and indefinite pronouns. In: *The structure of Paleo-Asiatic and Samoyedic languages*. Tomsk: TGPI. 46—65. (In Russ.).
4. Krejnovich, E.A. (1965). The verb of the Ket language. In: *Morphological Typology and Problems of Classification of Languages*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
5. Krejnovich, E.A. (1968). The verb of the Ket language. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
6. Melnikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: synthesis of morphological classification of languages with a stadial one. Moscow: RUDN (In Russ.).
7. Nikolaeva, T.M. (2002). The “hidden memory” of the language: An attempt to formulate a problem. *Voprosy Yazykoznanija*, 4. pp. 25—41. (In Russ.).
8. Nikolaeva, T.M. (2008). Non-paradigmatic linguistics (History of “wandering particles”). Moscow: Yazyki slavianskikh kultur. (In Russ.).
9. Polenova, G.T. (2000). To the origins of Indo-European and Yenisei personal verbal indicators. In: *Problems of studying the distant relationship of languages at the turn of the third millennium*. Moscow: RGGU, 159—162. (In Russ.).

10. Polenova, G.T. (2002). The origin of the grammatical categories of the verb. (On the material of the Yenisei languages). Taganrog: TGPI. (In Russ.).
11. Polenova, G.T. (2011). In search of the origins of the language. Taganrog: TGPI A.P. Chekov. (In Russ.).
12. Ryko, A.I. (2000). Semantic distribution of the third person of present tense. In: *Balto-Slavic studies 1998—1999 XVI*. Moscow: Indrik. 129 (In Russ.).
13. Segal, D.M. (1968). Phonology of the Ket language. In: *Ket collection. Linguistics*. Moscow: Nauka. pp. 31—32. (In Russ.).
14. Fillmore, C. (1999). Case on the case; The case of the case is reopened. In: *Foreign Linguistic III. New in foreign linguistics*. Moscow: Progress. pp. 303—351. (In Russ.).
15. Bouda, Karl. (1957). Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. *Anthropos*, vol. 52, no 1—2. pp. 65—134.
16. Shields, K. (1997). On the pronominal origin of the I—E athematic verbal suffixes, *The journal of Indo-European studies*. Vol. 25. No 1—2.

Для цитирования:

Поленова Г.Т. «Скрытая память» кетского глагола // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1010—1019. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019.

For citation:

Polenova G.T. (2017) “Latent memory” of ket verb. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1010—1019. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019.

Galina T. Polenova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1010—1019. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1010-1019.

Сведения об авторе:

Поленова Галина Тихоновна, доктор филологический наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка ТГПИ им. А.П. Чехова; научные интересы: теория языка, германское языкознание, енесеистика, общее языкознание; e-mail: polenova@mail.ru

Bio Note:

Polenova Galina Tikhonovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of the Department German language of Anton Chekhov Taganrog Institute Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINH); *Scientific Interests*: Theory of language, linguistics gourmet, Eniseyskiy, General linguistics; e-mail: polenova@mail.ru



УДК: 81'342.7

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1020-1027

СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА МОРФА В РАЗНЫХ КЛАССАХ СЛОВ И РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ

Т.В. Ващекина¹, Е.Н. Попова²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 31, корп. 1, Москва, Россия, 119192

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Положение о единстве и цельности языка как системы, взаимозависимости, взаимодействия единиц отдельных уровней языка принадлежит к числу фундаментальных проблем теории языка. Изучение соотношения слога и морфемы могло бы пролить дополнительный свет на характер означающего и означаемого в языковом знаке. В данной статье анализируется слоговая структура морфа в русском языке в зависимости от характера текста, семиологического класса слов и вида морфемы. Основным методом исследования является статистический, используется также аналитико-описательный метод. Исследование показало, что с точки зрения слогового строения морфа научный текст отличается от разговорного и художественного, а имена противопоставляются глаголам. Слоговая структура морфа как проявление слога-морфемной корреляции демонстрирует основные грамматические тенденции, действующие в русском языке.

Ключевые слова: слоговая структура, морф, аффикс, корень, текстовые различия, классы слов

ВВЕДЕНИЕ

Соотношение звуковых и значащих единиц существенно характеризует тип языка, действующие в нем грамматические тенденции, которые могут существенно расходиться в разных классах слов, в разговорной и письменной речи. Языки разделяются на слоговые и неслоговые. В слоговых языках морфема не может быть меньше слога, в неслоговых может быть экспонирована и неслововым элементом. Соответственно, слоговая структура морфем может служить типологической характеристикой. Соотнесенность с основными морфологическими типами языков усматривается не только в звуковой форме значащих единиц, но и структуре слога [Касевич 1983: 121—123]. «К настоящему времени становится все более очевидным, что цельносистемное типологическое описание языка не может ограничиваться ни „языком вообще“ без обращения к его функциональным разновидностям, ни „словом вообще“, ни одним только соотношением служебных и неслужебных слов безотносительно к системе семиологических классов в целом» [Зубкова 2010: 100].

Исходя из представлений об иерархичной организации не только содержательной, но и фонетической структуры слова, сначала рассматривалась вся совокупность слов, далее совокупности знаменательных и служебных слов, далее совокупности собственно-знаменательных и местоименных слов и, наконец, от-

дельные части речи. Указанные классы слов анализировались по данным суммарной выборки безотносительно к типу текста, а затем в отдельных текстах: научном, разговорном и художественном.

СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА МОРФА В РАЗНЫХ КЛАССАХ СЛОВ

В русском языке знаменательные и служебные морфы могут быть либо неслоговыми, либо включать от одного до четырех слогов. В основном морфы являются односложными. Их частота составляет 69,3% от общего количества морфов. Неслоговые и двусложные морфы встречаются реже. Их частота равна соответственно 13,9% и 15,1%. Морфы длиной в три-четыре слога довольно редки, они составляют 1,7%. Преобладающее количество односложных морфов как будто показывает тяготение морфемы к слогу, однако это — лишь тенденция, реализация которой зависит от вида морфем и класса слов.

Морфы различных типов имеют в тенденции разную слоговую структуру. Наибольшей длиной характеризуются корневые морфы, семантически и синтаксически наиболее самостоятельные, многие из них потенциально способны экспонировать словоформы. Однако и корни могут быть неслоговыми. Довольно высокая частота неслоговых корней (11,4%) создается за счет служебных слов (в, к, с). Корневые морфы могут быть неслоговыми и в собственно-знаменательных словах (на/-зв-а/-ни/ж-е, ш-л-и, тр-и), и в местоимениях (к-ем, чт-о). Среди корней наблюдается большое количество односложных. Их частота — 65,5% (трость, хра/бр-ый, бу/д-у, он, от, и, не). Довольно часто корни бывают двусложными. Они составляют 19,5%. И лишь корни могут иметь длину в три-четыре слога, хотя частота их невысока — 3,6%.

Служебные морфы, как правило, короче корней. Но и среди них обнаруживаются разные тенденции в слоговом строении в зависимости от семантического веса и позиции, занимаемой в слове. Слоговая форма характерна для префиксов, семантически более самостоятельных, чем другие служебные морфемы. В основном префиксы бывают односложными, их частота — 86,4% (о/т -пе/ча/т -ок, на/-зв-а-ть, о/т-сю/да, не/-к-о, во/-круг). Реже префиксы могут быть неслоговыми, они составляют 9,2% (вз-гляд, в-во/д-н-ый, с-де/л-а-ть, в-доль). Еще реже встречаются двусложные префиксы (пе/ре/-ход, пе/ре/-ме/н-н-ый, на/до/-рв-а-ть).

Флексии также чаще имеют слоговую форму. Наличие одной, реже двух гласных является функционально необходимым. Частота односложных флексий составляет 78,3%, двусложных — 15,4%. Неслоговые флексии встречаются в основном у глаголов, их частота — 6,3% (пи/с-а-ть, дви/г-а-ть). Неслоговые морфы особенно частотны у суффиксов, что сопряжено с их семантико-синтаксической несамостоятельностью. Неслоговые суффиксы составляют 29,8% (пти/ч-к-а, край/-н-ий, ш-л-а, бли/з-к-о). Однако в основном суффиксы бывают односложными (зв-а/-ни/ж-а, кра/с-и/в-ый, и/м-е-ть). Их частота — 61,2%. Двусложные суффиксы довольно редки и составляют 9,0% (на/-кло/н-е/ни/ж-е, кон/це/пт-у/аль/н-ый, по/-ра/зн-о/му, в те/ч-е/ни/ж-е).

В среднем длина корней и флексий — более одного слога (1,2 и 1,1 слога), длина префиксов и суффиксов — менее одного слога (0,9 и 0,8 слога).

Распределение морфов разной длины в знаменательных словоформах следует уже отмеченным тенденциям, характерным для русского слова в целом.

Показатели длины различных типов морфов в собственно-знаменательных словоформах сходны с соответствующими характеристиками в знаменательных словоформах и в значительной степени определяют их. Расхождения касаются частоты знаменательных морфов разной длины. Меняется соотношение неслоговых корней и корней длиной в 3—4 слога. Если в знаменательных словоформах неслоговые корни по сравнению с многосложными были более употребительны, то в собственно-знаменательных словоформах чаще встречаются трех-четырёхсложные корни. Их общая частота рана 6,1%, тогда как доля неслоговых корней почти в два раза меньше — 3,1%. В связи с этим средняя длина корня в собственно-знаменательном слове несколько длиннее и составляет 1,4 слога (против 1,3).

Распределение морфов разной длины зависит от части речи. Односложные морфы частотны у всех исследуемых частей речи. Частеречная дифференциация затрагивает соотношение неслоговых и многосложных морфов. Неслоговые морфы характерны для глаголов, многосложные — для имен и наречий. Соответственно, средняя длина в глаголе меньше, чем в именах и наречии, и составляет 0,9 слога, тогда как в именах средняя длина морфа — 1,2 слога, в наречии — 1,1 слога.

Короткие — неслоговые и односложные — корневые морфы чаще встречаются у глаголов (у/-ш-л-а, при/-бы-л), длинные — двух-, трех- и четырёхсложные — у имен и наречий (ка/ран/даш, по/ле/з-н-ый, о/со/б-е/нн-о). Это может объясняться тем, что глагольный корень более абстрактный, чем именной, синтаксически, как правило, несамостоятелен и выступает в связанном виде в обрамлении аффиксов. Напротив, именные и наречные корни более конкретны, более самостоятельны в семантико-синтаксическом отношении, что сопряжено с фонетической самостоятельностью.

Частеречные различия касаются частоты неслоговых и двусложных суффиксов. Неслоговые суффиксы почти в два раза чаще встречаются у прилагательных и глаголов (вер/-н-ый, у/з-к-ий, бы/-л-и, плы/-л-и), чем у существительных и наречий. Двусложные суффиксы частотны только у существительных (о/б-о/-зна/ч-е/ни/ж-е, зна/-м-е/н-а/тель/-н-ость).

Односложные флексии типичны и для имен, и для глаголов. Неслоговые флексии отмечены только в глагольных словоформах (бы-ть, с-да-ть), двусложные — главным образом в прилагательных (бе/л-а/жа, те/пл-о/же).

Слоговая структура префиксов в меньшей степени соотносена с частью речи. Односложные префиксы характерны для всех частей речи. Неслоговые префиксы чаще встречаются у наречий (в-ле/во, с-пра/ва), двусложные — у прилагательных (на/до/-е/д-ли/в-ый, пе/ре/-хо/д-н-ый) и глаголов (о/то-дви/г-а-ть, пе/ре-бе/ж-а-ть).

Местоименные морфы в основном односложны, их частота — 68,3%. Частота неслоговых и двусложных морфов значительно ниже и составляет 19,4% и 12,3%.

Корни местоимений, как правило, состоят из одного слога (ме/н-я, со/б-ой). Частота односложных корней равна 65,7%. Реже — в 34,5% случаев — корни бы-

вают неслоговыми (м-ы, н-ас, j-е/го). Префиксы местоимений всегда односложны, это «не» и «ни». Частота односложных флексий — 69,9% (мн-е, н-ам, в-ас), двусложных — 30,1% (j-е/му, ч-е/го).

В среднем местоименный корень короче слога (0,6), префикс «равен» слогу, флексия имеет длину более одного слога (1,3).

Морфы служебных слов, как правило, состоят из одного слога, их частота — 75,5%. Частота неслоговых морфов ниже и составляет 17,0%. Еще реже встречаются двусложные морфы, на их долю приходится 7,0%.

Многосложные морфы крайне редки в служебных словах. Корни служебных слов обычно односложны. Частота таких корней составляет 75,0% (в, на, не). Частота неслоговых корней падает до 18,2% (в, с, к, ж). Многосложные корни довольно редки, их частота — 6,8% (о/ко/ло, о/дна/ко). Префиксы и суффиксы чаще экспонируются слогом, их частота равна соответственно 82,3% и 82,5% (на/-счет, во/-пре/к-и). Суффиксы могут быть двусложными (по/-э/т-о/му, в те/ч-е/ни/j-е). Их частота — 12,7%.

Частота неслоговых префиксов составляет 17,7%, суффиксов — 4,8 (в-глубь, в-сле/д-ств-и/j-е).

СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА МОРФА В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ

Односложные морфы имеют максимальную частоту во всех анализируемых текстах. Текстовые различия затрагивают соотношение неслоговых и многосложных морфов. Неслоговые морфы более частотны в разговорном и художественном текстах, многосложные — в научном.

Основные текстовые различия касаются длины корней и суффиксов, длина префиксов и флексий в меньшей степени зависит от типа текста.

Односложные корни более частотны в разговорном и художественном текстах, корни большей длины — в научном. Частота неслоговых корней практически одинакова в научном и разговорном текстах и превышает соответствующий показатель в художественном. По частоте корней разной длины наиболее разведены научный и художественный тексты.

Неслоговые суффиксы более употребительны в художественном и разговорном текстах. Односложные, а особенно двусложные суффиксы, напротив, чаще встречаются в научном тексте.

Неслоговые и двусложные префиксы более частотны в языке художественно литературы, односложные префиксы — в научном тексте.

Неслоговые флексии отмечены несколько чаще в разговорном и художественном текстах, что связано с большей частотой употребления инфинитивных форм глагола в этих текстах.

Анализ длины морфов в знаменательных словоформах показал, что текстовые различия затрагивают показатели частоты употребления корней разной длины. Так, неслоговые и односложные корни более употребительны в разговорном и ху-

дожественном текстах. Корни длиной в два—четыре слога чаще встречаются в научном тексте. Об этом свидетельствуют и показатели средней длины: 1,4 слога в научном тексте, 1,2 слога в двух других текстах.

Текстовые различия, касающиеся соотношения неслоговых и многосложных корней, сохраняются и в собственно-знаменательном слове, но проявляются еще более ярко. Так, неслоговые корни в художественном тексте встречаются в 7 раз чаще, чем в научном. Частота многосложных корней в научном тексте в 4 раза выше частоты в художественном.

В целом частота неслоговых префиксов, корней и суффиксов выше в разговорном и особенно в художественном текстах, тогда как корни длиной в два—четыре слога, суффиксы и префиксы длиной в один—два слога более частотны в научном тексте. По соотношению неслоговых и двусложных флексий разговорный текст одинаково противопоставляется двум другим — научному и художественному.

Анализ слоговой структуры морфа в зависимости от характера текста показал, что тенденции, отмеченные при характеристике слогового строения морфов в отдельных собственно-знаменательных частях речи безотносительно к типу текста, действуют в каждом из них. Однако степень проявления этих тенденций различна. В большей степени на характер текста реагируют глаголы. Как отмечалось, в глагольных словоформах неслоговые морфы более частотны, чем многосложные. Однако если в научном тексте частота неслоговых глагольных морфов приблизительно соответствует частоте многосложных морфов, то в разговорном тексте частота неслоговых морфов превышает частоту многосложных более в три раза, а в художественном — более чем в десять раз. Данная тенденция реализуется в большей степени за счет глагольных префиксов и суффиксов, в меньшей — за счет корней.

Текстовые различия затрагивают слоговую структуру местоименных корней и флексий. Неслоговые корневые морфы преобладают в научном тексте, односложные — в разговорном и художественном. Односложные флексии чаще встречаются в разговорном и художественном текстах, двусложные — в научном.

Неслоговые и двусложные корни служенных слов отмечены чаще в научном тексте, односложные — в разговорном и художественном. Количество трех-, четырехсложных корней незначительно и приблизительно одинаково во всех исследуемых текстах. Текстовые различия затрагивают также частоту двусложных суффиксов: в научном и разговорном текстах они встречаются более чем в шесть раз чаще, нежели в художественном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ слоговой структуры морфов показал, что морфы, принадлежащие разным типам морфем, имеют разную слоговую структуру. Знаменательные морфемы, синтаксически и семантически более самостоятельные, отличаются от служебных большей длиной. Знаменательные морфемы (корни) могут иметь длину

от нуля до четырех слогов, служебные (префиксы, суффиксы и флексии) — от нуля до двух слогов. Служебные морфемы также различаются в длине в зависимости от семантического веса и позиции, занимаемой в слове: суффиксы короче префиксов, те и другие короче флексий.

Морфы имеют разную слоговую структуру в зависимости от класса слов. В основном это касается структуры корней. Корни существительных, прилагательных и наречий длиннее глагольных. Это объясняется, по-видимому, тем, что выполнение номинативной функции требует большего количества звуковых средств, чем выполнение предикативной функции. Разные грамматические тенденции могут сосуществовать в рамках одного языка [Гринберг 1963: 60—94], по-разному проявляясь в разных частях речи [Виноградов 1972: 47—54].

Регулярность проявления различий в слоговой организации морфем, принадлежащим разным классам слов, обусловленность этих различий функционально-семантическими и грамматическими различиями, свидетельствует о том, что слоговая форма значащих единиц не полностью произвольна. Морфемы различных типов, различаясь по значению, различаются и по слоговому строению. Закономерность проявления соответствий между морфемой и слогом в составе слова говорит об единстве звуковой формы и значения, причем в этом единстве содержательной стороне принадлежит ведущая роль. Довольно последовательное разграничение классов слов в плане морфемно-слоговой корреляции характеризует тип русского языка как фузионно-флективный.

Слоговая структура морфов различается в разных текстах безотносительно к части речи. Большая длина морфов в научном тексте складывается, в частности, за счет большого количества заимствованных слов, характеризующихся длиной корня в два слога и более и длиной суффиксов в два слога.

Длина морфов, принадлежащих к одной части речи, также зависит от типа текста. В большей степени на характер текста реагируют глагольные морфы, особенно корни и суффиксы.

По показателям длины морфов научный текст отличается от разговорного и художественного.

Указанные текстовые различия имеют, безусловно, прагматические и функциональные обоснования.

© Ващекина Т.В., Попова Е.Н.

Дата поступления: 20.04.2017

Дата принятия в печать: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Русский язык, 1972.
2. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. 1963. № 3. С. 60—94.
3. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010.
4. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. Москва: Наука, 1983.

УДК: 81'342.7

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1020-1027

SYLLABIC STRUCTURE OF MORPH IN DIFFERENT WORD CLASSES AND DIFFERENT TYPES OF TEXTS

Tatiana V. Vashchekina¹, Elena N. Popova²

¹Lomonosov Moscow State University
31, Lomonosov av., Moscow, Russia, 119192

²RUDN University
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The statement about unity and entirety of language system, interdependency and interaction of different level language elements belongs to the circle of fundamental problems in language theory. Syllable and morpheme correlation studying could clarify language sign two-side nature. The article demonstrates the analysis of syllabic structure of morph in different word classes in conversational, scientific and literary texts. The main method is statistical, analytical and descriptive methods are also used. Considering syllabic structure of morph scientific text differs from conversational and literary ones, nouns and adjectives oppose verbs. The syllabic structure of morph shows the main grammar tendencies which determine the type of the language.

Key words: syllabic structure, morph, affix, text difference, word classes

REFERENCES

1. Greenberg, J. (1963). Quantitative approach to morphological typology of languages In *New in Linguistics*, 3, 170—194. (in Russ.).
2. Zubkova, L.G. (2010). Principle of Sign in Language System. Moscow: Languages of Slavic Culture. (in Russ.).
3. Kasevitch, V.B. (1983). Phonological Problems of General and Far East Linguistics. Moscow: Nauka. (in Russ.).
4. Vinogradov, V.V. (1972). Russian Language. Moscow: Russian Language. (in Russ.).

Для цитирования:

Ващекина Т.В., Попова Е.Н. Слоговая структура морфа в разных классах слов и разных типах текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1020—1027. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1020-1027.

For citation:

Vashchekina T.V., Popova E.N. (2017). Syllabic structure of morph in different word classes and different types of texts *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1020—1027. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1020-1027.

Сведения об авторах:

Ващекина Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительного изучения языков МГУ им. М.В.Ломоносова; *научные интересы*: общее и сопоставительное языкознание, семиотика; *e-mail*: compar@ffl.msu.ru

Попова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: общее и сопоставительное языкознание, теоретическая грамматика; *e-mail*: kafedra_fl_rudn@mail.ru

Bio Note:

Vashchekina Tatiana Vladimirovna, PhD of Philology, Associate Professor of the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; *interests*: general and comparative linguistics, semiotics; *e-mail*: compar@ffl.msu.ru

Popova Elena Nikolaevna, PhD of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of RUDN; *interests*: general and comparative linguistics, theoretical grammar; *e-mail*: kafedra_fl_rudn@mail.ru



УДК: 81'276.6:281.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1028-1032

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОГО (ПРАВОСЛАВНОГО) ДИСКУРСА: АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т.И. Кошелева

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, Великий Новгород, Россия, 173003

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, направленного на обнаружение особенностей религиозного (православного) дискурса. Поскольку в речи православных верующих отражается специфика религиозного мировоззрения, их ассоциативные реакции на словесные стимулы отличаются от реакций неверующих носителей русского языка. Актуальность исследования обусловлена обращением к православному дискурсу, лингвистический интерес к которому усилился в связи с изменением отношения общества к церкви.

Ключевые слова: православный дискурс, ассоциативный эксперимент, языковое сознание

ВВЕДЕНИЕ

Разновидность языка, обусловленная религиозным мировоззрением определенной части носителей русского языка, благодаря изменению общественного отношения к православной церкви стала привлекать внимание лингвистов. «Постепенно восстанавливается прерванная традиция, и в жизни многих людей появилась новая ситуация общения, связанная с религиозным образом жизни» [Бугаева 2005: 12—13].

Языковые особенности религиозного (в частности православного) дискурса обусловлены общностью ценностных ориентиров его участников. Основой этих ориентиров является православное мировоззрение, определяющее реакции людей на определенные жизненные ситуации, «регулирующее» их поведение, в том числе и коммуникативное.

Специфику языкового сознания православных верующих в определенной степени могут представить результаты ассоциативного эксперимента, осуществленного нами среди верующих (православных) носителей русского языка. Образцом для такого эксперимента стал Русский ассоциативный словарь (РАС) [Русский ассоциативный словарь 2002], что позволило сравнить результаты проведенного эксперимента с данными РАС.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Для выявления специфики ассоциативно-вербальных связей в языковой картине мира православного человека мы постарались, насколько это возможно, приблизить условия эксперимента к тем установкам, которые были приняты создателями Русского ассоциативного словаря (РАС): участниками эксперимента стали

молодые люди от 17 до 25 лет, носители русского языка, в основном студенты разнопрофильных факультетов вузов некоторых регионов России (Санкт-Петербург, Великий Новгород, Псков) и студенты Новгородского духовного училища. В эксперименте участвовало 100 человек, все они исповедуют православие, являются прихожанами православных храмов.

В анкете участникам эксперимента были предложены 50 стимулов — 20 слов современного русского языка, непосредственно связанных с религиозной сферой (*Бог, Богородица, Ангел, грех*) и 30 не связанных или связанных опосредованно (*безразличие, болезнь, верность, встреча*). Анкетируемые записывали напротив каждого стимула первую пришедшую на ум ассоциацию-реакцию. Затем анкетные данные сравнивались нами с результатами эксперимента, послужившими основой РАС.

Важно отметить, что в качестве слов-стимулов использовались только те единицы, которые зафиксированы в РАС, а участники эксперимента не были предупреждены о том, что таким образом исследуются особенности их православного языкового сознания, поэтому установок на религиозное восприятие слов-стимулов у них не было.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Анализ результатов ассоциативного эксперимента позволил выделить определенную специфику языкового сознания православных верующих по сравнению с «усредненным носителем русского языка» [РАС 2002: 5].

Рассмотрим сначала реакции на стимулы, непосредственно относящиеся к сфере религии. Многие из них и в РАС оказываются связанными с религиозным мировоззрением, однако и качественно и количественно (в процентном отношении) они не совпадают с реакциями православных носителей языка. Так, слово-стимул БОГ вызвало следующие реакции: *Господь* (79), *Отец* (12), *Небо* (5), *Любовь* (4) (в РАС наиболее частыми оказываются реакции — ответы *есть, на небе, мой, церковь*). Есть одинаковые реакции в наших анкетах и в РАС: *Господь, отец, небо, любовь*.

Стимул БОГОРОДИЦА отмечен реакциями *Пресвятая* (55), *Знамение* (11), *Заступница* (9), *Богоматерь* (9), *Казанская* (8), *Владимирская* (8) (ср. в РАС: *святая, икона, мать, Пресвятая, церковь*).

АНГЕЛ в православном сознании ассоциируется со следующими словами: *хранитель* (38), *архангел* (19), *Благовещение* (18), *серафим* (14), *херувим* (11), (в РАС наиболее частые реакции: *хранитель, крылья, во плоти*).

Слово — стимул БИБЛИЯ дало одну практически одинаковую для всех респондентов реакцию: *Священное Писание*, одна — *Писание* (в РАС такой реакции не отмечено, наиболее частые: *книга, Бог, Иисус, религия*).

В подавляющем большинстве случаев подобные стимулы вызывали у православных респондентов единодушную реакцию: на 15 из 20-ти слов религиозной сферы более половины анкетируемых (50 чел.) отвечали одинаковыми ассоциациями. «Усредненный» носитель русского языка таким единодушием не отличается: в РАС самое большое количество одинаковых ответов на названные стимулы — 30 (при среднем количестве ответов — 150).

В содержательном плане большинство реакций православных респондентов представляют собой следующие явления: **синонимы** слов — стимулов, традиционные для православного дискурса (*Богородица — Богоматерь; Бог — Господь; Библия — Священное Писание*); **признак**, часто являющийся устойчивым в текстах православной направленности (*Пресвятая Богородица, храм Божий*); **частная разновидность** названного стимулом явления: гипероним — гипоним (*ангел — архангел, серафим, херувим; богослужение — Литургия, Всенощное бдение*).

Довольно часто стимул вызывает у православных респондентов ассоциации **православного праздника**, связанного событийно со значением слова-стимула (*Христос — Пасха; ангел — Благовещение*), такого рода ассоциативные связи, вероятно, можно отнести к явлениям когнитивного порядка, квалифицируя подобные реакции как единицы картины мира.

Интересную картину можно наблюдать и анализируя реакции на стимулы, представляющие собой слова, непосредственно не связанные с религиозной сферой. В большинстве случаев эти слова-стимулы ассоциировались нашими респондентами с теми **символично-метафорическими смыслами**, которые актуализируются у таких слов в религиозном дискурсе. Вот несколько примеров: БЛАГОДАРНОСТЬ — *Спаси Господи, Спаси Бог, молитва*; БЕЗДНА — *греха, ад*; БЕЗРАЗЛИЧИЕ — *притча о милосердном самарянине*; ВРАГ — *рода человеческого, дьявол, любить*; ВРЕМЯ — *вечность*; БИТВА — *духовная, с грехом*; ГОЛОДНЫЙ — *алчущий, накормить*; ДЕНЬ — *ангела*; ХЛЕБ — *Небесный, Тело Христово, насыщенный*.

Подобных реакций на названные стимулы совсем нет в РАС (пожалуй, кроме *хлеб — насыщенный*, так как полученное сочетание является устойчивым в современном русском языке). Были в анкетах православных респондентов и реакции, схожие с ответами в РАС (*время — деньги, бежит; мир — война, планета; встреча — друзей, неожиданная*), но частотность таких реакций невелика (3—4 из 100).

Практически все реакции православных носителей русского языка, вызванные перечисленными стимулами, можно квалифицировать как отсылки к **прецедентным текстам** православного дискурса.

Некоторые из них являются прямыми цитатами: **полными** (ДЫХАНИЕ — «*всякое дыхание да хвалит Господа*» (Пс. 150: 6); **частичными** (ЛЮБОВЬ — «*любовь ... не превозносится, не гордится*» (1 Кор. 13: 4), «*возлюби ближнего...*» (Лк. 10: 27).

Большинство из употребленных респондентами библейских цитат используется в повторяющихся текстах православных богослужений, поэтому известны не только тем, кто хорошо знаком со Священным Писанием, но и тем, кто просто регулярно участвует в богослужении, цитаты эти у них, что называется, «на слуху».

Другие прецедентные тексты представлены в реакциях иными способами: **отсылкой к известному событию или тексту**, в котором реализуется одно из названных стимулом значений (БЕЗРАЗЛИЧИЕ — *притча о милосердном самарянине* (Лк. 10: 30—37); **синтаксически — сочетаниями**, которые используются как устойчивые в православном дискурсе (БЕЗДНА *греха*; ДЕНЬ *ангела*); **ассоциациями, обусловленными законами христианской жизни**, такими, как заповеди (ГОЛОДНЫ — *накормить*), **литургический опыт** (ХЛЕБ — *Тело Христово*), **христианский этикет** (БЛАГОДАРНОСТЬ — *спаси Господи, спаси Бог*).

Как видим, такого рода реакции далеко не всегда совпадают с привычными для «усредненного» носителя русского языка ассоциациями, они вызваны наличием других ценностных приоритетов (ср. ДЕНЬ ангела — в РАС: ДЕНЬ рождения; ГОЛОДНЫЙ накормить — в РАС: ГОЛОДНЫЙ волк, пес, студент).

Особенности восприятия слов—стимулов связаны с реализацией их «религиозно-осмысленных» коннотативных значений, которые в православном дискурсе выдвигаются на первый план.

ВЫВОДЫ

Ассоциативно-вербальные связи, представленные в православном дискурсе, демонстрируют особенности языкового сознания его участников, обусловленные религиозным (православным) мировоззрением, оценочным отношением к реалиям окружающей действительности, и служат выражением религиозной картины мира.

© Кошелева Т.И.

Дата поступления: 1.05.2017

Дата приема к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бугаева И.В. Языковая личность в религиозном дискурсе: к постановке проблемы // Язык и социум. Материалы VI Межд. науч. кон-ции. 3—4 дек. 2004 г. Минск, 2005. Т. 1. С. 12—15.
2. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.

Сокращения

1 Кор. — Новый Завет. Первое послание к Коринфяном апостола Павла.

Лк. — Новый Завет. Евангелие от Луки.

Пс. — Ветхий Завет. Псалтирь.

УДК: 81'276.6:281.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1028-1032

TO THE QUESTION ABOUT THE SPECIFICITY OF RELIGIOUS (ORTHODOX) DISCOURSE: ASSOCIATIONS —VERBAL ASPECT

Tatiana I. Kosheleva

The Novgorod State University named after Yaroslav the Wise
41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., Velikiy Novgorod, Russia, 173003

Abstract. The article presents the results of associative experiment aimed at detecting the features of the religious (Orthodox) discourse. As in the speech of Orthodox believers reflects the specificity of the religious worldview, and their associative reactions to verbal stimuli differ from the reactions of unbelievers native speakers of Russian. The research urgency is caused by appeal to the Orthodox discourse, the linguistic interest in which has intensified in connection with the change in society's attitude to the Church.

Key words: orthodox discourse, associative experiment, linguistic consciousness

REFERENCES

1. Bugaeva, I.V. (2005). Linguistic personality in religious discourse: to the problem statement In *Language and society*. Materials of the VI Int. scientific conference, 3—4 Dec. 2004. Minsk. Vol. 1, 12—15. (in Russ.).
2. Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Y.A., & Tarasov, E.F. (2002). *Russian associative dictionary*. In 2 volumes. Vol. 1. From stimulus to reaction. Moscow. (in Russ.).

Для цитирования:

Кошелева Т.И. К вопросу об особенностях религиозного (православного) дискурса: ассоциативно-вербальный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1028—1032. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1028-1032.

For citation:

Kosheleva, T.I. (2017). To the question about the specificity of religious (orthodox) discourse: associations-verbal aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1028—1032. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1028-1032.

Tatiana I. Kosheleva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1028—1032. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1028-1032.

Сведения об авторах:

Татьяна Ивановна Кошелева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; *научные интересы*: православный дискурс, ассоциативный эксперимент, языковое сознание; *e-mail*: tatkosh68@mail.ru

Bio Notes:

Tatiana Ivanovna Kosheleva, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department at The Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; *interests*: orthodox discourse, associative experiment, linguistic consciousness; *e-mail*: tatkosh68@mail.ru



УДК: 811.81/82:1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1033-1040

К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА (на материале салишского языка сквамиш)

О.Н. Иконникова

Ростовский институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования
Доломановский переулок, 31, Ростов-на-Дону, Россия, 344011

Материал вымирающего салишского языка сквамиш имеет большое значение для универсального принципа построения языковой структуры в диахроническом аспекте. На основании анализа словарного и текстового материала салишского языка сквамиш автор приходит к гипотезе о том, что в процессе категоризации на начальных этапах развития языка мир воспринимался как динамичное явление, что обусловило доминирование глагольного предиката, который прошел процесс номинализации для выражения актантных членов предложения. Анализ средств передачи субстантивной лексики в сквамиш-английском словаре и текстовых примеров на языке сквамиш свидетельствует о том, что большинство языковых единиц номинативной лексики языка сквамиш представлено дериватами, которые фактически являются номинализованными глагольными предикатами. Таким образом, материал языка сквамиш, как и других салишских языков, дает основания предположить, что категоризация мира на начальных этапах развития языка была основана на процессах поликатегоризации/перекатегоризации глагола, т.е. в диахронической модели грамматических категорий на начальных этапах развития языка доминировала вездесущность глагольного предиката, который выступал в том числе и в роли актанта.

Ключевые слова: салишский язык сквамиш, категоризация, глагольный предикат, номинализация, субстантив, лексический суффикс

ВВЕДЕНИЕ

Категоризация — одно из базовых понятий когнитивной лингвистики, раскрывающее общие механизмы процесса познания и формирования категорий. Категоризация мира на начальных этапах развития языка является одной из актуальных проблем, т.к. по настоящее время в лингвистике отсутствует диахроническая модель развития грамматических категорий языка.

На наш взгляд, архаичные салишские языки, сохранившие реликты предграмматической модели развития языка, могут пролить свет на процесс категоризации мира на начальных этапах развития языка.

Язык сквамиш относится к центральной ветви салишских языков, является вымирающим, локализован на территории севернее города Ванкувер Британской Колумбии Канады, количество носителей — около 15 человек. Язык сквамиш, как и другие салишские языки, является наиболее проблемным в плане частеречной дифференциации и выделения субстантивной лексики. Тем не менее многие салишисты, очевидно, для удобства теоретического описания салишских языков, используют термины ‘noun’, ‘nominal’, ‘substantive’.

В описательной грамматике языка сквамиш А. Куиперс выделяет два класса слов — полные слова и клитики. Субстантивные основы ('nominal stems') содержат префикс *s* —, хотя есть основы и без субстантиватора. Глагольные основы ('verbalized stems') содержат суффиксы — индикаторы переходности и непереходности, хотя есть основы и без названных суффиксов. Т.е. морфологический и синтаксический критерии выделения имени и глагола в сквамиш могут применяться только в статистическом плане.

В связи с дискуссионной проблемой дифференциации субстантивной лексики в салишских языках мы обращаемся к материалам описательных грамматик, словарей, текстов салишских языков с целью возможного разрешения данной проблемы, а также в связи с актуальностью вопроса, какое значение могут иметь данные салишских языков, в частности, языка сквамиш, для универсального принципа построения языковой структуры в диахроническом аспекте в процессе категоризации на начальных этапах развития языка.

ЦЕЛЬ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью нашего исследования явилось выявление способов репрезентации субстантивной лексики в языке сквамиш на основе анализа лексических единиц языка сквамиш, переводимых на английский язык как существительные в сквамиш-английском словаре [Kuipers 1967: 245—399]. Материалом исследования послужили 920 языковых единиц, выражающих номинативную лексику. Кроме того, мы проанализировали выражение субстантивной лексики в пяти текстах на языке сквамиш, что составило 154 предложения, составленных также А. Куиперсом в ходе его полевой работы с информантами. На настоящий момент книга А. Куиперса 'The Squamish language: grammar, texts, dictionary' фактически является единственным авторитетным источником описания малоизученного и вымирающего языка сквамиш с включением информации о фонетике, морфологии, синтаксисе, с наличием сквамиш-английского словаря и текстов с комментариями и подстрочником.

1. АНАЛИЗ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СКВАМИШ-АНГЛИЙСКОМ СЛОВАРЕ

На основе анализа лексических единиц, представленных в сквамиш-английском словаре, мы выделили основные средства выражения субстантивной лексики в языке сквамиш: 1) субстантивные корни, 2) дериваты и 3) заимствования.

1) *Субстантивные корни*, способные выступать в качестве самостоятельной формы, составляют 15% от общего количества единиц номинативной лексики. Этимология большинства корней не ясна, например:

stams — воин; *slai?* — кора дерева; *sqi?* — сушеная копченая тонко порезанная лосось; *smān* — враг, *kusn* — звезда, *p'ič't* — древесный уголь, *māsn* — желчью, *mən?* — ребенок, отпрыск, *mān* — отец; *maqə?* — снег; *maqam* — болото; *mila* — индейский танец; *čalm* — морские водоросли; *čuas* — жена; *λəl* — перетягивание каната (игра); *ktams* — муж.

40% из представленных корней составляет лексико-семантическая группа фитонимов и зоонимов, характерных для территории северо-западной Америки и Канады, например:

p'uai? — камбала; *c'iq̄t* — черногрудый дрозд; *c'čəl* — зимородок; *kuʔs* — весенняя лосось; *k'ač* — морская собака; *wren* — крапивник (небольшая птица); *ʔəx* — дикий гусь.

2) *Дериваты* составляют 82% от общего числа единиц субстантивной лексики.

Из общего числа дериватов выделяется группа единиц с префиксом *s* —, который именуется субстантивным в салишских языках. Этимология таких единиц демонстрируют деривационную модель: субстантивный префикс + корень, выраженный глаголом (часто с указанием валентности). Ср.:

s — pən — m — растение (от *pən* — быть в почве, быть закопанным, —*m* суффикс непереходности);
s — taq — вода (от *taq* — пить);
s — təms — коса (от *təms* — заплетать);
s — ničim — слово, речь, язык (от *ničim* — говорить, разговаривать);
s — ʔai — nəx — дух, жизнь (от *ʔai — nəx* — быть живым);
s — pək' — m — пыль (от *pək'* — формировать облако пыли, дыма, *m* — суффикс непереходности);
s — lum? — суп (от *lum?* — есть суп);
s — qətšm — туман (от *qətšm* — быть туманным);
s — xətm — водоскат (от *xətm* — быстро течь (о воде));
s — ua — am — близкий родственник (от корня *ua* — длиться, продолжаться и суффикса непереходности — *am*).

Следует отметить тот факт, что одной из самых ярких черт языковых систем салишских языков — использование лексических суффиксов для выражения субстантивных форм. Лексические суффиксы — деривационные морфемы с субстантивным значением, т.е. они выражают значения существительных, которые соответствуют корневым словам, в частности в индоевропейских языках. Анализ дериватов сквамиш-английского словаря показывает, что лексические суффиксы используются в комбинациях с процессуальными корнями и друг с другом, образуя номинативную лексику. Приведем примеры:

p'ac' — tn — игла (от *p'ac'* — шить (root), *tn* — инструмент (lexical suffix));
miač — гарпун для ловли рыбы (*məi* — погружать (root), —*ač* — рука (lexical suffix));
təxaʔč — стрела (*təx* — прикрепленный (root), *č* — спина (lexical suffix));
c'amʔcn — браслет (от *sx'am?* — кость (root), *cn* — инструмент (lexical suffix));
nəx — ʔai? — m — us — tn — маска (букв. инструмент (*-tn*) для изменения (*nəxʔai?*) лица (*—us*)), где —*tn*, —*m*, —*us* — лексические суффиксы;
mik' — tn — танец, исполняемый перед свадьбой (*mik'* — «быть очищенным», *tn* — лексический суффикс «инструмент»);
k'qč — us — tn — окно (от *k'ač* — «смотреть» (root) с прикреплением лексических суффиксов —*us* — «лицо» и —*tn* — «инструмент»);
səl? — *sl — tn* — прялка (от редупликации корня *səl* — «прясть, вертеть» с прикреплением лексического суффикса *tn* — «приспособление»);

qənʔ—qnʔ — вор «воровать многократно» (от редупликации корня *qənʔ* — «воровать»);

q'ia—xan — забор (от *q'i* — «связывать» с прикреплением лексического суффикса *—xan* — «сторона»);

q'iʔx—ia — негр (от редупликации корня *q'ix* — «черный» с прикреплением формата *—ia*);

s—qin—c — борода (от *qin* — «волосатый» с прикреплением лексического суффикса *—c* — «рот» и номинализатора *s—*);

s—xəp'—ʃn — рыбий хвост (букв. «разделенная нога») (от *xəp'* — «разделять, ломать» (root) с прикреплением лексического суффикса *ʃn* — «нога» и номинализатора *s—*);

xəlʔ—tn — ручка (букв. «пишущий инструмент») (от *xəlʔ* «писать, царапать знаки» (root) с прикреплением инструментального суффикса *—tn*);

həmʔ—tn — покрывало, одеяло (от *həmʔ* — быть покрытым (root) с прикреплением инструментального суффикса *—tn*).

3) *Заемствования* из английского и французского языков составляют 3% от всех единиц, обозначающих номинативную лексику. Существительные из английского и французского языков обозначают явления и предметы, которые появились у племени сквамиш после появления «белого человека» на американском континенте. Например:

англ. *pus* — кошка, *pipa* — бумага; *tala* — деньги, *skul* — школа, *čaimin* — китаец, *suka* — сахар, *lam* — алкогольный напиток, виски, *uač* — часы;

франц. *ləpəski* — печенье; *ləkaq* — петух, *ləkin* — крест, *latam* — стол, *kapu* — пальто, *kasu* — поросенок.

2. АНАЛИЗ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТОВЫХ ПРИМЕРАХ ЯЗЫКА СКВАМИШ

Что касается средств передачи субстантивной лексики в текстах, то одной из отличительных черт салишских языков, как и сквамиш, является выражение значений существительных, наравне с отдельными лексемами, лексическими суффиксами субстантивной семантики. Ср.:

1) *s—smn—q'ap'—ač—iʔn—tm—λ'a—Qalqalił'*
clitic (then) — catch (root) — **hand (lexical suffix)** — trans — passive — article — Qalqalił'

«Затем они были пойманы за руку Qalqalił' (мифическим существом — женщина-каннибал).

2) *na—mʔi—ʔuis—kəli—hii—słanaiʔ (root)—čmčmʔaʔs—t—as—kəci—hii—sitn (root)*

затем — заходить — вовнутрь — эта — крупная — женщина — нести ношу — корзина

«Вошла крупная женщина, неся на спине большую корзину».

По мнению С.Д. Кацнельсона, лингвист обязан учитывать «степень коммуникативного динамизма», или коммуникативную ценность различных компонентов предложения. Наименьший коэффициент динамизма обладает член предложения,

представляющий «данное», нечто, уже известное слушателю, а наибольшим тот, который представляется «новым» и наиболее актуальным [Кацнельсон 1984: 8]. Вероятно, использование лексических суффиксов обусловлено тем, что они передают фоновую информацию, не такую важную и актуальную для говорящих по сравнению с отдельными лексемами. Так, в вышеприведенном предложении в первом случае существенное значение имеет тот процессуальный факт, что дети были схвачены мифическим существом, а то, что они были схвачены за руку, имеет второстепенное значение, что и обуславливает использование здесь лексического суффикса *ащ* — ‘рука’. Во втором случае в пропозиции в качестве актантов использованы лексемы, а не лексические суффиксы, т.к. в данном случае это ядерные элементы пропозиции: женщина (главное действующее лицо (агенс)) и корзина, в которую она будет класть детей (объект действия (объектив)), чтобы их украсть.

Т.е. таким образом манифестируется прагматическая функция использования лексических суффиксов — выделения ядерных и периферийных элементов высказывания. Ядерные элементы пропозиции выражаются субстантивами, периферийные конститuentы — лексическими суффиксами.

Однако лексемы «женщина» и «корзина» фактически являются субстантивированными дериватами и восходят к процессуальным корням:

s — lan — aiʔ — женщина (букв. «та, для того чтобы ткать») (субстантивированный дериват от *ʔan* — ткать с прикреплением номинализатора *s* — и форманта — суффикса *aiʔ* — «то (та, тот) который для чего —либо»);

sitn — корзина (букв. «бросать внутрь») (от *tx — nuʔ* — «перемещать вовнутрь» (*tx* — клитика (направление движения) и *nuʔ* — «быть внутри, вставленный»)).

Среди ядерных аргументов в текстах мы выделили агенсы, выраженные лексемами, которые А. Куиперс именует как существительные. Этимология таких лексем, несмотря на субстантивное значение, восходит к процессуальным корням, что, очевидно, свидетельствует об их процессуальном прошлом. Во многих случаях субстантиватор/номинализатор *s* — , или лексический суффикс, присоединяясь к глаголу или предикативному прилагательному, преобразует их в актантный член предложения (подлежащее или дополнение). Ср.:

s — təl — məx — индеец, человек «букв. тот, кто учится, добывает знания» (от *təl* — изучать, учиться с прикреплением лексического суффикса *məx* — человек и номинализатора — префикса *s* —);

siʔamʔ — вождь (*hamʔ / həmʔ* — быть в укрытии, приходиться в укрытие, домой; red. *hiʔ — amʔ* (от *hiʔ — hamʔ*) — возвращаться домой; *s — iʔ — amʔ* от *s — hiʔ — hamʔ* — вождь;

s — klʔaš — ружье (от *kəlaš* — стрелять с прикреплением субстантиватора *s* —);

q'qə — mn — топор (букв. «бить что —либо, ударять о что —либо») (от *q'iq* (*q'əq*) — ударять, бить с прикреплением транзитивного суффикса —*mn*);

s — q'səcut — игрушка (от *q'əs* — играть, *q'sət* — играть с партнером, *q'sə — cut* — играть с собой (*cut* — trans, reflex);

lamʔ — дом (вероятно связано с *hamʔ* — укрыться, приходиться в укрытие, домой).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ средств передачи субстантивной лексики в сквамиш-английском словаре и текстовых примеров языка сквамиш свидетельствует о том, что большинство языковых единиц номинативной лексики языка сквамиш представлено дериватами, которые фактически являются номинализованными глагольными предикатами.

Материал языка сквамиш, как и других салишских языков, дает нам основания предположить, что категоризация мира на начальных этапах развития языка была основана на процессах поликатегоризации/перекатегоризации глагола (т.е. реализации признаков, не свойственных системному значению глагола) [Болдырев 2014: 203], своеобразной гибкости/эластичности глагола ('a flexible part of speech that conflates two or more major classes filling a variety of syntactic roles') [Beck], использование глагола для иной цели — выражения актанта/комплемента 'recycling of verbs as term expressions [Anward 2000: 33]. Т.е. в диахронической модели развития грамматических категорий языка на начальных этапах развития языка доминировала вездесущность глагольного предиката, который выступал в том числе и в роли актанта.

Вездесущность предиката на начальных этапах развития языка обусловлена мифологическим мышлением, с одной стороны, и таким важным свойством мышления первобытного человека, так называемого «инкорпорированного мышления», по А.Ф. Лосеву, как отсутствие различия между сущностью и явлением: «Для инкорпорированного мышления все на свете одинаково существенно и одинаково является. Для него не существует признаков существенных и несущественных; и это уже по одному тому, что для него не существует и вообще различия между предметом и его признаками. Для инкорпорированного мышления то, что дано в ощущении, то и на самом деле есть» [Лосев 1982: 255].

Таким образом, на основании анализа словарного и текстового материала салишского языка сквамиш мы приходим к гипотезе о том, что в процессе категоризации на начальных этапах развития языка мир воспринимался как динамичное явление, что обусловило доминирование глагольного предиката, который прошел процесс номинализации для выражения актантных членов предложения.

© Иконникова О.Н.

Дата поступления: 4.05.2017

Дата приема к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Kuipers A.H.* The Squamish Language: Grammar, Texts, Dictionary. The Hague — Paris: Mouton and CO, 1967.
2. *Кацнельсон С.Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. Москва, 1984. № 4. С. 3—12.
3. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
4. *Beck D.* Unidirectional flexibility and the noun-verb distinction in Lushootseed. Режим доступа: <http://www.ualberta.ca/~dbeck/FlexDist.pdf>. Дата обращения: 23.07.2014.

5. Anward J. A dynamic model of parts-of-speech differentiation. In: *Approaches to the typology of word classes*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 3—46.
6. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: изд-во Моск. ун-та, 1982.

УДК: 811.81/82:1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1033-1040

THE PROBLEM OF CATEGORIZATION OF THE WORLD AT THE INITIAL STAGE OF THE LANGUAGE DEVELOPMENT (within the Framework of the Salishan Language Squamish)

Olga N. Ikonnikova

Rostov Institute of Improving Teachers' Qualification and Professional Retraining
Dolomanovsky Lane, 31, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344011

Abstract. The material of the endangered Salishan language Squamish is of great importance for the universal principle of constructing a diachronic linguistic structure. Based on the analysis of the vocabulary and text material of the Salishan language Squamish the author comes to the hypothesis that in the process of categorization at the initial stages of the language development the world was perceived as a dynamic phenomenon, which led to the dominance of the verbal predicate, that went through the process of nominalization to express arguments of the sentence. The analysis of the means of transferring substantive vocabulary in the Squamish-English dictionary and in the Squamish text indicates that the majority of the linguistic units of the substantive vocabulary of the language are represented by derivatives, which are actually nominal verbal predicates. Thus, the material of the Squamish language, as well as other Salishan languages, suggests that the categorization of the world at the initial stages of the language development was based on the processes of polycategorization / recategorization of the verb, i.e. in the diachronic model of the grammatical categories at the initial stages of the language development, the omnipresence of the verbal predicate dominated, which recycled to perform the function of the argument.

Key words: Salishan language, Squamish, categorization, verbal predicate, nominalization, substantive, lexical suffix

REFERENCES

1. Kuipers, A.H. (1967). *The Squamish Language: Grammar, Texts, Dictionary*. The Hague—Paris: Mouton and CO.
2. Katsnel'son, S.D. (1984). Speech-cognitive processes. *Topics in the study of language*, 4, 3—12. (in Russ.).
3. Boldyrev, N.N. (2014). Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: lectures. Tambov: Izd. Dom TGU im. G.R. Derzhavina. (in Russ.).
4. Beck, D. Unidirectional flexibility and the noun-verb distinction in Lushootseed: URL: <http://www.ualberta.ca/~dbeck/FlexDist.pdf> (accessed: 04.04.2017).
5. Anward, J. (2000). A dynamic model of parts-of-speech differentiation. In: *Approaches to the typology of word classes*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 3—46.
6. Losev, A.F. (1982). *Sign. Symbol. Myth*. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (in Russ.).

Для цитирования:

Иконникова О.Н. К проблеме категоризации мира на начальных этапах развития языка (на материале салишского языка сквамиш) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1033—1040. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1033-1040.

For citation:

Ikonnikova O.N. (2017). The problem of categorization of the world at the initial stage of the language development (within the framework of the salishan language squamish). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1033—1040. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1033-1040.

Olga N. Ikonnikova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1033—1040. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1033-1040.

Сведения об авторах:

Иконникова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики Ростовского института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования; *научные интересы*: салишский язык сквамиш, категоризация, глагольный предикат, номинализация, субстантив, лексический суффикс; *e-mail*: iconolga@mail.ru

Bio Note:

Ikonnikova Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Pedagogy at Rostov Institute of Improving Teachers' Qualification and Professional Retraining; *intersts*: salishan language, squamish, categorization, verbal predicate, nominalization, substantive, lexical suffix; *e-mail*: nadezdagalaktionova@gmail.com



УДК: 81:82

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1041-1050

О МЕТАЯЗЫКОВЫХ КОНТЕКСТАХ В МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.В. Батулина

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, Великий Новгород, Россия, 173003

В данной статье на материале текстов современных детективных романов отечественных авторов анализируются функции метаязыковых контекстов. Описаны две функциональные разновидности метаязыковых контекстов: коммуникативные рефлексивы, относящиеся к диктумному содержанию высказывания, и концептуальные рефлексивы, связанные с выражением модусных смыслов. Выявлены различия в семантической структуре метаязыковой характеристики коммуникативных и концептуальных рефлексивов. Описаны основные группы единиц языка/речи, являющихся объектами двух разновидностей метаязыковых комментариев. Выявлена связь между лексико-семантическими особенностями объекта рефлексии и функциональным типом его метаязыкового описания. Проанализированы различные формы актуализации метаязыковых контекстов коммуникативного и концептуального типа, которые рассматриваются как свидетельство социально-коммуникативной ориентации авторов массовой литературы на читателей различной языковой и культурной компетенции.

Ключевые слова: метаязыковой комментарий, метаязыковой контекст, рефлексия, коммуникативный рефлексив, концептуальный рефлексив, массовая литература, автор, читатель

Факт активизации проявлений метаязыковой рефлексии — «типа языкового поведения, предполагающего... наблюдение, анализ различных [языковых] фактов, оценку их» [Булыгина, Шмелев 1999: 108] — в различных типах дискурса отмечается многими исследователями [Мечковская 2009; Вепрева 2005]. Наличие метаязыковых контекстов: комментариев относительно семантики, сферы употребления, нормативности использования факта языка/речи — характерно и для массовой литературы, «выполняющей функцию транслятора культурных символов, ... упрощения и стандартизации передаваемой информации» [Черняк, Черняк 2010: 84].

Ориентация авторов современного отечественного детектива на «среднего носителя русского языка, который является средоточием всех его плюсов и минусов» [Караулов 1991: 85], стремление погрузить читателя в стихию живой речи, общее с языком медиальных средств, делает этот жанр ценным источником информации об особенностях языка массовой литературы в целом.

Объектом исследования в настоящей статье являются метаязыковые комментарии в текстах современных детективных романов отечественных авторов (Д. Донцовой, Т. Устиновой). *Предмет исследования* — объекты и семантическая структура метаязыковых контекстов.

Метаязыковые комментарии, или рефлексивы, неоднородны в функциональном отношении. Вслед за Б.С. Шварцкопфом, И.Т. Вепревой мы выделяем две функ-

циональные разновидности метаязыковых контекстов: 1) *коммуникативные рефлексивы*, облегчающие понимание речи, и 2) *концептуальные рефлексивы*, служащие средством выражения мировоззренческих установок говорящего [Шварцкопф 1977: 278; Вепрева 2005: 103].

Основной формой реализации метаязыковой функции в комментариях коммуникативного типа, относящихся к диктумному содержанию высказывания, является присвоение объекту рефлексии значения:

Амикошонство — панибратство (Д. Донцова, *Досье на крошку Че*).

В комментарий также может включаться описание коннотативных компонентов лексического значения, актуальных для контекста:

Просто один раз на очередную премьеру, куда ломанулся весь бомонд, Анна Лапишина появилась в сопровождении безукоризненно одетого молодого человека. На лексему бомонд дается сноска: Бомонд — высший свет; в наши дни слово приобрело слегка пренебрежительный оттенок (Д. Донцова, *Бенефис мартовской кошки*).

Комментарии концептуального типа, связанные с модусной частью высказывания, представляют собой оценочные суждения — «выражения мнения говорящего о пригодности (степени пригодности) или непригодности данного языкового средства (слова, фразеологизма, грамматической формы, словосочетания, наконец, стиля высказывания)» [Шварцкопф 1977: 287]:

Она сказала это таким тоном, что у меня сердце похолодело, простите за немедицинское сравнение (Д. Донцова, *Самовар с шампанским*).

Появление в тексте рефлексивов концептуального типа — факультативных для передачи объективного смысла высказывания характеристик плана выражения или плана содержания объекта рефлексии (нормативной, стилистической, этимологической и др.) — в большинстве случаев связано с неким отклонением от нормы, нестандартностью факта языка/речи.

Рефлексивы коммуникативного и концептуального типа обладают разной семантической структурой. Из четырех выделяемых М.Р. Шумариной обязательных компонентов семантической структуры рефлексива: 1) объект рефлексии, 2) статусный квалификатор, 3) субъект метаязыковой оценки, 4) метаязыковая характеристика [Шумарина 2011: 70—79] — для коммуникативного комментария актуальны два:

Поймите, требуется экин (1) — *действие, интрига, тайна* (4).

Метаязыковая характеристика в рефлексивах данного типа сводится к семантизации объекта рефлексии. Прочие составляющие рефлексива: статусный квалификатор (метаязыковые термины *слово, фраза, пословица, поговорка*), субъект метаязыковой оценки — в структуре комментария коммуникативного типа представляют собой «нерефлектирующую рефлекссию», семантически «пустые» обозначения, которые легко могут быть опущены:

Невер! Нишьт! Жамэ! Надеюсь, по иностранным языкам у тебя тоже «отлично», и ты поняла слово «никогда», произнесенное мной на дурном английском, немецком и французском (Д. Донцова, *Мыльная сказка Шахерезады*).

В рефлексивах концептуального типа компонент «метаязыковая характеристика» может иметь самое разнообразное содержание:

Jet —set! Откройте и перечитайте любой яркий, гляцевый западный журнал (4в), обязательно встретите там это словечко, термин, который изобрел в 70-е годы (4а) итальянский писатель Альберто Моравиа (4б). Он назвал таким образом общество людей, жизнь которых состоит в поисках удовольствия. Найти в русском языке перевод этого самого слова довольно просто — это «тусовка» (4г), намного сложнее обнаружить само явление в нашей действительности (Д. Донцова, Бенедикт мартовской кошки).

В приведенном примере описаны обстоятельства появления слова — объекта рефлексии (4а), обозначен его автор (4б), отмечен факт употребительности в зарубежных гляцевых журналах (4в), эквивалентность русскому синониму *тусовка* (4г).

Сообщение о субъекте метаязыковой оценки в большинстве случаев является неотъемлемой частью структуры концептуального комментария, поскольку служит для указания на функционально-стилистическую маркированность слова:

Кто-то из обитателей Ложкина купил кота и забыл его у порога. Подозреваю, что это Глория — она увлеченно обставляет подаренную ей Феликсом квартиру. Впрочем, Зоя Игнатьевна занята тем же, но она никогда не приобретет ничего, как говорит Зайка, мимишного (Д. Донцова, Самовар с шампанским).

Релевантность данного метаоператора отличает семантическую структуру концептуального комментария от коммуникативного.

Комментарии коммуникативного и концептуального типов могут совмещаться в одном метаязыковом контексте:

Выйдя из метро, я наткнулась на большой супермаркет, над главным входом которого горела вывеска «Кураре, 24 часа». Увидев пару дней назад впервые название торговой точки, я вздрогнула и подумала, что кураре не самое подходящее название для места, в котором продают продукты. Но, несмотря на идиотскую вывеску, ассортимент в супермаркете оказался очень хорошим, а цены сразу не отпугивали.

В данном случае рефлексив концептуального типа, представленный в основном тексте романа, дополняется рефлексивом коммуникативного типа в сноске: **Кураре — название одного из сильнейших и быстродействующих ядов** (Д. Донцова, Бенедикт мартовской кошки) [Донцова 2003: 104].

Качественно-количественный состав объектов метаязыковой рефлексии в массовой литературе неоднороден. Каждому функциональному типу рефлексивов свойствен свой «набор» оцениваемых фактов языка/речи.

Коммуникативными комментариями, обеспечивающими единство языкового кода автора и читателя, регулярно сопровождаются:

- 1) терминологическая и профессиональная лексика: *антропология, блефаропластика, болезнь Альцгеймера, старческая деменция;*
- 2) заимствования, иноязычные вкрапления, варваризмы, экзотизмы: *бомонд, селебрити, инстаграм, mein arbeit, jet—set, кухлянка, маца;*
- 3) прецедентные тексты: *Серебряный век, «Сага о Форсайтах», Арчи Гудвин, Ночь длинных ножей;*
- 4) аббревиатуры: *РОНО, КВН* (название марки телевизоров), *ВДНХ*.

Наиболее частотными объектами рефлексии *концептуального* типа являются:

- 1) заимствованная лексика: *модельер, дизайнер, уик-энд, вау*;
- 2) лексика субстандарта: *азеры, крытка, ползун, дура*;
- 3) имена собственные: *Милиция, Собачкин, Табуреткина, Фокин*;
- 4) языковые и речевые ошибки: *очутюсь, покласть, в этой связи*.

Как показывает аналитическое чтение отечественных детективов, комментарии *коммуникативного типа*, прежде всего, ориентированы на массового читателя, плохо или недостаточно знакомого с лексическими и фразеологическими единицами, входящими в «зону риска». Зачастую такие комментарии носят латентный характер: конкретизирующий значение объекта рефлексии комментарий занимает позицию распространяющего члена предложения:

Вдова бывшего главврача еще какое-то время работала медсестрой, а потом ее назначили кастеляншей, ответственной за белье — подушки — одеяла — халаты — тапочки и прочее (Д. Донцова, *Пальцы китайским веером*).

В данном примере, в отличие от дефиниций, вынесенных в сноску или маркированных метаязыковыми терминами, графическими средствами или конструкциями тождества, формально текст рефлексива как «чужой» не отмечен. В то же время комментарием коммуникативного типа могут сопровождаться общеупотребительные лексические и фразеологические единицы, хрестоматийные прецедентные тексты:

- 1) — *...Ешьте биокрекеры из полбы. Сухари, что Федору в салате понравились, приготовлены из них.*
— *Кому по лбу? — не понял Федя.*
— *Полба — это вид пшеницы, — пояснила его сестра, — она особенно любима адептами здорового образа жизни* (Д. Донцова, *Фанатка голого короля*);
- 2) *Кабаниха — главная героиня пьесы А.Н. Островского «Гроза». Она считала себя хранительницей порядка, исконных норм и правил жизни, искореняла любой намек на неподчинение домашних* (Д. Донцова, *Пальцы китайским веером*).

В таких комментариях, как представляется, эксплицируется авторское представление о неоднородности языковой компетенции массового читателя, поскольку степень агнонимичности, семантической неопределенности единицы языка устанавливается применительно к индивидуальному лексикону.

Одновременное обращение к разным группам читательской аудитории находит отражение и в противоположной тенденции: автор намеренно не комментирует потенциально агнонимичную лексику и прецедентные тексты, относящиеся к области специального знания. Как отмечает В.Д. Черняк, М.А. Черняк, «строая диалог с читателем, авторы произведений массовой литературы стремятся создать у него чувство интеллектуального комфорта... в то же время авторы, включенные в современный литературный контекст, склонны к литературным играм с читателем» [Черняк, Черняк 2010: 134]. Одним из приемов такой игры является метаязыковой комментарий — вопрос о значении объекта рефлексии, который остается без ответа:

- 1) *... я не умею готовить парфэ из судака (кто бы мне объяснил, что это такое?)* (Д. Донцова, *Пальцы китайским веером*);

- 2) *Слушай, что такое фидхтинг? Постеснялся спросить у Маргариты. — Понятия не имею, — призналась я, — но тоже не решилась уточнить, наверное, мы произвели на сотрудников агентства сногшибательное впечатление (Д. Донцова, Самовар с шампанским).*

Этот прием используется и по отношению к прецедентным текстам:

Полканов схватился за сердце, закатил глаза, отбросил со лба невидимую прядь волос, вздернул подбородок и произнес:

— Минута опоздания к тревоге. Чу! Там шаги! Не смерть ли бродит у порога? А ну как ей на ум пришло меня забрать в час ночи серой?

... Моего образования не хватает, чтобы понять, какую пьесу он сейчас процитировал. Вероятно, что-то из Шекспира. Может, это Лопе де Вега или Мольер (Д. Донцова, Мыльная сказка Шахерезады).

Обсуждение персонажами источника включенного текста обеспечивает вовлечение в эту деятельность и читателя, который, в зависимости от уровня своей культурно-речевой компетенции, соотносит или не соотносит процитированный фрагмент с претекстом.

Тенденцией к многоуровневой организации и восприятию текстов массовой литературы, с нашей точки зрения, объясняется и введение в семантическую структуру рефлексива метаоператоров, представляющих собой обоснование причин его появления. Так, Д. Донцова мотивирует наличие комментария указанием на низкий культурно-речевой уровень персонажа, малоупотребительность или архаичность языковой единицы:

- 1) *Анфиса шмыгнула в коридор, я на цыпочках стала красться к лестнице на второй этаж. Александр Сергеевич и Михаил Юрьевич никогда не общались друг с другом, совместно пьют чай они только в анекдотах. А Михайло Васильевич умер до того, как великие поэты появились на свет. Ладно Анфиса, она не получила образования и поэтому верит любым глупостям (Д. Донцова, Самовар с шампанским);*
- 2) *Украшают же стены многих детских поликлиник изображением доктора Айболита. Все забыли, что милый старичок-то по образованию ветеринар (Д. Донцова, Мыльная сказка Шахерезады);*
- 3) *Амант — от французского *amant*, любовник. Часто употребляемое дворянством в 19 веке слово сейчас известно только тем, кто преподает или учит иностранный язык (Д. Донцова, Бенедикс мартовской кошки).*

Способность героя-рассказчика понимать лексику пассивного запаса или узнавать прецедентные феномены также сопровождается «оправдательным» комментарием:

*— Давай убьем всех адвокатов, — предложила я.
— Отлично сказала, — обрадовался Григорий, — я придерживаюсь того же мнения.
— Это Шекспир, — пояснила я.
— Гениально, — закатил глаза Гриша, — написано сто лет назад, а современнее некуда.*

Я хотела напомнить режиссеру, что Шекспир родился в тысяча пятьсот шестьдесят четвертом, а умер в тысяча шестьсот шестнадцатом году, а вовсе не столетие назад. Но потом решила не демонстрировать знаний, полученных во время курса зарубежной литературы (Д. Донцова, Мыльная сказка Шахерезады).

В основе комментариев *концептуального типа* лежит авторское представление о нормативно-стилистической системе языка. Рефлективы данного типа так же, как и коммуникативные комментарии, апеллируют к разным сегментам читательской аудитории. Рефлектирующая деятельность автора может быть направлена на легко опознаваемые массовым читателем грубые нарушения языковой нормы:

— *Желаєте сахару покласть?* — *спросила у меня официантка, снимая с подноса чашку кофе.* — *Или вам заменитель?*

— *Спасибо, не люблю сладкие напитки,* — *вежливо отказалась я.*

Глагол «покласть» довольно часто можно услышать от неграмотных людей, на мой взгляд, он родной брат бессмертному «ложить», но вот вариант «убедю» — личное изобретение Федорчук (Д. Донцова, *Темное прошлое конька-горбунка*).

Ортологические мифы, включенные в концептуальный комментарий, также связаны с восприятием фактов языка/речи усредненной языковой личностью:

— *Моя бабушка тоже учительница русского,* — *сообщила она.* — *Много лет в школе проработала. Заслуженный учитель России. Она на пенсии давно, и уже... совсем старенькая. Но она тоже меня всегда поправляет. Она иногда не помнит, как меня зовут, но помнит, что говорить «в этой связи» нельзя. Нужно говорить «в связи с этим»!*

— **«В этой связи»** — *это когда «кто-то состоит в этой связи уже давно», — с поучительной интонацией сказала Татьяна Ильинична и засмеялась* (Т. Устинова, *Отель последней надежды*).

На более квалифицированного читателя, способного к языковой рефлексии, рассчитаны комментарии концептуального типа, представляющие собой суждения об уместности словоупотребления:

Он гомеопат... Принимает в Москве в центре с малооригинальным названием «Здоровье» (Д. Донцова, *Фанатка голого короля*).

Метаоператор, помимо собственно оценочного суждения, может включать в себя обоснование оценки. Объектами негативной авторской оценки становятся заимствованные слова и выражения, номенклатурная лексика, публицистические штампы:

- 1) *Он со мной. Все будет хорошо... Она ненавидит это выражение, заимствованное из американской жизни и совершенно непригодное для русской! Что значит — хорошо? Для кого хорошо? Когда хорошо? (Т. Устинова, Где-то на краю света);*
- 2) *Тут стояли гаражи, принадлежавшие когда-то Чукотторгу, Чукотснабу, а потом неизвестно кому* (Т. Устинова, *Где-то на краю света*);
- 3) *Все понятно, очевидно, Катюша так называемый проблемный ребенок с патологией развития* (Д. Донцова, *Досье на крошку Че*).

Включение перечисленных лексических групп в текст детектива сопровождается метаоператорами — вводными словами и предложениями, объясняющими и извиняющими речевое поведение автора: *так называемый, как говорят* и т.п.:

... в холле на полу граффити, простите, не знаю, как по-другому назвать этот вид живописи (Д. Донцова, *Тормоза для блудного мужа*).

В романах Д. Донцовой, Т. Устиновой и Г. Куликовой объектами концептуальной рефлексии регулярно становятся необычные имена и фамилии персонажей, клички животных и географические названия: *Виола Тараканова, Петрозаводск Пумович, кот Фолодя, собака Виктор* и т.п. Таким образом, в массовой литературе «метаязыковая рефлексия носит характер не только „отражающий“ (комментирование реально существующих фактов языка/речи), но и креативный, „творящий“ (создание новой языковой реальности...)» [Шумарина 2011: 200].

Сообщение о закреплённости объекта рефлексии за определенной сферой речи вводится в рефлексив при помощи метаоператоров *как говорится, в просторечии, так называемый* и подобных:

Тут есть и депутаты, и актеры, и журналисты, и так называемые светские львы со львицами, а попросту бездельники, чей образ жизни состоит в переезде с одной вечеринки на другую (Д. Донцова, Досье на крошку Че).

О назначении комментариев такого рода пишет Б.С. Шварцкопф: «теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону..., а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел сказать» [Шварцкопф 1977: 293].

В комментариях концептуального типа эксплицируется представление автора о речевом идеале:

- 1) *Олег Преображенцев говорил абсолютно свободно, легко и четко, в микрофон не сопел, не мямлил, не тянул, не пыжился, он просто говорил как высококлассный и опытный диджей (Т. Устинова, Где-то на краю света);*
- 2) *Речь нормальная, не «гэкала», не «шокала», зато «акала», явно москвичка... (Д. Донцова, Самовар с шампанским).*

Структура и полнота метаязыкового комментария концептуального типа зависит от характера языковой ошибки или нарушения стилистической нормы: легко узнаваемые «средним» читателем отклонения от норм литературного языка или стилистических канонов не сопровождаются логическим обоснованием отрицательной оценки:

На холодильнике белела прикрепленная при помощи магнита записка: «Коньчилис драва для камина, паехал за ими. Иван». Чуть ниже имелась приписка: «Отправилась вместе с Ванькой, а то купит дерьмо. Ира» (Д. Донцова, Досье на крошку Че).

Таким образом, различие в дискурсивных функциях метаязыковых контекстов находит отражение в различии их семантической структуры и лексико-семантических признаков объектов рефлексии. Рефлексивы концептуального типа намного разнообразнее коммуникативных по составу параметров метаязыковой характеристики. Объекты коммуникативной рефлексии более «предсказуемы»: комментарием дефиниционно-описательного типа преимущественно сопровождается абстрактная и архаичная лексика, заимствования. Неоднородность качественно-количественного состава коммуникативных и концептуальных метаязыковых кон-

текстов связана как со стремлением авторов приблизиться к обыденному сознанию, сделать текст более удобочитаемым, так и с универсальностью жанра детектива, одновременно ориентированного на элитарного и на массового читателя.

© Батулина А.В.

Дата поступления: 4.05.2017

Дата приема к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
2. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М., 2009.
3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
4. Черняк В.Д., Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010.
5. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Москва, 1991.
6. Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1977. С. 277—304.
7. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.

Список анализируемых источников

- 1*. Донцова Д. Досье на крошку Че: роман. М.: Эксмо, 2014.
- 2*. Донцова Д. Бенефис мартовской кошки: роман. М.: Эксмо, 2003.
- 3*. Донцова Д. Самовар с шампанским: роман. М.: Эксмо, 2014.
- 4*. Донцова Д. Мыльная сказка Шахерезады: роман. М.: Эксмо, 2011.
- 5*. Донцова Д. Фанатка голого короля: роман. М.: Эксмо, 2012.
- 6*. Донцова Д. Пальцы китайским веером: роман. М.: Эксмо, 2014.
- 7*. Донцова Д. Темное прошлое конька-горбунка: роман. М.: Эксмо, 2014.
- 8*. Устинова Т. Отель последней надежды: роман. М.: Эксмо, 2008.
- 9*. Устинова Т. Где-то на краю света: роман. М.: Издательство «Э», 2016.
- 10*. Донцова Д. Тормоза для блудного мужа: роман. М.: Эксмо, 2011.

УДК: 81:82

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1041-1050

TO THE PROBLEM OF METALINGUISTIC CONTEXTS IN MASS LITERATURE

Anna V. Batulina

The Novgorod State University named after Yaroslav the Wise
Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., 41, Velikiy Novgorod, Russia, 173003

Abstract. The article analyses metalinguistic contexts functions. The analysis is based on contemporary detective novels domestic authors. Two functional variations of metalinguistic contexts are discussed: communicative reflexives, which provide intellectual comfort for a common reader, and conceptual reflex-

ives, which serve as a means of expression of author's worldview judgments. Differences in the semantic structure of communicative reflexives, which contain a well — defined set of components, and conceptual reflexives, which are more complex and have a very diverse component compound are also described. Correlation between linguistic status of an object of reflection and the structure of its metalinguistic description, objectified in regularly used for metalinguistic characterization, is identified. Various forms of actualization of metalinguistic contexts, which are considered evidence of social and communicative orientation of mass literature authors on readers of different cultural and linguistic competence, are also analyzed in the article.

Key words: metalinguistic context, metalinguistic commentary, reflection, communicative reflexive, conceptual reflexive, mass literature, author, reader

REFERENCES

1. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1999). People about the language (metalinguistic reflection in non-linguistic texts). *Logical analysis of language: the Image of man in culture and language*. Moscow. 146—161. (in Russ.).
2. Mechkovskaya, N.B. (2009). History of the language and the history of communications from cuneiform to the Internet. Moscow. (in Russ.).
3. Vepreva, I.T. (2005). Linguistic reflection in the post-Soviet era. Moscow: OLMA-PRESS. (in Russ.).
4. Chernyak, V.D. & Chernyak, M.A. (2010.). Basic concepts of mass literature: the dictionary-directory. Saint-Petersburg: Publishing house of the Herzen state pedagogical University. A.I. Herzen. (in Russ.).
5. Karaulov, U.N. (1991). Status of the Russian language of modernity: proc. in proc. Russian language and modernity. Problems and prospects of development rosiectici. and materials mail. discus., which was attended by Yu. d. Apresyan and others. Moscow. (in Russ.).
6. Schwarzkopf, B.S. (1977). The Problem of individual and social — group assessments of speech. *Actual problems of speech culture*. Moscow, 277—304. (in Russ.).
7. Sumarina, M.R. (2011). In the mirror Language of a literary text. (Metalinguistic reflection in the works of Russian prose). Moscow: Flinta: Nauka. (in Russ.).

List of sources

- 1*. Dontsova D. Dose na kroshku Che: roman. M.: Eksmo. 2014.
- 2*. Dontsova D. Benefis martovskoy koshki: roman. M.: Eksmo. 2003.
- 3*. Dontsova D. D. Dontsova. Samovar s shampanskim: roman. M.: Eksmo. 2014.
- 4*. Dontsova D. Mylnaya skazka Shakherezady: roman. M.: Eksmo. 2011.
- 5*. Dontsova D. Fanatka gologo korolya: roman. M.: Eksmo. 2012.
- 6*. Dontsova D. Paltsy kitayskim veyerom: roman. M.: Eksmo. 2014.
- 7*. Dontsova D. Temnoye proshloye konka-gorbunka: roman. M.: Eksmo. 2014.
- 8*. Ustinova T. Otel posledney nadezhdy: roman. M.: Eksmo. 2008.
- 9*. Ustinova T. Gde-to na krayu sveta: roman. M.: Izdatelstvo «E». 2016.
- 10*. Dontsova D. Tormoza dlya bludnogo muzha: roman. M.: Eksmo. 2011

Для цитирования:

Батулина А.В. О метаязыковых контекстах в массовой литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1041—1050. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1041-1050.

For citation:

Batulina A.V. (2017). To the problem of metalinguistic contexts in mass literature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1041—1050. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1041-1050.

Anna V. Batulina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1041—1050. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1041-1050.

Сведения об авторах:

Анна Валерьевна Батулина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого; *научные интересы*: метаязыковой комментарий, метаязыковой контекст, рефлексия, коммуникативный рефлексив, концептуальный рефлексив, массовая литература; *e-mail*: b.av@bk.ru

Bio Notes:

Anna V. Batulina, Candidate of philological science, associate professor of the Chair Russian language GOU VPO NovSU named after Yaroslav the Wise; *Interests*: metalinguistic context, metalinguistic commentary, reflection, communicative reflexive, conceptual reflexive, mass literature; *e-mail*: b.av@bk.ru



УДК: 81

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1051-1057

«ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МОМЕНТ» В РАЗРАБОТКАХ Г.П. МЕЛЬНИКОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А.В. Загуменнов

Вологодский государственный университет
ул. Ленина, 15, Вологда, Россия, 160000

Целью предлагаемой статьи является построение лингвистической эпистемологии теоретических разработок Г.П. Мельникова в свете дискуссии зарубежной философии науки о влиянии идей Э. Гуссерля на структурную лингвистику. Общее содержание работы подсказала проходившая с 03.04.2017 по 08.04.2017 международная научная стажировка «Общая и частная методология филологической науки», а также некоторые обобщения, опубликованные в коллективной монографии «Системный взгляд как основа филологической мысли» (2016). Лингвистические приемы и способы исследования (описание, наблюдение) перенесены на научный текст как материал для реконструкции «феноменологического момента» как концептуальной структуры. В статье проведен анализ по трем линиям: исходная внутренняя детерминанта искомого конструкта в методологии языкознания, текущая внешняя детерминанта формального совпадения по ряду параметров и текущая внутренняя детерминанта оценки Г.П. Мельниковым собственных построений в соотношении с определенной гносеологической системой. Вывод, который делается в предлагаемой работе, касается признания наличия феноменологического момента в выводимой Г.П. Мельниковым «системологии».

Ключевые слова: феноменология, системология, языковое сознание, рефлексия, метод, Г.П. Мельников

ВВЕДЕНИЕ

«Я начну с такого утверждения, что феноменология, очевидно, есть момент всякой философии» [Мамардашвили 1992: 100].

«Типология — основная установка феноменологии» [Колесов 2007: 319].

Предлагаемое исследование является продолжением дискуссии, развернувшейся в рамках зарубежной философии науки, философии языка о *наличии/отсутствии влияния идей философа Э. Гуссерля на структурную лингвистику*. На данный момент количество публикаций по этой проблематике превысило несколько десятков (Holenstein, 1975; Aschenberg, 1978, из последних работ — Patrick Flack, 2013 и другие). Особенность отечественной линии этого обсуждения заключается в том, что исследователи не связывали теоретико-методологическую программу конкретного ученого с определенным философом, а выявляли *сущностные принципы, тождественные феноменологической парадигме в целом* (Р.О. Якобсон, 1985; А.М. Камчатнов, 1998; В.В. Колесов, 2007 и др.). Все последующее изложе-

ние следует рассматривать как опыт лингвистической эпистемологии (Е.С. Кубрякова, 1995; Р.М. Фрумкина, 1995 и др.) теоретических решений Г.П. Мельникова и введение его лингвофилософского наследия в контекст обозначенной выше дискуссии.

ИСХОДНАЯ ВНУТРЕННЯЯ ДЕТЕРМИНАНТА

В лекционном курсе «Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадильной» специально отмечено, что «развиваются идеи системного языкознания (В. фон Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ)» [Мельников 2000: 2]. Обозначенный таким образом перечень персоналий выступает как исходная внутренняя доминанта в методологии Г.П. Мельникова. Представленный список авторов интересен в аспекте метадескрипции своих концепций и взглядов.

В письме к Вольфу (от 20 декабря 1799 г.) В. фон Гумбольдт характеризует свой метод как «*философски обоснованное сравнение языков*» [Гумбольдт 2000: 25]. Биографы и комментаторы (Р. Гайм, В. Штрейтберг, Х. Штейнталь, А. Потт, Г. Гиппер и др.) отмечали связь с системами И. Канта, И.Ф. Гербарта. В самих сочинениях упомянуты Платон, Аристотель, Шеллинг, Фихте (в работе [Гайденко 1979: 146—152] обнаружилось общее решение вопроса о чужом Я у Фихте и Гуссерля), И. Гёте (его связь с гуссерлианством обосновывается в [Свасьян 2010: 93—99]) и др.

Привлекает внимание замечание во втором томе «Логических исследований» Э. Гуссерля: «Родственные [нашему] и противоположные концепции рассматриваются в работе Г. Штейнтала... В особенности нужно указать на прекрасное и точное изложение концепции В. ф. Гумбольта ... из которого следует, что изложенное нами до некоторой степени приближает нас к великому исследователю, весьма почитаемому также и Штейнталем» [Гуссерль 2011: 311—312].

Общие основания между двумя мыслителями появляются в тот момент, когда решается проблемы оформления языковых выражений в сознании субъекта. Терминологический арсенал В. фон Гумбольдта (*интенция, рефлектирующее языковое сознание* и т.д.) был близок работам Э. Гуссерля раннего, «дескриптивного» этапа (подробнее в [Философская энциклопедия 1970: 314]). При этом приближение к феноменологической парадигме обнаруживается и у Г.П. Мельникова, когда он вводит в научный оборот понятие «*когноминация*», «*т.е. использование узальных смыслов двух или даже большего числа слов в качестве предконечных для намека на определенные компоненты конечного смысла*» [Мельников 2000: 25]. Помимо того, что в приведенном фрагменте «*намак на компоненты смысла*» в гуссерлианстве сходен (но не тождественен) с *интенциональностью ноэмы* (смысл как предмет, на который направлено сознание), сама по себе постановка вопроса о «предконечном» возможна только при допущении конструктивной роли субъективных актов восприятия, воображения, памяти и того, что в рамках концепции другого лингвиста — Ю.Н. Караулова — уместно назвать «*коммуникативно-деятельностной потребностью*» носителя языка (Ю.Н. Карау-

лов, 2010). К сожалению, в данной статье в силу объема не эксплицируется необходимость включения когноминации в общее представление ряда лингвоперсоналогических моделей.

В контексте нашего изложения выявляется связь рассматриваемого понятия с теоретико-методологическими разработками А.А. Потебни, который писал, что *«чтобы думать, нужно создать (а как всякое создание есть собственное преобразование, то преобразовать) содержание своей мысли, и, таким образом, при понимании мысль говорящего не передается, но слушающий, понимая, создает свою мысль»* [Потебня 1999: 226]. Терминологически «когноминация» не противоречит ни приведенному отрывку (для большинства построений нужно несколько этапов), ни гуссерлианству (с его редукцией до элементарного, «сущности» чего-либо). Вместе с тем привлекает внимание та часть лекционного курса Г.П. Мельникова, где он ведет речь о суждении в парадигме Гумбольдт—Срезневский—Потебня—Бодуэн. Под ним понимается *«такое возбуждение двух психических образов (т.е. «эталон» воспроизводства и опознания)»* [Мельников 2000: 59] — *З.А.*, представляющих элементы знания в сознании субъекта, один из которых — предиканд, подвергается воздействию со стороны другого — предикатора и видоизменяется, преобразуется в результате этого воздействия, превращаясь в уточненное, обновленное знание, в предикат, а предикацией называется сам процесс такого преобразования предиканда в предикат с помощью предикатора» [Мельников 2000: 60]. Описание этих процессов, данных до внешнего оформления «грамматическим фондом» (Ю.Н. Караулов) носителя языка, аналогично дескрипции имманентных актов у Э. Гуссерля, поиска принципов построения мыслительных категорий у А.А. Потебни. В отношении последнего еще в первой трети XX века А.Ф. Лосев считал, что *«...метод Потебни в основе своей вовсе не есть метод психологический. Это, конечно, метод конструктивно-феноменологический; и сам Потебня, не понимая того, пользуется психологическими терминами («образ», «апперцепция» и т.д.), вкладывая в них совершенно не-психологический смысл»* [Лосев 1995: 193]. Исходя из этой внешней оценки напрашивается вывод, что Г.П. Мельников в своем лекционном курсе транслировал концепции, которые идентифицировались специалистами, знакомыми с этим направлением, именно как близкие к феноменологии.

Окончательно данную точку зрения подтверждает включение и адаптация разработок И.А. Бодуэна де Куртенэ [Мельников 2000: 21—22]. Методологический принцип и итог одного из выдающихся ученых казанской лингвистической школы был дан им самим: *«по рассказу его дочери Цесарии Ендржеевич, в своей предпоследней беседе с нею отец, парируя замечание о психологизме его лингвистических работ, категорически заявил: „В действительности я всю свою жизнь был собственно феноменологом“»* [цит. по: Якобсон 1985: 336]. Из этого следует, что, разрабатывая теоретические решения В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Г.П. Мельников тем самым транслировал компонент феноменологической парадигмы, который заключался в вопросах соотношения языковых-внеязыковых (но субъектных) компонентов, взаимообусловленности единиц грамматической системы и психического содержания.

ТЕКУЩАЯ ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАНТА

В переводах работ Э. Гуссерля феноменология определяется то как «*некая наука, некоторая связь научных дисциплин*», то как «*как чистое учение о сущности переживаний*» [Гуссерль 2011: 186] сознания субъекта и познания вообще, то как «*прежде всего метод и установку мышления*» [Гуссерль 2008: 44]. Основной компонент методологического арсенала данного направления — «*переживание в процессе переживания и в простой рефлексии над ним*» [Гуссерль 2008: 46]. Так нами получена «дисциплинарная» триада, которая вместе с тем является и исходными координатами последующего изложения.

В работе «*Системология и языковые аспекты кибернетики*» автором подчеркивается принципиальная полипарадигмальность его концепции, которая охватывает *несколько научных направлений* [Мельников 1978: 15]. Далее логика изложения последовательно заостряет внимание на следующей цепи: *рецепторы — ощущение — свойства — опыт (социальный и культурный) — сознание — субъект — операции, проводимые субъектом* [Мельников 1978: 20—21]. Последний компонент, вероятно, единственное, что приближает развертывание концепции Г.П. Мельникова к феноменологии Э. Гуссерля, но в данном случае прослеживается больше сходений с «телесной феноменологией» марксизма (М.К. Мамардашвили, 1992). Описанная цепь позволяет рассматривать системологию как *некоторую связь научных дисциплин*, которые интерпретируют каждый компонент последовательности в рамках определенных парадигм (биологии, психологии, физики, семиотики и т.д.).

Если в пределах сознания феноменология описывала *слои, акты, интенцию*, то в рамках выводимого Г.П. Мельниковым подхода дескрипции подвергаются *ярусы, схема сети связей, узлы связей структуры, функция* [Мельников 1978: 25—30]. Последняя может быть представлена как динамический компонент структуры, и здесь уже системология выступает как *абстрактное учение о сущности функций* в структуре объекта. В определенной степени это толкование можно связать и с лингвистикой после Ф. де Соссюра и Р.О. Якобсона, особенно с грамматическими концепциями конца XX века.

Триада, выведенная нами из работ Э. Гуссерля, оканчивалась *методом, установкой мышления*. В свете нашего изложения внимание привлекает следующий фрагмент из работы Г.П. Мельникова: «...нам придется воспользоваться **рефлексивной методикой введения элементарных понятий** не только как средством определения того, какие понятия считать начальными, но и как **способом** уточнения понятий, введенных на более **ранней ступени рефлексии**, через понятия, введенные на основе первых» [Мельников 1978: 33]. В приведенном фрагменте уже вполне «гуссерлианское» «*переживание в процессе переживания*».

Перед нами принципиально не лингвистическая методология, что обнаруживается через авторские ссылки на Демокрита, Эпикура, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, В.И. Ленина, и через отсутствие таковых на лингвистов-современников в пределах рассматриваемой части исследования [Мельников 1978: 34—54]. Вероятно, из проведенного анализа на данном этапе возможно предположить, что *системная методология Г.П. Мельникова онтологична и дана как систематика*

рефлексивных актов (ср. замечание: «этот еще очень низкий уровень рефлексии достаточен...») [Мельников 1978: 19]. «Простая рефлексия над переживанием» переводится в плоскость графической схематизации [Мельников, 1978: 25—45], что позволяет исследователю работать на дифференциальных ярусах в структуре объекта. То, что Г.П. Мельников не был сторонником феноменологии, не исключает допущения, что он мог работать как феноменолог.

ТЕКУЩАЯ ВНУТРЕННЯЯ ДЕТЕРМИНАНТА

Критика в адрес той или иной концепции в научной коммуникации основывается на знании «слабых сторон», «болевых точек» и т.д. В работах Г.П. Мельникова мы сталкиваемся с дифференциальными выводами о феноменологии. Некоторые из них нельзя признать однозначными.

В работе «*Основы терминоведения*» (1991) выделяется феноменологическая классификация терминируемых понятий и осуществляется ее критика как наиболее базовой, элементарной из возможных. В курсе лекций «*Системная типология языков...*» привлекает внимание рассуждение о сущностных отличиях системологии от других методологических установок. «*Феноменологизм, чисто вавилонский подход, лишь описывает некоторые факты и свойства, он ничего не объясняет («почему?», «для чего?») и не рассматривает процессов появления новых объектов или новых состояний и свойств в объектах*» [Мельников 2000: 10]. Сходный вывод о статике можно найти и в работах других филологов, например, в (В.В. Колесов, 2007), контраргументы приведены в (Г.И. Богин, 2009). Тем не менее, при всей критике в адрес «феноменологизма» сам Г.П. Мельников далее пишет: «...без „вавилонской“, т.е. суммативной и параллельной методологии воспользоваться достоинствами системологической, т.е. целостной и последовательной, методологией невозможно...» [Мельников 2000: 12]. Иными словами, сам автор допускает наличие феноменологического момента в общих чертах, хотя и признает его ограниченность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемом исследовании нами был проведен анализ по трем парадигмальным линиям: **исходная внутренняя детерминанта** феноменологического момента в методологии языкознания, **текущая внешняя детерминанта** формального совпадения по ряду параметров и **текущая внутренняя детерминанта** оценки Г.П. Мельниковым собственных построений в соотношении с определенной гносеологической системой. Вычленение рассматриваемого конструкта в некоторых случаях шло «от обратного»: через критическое отношение к «вавилонскому», «алхимическому» подходу в науке эксплицировалось осознание его присутствия в авторской концепции. Вместе с тем следует поставить итоговый вопрос: если «феноменологи» А.А. Потебня и И.А. Бодуэн де Куртенэ оказались у Г.П. Мельникова «системологами», то против какого «феноменологизма» выступал исследователь?

© Загуменнов А.В.

Дата поступления: 1.09.2017

Дата приема к печати: 30.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. Москва: Мысль, 1979.
2. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. Москва: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
3. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. Москва: Академический Проект, 2011.
5. Колесов В.В. Реализм и номинализм в русской философии языка. Санкт-Петербург: Logos, 2007.
6. Лосев А.Ф. Форма — Стиль — Выражение. Москва: Мысль, 1995.
7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. Москва: Прогресс, 1992.
8. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной. Москва: Изд-во РУДН, 2000.
9. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. Москва: Сов. радио, 1978.
10. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. Москва: Лабиринт, 1999.
11. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. Москва: Академический проект; Альма Матер, 2010.
12. Философская энциклопедия. Т. 5. (Сигнальные системы — Яшты). Москва: Советская энциклопедия, 1970.
13. Якобсон Р.О. Избранные работы. Москва: «Прогресс», 1985.

УДК: 81

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1051-1057

«PHENOMENOLOGICAL MOMENT» IN THE DEVELOPMENT OF G.P. MELNIKOV: STATEMENT OF THE PROBLEM

Alexandr V. Zagumennov

Vologda State University
15, Lenina str., Vologda, Russia, 160000

Abstract. The aim of the present article is the experience of constructing the linguistic epistemology of the theoretical developments of G.P. Melnikov in the context of the discussion of the foreign philosophy of science about the influence of E. Husserl's ideas on structural linguistics. The idea of the article was suggested by the international scientific internship "General and Particular Methodology of Philological Science" from 03.04.2017 to 08.04.2017, as well as some generalizations published in the collective monograph "The Systemic View as the Basis of Philological Thought" (2016). Linguistic research methods (description, observation) are transferred to the scientific text as material for the reconstruction of the "phenomenological moment" as a conceptual structure. The article analyzes three lines: the initial internal determinant of the desired construct in the methodology of linguistics, the current external determinant of formal coincidence in some parameters, and the current internal determinant of the evaluation of G.P. Melnikov's own constructions in correlation with a certain epistemological system. The conclusion, which is made in the proposed work, concerns the recognition of G.P. Melnikov, the presence of a phenomenological moment in the "systemology" he deduced.

Key words: phenomenology, systemology, linguistic consciousness, reflection, method, G.P. Melnikov

REFERENCES

1. Gaidenko, P.P. (1979). *Philosophy of Fichte and modernity*. Moscow: Mysl. (in Russ.)
2. Humboldt, W. von. (2000). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (in Russ.)
3. Husserl, E. (2011). *Logical research. Volume II Part 1: Studies on Phenomenology and Theory of Knowledge*. Moscow: Akademicheskii proekt. (in Russ.)
4. Husserl, E. (2008). *The Idea of Phenomenology: Five Lectures*. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya. (in Russ.)
5. Jakobson, R.O. (1985). *Selected writings*. Moscow: Progress (in Russ.)
6. Kolesov, V.V. (2007). *Realism and nominalism in the Russian philosophy of language*. Saint Petersburg: Logos. (in Russ.)
7. Konstantinov, F.V. (Ed.). (1970) *Philosophical Encyclopedia. T. 5. (Signaling systems — Yashty)*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. (in Russ.)
8. Losev, A.F. (1995). *Form — Style — Expression*. Moscow: Mysl (in Russ.)
9. Mamardashvili, M.K. (1992). *As I understand philosophy. Reports, articles, philosophical notes*. Moscow: Progress. (in Russ.)
10. Melnikov, G.P. (2000). *System typology of languages: the synthesis of the morphological classification of languages with the stadial: The course of lectures*. Moscow: RUDN. (in Russ.)
11. Melnikov, G.P. (1978). *Systemology and linguistic aspects of cybernetics*. Moscow: Sovetskoe radio. (in Russ.)
12. Potebnya, A.A. (1999). *Complete collection of works: Thought and language*. Moscow: Labirint. (in Russ.)
13. Svasyan, K.A. (2010). *Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism*. Moscow: Akademicheskii proekt; Alma Mater. (in Russ.)

Для цитирования:

Загуменнов А.В. «Феноменологический момент» в разработках Г.П. Мельникова: к постановке проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1051—1057. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1051-1057.

For citation:

Zagumennov, A.V. (2017). «Phenomenological moment» in the development of G.P. Melnikov: statement of the problem. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4). 1051—1057. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1051-1057.

Alexandr V. Zagumennov, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1051—1057. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1051-1057.

Сведения об авторе:

Загуменнов Александр Владимирович, аспирант кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета; *научные интересы*: теория языковой личности, филологическая герменевтика, история языка, анализ текста, методология; *e-mail*: zaw1991@mail.ru

Bio Note:

Zagumennov Alexander Vladimirovich, postgraduate student of the Department of Russian Language, Journalism and Theory of Communication Vologda State University; *Interests*: theory of the linguistic personality, linguistic hermeneutics, history of language, text analysis, methodology; *e-mail*: zaw1991@mail.ru



ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА: КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Выпускающий редактор С.А. Москвичева

27—28 октября 2016 года филологическим факультетом РУДН совместно с Домом Наук о Человеке Аквитании (Франция), Лабораторией 5478 IKER Национального центра научных исследований (Франция), Центром европейских и международных исследований документации (Франция) и Центром франко-российских исследований в Москве была организована конференция «Лингвистика XXI века: контакты и конфликты цивилизаций». На конференции были обсуждены следующие ключевые концепты: язык, территория, границы, норма и ее репрезентация, языковые контакты культур, языковой конфликт, идентичность, релятивизм и трансформации. Представленные ниже статьи представляют работу трех секций и круглых столов: Категоризация миноритарных языков в Западной Европе и России: методология, эпистемология, прототипы (руководители д. филол. н. Ален Вио и к. филол. н., доцент С.А. Москвичева); Конфликтогенные зоны языкового сознания и межкультурные контакты (руководители д. филол. н., профессор Н.В. Уфимцева и д. филол. н., профессор Н.Л. Чулкина); Нейминг как разновидность медиа пространства (руководители д. филол. н., профессор Е.Н. Ремчукова).

УДК: 811.361

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1058-1073

UNITE ET VARIATION DANS LA LANGUE BASQUE

Charles Videgain

IKER, Université de Pau et des Pays de l'Adour
Euskaltzaindia, Académie de la langue basque, Bayonne
Chateau Neuf, 64100, Bayonne, France

Abstract. This article represents the results of the work over the Basque Atlas carried out under the auspices of the Basque Language Academy (Bilbao / Bayonne). The text contains a detailed description of the material collecting method, the goals and objectives of this work. The article shows that the need for this kind of dictionary is currents but for a number of reasons, that are analyzed in the presentation, this project could not be realized until 1980-s. The work on the atlas are lasting up to the present moment. The atlas reflects language variability at different levels of its structure (lexical, phonetic / phonological, morphological and syntactic). The article analyzes variants of the Basque language, depicts the processes of creating a single language standard, explains the reasons for choosing a certain idiom which serves the basis to the standard. The author shows that, in spite of very special provisions of the Basque language as isolate type of language, from the point of view of genetic typologies, it has something in common as for the lexical forms motivation with its neighboring languages.

Key words: dialectology, linguistic variability, linguistic atlas, Basque language, standard language, motivation

INTRODUCTION

L'atlas linguistique basque, vaste chantier à la charge d'Euskaltzaindia, Académie de la langue basque (Bilbao/Bayonne) a pour objet l'étude de la variation des objets linguistiques en synchronie sur un domaine géographique donné (multilingue dans notre cas), étude relative à la seule langue basque, sur tous les cantons de la langue (lexique, phonétique/phonologie, morpho-syntaxe).

Cet atlas est tardif, quand on le compare à la production atlantographique des langues romanes voisines. L'inexistence d'une université en Pays Basque, la précarité des études de bascologie, la pénurie de chercheurs, un contexte politique peu favorable en Espagne, indifférent en France, tout a contribué jusqu'à date récente à ce que le projet ne puisse être mis sur pied avant les années 80 grâce à l'Académie de la langue basque et ses chercheurs, l'Académie ayant obtenu un financement adéquat de ce projet.

L'atlas est arrivé juste à temps pour relever un lexique comparable à celui étudié par les atlas précédents, en particulier celui qui traite des activités économiques traditionnelles juste avant la mécanisation de l'agriculture et des moyens de locomotion. L'atlas a donc fait le choix délibéré de faire ses enquêtes auprès de témoins, hommes et femmes, relativement âgés tout en recourant aux technologies des années 1990 pour le traitement des données et de leur publication.

Cet atlas se situe dans la troisième génération des atlas de France en se référant à la typologie proposée par J.P. Dalbéra. La première période est représentée par l'*Atlas linguistique de la France* de Gilliéron, avec en arrière-plan la méthodologie de *Wörter und Sachen* et Gilliéron développe la notion d'aire linguistique. La deuxième école est celle des Atlas Linguistiques de la France par régions dont un des meilleurs représentants est l'Atlas de Gascogne sous la direction de Jean Séguy, X. Ravier, J. Allières. Dans la période plus récente, l'atlas basque, par exemple, informatisé dès le début, développe un réseau de points dense, une réflexion sur la méthode d'enquête (dont l'utilisation de termes proposés au témoin), l'enregistrement sonore des enquêtes (4000 heures) une cartographie plus lisible, la possibilité de fournir des données pour la dialectométrie.

Cet atlas linguistique constitue un lourd chantier qui a pris plusieurs années en fonction de l'amplitude des enquêtes menées, sur un domaine géographiquement réduit cependant. Le questionnaire est composé de 2875 items qui a été appliqué sur 145 communes de part et d'autres de la frontière politique entre France et Espagne et entre la communauté autonome du Pays Basque et la communauté de Navarre, tant pour des raisons scientifiques que diplomatiques. Ce réseau est très dense puisqu'environ une commune sur trois du domaine basque est un point d'enquête de l'atlas. L'enquête a été menée en basque pour le lexique, à partir de la traduction pour la morphosyntaxe par des *stimuli* en français ou en espagnol. L'enquête a été rallongée du fait que le basque étant une langue à déclinaison, il a fallu pour les substantifs doubler les réponses généralement données à un cas quelconque de la déclinaison par une réponse donnée à l'absolutif indéfini. De plus, après que le témoin ait fourni sa propre réponse, nous avons sollicité les réactions du témoin en lui proposant d'autres réponses plausibles, selon la méthode des faits négatifs inspirée de Van Gennep (1934) et Xavier Ravier (1965) en particulier (Aurrekoetxea, 1986). Au total les 4000 heures d'enregistrement (alors sur

bande magnétique et maintenant sur support informatisé) ont permis de classer plus d'un million de réponses notées en alphabet phonétique et qui sont répertoriées dans les 7 volumes actuellement parus sur un total de 12 volumes prévus. Outre les réponses, des milliers d'autres séquences d'intérêt linguistique ont pu être données en phonétique et qui sont sur une base de données de l'Académie de la Langue Basque. Une bonne part de la production orale des témoins est transcrite en orthographe non normalisée. Ces informations sont d'ordre linguistique (niveau de langue, localisation des termes, métaphores, comparaison, fréquence d'usage, remarques métalinguistiques), ou d'ordre encyclopédique (technologie, récits, mythes).

Les réponses sont organisées par affinité dont rend compte une sorte de simplification opérée par la lemmatisation. Les réponses sont donc regroupées soit par étymons différents ou motivations distinctes et à l'intérieur de lexies de même origine par une différenciation touchant soit l'apparition ou non d'un morphème, celle d'un ou plusieurs phonèmes, l'application ou non d'une règle phonologique, la présence ou non d'une caractéristique phonétique. Le lecteur doit avoir présente à l'esprit la notion importante que le niveau de lemmatisation n'est pas le même d'une carte à l'autre. Sur une carte mononyme comme la désignation de la 'fourmi', les détails d'ordre phonético-phonologique sont nombreux. Par contre si les lexies sont très nombreuses comme pour la question 'têtard' ou 'papillon', il est difficile de descendre dans le détail de la forme de chaque lemme.

Le géolinguiste a donc opéré une typisation des nombreuses variantes d'un mot qui forment une succession d'aires colorées sur une carte. Il crée des mots-types, dont chacun peut avoir une aire avec ses couleurs ou ses hachures. Il peut ainsi voir en étendue ce que l'étymologie lui propose en profondeur. Le choix de ce mot-type est parfois délicat mais si possible il doit représenter une forme existant réellement à moins que le chercheur ne soit obligé de poser une forme plus abstraite forgée par lui pour y intégrer davantage de variantes.

La cartographie ne fournit pas point par point la forme phonétique de la réponse donnée sur le point d'enquête comme dans les premiers atlas. Ce détail de chaque réponse par commune est donné en face de la carte par un responsaire ou liste des réponses, en alphabet phonétique. Par contre le fonds de cartes est divisé en polygones de Voronoï, la zone d'implantation du lieu d'enquête n'étant pas un point mais un polygone. Les frontières géographiques détaillées de chaque commune sont modélisées et débordent sur la surface des communes qui ne font pas l'objet de points d'enquête. Ce fonds de carte permet selon nous de mieux faire apparaître les aires linguistiques qui donnent à voir l'étendue de superlemmes, autrement dit d'une forme linguistique lissée représentant des formes linguistiques très proches mais cependant qui peuvent varier peu ou prou et dont le détail est donné dans le responsaire. Nous pensons que la lisibilité de la carte est meilleure sans trop solliciter, dans le sens négatif que peut avoir ce mot, la perception du lecteur dans un sens ou un autre. Cela ne nous permet pas de nier qu'il n'y ait pas une part d'interprétation dans nos cartes et nous croyons plutôt nécessaire de la revendiquer.

Sur chaque point d'enquête une couleur massive en aplat correspond au superlemme correspondant à une réponse de rang 1. Si une deuxième réponse a été donnée, elle est représentée par une couleur hachurée et si la réponse a été sollicitée, un cercle de la

couleur correspondante est tracé sur le polygone du point d'enquête. Un des avantages économiques de cette cartographie en est le format d'atlas bien plus réduit que les atlas précédents.

On l'a dit, il est demandé à un auteur d'atlas de mettre en lumière la variation linguistique, les formes endémiques, plus que l'unité de la langue ou les formes empruntées à la *koine*. Diverses cartes l'illustrent. Un point de vue nominaliste est très attaché à l'étude du détail, des micro-aïres et consacrer du temps et de l'argent à des cartes mononymes ne paraît guère raisonnable. L'atlas accentue donc la différenciation mais cependant les données de l'atlas indiquent que les faits linguistiques qui permettent de repérer la typologie de la langue basque sont moins soumis à la variation que le lexique. En cela l'atlas confirme les intuitions et affirmations de la plupart des dialectologues.

La langue basque est agglutinante, sur tout le domaine, et marquée par une morphologie luxuriante. Or la déclinaison montre une remarquable unité de la langue; sur une douzaine de cas de déclinaison, si on excepte l'ergatif pluriel et le sociatif, les dialectes indiquent une grande unité. La très forte liaison entre les actants ou arguments à l'intérieur des formes verbales est visible uniformément dans tous les dialectes à l'exception, dans le détail, de quelques variantes concernant l'ordre d'insertion des index de personnes. C'est ainsi que la distribution des verbes synthétiques et périphrastiques connaît aussi une variation par dialectes.

UNITE ET PERMANENCE

Nous allons citer quelques faits qui démontrent l'unité de la langue dans ses structures essentielles même si la variation n'y est pas absolument exclue.

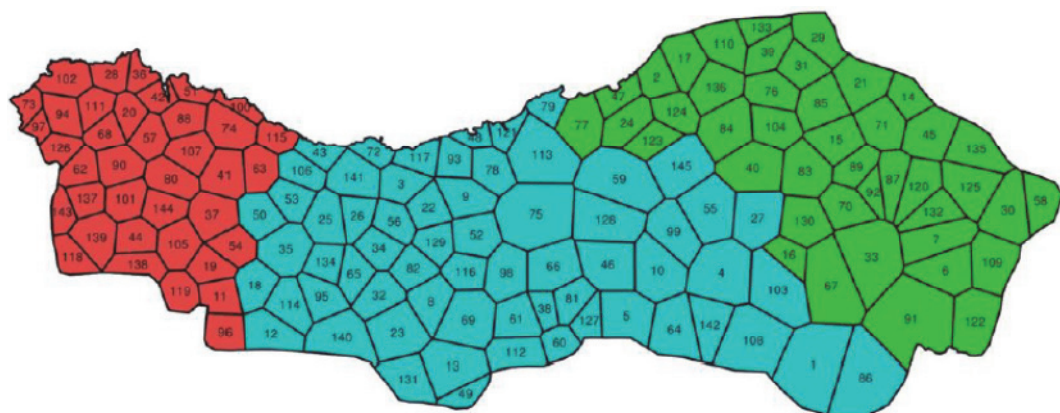
Précaution oratoire: l'atlas est en cours de publication et personne n'a encore à ce jour travaillé toutes les cartes produites pour en tirer des observations générales. On voudra bien lire les remarques suivantes comme des prémices avant une récolte plus organisée.

Pour la déclinaison on relève la permanence et l'unité des divers cas; à chaque cas correspond la même marque casuelle ou postposition liée : 0 (soit zéro) *-k*, *-ri*, *-rik*, *-ren*, *-ko*, *-n*, *-tik*, *-ra*, *-gatik*, *-z*, *-kin/-gaz*; *-rentzat/-rendako*, *-tzat*. Le maintien de l'opposition indéterminé vs singulier/pluriel reste constant malgré une certaine érosion plus liée à l'âge des locuteurs qu'à la différenciation dialectale.

Plusieurs marques casuelles peuvent s'additionner dans la surdéclinaison. J. Allières cite le cas d'un enfant de Saint-Jean-de-Luz qui répond à sa mère lui demandant avec quel enfant il est en train de jouer: *ponetarekilakoarekin*. Ce qui signifie 'avec celui qui a un béret'. Le naturel avec lequel cette forme complexe est donnée fait penser à la notion de «simplicité» proposée par Alain Berthoz (2009) qui est «l'ensemble des solutions trouvées par des organismes vivants pour que le cerveau puisse préparer une action et la projeter malgré la complexité des processus». A. Berthoz signale ces principes simplificateurs comme n'étant pas des caricatures ni raccourcis ni résumés mais de «nouvelles façons de poser les problèmes». Sans doute une étude détaillée signalerait-elle une moins grande adresse des locuteurs actuels pour jongler avec la surdéclinaison, même si parallèlement je crois constater une inflation de marques casuelles (uniques) là où les locuteurs traditionnels n'y avaient pas recours.

La présence massive de l'ergatif caractéristique du basque par rapport aux langues voisines reste indéfectible. Cependant à l'ergatif pluriel, les formes orientales situées en Pays basque de France et en Navarre et celles situées en territoire espagnol en Gipuzcoa et Biscaye se distinguent. A cette nuance près, les cas essentiels comme absolutif, ergatif, datif et partitif ne souffrent pas de variation. Quelques cas sont matière à changement, avec la posposition *-kin* ou *-ki* sur tout le domaine sauf en biscayen qui propose *-gaz* à l'ouest du domaine pour le sociatif.

La carte 1 montre une division dialectale possible sur les données de la morphologie nominale à partir d'un dendrogramme.



Carte 1: variation de la morphologie nominale (Aurrekoetxea, Videgain, à paraître)

Dans le verbe, il y a 'intégration' dans la forme conjuguée des actants correspondant à l'absolutif, à l'ergatif, au datif (plus l'allocuteur parfois) selon un ordre pouvant varier en fonction des tiroirs verbaux. Le phénomène reste massif mais la variation peut toucher l'ordre des indices. Ainsi dans *dugu* 'nous avons', au présent, le dernier indice *-gu* correspond au pronom *gu* 'nous' et il est situé en finale de cette forme verbale à deux actants au présent. Mais au passé, *genuen*, 'nous avions', ce même pronom *gu* est représenté par *g-* mais cette fois à l'initiale de la forme verbale. Il peut y avoir désaccord sur cet ordre. Ou bien si on veut passer de 'je l'ai' *dut* à 'je les ai' avec pluralisation de l'objet à l'absolutif, la plupart des dialectes jouent d'un infixé *-it* et fournissent *ditut* tandis que le dialecte occidental, le biscayen, propose un élément pluralisateur différent, *-z-* et le place en fin de forme verbale: *dodaz*. Au passé, les choses se compliquent puisque 'je les avais' se dit généralement *nituen* mais *nebazan* en biscayen. Nous noterons ici la différence de perception entre le linguiste qui repère une certaine unité de construction dans les deux formes et l'intuition du locuteur ou de l'apprenant basque qui perçoit une grande distance entre les deux formes.

Le verbe basque a généralement sur tout le domaine une forme composée, participe + auxiliaire.

Les marques aspectuelles portées par le participe sont présentes sur tout le domaine, que l'évènement soit accompli (*lagundu*, 'aidé') soit en cours de réalisation (*laguntzen*), soit à venir (*lagunduko*). Il n'y a pas de variation dialectale d'importance sur la morpho-

logie sauf que la marque de futur (en fait une marque de génitif locatif, *-ko* ou génitif possessif, *-ren*, peut varier. De plus ce qu'on appelle le radical verbal (*lagunt*), utilisé avec certains auxiliaires, et ne signalant rien quant à l'aspect, a quasiment disparu en Pays basque d'Espagne et souffre d'une grande érosion dans les autres dialectes.

L'agglutination verbale est marquée partout par des morphèmes signalant la modalité comme *-te* et *-ke*, ou *-teke*, les dialectes orientaux étant plus conservateurs sur ce point.

Le basque connaît des verbes synthétiques ou périphrastiques et on y relève une inégalité dialectale, les dialectes orientaux utilisant moins les formes synthétiques. Nous pensons aux verbes *egon*, 'rester', *ekarri* 'porter', soit inutilisés, soit défectifs. Cependant un verbe comme *jakin* 'savoir' n'est partout utilisé que sous la forme synthétique.

Les tiroirs verbaux sont les mêmes sur l'ensemble des dialectes: *da*, *date*, *zen*, *zateen*, *-litz*, *litzateke*, rôle de *d-*, *z-*, *l-*, *-b*. Les formes conjuguées de troisième personne commencent au présent par un *z-* dont on discute la fonction de marque de tiroir verbal et ou de personne. Le biscayen seul ne possède pas cette consonne et oppose *eban*, *ekien*, *eustan* à *zuen*, *zekien*, *zidan*. Dans les formes bipersonnelles absolutif-datif à datif de troisième personne, le biscayen se distingue aussi par l'absence d'une consonne *z-* et oppose *yako* à *zaio*, *zako*. Des «initiatives» analogiques signalées en biscayen historique pour former un tiroir verbal combinant impératif présent et hypothétique comme *zaitেকেz*, *egikezu*, en complément de *zaitেz* et *egizu* respectivement 'soyez' et 'faites', ne sont plus constatables et notre atlas n'a rien relevé de ces formes. On les mettra au compte des formes avortées, dans le dossier des possibilités d'évolution interne des langues.

Toutes les formes verbales conjuguées au passé se terminent par un morphème *n* à quelques rares exceptions près.

Il faut tout juste noter que le futur synthétique (*date*, *duke*) n'existe plus que dans les dialectes orientaux ou que ces formes sont utilisées ailleurs plutôt avec une valeur conjecturale. *Date* veut plutôt dire 'il sera', futur, en souletin, oriental et plutôt, 'il doit y être', conjectural dans les autres dialectes et si on l'utilise, à comparer à l'emploi du futur français pour marquer la conjecture; 'il n'est pas venu ce matin, il sera malade'.

Tous les dialectes manifestent la présence de quatre combinaisons d'actants dans le verbe: nominatif seul (type *da*, *zedin*, *baledi dabil*, *bedi*), nominatif + datif (type *zaio*, *zekion*, *zabilkion*, *balekio*, *bekio*), ergatif + nominatif (type *dut*, *dezaket*, *balu*, *dirot*, *neike*, *daramat*, *beza*), ergatif + absolutif + datif (type *dio*, *zion*, *diezaio*, *balio*, *egiozu*, *zekarkion*, *biezaio*).

On peut présenter ainsi ces quatre combinaisons (inspirées d'Allières, 2000 et de Bottineau, 2010):

— Soit l'absolutif seul est présent comme seul argument; *gatusa ibiltzen da* 'le chat se promène'

— Soit l'absolutif et le datif sont combinés, plutôt pour des structures d'affect ou mouvement; *gatusa hurbiltzen zait*; *emazte hori agradatzen zait*, 'le chat s'approche de moi', 'cette femme me plaît'. On notera que cette combinaison est plus ou moins en voie de désaffectation sur l'ensemble des dialectes, surtout dans ceux orientaux.

— Soit l'absolutif et l'ergatif sont combinés; *gatuak sagua hiltzen du*, 'le chat tue la souris'. Avec intervention de l'ergatif (sujet) sur l'objet à l'absolutif.

— Soit l'ergatif, l'absolutif et le datif sont combinés surtout pour des actions de transmission et de don. *Gatuak aztaparraldia eman dio saguari*, 'le chat a donné un coup de griffe à la souris'.

La carte 2 montre l'unité de l'ordre des actants dans la forme verbale de présent réel du verbe *edun* 'avoir', correspondant à 'je le lui ai'.

La dite formule 'Pro drop' ou absence des pronoms autour de la forme verbale, cliques compris, comme dans *naiz*, 'je suis', sans présence du pronom correspondant à 'je', ou bien dans *badakit*, 'je le sais' sans présence des pronoms correspondants à *je* et *le*, s'applique régulièrement sur tout le domaine sauf cas particuliers.

Pour les auxiliaires seconds, la fragmentation dialectale est affirmée. Le dialecte occidental, biscayen, recourt à l'auxiliaire *egin*, les autres à *-ezan* et à l'est du domaine est encore pratiqué l'auxiliaire de potentiel *-iro*. Ainsi 'que nous mangions' sera partout dit *jan dezagun* sauf en biscayen qui propose *jan daigun*. Pour 'il le ferait', les dialectes centraux proposent *jan lezake*, le biscayen *jan lei(ke)* et les dialectes orientaux peuvent proposer *jan liro* en plus de *jan lezake*, cette dernière forme tendant à supplanter *jan liro*. De plus dans les dialectes centraux, en Guipuzcoa surtout, l'atlas rend compte d'un phénomène qui s'accélère selon lequel *jan lezake* est de plus en plus remplacé par *jango luke*, avec disparition de l'auxiliaire *-ezan*.

La présence de l'allocutif est visible sur tout le domaine mais en diminution au centre et à l'ouest mais il est massif en particulier sous la forme du traitement respectueux ou poli propre des dialectes orientaux. Il ne faut pas confondre les formes allocutives avec les formes tutoyées ou vouvoyées, dans lesquelles la deuxième personne est actant. Dans la conjugaison allocutive, il s'ajoute à la forme verbale conjuguée portant déjà les indices de personnes (absolutif, ergatif, datif) un élément supplémentaire correspondant à 'tu' ou 'vous' singulier. Pour le 'tu', on distingue la marque *ka* pour les hommes et *na* pour les femmes. Le 'vous' singulier est représenté par *zu*, lequel peut être doublé d'une forme palatalisée *xu*, pour un traitement dit 'affectueux' en bas-navarrais. Les dialectes orientaux, en Basse-Navarre et Soule, disposent donc massivement de toute cette batterie qui fait qu'une forme neutre non allocutive comme *dakot*, 'je le lui ai', connaît quatre formes allocutives, *diakonat*, *diakoat*, *diakozut*, *diakoxut*. Hors des dialectes orientaux, on n'utilise que les formes bâties sur 'tu', pas sur 'vous'. La morphologie est luxuriante mais organisée partout sur les mêmes schémas. Il y a variation sur le blocage de l'allocutif, celui-ci étant possible dans les subordonnées en biscayen, (occidental) mais pas dans les autres dialectes. Pour des raisons sociolinguistiques qui visent depuis quelques générations à plus ou moins stigmatiser l'emploi de ces formes allocutives, celles-ci sont en net recul selon des modalités dont l'atlas ne peut donner toutes les nuances.

Sur la difficulté de l'enquête en morphologie verbale, Michelena avait averti: «Sólo quien lo ha presenciado puede creer que un lingüista con gran experiencia en encuestas sobre el terreno se haya topado con una barrera infranqueable al tratar de conseguir del informador la formas no alocutivas del presente del auxiliar intransitivo, «soy», «eres» etc». Il faut en cela remercier les témoins de leur patience et de leur dextérité qui nous ont permis d'obtenir réponse à toutes les questions de la morphologie verbale.

L'ordre des mots SOV dans *gatuak sagua hiltzen du* est constatable dans l'atlas mais n'a pas fait l'objet d'une question spécifique. La syntaxe est sujette à peu de variation et nous n'y insistons pas.

On voudra bien prendre en compte que si les remarques précédentes sont brèves, elles concernent des points essentiels de la structure de la langue et indiquent assez une grande stabilité des phénomènes observés.

En conclusion partielle de la permanence et en forme de transition vers la variation en langue basque, nous recourons à l'exemple suivant pour montrer que dans les deux phrases *Dagün igantin borthin nükek vs Datorren domekan mendixen egongo nok*, en dialectes souletin et biscayen, le matériel lexical est varié alors que l'architecture morpho-syntaxique est quasi identique marquée par les éléments D-N-N-N-K. Les deux dialectes sont périphériques, le souletin à l'est, le biscayen à l'est. Le sens est 'Je serai à la montagne dimanche prochain'.

Dagün igantin borthin nükek

Datorren domekan mendixen egongo nok

Vient qui dimanche le dans montagne la dans serai je (à toi)

Le lecteur remarquera que l'ordre des mots est le même dans les deux dialectes, et par ailleurs fort différent de celui des langues romanes voisines, en fait l'ordre inverse dans cet exemple.

Montrons les similitudes:

La marque *d-* en initiale du premier mot signale une forme verbale conjuguée au présent en troisième personne. Le *-n* de finale du premier mot signale une proposition relative (à gauche en basque). Les deux *-n* en finale du deuxième mot correspondent eux à la marque casuelle de l'inessif, que celui-ci concerne le temps (*igantin*, *domekan*, 'dimanche') ou l'espace (*borthin*, *mendixen*, 'montagne'). La marque *-n* en début du dernier mot est un indice correspondant au pronom de première personne (*ni*, 'je') tandis que le *-k* en finale du dernier mot signale dans les deux énoncés une forme allocutive d'une deuxième personne tutoyée de sexe masculin.

La variation entre les deux énoncés marque la phonétique, la phonologie et le lexique, peu la morphologie nominale, peu la morphologie verbale et pas la syntaxe.

Ainsi en phonétique, le souletin indique une voyelle [y] et une occlusive aspirée [th] dans *borthin*. En phonologie, la déclinaison signale des différences de traitement des séries *e + a*, et *i + a*. Il est probable aussi que le /rr/, toujours vibrante multiple en biscayen (*datorren*), soit uvulaire dans *borthin* en souletin surtout chez les locuteurs moins âgés.

La morphologie verbale signale que *dagün* et *datorren* correspondent au même schéma de formation sur deux formes lexicales différentes. Par contre le futur présente une différence pour 'je serai'. Le souletin utilise encore une forme de futur synthétique sur le verbe *izan*, 'être' mais que le traitement allocutif (ou implicatif ici) transforme en forme du verbe *edun*, avec un infix *-ke-* signalant le futur. Ce *-ke-* est absent de la forme *egongo nok* en biscayen où le futur est marqué non sur l'auxiliaire mais sur le participe *egongo* par la forme *-go*. Le biscayen recourt donc à une forme périphrastique participe + auxiliaire.

Le lexique est le plus variant et montre un partage des emprunts entre les dialectes. Pour 'venir', le biscayen donne *etorri* (*datorren*) et le souletin avec *dagün* un verbe défectif non utilisé au participe. Pour 'dimanche', le biscayen recourt à l'emprunt *domeka* < (DIES) DOMINICUS et le souletin au terme autochtone *igante* (différent cependant de la forme des dialectes centraux, *igande*, par le traitement par assourdissement

de la séquence $n+d > nt$). Enfin pour ‘montagne’, le biscayen donne *mendi*, terme commun à tout le territoire. Le souletin connaît aussi ce *mendi*, mais il opère ici une différenciation dans le cas d’une montagne élevée par le terme *borthin*, qui est un emprunt (PORTUS, fr ‘port’, esp. ‘puerto’). Enfin pour ‘être, rester’, dans *nükek* il faut voir une forme conjuguée du verbe *izan*, tandis que le biscayen *egongo* laisse manifester la présence du verbe *egon* ‘rester’, le biscayen ne pouvant recourir à *izan* que comme auxiliaire.

Nous pensons que ce bref exemple montre assez que la variation est manifeste et tangible pour tout auditeur ou lecteur de ces énoncés, alors même que les structures de base de la langue sont assez fixes mais extrêmement discrètes quant à la perception que peut en avoir quiconque veut comprendre ces énoncés. Il permet évidemment d’envisager toute une discussion sur le degré de séparation qui peut marquer deux parlers tenus ou non pour langues différentes ou seulement dialectes distincts. Nous ne pouvons traiter la question ici.

VARIATION

L’atlas accorde la part belle à la variation lexicale. Toutes les cartes que nous évoquons ici sont consultables sur internet sur le site d’Euskaltzaindia, Académie de la langue basque. Les cartes montrent que cette variation concerne non seulement le nombre de signifiants pour chaque question posée mais que la variation peut être plus fine: la lexie est classiquement marquée par la variation en phonétique-phonologie, par la dérivation mais il peut y avoir création de gémés sémantiques, apparition d’emprunts, de calques. Le rôle de la motivation sera signalé comme élément de variation. Enfin la variation peut toucher la connotation, les emplois phraséologiques dont surtout la comparaison et les expressions figées. A la différence de nombreux atlas qui ne disposaient pas d’enregistrements des enquêtes, nous avons pu recueillir des informations d’ordre encyclopédique qui aident à comprendre la variation ou la justifient du point de vue des locuteurs. Nous y incluons des récits étimologiques ou mythes qui signalent à la fois la variation ou la transformation tout en étant repérables comme faisant partie de mythes du fonds européen.

Dans les exemples qui suivent nous pensons montrer quelques types de variation lexicale.

Parfois la variation lexicale est nulle et nous produisons des cartes mononymes (pour des raisons économiques, pas scientifiques, généralement, ces cartes ne sont pas mises en valeur et un responsable suffit). C’est l’exemple des cartes ‘serpent’ avec pour seule réponse *suge* (ou *sube*) ou bien ‘lièvre’ qui montre la seule réponse *erbi*, sauf quelques emprunts à l’occitan tels que *llepere*.

La variation peut se manifester par la présence de deux lemmes distincts: la carte ‘jeudi’ expose les réponses *ortzirale/ostirale* (traitement varié du rhotacisme) et *eguen*. La variation peut montrer trois lemmes comme la carte ‘hérisson’: *sagarroi*, *triku*, *kirikiño*. La variation peut montrer de très nombreux lemmes, comme dans les questions ‘têtard’ et ‘papillon’.

Cependant cette présentation à partir du seul nombre de lemmes ne montre pas que la variation ne touche pas que la quantité.

En effet, un même lemme peut donner lieu à un très grand nombre de formes variées quant à la phonétique-phonologie, ainsi que le montrent les cartes ‘fourmi’, ‘lézard vert’,

‘hêtre’, ‘frêne’. Cette variation peut concerner un emprunt et illustre le traitement phonétique d’une séquence venue du latin. Ainsi le ‘hêtre’ est partout désigné par un emprunt venu du latin FAGUS selon les variantes *pago*, *phago*, *bago* et *fago*.

En termes diachroniques, il peut arriver que la présence de trois lemmes provienne de la collision de deux lemmes premiers. Nous y reviendrons dans la carte ‘puce’.

Sur une carte à plusieurs lemmes, il peut arriver que tous ou seulement une partie d’entre eux soient motivés ou arbitraires comme dans la carte «chevreau» dans laquelle on relève une forme arbitraire comme *pittika*, qui contraste avec un nom composé *auntzkume* clairement bâti sur *ahuntz* ‘chèvre’ et *ume* ‘élève (petit d’animal)’, ou avec un dérivé comme *ahüñe* formé de *ahuntz*, ‘chèvre’ et un diminutif.

Sur une carte à plusieurs lemmes, il peut arriver que tous ou seulement une partie d’entre eux soit des emprunts. La carte ‘laurier’, voit s’opposer *ereñotz* à l’emprunt *erramu*. La carte ‘bécasse’ signale un emprunt *bekada* général en Pays basque de France sauf en Soule et un *oillogor*, littéralement ‘poule sourde’ motivé par la surdité prêtée à ce gibier.

Sur une carte à plusieurs lemmes ou non, il peut arriver que la forme du mot corresponde à une motivation commune à plusieurs d’entre eux ou à des termes connus dans d’autres langues voisines ou éloignées. Une des motivations principales de l’orvet est la prétendue cécité de cet animal dans *sugeitsu* (Dalbéra, 1997), tout comme la belette est désignée comme *andderejer*, ‘jolie dame’, ou *erbiñude*, ‘nourrice, sage-femme’ ou *ogigaztai*, ‘pain et fromage’ et on sait que les désignations et croyances relatives à cet animal sont souvent liées, à la parenté, la naissance ou la reproduction. Pour la ‘cocci-nelle’ la couleur rouge est représentée dans la majorité des désignations.

La question des cartes inverses ou le même signifiant a des signifiés très divers, sera traitée en fin d’atlas.

La variation peut toucher aussi une partie du signe. Ainsi la relation hyperonyme/hyponymes met en lumière la présence d’un même signifiant qui peut être, hyperonyme ici, hyponyme là. La carte ‘truite’ montre que le mot *arrain* désigne en général le ‘poisson’ en général, donc l’hyperonyme, mais sur des espaces réduits, uniquement la ‘truite’, hyponyme.

Plus généralement, les cartes peuvent montrer un découpage plus fin des signifiés. Les cartes ‘bois de chauffage’/‘bois de construction’ en témoignent qui opposent généralement *egur* et *zur* comme *leña* et *madera* en castillan ou *legna* et *husta* en occitan. Ceci concerne le langage technique mais pas seulement.

Nous avons examiné récemment des cartes dans lesquelles nous pouvons découvrir que des signifiants au premier abord obscurs peuvent s’expliquer par des motivations communes aux signifiants utilisés dans d’autres zones. C’est ainsi que les désignations de l’épouvantail se limitent à celles d’un insecte, d’un croquemitaine ou être magique, un masque ou un personnage de carnaval. Ceci nous permet d’expliquer une forme comme *khüiso* à la lumière du nom de l’insecte *kikhiiso*, lui-même lié à la base *COC, utilisée dans bien des langues d’Europe dans la désignation des insectes [Бек 1962].

Les cartes signalent des formes motivées dont on peut se demander si elles ne relèvent pas plutôt de la synonymie explicative que de la désignation proprement dite. On songe aux témoins en situation de « détresse lexicale’ pour reprendre l’expression de Jean Séguy.

La phraséologie peut elle aussi varier d'un dialecte à l'autre, toutes choses étant égales par ailleurs. Ainsi si la fourmi est désignée partout par une variante de la même lexie, la phraséologie la concernant est différente. *Xinaurri lana* litt. 'travail de fourmi' signifie sur la plus grande partie du domaine 'travail constant et opiniâtre', et l'on pense à la fourmi des fables, mais il peut arriver en souletin que l'expression veuille dire 'travail nul et insignifiant'. Plus généralement, les comparaisons, métaphores et expressions figées construites sur la même lexie peuvent varier de sens, exister ou ne pas exister, en fonction de l'espace. Il est difficile pour un atlas d'en rendre compte par la carte mais notre base de données fournit des informations sur ce type de variation dont on ne voit pas pourquoi elle devrait être reléguée aux oubliettes.

Aussi bien, nous nous permettons d'élargir la notion de variation à un champ plus étendu et qui concerne les récits étiologiques, contes ou mythes recueillis en cours d'enquête. Moscou n'est peut-être pas le lieu idéal pour que je fasse appel aux travaux sur les contes et les mythes de Vladimir Propp et Claude Lévi-Strauss pour ne citer que ceux-là. Je voudrais cependant donner quelques exemples de variation pour lesquels il faudrait sans doute parler de transformations mais dont la dimension géographique demeure selon mes enquêtes. Ainsi si la carte 'pivert' montre une assez grande stabilité lexicale, de nombreux récits mythiques sur l'oiseau annonciateur de pluie varient quant au protagoniste (au sens de Propp). Si sur une bonne partie du domaine c'est le pivert appelé *okhilo* qui est l'oiseau lié à la pluie ou à la sécheresse, dans la province voisine de Soule, ce n'est jamais le pivert mais un oiseau de proie qui semble puni et souffrir de soif. Dans les récits étiologiques de Basse-Navarre, le pivert est puni pour ne pas avoir voulu nettoyer une fontaine avec les autres oiseaux, et c'est par exemple le corbeau, noir, qui n'a pas peur de se salir etc qui travaille à sa place. Mais sur d'autres espaces c'est ce même corbeau qui est puni pour ne pas avoir voulu accomplir ce travail. On le voit, la variation dépasse largement le niveau lexical. Et l'espace basque.

Voici deux versions, avec traduction, de l'oiseau de pluie. Le témoin de Juxue en Basse-Navarre fournit:

Erten da: «To! okhiloa ai duk arbolari kokha, okhilia egarri, euri inen dik!». Okhiloak etziela nahi putziain xahatzen ari eta gio okhiloa egarri zela eta edaten zien gisala ostoetarik erori ura, euria ari zelaik bakharrrik eta koskaka ari delaik arbolari: «To egarri duk! Euri nahifite!». Okhiloak zangoak biziki garbi ditu: etzielakotz nahi putziain xahatzen ari. Eta gio ahatik egarri ederrrik pasatzen. Erten, erten. «Eztuk nahi zikhindu, egarriaekila egarriaeki-lan egoin hiz!».

On le dit: «Tiens! le pivert est en train de cogner dans l'arbre, le pivert a soif, il va pleuvoir». Que le pivert n'avait pas voulu nettoyer la mare et puis que le pivert était assoiffé et qu'il buvait seulement, paraît-il, l'eau tombée des feuilles, et quand il cogne l'arbre: «Tiens! Il a soif! Il veut pleuvoir!». Le pivert a les pattes très propres. C'est qu'il ne voulait pas nettoyer la mare. Et ensuite cependant il passe par de belles soifs. On le dit, on le dit. «Tu n'as pas voulu te salir, tu resteras assoiffé!»

Sur la commune d'Alçay en Soule ce n'est pas le pivert qui entre en scène:

Ez, aphobelatzak bai; hua entzün düzia zentako kurritzen aitzen den... Gisala manhatü zizün behin aska bat beitzen zikhin, huraintako xahatzea; hoi lehenoko erran xaharra entzün dit. Aphobelatzak xaha lezan hua Jinko Hunak manhatü zizün eta izigarriko azpi ederrak titzü hak, hollli hollli hollliak. Lotsa züzün zikhint. Etzizün e hunki nahi izan. Beliak egin zizün hak ezeptizian zikhint-zia arriskatzen ; nik e entzütia dit hola eta Jinko Hunak erran ziozün: «hik üttail-agorrietan bethi kwik kwik » errekondu hoién gainti. Lehenoko xaharrer

dit entzün artzañ zahar eli bati. Hek hala khuntatzen ziküzien gü haur ginelaik borthian, erran hoi.

Non, la buse oui, celle-là avez-vous entendu pourquoi elle est toujours en train de circuler? Paraît-il, on lui avait ordonné, étant donné qu'une auge était très sale, de la nettoyer. Ceci est un vieux dit que j'ai entendu. Le Bon Dieu avait commandé à la buse qu'elle nettoiyât cette auge, mais la buse a des cuisses très belles, très très très jaunes. Elle avait peur qu'elle ne se salît. Elle n'avait pas même voulu toucher à l'auge. Le corbeau quant à lui il l'avait fait parce qu'il ne risquait pas de se salir ; moi aussi je l'ai entendu comme cela et le Bon Dieu lui avait dit: «Toi en juillet et août tu seras toujours à faire kwik kwik», tout au long de ces bas de vallées. Je l'ai entendu dire aux anciens, à beaucoup de vieux bergers. Eux nous le contaient ainsi quand nous étions enfants, en estive, ce dit...

Nous avons recueilli à propos de la question ‘menthe’ des récits faisant état du mariage comme résultat d’une stratégie matrimoniale. Ici encore, au lieu de la menthe, ce peut être une autre plante qui sert de critère de bonne terre dans la propriété où se marier, comme ortie ou hièble, et le futur beau-père a beau être aveugle, il sait cependant se rendre compte de la qualité de cette terre. On songe à Bourdieu et ses premiers travaux sur le célibat des domestiques dans le Béarn voisin du Pays Basque.

Dans d’autres cas il peut y avoir convergence ou déconnection entre récit étiologique et désignation. Il n’est pas donc pas étonnant que là où l’orvet est appelé *sugeitsu* soit ‘serpent aveugle’, un récit signale qu’il a été puni par Dieu parce qu’il lui avait annoncé qu’il mordrait tout ce qu’il verrait. Dieu le rend aveugle. Mais plus curieusement, le même récit a été recueilli là où l’orvet est appelé *siraun* (motivation pas claire) ce qui appelle à envisager d’autres hypothèses.

121. Mapa: lución / orvet / slow worm (*Anguis fragilis*)

GALDERA: 04080; ALG: 39; ALEANR: IV, 436



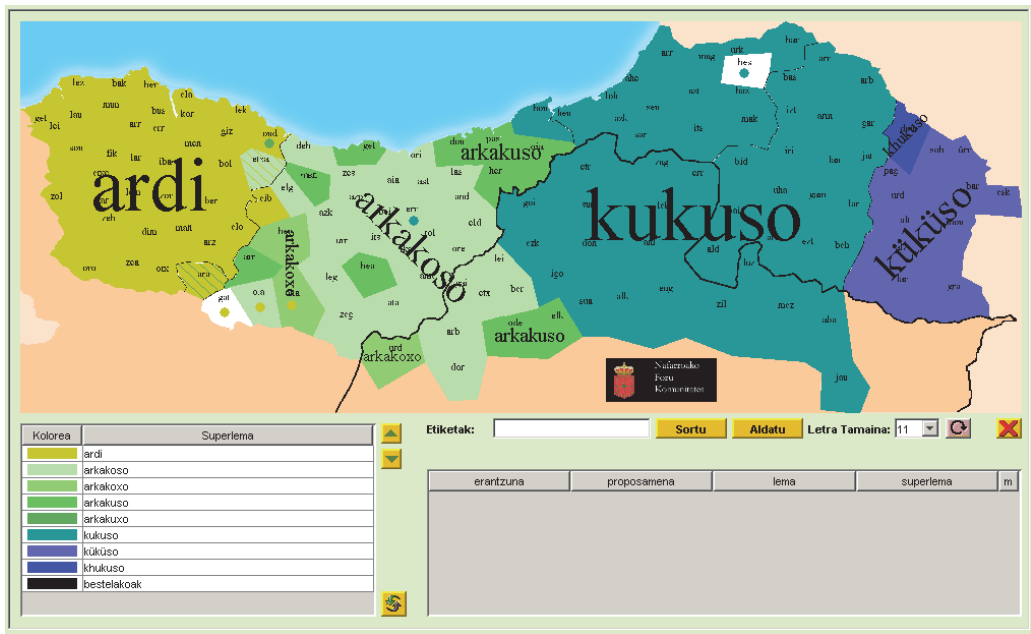
Carte 3: 'luciyin/orvet / slow worm (*Anguis fragilis*), EHA I, carte 121

On le voit, je tente donc une intégration de la variation sur une chaîne étendue partant de la forme de la lexie jusqu’à son contenu sémantique et ses emplois dans le discours social y compris le discours mythique. On peut y voir une certaine inconscience

mais je demeure persuadé que la variation ne concerne pas que les phénomènes de phonétique-phonologie, ni même la seule sémantique.

Nous ne traitons pas ici de la typologie des aires, principale, dense, discontinue, petite, périphérique qui constitue en soi une problématique.

Nous voulons revenir sur un exemple de mouvement lexical en présentant la carte de la question ‘flea/puce/pulga’. Elle propose un exemple de ‘coexistence pacifique’. La carte montre une tripartition claire. Sans entrer vraiment dans la diachronie que l’atlas n’étudie pas directement, nous parions sur la présence initiale de deux formes *kukuso* et variantes sur tout l’ouest du domaine, de couleur bleu vert ou violette, et d’une forme, peut-être moins ancienne, *ardi*, en Biscaye et en dialecte biscayen, de couleur ocre. Il est fort possible que *kukuso* soit à mettre en relation avec la base *COC utilisée dans bien des langues européennes pour désigner des insectes de petite taille.



Carte 4: ‘flea’/‘puce’/‘pulga’, EHHA I, carte 30

Nous faisons l’hypothèse qu’il a existé une isoglosse à la limite de ces deux formes. Qui dit isoglosse dit ligne de séparation de deux objets linguistiques. Mais dans le cas qui nous occupe, cette ligne a cessé d’être une ligne pour devenir une surface sur laquelle ce sont les deux formes en concurrence qui ont été réunies par le moyen de la composition. En effet, la surface en vert, désormais aussi vaste que celle en ocre, représente une forme *arkakoso* constituée de la jonction de *ardi+kukuso*. La disparition de la deuxième voyelle *-di* du premier terme correspond à une loi de composition commune à tous les dialectes. On peut prévoir, si Dieu prête vie à la langue basque, et si la puce n’est pas totalement éradiquée et ne sera plus à nommer, que cette forme secondaire *arkakoso*, ou variante *arkakuso*, forme composée, phagocyttera les deux autres formes simples à plus ou moins long terme.

En conclusion, la variation est plus évidente dans le lexique que pour ce qui touche à la morphologie verbale ou nominale ou à la syntaxe. Ce n’est pas une surprise. La varia-

tion lexicale forte montre cependant toute une gradation, depuis la forme de la lexie, ses motivations, ses origines (emprunts ou calques), la phraséologie. La variation atteint aussi les discours sur la lexie dont les récits mythiques construits sur ces lexies. Cependant une bonne part des motivations observées sont comparables à celles des langues voisines, ce qui plaide pour une certaine unité culturelle bien que la langue basque ne fasse pas partie de l'ensemble linguistique indo-européen.

© Videgain Charles

Дата поступления: 30.06.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

REFERENCES

1. Allières, Jacques (2000). *Manuel pratique de basque*. Picard.
2. Aurrekoetxea, Gotzon. (1986). «Euskal Herriko Hizkuntzaren Atlasaren (EHHA): inkesta metodologia eta ezezeko datuak». *Euskera*, XXXI, 413-424.
3. Aurrekoetxea, Gotzon & Videgain, Charles, 2016: «Euskararen bariazio geo-morfologikoaren azterketa», à paraître.
4. Bec, Pierre (1962). «Cu, cuca, cuçon: désignations génériques de la «petite bête» en gascon et dans les langues romanes». *Revue de linguistique romande*, n° 101—102, 34—50.
5. Berthoz, Alain (2009). *La simplicité*, Paris, Od. Jacob.
6. Bottineau, Didier (2010). «Personne de langage et personne de langue en basque». *Epilogos*, 1, *Les représentations linguistiques de la personne*.
7. Dalbéra J.Ph. (1997). «Dimension diatopique, ressort motivationnel et étymologie. A propos des dénominations romanes de l'orvet», *Quaderni di Semantica*, XVIII, pp.195—214.
8. Dalbéra J. Ph.
9. 2001: «Synthèse romane de l'orvet». *Atlas Linguistique Roman*, II, pp. 377—404 + 2 cartes.
10. Euskaltzaindia (Aurrekoetxea, Gotzon & Videgain, Charles, dir. tech.), 2008—2015: *Euskal hizkeren atlas linguistikoa, EHHA*, Bilbao. Les 7 volumes parus sont consultables sur <http://www.euskaltzaindia.eus>.
11. Propp, Vladimir, 1965 [1928]: *Morphologie du conte*, suivi de Les transformations des contes merveilleux et de E. Méletinski, *L'étude structurale et typologique du conte*, Seuil.
12. Ravier, Xavier, 1965: «Le traitement des données négatives dans l'Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne». *Revue de linguistique romane*, n° 115—116, 262—274.
13. Van Gennep, Arnold, 1934: «Contribution à la méthodologie du folklore», *Lares*, Anno V, marzo XII, 20—34.

УДК: 811.361

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1058-1073

ЕДИНСТВО И ВАРИАТИВНОСТЬ БАСКСКОГО ЯЗЫКА

Шарль Видеган

IKER, Национальный центр научных исследований,
Университет По и Страны Ладур
Euskaltzaindia, Академия баскского языка, Байона
Chateau Neuf, 64100 Bayonne, Франция

В настоящей статье представлены результаты работы над Атласом языка басков, осуществленной под эгидой Академии баскского языка (Бильбао/Байона). Подробно изложена методика сбора материала, представлены цели и задачи данной работы. Показано, что потребность в словаре такого

рода назрела давно, однако по ряду причин, которые проанализированы в ходе изложения, данный проект получил возможность осуществиться в восьмидесятые годы двадцатого столетия. Работы по атласу продолжается до сих пор. Атлас отражает вариативность языка на разных уровнях его структуры (лексическом, фонетическом/фонологическом, морфосинтаксическом). В статье анализируются варианты баскского языка, представлены процессы создания единого стандарта языка, объясняются причины выбора определенного идиома, положенного в основу стандарта. Автор показывает, что несмотря на совершенно особое положение баскского языка как языка изолята с точки зрения генетических типологий, в мотивации лексических форм имеет общее с окружающими его языками.

Ключевые слова: диалектология, языковая вариативность, лингвистический атлас, баскский язык, стандартный язык, мотивированность

Для цитирования:

Видеган Шарль. Единство и вариативность баскского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1058—1073. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1058-1073.

For citation:

Videgain Charles (2017). Unité et variation dans la langue basque. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1058—1073. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1058-1073.

Videgain Charles, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1058—1073. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1058-1073.

Сведения об авторе:

Видеган Шарль, доктор филологических наук, почетный профессор университета По и страны Ладур, научный сотрудник лаборатории IKER Национального центра научных исследований, вице-президент Академии баскского языка; *научные интересы:* баскский язык, диалектология, этнолингвистика, геоллингвистика; *e-mail:* charles.videgain@univ-pau.fr

Bio Note:

Videgain Charles, Doctor of Philology, Honorary Professor of the University of Po and the Ladura Country, Research Fellow at the IKER Laboratory of the National Center for Scientific Research, Vice President of the Basque Language Academy; *scientific interests:* Basque language, dialectology, ethnolinguistics, geolinguistics; *e-mail:* charles.videgain@univ-pau.fr



УДК: 811.361:373.21:316.77
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1074-1083

БАСКСКИЙ ЯЗЫК И БАСКСКАЯ ТОПОНИМИЯ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ

О.С. Чеснокова, Л.М. Жишкариани

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2А, Москва, Россия, 117198

Баскский язык (эускера) — изолят, на котором говорит около миллиона человек на северо-востоке Испании и юго-западе Франции. Задача данной статьи — дать определение современной баскской топонимии, очертить ее пространство и границы, рассмотреть методами ономастических и лингвокультурологических исследований ее современное состояние в Испании через призму языковых контактов с испанским языком. Анализ топонимического материала показывает, что важной чертой современной баскской топонимии Испании является существование двойных названий (баскского и испанского), отражающие многовековые контакты баскского и испанского языков. Двойные названия находятся в процессе нормирования в рамках государственной политики и унификации литературного стандарта баскского языка (*euskara batua*). Языковое сознание современных басков сохраняет топонимию исконного происхождения как национальное достояние, хотя в отдельных случаях оказывается предпочтение испанскому названию (*Bilbao*, а не *Vilbo*, например).

Ключевые слова: баскский язык, языковые контакты, языковое сознание, пространство, граница; межкультурные контакты, норма, медиапространство

ВВЕДЕНИЕ

Географические названия (топонимы) занимают особое место в лексической системе любого языка, а топонимика как наука имеет синтетический характер. Будучи семиотическими маркерами пространства, топонимы не только обозначают географические объекты, но и содержат в своей семантике культурно-историческую информацию, являющуюся неотъемлемой частью истории нации и диахроническим отражением языковых ситуаций. Топонимы позволяют анализировать типичные для социума принципы номинации географических названий и реконструировать исконные границы поселений народов.

Баскский язык (эускера) — изолят, на котором говорит около миллиона человек на северо-востоке Испании и юго-западе Франции. Одна из наиболее распространенных в настоящее время версий происхождения баскского языка связывает его с аквитанским языком [Igartua 2012: 33]. Исторический ареал распространения баскского языка был гораздо шире, нежели в современности, о чем свидетельствуют баскские топонимы, обнаруженные за пределами исторической Васконии. Примечательно, что баскские мореплаватели и матросы-китобои оставили баскские реминисценции на географической карте стран Нового Света [Чеснокова 2016: 27].

Задача данной статьи — дать определение современной баскской топонимии, очертить ее пространство и границы, рассмотреть методами ономастических и лингвокультурологических исследований ее современное состояние в Испании через призму языковых контактов с испанским языком.

БАСКСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ АРЕАЛ: СТРУКТУРА И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Ареал исконного проживания басков включает Негоalde «Южная страна» и Иррагалде «Северная страна», расположенные в Испании и Франции, соответственно: País Vasco Español и País Vasco Francés. «Южная Страна Басков» включает в себя Автономное Сообщество Страны Басков (País Vasco; Euskadi, баск. Euskal Autonomia Erkidegoa) с провинциями Álava (Araba), Guipúzcoa (Gipuzkoa) и Vizcaya (Bizkaia) и Автономное Сообщество Наварра (Comunidad Foral de Navarra, баск. Nafarroako Foru Erkidegoa). «Северная Страна Басков» является частью департамента 64 Франции — Атлантические Пиренеи (фр. Pyrénées-Atlantiques, баск. Pirinio Atlantikoak) и включает три исторические провинции: Лабур, Суль, Нижняя Наварра (фр. Labourt, Soule, Basse-Navarre, баск. Lapurdi, Zuberoa, Nafarroa beherea).

Для обозначения всей совокупности исконно баскских территорий баскским политическим деятелем Сабино Арана (1863—1903) был создан неологизм *Euskadi*, вариант которого — *Euskadi* в современном медиапространстве оказывается синонимом топонима *País Vasco*, как в следующих примерах из испанской качественной прессы:

Podemos sufrir la mayor crisis interna en **Euskadi**¹.

Es cierto que buscamos una homologación fiscal en el conjunto de Europa, luego no es algo exclusivo de **Euskadi**².

а) Баскский язык является для басков признаком этнокультурной идентичности. Приведем симптоматичные рассуждения знаменитого испанского историка и этнографа Хулио Каро Бароха из книги «Баски»: «Самый эффективный передатчик культуры — язык, который одновременно выступает для нас ее своеобразным „показателем“. В нашем конкретном случае нет необходимости объяснять, насколько важен баскский язык для определения многих культурных особенностей говорящего на нем народа и реконструкции его истории» [Каро Бароха 2004: 236]. При этом Каро Бароха добавляет, что среди своих соседей баскский народ прослыл «крайне этноцентричным» [Каро Бароха 2004: 237] в осознании своей лингвистической самобытности.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ БАСКСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО КОРПУСА

Топонимическая номенклатура территорий исконного проживания басков формировалась в результате взаимного влияния и контактов языков и культур, а современная баскская топонимическая система характеризуется гетерогенностью. Анализ топонимического материала территорий исконного проживания басков позволяет разделить его на несколько основных групп по принципу происхождения.

1. Исконное **баскское происхождение**, которое имеет большинство топонимов, например: *Ametzaga* (Алава), *Atxondo* (Бискайя), *Buztintze* (Нижняя Наварра), *Elizondo* (Наварра), *Larrabile/Larrabieu* (Суль), *Oiartzun* (Гипускоа), *Ziburu/Ciboure* (Лабур).

¹ https://elpais.com/caa/2017/07/06/paisvasco/1499339627_734262.html.

² https://politica.elpais.com/politica/2016/09/21/actualidad/1474474940_480963.htm.

2. Также широко представлена группа топонимов **латинского или романского** происхождения, например: *Espejo* (Алава), *Fitero* (Наварра), *Sopuerta* (Бискайя), *Villabona* (Гипускоа), *Angelu/Anglet* (Лабур), *Bithiriña / Beyrie-sur-Joyeuse* (Лабур), *Ospitalepea / Hôpital-Saint-Blaise* (Суль).

3. Обнаруживаются топонимы **кельтского происхождения**, хотя данная группа не так многочисленна: *Ultzama* (Наварра), *Arama* (Гипускоа), *Beizama* (Гипускоа), *Berama* (Наварра), *Lezama* (Бискайя), *Arga* (Наварра).

4. Влияние **арабского** языка на формирование баскской топонимической системы незначительно, в отличие от южной Испании. Х.Х. Гарсия Санчес, испанский ученый и автор «Топонимического атласа Испании», указывает на два наваррских топонима арабского происхождения — *Tafalla* и *Azagra* [García Sánchez 2007: 63, 150, 153].

Этимология многих баскских топонимов и их испанских дублетов не поддается однозначной интерпретации. Так, административной столицей Автономного Сообщества Страны Басков является город *Vitoria-Gasteiz*, происхождение названия которого имеет несколько версий. Согласно одной из них, название *Vitoria* (изначально *Victoria*) было присвоено баскскому городу *Gasteiz* наваррским королем Санчесом Мудрым. Название *Gasteiz*, возможно, этимологически связано с именем собственным *García* (< *Gartzia* < *Gartzea*), происходящим от баск. *gartze* «молодой», которое, в свою очередь, на сегодняшний день является одной из самых популярных испанских фамилий.

ТИПОЛОГИЯ МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ И МОРФОЛОГИЯ БАСКСКИХ ТОПОНИМОВ

Наряду с происхождением мотивирующие признаки исконных баскских топонимов служат источником извлечения этнокультурной информации. Проведем классификацию баскского топонимического материала на основании **мотивирующего признака**. По данному критерию собранный языковой материал позволяет выделить следующие основные виды географических названий.

1. Фитотопонимы — топонимы, производные от названий растений: *Zumaraga* (Гипускоа) от баск. *zumar* «вязь», *Elgoibar* (Гипускоа) от баск. *elhorri* + *ibar* «колючий кустарник, боярышник» + «долина», *Garagarza* (Гипускоа) от баск. *garagar* «ячмень», *Lizartza* (Гипускоа) от баск. *lizar* «ясень».

2. Зоотопонимы — топонимы, производные от названий видов животных: *Usurbil* (Гипускоа) от баск. *uso* «голубь», *Beortegi* от баск. *be(h)ot* «кобыла», *Zaldibia* (Гипускоа) от баск. *zaldi* «лошадь».

3. Антропотопонимы — топонимы, производные от имен собственных: *Ariz / Ariñez* от *Arius* (Алава), *Andrekiain* от *Andreki* (Наварра).

4. Агиотопонимы — разновидность антропотопонимов, топонимы, где в качестве основы для образования использованы имена святых: *Pasai Donibane / Pasajes San Juan* (Гипускоа).

Отличительной чертой баскских топонимов является развитая суффиксация. Поскольку баскский язык является агглютинативным, во многих баскских топонимах можно четко проследить границы топоформантов [Чеснокова 2016: 26]. При этом имеются отдельные исследования, посвященные различным суффиксам

баскских географических названий. Так, П. Салаберри, басколог и член Королевской Академии Баскского Языка, анализирует суффиксы баскских топонимов, произошедших от антропонимов. Приведем примеры некоторых из них:

-a/-ana: *Bera* от *Verus* (Наварра), *Dura / Durana* от *Durus* (Алава), *Foronda* от *Fronto* (Алава).

-ain(e)/-ein: *Andrekiain* от *Andreki* (Наварра), *Garindaine/Gerindein* от *Garindo* (Суль), *Gerendiain* от *Terentius* (Наварра), *Zerain* от *Celius, Serius* (Гипускоа), *Zuriain* от *Zuri* или *Zuria* (Наварра).

-ika, -ga/-ega, -iga, -ca: *Gernika* от *Cernius* (Алава, Бискайя), *Caranca* от *Caranius* (Алава), *Sondika* от *Sontius* (Бискайя), *Tertanga* от *Tertianus* (Алава).

-(i)tz, -(i)z/-ez, -iniz: *Ariz/Aríñez* от *Agius* (Алава), *Auritz* от *Auri, Aurio* (Наварра), *Armendaritze/Armendarits* от *Armentari* (Нижняя Наварра), *Markiz/Marquinez* от *Marcus* (Алава) [Salaberri 2015: 114].

ТОПОНИМИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Изучение современной баскской топонимии представляет большой интерес с точки зрения языковых контактов в условиях билингвизма и языковой политики. Современная языковая ситуация на территории Автономного Сообщества Страны Басков и частично Автономного Сообщества Наварра характеризуется двуязычием, где баскский язык, наряду с испанским, является официальным языком, в отличие от Северной (французской) Страны Басков, где эускера не имеет официального статуса ни в каких сферах общественной жизни.

Существование двойных названий является важной чертой современной баскской топонимии, а также отражает особенности современной языковой политики Страны Басков. Важными вехами языковой политики Страны Басков стало основание в 1918 году Королевской Академии Баскского Языка (*Euskaltzaindia*), появление литературного стандарта баскского языка (*euskara batua*), а также увеличивающийся процент билингвов среди местного населения, владеющего в равной степени баскским и испанским языками.

Рассмотрим вопрос о нормализации наименований географических объектов в двуязычных автономных сообществах Испании. Испанский язык (пиренейский национальный вариант) является официальным (государственным), но не единственным языком Испании. В шести из семнадцати Автономных Сообществ Испании, помимо испанского, есть также и второй официальный язык. Билингвизм — владение одновременно двумя языками — широко распространен в этих Автономных Сообществах. К двуязычным Автономным Сообществам Испании относят: Автономное Сообщество Страну Басков (баскский), Галисию (галисийский), Каталонию (каталонский и аранский), Балеарские острова (каталонский), Валенсию (валенсийский), Автономное Сообщество Наварру (баскский)³. Если мы рассмотрим законы о наименованиях географических объектов в данных сообществах, то обнаружим, что, например, в Галисии и на Балеарских островах единственным

³ Как мы уже отмечали, в Наварре баскский язык является официальным только на севере сообщества.

официальным языком для наименования географических объектов являются галисийский и каталонский, соответственно:

Los topónimos de Galicia tendrán como única forma oficial la gallega. (La Ley 3/1983, de 15 de junio, artículo 10.1)⁴.

Los topónimos de las islas Baleares [...] tienen como única forma oficial la catalana. (La Ley 3/1986, de 19 de abril, artículo 14.1)⁵.

На территории Автономного Сообщества Страны Басков эускера получил статус официального языка в 1979 году, когда референдумом был одобрен Статут об автономии Страны Басков (Статут Герники), благодаря которому она получила статус автономного сообщества.

La normalización toponímica es una tarea extremadamente compleja [...], tanto de toponimia mayor como de toponimia menor, de orígenes lingüísticos diferentes y en situación de desigualdad. Es lo que sucede en el País Vasco, donde por razones históricas y políticas solamente el castellano ha gozado de un status oficial y, sin embargo, ninguno el euskera hasta el Estatuto de Autonomía de Gernika y su plasmación en la Ley 10/1982 de 24 de noviembre, Básica de Normalización del Uso del Euskera. [Borràs 2016: XV]⁶.

Приведем фрагмент закона о Нормативном использовании баскского языка в системе топонимаций:

La nomenclatura oficial de los territorios, municipios [...] y, en general, los topónimos de la Comunidad Autónoma Vasca, será establecida por el Gobierno [...], respetando en todo caso la originalidad euskaldun, romance o castellana, con la grafía académica propia de cada lengua [...]. (Ley 10/1982 Básica de Normalización del uso del Euskera de 24 noviembre, artículo 10.1)⁷.

АГИТОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ БИЛИНГВИЗМА

Агиотопонимы, т.е. топонимы, где в качестве основы обозначения использованы имена святых, представляют удобную модель для рассмотрения контактов языков и культур в Стране Басков и отражения билингвизма на узусе топонимов.

Баскские топоформанты *dona (dona) «святой»/«святая»* соответствует испанским *san(to)/ santa* и французским *saint/sainte*. Отсюда происходят топонимические

⁴ «Топонимы в Галисии должны иметь единственно возможное официальное написание на галисийском языке».

⁵ «Топонимы Балеарских островов имеют единственное официальное написание на каталонском языке».

⁶ «Нормализация и стандартизация макро- и микропонимов различного происхождения представляет собой сверхсложную задачу в условиях языкового неравенства. Именно такая ситуация сложилась в Стране Басков, где в силу исторических и политических причин официальный статус имел только испанский язык, в то время как баскский язык не признавался официальным вплоть до подписания Статута Герники об автономии и выхода закона 10/1982 от 24 ноября о Нормативном использовании баскского языка».

⁷ «Официальные названия территорий, муниципальных образований [...] и, в целом, географических названий Баскского Автономного Сообщества определяются правительством [...], учитывая их баскское, романское или испанское происхождение и соблюдая академические нормы орфографии языка [...]».

баскско-испанские и баскско-французские дублеты. Примеры многочисленны: *Donamartiri / Saint-Martin d'Arbéroue* (Нижняя Наварра), *Donapaleu / Saint-Palais* (Нижняя Наварра), *Donibane Lohizune / Saint-Jean-de-Luz* (Лабур), *Doneztebe / Santesteban* (Наварра), *Doneztebe / Saint-Etienne* (Суль), *Donemiliaga / San Millán* (Алава), *Pasai Donibane / Pasajes San Juan* (Гипускоа). Отметим, что на баскских территориях есть ряд топонимов, которые не имеют баскского варианта с топоформантом *done (dona)*, происходящего от латинского *domine* и под влиянием соседних языков практически исчезнувшего из современной разговорной речи баскского языка: *San Martín, San Isidro, San Kristobal, Santa Ana, Santa Marina*. Приведем обратный пример: *Donamaria*, официальное название муниципалитета в Испании, входящего в провинцию Наварра, напротив, не имеет испанского эквивалента.

Наиболее ярким примером отражения билингвизма в узусе агитопонимов можно считать обозначения *Donostia/San Sebastian*, каждое из которых имеет практически одинаковую степень узуальности.

БАСКСКИЕ И ИСПАНСКИЕ ТОПОНИМЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Весьма интересно проследить дублетность топонимов (баскских и соответствующих им испанских топонимов) в различных текстах медиадискурса, например, в погодных сводках в общеиспанской и региональной прессе, а также на телевидении.

В качестве материалов для нашего исследования были выбраны электронные версии наиболее массовых качественных печатных изданий Испании — газеты «*El País*», «*El Mundo*», «*ABC*» и он-лайн версия регионального баскского канала теле- и радиовещания *EITB (Euskal Irrati Telebista)*.

Приведем типичные примеры из нашей картотеки.

«*El País*»: *Además, también bajarán extraordinariamente en Cuenca, Jaén y Teruel, Bilbao, Oviedo, Pamplona y San Sebastián [...], Girona, Logroño y Vitoria...*⁸

«*ABC*»: *La lluvia ha llegado a las costas de San Sebastián, después de varios días en los que sí se había podido disfrutar del sol*⁹.

«*El Mundo*»: *... indica que las temperaturas diurnas de este fin de semana ascenderán sensiblemente, con los aumentos más importantes en el tercio norte peninsular (7 °C más en Lugo; 6 en Bilbao, Lleida y San Sebastián, y 5 en León, Ourense, Pamplona, Segovia y Vitoria)*¹⁰.

«*EITB*»: *La Dirección de Atención de Emergencias y Meteorología del Gobierno Vasco ha activado un aviso amarillo por fuertes lluvias para mañana y el miércoles en Bizkaia y Gipuzkoa.*

*Las temperaturas en las capitales serán las siguientes: Bilbao: Mín. 18 °C / Máx. 27 °C, Donostia: Mín. 17 °C / Máx. 27 °C, Gasteiz: Mín. 12 °C / Máx. 33 °C, Iruña: Mín. 18 °C / Máx. 35 °C*¹¹.

⁸ http://politica.elpais.com/politica/2015/11/20/actualidad/1448007939_444981.html.

⁹ http://www.abc.es/espana/abci-lluvia-llega-sebastian-5066044817001-20160731024003_video.html.

¹⁰ <http://www.elmundo.es/espana/2016/02/19/56c709d546163f6b1f8b45ee.html>.

¹¹ <http://www.eitb.eus/es/eltiempo/detalle/3397842/prevision-tiempo--temperaturas-altas/>.

*Euskadi sigue bajo cero: yl frío también seguirá siendo muy intenso y las temperaturas descenderán varios grados. Entre las capitales, solo **Bilbao** ha amanecido con temperaturas positivas (3 °C), el resto están bajo cero: -2 °C en **Donostia-San Sebastián**, -3 °C en **Vitoria-Gasteiz** y -6 °C en **Pamplona/Iruña**.*

*Desde esta madrugada está parcialmente en marcha el dispositivo con el que **Vitoria-Gasteiz** hará frente a la intensa nevada que, según los pronósticos, cubrirá de blanco mañana la ciudad...*¹²

Комплексный ономастический и лингвокультурологический анализ примеров из нашей картотеки позволяет прийти к заключению, что в общенациональных средствах массовой информации предпочтение отдается испанским вариантам баскских топонимов, в то время как региональные баскские СМИ, проводя вещание на испанском языке, отдают предпочтение топонимам на баскском языке или предлагают двойное наименование. Исключением, пожалуй, является топоним Bilbao, испанский вариант которого предпочитается баскскому Bilbo как в общеиспанской, так и в региональной баскской прессе.

ИМЕНА ДОМОВ КАК ОСОБЕННОСТЬ БАСКСКИХ ТОПОНОМИНАЦИЙ

И наконец, отметим еще одну особенность баскской топонимической системы, а именно присваивание имен собственных домам. Отметим, что подобная традиция, сохранившаяся и по сегодняшний день, характерна для исконно баскских территорий по обе стороны Пиренеев. Приведем возможную классификацию названий домов, по данным А. Аристегги [Ariztegi 2006: 140].

б) Имена домов, производные от имени или фамилии хозяина: *Jakuenea* (дом Santiago), *Mariestebanbaita* (дом Mariesteban), *Kresponea* (дом Crespo); от прозвищ (исп. apodos): *Gizonxuriarena* (дом белого человека), *Motzenea* (дом невысокого человека), *Txantxulit* (дом недалекого, глупого человека); от уменьшительных имен собственных: *Katalinkonea* (дом Catalinita), *Lopetxonea* (дом de Lopito); от родственных связей: *Amunarena* (дом бабушки), *Izebanea* (дом тети); рода деятельности хозяина дома: *Sastrekoa* (дом портного), *Zurgiñenekoa* (дом плотника).

с) Имена домов производные от топонимов и имен, обозначающих этническую и географическую принадлежности: *Baigorria*, *Baztanea*, *Larraundarrarena*, *Billabarrarena*; а также от экзонимов: *Bordelea* (Burdeos), *Parisea* (Paris).

д) Имена домов, содержащие в себе описательные характеристики сооружения: *Etxeberria* (новый дом), *Etxetoa* (маленький дом), *Errotakoa* (дом мельница) или указание на его расположение *Elizagibelekoa* (дом за церковью), *Galtzadakoa* (дом на проезжей части).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, современный баскский топонимикон сформировался в результате взаимовлияния и взаимодействия различных языков и культур и является источником ценной лингвистической, исторической и культурологической информации.

¹² <http://www.eitb.eus/es/radio/radio-vitoria/programas/araba-gaur-8h/audios/detalle/2936916/nieve-vitoriagasteiz-temporal-frio-hielo-iturritxa-ayuntamiento>).

Вопрос о нормализации и стандартизации баскских географических названий сегодня особенно актуален в условиях билингвизма Страны Басков и гетерогенности языковых контактов баскского и испанского языков. Важной чертой современного баскского топонимического корпуса является наличие двойных баскско-испанских названий. Двойные названия находятся в процессе нормирования в рамках государственной политики и унификации литературного стандарта баскского языка (*euskara batua*). Языковое сознание современных басков сохраняет топонимию исконного происхождения как национальное достояние, хотя в отдельных случаях оказывается предпочтение испанскому названию (*Bilbao*, а не *Vilbo*, например). В современном медиапространстве, в общенациональных средствах массовой информации предпочтение отдается испанским вариантам баскских топонимов, в то время как региональные баскские СМИ тяготеют к текстовым стратегиям интродукции топонимов на баскском языке или предлагают двойное наименование. Современный баскский топонимикон и его текстовые реализации раскрывает различные аспекты взаимодействия на уровне ономастической лексики баскского и испанского этносов в полиэтничной Испании.

© Чеснокова О.С., Джишкариани Л.М.
 Дата поступления: 1.05.2017
 Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Karo Barroxa, Xuliio*. Баски. М.: Издательство Едиториал УРСС, 2004.
2. *Чеснокова О.С.* Баскская топонимия в пространстве и времени // П Фирсовские чтения. Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 26—27 апреля 2016 г. М.: РУДН, 2016. С. 25—28.
3. *Ariztegi A.I.* Nombres de oficios en la oiconimia navarra. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vianayborgia.es/bibliotecaPDFs/FOLI-0083-0000-0139-0149.pdf> (Дата обращения: 07 ноября 2016).
4. *Borràs H.K., E. Martínez de Madina Salazar* Toponimia de Vitoria i Gasteizko Toponimia i Ciudad / Hiria [Электронный ресурс] URL: http://www.euskaltzaindia.eus/dok/iker_jagon_tegiak/72671.pdf (Дата обращения: 07 ноября 2016).
5. *Чеснокова О., Talavera-Ibarra P.L.* El diálogo de lenguas y culturas en la toponimia vasca // Ибероамериканские тетради. Вып. 2 (12) / Гл. ред. А.А. Орлов; отв. ред. выпуска М.В. Ларионова. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. P. 72—76.
6. *García Sánchez J.J.* Atlas toponímico de España. Madrid: ARCO / LIBROS, S.L., 2007.
7. *García Sánchez J.J.* El País Vasco y sus topónimos (I) [Электронный ресурс] URL: http://cvc.cervantes.es/el_rinconete/antiores/noviembre_04/03112004_01.htm (Дата обращения: 07 ноября 2016 г.).
8. *Igartua I., Zabaltza X.* Breve historia de la lengua vasca. Donostia-San Sebastián: Instituto Vasco Etxeparee, 2012.
9. Ley 10/1982 Básica de Normalización del uso del Euskera de 24 noviembre. [Электронный ресурс] URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/pv-110-1982.html. (Дата обращения: 07 ноября 2016).
10. Trask, Larry. The history of Basque. London: Routledge, 1997.
11. *Salaberri P.* El patrimonio cultural inmaterial: ámbito de la tradición oral y de las particularidades lingüísticas // La onomástica como parte de nuestro patrimonio inmaterial. 2014. С. 175—193.

12. *Salaberry P.* De toponimia vasco-pirenaica: sobre el sufijo -otz, -oz(e). Universidad Pública de Navarra — Real Academia de la Lengua Vasca Pamplona / Iruñea. URL: https://www.academia.edu/8154552/De_toponimia_vasco-pirenaica_sobre_el_sufijo_-otz_-oz_e_.
13. *Salaberry P.* Anthroponyms in Basque Топонимы URL: http://www.icos2014.com/wp-content/uploads/icos2014_v2_110.pdf (Дата обращения: 01 ноября 2016).
14. *Knorr H.* Nombres de persona en el País Vasco: cuestiones históricas y de normalización [Электронный ресурс] URL: <http://www.vianayborgia.es/bibliotecaPDFs/FOLI-0080-0000-0135-0154.pdf> (Дата обращения: 01 ноября 2016).
15. *López Mendizábal, Isaac.* La sufijación en la toponimia vasca. [Электронный ресурс] URL: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/congresos/07/07801818.pdf> (Дата обращения: 01 ноября 2016).

УДК: 811.361:373.21:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1074-1083

BASQUE LANGUAGE AND BASQUE TOPONYMY: INTERCULTURAL CONTACTS AND STANDARTISATION

Olga S. Chesnokova, Liana M. Dzhishkariani

RUDN University

Miklukho-Maklaia str., 10-2 A, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The Basque language (euskera) is an isolate language spoken by about one million people in northeast Spain and southwest France. According to the most common version about its origin the Basque language is of Aquitanian origin.

The aim of this article — to study the modern Basque toponymy, to outline its space and boundaries, to consider its current state in Spain in the light of contacts with the Spanish language applying the methods of onomastic and linguocultural research.

An important feature of modern Basque toponymy in Spain is the existence of double names (Basque and Spanish), reflecting the centuries-old contacts of the Basque and Spanish languages. Double names are in the process of standardization in the framework of state policy, and the unification of the literary standard Basque language (euskara batua). Language consciousness of modern Basque population preserves the original Basque toponymy as an essential part of national heritage, although in some cases the Spanish toponyms are preferred to the Basque ones (Bilbao, not Bilbo, for example).

Key words: Basque language, language contacts, language consciousness, space, border; intercultural contacts, the norm, the media space

REFERENCES

1. Caro Baroja, J. (2004). *The Basques*. Moscow: Editorial URSS.
2. Chesnokova, O.S. (2016). Basque toponymy in space and time. *Modern Philology and Methods of Teaching Foreign Languages: Main Trends and Prospects for Development: Proceedings and Reports of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow, 26—27 april 2016. Moscow: RUDN. pp. 25—28.
3. Ariztegi, A.I. Nombres de oficios en la oiconimia navarra. URL: <http://www.vianayborgia.es/bibliotecaPDFs/FOLI-0083-0000-0139-0149.pdf> (accessed 7.11.2016).
4. Borràs H.K., E. Martínez de Madina Salazar Toponimia de Vitoria i Gasteizko Toponimia i Ciudad/ Hiria. URL: http://www.euskaltzaindia.eus/dok/iker_jagon_tegiak/72671.pdf (accessed 7.11. 2016)

5. Chesnokova, O., Talavera-Ibarra, P.L. (2016). El diálogo de lenguas y culturas en la toponimia vasca. *Journal of Ibero-American notebooks II* (12). Moscow: MGIMO MID Rossii, 2016. pp. 72—76
6. García Sánchez J.J. (2007). *Atlas toponímico de España*. Madrid: ARCO / LIBROS, S.L.
7. García Sánchez J.J. El País Vasco y sus topónimos (I) URL: http://cvc.cervantes.es/el_rinconete/antiores/noviembre_04/03112004_01.htm (accessed 07.11.2016).
8. Igartua, I., Zabaltza, X. (2012). Breve historia de la lengua vasca. Donostia-San Sebastián: Instituto Vasco Etxeparee.
9. Ley 10/1982 Básica de Normalización del uso del Euskera de 24 noviembre. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/pv-110-1982.html (accessed 07.11. 2016).
10. Trask, Larry. *The history of Basque*. London: Routledge, 1997.
11. Salaberri P. El patrimonio cultural inmaterial: ámbito de la tradición oral y de las particularidades lingüísticas. *La onomástica como parte de nuestro patrimonio inmaterial*. 2014. C. 175—193.
12. Salaberri P. De toponimia vasco-pirenaica: sobre el sufijo -otz, -oz(e). Universidad Pública de Navarra — Real Academia de la Lengua Vasca Pamplona/Iruñea. URL: https://www.academia.edu/8154552/De_toponimia_vasco-pirenaica_sobre_el_sufijo_-otz_-oz_e.
13. Salaberri P. Anthroponyms in Basque Toponymy. URL: http://www.icos2014.com/wp-content/uploads/icos2014_v2_110.pdf (accessed 01.11.2016).
14. Knorr H. Nombres de persona en el País Vasco: cuestiones históricas y de normalización URL: <http://www.vianayborgia.es/bibliotecaPDFs/FOLI-0080-0000-0135-0154.pdf> (accessed 01.11.2016).
15. López Mendizábal, Isaac. La sufijación en la toponimia vasca. URL: <http://www.euskomedia.org/PDFAnlt/congresos/07/07801818.pdf> (accessed 01.11.2016).

Для цитирования:

Чеснокова О.С., Джишкарини Л.М. Баскский язык и баскская топонимия: межкультурные контакты и стандартизация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1074—1083. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1074-1083.

For citation:

Chesnokova, O.S., Dzhishkariani, L.M. (2017). Basque language and basque toponymy: intercultural contacts and standartisation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1074—1083. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1074-1083.

Olga S. Chesnokova, Liana M. Dzhishkariani, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1074—1083. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1074-1083.

Сведения об авторах:

Ольга Станиславовна Чеснокова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов*: теория и практика межкультурной коммуникации, переводоведение, семиотика художественного дискурса, вариативность испанского языка. *E-mail*: tchesnokova_olga@mail.ru

Лиана Мерабиевна Джишкарини, аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов*: языковые контакты, ономастика. *E-mail*: liana.djishkariani@gmail.com

Bio Notes:

Chesnokova Olga Stanislavovna, Dr, Professor of Foreign Languages Department at RUDN University. *Research interests*: theory and practice of intercultural communication, translation studies, semiotics of literary discourse, Spanish language varieties. *E-mail*: tchesnokova_olga@mail.ru

Dzhishkariani Liana Merabievna, PhD student of Foreign Languages Department at RUDN University. *Research interests*: language contacts, onomastics. *E-mail*: liana.djishkariani@gmail.com



УДК: 81'276:81'282:323.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102

МИНОРИТАРНЫЙ ЯЗЫК, МИНОРИРУЕМЫЙ ЯЗЫК, МИНОРИЗИРУЕМЫЙ ЯЗЫК ИЛИ ЯЗЫК В МИНОРИТАРНОЙ СИТУАЦИИ? ОПЫТ ДЕФИНИЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СИТУАЦИИ

Антуан Паско

UMR 5478 IKER, Университет Бордо Монтень
Domaine Universitaire, 19 Esplanade des Antilles, 33607 Пессак, Франция

В статье представлена социолингвистическая типология языков, составляющих категориальное поле лингвистической миноритарности. Рассмотрены смыслы и коннотации, стоящие за такими понятиями, как минорация и миноризация, представлен семантический анализ, даны сходства и различия таких номинаций, как *миноритарный язык*, *минорируемый*, *миноризируемый* язык и язык в миноритарной ситуации. Семантический анализ подкреплен описанием ситуаций, попадающих под ту или иную категорию и опирающихся на предложенный автором концептуальный аппарат. При создании типологии автор показывает роль экстралингвистических количественных и качественных параметров, влияющих на социолингвистический тип языка. Подчеркивается, что миноритарный и минорируемый язык не являются синонимическими, поскольку за первым стоят преимущественно количественные параметры разного типа, в первую очередь демолингвистические, а за вторым качественные, макросоциолингвистические, функциональные и социокультурные, связанные с его статусом. Особое внимание уделяется языкам, оказавшимся в условиях миграции, поскольку, в зависимости от исходного статуса, они могут испытывать двойное и тройное давление со стороны доминирующих языков.

Ключевые слова: социолингвистика, семантика, категоризация, миноритарный язык, ситуация миноритарности, типология

ВВЕДЕНИЕ

Изучение ситуаций языковой миноритарности является одним из наиболее актуальных вопросов в области социолингвистических исследований, а возобновившиеся в 2014 году во французском парламенте дебаты по ратификации Европейской Хартии региональных и миноритарных языков Совета Европы (1992) придают ему особую остроту. Как представляется, чтобы адекватно оценить причины и последствия подобных ситуаций, было бы полезным провести исследование, подводящее итоги анализу концептосферы понятий, связанных с языковой миноритарностью.

Настоящая статья написана по итогам диссертации, защищенной 31 января 2014 года¹. В ней с учетом более ранних работ в области *языковой минорации* предложен вариант типологии номинаций, характеризующих феномен, который час-

¹ Языки иммиграции в отношении к территории: на примере европейских сообществ мигрантов в агломерации Бордо (*Langues d'immigration et rapport au territoire. Le cas des communautés migrantes européennes dans l'agglomération de Bordeaux*). Диссертационное исследование было осуществлено в рамках исследовательского гранта Региона Аквитании, связанного с программой *Миноритарные языки и языковые периферии в Европе* (*Langues minoritaires et marges linguistiques en Europe*) под руководством Ален Вио. Он также был руководителем настоящей диссертации.

то неточно и, по-видимому, слишком расширено получает название *миноритарный язык*.

Для анализа выбраны четыре ключевые номинации — *миноритарный язык* (*langue minoritaire*), *минорируемый язык* (*langue minorée*), *миноризируемый язык* (*langue minorisée*), *язык в миноритарной ситуации* (*langue en situation minoritaire*), к которым по мере необходимости для прояснения их смыслов добавлен ряд других концептов (например, *язык идентификации* или *обыденный язык*), что приводит к попытке создания социолингвистического терминологического метаязыка. Также в целях уточнения теоретических положений в статье предлагается анализ ряда языковых ситуаций на основе предложенного концептуального аппарата. Изначально объектом исследования были собственно языки иммиграции, затем оно переросло в анализ места последних в языковой ситуации минорации.

МИНОРИТАРНЫЙ ЯЗЫК

Из четырех концептов *миноритарный язык*, образованный с использованием прилагательного, производного от слова «меньшинство», является, с одной стороны, наиболее употребительным в социолингвистической литературе, но и наименее определенным как с точки зрения дефиниции, так и с точки зрения функционирования. Даже при условии, что нет жесткой необходимости дать предельно четкое определение этой номинации, поскольку она приобретает свою значимость прежде всего в оппозиции по отношению трем другим, тем не менее представляется необходимым привести наиболее известные дефиниции².

Мы предлагаем отталкиваться от определения, данного Советом Европы в *Пояснительном докладе к Европейской Хартии региональных и миноритарных языков* (1993), так как этот текст имеет официальный характер и представлен на всем европейском пространстве. Значение прилагательного «миноритарный» вполне определено и входит как составная часть в единую номинацию, используемую Хартией, но следует подчеркнуть, что эта номинация не *миноритарные языки*, а *региональные или миноритарные языки*, что и порождает определенную двусмысленность относительно интерпретации данного понятия [см. Dannequin 1997, Jensdottir 2002, Woehrling 2005, Alkin 2006, Viaut 2006 и другие]. Тем не менее возможность использовать для интересующего нас понятия определение Совета Европы существует, поскольку оно включает два прилагательных — *миноритарный* и *региональный*. Наличие двух определяющих обеспечивает лучшее понимание текста в странах, которые в будущем могут подписать Хартию.

«Прилагательное „миноритарный“ относится к ситуациям, в которых язык используется либо лицами, не сосредоточенными на определенной части территории государства, либо группой лиц, которая, хотя и сосредоточена на определенной территории государства, все же является численно меньшей, чем население в данном регионе, говорящее на языке большинства жителей данного государства» [Conseil de l'Europe 1993: параграф 18].

Таким образом, с точки зрения экспертов Совета Европы *миноритарным языком* является язык, на котором говорит группа лиц в государстве, но который

² Данная часть статьи основана на нашем магистерском исследовании магистерской диссертации [Pascaud 2008].

не является языком, на котором говорит большинство населения данного государства. Подобным образом *миноритарный язык* определяется К. Джорджевич [Djordjevic 2006: 299]: «Язык является миноритарным, если число говорящих на этом языке меньше, чем число говорящих на „основном“ языке в рамках данного государства».

Однако при строгом следовании дефиниции Совета Европы могут возникнуть определенные трудности. Так, язык, на котором говорят на определенной территории внутри государства, отличный от языка, на котором говорит основное население государства, но одновременно являющийся мажоритарным языком в данном регионе, не может быть признан миноритарным языком. Тем не менее он является таковым в рамках государства в целом. Дефиниция Совета Европы несколько размыта, поскольку не определяет понятие языковой территории. Пояснительный доклад ограничивается следующим ее определением: «Территория, на которой региональный или миноритарный язык используется значительной частью населения, пусть меньшинством, и которая соответствует его историческому ареалу распространения» [Conseil de l'Europe 1993: параграф 34].

Таким образом, определение миноритарного языка СЕ может быть срезюмировано следующим образом: язык, чтобы считаться миноритарным, должен использоваться группой населения меньшей по численности, чем группа основного населения государства, на территории которого он используется, и не должен быть доминирующим в той или иной географической зоне данного государства. Пример курдского языка в Турции может быть неплохой иллюстрацией данного парадокса: курдский язык можно считать миноритарным в рамках турецкого государства, но он не является таковым в ряде восточных регионов Турции, поскольку там на нем говорит большинство населения.

В общем и целом дефиниция Совета Европы служит хорошим отправным пунктом для определения номинации *миноритарный язык*, однако, как уже было отмечено, возникает вопрос о содержании понятия «территория». Таким образом, данная дефиниция оказывается недостаточной и должна быть дополнена с разных точек зрения. С позиции лингвистики это было сделано в приведенной выше цитате К. Джорджевич.

Эрик Аллард [Allard 1992: 45—54] исходит из принципа, что «миноритарными языками являются языки, которые, по мнению говорящих на них, являются или должны являться автономными по отношению к языку большинства» [Там же: 47], и выделяет четыре основных критерия миноритарного языка [Там же: 51]:

— само-категоризация (самоидентификация): представляющая «элемент, маркирующий языковые меньшинства в современной Европе, в большей степени чем внешние категоризации» [Там же: 52];

— общие корни: «отношения родства представляются (...) особенно важными», «это необходимое условие для группы, если она желает, чтобы ее расценивали как языковое меньшинство» [Там же: 52];

— культурные и исторические особенности, связанные с языком: «они могут быть связаны со словарем, грамматикой или произношением» [Там же: 53];

— социальная организация взаимодействия внутри языковой группы, которая ставит данные группы в миноритарное положение [Там же: 53].

Из четырех критериев Эрика Алларда для нас наиболее важными представляются первый и четвертый: «миноритарный язык» — это язык, который сами говоря-

щие воспринимают таковым и который находится в социально миноритарной ситуации по отношению к доминирующей группе. Эти критерии вносят уточнения в приведенное выше определение: *миноритарный язык*. Это язык, на котором говорят группы населения, численно меньшие по отношению к основному населению страны или региона (фактор территории), он должен восприниматься в таком качестве говорящими на основном языке, но, что важнее, и самими говорящими на этом языке (фактор внешней категоризации и само-категоризации).

По сути Эрик Аллард предостерегает от использования простого и единственного критерия, согласно которому любой язык, число носителей которого являлось бы меньшим по отношению к основной группе, мог бы считаться «миноритарным языком». В подтверждение своей точки зрения Аллард приводит пример языковой ситуации в Бельгии, где две основных языковых группы — фламандцы и валлоны — «часто фигурируют в списке языковых меньшинств Европы» [Там же: 48]. Автор настаивает, на том, что «решающим фактором для определения меньшинства должна быть ситуация на ограниченном пространстве и социальная категоризация, а не численный показатель населения» [Там же: 48]. Таким образом, если валлоны не являются миноритарной группой, и, следовательно, не говорят на языке, который можно было бы отнести к миноритарным³ внутри региона их расселения (Валлония) и даже в рамках Бельгии (валлонские и фламандские регионы, к которым нужно добавить германоязычную коммуну на востоке страны), то, тем не менее, их можно считать меньшинством в рамках Европы в целом. Таким образом, язык, на котором говорит основное население, может быть квалифицирован как миноритарный в зависимости от избранного географического масштаба. Эти соображения подводят нас к необходимости определения не только понятия *территории*, но и *пространства*.

Возникает вопрос, является ли Бельгия территорией (*territoire*)⁴ или пространством (*espace*)⁵, состоящим из ряда территорий по образцу, например, Европейского

³ В данном случае речь идет о французском языке в его региональном варианте языка группы oïl в Бельгии и признанного в этом качестве в рамках государства.

⁴ Будучи дискуссионным, понятие и определение территории, предложенное географами, может быть сведено к следующему: «(...) любое социализованное пространство, присвоенное населяющими его лицами, каков бы ни был его размер» [Baud, Bourgeat, Bras 1995: 138].

«Территория» старое слово [которое] имеет обыденное и особое значение. В первом случае оно означает какую-либо часть земного пространства, обычно ограниченного. (...) Второе значение более сложное, появившееся в результате развития биологии животных, соответствует идее присвоения, принадлежности, или как минимум использования. Это пространство, в котором живут, которым живут, которое маркируют и за которое сражаются» [Brunet 2001: 16—17].

См. также Badir [1995] и Levy, Lussault [2003].

⁵ Понятие пространства географами определяется следующим образом:

«(...) для географа пространство в самом обычном смысле слова представляет собой некую местность или его ограниченную часть на земной поверхности, которую можно подвергнуть картографированию» [Baud et al. 1995: 132].

«Географическое пространство это определенная часть земной поверхности. (...) Любое географическое пространство обладает протяженностью; оно может быть разъединенным, «распавшимся»; его границы могут быть размытыми. Оно не обязательно обладает *центром*; оно не обязательно соответствует пространственной системе. Географическое пространство в целом представляет собой совокупность различных географических пространств» [Brunet, Ferras, They 1993: 195]. — Курсив текста оригинала.

Союза? Эти территории — а данная гипотеза все более и более актуальна в виду современной ситуации в стране — могли бы соответствовать языковым зонам валлонского, фламандского и немецкого языков и могли быть разграничены по языковым границам разных языков⁶.

Таким образом, понятие *территории* становится центральным в вопросах, связанных с понятием «миноритарный язык», но оно никак не соотносится с официальным или политическим статусом языка, хотя последний самым тесным образом связан с состоянием языка. Таким образом, *миноритарные языки* не определяются в терминах статуса. Говорить о статусе языка или о его официальном признании представляется излишним, для того чтобы классифицировать тот или иной язык в качестве миноритарного, и параметры, представленные выше в наших рассуждениях, достаточны, чтобы отнести тот или иной язык к миноритарным. Первым и наиболее важным является параметр, определенный У. Маккейем как «демографический фактор языковой мощи» [Maskey 1976: 203]: чем больше носителей имеет тот или иной язык, тем больше его мощь, а язык или языки, находящиеся в его окружении, окажутся в миноритарной ситуации по отношению к этому последнему. «Парадокс территории», весьма спорный, поскольку как таковой приложим к любой ситуации, становится очевидным на примере ситуации в Бельгии и также является важным фактором категоризации языка в качестве миноритарного. Хотя сам по себе парадокс территории оказывается ничем иным как иным способом применения демографического фактора в ситуациях, где последний на первый взгляд не очевиден. Если допустить наличие неких меньшинств, а следовательно, и их миноритарных языков, которые существуют без собственной и определенной территории (например, цыгане, или население, говорящее на идиш), то последние все же попадут под определение «миноритарный», поскольку численно они уступают большинству на любой из территорий.

В заключение хочется привести высказывание Жана Мишеля Касбарьяна [Kasbarian 1997: 185], которое прекрасно резюмирует сказанное и в котором четко обозначены трудности, связанные с формулировкой точного определения понятия *миноритарный язык* с необходимым и неизбежным учетом фактора территории:

«Среди экстралингвистических параметров широко распространенный принцип территории исходит, очевидно, из предположения, что нормальной ситуацией будет такая, в которой географические и лингвистические границы совпадают, где все жители данного региона являются монолингвами (критерий единства) и где миноритарный язык с арифметической точностью определяется как язык численно меньшей группы (критерий «размера» и «использования»)» [Kasbarian 1977: 185].

Итак, понятие *миноритарный язык* является недостаточным для описания всех ситуаций, в которых присутствуют языковые меньшинства, и, шире, любые процессы языкового минорирования. Построенное сознательно и исключительно на демографических и территориальных принципах, понятие «миноритарный язык»

⁶ Более детально вопросы, связанные с понятием территории, языка и пространства изложены в [Viaut, Pailhé 2011].

часто смешивается с понятием *минорируемый язык* (*langue minorée*), относящееся в большей степени к политическим и социальным парадигмам, о чем говорилось в работах А. Буайе:

«Следует уточнить, что *минорируемый язык* не является по определению *миноритарным* (он может быть даже мажоритарным, как это происходит в случае с гуарани Парагвае или с галисийским в Галисии). Можно сказать, что «миноритарный» относится к *демолингвистическим* параметрам, тогда как «минорируемый» — к *макросоциоллингвистическим*: функциональным и социокультурным» [Boyer 2006: 261]⁷.

Для дальнейшего изложения представляется важным дать определение этому новому понятию, однако прежде следует остановиться на категориях, впервые привлеченных внимание в ходе анкетирования, выполненного для *l'Institut d'Estadística de Catalunya* (IDESCAT) в 2008 году [Idescat 2009: 171—188], где исследовался вопрос, как сами носители языка квалифицируют свой язык и которое коррелирует с определением самокатегоризации в вышеупомянутых работах Эрика Алларда.

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, ЯЗЫК ИДЕНТИФИКАЦИИ И ОБЫЧНЫЙ ЯЗЫК⁸

Исходная идея была простой: в зависимости от избранной точки зрения каталанский язык в Каталонии может рассматриваться как *мажоритарный язык* региона, но также и как *миноритарный язык*. В действительности, все зависит от видения языка его носителями: является ли он для них *изначальным языком* (*llengua inicial*), языком их идентификации (*llengua d'identificació*) или их *обычным языком* (*llengua habitual*)? Ответы приводят к парадоксальной ситуации: один и тот же язык (в данном случае кастильский и каталанский) могут быть по очереди миноритарными или мажоритарными:

«(...) „Изначальный язык“ соответствует первому выученному и используемому в домашних условиях языку. Это язык передаваемый в семье и приобретенный в процессе социализации. Термин *изначальный язык* был впервые введен в рамках проекта EULP08⁹, проект EULC03¹⁰ использовал преимущественно термин «первый язык» (*langue première*), понятие более двусмысленное.

Вторым ключевым концептом, используемым Idescat, стал *язык идентификации*, иными словами, язык, который респондент считает своим настоящим языком — по крайней мере в терминах эмпатии — и который может отличаться от *изначального языка*. В EULC03 использовался термин *собственный язык* (*langue propre*), категория более неопределенная по сравнению с версией EULP08. Существует также третья категория *обычный язык*, то есть язык, привычно используемый респондентом в акте коммуникации, тот, которым он пользуется чаще всего» [Jiménez-Salcedo 2011: 22—23].

⁷ Курсив принадлежит тексту оригинала.

⁸ Langue initiale, langue d'identification et langue habituelle

⁹ EULP08: *Enquesta d'usos lingüístics de la població 2008 (note non-présente dans le texte original)*.

¹⁰ EULC03: *Estadística d'usos lingüístics a Catalunya 2003 (note non-présente dans le texte original)*.

Три ключевых концепта, показавшие себя как весьма эффективные в ходе проведения опросов в данном регионе, в ситуации официального билингвизма, находятся в центре затронутой нами проблематики определения «миноритарного языка». Если в ходе проведения анкетирования большинство респондентов заявили, что их изначальным языком является каталанский, то это означает, что данный язык может быть признан мажоритарным языком региона. В то же время большинство тех же самых респондентов может заявить, что их обычным языком является кастильский. В таком случае каталанский переходит в разряд миноритарного языка.

Ситуация каждого языка уникальна и теоретически существует столько возможных типов ситуаций, сколько существует языков. Вместе с тем три перечисленных ключевых концепта остаются неизменными и представляют собой константу. Так, возможно вообразить ситуацию, в которой один и тот же носитель использует три языка. Такова ситуация во французской Стране басков вблизи от испанской границы. Мать респондента говорит исключительно по-французски, отец билингв (французский и баскский), сам он же работает в Испании, следовательно, на работе говорит по-испански. В данной ситуации возможно предположить, что этот человек может рассматривать французский как свой изначальный язык (язык, на котором воспитывала его мать), баскский — как язык идентификации (язык его отца и территории на которой он вырос) и испанский как обычный язык (язык, который он использует на работе). Этот теоретический, но вполне правдоподобный¹¹ пример, показывает, что в зависимости от избранного ракурса для носителя язык может иметь разный статус и в большом масштабе может серьезным образом влиять на статистические данные и искажать реальную картину языковой ситуации.

На практике обращение к данным EULP08 покажет, что во всех случаях испанский язык опережает каталанский:

- изначальный язык: 55% испанский, 31,6% каталанский,
- язык идентификации: 46,5% испанский, 37,2 каталанский,
- обычный язык: 45,9 испанский, 35,6 каталанский [Idescat 2009: 171—172]¹².

Несмотря на некоторую неясность данной ситуации, представляется необходимым и интересным рассмотреть возможное соотношение языков, которое может стать причиной разногласий, поскольку зависит от избранной точки зрения. В настоящей статье миноритарный язык понимается гибко. Язык может быть миноритарным по одной или трем составляющим. В дальнейшем изложении мы будем уточнять, что конкретно понимается под этим термином, если будет возникать риск двусмысленности толкований. Перейдем к понятию «минорируемый язык».

¹¹ Другие примеры этого же типа можно отыскать в ситуациях миграции. См. нашу диссертацию, о которой говорилось выше.

¹² Недостающие проценты относятся к другим языкам, представленным в Каталонии, в большинстве к языкам мигрантов.

МИНОРИРУЕМЫЙ ЯЗЫК

Данный термин, производный от глагола *minorer*¹³, используется меньше чем другие, однако в наш анализ типов языков, общим названием которым является *миноритарный*, показывает, что он является центральным и существенным, особенно при употреблении в паре с термином *языки иммиграции*. Прежде чем определить совокупность смыслов термина *минорируемый язык* и показать, почему он представляется центральным для нашего сюжета, необходимо рассмотреть значения глагола *минорировать* (*minorer*). В состав термина он входит в форме причастия прошедшего времени (*minorée*) и транспозируется в прилагательное. Информационный ресурс TLFi¹⁴ предлагает следующее его определение: «Преуменьшать значимость или важность чего-л.». Реалии, попадающие под номинацию *минорируемый язык*, могут быть определены следующим образом: «Язык, чья значимость или важность преуменьшается». Таким образом, становятся очевидны различия с номинации *миноритарный язык*, подчеркнутые Анри Буайе: «Минорирование¹⁵ (...) феномен функциональный и социокультурный», в то время как основная характеристика миноритарного языка «демолингвистического порядка» [Boyer 2006: 261].

Таким образом, миноритарный язык, как это было определено раньше, — это язык, носители которого более малочисленны по сравнению с носителями другого языка, взятого в качестве основания для сравнения. Чисто количественное отношение между миноритарным и мажоритарным языком может быть локализовано на ограниченной территории (определенный регион) или же на больших — государство и даже широкие ареалы, как например Европа, подходящие под определение пространства, а не территории. Отношения между дихотомией языков миноритарный/мажоритарный, если и включают элемент доминирования, то обусловленный исключительно численностью носителей языков. В отношении же между *минорируемым языком* и другим, который в большинстве случаев является мажоритарным, речь идет не просто о квантитативных социолингвистических характеристиках языка, но о квалитативных и статусных, о чем хорошо было сказано в уже цитированной работе Ксении Джорджевич. Позволим себе привести цитату полностью:

«Миноритарное население — это население численно меньшее по сравнению с остальным жителям государства-нации. *Минорируемый язык* — это язык, области использования которого ограничены юридически и фактически. На наш взгляд, этот термин может трактоваться иначе, чем *миноритарный язык*. Язык является миноритарным, если количество его носителей меньше, чем количество говорящих на «основном» языке государства в целом. Миноритарный язык не обязательно

¹³ Преуменьшать, недооценивать, оценивать снизу. *Минорировать* как математический термин. Далее мы будем использовать кальку с французского минорировать. (Примечание переводчика).

¹⁴ *Trésor de la Langue Française informatisé* (Компьютерная база данных Сокровища французского языка)

¹⁵ *minoration*.

представляет собой минорируемый язык. Его статус и функции иногда могут быть равными статусу и функциям «основного» языка. Мы предпочитаем использование термина *минорируемый язык* (*langue minorée*) термину *миноризируемый язык* (*langue minorisée*), поскольку первый делает акцент на минорации в качественном и функциональном плане (язык расценивается как менее значимый и легитимный в силу навязанной ситуации диглоссии), второй, как нам кажется, следует трактовать в количественных параметрах (язык, число носителей которого было сознательно уменьшено) (...)» [Djordjevic 2006: 298—299].

Очевидно, что *минорируемый язык* может быть описан в терминах доминируемый/доминирующий язык, работе *Langues et conflit, études sociolinguistiques* (1996) писал Анри Буайе. Автором анализируется «франко-окситанский конфликт диглоссного типа», а также ситуация языка гуарани в Парагвае, оказавшийся с течением времени в ситуации диглоссии по отношению к кастильскому. Выводы по подобным ситуациям представлены в его более поздней статье:

«(...) Языковая минорация (minoration) (или миноризация (minorisation)) сводится к разным степеням редукции нормального использования языка в обществе (соответственно в разных сферах коммуникации). Подобная редукция может быть обусловлена внутренними факторами, но чаще всего она является следствием доминирования (domination), испытываемого языковым сообществом в течение более менее длительного периода времени (иногда в течение многих веков), которое в зависимости от типа может быть более или менее жестким» [Boyer 2006: 261].

С идеями Анри Буайе перекликается теория «языковой мощи» Уильяма Маккея [Maskey 1976: 203—204]. Если первый фактор «демографический» предопределяет формирование мажоритарного и миноритарного языков, то, совершенно очевидно, что пять следующих факторов его классификации непосредственно и опосредованно связаны с формированием минорируемого языка (который одновременно может быть и миноритарным). Действительно, «экономические», «идеологические» и «культурные» факторы находятся в тесной связи с мощью доминирующего языка. Этот «большой язык»¹⁶ оказывает подавляющее воздействие на другой язык, который таким образом становится доминируемым и минорируемым. Отношения доминирования, а следовательно, и минорации естественны и неизбежны, если носители «большого» языка являются жителями (или выходцами) из экономически преуспевающих регионов, или же они носители влиятельной религиозной или политической идеологии, или же их язык является проводником блестящей культуры. Три данных фактора вместе, равно как и их комбинация, неизбежно способствуют укреплению власти языка или же, как минимум, его укреплению по отношению к другому языку и в эндогенных и в экзогенных типах контекстов. Остаются еще два фактора (распространение языка и мобильность носителей языка), предложенные У. Маккеем, которые, как представляется, работают в том же направлении, что и вышеперечисленные. Очевидно, что диаспоризация населения способствует распространению языка, идет ли речь о миграции постоянной или временной (студенты, туристы...). Франкофония или же гегемония англ-

¹⁶ Кавычки в данном случае являются авторскими и не являются цитированием У. Маккея.

лийского языка в современном мире являются тому яркими свидетельствами. Три первых критерия позволили Франции и англофонным странам (в первую очередь Великобритании и позже США) быть представленными в различных регионах Африки и Азии и таким образом увеличить влияние своих языков по отношению к местным, оказавшимся в положении минорируемых. В границах одного государства подобные процессы проходят сходным образом. В качестве обратимся к ситуации с региональными языками во Франции. Влияние мощи французского языка и его носителей (культурной, политической, экономической) на другие языки, такие как бретонский или окситанский, позволило с течением времени установить обязательность образования на французском языке в пределах Франции и способствовало мобильности и утверждению франкофонного населения в окситано- и бретоноговорящих регионах, что в итоге привело к очевидному господству французского языка над всеми региональными языками Франции.

Все же два последних фактора (распространение языка и мобильность населения) сами по себе недостаточны для того, чтобы обеспечить доминирующее положение одного языка и минорирование другого. Они могут работать в обратном направлении в таких случаях как экономическая или политическая миграция населения и даже мобильность студентов, приезжающих из менее развитых стран в более развитые, например, мобильность студентов из Африки в Европу. В подобных случаях мобильность и рассеяние выступают синонимами: чаще всего для таких языков сам факт перемещения в регионы, где они не используются или используются мало, выступает фактором минорации. Таким образом, процесс миграции способствует переходу языка из статуса мажоритарного или, по крайней мере, не-минорируемого в статус миноритарного в основном смысле, представленном выше.

Прежде чем завершить и подвести итог различным теориям, представленным в данной части, обратимся к десяти социолингвистическим критериям Жана-Мишеля Касбаряна [Kasbarian 1997: 186—187], по которым может быть охарактеризован минорируемый язык:

«1. Отсутствие официального статуса: минорируемый язык не является официальным, ко-официальным или национальным.

2. Отсутствие институционализованного использования: минорируемый язык не разрешен при составлении текстов официального или административного характера.

3. На нем не осуществляется образование, и он не является предметом преподавания.

4. Его передача осуществляется преимущественно в устной форме. Письменная продукция не существует или же крайне незначительна (какова бы ни была его символическая функция).

5. Нет доступа к таким средствам массовой информации, как радио и телевидение.

6. Приобретение языка происходит преимущественно в семье, а не в школе.

7. Его социальная значимость ограничена, знание языка не дает преимуществ для его носителей в плане социальной мобильности или профессионального роста.

8. Минорируемый язык находится не в конкурирующем положении по отношению к другим языкам, а в дополнительном: веикулярные (*véhiculaire*) функции осуществляются доминирующим языком, минорируемый язык осуществляет вернакулярные (*vernaculaire*) и символические функции.

9. Функциональное распределение отношений между минорируемым языком и доминирующим стабильно на протяжении длительного периода времени.

10. Минорируемый язык не подвергается процессу нормализации/стандартизации. Варианты данного языка не являются объектом унификации; не создается обработанный вариант языка, или он не распространяется; минорируемый язык не подвергается процессу грамматикализации (сокращения вариативных форм посредством письменности и создания письменной продукции на основе стандарта, объекта металингвистического описания) и не обладает средствами регуляции его использования (словари, кодификация орфографии...).

Десять вышеперечисленных критериев представляют собой набор дистинктивных признаков, определяющих минорируемый язык. Но, как отмечал Жан-Мишель Касбарян в параграфе, предшествующем данному перечню, минорируемый язык может «характеризоваться по всем или по части» данных критериев. Так, первый критерий связан со статусом языка (официальным, ко-официальным или национальным), которых минорируемый язык иметь не должен. И если это верно для подавляющего большинства минорируемых языков (например, для курдского в Турции или баскского во Франции), то все же есть исключения. В качестве примера можно привести ретороманский язык (*romanche*) в Швейцарии (но также и гуарани в Парагвае), который, несмотря на свой официальный статус в кантоне Гризон, в рамках всей Швейцарской Конфедерации в целом (статья 70-1 швейцарской Конституции от 1999 года¹⁷) находится в ситуации доминирования со стороны официальных в данном кантоне немецкого и итальянского языков.

Уязвимое положение носителей ретороманского языка, несмотря на его официальный статус и на его преподавание как в классической форме, так и в форме методик погружения, — яркий пример его минорации. Цитируем работу Реми Жоливе: «Идея, согласно которой часть ретороманского языка деградировала бы тем меньше, чем более обеспеченно его место в системе образования, (...) поставлена под сомнение» [Jolivet 2004: 325].

Попутно заметим, что третий критерий, согласно которому минорируемый язык не может быть языком преподавания или предметом изучения в системе образования, также может быть поколеблен примером ретороманского языка.

Для каждого из десяти вышеперечисленных критериев можно найти контр-примеры, за исключением, может быть, только девятого. Он определяет функциональные отношения между минорируемым языком и доминирующим, которые должны быть «стабильны на протяжении длительного периода времени». Подобная стабильность отношений между минорируемым языком и доминирующим

¹⁷ «Официальными языками Конфедерации считаются немецкий, французский и итальянский. В отношении с лицами ретороманского языка официальным языком является также ретороманский».

на протяжении длительного времени, как кажется, факт неоспоримый, о каких бы языках речь ни шла. Доминирующее положение турецкого, французского, немецкого или испанского языков по отношению, соответственно, к курдскому, бретонскому, ретороманскому или гуарани, длится на протяжении десятков лет, если не столетий, и, по всей видимости, будет не только продолжаться, но и укрепляться.

Завершая размышления относительно критериев Жана-Мишеля Касбарьяна, каждый из которых, взятый отдельно недостаточен для определения минорируемого языка, хотелось бы заметить, что существуют языки, которые могут быть охарактеризованы всеми критериями одновременно. Как представляется, ситуация курдского языка в Турции может послужить подобным примером минорации¹⁸ и даже более того. Если можно говорить об иерархии ситуаций, то курдский язык со всей очевидностью представляет собой кандидата, подходящего под категорию *миноризируемого языка* (*langue minorisée*), термина, о котором пойдет речь далее.

МИНОРИЗИРУЕМЫЙ ЯЗЫК

Этот термин, часто смешиваемый с близким ему термином *минорируемый язык*, от которого он образован, хотя и уступает по важности двум предыдущим, но может быть полезен при описании ряда конкретных ситуаций. Начнем анализ с данных TLFi¹⁹ с целью выявить значения глагола миноризировать (*minoriser*). Даже если данные электронного словаря оказываются недостаточным, они, тем не менее, позволяют понять причины регулярного смешения понятия *мирируемый* и *миноризируемый языки*. Глагол *миноризировать* (*minoriser*) определяется как синоним глагола *минорировать* (*minorer*), однако суффикс *-из-* (*-ise-*) добавляет глаголу новый смысл, отмеченный Ксенией Джорджевич [Djordjevic 2006: 298—299]²⁰:

«...Мы предпочитаем говорить о минорируемом языке, а не о миноризируемом. Первый термин в большей степени подчеркивает факт минорации в качественном и функциональном аспектах (язык расценивается как имеющий меньшую значимость и меньшую легитимность в силу навязанной диглоссии), в то время как второй термин, как нам представляется, более подчеркивает количественные различия (язык, число носителей которого было сознательно уменьшено (...))».

Таким образом, следуя определению, вернее уточнению, Ксении Джорджевич, станет возможным определить *миноризируемый язык* как подкатегорию *минорируемого языка*. Миноризируемый язык — это минорируемый язык в отношении другого доминирующего языка, но который подвергается минорации в результате осознанных действий его носителей или же государства или правительства. Если мы вернемся к ситуации курдского языка в Турции, то очевидно, что этот язык является *миноризируемым*, поскольку, помимо доминирования турецкого в качественном и функциональном плане на территории страны, он стал объектом политики девалоризации со стороны турецкого государства, причем даже в тех регионах, где этот язык совершенно очевидно и мажоритарный, и исторический. Сход-

¹⁸ По этому вопросу мы отсылаем к работам Акина [Akin 2004: 22—25].

¹⁹ TLFi (*Trésor de la langue française informatisé*).

²⁰ Данное различие смыслов было отмечено не только в этой работе, см. также [Huck, Blanchet 2006].

ная ситуация наблюдается с региональными языками Франции, которые рассматриваются в качестве миноритарных и минорируемых. Современный статус этих языков стал результатом длительной кампании по их миноризации, начавшейся в период революции и отмеченный анкетой аббата Грегуара [Abbé Grégoire, 1794] и продолжавшейся в течении XIX и XX веков. Желание утвердить по идеологическим соображениям французский язык на всей территории Франции привело революционеров к сознательному решению понизить потенциальные права региональных языков (*patois*²¹) с целью минимизировать их использование.

Три термина, используемые, часто неточно, для классификации миноритарных языков, теперь можно считать эксплицитными и определенными. Остается еще одна номинация — *язык в миноритарной ситуации*. Несмотря на то, что эта последняя применяется чаще всего к описанию языков в контексте иммиграции, она близка к тому, что попадает под категорию *минорируемый язык*, и на этом основании может быть включена в данную типологию.

ЯЗЫК В МИНОРИТАРНОЙ СИТУАЦИИ

Данная номинация применяется, как правило, для описания ситуации миноритарии, в которой оказываются языки, являющиеся мажоритарными и доминирующими в своих странах и регионах, но оказавшиеся в условиях иммиграции. Она близка к номинации *минорируемый язык*, но не эквивалентна ей, поскольку языки в ситуации миграции обладают рядом социолингвистических особенностей. Действительно, минорируемый язык — это язык со сниженным значением и ценностью. В автохтонных и эндогенных ситуациях — это языки, испытывающие давление со стороны доминирующего языка и его носителей. Но такое понимание в целом соответствует и может быть применено и к языкам иммиграции. Язык иммиграции по определению становится миноритарным и минорируемым, хотя бы в силу нахождения на территории, где он является не историческим, экзогенным языком. Введение дополнительного термина *язык в миноритарной ситуации* оказывается, в принципе, излишним, если мы апеллируем набором из трех категорий (миноритарный язык, минорируемый язык и миноризируемый язык). Однако он может оказаться полезным, чтобы подчеркнуть различие, с одной стороны, между языками, которые были уже минорируемыми в стране происхождения и стали дважды минорируемыми, оказавшись в ситуации иммиграции, и, с другой стороны, между мажоритарными языками в странах исхода, попадающими в ситуацию минорирования только в ситуации иммиграции. Так, курдский язык во Франции станет минорируемым языком в миноритарной ситуации, а португальский — языком в миноритарной ситуации. Тем не менее, номинация *минорируемый язык* остается предпочтительной, поскольку она вполне достаточна для составления данной типологии.

²¹ Название, данное революционерами, является скорее категоризацией и закрепилось в языке для пейоративного обозначения языков и диалектов. С течение времени оно потеряло отрицательные коннотации, по крайней мере в среде лингвистов, которые стали его употреблять в научном смысле. См. Matinet [Matinet 1970: 152—153] и Walter [Walter 2008: 26—27], цитированные Viaut [Viaut 2014: 330—331].

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ОБЗОР И ПРИМЕНЕНИЕ В СИТУАЦИЯХ

Представляется, что в наиболее наглядном виде обзор рассмотренных понятий может быть представлен в виде таблицы, комментарии к которой, резюмирующие анализ дефиниций, будут приведены ниже.

Таблица

**Шесть различных статусов эндогенного языка
(на своей исторической территории)**

Статус языка				Примеры
мажоритарный	миноритарный	официальный	минорируемый	
X		X	X	Белорусский в Белоруссии
X		X		Французский во Франции
X			X	Курдский в Турции (восточной)
	X	X	X	Ретороманский в Швейцарии (Гризон)
	X	X		Каталанский в испанской Каталонии
	X		X	Баскский во французской Стране басков

Составлено А. Паско

Два первых статуса *мажоритарный* и *миноритарный* ни при каких обстоятельствах не могут быть применены к одному и тому же языку в одних и тех же условиях, следовательно, они находятся в дополнительном распределении. Два вторых статуса могут дополнять вместе или по отдельности два первых. Официальный характер языка является статусом, а не признанием его как такового: например, баскский язык официально признан во Франции в качестве языка Франции в документах Генеральной делегации по французскому языку и языкам Франции²²) и изменениях, внесенных в Конституцию Франции в 2008 году²³, но не имеет никакого официального статуса. Номинация *миноризируемый язык* не учитывается в данной таблице из практических соображений. Она является подкатегорией *минорируемого языка*, и ее присутствие в данной таблице представляется необязательным.

Первый тип представляет собой крайне редкий случай мажоритарного, официального, но одновременно минорируемого языка. Представляется, что белорусский язык в Белоруссии все же может служить примером подобной ситуации: будучи языком большинства населения и официальным языком страны, он, тем не менее, испытывает доминирующее воздействие со стороны русского языка, доминирующего языка бывшего советского пространства, а также языка с большим культурным и статусным потенциалом.

«Это доминирование сформировалось в момент революции, результатом которой стало развитие белорусского языка в качестве языка школьного обучения, а следовательно, как языка белорусской культуры, что позволило начать обсуж-

²² Délégation générale à la langue française et aux langues de France (DGLFLF).

²³ Конституция Французской Республики, статья 75-1, созданная на основе конституционного закона № 2008-724 от 23 июля 2008 года и модернизовавшая институты V Республик, статья 40: «Региональные языки составляют национальное достояние Франции».

дать вопросы о важности образования и культуры. Главенствующие позиции в этой области остались за русским языком. Далее, техническое развитие белорусского общества осуществлялось в городах, следовательно, техническая культура была русскоговорящей. Таким образом, наиболее амбициозные белорусы, чтобы получить доступ к престижным сферам, выбирали русский язык в ущерб белорусскому. Затем ими была развита аргументация, поддержанная и деревенскими жителями, в которой развивались тезисы о превосходстве городского статуса и их русского языка над белорусским, языком деревни и крестьянства. Этот последний был сведен к фольклорному элементу, хотя часто и не без чувства теплой привязанности к нему» [Jeauthau 2003: 104].

Под второй тип попадают случаи большинства официальных европейских языков. Язык является официальным в рамках государства и на основании этого мажоритарным внутри него. К таковым относятся французский во Франции, португальский в Португалии, немецкий в Германии и многие другие.

Третий тип, мажоритарный минорируемый язык, более редок, несмотря на то, что его можно часто наблюдать в больших странах, на территориях которых проживают этнические, религиозные или языковые меньшинства. Показателен пример курдского языка на востоке Турции. Несмотря на подавляющее большинство курдского населения в восточных регионах страны (Восточная и Юго-Восточная Анатолия), язык этого населения является минорируемым со стороны государства, одноязычного в правовом отношении:

«Между курдским и берберским языком общим является то, что они минорируемы на собственных исконных территориях (...). На курдском языке говорят 35 миллионов человек в Иране, Ираке, Сирии и Турции. Но только в Ираке курдский наряду с арабским является официальным языком страны, в Турции же, где, по данным Европейской комиссии, на курдском говорят от 15 до 20 миллионов жителей, он не обладает никаким статусом» [Akin 2006: 57—58].

Подобные случаи мажоритарных и одновременно минорируемых языков вытекают из их неофициального характера, но также, как это происходит с курдским языком, из их непризнания. Языки, не имеющие официального статуса в странах, где на них говорят, подвержены естественной тенденции к минорации, поскольку их место в обществе не определено. Это касается как школы, так и административной сферы. Интересно отметить, что отсутствие официального статуса часто (всегда?) приводит к минорации, но минорация может быть и в случае наличия официального статуса (белорусский язык).

Четвертый тип представляет собой случай миноритарного, официального и минорируемого языка на своей исконной территории. Обычно, а согласно европейской точки зрения всегда, язык, который приобрел статус официального, редко является минорируемым, поскольку официальный статус дает право на ряд таких привилегий, как преподавание, административное и юридическое признание, что способствует процветанию языка и уменьшению или даже исчезновению отношений доминирующий/доминируемый язык. На деле, как это было показано на примере белорусского языка в Белоруссии, возможна такая конфигурация, что официальный и мажоритарный язык государства может быть минорируемым

по отношению к другому престижному языку. Последствия относительно недавнего советского прошлого этой страны ощущаются и сегодня. Сложным представляется случай ретороманского языка в Швейцарии, хотя число говорящих на нем неизмеримо меньше белорусофонов. Ретороманский, ко-официальный язык в Швейцарии наряду с немецким, французским и итальянским, является официальным языком кантона Гривон на востоке страны, где на нем говорит только часть населения, что позволяет классифицировать его как официальный, но миноритарный язык. Как уже было отмечено выше, официальный характер ретороманского языка не мешает факту его минорации, например, на уровне преподавания по сравнению с другими языками региона — итальянским и особенно немецким.

Типичными представителями пятой категории будут автохтонные языки Испании (*langues propres*). Это миноритарные и официальные языки, число говорящих на которых меньше, чем число говорящих в данном регионе на другом языке (испанском), но которые пользуются официальным статусом в регионе, где они являются исконными. Каталонский язык в Испанской Каталонии — типичный представитель данной категории. Язык признается официальным Хенералитетом Каталонии (*Generalitat de Catalunya*), но, согласно двум исследованиям *Idescat*, проведенным в 2003 и 2008 годах (см. выше), является миноритарным, поскольку на нем говорит менее пятидесяти процентов населения.

Наконец, шестая и последняя из возможных категорий представляет собой случай большинства миноритарных языков, в том числе, например, во Франции. Баскский язык, как бретонский или окситанский, — миноритарный и миноризируемые языки как во Франции в целом, так и на их исконных территориях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершении данной типологии представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что различные социолингвистические конфигурации подвергаются трансформациям в условиях миграции, где начинают действовать новые факторы минорации. Если для такого языка, как французский во Франции (тип 2) или каталонский в испанской Каталонии (тип 5) — это явление новое, то для других языков миграция влечет за собой вторичную минорацию, присоединяясь к первичной, испытанной в стране исхода. Языки, представляющие 1, 3, 4 и 6 типы, испытывают двойное давление, оказавшись языками миграции. Иная степень минорации отмечается в случае наличия официального статуса у языков на их исконных территориях. Такие государства, как Греция, Португалия, Испания и другие, помогают выходцам из этих стран в организации в странах пребывания языковых курсов, на которых преподаются официальные языки этих стран в рамках программы ELCO²⁴ или же при посредстве работы посольств и консульств. В тоже время очень

²⁴ ELCO: преподавание языков и культур происхождения. Европейская программа, включающая девять стран: Алжир, Хорватию, Испанию, Италию, Марокко, Португалию, Сербию, Тунис и Турцию. Реализована на базе двусторонних договоров, опирается на европейскую директиву от 25 июля 1977 года о школьном образовании детей трудовых мигрантов.

трудно, если вообще возможно, получить помощь страны исхода для изучения неофициального и непризнанного языка, например, курдского языка для мигрантов-курдов.

Языки, представляющие типы 2 и 3 классификации, являющиеся официальными в странах своего происхождения, становятся минорируемыми в условиях миграции в силу утраты языком официального статуса, примером может послужить греческий во Франции.

Языки, представляющие 1 и 4 типы, официальные и минорируемые в собственных странах, например, ретороманский за пределами кантона Гривон в Швейцарии, в условиях миграции испытывают двойную минорацию: язык не является официальным на новых территориях проживания населения, что приводит к минорации, дополняющей минорацию на исконных землях проживания.

Наконец, языки, представляющие типы 3 и 6, не имеющие никакого официального статуса в своих странах и являющихся там минорируемыми, испытывают тройную минорацию в условиях миграции: язык минорируем фактом миграции, минорируем в стране исхода, что усугубляет ситуацию, поскольку данный язык не может рассчитывать на помощь государства-исхода для организации обучения для своих носителей, что может привести к усилению минорации.

© Паско Антуан

Дата поступления: 1.05.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

REFERENCES

1. Akin, Salih (2004). Comment ne pas nommer une langue? Le cas du kurde dans le discours juridique turc. *Babylonia*, n°1, pp. 23—25.
2. Akin, Salih (2006). La Charte européenne des langues, les “langues des migrants” et les “langues dépourvues de territoire”, *Lengas, revue de sociolinguistique*, n°59. pp. 51—66.
3. Allardt, Erick (1992). Qu'est-ce qu'une minorité linguistique? in Giordan, Henri (dir.), *Les minorités en Europe: droits linguistiques et droits de l'homme*. Paris: Kimé. pp. 45—54.
4. Badie, Bertrand (1995). *La fin des territoires. Essai sur le désordre international et sur l'unité sociale du respect*. Paris: Fayard.
5. Baud, Pascal; Bourgeat, Serge & Bras, Catherine (1995). *Dictionnaire de géographie*. Paris: Hatier.
6. Baylon, Christian & Mignot, Xavier (2005). *Initiation à la sémantique du langage*. Paris: Armand Colin.
7. Boyer, Henri (dir.) (1996). *Sociolinguistique, territoire et objets*. Lausanne: Delachaux et Niestlé.
8. Boyer, Henri (2006). Présentation, *Ela. Études de linguistique appliquée*, n°143. pp. 261—263.
9. Boyer, Henri & Natali, Caroline (2006). L'éducation bilingue au Paraguay ou comment sortir de la diglossie, *Ela. Études de linguistique appliquée*, n°143. pp. 333—353.
10. Brunet, Roger (2001). *Le déchiffrement du monde, théorie et pratique de la géographie*. Paris: Belin.
11. Brunet, Roger; Ferras, Robert & Thery, Hervé (1993). *Les mots de la géographie, dictionnaire critique*, 3^{ème} édition, Montpellier. Paris: RECLUS/La documentation française.
12. Conseil de l'Europe (1992). *Charte européenne des langues régionales ou minoritaires*, <http://conventions.coe.int/treaty/fr/Treaties/Html/148.htm> (consulté le 26 Juillet 2014).
13. Conseil de l'Europe (1993). *Rapport Explicatif de la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires*, <http://conventions.coe.int/treaty/fr/Treaties/en/Reports/Html/148.htm> (consulté le 26 Juillet 2014).

14. Dannequin, Claudine (1997). La Charte européenne des langues régionales ou minoritaires, *Mots*, n°52, pp. 152—157.
15. Depecker, Loïc (2002). *Entre signe et concept. Eléments de terminologie générale*, Paris: Presses Sorbonne Nouvelle.
16. Djordjevic, Ksenija (2006). Mordve, langue minoritaire, langue minorée: du discours officiel à l'observation du terrain, *Ela. Études de linguistique appliquée*, n°143, pp. 297—311.
17. Grégoire (abbé), Henri-Baptiste (1794). *Rapport sur la Nécessité et les Moyens d'anéantir les Patois et d'universaliser l'Usage de la Langue française. Séance du 16 prairial, l'an deuxième de la République, une et indivisible; suivi du décret de la Convention nationale, imprimés par ordre de la Convention nationale, et envoyés aux autorités constituées, aux sociétés populaires et à toutes les communes de la République*, <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm> (consulté le 26 Juillet 2014).
18. Huck, Dominique & Blanchet, Philippe (dirs.) (2006). *Minorations, minorisations, minorités: études exploratoires*, Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
19. IDESCAT (2009): *Esquesta d'usos lingüístics de la població 2008*, Barcelone, Generalitat de Catalunya.
20. Jeantheau, Jean-Pierre (2003). Bélarus: de la langue à l'Etat, *Glottopol, revue de sociolinguistique en ligne*, n°1, pp. 98—109, http://www.univ-rouen.fr/dyalang/glottopol/numero_1.html (consulté le 26 Juillet 2014).
21. Jensdottir, Régina (2002). Qu'est-ce que la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires? *Herodote*, n°105, pp. 169—177.
22. Jimenez-Salcedo, Juan (2011). Quelques pistes méthodologiques en démolinguistique: la langue catalane et son Enquête d'usages linguistiques, *Cahiers québécois de démographie*, n° 40/1, pp. 13—38.
23. Jolivet, Rémi (2004), «Enseignement et maintien d'une langue menacée: le romanche» in Feuillard, Colette (éd.), *Créoles — Langages et Politiques linguistiques*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2004.
24. Kasbarian, Jean-Michel (1997). Langues minorées et langues minoritaires» in Moreau, Marie-Louise (éd.) (1997). *Sociolinguistique: concepts de base*, Sprimont: Mardaga, pp. 185—188.
25. Levy, Jacques; Lussault, Michel (2003). *Dictionnaire de la géographie et de l'espace des sociétés*, Paris: Belin.
26. Mackey, William F. (1976). *Bilinguisme et contact des langues*. Paris: Klincksieck.
27. Martinet, André (1970). *Eléments de linguistique générale*. Paris: Armand Colin.
28. Pascaud, Antoine (2008). *Pratiques et vitalité des langues d'immigration européennes en France: le cas du Portugais à Angoulême*, Mémoire de Master, Université Michel de Montaigne Bordeaux III (directeur: Alain Viaut). Non publié.
29. Pascaud, Antoine (2014). *Langues d'immigration et rapport au territoire. Le cas des communautés migrantes européennes dans l'agglomération de Bordeaux*, Thèse de Doctorat, Université Bordeaux Montaigne (directeur: Alain Viaut). Non publiée.
30. Saussure (de), Ferdinand (1916). *Cours de linguistique générale*, Paris: Payot (édition 1995).
31. Viaut, Alain (2006). Les langues “historiques de l'Europe” et la Charte européenne des langues, *Lengas, revue de sociolinguistique*, n°59, pp. 67—81.
32. Viaut, Alain (2014). Langue et territoire à travers les notions désignant les langues en situation minoritaire en France et en Russie In Viaut, Alain; Moskvitcheva, Svetlana (dirs), *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique*, Pessac: Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine.
33. Viaut, Alain & Pailhé, Joël (dirs) (2010), *Langue et espace*, Pessac: MSHA.
34. Walter, Henriette (2008), *Aventures et mésaventures des langues de France*. Paris: Editions du temps.
35. Woehrling, Jean-Marie (2005). *La Charte européenne des langues régionales ou minoritaires: un commentaire analytique*. Strasbourg: Editions du Conseil de l'Europe.

УДК: 81'276:81'282:323.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102

MINORITY LANGUAGES, MARGINALIZED LANGUAGES, MINORITIZED LANGUAGES OR LANGUAGE IN A MINORITIAL SITUATION? ATTEMPTED DEFINITION AND PERFORMANCES

Antoine Pascaud

UMR 5478 IKER, University Bordeaux Montaigne
Domaine Universitaire, 19 Esplanade des Antilles, 33607 Pessac, France

Abstract. The article presents a sociolinguistic typology of languages that make up the categorical field of a linguistic minority. Meanings and connotations behind such concepts as minorization and minorization are considered, semantic analysis is presented, similarities and differences of such nominations of minority languages, marginalized language, minoritized language and a language in a minoritial situation are given. The semantic analysis is supported by the description of situations corresponding to different categories. While creating a typology the author shows the role of extralinguistic quantitative and qualitative parameters influencing the sociolinguistic type of language. He emphasizes that minority and minoritized languages are not synonymous since the first one is primarily based on quantitative parameters of various types, mostly demologistic, and second one lies on qualitative parameters, macro-sociolinguistic, functional and sociocultural associated with its status. Special attention is drawn to languages that are put into the conditions of migration as they may experience double or triple pressure from the dominant languages due to their initial status.

Key words: sociolinguistics, semantics, categorization, minority language, situation of minority

Для цитирования:

Паско А. Миноритарный язык, минорируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1084—1102. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

For citation:

Pascaud A. (2017). Minority languages, marginalized languages, minoritized languages or language in a minoritial situation? Attempted definition and performances. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1084—1102. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

Antoine Pascaud, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1084—1102. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

Сведения об авторе:

Паско Антуан, доктор филологических наук, ассистент Университета Бордо Монтень; *научные интересы:* социолингвистика, типология миноритарных языков, региональные языки Франции; *e-mail:* antoine.pascaud1@gmail.com, antoine.pascaud1@gmail.com

Bio Note:

Pascaud Antoine, PhD, professor assistant at the Bordeaux Montaigne University; *scientific interests:* sociolinguistics, typology of minority languages, regional languages of France; *e-mail:* antoine.pascaud1@gmail.com



УДК: 811.581

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1103-1117

КАТЕГОРИЗАЦИЯ НОМИНАЦИЙ ЯЗЫКОВ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

С.А. Москвичева, Ли Сюэ

Российский университет дружбы народов

117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 6, Российская Федерация

В статье представлена в первом приближении социолингвистическая категоризация языков Китайской Народной Республики. Социально-политические номинации языков любого региона являются производными от факторов социального, политического, исторического, этнического и собственного лингвистического порядка. Результатом является создание терминологии дискурсивной, а не онтологической природы. Следовательно, в каждом конкретном случае создается своеобразная структура категорий с уникальными семантическими связями между номинациями, что приводит к принципиальной неэквивалентности смыслов, стоящих за схожими номинациями в разных языках и культурах, и затрудняет адекватный перевод и передачу данных смыслов. В статье рассмотрены прототипические номинации языков китаеязычного пространства, исследованы стоящие за ними смыслы, показана их специфика по сравнению с другими языковыми пространствами. Основное внимание уделено номинациям, обозначающим стандартный китайский язык в его вариантах, диалекты и языки национальных меньшинств. Терминологическое поле номинаций рассматривается как принципиально дискурсивное, то есть как проекция идеологий разного типа, трансформирующая онтологические сущности.

Ключевые слова: социолингвистика, семантика, языковая политика, языковое планирование, категоризация, социо-политические категории языков, социальные функции языка

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа вписывается в проблематику исследований социально-политических категорий миноритарных языков [Viaut, Moskvitcheva 2012; Busquet, Platon, Viaut 2012], в которых вопросы категоризации языков были рассмотрены в рамках европейского региона, нами же сделана попытка применить разработанную методику описания для китаеязычного социолингвистического пространства, включающее помимо материкового Китая также Тайвань и Гонконг. Однако преимущественное внимание было уделено социолингвистической ситуации в Китайской Народной Республике. Терминологическое поле номинаций, категоризирующее социолингвистическое пространство, понимается нами как принципиально дискурсивное, как проекция языковых и иных идеологий на трансформируемые онтологические сущности. Взаимодействие идеологических и онтологических факторов приводит к формированию уникальных для каждого региона структур, со специфическими объемом понятия и смысловыми отношениями между номинациями языков.

Специфика социолингвистических категорий языков в КНР обусловлена в том числе идеографическим характером китайской письменности и совершенно особой ролью литературного письменного языка в истории Китая, по ряду параметров отличной от роли алфавитного письма в Европе. Это наложило отпечаток на формирование языковой идеологии и реализацию языковой политики и планирования в Китае [Сердюченко 1959; John De Francis 1984; Завьялова 1996, 2010; Титаренко 2008; Wang Dengfeng 2008; Исхаков 2016 и др].

Кажется очевидным, что «китайцы» говорят на «китайском языке». Однако на самом деле как таковой «китайский язык» чаще всего понимается как одна из категорий языков в Китае, а именно стандартный язык — путунхуа. Наряду с путунхуа в Китае десятки других идиом — языков и диалектов — отношения между которыми весьма непростые и требуют серьезного и глубокого изучения. В настоящей статье предпринята попытка дать описание социолингвистических номинаций языков Китая и их категоризации с опорой на статус данных языков, определенный Конституцией Китайской народной республики и рядом законов.

ОБЩАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ КИТАЯ

Китайский язык является наиболее распространенным современным языком в мире, число говорящих на котором достигает 1 302 000 000¹. Китайский язык является также одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций. В качестве наиболее широкой категории используется номинация 中国话 (чжун го хуа) ‘язык(и) Китая’, ‘китайский(ие) язык(и)’. Значение единственного или множественного числа данной номинации актуализируется только в контексте. Интересно отметить, что синонимом к данной номинации служит 汉语 (хань юй) ‘ханьский язык’, то есть язык этнической группы хань. Например, в китайской энциклопедии «Байду байке» (аналог Википедии в Китае) номинация *китайский язык* представлена следующей дефиницией:

中国话 (汉语)

广义的中国话是指中国境内的各种语言。相对于狭义的中国话来说，还包括各种少数民族语言。而狭义的中国话即为汉语²。

Таким образом, понятие *китайский язык* оказывается весьма сложным и включает в себя две основные социолингвистические категории: *современный китайский язык* (язык этноса хань) и *этнические языки*. В свою очередь современный китайский язык (синоним — *современный ханьский язык*) подразделяется

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_языков_по_количеству_носителей. Дата обращения 22.06.2017.

² Китайский язык (ханьский язык). В широком смысле относится к разным языкам в пределах границ Китая. По отношению к узкому значению данного слова [собственно китайский язык, язык этноса хань] включает разные языки этнических меньшинств. В узком смысле китайский язык понимается именно как язык этноса хань. (Перевод наш — Ли Сюэ) <http://baike.baidu.com/item/中国话/18214> — viewPageContent. Дата обращения к источнику 22.06.2017.

на подкатегорию *стандартный язык* и подкатегорию *диалекты*. Под *этническими языками* в Китае обычно понимаются языки этнических меньшинств, и среди которых наиболее типичный пример представляют *языки автономных областей*.

В таблице 1 приведена социолингвистическая категоризация, представляющая номинацию «китайский язык», анализ которой дан ниже.

Таблица 1

Категоризация номинации *китайский язык*

汉语 китайский язык			
现代汉语 современный китайский язык или современный ханьский язык		民族语言 этнический язык	
标准语 стандартный язык	方言 диалекты	少数民族语言 языки этнических меньшинств	
путунхуа 普通话 (одно из двух названий стандартного языка, употребляется в материковом Китае, Гонконге и Макао) гоуй: 国语 государственный язык (одно из двух названий стандартного языка, использовалось в материковом Китае с 1909 по 1949 г.; в области Тайвань название с 1949 г. употреблялось и употребляется до сих пор)	7 大方言 семь основных диалектных групп	民族自治区语言 языки автономных областей	其他地区少数民族语言 языки этнических меньшинств основных областей

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ЯЗЫКОВ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИК

Современный китайский язык (现代汉语)

«Современный китайский язык» (кит. 现代汉语 [сяньдай ханьюй]), или современный ханьский язык, является общим языком современного китайского народа Хань (китайцы в широком смысле).

Большинство китайских лингвистов (Чжан Тайянь, Шэнь Цзяньши, Ху Илу, Цюй Цюбо, Ху Шэн и др.) полагают, что современный китайский язык представляет собой единый язык с естественной вертикальной и горизонтальной диалектной вариативностью. Существует и другая точка зрения, разделяемая иностранными и рядом китайских лингвистов (Лу Дяньян, Цао Бохань), согласно которой *современный китайский язык* является обобщающим названием для стандартного мандаринского языка, гуандунского (кантонского) языка, языков У, Мин, Хакка и ряда других. В таком случае современный китайский язык представляет собой кластер родственных языков. «Под кластером родственных языков понимается группа идиом, которые имеют общее происхождение. Лексика и синтаксическая структура этих разновидностей родственны и имеют много схожего»³ (перевод

³ 汉语是由一簇亲属语言组成的语族,在词汇、句法结构上有一定的共同特点和对应关系.

наш — Ли Сюэ) [Guo Xi 2004: 12]. Близкая точка зрения распространена и в советской/российской синологии: «В российской синологической традиции термин китайский язык имеет (...) те же значения, что и наиболее общий термин ханьюй в КНО. Первое значение — китайский язык в целом, включая его любые региональные и исторические формы: и по-китайски и по-русски можно сказать *ханьюй фаньянь* — «диалекты китайского языка». Второе значение термина ханьюй — официальная форма китайского языка, которая в современном китаезычном ареале Азии именуется путунхуа (гоюй, хуаюй)» [Завьялова 2010: 37].

Стандартный мандаринский (标准语)

Стандартный язык является вариантом языка с высшим социальным статусом. Как правило, стандартный вариант представляет собой общий язык данной страны и употребляется в образовании, в официальной деятельности и в других наиболее престижных социальных сферах.

Создание, развитие и внедрение стандартного китайского заняло длительный период времени и оказалось тесно связанным с политическими событиями в Китае XX века. Стандартная форма китайского языка имеет ряд названий: *путунхуа* (кит. 普通话), *гоюй* (кит. 国语), *хуаюй* (*хуавень*) (кит. 华语). В процессе ее становления большую роль сыграла *Кампания по продвижению государственного языка* (кит. 国语运动), проводившаяся в период с 1902 (конец династии Цинь) и до 1949 года⁴. Кратко остановимся на этапах развития стандартного языка.

Мандаринское наречие: старое название китайского официального языка также называется *Гуаньхуа* (кит. 官话; буквальный перевод: чиновничья речь), оно представляет собой одну из семи основных диалектных групп китайского языка, сыгравшую особую роль в становлении современного стандарта. В силу того, что стандартный язык развит на основе *гуаньхуа*, в схеме он отмечен отдельно. Стандартный язык (кит. 标准语) является общим названием и *путунхуа*, *гоюй* и *хуаюй*. Ниже мы вернемся к этому вопросу и остановимся на причинах существования трех данных названий.

Гоинь (кит. 国音); буквальный перевод: государственное произношение): стандартное произношение китайского языка, подразделяется на *старый* (1913—1928 г.) и *новый* (с 1928 г.) *гоинь*.

Чжуинь цзыму (кит. 注音字母; буквальный перевод: фонетический алфавит): буквы для обозначения звуков, в 20-х гг. XX века *чжуинь цзыму* представлял собой государственную фонетическую систему для транскрибирования китайского языка. В 1930 году *чжуинь цзыму* был переименован в *чжуинь фухао* (кит. 注音符号; буквальный перевод: фонетические символы). Причина переименования заключалась в следующем: функция данной графической системы сводилась исключительно к обозначению звучания, а не созданию иероглифов, ‘фухао’ (кит. 符号:

⁴ <http://baike.baidu.com/item/国语运动>. Дата обращения к источнику 27.06.2017.

символ) более подходяще для выражения смысла ‘обозначение звучания’. Долгое года *чжуинь фухао* являлся официальной фонетической системой Тайваня при изучении китайского языка, его сменила введенный в 2002 году фонетический алфавит *тунъюн пиньинь* [Завьялова 2010: 235—240; You 2000; Guo Xi 2004 и др.], тогда как в материковом Китае используется транскрипция — *пиньинь*.

Пиньинь (кит. 拼音; буквальный перевод: запись звуков): более официальное название — *ханьюй пиньинь* (кит. 汉语拼音; буквальный перевод: запись звуков китайского языка), официальная стандартная транскрипция китайского языка, основан на литинской графике. *Пиньинь* пришел на смену *чжуинь фухао*. Новое название было принято в 1958 году. В Китае *пиньинь* имеет официальный статус [Guo Xi 2004; электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Путунхуа>].

СТАНОВЛЕНИЕ СТАНДАРТА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: БАЙХУА — ГОЮЙ — ПУТУНХУА

Кратко остановимся на истории становления китайского литературного (стандартного) языка.

В 1909 году правительство династии Цин впервые называет пекинское *мандаринское наречие* «государственным языком» (гоюй, кит. 国语), что означало введение официального статуса для китайского языка и соответствующей номинации. В 1913 году в Пекине состоялась *Конференция по унификации чтения иероглифов*⁵, в ходе которой было принято решение о принятии стандартного произношения китайского языка для *старого гоинь* (老国音) и о фонетическом алфавите — *чжуинь цзыму* (注音字母). В 1923 году *Подготовительная комиссия по унификации государственного языка Министерства Образования Китайской Республики*⁶ на основе грамматики современного книжного языка *байхуа* (白话文, буквальный перевод: повседневный язык) и фонетики пекинского диалекта создала стандартный китайский язык, сохранив прежнее название *гоюй* (国语: государственный язык).

В 1928 году произошло преобразование *Подготовительной комиссии по унификации государственного языка в Подготовительный комитет для унификации государственного языка*⁷. На основе бывшего стандартного произношения (старый Гоинь, кит. 老国音) комитет утвердил *новое государственное произношение* — *новый гоинь* (新国音). В 1932 году, после публикации *Словаря государственного произношения для повседневного использования*⁸ гоюй (国语) стал официальным языком Китая эпохи Гоминдана. В 1949 году по окончании гражданской войны образовалась Китайская Народная Республика. Гюй на материковом Китае (территория КНР

⁵ 读音统一会

⁶ 中华民国教育部国语统一筹备会

⁷ 国语统一筹备委员会

⁸ 国音常用字汇

за вычетом Гонконга и Макао и Тайваня) был переименован в *путунхуа*. Поскольку силы Гоминьдана отступили и обосновались на острове Тайвань, название *гоюй* сохранилось и используется на Тайване до сих пор.

В 1955 году была разработана и принята запись звуков китайского языка — пиньинь (拼音), заменив существовавшие ранее фонетические символы чжунинь фухао (注音符号). Пиньинь стал официальной стандартной транскрипцией китайского языка в материковом Китае;

Закон КНР о национальном языке и письменности от 31 октября 2000 года завершил процесс формирования стандарта и определил *путунхуа* как общеупотребительный язык на всей территории Китая. Однако с 1949 года по настоящее время стандартный язык Китая продолжает иметь два названия: *путунхуа*, которое употребляется в материковом Китае и в областях Гонконг и Макао, и *гоюй*, используемое на Тайване.

ПУТУНХУА И ГОЮЙ

Общеупотребительный китайский язык, или общепринятый разговорный язык, называется *путунхуа* (普通话) — буквальный перевод ‘общераспространенный язык’. «Фонетика и лексика *путунхуа* основана на произносительной норме пекинского диалекта, принадлежащего северной группе диалектов китайского языка. Грамматика *путунхуа* соответствует нормам, закрепленным в литературных произведениях на современном книжном языке байхуа (白话文), которые также наиболее близки к северным диалектам» [Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Путунхуа>]. *Путунхуа* является общим языком для всей страны. Он употребляется для обеспечения единства и стандартизации языка, для облегчения коммуникации между людьми из различных регионов, а также для преодоления препятствий, связанных с диалектным дроблением китайского языка.

Гюй (кит. 国语, буквальный перевод: государственный язык) является названием литературного/стандартного языка, употребляемым на Тайване. Между *путунхуа* и *гоюй* имеется все же ряд различий, прежде всего фонетического плана. Произношение *гоюй* основано на тайваньской норме, которая сформировалась под влиянием миньнаньхуа (кит. 闽南话: южноминьский язык), одной из подкатегорий диалекта Минь (кит. 闽方言), сильно отличающегося от диалекта Хакка (кит. 客家方言). Это один из основных языков, употребляемых тайваньским населением в повседневной жизни. В произношении *гоюй* имеется целый ряд фонетических особенностей в сравнении с *путунхуа*, что приводит к появлению тайваньского акцента.

Произношение *путунхуа* представляет собой нормативный вариант, основанный на пекинском диалекте. Таким образом, *путунхуа/гоюй* является полистандартным языком. В области Тайвань *гоюй* используется в разных сферах общества: в образовании, в административной деятельности, в повседневной коммуникации и т.д. Например, в школах и в университетах *гоюй* является языком обучения, пра-

вительственные учреждения работают на гоюй. В повседневном общении также используется гоюй, хотя ситуацию на Тайване скорее можно охарактеризовать как диглоссную, в силу широкого употребления миньнаньхуа.

Следует особо отметить, что в КНР нет так называемого «государственного языка», иными словами, называть *путунхуа* «государственным языком» нельзя. Причина заключается в том, что *гоюй* в период Китайской Республики (1911—1949) относился к общему языку китайского народа хань, а не к общему языку других этнических меньшинств. Китайская Народная Республика является единой полиэтнической страной, в которой языки и письменности всех этнических групп признаются равными. Если же продолжать использовать название *гоюй*, точным переводом которого будет ‘государственный язык’, может показаться, что ханьский язык (собственно китайский язык) превосходит другие языки этнических групп по статусу. Таким образом, правительство КНР приняло решение переименовать *гоюй* в *путунхуа*, так как слово *путун* (普通) в китайском языке обозначает «общий» и «общераспространенный». На Тайване название «гоюй» употребляется с 1949 года и до сих пор. Китайский язык Тайваня самостоятельно развивается более полувека, и, естественно, он постепенно приобрел черты, отличающие его от путунхуа, используемого на материковом Китае. Для разграничения двух стандартов китайский язык на Тайване называется *тайваньским гоюй* (кит. 台湾国语) или просто *гоюй* (кит. 国语). Китайской Народной Республикой гоюй не определяется и не может определяться как государственный язык Тайваня, поскольку не признается самостоятельность самой Китайской республики, контролирующей территорию острова. Тайвань считается частью КНР, а тайванский гоюй — вариантом стандартного китайского языка с тайваньским акцентом.

ДИАЛЕКТ (方言)

Фан янь (кит. 方言: наречие, диалект, говор; буквальный перевод: местный язык). Данный термин является наиболее нейтральным, не несет дополнительных смыслов и коннотаций, что обуславливает его широкое употребление. В китайском языке 方言 (Фан янь) может употребляться как общее название для обозначения социолингвистических категорий русского языка типа *наречие*, *диалект* и *говор*. Настоящая статья не ставит целью исследование и сравнение семантической структуры данного поля номинаций в русской и китайской традиции, поэтому мы ограничимся использованием слов *диалект* и *фан янь*, относящиеся как к территориальным, так и социальным идиомам.

Территориальные диалекты являются разновидностями языков, сформированными на базе географических различий. «Различные варианты одного языка, возникающие по мере зарождения различий общественных классов, пола, профессий, возраста и других социальных категорий, называется социолектом или социальным диалектом» [Guo Xi 2004: 54].

Нас прежде всего интересуют территориальные варианты китайского языка. Ход развития китайской культуры, исторические, социальные, политические, гео-

графические факторы способствовали образованию диалектов. Необходимо также учитывать собственно лингвистические и социолингвистические аспекты, например, дисбаланс в функциональном развитии территориальных идиомов, степень, характер и направление взаимодействия между ними и т.д.

Китайские диалекты составляют семь основных групп: мандаринское наречие (гуаньхуа фанянь, кит. 官话方言; буквальный перевод: чиновничья речь), диалект У (у фанянь, кит. 吴方言: диалект района Цзянсу и Чжэцзян), диалект Сян (сян фанянь, кит. 湘方言: хунаньский диалект), диалект Гань (гань фанянь, кит. 赣方言: цзянсийский диалект), диалект Хакка (кэцзяхуа, кит. 客家话: диалект района хакка), диалект Юэ (юэ фанянь, кит. 粤方言: гуандунский/кантонский диалект) и диалекте Минь (минь фанянь, кит. 闽方言: диалект района Фуцзянь). Мандаринское наречие также называется «севернокитайскими диалектами» (бэйфан фанянь, кит. 北方方言), а остальные шесть диалектных групп можно совместно называть «южнокитайскими диалектами» (нэньфан фанянь, кит. 南方方言). Внизу показано генетическое древо китайских диалектов [You, R. 2000], отражающее историю и развитие этих различных групп.

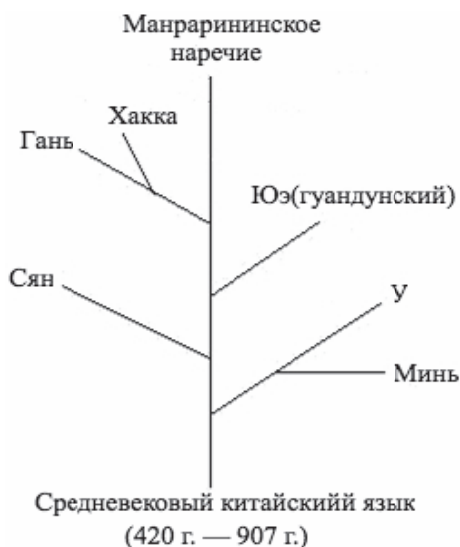


Рис. 1. Генетическое древо диалектов китайского языка

Различия между современными китайскими диалектами проявляется на уровне фонетики, лексики, грамматики. Особенно велика разница в произношении. В целом, разница внутри северокитайских, состоящих из 8 диалектных подгрупп, не столь значительна и взаимопонимание возможно. Так, вполне взаимопонятны шэньсийский и сычуаньский диалекты. Различия между северокитайскими и южнокитайскими диалектами, а также внутри самих южнокитайских диалектов очень существенны. Причина заключается в том числе в географическом факторе: на юге страны расположены горные массивы, что приводит к большему обособлению диа-

лектов. Каждый из южных диалектов китайского языка имеет особую систему произношения, лексики и грамматики, взаимопонимание между крайне затруднено, свободная коммуникация между носителями серных и южных диалектов невозможна.

Современные китайские диалекты существуют в устной форме, собственных форм письменностей у них нет. Для передачи произношения диалекта, если возникает такая необходимость, используются стандартные китайские иероглифы, с близким произношением. Например, в сычуаньском диалекте существует слово ‘диндин мао’ (таково произношение слова: на пиньинь [ding ding mao]) в значении ‘стрекоза’. На письме используется иероглифы 丁丁猫 (пиньинь: ding ding mao), значение которого можно было бы перевести как ‘какая-то кошка’. Часть ‘丁丁’ непереводима вообще.

Как видим, значение иероглифа в стандартном языке и диалекте не совпадают, и перед нами пример «фонетического» использования иероглифа.

Спорным и открытым остается вопрос о наличии собственного письма у ряда диалектов, в первую очередь у кантонского диалекта. Наиболее распространенная точка зрения китайских лингвистов по этому вопросу сводится к следующему. Письменность кантонского диалекта является по сути китайскими иероглифами, а не иной отдельной формой письма. В таком случае кантонскую письменность можно определить как «китайские иероглифы, употребляемые для передачи кантонского диалекта. Кантонская письменность не имеет официальной и стандартной письменной формы»⁹ [Электронный ресурс: <http://baike.baidu.com/item/粤语字>].

Подчеркнем несовпадение объема понятия *диалект* в русской (европейской) лингвистических школах и в Китае, что нужно учитывать при переводе текстов. Онтологические сущности, стоящие за данной номинацией, весьма различны в этих двух макрорегионах. Возможно, было бы рационально использование в ряде случаев термина *идиом*, как более адекватно отражающего языковую реальность вместо *диалект*, термина несущего определенные коннотации, но необходимо также учитывать сложившуюся традицию употребления.

ЭТНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК (民族语)

Китайская Народная Республика является единым, полиэтническим государством, где сосуществуют множество этнических групп, языков и письменностей. В соответствии с официальным делением КНР в Китае насчитывается 56 этнических групп. Например, ханьцы: хань цзу (кит. 汉族: Хань — ханьский, китайский и цзу — аббревиатура слова 民族 миньцзу ‘этническая группа, этнос’), маньчжуры (мань цзу, кит. 满; Мань — маньчжурский), тибетцы (цзан цзу, кит. 藏族; Цзан — Тибет, тибетский), монголы (мэнгу цзу, кит. 蒙古族; Мэнгу — Монголия, монголь-

⁹ Перевод наш — Ли Сюэ.

ский), уйгуры (вэйуэр цзу, кит. 维吾尔族; Вэйуэр — уйгурский), хуэй (хуэй цзу, кит. 回族; Хуэй — мусульмане, мусульманский), чжуаны (чжуан цзу, кит. 壮族; Чжуан — буи, чжуанский) и другие. По делению групп населения, этнические языки Китая можно разделить на *китайский (ханьский) язык* и *языки этнических меньшинств*.

Ханьцы, также народ Хань, берут название начало от династии Хань (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.), являются коренной этнической группой Китая и представляет собой крупнейший по населению и по территории этнос в Китае (92% от общей численности населения, около 1,3 миллиардов человек). Этнический язык Хань часто называется китайским языком, а его письменность — стандартные китайские иероглифы. К ним неприменимо понятие *этнические меньшинство*.

Остальные 55 этнических групп совместно именуется этническими *меньшинствами* (шаошу миньцзу, кит. 少数民族; дословный перевод: малочисленный народ; шао — мало, немного, шу — количество, миньцзу — этническая группа, этнос). Номинация ‘меньшинство’ в китайском языке не имеет отрицательного оттенка, второе его название ‘малочисленный народ’, который по количеству населения меньше, чем коренный народ. Население этнических меньшинств составляет 8% от общей численности населения. Этнические меньшинства признаются и охраняются государством и имеют определенные законом права.

Из 55 этнических меньшинств Китая 53 имеют собственные этнические языки, всего же в стране официально насчитывается 72 языка. Хуэй представляют собой религиозно-этническую группу, не имеет собственного этнического языка, целиком используя китайский язык. Маньчжуры очень давно и глубоко китаизированы, большинство из них сегодня используют китайский язык и китайскую стандартную письменность.

Согласно статье 4 пункту 4 «Конституции КНР» «Все этнические группы имеют право использовать и развивать свой этнический язык, как письменный, так и устный»¹⁰ [Constitution of the People's Republic of China 2004]. Среди перечисленных выше этнических меньшинств в качестве примера возьмем пять этнических групп, проживающих в автономных областях. Поскольку, во-первых, они обладают правами автономии (в том числе автономией в использовании языка и письменности), в результате чего использование и развитие их языков относительно более свободно и, во-вторых, правительство издало законы о защите языков этих автономных областей, что отражает признание важности этнических языков и уважение к ним. Эти пять этнических языков совместно называются «языками автономных областей» (миньцзу цзычжицюй юйянь; кит. 民族自治区语: миньцзу цзычжицюй юйянь: 民族 миньцзу — этнос, этнический; 自治区 цзычжицюй — автономная область; 语言 юйянь — язык). Ниже в таблице перечислены пять автономных областей и употребляемые в данной области этнические языки.

¹⁰ 各民族都有使用和发展自己的语言文字的自由

Автономные области и их языки в КНР

Автономные области	Языки автономной области
Автономная область Внутренняя Монголия	монгольский язык
Гуанси-Чжуанская автономная область	чжуанский язык
Тибетская автономная область	тибетский язык
Синьцзян-Уйгурская автономная область	уйгурский язык
Нинся-Хуэйская автономная область	китайский язык

В пяти автономных областях языковая политика является весьма гибкой. Помимо стандартного китайского языка (т.е. путунхуа) перечисленные выше языки автономных областей используются не только в неформальных, но также официальных контекстах. Хорошим примером может служить многоязычная банкнота китайского юаня. На банкноте присутствуют: китайский (в виде китайской транскрипции пиньинь), монгольский, тибетский, уйгурский и чжуанский. На всех языках написано 'Народный банк Китая'. Все эти языки имеют официальный статус в Китае.



Рис. 2. Банкнота Народного банка КНР

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье сделана попытка дать в первом приближении социолингвистическую категоризацию языков КНР. Один из древнейших и одновременно один из наиболее распространенных современных языков в мире, *китайский язык* представляет собой сложный социолингвистический объект. Номинация *китайский язык* может включать в себя такие категории, как современный китайский язык (собственно китайский стандартный язык плюс диалекты) и этнические языки. Такая подход отражает процессы консолидации Китая как единой державы, с единой общегосударственной идентичностью, которую поддерживает категория *китайский язык* (中国话 — чжун го хуа), адекватным переводом, который, по-видимому, может быть *языки КНР*. Однако, поскольку в качестве синонима данной номинации час-

то выступает ханьский язык (汉语 — хань юй), возникает второе узкое значение — собственно китайский язык.

В современном китайском языке выделяются на категории *стандартный язык* и *диалекты*. Стандартный язык представляет собой полистандарт, поскольку включает такие номинации, как *путунхуа*, *гоюй* и *хуаюй*, существование которых обусловлено историческими и политическими трансформациями синоязычного пространства. *Путунхуа* является официальным названием стандарта на материковом Китае (КНР) и подчеркивает и настаивает на идеи общности языка для граждан КНР. *Гююй* переводится как «государственный язык». Идея поставить знак равенства между китайским языком в узком смысле и государственным языком коммунистическим правительством КНР была расценена как неприемлемая, поскольку ущемляла права некитаезычных меньшинств. В КНР номинация *гоюй* не используется, однако она сохранилась на Тайване, куда эмигрировало правительство Гоминдана, а также используется в Гонконге и Макао. Номинация *хуаюй* используется в Малазии и Сингапуре.

Номинация *диалект* (方言: фан янь) относится к любым разновидностям языка, однако наибольший интерес для нас представляет трактовка территориальных вариантов языка. Во-первых, вызывает споры применение данной категории к ряду идиом, структурно удаленных от «мандаринского» варианта в достаточной степени, чтобы взаимопонимание было невозможно. Этот факт позволяет ряду исследователей (как в Китае, так и особенно вне его) классифицировать данные идиомы как другие языки. Во-вторых, номинация *фан янь* (диалект) в равной степени может быть отнесена и к *гуань хуа* (речь чиновников, мандаринское наречие (язык), который положен в основу китайского стандарта путунхуа/гохуа/хуаюй. Если это так, то привычная нам структура литературный (стандартный) язык — диалект, где диалект заведомо нелитературная форма, нарушается и возникают иные смысловые оппозиции, а *фан янь* скорее соответствует понятию *идиом*, чем собственно диалект.

А под *этническими языками* обычно понимаются *языки этнических меньшинств*, и среди всех языков этнических меньшинств, *языки автономных областей* представляют собой наиболее типичный пример. Структура данной китайской номинации не соответствует ее российскому эквиваленту, поскольку не дает оснований строить синонимические отношения по типу этнический — национальный язык, а следовательно, служит цели консолидации страны и вполне вписывается в логику именованного стандартного (литературного) китайского языка путунхуа — общим языком.

© Москвичева С.А., Ли Сюэ
Дата поступления: 12.08.2017
Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. М.: Научная книга, 1996.
2. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М.: Изд-во Вост. лит, 2010.
3. Исхаков Р.Л. Принцип миньцзу чжуи и легитимизация национальной государственности Китая // Материалы IX Международной научно-практической конференции. Екатеринбург

- бург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Е. Ельцина, 2016. С. 262—279.
4. Сердюченко Г.П. Китайская письменность и ее реформа. Москва: Восточная литература, 1959.
 5. Титаренко М.Л. (ред.) Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 3. Москва: Изд-во Вост. лит., 2008.
 6. Busquet J., Platon S., Viaut A. (dirs) Identifier et catégoriser les langues minoritaires en Europe occidentale. Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.
 7. Constitution of the People's Republic of China [中华人民共和国宪法]. Law Press [法律出版社], 2014.
 8. Guo Xi Chinese sociolinguistics (revised and enlarged edition) [郭熙中国社会语言学 (增订本)]. Zhejiang University Publishing House [浙江大学出版社], 2004.
 9. John De Francis The Chinese Language: Fact and Fantasy. University of Hawaii Press, 1984.
 10. Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy [中华人民共和国民族区域自治法]. Publishing House of Minority Nationalities [民族出版社], 2005.
 11. Law of the People's Republic of China on Resident Identity Cards [中华人民共和国居民身份证法]. Standing Committee of the National People's Congress [中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会], 2003.
 12. Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language [中华人民共和国国家通用语言文字法]. Language & Culture Publishing House [语言&文化出版社], 2001.
 13. Reedited Chinese language dictionary — revised version [重编国语辞典-修订本]. Ministry of Education [中华民国教育部], 2015.
 14. The education law of the People's Republic of China [中华人民共和国教育法]. China Legal Publishing House [中国法治出版社], 2011.
 15. Viaut A. et Moskvitcheva S. (dirs.) (2014), Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.
 16. Wang Dengfeng (2008) Chongshi zhonghua jingdian, fuxing zhonghua wenhua (Put the Chinese classics in order again, revive Chinese culture) [王登峰重拾中华经典, 复兴中华文化] // Language Planning [语文建设]. № 7—8, 2008, pp. 276—299.
 17. You, R. Chinese Dialectology. Shanghai: Shanghai Education Publishing, 2000.
 18. baike.baidu.com/item/粤语字. (Дата обращения: 26.07.2017).
 19. Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Путунхуа>.

УДК: 811.581

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1103-1117

CATEGORIZATION OF LANGUAGE NOMINATIONS IN THE SOCIOLINGUISTIC SPACE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

S.A. Moskvitcheva, Li Xue

RUDN University

117198 Moscow, str. Miklukho-Maklay, 6, Russian Federation

Abstract. The article generally presents the languages' sociolinguistic categorization of the people's Republic of China. The languages' Socio-political nomination of any region are derived from the factors such as social, political, historical, ethnic and linguistic system. The result is to create terminology not

with ontological, but with discursive nature. Therefore, in each special case it created a kind of category structure with a unique semantic connections between categories, which leads to a fundamental non-equivalence of the meanings behind similar nominations in different languages and cultures, which make difficult to adequate translation and transmission of these meanings. The article analyzes prototypical nominations of languages within Sino-Tibetan language space, studies the meanings behind them, shows their specificity in comparison with other language spaces. The main attention is paid to the nominations designating the standard Chinese language in its variants, dialects and national minorities languages. The terminological field of nominations is regarded as fundamentally discursive, that is, as a projection of different types ideologies transforming ontological entities.

Key words: sociolinguistics, semantics, language policy, language planning, categorization, socio-political categories of languages, the social functions of language

REFERENCES

1. Zavyalova, O.I. (1996). Dialects of the Chinese language. Moscow: Naučnaya kniga. (In Russ.).
2. Zavyalova, O.I. (2010). The big world of the Chinese language. Moscow: Vostočnaya literatura. (In Russ.).
3. Iskhakov, R.L. (2016). The principle minzu zhuyi and legitimization of national statehood of China // Materials of IX International scientific-practical conference. Ekaterinburg: Ural Federal University first Russian President B.N. Eltsin. pp. 262—279. (In Russ.).
4. Serdyuchenko, G.P. (2008). The Chinese character and its reform. Moscow: Vostočnaya literatura. (In Russ.).
5. Titarenko, M.L. (ed.) (2008). Spiritual culture of China: encyclopedia. Vol. 3. Moscow: Vostočnaya literatura. (In Russ.).
6. Busquet, J., Platon, S. & Viaut, A. (ed.) (2014) The definition and categorization of minority languages in Western Europe. Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine. (In French.).
7. Constitution of the People's Republic of China (2004). [中华人民共和国宪法]. Law Press [法律出版社].
8. Guo Xi (2004) Chinese sociolinguistics (revised and enlarged edition) [郭熙 中国社会语言学 (增订本)]. Zhejiang University Publishing House [浙江大学出版社].
9. John De Francis (1984). The Chinese Language: Fact and Fantasy. University of Hawaii Press.
10. Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy (2005). [中华人民共和国民族区域自治法]. Publishing House of Minority Nationalities [民族出版社].
11. Law of the People's Republic of China on Resident Identity Cards (2003) [中华人民共和国居民身份证法]. Standing Committee of the National People's Congress [中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会].
12. Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language (2001) [中华人民共和国国家通用语言文字法]. Language & Culture Publishing House [语言&文化出版社].
13. Reedited Chinese language dictionary — revised version (2015) [重编国语辞典-修订本]. Ministry of Education [中华民国教育部].
14. The education law of the People's Republic of China (2011) [中华人民共和国教育法]. China Legal Publishing House [中国法治出版社].
15. Viaut, A. & Moskvitcheva, S. (ed.). (2014). Categorization of minority languages in Russia and post-Soviet space. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine. (In French.)
16. Wang Dengfeng (2008) Chongshi zhonghua jingdian, fuxing zhonghua wenhua (Put the Chinese classics in order again, revive Chinese culture) [王登峰 重拾中华经典, 复兴中华文化] // Language Planning [语文建设]. № 7—8.

17. You, R. (2000) *Chinese Dialectology*. Shanghai: Shanghai Education Publishing.
18. baike.baidu.com/item/粤语字.
19. Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Путунхуа>.

Для цитирования:

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве китайской народной республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1103—1117. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1103-1117.

For citation:

Moskvitcheva S.A., Li Xue (2017). Categorization of language nominations in the sociolinguistic space of the People's Republic of China. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1103—1117. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1103-1117.

Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1103—1117. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1103-1117.

Сведения об авторе:

Москвичева Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: социолингвистика, типология миноритарных языков, репрезентация языка, семантика, теория языка; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

Ли Сюэ, аспирант кафедры общего и русского языкознания Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: терминология, терминоведение, систематика, лексикология, семантика, типология миноритарных языков; *e-mail*: evelynlee@mail.ru

Bio Note:

Moskvicheva Svetlana Alekseevna, PhD, Associated Professor, Associated Professor of the of General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty at Russian Peoples Friendship University (RUDN University); *scientific interests*: sociolinguistics, typology of minority languages, language representation, semantics, language theory; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

Li Xue, graduate student of the General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty at the Russian University of Peoples Friendship; *scientific interests*: terminology, taxonomy, lexicology, semantics, typology of minority languages; *e-mail*: evelynlee@mail.ru



УДК: 32:316.77:81

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1118-1130

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЯЗЫКОВ «СТАРЫХ» ДИАСПОР НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Е.М. Недопекина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2А, Москва, Россия, 117198

К некоренным народам СССР, которых условно можно обозначить как «старые» диаспоры, относятся ассирийцы, болгары, венгры, греки, корейцы, монголы, немцы, поляки, румыны, словаки, турки, финны, цыгане, чехи. Некоторым из них удалось сохранить свои национальные языки по ряду причин, языки других в большей степени подверглись влиянию русского языка. В ряде случаев бытование этноса на территории СССР позволило ему приобрести письменность для своего языка, но есть и примеры полного вымирания идиома в СССР. В статье предпринята попытка определить социальный статус языков неавтохтонных диаспор, проживавших в Советском Союзе, исходя из политической ситуации в стране, государственной идеологии, ценности языка для его носителей и уровня его распространенности. В тексте также содержится краткая характеристика языков «старых» диаспор, некоторые сведения о сфере их использования и способах их сохранения на уровне диаспоры и государства.

Ключевые слова: язык, этнос, языковая политика, идиом, диаспора

ПОНЯТИЕ ДИАСПОРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Прежде, чем приступать к исследованию языков диаспор и их категоризации, необходимо определить, что представляет собой сама диаспора. В современном мире это понятие выходит за границы своего классического толкования как религиозной и этнической группы, живущей в новых районах своего расселения (евреи, армяне). Многие ученые (С.А. Арутюнов, В.Д. Попков, С.Я. Козлов, Г. Шеффер) констатируют появление новых этнических, религиозных, языковых и политических образований, которые могут претендовать на статус диаспор, но в ином понимании. В.Д. Попков [Попков 2002: 15], например, выделяет восемь обязательных признаков общности, наличие которых позволяет считать ее диаспорой. В.А. Колосов, Т.А. Голубкина и М.В. Куйбышев [Электронный ресурс URL: http://ecsocman.hse.ru/data/081/302/1217/ons5-96_-_0034-46.pdf] перечисляют десять условий, позволяющих отнести этническую общину к диаспоре, хотя и оговариваются, что не все десять являются необходимыми.

В каком бы аспекте (социологическом, языковом, этническом, культурном, психологическом или юридическом) ученые ни изучали явление диаспоры, все они согласны с тем, что это группа людей одинакового или очень близкого этнического происхождения, живущая в отрыве от метрополии данного этноса, зачастую исповедующая одну и ту же религию и сохраняющая одинаковые культурные и языковые традиции. Вместе с тем Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова подчерки-

вают, что диаспорой может называться «такая этническая общность, которая имеет основные или важные характеристики национальной самобытности своего народа, сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию: языка, культуры, сознания. Нельзя назвать диаспорой группу лиц, хотя и представляющих определенный народ, но вступивших на путь ассимиляции, на путь исчезновения их как ветви данного народа» [Тощенко, Чаптыкова 1996: 38]. При этом ученые подчеркивают важную роль языка в качестве одного из базовых условий формирования и сохранения диаспоры.

Вопрос языка диаспоры и его категоризации также не прост, так как он влечет за собой необходимость исследования таких сопутствующих проблем, как степень сохранения языка страны исхода членами диаспоры, особенности идиома, которые возникают в нем на территории нового государства, уровень его престижности для его носителей, его политический и юридический статус в стране приема, способы сохранения идиома в условиях доминирующего языка, его социальная значимость, или приоритетность, для носителей данного идиома. Для таких многонациональных государств, как Российская империя и позднее СССР, классификация языков осложняется еще и тем, что многие этнические группы представляли так называемые собой **малые народы**, проживающие на этих землях на протяжении длительного времени, но не являющиеся автохтонными, а их языки — это миноритарные языки для этих республик в составе СССР.

В числе этносов, сохраняющих в большей или меньшей мере свой язык на территории Российской империи и позднее СССР, можно назвать еврейский, греческий, цыганский, китайский, корейский, немецкий и ассирийский. В данной статье предпринимается попытка социальной и политической категоризации языков общения внутри некоторых из перечисленных общин, а также дать краткую классификацию этих идиомов, которая концентрированно представлена в Приложении 1.

НЕАВТОХТОННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СССР И ИХ ЯЗЫКИ

СССР был многонациональным и полиэтническим государством, с более чем ста двадцатью языками. Официально существовал список языков народов СССР, которые обычно определялись как **языки народов**, традиционно проживающих на территории Советского Союза и не имеющих своих государственных образований за его пределами. Однако кроме этих народов существовало еще несколько этносов, исконно не населявших территорию СССР, но пребывавших в стране на протяжении многих десятилетий и продолжавших использовать свои родные языки в повседневном общении.

Формально в СССР до 1990 г. не было официальных или государственных языков (за исключением Армении и Грузии), и все языки СССР были равны в своих правах. Однако Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР» установил официальным языком СССР русский.

«Советское государство обеспечивает гражданам СССР условия для использования в различных сферах государственной и общественной жизни языков наро-

дов СССР, заботится об их возрождении, сохранении и развитии. Граждане СССР должны бережно относиться к языку как духовному достоянию народа, **всемерно развивать родной язык, уважать языки других народов СССР...**

Статья 4. Определение правового статуса языков

Союзная, автономная республики вправе определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков.

С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач **русский язык признается на территории СССР официальным языком СССР и используется как средство межнационального общения**» [электронный ресурс URL: <http://legal-ussr.narod.ru/data01/tex10935.htm>].

Тем не менее, существовал ряд языков, который использовался представителями отдельных этнокультурных и религиозных групп, называемых диаспорами в самом широком понимании данного термина.

ЕВРЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ В СССР

Среди еврейского населения на территории бывшего СССР существовало несколько особых групп: горские евреи, среднеазиатские (бухарские), грузинские, крымчаки. Все перечисленные группы отличаются по этническому происхождению, культуре и особенностям языка общения. Несмотря на общее происхождение от древнего народа, населявшего Израильское и позднее Иудейское царства, представители данных этносов смешались с народами, проживающими исторически на тех территориях, куда евреи стали приходить, и даже приняли их язык. Евреи Средней Азии говорили на диалектах таджикского языка, проживая в крупных городах Узбекской ССР (например, в Бухаре). Горские евреи говорили на персидских языках и населяли южные территории Дагестана и других республик Северного Кавказа. Крымчаки как сравнительно небольшая этническая группа проживали в городах Крыма (Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии) и Кавказа (Сухуми). Их язык принадлежал тюркской группе, но большинство членов этих групп в настоящее время считают родным языком русский.

Прежде всего необходимо отметить, что судьба языков еврейской диаспоры на территории СССР неоднозначна. Во-первых, потому, что еврейский язык в этот период разделяется на два отличающихся идиома: иврит и идиш. Установление Советской власти привело к окончательному решению спора между сторонниками идиша и иврита на территории советской страны. В 1919 г. постановлением Совета народных комиссаров РСФСР **иврит** был объявлен **религиозным языком**, и преподавание на нем в еврейских школах было запрещено, после чего на нем время от времени издавались только религиозные материалы (календари, молитвенники) для общинных нужд.

11 июля 1919 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление «О преподавании в еврейских школах языка „иврис“». В пункте первом говорилось:

«Признать, что язык „иврис“ не является разговорным языком еврейской народной массы, почему *не может быть отнесен к языку национальных меньшинств* и в педагогическом отношении *должен находиться в таком же положении*, как

вообще *иностранный язык*, не являющийся разговорным языком народной массы в пределах РСФСР» [Дешериев 1970: 24].

После Шестидневной войны 1967 г. и разрыва советско-израильских отношений в 1967 г. все преподающие и изучающие (за исключением немассового научного изучения, например, на востоковедческих отделениях университетов) иврит в СССР подверглись репрессиям. Многие говорящие на этом языке лишались работы или возможности продолжать обучение в вузе, а некоторые учителя иврита даже были осуждены на тюремное заключение под различными предлогами. Однако *статус полужагального языка* не помешал, например, созданию в 1987 г. в СССР подпольными преподавателями иврита «Игуд а-морим» — профсоюза преподавателей иврита.

В отдельных регионах (например, в Средней Азии, где *иврит был единственным общим языком* у местных евреев и учителей-ашкеназов) иврит использовался в преподавании еще 3—4 года, но в целом использование этого языка в советской стране практически прекратилось.

После перестройки, начиная с 1991 г., постепенно в официальных кругах постсоветского пространства начали употреблять наименование «иврит» вместо «древнееврейский» для обозначения всех стадий развития иврита как более общего термина, оставив употребление понятия «древнееврейский» для специальных лингвистических работ.

Иначе сложилась судьба **идиша** (собственно «еврейского языка» по официальной терминологии). Его в 1908 году Черновицкая конференция по языку провозгласила «*национальным языком евреев*».

«В 1905 г. партия Бунд приняла декларацию о национально-культурной автономии на основе **идиш как языка еврейского пролетариата и интеллигенции**, которая служит пролетариату и возглавляет его» [электронный ресурс URL: http://ecsocman.hse.ru/data/081/302/1217/ons5-96_-_0034-46.pdf].

На нем в 1920—1930-е годы была создана советская или пролетарская еврейская культура, призванная удовлетворить культурные запросы еврейской общины и заменить традиционную еврейскую культуру, связанную с религией и с еврейскими течениями, такими как Бунд или сионизм.

Языком советской еврейской культуры был идиш, в Средней Азии таковым выступал бухарско-еврейский (местно-еврейский), а на Северном Кавказе и в Азербайджане — горско-еврейский. Отдельных культурных институций для крымчаков, караимов и грузинских евреев практически не создавалось. С середины 1930-х годов набирает силу кампания по свертыванию советской еврейской культуры: закрываются культурные институции (школы, техникумы, еврейские педагогические факультеты, музеи, издательства), прекращается издание газет, книг и учебников, расстреливаются авторы и режиссеры, работавшие в рамках этого движения. Этот процесс происходит под эгидой политики ликвидации культурных институций нетитульных народов, поэтому идиш на территории СССР практически исчезает. Вместе с тем трагическую роль в истории языка сыграла и Вторая мировая война, по окончании которой число говорящих на идише сократилось.

ЦЫГАНСКИЙ ЯЗЫК В СССР

Цыгане — закрытая система. Для цыган существуют они сами («рома») и все остальные («гадже»), поэтому степень сохранения идиома на территории СССР оказалась довольно высокой.

Коренным образом повлияло на жизнь цыган в СССР Постановление Совета Министров РСФСР № 658 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством», который вышел 26 октября 1956 года [О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством 1956], так как его исполнение разрушило традиционный общественный уклад этой этнической группы. В результате таких процессов, как коллективизация, паспортизация и русификация, происходило ошутимое уничтожение **языка рома**, как его называл говорящий на нем этнос. Различные группы и общины цыган демонстрировали разную степень сохранности собственной языковой системы, что связано с различной степенью адаптации и ассимиляции с языком окружающего населения, в нашем случае — русского. Некоторые слои цыганского населения потеряли цыганский язык и полностью перешли на русский.

Основной лексический состав цыганского языка состоит из санскритических, персидских и греческих корней, что отображает исторический процесс формирования цыган как отдельного от индийцев народа. Диалект советских цыган отличался в зависимости от места их расселения на территории страны. На севере в идиоме преобладали заимствования из немецкого, польского и русского языков, а также был высок процент использованием некоторых заимствованных из русского языка приставок и суффиксов. На юге — четко выделяются черты украинского и румынского языков, что свидетельствовало об иммиграции южных цыган в СССР через Венгрию и Румынию.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов в СССР происходит попытка *выработки литературной цыганской нормы на базе диалекта русских цыган*. С 1927 г. для цыганского языка в СССР (для северно-русского диалекта, собственно московского) была создана письменность на базе русского алфавита. Такой была первая попытка создать единый для СССР цыганский литературный язык. Письменность на цыганском языке, как пишет В.Г. Торопов, была узаконена 10 мая 1927 г. письмом наркома просвещения А.В. Луначарского к Всероссийскому союзу цыган за № 63807. Главное правило этой письменности — «пиши, как слышишь». Очевидно, такое решение было оптимальным для языка со множеством говоров.

Кроме того, в 1931 году в Москве создан цыганский театр «Ромэн». Среди его основателей — русские цыгане, так же, как и большая часть его актеров.

Однако начиная с 1933 года цыгане подвергаются репрессиям со стороны властей, и цыганоязычная пресса в 1930-е годы закрывается.

В первые годы существования СССР в греческих школах была утверждена новая программа на местных языках, но с тематическими разделами коммунистической идеологии. Этнические греки, используя родной язык, следовали общей программе, без национального и тем более религиозного уклона.

Понтийский диалект греческого языка, как и близкородственный ему, но в еще большей мере подвергшийся влиянию турецкого каппадокийский язык — своего

рода остаточный окончательно обособившийся **диалект** среднегреческого (византийского) языка Малой Азии, не испытывавший современного влияния, а потому довольно архаичный. Лексика и фонетика понтийского диалекта во многом до сегодняшнего дня сохраняют ранневизантийские и даже классические античные черты времен древнегреческой колонизации и древнегреческого койне, при этом морфология близка среднегреческой. Архаизмы понтийского, как и каппадокийского, диалектов имеют в основном древнеионийское происхождение. Иноязычные влияния заметны и, в отличие от новогреческого, они носят преимущественно азиатский характер (восточно-армянские, грузинские, турецкие). При этом они менее заметны, чем в соседнем каппадокийском идиоме, где тюркизация привела к слову грамматического строя языка.

Однако в эпоху становления Советского государства партийными лидерами было принято решение об упрощении греческого (понтийского) языка на территории СССР. Возник вопрос: на каком языке вести преподавание — на «димотике» (упрощенном варианте идиома) или на понтийском диалекте. Выпускники понтийского университета — «Фронтистирио» из Трапезунда стремились не допустить запрета своего древнего языка — «кафаревусы». Тем не менее, решением партии большая часть понтийских филологов склонилась к «димотике». Были и те, кто предлагал перейти полностью на понтийский диалект греческого языка и говор мариупольских греков, в зависимости от местности. Но уже 10 мая 1926 года на Всесоюзном совещании греческой интеллигенции было принято решение о введении в школах народного языка «димотика» и упрощении греческого алфавита. Сохранилось только двадцать букв. Именно этот идиом в течение непродолжительного времени (около 10 лет) существовал как **язык малого народа** и использовался носителями как **обиходный язык** греческой диаспоры СССР.

Однако упрощение было первым шагом к полной отмене. Во-первых, для носителей греческого языка в СССР терялась связь с древнегреческим языком и законами его развития. Во-вторых, терялась взаимосвязь с греками всего мира, которые продолжали использовать 24 буквы и стремились к поддержанию чистоты языка и соблюдению единых правил. Учителя греческих школ, ратовавших за нововведения, верили в положительный эффект реформы. Однако в реальности произошел разрыв связи времен. Отходя от настоящего понтийского языка «кафаревусы» и от алфавита, неразделимо связанного с этим языком, они практически подготавливали и ускоряли ассимиляцию греков в иноязычной среде.

Упрощения и нововведения советских понтийцев не нашли поддержки в понтийских кругах в Греции и за границей. В самом Советском Союзе споры о целесообразности введения в школах сильно отмеченного турецким влиянием понтийского диалекта велись вплоть до 1937 года, когда повсеместно были закрыты греческие школы, высшие учебные заведения, театры, газеты и расстреляны все те, кто имел непосредственное отношение к продвижению греческого языка в СССР.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В СССР

На территории СССР китайский язык был представлен своей диалектной разновидностью — дунганским языком — языком потомков китаеязычных мусульман-переселенцев, говорящих на китайском языке мусульман хуэй (хуэйцзу) и зна-

чившихся в советской номенклатуре как «дунгане» (дунгань). Этот народ переселился на территорию современных Киргизии, Казахстана и Узбекистана после подавления мусульманского восстания в северо-западном Китае в 1862—1877 гг.

Типологически дунганский язык, как и китайский, обладает всеми основными чертами изолирующих языков: его базовой единицей служит тонированная силлабема (слогоморфема), однако он обладает рядом особенностей, приобретенных в результате тесного взаимодействия с русским языком. Прежде всего, необходимо отметить фонетические заимствования из русского языка, из европейских языков через посредство русского и в меньшей степени из языков окружающих тюркских народов. Некоторые из этих фонетических заимствований употребляются наряду с традиционными заимствованиями-кальками. Кроме того, на советской почве дунганский язык сменил несколько видов письменности: от алфавита на арабской основе в 1927 г. он постепенно перешел к латинской записи в 1928 г., а затем в конце 1930-х годов началась подготовительная работа по переходу дунганского языка с латинской на кириллическую графику, но процесс был прерван Великой Отечественной войной. В 1953 г. появился новый проект дунганского алфавита на кириллической основе, в основе которого лежали разработки известных лингвистов — синолога А.А. Драгунова и дунгановеда Ю.Я. Яншансина.

В советское время были изданы несколько школьных учебников дунганского языка, русско-дунганский и дунганско-русский словари, сборники народных сказок, оригинальные и переведенные произведения художественной литературы. Правда, обычно их тираж не превышал 500 экземпляров. С начала 1920-х годов выходит еженедельная газета на дунганском языке.

Дунганский язык имеет различную степень взаимопонимания с разными мандаринскими диалектами. Примечательно, что жители Пекина понимают дунганский язык, однако дунгане не понимают пекинского диалекта китайского языка.

В СССР дунганский диалект использовался некоренным народом страны, поэтому также имел статус языка малого народа и использовался исключительно внутри китайской общины. На нем велось обучение в местных школах, он был домашним языком, но, как и другие этнические языки, не имел особого официального статуса регионального или национального языка.

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК В СССР

До лета 1937 года большинство корейцев СССР проживали на Дальнем Востоке — в Приморской, Амурской и Забайкальской областях. Территория их расселения была относительно замкнутой, что давало им возможность объединиться на базе общего развивающегося литературного корейского языка. Этому способствовали советские и партийные органы на Дальнем Востоке, которые с первых дней установления Советской власти в крае предоставили корейцам самые широкие возможности культурного развития. Одновременно с русскими школами была широко развернута и сеть корейских школ, в которых преподавание велось на родном языке учащихся.

Принимались решительные меры по ликвидации неграмотности среди взрослого населения корейцев, особенно кореянок. Работали сотни корейских пунктов

по ликвидации неграмотности и школ малограмотных. Активное участие в деле борьбы с неграмотностью принимали участие все грамотные корейцы. Были организованы специальные курсы по подготовке корейских культурмейцев. Кроме того, в борьбе за грамотность советские и партийные органы привлекали также студентов и слушателей корейского отделения вузов и совпартшкол.

Издавались и переиздавались различные учебные пособия на корейском языке — буквари, задачки, книги для чтения и т.п. На 1937 г. ставился уже вопрос о завершении ликвидации неграмотности и малограмотности населения Дальнего Востока, в том числе и корейцев. В этот период корейский язык играет важную социальную роль этнического маркера и становится языком корейской диаспоры, то есть в официальной номенклатуре языком малого народа СССР.

Однако с началом борьбы с «желтой экспансией» столкновение двух неравносильных в функциональном отношении языков — русского во всех его разновидностях и корейского разговорного — произошло значительное смещение обоих.

Язык корейцев СССР впитал в себя большое количество русских лексических элементов. При этом речь старшего поколения значительно отличалась от речи молодежи как по словарному запасу, так и по фонетико-грамматическому оформлению. В речи пожилых корейцев было меньше русских слов, которые оформлялись соответственно законам корейской фонетики и относились, главным образом, к сфере бытовой лексики. В то же время можно отметить почти полное сохранение корейцами СССР грамматических и особенно фонетических особенностей своего языка. Корейской оставалась фонетика, грамматические особенности, интонация, манера изложения мысли.

Речь же молодежи, наоборот, наполнялась русскими словами, часто даже без всяких признаков приспособления к корейскому языку. Эти процессы положили начало разрушению корейского языка в СССР. Он терял приоритетность для своих носителей, оставаясь лишь домашним языком.

Интересно также, что корейский язык на территории СССР впитывал в себя еще и некоторые особенности языков местных национальностей, на территории которых жили корейцы. Это узбекский язык в Узбекистане, казахский в Казахстане и т.д. Однако их влияния ограничивалось, как правило, сферой разговорной речи, например, названия узбекских национальных блюд, которые приходили в корё-маар вместе с самими блюдами.

Корё маар — *диалект* корейского языка, на котором говорили корё-сарам, корейцы, проживавшие на территории бывшего СССР. Корё-маар значительно отличается от литературного корейского языка (сеульского диалекта). Диалект развивался на основе хамгёнского диалекта, распространенного в северокорейских провинциях Хамгён-Пукто, Хамгён-Намдо и Янгандо.

Ввиду своей широкой географической распространенности в разных регионах и у разных носителей особенности диалекта варьировали и в разной степени отличались от литературного корейского языка.

У корё-маар существовало две формы: устная и письменная. Между данными формами имелись существенные различия, которые, прежде всего, касались грамматики. Различия проявлялись в формах глаголов и падежей существительных.

При этом письменная форма в подавляющем большинстве случаев была идентична литературному корейскому языку. Корё-маар записывался хангылем, как и литературный корейский язык. Однако в ряде случаев могла применяться и кириллическая запись.

Использование корейского языка в СССР не ограничивалось до 1937 года, когда корейцы, как и многие другие некоренные народы СССР подверглись гонениям. Только с выходом Закона «О реабилитации репрессированных народов» и постановления Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских корейцев» в апреле 1991 года, принятых в целях восстановления исторической справедливости в отношении незаконно репрессированных корейцев в 1930—1940-е годы, корейцы, как и другие народы, получили право на добровольное возвращение в места прежнего проживания, восстановление и приобретение гражданства Российской Федерации. С этого времени корейский язык получает статус языка малого народа.

«Статья 1. Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов» [электронный ресурс URL: <http://base.garant.ru/10200365/>].

Ими также было получено право «на строительство школ и иных учебных заведений, создание центров национальной корейской культуры в местах их компактного проживания, подготовка специалистов, в том числе преподавателей корейского языка, издание газет и журналов на корейском языке».

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В СССР

В первые десятилетия Советской власти возрождение национальной идентичности российских немцев приветствовалось, что привело в 1918 г. к образованию одной из первых национально-территориальных автономий на территории Советской России — Трудовой коммуны Автономной области Немцев Поволжья, в 1924 г. переоформленной в Автономную Советскую Социалистическую республику немцев Поволжья со столицей в городе Покровск (позже Энгельс), население которой в значительной мере сохраняло немецкий язык.

«Статья 121. Граждане АССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобщее-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, **обучением в школах на родном языке**, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся» [О прекращении ограничений в правах немцев и членов их семей, которые находятся на спецпоселении 1955]. Таким образом, за языком советских немцев закреплялся статус **родного языка этноса**.

Тем не менее, он сильно отличался от классического немецкого языка (*Hochdeutsch*) и существовал в виде островных южно-немецких диалектов, находящихся в постоянном взаимодействии между собой и русским языком.

Однако по мере обострения отношений между СССР и Германией ухудшалось и отношение к советским немцам. В 1935—1936 годах более десяти тысяч

немцев были выселены из приграничной зоны Украины в Казахстан. В 1937—1938 годах, согласно Приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 00439 от 25 июля 1937 года, все этнические немцы, работавшие на предприятиях оборонной промышленности страны, должны были быть арестованы. С осени 1937 года началась массовая операция против советских немцев: за пределами АССР НП были закрыты все национально-территориальные образования — немецкие национальные сельсоветы и районы, а школы с преподаванием на родном немецком языке переведены на русский.

26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, запрещающий немцам возвращаться к прежнему месту жительства: изгнание на «вечные времена» в места переселения, и устанавливавший длительные сроки заключения за самовольное оставление спецпоселений — 20 лет каторги. Однако, несмотря на положение изгнанников, немцы могли продолжать общаться на родном языке, и среди языков малых народов СССР (в Советской энциклопедии) немецкий язык значится.

13 декабря 1955 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета «О прекращении ограничений в правах немцев и членов их семей, которые находятся на спецпоселении» (без возвращения конфискованного имущества), запрет на возвращение в бывшие родные населенные пункты. А уже в мае 1957 г. в Москве выходит первый номер центральной газеты на немецком языке «Нойес Лебен» («Новая жизнь»), ставшей преемницей «Дойче централь-цайтунг» («Центральная немецкая газета»), а через месяц начала издаваться газета «Роте Фане» («Красное знамя») на Алтае. Позднее была организована в Целинограде газета советского немецкого населения Казахстана «Фройндшафт» («Дружба»). Возобновилось радиовещание для советских немцев на родном языке. Снова появились в продаже книги советских немецких авторов. Началось создание групп для изучения немецкого языка как родного в средних школах Казахстана, РСФСР, Киргизии.

Любое многонациональное и разноязычное государство неизбежно сталкивается с проблемой регулирования языковой жизни страны. Способы ее решения зависят от многих факторов, но в основе всегда лежат некие идеологические постулаты, которые более или менее успешно воплощаются в жизнь путем законодательных, административных и организационных мер.

Языковая политика в СССР опиралась на положение В.И. Ленина о том, что «безусловным требованием марксистской теории при разработке какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи. Ленинская национальная политика с первых лет Советской власти была положена в основу языкового строительства в СССР — многонациональном государстве, многие из народов которого до Октябрьской революции 1917 года не имели возможности нормально развивать и использовать свои языки, в наибольшей степени — те народы, у которых не было собственной письменности. **Равенство граждан СССР перед законом независимо от их национальности и языка было утверждено в Кон-**

ституции СССР и конституциях союзных республик; одним из конституционных прав являлось право на обучение в школе на родном языке. Важнейшие достижения языковой политики в СССР — научная разработка и введение в практику новых, соответствующих фонетическому строю языков, алфавитов для многих народов, создание таких алфавитов для ранее бесписьменных народов; быстрое и разностороннее развитие младописьменных литературных языков; высокий уровень обществ, функций языков [электронный ресурс URL: <http://legal-ussr.narod.ru/data01/tex10935.htm>].

Процессы дальнейшего развития языков интенсивно продолжаются; усиливается роль и значение *национальных языков* союзных и автономных республик. После распада СССР многие из них стали *государственными языками*. Сегодня, как и в последние годы существования Советского Союза, русский язык функционирует как *язык межнационального общения*. Он является одним из мировых языков. Для языковой политики СССР, основанной на идеологии, в разные исторические периоды свойственна практика исключения из сферы внимания государства диалектов и языков национальных меньшинств, что приводит к вымиранию этих языков и диалектов, практика ограниченного использования языков малых народов, политика называется языковой лояльностью лишь по отношению к языку национального большинства. Подобная языковая политика, создавая иллюзию свободы любого подхода к вопросу о роли языка в жизни его носителей, в развитии национальной культуре, в общественно-политической жизни народа, на деле освобождает государство от экономических, социальных, политических, моральных забот о языках зависимых народов и обуславливает недооценку государством языков национальных меньшинств, их роли и значения в жизни их носителей, отказ от содействия их развитию, расширению их социальных функций.

© Недопекина Е.М.

Дата поступления: 12.08.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арутюнов С.А.* Диаспора — это процесс // *Этнографическое обозрение*. М.: Наука, 2000. № 2. С. 74—78.
2. *Дешериев Ю.Д.* Современная методология, теория и практика планирования и прогнозирования языкового развития. М., 1970.
3. Еврейский вопрос: поиски ответа (документы 1919—1926 годов). Винница: Изд-во «Глобус-пресс», 2003.
4. Закон Верховного Совета РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», 26 апреля 1991 г. // <http://base.garant.ru/10200365/> (Дата обращения 12.08.2016).
5. Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР» // <http://legal-ussr.narod.ru/data01/tex10935.htm> (Дата обращения 12.08.2016).
6. *Колосов В.А., Голубкина Т.А., Куйбышев М.В.* «Национальные отношения» // http://ecsocman.hse.ru/data/081/302/1217/ons5-96_-_0034-46.pdf.
7. Материалы Черновицкой конференции, изданные ИВО. Вильнюс, 1931.
8. *Попков В.Д.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // *Диаспоры*. М., 2002. № 1. С. 6—22.

9. Постановление Совета Министров РСФСР № 658 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством», 26 октября 1956 г.
10. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX—XX вв. Сб. ст. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9—44.
11. Торопов В.Г. История изучения цыганского языка в России // Цыгане. Сб. статей. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1999. С. 16—26.
12. Тоценко Ж.Т., Чантыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. М.: Эдиториал, 1996. № 12. С. 33—42.
13. Указ Президиума Верховного Совета «О прекращении ограничений в правах немцев и членов их семей, которые находятся на спецпоселении, 13 декабря 1955 г. // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5049.htm.
14. Языки народов СССР. В 5 т. М., 1966—1968.

УДК: 32:316.77:81

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1118-1130

POLITICAL AND SOCIAL STATUS OF “OLD” DIASPORA LANGUAGES IN THE USSR

Ekaterina M. Nedopekina

RUDN University

Mikloukho-Maclaya Str., 10-2A, Moscow, Russia, 117198

Abstract. For non-indigenous peoples of the USSR, which can be roughly described as “old” Diaspora are Assyrians, Bulgarians, Hungarians, Greeks, Koreans, Mongols, Germans, Persians, Poles, Romanians, Slovaks, Turks, Finns, Gypsies, Czechs. Some of them managed to preserve their national languages for a variety of reasons, languages, others are more subjected to the influence of the Russian language. In some cases the existence of the ethnic group in the Soviet Union has allowed him to acquire script for their language, but there are some examples of the idiom of extinction in the USSR. The article contains attempts to determine the social status of the non-autochthonous diasporas languages living in the Soviet Union. Those efforts are based on the political situation in the country, state ideology, the value of the language for its speakers and the level of its prevalence. The text also offers a brief description of the “old” diasporas languages, some information about the scope of their use and ways of preserving them at the level of each diaspora and the state in general.

Key words: language, ethnicity, language policy, idioms, diaspora

REFERENCES:

1. Arutunov, S.A. (2000). Diaspora is a process In *Ethnographic Review*. Moscow: Nauka, n° 2. pp. 74—78. (In Russ.).
2. Dešeriev, Ū.D. (1970). Modern methodology, theory and practice of planning and forecasting of language development. Moscow. (In Russ.).
3. The Jewish issue: in search for an answer (documents of 1919—1926) (2003). Vinnitsa: the Globus-press publishing house. (In Russ.).
4. The Supreme Soviet of the RSFSR Law “On the Rehabilitation of the Repressed Peoples”. URL: <http://base.garant.ru/10200365/> (accessed: 12.08.2016). (In Russ.).

5. The USSR Law “On the Languages of the USSR Peoples” 24.04.1990 URL: <http://legal-ussr.narod.ru/data01/tex10935.htm> (accessed: 12.08.2016). (In Russ.).
6. Kolosov, V.A., Golubkina, T.A. & Kujbyšev, M.V. *National relationships* URL: http://ecsocman.hse.ru/data/081/302/1217/ons5-96_-0034-46.pdf (In Russ.).
7. Materials of the Chernivtsi conference (1931). Vilnius: Izdanie IVO. (In Russ.).
8. Popkov, V.D. (2002) “Classical” diasporas: the question of their term definition In *Diaspora*. Moscow, n°1. pp. 6—22. (In Russ.).
9. Resolution of the RSFSR Council of Ministers No. 658 “On Accession to Work of Gypsies Involved in Vagrancy”, October 26, 1956. (In Russ.).
10. Tiškov, V.A. (2001). Historical phenomenon of diaspora IN *National Diasporas in Russia and abroad in the XIX—XX centuries*. Proceeding Yu.A. Polyakova and G.Ya. Tarle. Moscow. pp. 9—44. (In Russ.).
11. Toropov, V.G. (1999). History of the Gypsy language study in Russia. In *Gypsies*. Proceeding, Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maklaya. pp. 16—26. (In Russ.).
12. Tošenko, Ž.T. & Čaptykova, T.I. (1996). Diaspora as an object of sociological research. In *Socis*. Moscow: Editorial, n° 12. pp. 33—42. (In Russ.).
13. The Supreme Council Presidium Decree “On the termination of restrictions on the rights of the Germans and members of their families who are in a special settlement”, December 13, 1955. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5049.htm (In Russ.).
14. Languages of the USSR peoples. In 5 volumes. Moscow, 1966—1968. (In Russ.).

Для цитирования:

Недопекина Е.М. Политический и социальный статус языков «старых» диаспор на территории СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1118—1130. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1118-1130.

For citation:

Nedopekina E.M. (2017). Political and social status of “old” diaspora languages in the USSR. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1118—1130. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1118-1130.

Ekaterina M. Nedopekina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1118—1130. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1118-1130.

Сведения об авторе:

Недопекина Екатерина Михайловна: кандидат филологических наук, PhD по славяноведению Университета Бордо Монтень (Франция), ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, преподаватель английского языка в Институте переподготовки и повышения квалификации кадров Российского университета дружбы народов, *сфера научных интересов*: миноритарные языки, языковые контакты, изучение новых социолингвистических пространств и вопросы языковой и этнической идентификации; *контактная информация*: e-mail: enedopekina@gmail.com

Bio Note:

Nedopekina Ekaterina Mikhailovna: PhD in Philology, PhD in Slavic Studies (Bordeaux Montaigne University, France), Assistant of the General and Russian Linguistics Department at Philological Faculty (Peoples' Friendship University of Russia); English Language Teacher at the Institute of Retraining and Advanced Training of the Peoples' Friendship University of Russia; *scientific interests*: minority languages, language contacts, study of new sociolinguistic spaces and issues of linguistic and ethnic identification; e-mail: enedopekina@gmail.com



УДК: 811'512.111'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145

ФУНКЦИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

М.В. Куцаева

ФГБУН Институт языкознания РАН

Б. Кисловский переулок, 1 стр. 1, Москва, Россия, 125009

В статье описываются функции чувашского языка в диаспоре: в настоящее время в силу исторических причин значительная часть этноса проживает в диаспорных группах за пределами Чувашской Республики (в самой Чувашской Республике наряду с русским чувашский язык является государственным). В социалингвистическом обследовании приняли участие около ста респондентов, этнических чувашей, проживающих в Москве и Московской области. В ходе обследования были определены следующие функции чувашского языка: символическая, фактическая (контактоустанавливающая), эмпатическая, коммуникативная, квазикоммуникативная, конспираторная, а также выяснено, на каком языке респондентам привычнее выражать свои эмоции и на каком языке/языках им снятся сны. В результате было установлено распределение функций чувашского языка по поколениям, в отношении функций языка выявлен ряд закономерностей, связанных с использованием языка в диаспорных условиях.

Ключевые слова: чувашский язык, диаспора, функции языка

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуется проблема функционирования чувашского языка в диаспорных условиях московского региона, конкретно ставится задача установить распределение функций чувашского языка в диаспоре (более половины всего чувашского населения России проживает вне Чувашской Республики в силу разнообразных исторических причин).

Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате опроса 100 этнических чувашей, как первого (см. таблица 1), так и второго поколения (см. таблица 2), проживающих на территории Москвы и Московской области, диктофонные записи респондентов, фиксация речи на электронных носителях.

Таблица 1

Количество респондентов первого поколения

Возрастная когорта	20—30	31—40	41—50	51—60	61—84
Количество респондентов в когорте	14	21	10	23	17

Таблица 2

Количество респондентов второго поколения

Возрастная когорта	18—30	31—40	41—50	51—60	61—71
Количество респондентов в когорте	6	4	3	1	1

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Под функциями языка понимаются «базовые и вторичные функции, которые выполняет язык как специфический феномен человеческой цивилизации, среди которых основная функция — быть средством общения» [Михальченко (отв. ред.) 2006: 235]. Прямого соответствия между сферой и функцией языка нет, поскольку в разные исторические периоды и под воздействием разнообразных экстралингвистических факторов сферу общения могут обслуживать разные языки или языковые образования, выполняющие неодинаковые общественные функции [Кондрашкина 2016: 461]. В условиях диаспорного проживания этнической группы это становится особенно очевидным: при крайне ограниченном использовании чувашского языка, тяготеющем к сугубо семейно-бытовой сфере общения, этнический язык тем не менее выполняет разнообразные функции в чувашской диаспоре.

В результате социолингвистического обследования нами были последовательно выделены символическая, фатическая, эмпатическая, конспираторная, коммуникативная, квазикоммуникативная, эмоциональная, сакральная функция, а также функция языка сновидений.

Символическая функция

В отношении чувашского языка в диаспорной среде нас интересует прежде всего **символическая функция языка**, которая, как подтверждают полученные в результате обследования данные, возрастает и приобретает особое значение вдали от малой родины. Язык играет роль символа групповой идентификации [Губогло 1998: 21], не являясь при этом средством регулярного общения между членами группы.

Во время посещения ряда мероприятий чувашской диаспоры в Москве нами отмечено использование чувашского языка в его символической функции при декламации отрывков из чувашского эпоса на родном языке, при обращении к членам диаспоры со сцены с приветственными словами на чувашском, при выступлении организаторов с официальной речью, которая затем переводилась на русский язык. «У нас в основном москвичи, русские работают в полпредстве. Поэтому в основном общение здесь чисто служебное — на русском, а общественное, когда мы проводим праздники, естественно, мы здороваемся, говорим на чувашском» (Анатолий Г., 73). На подобных мероприятиях, как-то: *Кёр Сăри* (праздник осеннего урожая), *Сурхури* (праздник зимнего солнцестояния), *Акатуй* (праздник плуга), звучат песни на чувашском языке, предлагается широкий ассортимент национальных чувашских блюд (*шăрттан*, *шурпе* и др.), при этом названия самих праздников, песен, блюд практически не переводятся, они известны даже тем, кто признает родным языком русский, но позиционирует себя этническим чувашем. Для тех, кто практически никогда не использует чувашский язык, возможность посетить мероприятия диаспоры — чуть ли не единственный способ произнести пару слов на чувашском.

В Москве регулярно организуются чувашские дискотеки, где выступают популярные чувашские исполнители и звучит современная чувашская музыка: «это

очень зажигательно, тем более национальный *чӑваш ташиши*, это национальный чувашский танец, наше танцевальное дискотечное направление» (Эльвира Е., 38). В режиме нон-стоп функционирует чувашское интернет-радио «Шупашкар FM»¹, тематикой которого также является современная чувашская эстрада. В социальных сетях востребованы сообщества, фокус-группой которых являются чувашаи, проживающие в московском регионе.

В течение ряда лет в Москве проводился конкурс «Мускав чӑваш пики» («Московская чувашская красавица»), основной целью которого — как и аналогичных конкурсов, проводившихся в местах с компактным проживанием чувашского населения, например, в Татарстане, — наряду с популяризацией народных традиций является пропаганда культуры и языка среди молодежи (как первого, так и второго поколения). «У меня дочка выступала несколько лет назад на „Мускав чӑваш пики“, она первое место заняла. Я ей испекла большой каравай на рушнике. Она одевала на голову *тухью*. На конкурс. Сама она замуж выходила за русского, все у них по-русски. На этом празднике она пела, для нее песню написал наш чувашский композитор, у меня дома книга его есть. „Мускавсем, мускавсем, аякри ентешем“, „Дорогие москвичи“, ну как-то так переводится. Пела она эту песню. Ну интересно было! Хотя она исковеркивает слова все равно» (Надежда Л., 53 года).

90% опрошенных нами респондентов первого поколения (как активных, так и пассивных билингов) отметили важность чувашского языка прежде всего как символа малой родины, своих корней, маркирующего границы «свой—чужой». Ценность чувашского языка, как это ни парадоксально, повышается в глазах членов диаспоры первого поколения именно с переездом в другой регион (в самой Чувашской Республике чувашский язык по-прежнему, согласно опросам, среди городского населения идентифицируется с деревней [Алос-и-Фонт 2015: 16—17], а, следовательно, не является престижным). «Могу сказать, что с годами приходит малая родина; родной язык дает силы. У меня вспыхнул патриотизм, стала приходиться на концерты, стараюсь не пропускать» (Лилия Щ., 47). «Когда я в Чебоксарах жила, я даже не увлекалась чувашской эстрадой, всем чувашским, мне было это как-то параллельно. Но когда приехала в Москву, тоска какая-то появилась, не хватает чего-то. Это у всех. Именно приходят на мероприятия те люди, у которых тоска» (Эльвира Е., 38).

Язык в диаспоре выполняет свою символическую функцию и за пределами официально организованного мероприятия: «Дома на праздниках, когда песню пою, гостям объявляю, что спою песню на древнем языке наших родичей. „А что за язык?“ — спрашивают. А я говорю: „Послушайте!“» (Вячеслав И., 56). «У меня все друзья знают, что я с Чебоксар, что у нас есть чувашский язык. Они меня просят: «Скажи что-нибудь на чувашском языке!». Я совершенно не стесняюсь этого!» (Кристина Е., 23). «У нас есть много соседей чувашей. Мы вот на Новый год вышли на улицу с гармонью и пели чувашские песни. Они пришли на звук гармони, чувашских песен, мы так и познакомились!» (Эльвира Е., 38).

¹ [Электронный ресурс: URL: <http://vsefm.com/radio/shupashkar-fm/> дата обращения: 27 августа 2017 года].

Если символическая функция языка возрастает в диаспоре среди представителей первого поколения ввиду постепенного снижения коммуникативной функции, то в среде второго поколения — ввиду полного отсутствия последней (в словаре респондентов — лишь пару слов на чувашском, услышанных в детстве в чувашской деревне). В нашей выборке 95% опрошенных отметили следующие ситуации: «услышишь чувашскую речь и про себя отметишь: „О, *Шупаишкар!*“» (Анна А., 40), «заметишь машину с чувашскими номерами и скажешь себе: „*кил кунта* поехала!“» (Алексей А., 32). «Я вот по-чувашски до четырех или пяти считать до сих пор могу. Знаю, что в Чебоксарах был такой ресторан „Цветок“, а по-чувашски „*чечек*“ назывался. Вот, наверное, единственное слово, которое я помню и не забуду!» (Ксения С., 35).

Фатическая функция

Фатическая (контактоустанавливающая) функция языка — быть средством завязывания контактов между индивидами [Михальченко 2006: 96]. В нашей выборке в этой функции используют чувашский язык примерно столько же представителей первого поколения, сколько и в символической функции.

В диаспорной среде московского региона своеобразным приветствием или преамбулой к дальнейшему разговору (чаще всего — на русском языке) является чувашское выражение *хамър ял* (букв. *хамър* свой + *ял* село, деревня, т.е. своя деревня; множ. — «*хамър ялсем*»). «Буквально это переводится как «наша (своя) деревня», в последнее время это выражение пользуется популярностью у некоторой части молодежи и используется в значении «земляк» (Оксана А., 25)².

Практически все опрошенные согласились, что, услышав чувашскую речь на улице, они не останутся равнодушными. Одни «только отметят про себя» и чаще всего пройдут мимо: «если речь услышу, мне интересно, я обязательно обернусь, посмотрю. Иногда только могу сказать» (Наталья С., 32), объясняя это складом своего характера (застенчивость, скромность, замкнутость) или обстоятельствами: «важно чтобы люди были хорошие» (Наталья С., 32), «если девушка будет, то я бы поздоровался и познакомился» (Евгений Б., 27).

Большинство представителей диаспоры в первом поколении (в данном случае активные билингвы), по их признанию, пойдут на контакт. «Если я слышу разговор, я всегда говорю, земляки. *Хамър ялсем*, говорю» (Мария Л., 63). «Если речь чувашскую — землячки, конечно! Когда земляков видим, конечно, мы здороваемся. О, *хамър ял!* Да, всегда!» (Ирина Н., 44).

Одни используют «*хамър ял*» лишь для приветствия: «Я бы *хамър ял* сказала, а что, откуда и зачем — приставать бы не стала» (Татьяна Ю., 33), «я ездила в Петергоф, идет группа, я говорю: „Здравствуйте!“ Я им по-чувашски говорю, а они так удивленно посмотрели на меня! Поздоровались» (Татьяна А., 40). Другие —

² По словам организатора чувашской дискотеки в Москве, по случаю проведения одного из мероприятий было выпущено пятьсот футболок с надписью «Хамър ял», которые «на удивление быстро раскупили», что косвенно свидетельствует о роли этого «кодового» для чувашей в диаспоре слова при установлении контакта.

как преамбулу для дальнейшей беседы: «Если на улице... „хамър ял“ скажу. Вот сейчас много чувашей стало. На дороге едут или в магазине вижу. Я говорю: „Ребята, вы с какого района?“. Ну чисто вот интерес, я поговорю. Где работаете? На чувашском спрашиваю, конечно. Ну, говорят, что мы с такого, вот там-то живем. Я интересуюсь!» (Леонид П., 62).

Пассивные билингвы также активно пользуются этим «паролем» (Руслан Х., 36). «Если вдруг на улице услышу чувашскую речь, я остановлюсь и сразу говорю: „О, хамър ял!“». Слышу прям, своя речь пошла!» (Ольга Б., 55). «Но, если с кем-то придется заговорить, буду говорить, но в основном на русском. Но пару слов приветственных на чувашском обязательно скажу!» (Александр М., 44). «Если увижу земляков, подошел бы, поздоровался. Может быть, на чувашском бы сказал. *Хамър ял*, может быть, поздоровался бы как со знакомыми, с земляками» (Евгений С., 36).

Во втором поколении, напротив, большинство респондентов вовсе не пользуется чувашским языком при установлении контактов ввиду того, что не владеют языком, хотя, услышав чувашскую речь, тоже могут откликнуться: «Если провожу мимо и слышу тут, могу присоединиться. Ну как бы... откуда и что. Но по-русски. Я же по-другому не могу! Мимо не пройду скорее всего. Мимо речи» (Татьяна Л., 35). «Я обычно подхожу и спрашиваю. Здравсьте, привет. На русском. Просто поклоняться. Да, вот я знаю, я тоже. Обычно народ на меня странно смотрит в такие моменты, но я не отчаиваюсь!» (Татьяна С., 27).

Лишь 17% респондентов во втором поколении в нашей выборке, имеющие определенный уровень владения чувашским языком, по их словам, используют его в фатической функции. «Несмотря на то, что я родилась в Москве, у меня большинство друзей с Чувашии. То есть мне важно, чтобы мои друзья были оттуда. Кто-то приезжает учиться, работать. Ну то есть, как-то так знакомишься! На чувашском, конечно» (Ольга Д., 28). «Даже если я найду чуваша на улице или узнаю, что он чувашин, я начну сразу по-чувашски! Так я подругу нашла» (Ксения В., 45).

Эмпатическая функция

Согласно полученным в нашем обследовании данным, чувашский язык используется членами диаспоры и для получения обратной эмоциональной связи от собеседника. В первом поколении 69% опрошенных используют чувашский ради «шутки», как правило с родными и близкими, независимо от того, является ли для них чувашский первым функциональным языком. В самых общих чертах назовем эту функцию **эмпатической**, поскольку она предполагает соперничество, эмоциональный отклик, реакцию.

Как выяснилось из бесед с респондентами, заметно чаще на чувашском в семейно-бытовой сфере шутят именно мужчины. «С мужем чаще на русском языке, но иногда бывает в шутку и на чувашском языке. В шуточной форме. У меня муж любит в шутку называть меня *карчак*! Мол, моя жена, моя старушка! Это слово мне не нравится, но ему это нравится!» (Маргарита Е., 43), «На чувашском здесь — только если в шутку с супругой» (Алексей Х., 29). «С мужем мы по-русски разговариваем, но так, шутя иногда, когда он шутит, по-чувашски. Может, это даже одно слово, которое где-то когда-то услышал. Мне тогда смешно» (Любовь Я., 58).

В эмпатической функции чувашский используется в диаспорной среде, хотя и реже, в разговоре с друзьями и знакомыми. «Я с подругами, бывает, разговариваю на чувашском. Это бывает очень редко. И только по приколу!» (Надежда К., 26). «Наш сотрудник всегда меня подкалывал на чувашском, и я его тоже в ответ! Знания мои он пытался проверить, наверное!» (Валерий Т., 59).

Опрошенные во втором поколении ни разу не упомянули использование чувашского в эмпатической функции, что позволяет сделать определенные выводы о том, что для того, чтобы получить обратную эмоциональную связь от собеседника на том или ином языке, требуется минимальный контакт с данным языком, соответствующее языковое окружение в прошлом или в настоящем.

Конспираторная функция

Общеизвестно, что при прекращении регулярной коммуникации на каком-то языке в языковом сообществе остаточные знания этого языка используются не только для групповой идентификации и шуток, но и в качестве тайного языка [Засе 2012: 448].

В выборке, как утверждают 46% опрошенных первого поколения, чувашский язык употребляется в **конспираторной функции**. Во-первых, чувашский используется ими с целью скрыть что-то от посторонних в общественном месте, во-вторых, — в качестве тайного языка в сфере семейного общения.

В общественном месте роль чувашского двоякая. С одной стороны, чувашский позволяет респондентам говорить о чем-то тайном, не предназначенном для посторонних. Особенно часто, как оказалось, этим пользуются женщины. «Чувашский — это если надо от кого-то что-то скрыть! Если есть чужие уши, непонятно же!» (Надежда К., 26), «Вот с подругой здесь в офисе на русском, но иногда на чувашском, чтобы никто не понимал!» (Ольга Е., 32), «Мы чувашский обычно используем с подругой, когда на эмоциях, не про близких, а на улице. Когда надо сказать что-то про человека... друг другу, чтобы этот человек не понял. Втихаря» (Лилия Е., 36). В настоящее время чувашский, по признанию ряда респондентов, употребляется ими в конспираторной функции и на письме, в основном, это, безусловно, делается намеренно: «если пишешь на чувашском, и кто-то на работе зайдет, не поймет о чем речь!» (Эльвира Е., 37).

В меньшей степени в конспираторной функции используют чувашский мужчины. «Да, бывает иногда, что секреты на чувашском обсуждаем» (Дмитрий М., 33), «А потом, когда мы уже познакомились на рынке, он мне говорит: „А ты по-чувашски-то знаешь?“. — Конечно! А он мне: „Ну все, секретничать можно!“» (Роза О., 45). Некоторые мужчины, по их словам, могут использовать бранные слова на чувашском: «В надежде, что никто не поймет!» (Владимир Н., 58).

С другой стороны, опрошенные отмечали, что им доводилось слышать, как чувашский язык в общественном месте с аналогичной целью использовали другие; тогда они невольно подслушивали чужие секреты. Респонденты в таком случае реагировали, по их словам, по-разному. «Было, что слышала, как вдвоем скрытничают, я тогда дала знать, что я понимаю. Подшепнула, но не сразу». (Лилия Е., 36). «Но даже вот сейчас в маршрутке едешь, женщины разговаривают, секретничают

на чувашском языке. Ну прям вот секретничают! Но я не сдаю себя, что я знаю!» (Эльвира Е., 38).

В таких обстоятельствах ценность чувашско-русского двуязычия в глазах билингвов, несомненно, повышается, даже если в целом чувашский для них не является приоритетным языком: «Чувашский, наверно, для меня на последнем месте. Я так лично думаю, но с другой стороны, бывает, что в метро едем, я слышу: по-чувашски разговаривают. Я сижу, подслушиваю, но мне неприлично признаться, что я понимаю. Про себя думаю: „Я понимаю! А они же не знают, что я их понимаю! И как же хорошо знать несколько языков! Ты даже поймешь, кто тебе и что тебе о чем скажет!“». В эти моменты я чувствую себя особенной!» (Татьяна А., 40).

Во-вторых, чувашский язык используется в диаспорной среде в сфере семейного общения. В качестве тайного языка чувашский употребляется родителями в отношении собственных детей: «если мы хотим что-то сказать друг другу, чтобы дети не поняли, то это на чувашском можем сказать. Да, специально! А если нет такой цели, то при детях мы всегда на русском» (Елена Т., 34). Детей по разным причинам (нехватка времени, школьное обучение в московском регионе полностью на русском языке, повсеместная распространенность русского языка, низкая престижность чувашского языка в глазах респондентов, необходимость изучать иностранные языки) сознательно не обучают чувашскому языку, целиком полагаясь на то, что этот язык дети смогут освоить в чувашской деревне во время летних каникул³.

В нашей выборке представители первого поколения, уже ставшие родителями, усвоили эту модель с детства и теперь пытаются внедрить ее в жизнь в отношении своих детей: в приоритете — русский язык, чувашский — если получится, в деревне летом. Правда, потом, по их многочисленным признаниям, не столь успешно удается применять чувашский в конспираторной функции. «Допустим, я хочу сказать то, что я бы не хотела, чтобы дети услышали, тогда мы с мужем начинаем на чувашском общаться, а сын кричит: „А почему так?!“». А он-то понял!» (Ольга Т., 32). «По-чувашски разговариваем дома, чтобы дети не поняли. Это часто бывает! Но старшая понимает и может тебе и в ответ дать! А младшая пока еще нет, но я думаю, что она тоже понимать начинает» (Маргарита Е., 43).

³ Подобное языковое поведение характерно не только для членов диаспоры, но и для нескольких поколений чувашей, проживающих в крупных городах Чувашской Республики, доминирующим языком в городах и столице является русский язык, несмотря на то, что титульными языками в Республике признаны и чувашский, и русский [см. Алос-и-Фонт 2015]. По воспоминаниям одной из респонденток, по-чувашски она научилась разговаривать еще в детстве, поскольку каждое лето проводила в деревне, где бабушка с дедушкой говорили только по-чувашски. «Все равно среда определенная была вокруг, многие на чувашском. И ты волей-неволей в себя это впитываешь. Это разговорно-бытовой чувашский, конечно. И потом в городе мама с папой между собой на чувашском обсуждали что-то. Да все родители так делают! А наши родители, получается, вначале — да, от нас какие-то секреты скрывали, но в итоге, когда мы повзрослели, мы сказали: „Ну чего вы там шифруетесь? Мы все и так знаем!“». И родители теперь просто разговаривают между собой, потому что им так удобно» (Ирина О., 33).

«С мужем по-чуваши, если жалуешься на детей. Сейчас старшая начинает понимать, в деревню ездим, а раньше очень удобно было! Иной раз я думаю, учить ли ее чувашскому языку. Ведь будет все понимать тогда!» (Наталья С., 32).

Во втором поколении 27% опрошенных упомянули чувашский язык в связи с его использованием в качестве тайного языка. Одни из них активно владеют чувашским и используют его в конспираторной функции наравне с представителями первого поколения, как в общественной, так и в семейно-бытовой сфере: «Если секрет какой-то надо сказать с мамой, я тогда на чувашском языке, чтобы муж мой не понял! И на работе у меня была подруга чувашка, мы на чувашском секретничали. А другая у нас в отделе придет: „Опять! Таня, Ксения начинают между собой по-своему лялкать!“». В общем, когда по секрету надо сказать, я сразу на чувашский перехожу! Это у нас как-то все уже понятно, принято. Раньше мы так сидели во дворе, допустим, от русских. На чувашском. Или даже дома от брата, он был маленький, когда бабушка умерла и в деревню не ездил, язык плохо знал поэтому» (Ксения В., 46).

Примерно столько же респондентов во втором поколении, упомянувших чувашский в качестве тайного, являются пассивными билингвами: они обладают навыками понимания, но сами синтезировать текст на данном языке практически не в состоянии [Михальченко 2006: 162]. При этом использование чувашского языка в их сознании имеет четкие ассоциации с «каким-то секретом», «тайной». «Чувашский — мой родной язык, я его понимаю, но я как бы я не разговариваю. Но хорошо, что я его понимаю, он мне интересен, он мне нужен! Ну, чтобы понять, что, может, от меня родители скрыли что-нибудь» (Татьяна Л., 35).

Мотивы, которые движут родителями, помимо чисто практического удобства быть в определенной ситуации непонятым, обсудить «взрослые» темы при ребенке, очень хорошо описаны одной из наших респонденток: «Родители между собой говорили на чувашском, им было удобно, они говорили, что таким образом они обсуждают взрослые вопросы между собой. Им было удобно, что я их не понимаю. Они мне всегда говорили: „Мы, когда в восьмом классе были, поехали в районный интернат жить, над нами русские смеялись, что мы не умеем хорошо говорить по-русски. У нас очень плохой русский язык был“. То есть в этом плане у них была такая мысль, что русский важнее» (Татьяна С., 27).

Коммуникативная функция

Чувашский язык используется в диаспоре и в коммуникативной функции, одной из базовых функций языка: быть средством человеческого общения [Михальченко (отв. ред.) 2006: 92]. Здесь в значительной степени проявляется разрыв между первым и вторым поколениями в использовании чувашского в качестве средства общения: 57% и 13% соответственно.

В первом поколении в выборке — в том числе и на чувашском — в диаспорной среде общаются в основном активные билингвы, выходцы из деревень и небольших населенных пунктов, которые с детства разговаривали на чувашском языке. В московском регионе на чувашский они переходят как в семейно-бытовой сфере, с родственниками своего возраста или старше, или на работе (работники

сферы бытового обслуживания): «Здесь я разговариваю на чувашском часто, на работе тоже, я поваром работаю. И с сестрой, когда встречаемся, разговариваем на чувашском» (Нина П., 54), «на работе бывает на чувашском, как же! Значит, сидим и разговариваем на работе по-чувашски. Кто-то пошел, мы сразу русский начали» (Вера А., 53).

Чувашский язык, как выяснилось, активно используется и в профессиональной коммуникации, в связи с тем, что многие представители диаспоры в силу своей специальности и квалификации заняты на строительных объектах. «В Москве на чувашском тоже разговариваю. Например, на строительных объектах, где ребята-чувашки есть. Когда я работал на стройке начальником участка, у меня были ребята-чувашки. Мы все по-чувашски. У меня руководители ругались: „Чего вы там гыр-гыр?“ А я говорил, что они по-чувашски лучше поймут, что нужно делать. Руководство, конечно, прислушивалось. А куда деваться?» (Василий П., 39).

Тем не менее, некоторые респонденты говорили о том, что в Москве не всегда приветствуется использование других, кроме русского языков, в общественных местах. «Два года назад в метро с подружкой едем и шушукаемся. Нам же удобно на своем языке! Зачем я буду язык ломать? На каком мне удобно, на таком и буду! Хоть на иностранном: хоть на арабском, если мне удобно! И одна сидит и говорит: „Вы думаете хорошо, что на своем языке разговариваете?“. Я говорю: „Слушайте, девушка, а что вы в этом плохого видите? Что в этом стыдного? Я никого не убиваю, не ворую, ничего плохого не делаю. Я разговариваю так, как мне удобно!“ Я так была удивлена тогда! Я в шоке была потом. А подружка: „Это что за девушка была? Почему она запрещает нам на своем языке говорить? Я, может, не понимаю по-другому!“» (Ирина Н., 44).

Что касается письменной коммуникации, то лишь один человек, представитель старших когорт, в выборке в первом поколении заявил: «родителям я писала на чувашском. Я последнее письмо три года назад папе написала, полтора года назад он умер. Сейчас уже в последние годы редко, потому что телефон. Но я все равно писала!» (Надежда Л., 53). Однако молодые члены московской диаспоры заметно чаще пользуются чувашским на письме. Об этом можно судить не только по их собственным признаниям: «соцсети — только чувашские группы, это все чувашское у меня. Раскладка сейчас у меня на работе русская, я не сделала чувашскую. А так — мы комментируем русскими буквами на чувашском, переписываемся на чувашском языке» (Эльвира Е., 38), но и по страничкам в социальных сетях, в которых, как выяснилось, общение действительно ведется на чувашском языке. В основном, это делается намеренно: «если пишешь на чувашском, и кто-то на работе зайдет, не поймет, о чем речь!» (Эльвира Е., 38), «с чувашами — по-чувашски. Для меня это нормально, у меня нет никакого стеснения, никакого комплекса — ну не всем же быть русскими, правильно? Я свободна в этом плане! В течение дня это переписка на чувашском языке, я переписываюсь с подружками по-чувашски. У меня есть раскладка — и на работе, и дома. Они тоже к этому привыкли, мои подружки. Я их приучила! Они мне писали по-русски, сейчас они уже пишут мне по-чувашски. Я ненавязчиво, я просто постоянно отвечала по-чувашски, они тоже постепенно переходили» (Оксана А., 25).

Во втором поколении лишь 13% опрошенных используют чувашский в коммуникативной функции, это те, кто активно владеет чувашским. Но в целом, родители неохотно передают детям родной язык, в результате складывается следующая ситуация: «русский мне родной, чувашский мне не как английский, он более, конечно, родной, но без такого интереса как русский» (Карина П., 19).

Квазикоммуникативная функция

Обратная ситуация наблюдается при использовании членами московской диаспоры чувашского в **квазикоммуникативной функции**: язык употребляется в ограниченном пространстве курсов чувашского языка, которые в течение ряда лет по инициативе активистов, как преподавателей, так и самих учащихся, проводятся бесплатно при полномочном представительстве Чувашской Республики в Москве.

В первом поколении лишь 2% опрошенных имеют непосредственное отношение к курсам, остальные респонденты либо поддерживают идею организации курсов, но сами их не посещают, либо разделяют весьма распространенную точку зрения, высказанную одной из респонденток: «Я вообще не вижу целесообразности этого. Потому что в принципе язык не распространен в Москве, здесь это совершенно не нужно делать. Но я могу предположить, что кому-то нужен чувашский язык на курсах. Но для себя не вижу смысла их посещать. Потому что там изучают литературу, язык с азов. Кто-то только начинает изучать. Но я знаю, что там есть люди разных возрастов — и молодые, и в возрасте люди. Это все же пользуется популярностью» (Елена Т., 34).

По словам одного из непосредственных организаторов и преподавателей курсов, «это осознанно приходящие люди, и поэтому с ними работать легче. То есть, это не то, что школа в городе, обязателька, когда тебе родители говорят: «Зачем ты учишь этот чувашский? Когда еще он тебе пригодится?». Естественно, это уже в подсознании ребенка откладывается, что да, чувашский язык — это язык второго сорта, это язык, с которым нет будущего у тебя, причем нигде. Нет интереса, значит. А если нет интереса, то и не учится язык. А здесь — наоборот. Интерес есть у ребят. Абсолютный» (Евгений С., 31).

В первом поколении в нашей выборке чувашский на курсах изучают уроженцы крупных городов Республики, которые в свое время не изучали чувашский язык в школе: «в то время вообще стеснялись чувашского. Даже если приезжали из деревень, то в основном старались говорить на русском. На курсах я оказался, потому что просто чувствовал какой-то дискомфорт, что не знаю чувашского языка. Ну вернее... не „не знаю“ .., а плохо знаю. Причем такого дискомфорта в молодые годы я не испытывал. У меня такое после сорока началось. Корни свои узнать» (Александр М., 44).

Во втором поколении в нашей выборке, напротив, 20% опрошенных имеют отношение к курсам. «Это дети тех родителей, которые не передали язык, либо оба родителя — чуваша, либо один из них. В любом случае, они, к сожалению, передали язык. И они очень хотят его выучить и интересуются» (Оксана А., 25). Однако отношение молодых родителей, этнических чувашей, в настоящее время,

кажется, немного меняется. «Очень много родителей, которые хотели бы в Москве детей чувашскому обучить, это из тех, кто переехали в свое время, когда им было по 25 лет в Москву. Здесь они, собственно говоря, устоялись, здесь дети родились. В принципе, у них русский язык уже. Но к нам они приводят детишек, чтобы чувашский изучать, но для них нужна отдельная группа» (Евгений С., 31)⁴.

Однако, в целом, по словам преподавателей, трудность заключается в том, что, во-первых, «время крайне ограничено, занятия проводятся всего раз в неделю и акцент прежде всего на грамматике. Когда знаешь грамматику, легче освоить лексику» (Оксана А., 25). Во-вторых, на уроках со взрослыми учащимися преподаватели не ограничиваются учебниками, поскольку «в учебниках мало адаптированных текстов в плане грамматики, а синтаксис вообще слабо освещен. Приходится самой искать тексты, составлять к ним упражнения» (Оксана А., 25). Более того, «сами учебники рассчитаны на чувашей, изучающих чувашский, это не для тех, кто изучает его как иностранный. Лексика мало подходит для реалий города. К примеру, текст о том, как „мы с мамой сажаем морковку“. Такой учебник рассчитан на деревенский уклад, деревенский образ жизни. Отсюда стереотипы: если чувашский, то вышивка обязательно, *тухья*, костюм. Язык далек от современного мира, непременно должны быть картинки людей в костюмах. Эти стереотипы — в головах. Тема чувашского языка всегда связана с культурой и историей» (Оксана А., 25).

С целью уйти от подобных стереотипов в 2016 году возникла идея создать группу изучения чувашской литературы, однако «не классической чувашской литературы, а современной, чтобы показать, что чувашская литература — это не только Константин Иванов» (Оксана А., 25). Помимо этого, в Москве по инициативе преподавателя курсов чувашского языка функционирует разговорный клуб чувашского языка «Аванклуб», задачами которого являются «знакомство с единомышленниками, интересными людьми, приглашенными для проведения лекции; пополнение лексики путем проведения игр на чувашском языке; совместный просмотр фильмов; обсуждение интересных и актуальных тем на чувашском языке» (Оксана А., 25).

Эмоциональная функция

В выборке 34% опрошенных в первом поколении (во втором лишь активные билингвы — 13%) отметили, что выразить **эмоции, как-то: плакать, смеяться или грустить** — им проще только на чувашском языке или на чувашском в том числе (подавляющее большинство респондентов призналось, что «без языка»). «Эмоции только на своем, на чувашском» (Анна М., 65). «Эмоции? Радость, наверное, все-таки это коренное, точно я на чувашском» (Николай Д., 57). «Раз в году или 9-го мая, например, вспоминаю отца, который воевал, вспоминаешь родственников, которых уже нет, плачешь — и это на чувашском! Глубинные эмоции» (Владимир М., 62).

⁴ Замыслы преподавателей осуществились в ноябре 2016 года, когда была открыта группа изучения чувашского языка для детей.

Более того, представители первого поколения, называвшие родным русский язык, тем не менее заявили, что с чувашским языком у них тоже связаны эмоции. «Я иногда раньше, хоть я не знал языка, специально приезжал на Казанский вокзал к поезду, приходящему из Чебоксар, чтобы пройти по перрону, послушать чувашскую речь! Меня очень трогало. Не понимаю даже, но чувствовал, что родное!» (Вячеслав Л., 62). «Знаете, что я заметила! Недавно, когда были на Новый год в Чебоксарах, я ощутила в первый раз за всю свою жизнь, когда услышала чувашскую речь, что я соскучилась! По вот этой речи! Я даже когда в Москве хожу, когда слышу казахов, татар, ощущение внутри какой-то искренней радости. Как хорошо, приятно слушать! То есть все равно, на старости лет это начинается, хоть я и не старая» (Ирина О., 33).

В ходе обследования респонденты первоначально затруднялись ответить на вопрос о том, на каком языке/языках они обычно выражают эмоции. Интересно, что после уточнения, что «эмоции» включают в себя спектр «смеяться, плакать, грустить», именно мужчины все равно не могли ответить на вопрос, тогда как женщинам это уже не составляло труда. Однако, как только мужчин — и активных, и пассивных билингов — спрашивали о том, на каком языке они обычно ругаются, выражая и таким образом свои эмоции, они заявляли следующее: «иногда бывает и на чувашском здесь, когда сильно психуешь и выходишь из себя» (Евгений Б., 27)», «за рулем, бывает, на чувашском ругаешься» (Дмитрий М., 33), «ругаться — на русском, но высказывают тоже иногда на чувашском. Как-то не задумывался. Сам с собой только» (Валерий Т., 59), «чувашаи — специфическая нация. Одно время говорили, что у них нет нехороших слов, матерщины. Хотя там все-таки немного все-таки есть. Но иногда у меня выходит какое-нибудь слово. Здесь. Под настроение!» (Владимир Н., 58).

На чувашском приходится выражать свои эмоции в гневе и женщинам (14% женщин, представительниц исключительно младших возрастных когорт, в выделенной нами группе, тогда как мужчин — 24%): «А вот если ругаться — то вот здесь можно вспомнить маму и ругаться чаще на чувашском!» (Екатерина П., 28). «Как придется, могу и по-русски. Но если не понятно, могу и по-чувашски, чтобы понятнее было!» (Алина Н., 27).

Другие функции

Респондентам был задан и вопрос о том, на каком языке **им снятся сны**⁵. Большинство опрошенных ответили, что «без языка», «не помню», «трудно сказать», однако 27% в первом поколении и 13% во втором отметили, что сны им снятся и на чувашском в том числе. «И на чувашском, и на русском. И так, и так бывает» (Станислав Г., 32).

Респонденты заявили, что им доводится видеть сны на чувашском в ряде случаев.

Во-первых, это связано с определенным местом на малой родине в Чувашии. «Если что с деревней нашей связано, то на чувашском» (Вера Т., 52), «когда с

⁵ Функция была предложена Т.Б. Агранат.

домом связано, то на чувашском» (Эльвира Е., 38), «если мне снится мой родной дом. Именно старый деревянный дом, пятистенок, хотя там он давно уж переделан, его давно нет! Вот он мне снится на чувашском» (Раиса А, 59).

Во-вторых, сон на чувашском будет связан с определенным человеком, с которым в жизни респондент общается на чувашском языке. «Если маму или папу вижу, то на чувашском снятся» (Ирина Н., 44). «Сны... опять — кто в этих снах. Если родители, естественно, и на чувашском могут сниться. Свекровь может на чувашском сниться, и по-чувашски разговаривать» (Татьяна И., 35). Также во сне на чувашском респонденты разговаривают с ушедшими из жизни родственниками и близкими, с которыми и в детстве разговаривали по-чувашски: «на чувашском было, я там с дедушкой общалась, да, бывает» (Эльвира Е., 38), «я сны вижу и с матерью разговариваю. На чувашском. Когда она умерла, я прямо мучилась, каждую неделю мать видела до года. Прямо вот... все по-чувашски!» (Роза О., 45).

В-третьих, сон на чувашском языке может быть связан с каким-то событием, имеющим непосредственное отношение к малой родине: «очень часто сны на чувашском, безусловно. Тоска по родине есть, не знаю откуда, у меня самый частый сон: мне снится свадьба брата. Видимо, это такой яркий отпечаток был, лет десять назад была свадьба. Абсолютно чувашская. Снится, как тетки выходят в народных костюмах, такие нарядные, красивые, как лебеди. И гордые они стоят, и бабушки к ним подходили старенькие, что, типа, вы как артистки! Они просили их повернуться: можно ли дотронуться до ваших украшений? Да, на чувашском вижу это» (Евгений С., 31).

Резюмируя вышесказанное, приведем ответ одной из респонденток: «и на чувашском, и на русском. Это связано, наверное, с какими-то событиями. Если я вижу во сне какого-то человека, с кем я общаюсь на русском, я думаю — на русском. Если какое-то событие, где там кто-то связан с чувашским, с кем я могу пообщаться на чувашском, тогда на чувашском. Наверное, так» (Елена Т., 34).

Лишь 1% респондентов в нашей выборке и только в первом поколении использует чувашский язык в **сакральной функции** как посредник в общении с душами умерших родственников. «Я сейчас уже на пенсии, но столярничаю, деревяшками занимаюсь, всякое делаю. Мой дед на старости лет тоже столярничал. И у него столярка была, и он мастером хорошим был, оконные рамы делал! И вот, когда что-то не получается или заказов нет, я вспоминаю его и говорю тогда на чувашском языке: „Помоги дед, Марк Никанорович, у меня ничего не получается, у меня нет заказов!“ . Иногда, мне кажется, когда я его очень прошу, мне потом заказ приходит, вроде опять жить начинаешь» (Владимир М., 62).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что распределение и виды функций чувашского языка в диаспорной среде московского региона целиком зависят от поколения.

В первом поколении наряду с символической функцией языка, особенно возрастающей в связи с проживанием вне малой родины, лидируют также фатическая, эмпатическая, коммуникативная и конспираторная функции.

Во втором поколении ввиду угасания коммуникативной функции язык играет скорее роль символа групповой идентификации, в значительно меньшей степе-

ни — роль тайного языка у тех, кто в определенной мере владеет чувашским языком, однако те, кто не знают чувашского, но испытывают тягу и интерес к корням, способствуют развитию квазикоммуникативной функции чувашского в рамках курсов и кружков по изучению чувашского языка в Москве. Сакральная и эмпатическая функции были указаны лишь представителями первого поколения, ввиду того, что они непосредственно связаны со степенью владения языком, с коммуникативной функцией. Сводные данные приведем в таблице 3.

Таблица 3

Распределение функций чувашского языка в диаспоре московского региона

Функции	Поколение I	Поколение II
символическая функция	0%	5%
фатическая функция	2%	7%
эмпатическая функция	69%	—
конспираторная функция	46%	27%
квазикоммуникативная функция	2%	20%
коммуникативная функция	57%	13%
эмоциональная функция	34%	13%
сны	7%	3%
сакральная функция	1%	—

© Куцаева М.В.

Дата поступления: 15.06.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алос-и-Фонт Э.* Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. ст. / под ред. И.И. Бойко и А.В. Кузнецова. Чебоксары: ЧГИГН, 2015.
2. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
3. *Зассе Х.-Ю.* Теория языковой смерти // Социоллингвистика и социология языка / Отв. ред. Н.Б. Бахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 433—458.
4. *Кондрашкина Е.А.* Сферы общения и язык // Язык и общество. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 460—464.
5. Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.

УДК: 811'512.111'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145

**FUNCTIONS OF THE CHUVASH LANGUAGE
IN MOSCOW REGION DIASPORA GROUPS**

Marina V. Kutsaeva

Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences)
1 building 1, B. Kislovskiy side-street, Moscow, Russia, 125009

Abstract. This article deals with the functions of the Chuvash language in diaspora groups: it is a titular language in the Chuvash Republic of the Russian Federation, yet mainly spread in diaspora groups, in the case of this study it is a diaspora group, inhabiting Moscow and Moscow region. The survey is based

on the study of around 100 Moscow diaspora members, who claim to be ethnic Chuvash. The paper states and covers a number of functions of the Chuvash language in diaspora: symbolic, phatic, empathetic, communicative, quasi-communicative, conspiratorial functions, as well as makes an attempt at determining a language or languages which help respondents to express their emotions or dreams. As a result, a distribution of the functions of the Chuvash language has been established depending on the first or the second generation, a number of regularities and patterns have been brought to light, that mainly deal with the use of the language under certain circumstances in diaspora groups.

Key words: the Chuvash language, diaspora, functions of the language

REFERENCES

1. Alos i Font, H. (2015). Survey of the language situation in the Chuvash Republic: collected articles under the editorship of I.I. Boyko and A.V. Kuznetsov. Cheboksary: Publishing House of Chuvash State Institute of Humanities. (in Russ.).
2. Guboglo, M.N. (1998). Languages of ethnic mobilization. Moscow. (in Russ.).
3. Sasse, H.-J. (2012). Theory of language death. In *Sociolinguistics and sociology of the language*. SPb.: Publishing House of European University in St Petersburg. pp. 433—458. (in Russ.).
4. Kondrashkina, E.A. (2016). Spheres of communication and the language. In *Language and society*. Moscow: Publishing centre “Azbukovnik”. pp. 460—464. (in Russ.).
5. Dictionary of Sociolinguistic Terms (2006) under the editorship of V.Yu. Mikhal’chenko. Moscow: the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). (in Russ.).

Для цитирования:

Куцаева М.В. Функции чувашского языка в диаспоре московского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1131—1145. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145.

For citation:

Kutsaeva M.V. (2017) Functions of the chuvash language in moscow region diaspora groups. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1131—1145. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145.

Marina V. Kutsaeva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1131—1145. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145.

Сведения об авторе:

Куцаева Марина Васильевна, соискатель ФГБУН Институт языкознания РАН; научные интересы: социолингвистика, урало-алтайские языки; e-mail: moscoop@yandex.ru

Bio Note:

Kutsaeva Marina Vassilievna, post-graduate at the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences); *Scientific Interests:* sociolinguistics, ural-altaic languages; e-mail: moscoop@yandex.ru



УДК: 81'272(669)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1146-1160

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В НИГЕРИИ

А.А. Борисова¹, Н.Ю. Ильина²

¹Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Россия, 123995

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 10, корп. 2 «А», Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается языковая ситуация и языковая политика в одной из самых полиэтнических стран африканского континента — Нигерии. Социолингвистическая ситуация в стране отличается чрезвычайной сложностью в связи с тем, что в Нигерии проживает 250 этнических групп, представители которых говорят на 521 языке. Официальным языком в стране является английский. В сложной этнополитической ситуации в Нигерии идут дискуссии по поводу развития и сохранения местных автохтонных языков. Английский язык в Нигерии взаимодействует с множеством автохтонных языков и нигерийским пиджин-инглиш. Нигерийский пиджин-инглиш является маркером идентичности и солидарности населяющих страну народностей. Наблюдается поляризация коммуникативных функций английского языка и нигерийского пиджина. Английский язык выполняет официальные функции и стоит на более высоком социальном уровне, а нигерийский пиджин не пользуется большим престижем и выполняет бытовые функции. Английский язык играет огромную роль в приобщении нигерийцев к современному типу знания, формировании нового мышления и активизации созревания национального самосознания.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковое планирование, официальный язык, автохтонные языки, средства межэтнического общения, нигерийский пиджин-инглиш

ВВЕДЕНИЕ

Языковая политика гетерогенных в этническом и языковом отношении стран, основные тенденции развития национально-языковой политики в поликультурном образовательном пространстве представляют сегодня интерес и актуальность.

Решение лингвистических проблем многонациональных государств должно осуществляться с учетом статуса разноязычных коллективов в условиях двуязычия, многоязычия, а также с учетом форм их социального взаимодействия [Голубина, Салыгина 2013: 132]. Поскольку язык является объектом планирования, необходимо активное вовлечение в этот процесс специальных государственных органов, которые будут регулировать стихийный ход языкового развития.

Нигерия является одной из крупнейших стран английской речи, социолингвистическая ситуация в которой многокомпонентная. Английский язык был провозглашен официальным языком Нигерии в рамках Федеральной Конституции. Английский язык в Нигерии взаимодействует с множеством автохтонных языков и нигерийским пиджин-инглиш.

Нигерия имеет особую историческую судьбу по сравнению с другими бывшими британскими колониями в Африке. Страну, которая является крупнейшим по численности населения государством континента, называют «Африкой в миниатюре». Население Федеративной Республики Нигерии 170 млн человек (оценка 2012 г.). В Нигерии отмечены многие характерные для всей Африки события и процессы политического, экономического и социально-культурного характера.

Нигерия относится к чрезвычайно гетерогенным в языковом отношении государствам. Описание языковой ситуации позволяет раскрыть характер языковой политики государства, прогнозировать тенденции развития языков в стране.

Для Нигерии актуальными проблемами являются многоязычие, двуязычие, соотношение национальных языков и языка межнационального общения, языковое строительство и языковая политика, а также вопросы, которые касаются формирования и становления национальных литературных языков, выбора языка общегосударственного общения.

БРИТАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ

Известно, что «влияние контактов с Европой на доколониальное развитие африканских народов до сих пор остается одной из самых спорных и актуальных проблем африканской истории» [Кочакова 1981: 81]. В южных районах Нигерии, на побережье Бенинского залива, для ведения дел с европейскими купцами и путешественниками африканцы использовали европейские языки. В XVI в. верхушка бенинского общества (царь, представители знати, чиновники, ведающие сношениями с европейскими купцами) умела читать и писать по-португальски. В 1514 году по приказу португальского короля Мануэла для отправки бенинцам в подарок была подготовлена 1 тысяча книг (очевидно, религиозного содержания). В работорговых государствах-посредниках Дельты Нигера, по сообщению английского путешественника Адамса в конце 18 века, многие африканцы умели писать по-английски [Кочакова 1981: 81].

На протяжении более 3-х столетий преобладающей формой контактов между народами Нигерии и Европы были работорговля, т.е. насильственный вывоз рабов-африканцев на плантации и рудники колоний Нового Света и некоторых других колоний европейских держав.

На современный английский язык в Нигерии оказали влияние языковые контакты, естественное развитие языка, а также социально-исторические и культурологические факторы.

Англичане принесли в Нигерию английский язык, христианство и элементы европейской (англосаксонской) культуры. Языковые контакты английского языка и автохтонных языков Нигерии повлияли на появление в нигерийском варианте английского языка национально-специфических черт, которые проникают во все уровни языка, затрагивая как фонетику, так и грамматику и лексику.

Характер колониальной политики в Африке, проводимой Францией (прямой) и Англией (косвенный) в области языка и культуры, был следующим: во французских колониях характерно стремление ограничить использование местных языков

только сферой устного бытового общения с внедрением в более высокие сферы французского языка. Местная образованная прослойка элиты стимулировалась к дальнейшей галлизации.

В английских колониях наблюдалась тенденция к распределению функций между местными языками и английским; христианские миссионеры проводили работу по модернизации наиболее значимых местных языков, осуществлялись переводы Библии на многие местные языки; периодические издания печатались на местных языках. Англичане поддерживали параллельное существование английской культуры и африканской, это была так называемая политика «культурной дифференциации». Британская система образования в колониях носила элитарный характер и была направлена на создание немногочисленной группы образованных африканцев.

В Нигерии колониальный режим Великобритании был провозглашен на территории, где национальные языки не достигли достаточного уровня кодификации. Границы нового государства были образованы искусственно, без учета этнических или культурных общностей. Колониальный режим блокировал дальнейшее развитие местных языков, сделав язык метрополии языком администрации и обучения. Страна унаследовала сложную многоязычную ситуацию, когда наблюдается стремление развивать свои языки как символ идентичности, но в условиях языкового разнообразия населяющих страну этносов сохраняется язык колонизаторов. Это язык английский, язык международного общения, а также официальный язык образования.

Оценивая последствия колониальной политики Великобритании в Нигерии, не следует останавливаться только на их негативном аспекте. Конечно, национальная культура ущемлялась, и нигерийцы были оторваны от вековых традиций. При этом колониальная политика, заключавшаяся в приобщении африканцев к западной системе образования и другим формам западной цивилизации, внедрение английского языка в школах наряду с автохтонными языками способствовало тому, что большая часть населения Нигерии стало двуязычным. Это, в свою очередь, способствовало получению качественного образования в вузах страны или Великобритании, а также успешной социализации этой части нигерийцев, владеющей английским языком (в первую очередь получению хорошо оплачиваемой квалифицированной работы).

Бикультурная нигерийская автохтонная интеллигенция создала огромный пласт англоязычной художественной литературы, в которой проявился новый тип художественного сознания. Литераторы Нигерии еще в период колониального господства при помощи английского языка рассказали миру о своей стране, показали ее самобытность, древнюю культуру. Англоязычные писатели Нигерии именно благодаря языку бывшей метрополии, ставшему глобальным в наши дни, смогли занять достойное место в мировом литературном процессе и активно заявить о себе. Среди крупнейших писателей Нигерии — Воле Шойинка, Чинуа Ачебе, Сиприан Эквенси, Бучи Эмечета, Флора Нвапа, Акачи Адимора Эзеигбо, Ифеома Окойе, Чимаманда Нгози Адичи. Эти авторы синтезировали западноевропейские культурные ценности, не забывая о духовных традициях своих народов, издавна

населявших Нигерию. Нигерийские писатели, образованные африканцы, люди «двух миров», создали произведения, ставшие примерами синтеза двух культур — африканской (нигерийской) и европейской. Среди литераторов страны — лауреаты престижных международных литературных премий (Воле Шойинка, Бен Окри, Чимаманда Нгози Адичи).

Английский язык, получивший распространение в Нигерии в колониальную эпоху, внедренный в образование в стране, стал основным языком художественной литературы и национальной культуры в целом. Значительный перевес по степени адекватности английский язык имеет над автохтонными в отношении их способности выражать категории, связанные с современной наукой и культурой.

Невозможно переоценить ту роль, которую сыграл английский язык в развитии африканской общественной мысли. Что касается местных африканских языков, то они точнее отражают культурно-этнические категории, сложившиеся в рамках традиционных автохтонных обществ.

Европейские языки, сложившиеся и развивающиеся в рамках европейской цивилизации, гибко приспосабливаются к передаче категорий абсолютно отличной культуры. Английский язык в Нигерии по-своему отражает своеобразие африканской действительности и африканской ментальности и в целом языковую картину мира нигерийцев.

ОБРАЗОВАНИЕ В НИГЕРИИ

В современной Нигерии доминирующие позиции имеет образование западного типа, поэтому английскому языку придается огромное значение.

Известно, что колониальным захватом предшествовала деятельность христианских миссионеров, которые в 19 веке принесли нигерийцам европейскую грамоту (это была письменная культура в латинской графике). Именно христианским миссионерам принадлежит огромная роль в распространении системы западного образования, а также насаждении христианства среди жителей страны. С этой целью были организованы школы при миссиях, где африканские дети обучались читать и писать на английском языке, воспитывались в духе христианской морали, узнавали Библию. Известно, что миссионеры организовывали учебные центры для подготовки учителей начальных школ, а также «содействовали европейским торговым колониям и колониальной администрации, способствуя восполнению дефицита британских служащих в условиях тропического климата, подготовке клерков и кадров вспомогательного персонала в помощь деятельности администрации, а также посредников (переводчиков) для общения с местным населением» [Катагощина 2013: 22].

Колониальная администрация непосредственно приступила к разработке политики в области образования лишь в 1925 году, когда был выпущен Меморандум по вопросам образования в британских территориях, который был нацелен на адаптацию образования к местным условиям, что не соответствовало идее миссионеров насаждать культуру англичан во всех сферах жизни нигерийцев.

В колониальный период, наряду с увеличением количества новых школ, началось становление высшего образования в Нигерии. В 1948 году был открыт

Ибаданский университетский колледж, который готовил нигерийскую интеллектуальную элиту в духе традиций Великобритании и воплотил английскую модель высшего образования в африканских колониях.

До завоевания независимости в 1960-е годы большинство нигерийцев получали высшее образование на Западе — в Европе и США. В 1953 году отмечалось, что в Ибадане обучалось 400 нигерийцев, а за границей — 2000 [Катагощина 2013: 26].

В независимой Нигерии (1960 г.) образование было направлено на ликвидацию неграмотности среди разных слоев населения, в связи с чем с 1976 года существует обязательное начальное образование, которое осуществляется на местных языках (начальные школы находятся под юрисдикцией местных правительств, с целью усиления их ответственности). Обучение на последующих этапах осуществляется на английском языке. Языковой фактор крайне важен в образовании, а выбор языка обучения имеет особое значение. Иногда дети обучаются на языке, на котором в их семьях не говорят. Результатом плохой успеваемости является обучение на языке, который школьники почти не знают и с трудом понимают. В крупных городах учащиеся в одном и том же классе могут представлять различные этнические группы, не зная никакого другого языка, кроме родного, а учитель может не владеть ни одним из языков своих учеников [Исмагилова 2013: 27]. Такое многоязычие порождает проблемы, в том числе при наборе педагогических работников, а также разработке учебных программ.

Проблема нехватки квалифицированных преподавателей является актуальной для сегодняшней Нигерии. В среднем в государствах Тропической Африки на одного учителя приходится 40 учеников. Проблема учителей также заключается как в их квалификации, так и в оплате труда. Содержание образования в начальной школе сегодня (с 6 лет до 11 лет) включает изучение родного языка (это язык обучения в течение первых двух лет), английского языка с третьего года обучения, а также языка одной из трех основных этнических групп, изучение которых правительство всячески поощряет.

В 2005 году в Нигерии принят закон о Всеобщем начальном образовании (Universal Basic Education — UBE), пришедший на смену программе 1976 года о Всеобщем начальном образовании. Новая программа предполагает бесплатное, обязательное и всеобщее базовое образование каждому нигерийскому ребенку в возрасте начальной школы и младших классов средней школы (от 6 до 14 лет). Эта программа была разработана в соответствии с международным проектом «Цели развития тысячелетия» (Millenium Development Goals) в 2002 году, рассчитанным до 2015 года, и международным документом «Образование для всех» (Education for all), принятым в 1990 году на конференции в Тайланде.

В Нигерии сегодня образование создано по схеме 9—3—4 (из них 9 лет — 6 лет в начальной школе и 3 года младших классов средней школы, 3 года обучения в старших классах средней школы и 4 года обучения в высшей школе).

Комиссия Universal Basic Education Commission (Комиссия всеобщего начального образования) наблюдает за состоянием образования. Новая программа включает задачу воспитания «национального сознания» (national consciousness), а также

ценностей, которые необходимы для выживания личности и нигерийского общества, то есть для единства народов Нигерии.

Отмечается низкий уровень квалификации многих учителей английского языка, что отражается на уровне знания английского языка выпускников, для которых английский язык необходим для продолжения учебы и в целом для существования в условиях африканского социума.

Численность учащихся средних школ растет, в 2008 году насчитывалось 44% от молодежи этого возраста, т.е. в средних школах училось более 6 млн человек. Следует отметить, что в средних школах положение достаточно бедственное, выпускные экзамены 2011 года выявили, что лишь около трети выпускников получили для поступления в вуз хорошие оценки, включая результаты по английскому языку. Нигерия имеет очень низкий уровень грамотности среди выпускников начальных школ, имея показатель в 82% (2006 г.), что в целом характерно для стран Западной Африки. Тем не менее, в XXI веке отмечается рост грамотности среди молодежи в возрасте 15—24 лет, что вселяет надежду на улучшение ситуации в сфере образования в государстве.

Несмотря на разрастание системы среднего образования, политика в области образования в стране переживает кризис, что сказывается на низкой квалификации педагогического состава, на качестве обучения и приводит к массовому отсеву учащихся, то есть к тому, что многие молодые нигерийцы не заканчивают школу. В целом, когда половина населения Нигерии живет в условиях нищеты, многие дети в школе не учатся (согласно докладу министра образования, в 2008 году 8 млн детей — 40% детей, достигших возраста начальной школы, в школу не ходили; 60% детей не учились в средней школе), широко распространен детский труд (по данным доклада ЮНИСЕФ от 2005 года, в Нигерии насчитывалось 15 млн работающих детей).

Что касается высшего образования, обучение осуществляется на английском языке. В Нигерии находится наибольшее количество университетов среди государств не только Западной, но и Тропической Африки. По данным 2011 года, в стране насчитывалось более 100 университетов, и, как ЮАР и Сенегал, Нигерия стала центром образования в Африке, где обучаются студенты из других стран континента. Следует отметить, что нигерийцы также стремятся получать образование на Западе и искать там работу.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В НИГЕРИИ

По форме государственного устройства Нигерия является федерацией, состоящей по конституции 1999 г. из 36 штатов и Федеральной столичной территории Абуджа. При образовании новых штатов главным было стремление создать такую политическую структуру, при которой исключалась бы возможность господства в федерации какого-либо народа [Петрук 2013: 138]. Нигерийская федерация основана не на союзе суверенных государств, а на автономии входящих в нее штатов. Характерной чертой нигерийской федерации является высокая степень ее централизации. В статье 2 Конституции, закрепляющей федеративное устройство, под-

черкивается, что «Нигерия является единым, неделимым и нерушимым суверенным государством» [Петрук 2013: 138]. Централизованный характер федерации проявляется, прежде всего, в распределении компетенции между федерацией и штатами. В условиях Нигерии с ее крайне сложным этническим составом населения большое значение имеют положения конституции 1999 года о национальной политике государства. Ее важнейшими принципами являются упрочение национального единства и обязанность государства содействовать национальной интеграции, воспитывать у различных народов чувство их общей принадлежности к стране [Петрук 2013: 139].

Следует отметить, что 36 нигерийских штатов неоднородны по своему этническому составу: многие штаты полиэтничны, некоторые штаты населены представителями одной этнической общности. Неудивительно, что лингвистическая ситуация в стране весьма сложная. В Нигерии проживает 250 этнических групп, представители которых говорят на 521 языке. 70% населения Нигерии приходится на три народа: хауса — 29%, йоруба — 21%, игбо — 18%. 10% составляют иджо, 4% — канури, 3,5% — тив, 2% — эфик. Таким образом, на 9 народов Нигерии приходится 90% всего населения. Официальным языком, по Конституции, как мы уже отмечали, является английский язык, язык бывшей метрополии, неавтохтонный язык, этнически не закрепленный ни за одной общественной группой.

Языки трех крупных народов — хауса, йоруба, игбо — являются ведущими в трех регионах страны — Северном, Западном и Восточном. Следует отметить, что, если штаты в Нигерии были образованы с учетом традиционно сложившихся историко-культурных и этнолингвистических общностей, этнолингвистическая карта страны гораздо сложнее, чем политико-административная. Языки коренного населения Нигерии подразделяются на ряд семей, каждая из которых, в свою очередь, делится на группы и подгруппы, подгруппы — на языки, а языки — на диалекты.

Говоря о языковой политике в Нигерии, отметим, что под языковой политикой понимается «языковой аспект государственной политики по национальному вопросу» [Голубина, Салыгина 2013: 163], «совокупность мер, предпринимаемых обществом для изменения или сохранения языковой ситуации» [Германова 2008: 106], «система мер сознательного воздействия на функциональную сторону языка и — в известных пределах — на его структуру, осуществляемых государством... или любыми общественными течениями, мер, являющихся частью их общей политики и соответствующих их целям» [Швейцер 2012: 150]. Такие меры направлены на функционирование языков данного региона. В Нигерии языковая политика осуществляется в условиях многоязычного государства. Область языковой политики включает такие проблемы, как выбор государственного языка, сохранение языков меньшинств, определение состава языков для использования в системе образования, юриспруденции, СМИ и т.д.

В многонациональном государстве языковая политика имеет огромное значение; также очень важен выбор типа проводимой языковой политики. Если языковая политика направлена на расширение функций языков, сферы их применения, развитие литературных языков, она носит конструктивный характер. Когда язы-

ковая политика нацелена на ограничение сферы употребления языка, она деконструктивна. Термин «языковое строительство» используется применительно к осуществлению конструктивной и перспективной языковой политики, когда намечена ориентация на изменение существующей языковой ситуации, то есть языковое строительство является одним из элементов языковой политики [Швейцер 2012: 152].

Языковая политика Нигерии отражена в таких документах, как Конституция Федеративной Республики Нигерии (1999) и Государственная политика в области образования (2004). Языковая политика в Нигерии в условиях многоязычного государства носит централизованный характер, проводится правительством страны и предусматривает систему общеобязательных мероприятий. Ее отличает плюрализм — стремление сохранить самобытность разных этнических групп — и интеграция — нацеленность на объединение различных этносов и предоставление им возможности сохранить свою идентичность. Языковая политика направлена на стабилизацию межэтнических отношений и консолидацию полилингвистического социума.

Наряду с выбором государственного или официального языка важным является также определение статуса языков национальных меньшинств.

Языки Нигерии имеют различный официальный, социальный и образовательный статус. Имеются три уровня языков: 1) федеральные (хауса, йоруба, игбо); 2) языки штатов (канури, ибибио, эфик, эдо, тив, нупе), при чем правительства штатов объявляют соответствующие языки официальными; 3) языки малочисленных этнических групп, используемые органами местного управления и в повседневной жизни в небольших городках и поселениях [Исмаилова 2013: 27].

Субъектами языкового планирования могут быть отдельные лица, нормативная деятельность которых оказывает влияние на функционирование языка. Известна большая роль, которую сыграл в вопросе стабилизации лексических норм нигерийского английского языка крупный нигерийский лингвист Г. Игбоануси, составитель первого нормативного словаря нигерийского варианта английского языка [Igboanusi 2002].

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НИГЕРИИ

Этноязыковая ситуация в Нигерии отличается разнообразием и гетерогенностью. Языки Нигерии входят в три из четырех крупных семей, на которые делятся языки континента: афразийскую, нигеро-кордофанскую и нилосахарскую. В Нигерии отсутствует койсанская семья языков.

Языковое многообразие создает проблемы, которые требуют решения на современном этапе этнокультурного развития страны. Языки Нигерии принадлежат к различным языковым семьям, далеки друг от друга, что осложняет этноязыковую ситуацию. Хотя национальные языки используются в школе, радиовещании, СМИ, проблема местных языков остается нерешенной. Обучению на родных языках мешает многоязычие, характерное прежде всего для крупных городов.

Этноязыковая ситуация в Нигерии осложнена тем, что внутри этносов проживают представители других этнических групп со своими языками и культурами,

например, сезонные работники из соседних областей или государств. Отличительная характеристика коммуникативных сред в стране — существование билингвизма и мультилингвизма среди местного населения. Нигерийцы вынуждены говорить на нескольких языках, осваивать второй язык, значительно отличающийся от его родного. В такой сложной языковой ситуации отмечается характерный для Африки двухъярусный билингвизм [Клоков 2000: 96], когда нигерийцы, кроме своего родного, используют английский язык, а также наиболее распространенные в районе проживания автохтонные языки межэтнического общения. Общая тенденция развития языковой ситуации в африканских странах — исчезновение ряда мелких языков (аджава, баса-гумна, холма, айюокава, гамо-нинги, кпати, мава, куби, тешенава и др.) и укрупнение других языков народов континента. В плане владения английским языком население Нигерии представляет континуум, который образует незначительная элита, владеющая английским языком на уровне акролекта, а также основная масса нигерийцев, не владеющая или очень слабо владеющая английским языком (базилектальный уровень), а между этими полюсами находится население, удовлетворительно владеющее английским языком (мезолектальный уровень).

Таким образом, наблюдается правильное владение английским языком, отмеченное британской классической нормой, а также вариант английского языка, используемый грамотными нигерийцами в их повседневном устном общении. В этой разновидности наряду с правильными формами английского языка употребляются элементы местной нормы, которые образовались в процессе приспособления английского языка к африканским условиям.

Вступая в контакт с автохтонными языками, английский язык подвергается нативизации и адаптируется для выражения культуры своего этноса. Специфичность речи нигерийцев проявляется в первую очередь на лексическом уровне: это заимствования слов, которые употребляются в повседневной речи (*fufu* — блюдо из ямса), неологизмы (*second burial* — вторые похороны), фразеологизмы (*when she opens her mouth English begins to pour from it like heated palm oil*). На грамматическом уровне наблюдается тенденция употреблять традиционно неисчисляемые существительные во множественном числе (*furnitures*). Часто стативные глаголы употребляются в продолженном времени (*I am hearing you*). Для нигерийского варианта английского языка характерен так называемый универсальный разделительный вопрос, в котором нарушены правила грамматики (*You come from London, isn't it?*).

НИГЕРИЙСКИЙ ПИДЖИН-ИНГЛИШ

Начало современных контактов между Европой и Африкой относится к XV—XVIII векам, когда европейцы открыли континент и установили с африканцами торговые отношения. Первыми европейцами, вступившими на нигерийскую землю, были португальские мореплаватели, и языковые контакты между нигерийцами и первыми португальскими купцами, прибывшими в Нигерию, развивались с помощью быстро образовавшегося там упрощенного португалоязычного пиджина.

Общение других поселенцев из Европы устанавливалось посредством формирования пиджинов на основе английского языка, а также других европейских языков. М.В. Дьячков отмечает, что на Западноафриканском побережье Африки в XVI—XVII веках происходила пиджинизация многих европейских языков, когда осуществлялись ситуативно ограниченные и несистематические контакты между двумя или несколькими разноязычными общностями, в результате чего язык одной из них подвергался значительной редукции на всех уровнях и существенному изменению своей структуры (цит. по [Клоков 2000: 59—60]).

В последние два десятилетия в ситуации языкового многообразия отмечается возрастание роли нигерийского пиджина, являющегося самым распространенным средством межэтнического общения. Средства массовой коммуникации, современные средства связи, политическая пропаганда, реклама способствуют тому, что нигерийский пиджин инглиш получает все большее распространение.

Наблюдается поляризация коммуникативных функций английского языка и нигерийского пиджин-инглиш. Английский язык выполняет официальные функции и стоит на более высоком социальном уровне, а пиджин стоит на более низком социальном уровне и выполняет скорее бытовые функции. В государственных учреждениях беседа с посетителем будет начата на английском, пиджин будет использован или в случае незнания английского языка, или если в процессе разговора будут установлены менее официальные отношения.

Несмотря на то, что ученые-лингвисты неоднократно обращались к правительствам Нигерии с просьбой признать пиджин официальным языком, эти пожелания не были услышаны. Однако отношение к пиджину, который раньше воспринимался как язык малограмотных, стало меняться, и он все больше проникает в различные сферы жизни общества.

На нигерийском пиджине выходят радиопрограммы, существует специальная радиостанция — WAZOBIA (это слово происходит от глагола «приходить» на трех языках: ВА — йоруба, ЗО — хауса и БИА — игбо), существует телеканал, печатаются афиши, плакаты, объявления на пиджин. Нигерийские литераторы используют пиджин в своих произведениях, главным образом для индивидуальной характеристики персонажей. В последнее время появились толковые словари, поясняющие на английском языке значение слов из пиджин.

Нигерийский пиджин становится все более популярным в Нигерии. Он претерпел и продолжает претерпевать множество изменений за 500 лет, обогатив свой лексикон заимствованиями из автохтонных языков Нигерии, а также из европейских языков, в первую очередь английского. Нигерийский пиджин способствует межэтническому общению и взаимодействию между нигерийцами, а также между нигерийцами и иностранцами. Нигерийский пиджин является самым широко распространенным языком среди нигерийцев и различных этнических групп как в официальной, так и неофициальной сфере.

Как любой пиджин, нигерийский пиджин, не являющийся родным ни для одной этнической группы, является неофициальным языком, и, как отмечает нигерийский лингвист Балогун, «маргинальным» языком, который используется в коммуникации между людьми, не говорящими на языке друг друга. Еще одной важной

чертой пиджина является упрощение его грамматической структуры и вокабуляра; фонологическая, морфологическая и грамматическая структуры нигерийского пиджина существенно ограничены по сравнению с любым другим стандартизированным языком.

Нигерийские лингвисты считают, что пиджин является маркером идентичности и солидарности. Это межэтнический код, доступный нигерийцам, у которых нет другого общего языка. В последнее время правительство страны стало осознавать важнейшую роль, которую нигерийский пиджин играет в объединении населения. Реклама, афиши, плакаты, правительственные призывы создаются на этом языке: *As you dey cook, pepper go pour you. Oil go pour oyu many things go pour you. Na this new omo I take wash them. E no day change color* [Balogun 2013: 95].

Каждая из 250 этнических групп в стране может общаться на пиджине, при этом обогащая пиджин лексикой из автохтонных языков.

Пиджин получил широкое распространение благодаря своей упрощенности, и в настоящее время нигерийские лингвисты отмечают, что нигерийский пиджин начинает подвергаться креолизации, то есть он начинает обслуживать все основные коммуникативные потребности общества, включая сферу семейного бытового общения.

Нигерийский пиджин является языком политических кампаний, языком бизнеса, он широко используется на радио, телевидении, в музыкальных произведениях, кино, мыльных операх. Пиджин является языком общения студентов, а также профессуры, то есть это язык, используемый разными социальными слоями нигерийского общества: элитой, образованными людьми, необразованными и малограмотными. Опубликовано две антологии поэзии Нигерии на пиджин.

ДИСКУССИИ ПО ПОВОДУ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ В НИГЕРИИ

Проблема языка вызывает в Нигерии огромные дискуссии. Выдвигалась идея о необходимости сохранить английский язык в качестве государственного, представители другой точки зрения выступают за развитие местных языков и замены языка бывшей метрополии одним или несколькими из них.

Нигерийские ученые выражают тревогу по поводу тенденции все меньше использовать родные языки. Настойчиво звучат требования сохранения, изучения, развития нигерийских языков. Эта проблема стала актуальной для многих стран континента уже в первые постколониальные годы. Следует отметить, что рост интереса отдельных народов к собственным культурным ценностям, в том числе к родным языкам, привел к распространению требований сохранения языкового многообразия. Высказывается необходимость научного изучения местных языков. В то же время некоторые студенты отказываются изучать нигерийские языки (особенно родные) из боязни быть обвиненными в трибализме.

В Нигерии издается свыше 100 периодических изданий на английском языке, некоторые газеты печатаются на местных языках. Из 15 таких изданий 7 выходят на языке йоруба и 6 — на языке хауса. Общенигерийские радиопрограммы ведутся на английском, сообщения о текущих событиях в стране — на местных языках.

Всего около 30 местных языков используется в радиовещании Нигерии. Что касается телевидения, то в основном трансляция идет на английском языке, новости передаются на трех языках — йоруба, хауса, игбо (1 раз в сутки). В штатах используются другие местные языки. Известная нигерийская киноиндустрия «Нолливуд» создает фильмы на английском, пиджин-инглиш, на йоруба и игбо.

Национальные языки используются в школе, в СМИ, однако обучению на этих языках препятствует типичное для крупных городов многоязычие. Английский язык, являясь официальным языком, доминирует практически во всех сферах: органах исполнительной и законодательной власти, образовании, в судебной системе, в СМИ. Такая политика «языковой гегемонии» вызывает большое недовольство в стране.

Английский язык является языком общения 20% элиты страны. Как правило, в семьях, в которых родители получили университетское образование, разговаривают на английском языке. Родным языком в семье пользуется старшее поколение, а детям позволяют говорить только на английском. Согласно исследованиям лингвистов, 50% детей игбо не знают свой язык. По данным ЮНЕСКО, через 50 лет такой развитый язык, как игбо, на котором говорят десятки миллионов человек, может исчезнуть.

Принимая во внимание крайне сложную этнополитическую ситуацию в Нигерии, многие общественные и политические деятели, представители интеллигенции считают необходимым признание в качестве официального языка — английский, поскольку выбор любого из трех крупнейших языков — хауса, игбо, йоруба — привел бы к межэтническим конфликтам. Выражается тревога по поводу того, что намечается тенденция все реже использовать родные языки в школьном обучении и как предмет, и как средство. После достижения независимости все настойчивее звучат призывы сохранения и изучения нигерийских языков, а также развития разнообразия языков.

В начале XXI века в стране был создан Национальный технический комитет по выработке языковой политики во главе с президентом Лингвистической ассоциации профессором Халлиру Амфани; в 2011 году Комитет разработал программу по изучению и сохранению нигерийских языков. По данным нигерийского исследователя Ф. Акиннасо, к концу XX в. 118 нигерийских языков имели письменность, около 50 языков использовались в начальной школе в первые три года обучения, на 100 языках велось радиовещание на федеральном и региональном уровнях.

В первой декаде XXI века отмечается всплеск интереса к развитию и сохранению родных языков. Исследования различных языков ведутся в университетах страны. В 2008 г. была поведена инвентаризация всех языков страны и составлена лингвистическая карта, в которую вошло более 500 языков.

В соответствии с политикой в области образования обучение в начальной школе ведется на родном языке, в средней школе — на английском. Основной язык в университетах Нигерии — английский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социолингвистическая реальность в стране такова, что средний нигериец имеет достаточно широкий репертуар языковых средств. Студент может общаться с профессором на стандартном нигерийском английском, но перейти на разговор с однокурсниками на нигерийский пиджин. Один и тот же нигериец может с нигерийского английского переключиться на язык йоруба или игбо, а затем на пиджин в зависимости от социально-лингвистического контекста.

Что касается использования нигерийского пиджина, то следует отметить, что на нем сегодня все больше общается элита: политики, писатели, музыканты, молодежь, студенты. Использование этого языка свидетельствует скорее об их «нигерийскости», а не принадлежности к определенной этнической группе.

Структура экзогlossных отношений, характеризующих языковую ситуацию в Нигерии, являются одним из аспектов социальной дифференциации языка. Находящиеся во взаимосвязи друг с другом элементы экзогlossной ситуации — английский язык, автохтонные языки и нигерийский пиджин инглиш — отражают социальные и этнические параметры в обществе. Взаимодействие этнолингвистических и социолингвистических элементов дает представление о функциональной жизни языка. Языковую ситуацию можно определить как несбалансированную, так как английский язык и автохтонные языки неравнозначны, поскольку официальный язык, выполняющий наибольший объем общественно-коммуникативных функций, сосуществует с местными языками, имеющими более низкий социальный статус и выполняющими меньший объем функций.

© Борисова А.А., Ильина Н.Ю.
Дата поступления: 1.06.2017
Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Германова Н.Н.* Введение в языкознание. Язык в социокультурном контексте. Москва: ИПК МГЛУ «Рема», 2008.
2. *Голубина К.В., Салыгина Э.В.* Эффективная языковая политика: принципы, критерии, инструменты оценки. Москва: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013.
3. *Исмаилова Р.Н.* Языки // Нигерия. Справочно-монографическое издание. М.: ИАФрРАН, 2013.
4. *Катагоцина И.Т.* Нигерия // Образование в Африке. Москва: ИАФрРАН, 2013. С. 22—26.
5. *Клоков В.Т.* Французский язык в Африке. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000.
6. *Кочакова Н.Б.* Внешние и внутренние факторы развития народов Нигерии в доколониальный период // История Нигерии в новое и новейшее время. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1981.
7. *Петрук Б.Г.* Государственный строй // Нигерия. Справочно-монографическое издание. Москва: ИАФрРАН, 2013.
8. *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика. Москва: Книжный дом «Либроком», 2012.
9. *Balogun T.A.* In Defense of Nigerian Pidgin // *Journal of Languages and Culture.* Vol. 4 (5). July 2013, pp. 90—98.
10. *Igboanusi H.* A Dictionary of Nigerian English Usage. Ibadan, 2002.

УДК: 81'272(669)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1146-1160

LANGUAGE SITUATION AND LANGUAGE POLICY IN NIGERIA

Anna A. Borisova¹, Nadezhda Yu. Ilina²

¹Kutafin Moscow State Law University
Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, Moscow, Russia, 123995

²RUDN University
10-2 A Miklukho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article deals with the language situation and language policy in Nigeria which is one of the most polyethnic African states. Sociolinguistic situation in the country is very complex because there are more than 250 ethnic groups in Nigeria which speak 521 languages. English is the official language in the country and serves Nigerian peoples' way of life. There are discussions about the development of local indigenous languages in a very complicated ethnic and political situation in Nigeria. The English language in Nigeria interacts with numerous indigenous languages and Nigerian Pidgin English. Nigerian Pidgin English is a marker of identity and solidarity between the various ethnic groups. There is polarization of communicative functions of English and Nigerian Pidgin. English has official functions and is on a higher social level and Nigerian Pidgin is on a lower social level and has everyday functions. English plays a major role in introducing Nigerians to modern knowledge, creating new types of thinking and contributing to the development of national self-awareness.

Key words: language situation, language planning, official language, indigenous languages, means of interethnic communication, Nigerian Pidgin English

REFERENCES

1. Germanova, N.N. (2008). Introduction to linguistics. Language in sociocultural environment. Moscow: IPK MGLU "REMA". (In Russ.).
2. Golubina, K.V. & Salygina E.V. (2013). Effective language policy: principles, criteria, evaluation instruments). Moscow: FGBOY VPO MGLU. (In Russ.).
3. Ismagilova, R.N. (2013). Languages In *Nigeria*. (Informational and monographic edition). Moscow: IAfrRAN. (In Russ.).
4. Katagoshina, I.T. (2013). Nigeria In *Education in Africa*. Moscow: IAfrRAN. (In Russ.). pp. 22—26.
5. Klokov, V.T. (2000). The French language in Africa. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.).
6. Kochakova, N.B. (1981). Exterior and interior factors of Nigeria's peoples' development. The modern and contemporary history of Nigeria. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literature. (In Russ.).
7. Petruk, B.G. (2013). State system In *Nigeria*. (Informational and monographic edition). Moscow: IAfrRAN. (In Russ.).
8. Shveitser, A.D. (2012). Modern Sociolinguistics. Moscow: Knijny dom "Librokom". (In Russ.).
9. Balogun, T.A. (2013). In Defense of Nigerian Pidgin, *Journal of Languages and Culture*. Vol. 4(5). July, pp. 90—98.
10. Igboanusi, H.A. (2002). Dictionary of Nigerian English Usage. Ibadan.

Для цитирования:

Борисова А.А., Ильина Н.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в Нигерии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1146—1160. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1146-1160.

For citation:

Borisova, A.A., Pina, N.Yu. (2017). Language situation and language policy in Nigeria. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1146—1160. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1146-1160.

Anna A. Borisova, Nataliya Yu. Pina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1146—1160. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1146-1160.

Сведения об авторах:

Борисова Анна Александровна, преподаватель кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: контактная вариатология английского и испанского языков, африканский художественный дискурс на английском и испанском языках; *e-mail*: anna.alex.borisova@gmail.com

Ильина Надежда Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка № 2 Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры Иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: контактная вариатология английского языка, западноафриканская художественная литература на английском языке, дискурсивный анализ; *e-mail*: ilinadezhda@yandex.ru

Bio Note:

Borisova Anna Aleksandrovna, lecturer, the Department of Foreign Languages, Kutafin Moscow State University (MSAL), lecturer, the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; scientific interests: contact variantology of English and Spanish Languages, African literary discourse in English and Spanish; *e-mail*: anna.alex.borisova@gmail.com

Irina Nadezhda Yur'evna, PhD, associate professor, Head of English Department № 2, Kutafin Moscow State University (MSAL), associate professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; scientific interests: contact variantology of English language, West African creative literature in English, discourse analysis; *e-mail*: ilinadezhda@yandex.ru



УДК: 81'23/24:39

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ*

О.В. Балясникова, Г.А. Черкасова,
А.А. Степанова, Н.В. Уфимцева

ФГБУН Институт языкознания РАН
Россия, г. Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1

Статья посвящена анализу феномена «региональное языковое сознание» с опорой на данные психолингвистического (ассоциативного) эксперимента, проведенного с татарами-билингвами, проживающими в Республике Татарстан. Полученные экспериментальные данные сравниваются с материалами Русского регионального ассоциативного словаря (ЕВРАС) [Черкасова, Уфимцева URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf] с целью установления сходства и различия в содержании образа «власть» в языковом сознании респондентов — татар и русских. На основании материалов пилотажного исследования, проведенного авторским коллективом в 2015 г., намечаются перспективы анализа проблемы функционирования феномена «региональное языковое сознание» с учетом факторов национальности, родного языка, билингвальности, а также региона проживания. Предлагается один из возможных способов представления результатов — семантический гештальт, структурированный из релевантных семантических зон и субзон в соответствии с особенностями полученных данных и общими целями исследовательского проекта.

Ключевые слова: региональное языковое сознание, образы языкового сознания, билингвы, татары, русские, ассоциативный эксперимент

ВВЕДЕНИЕ

Этносы, проживающие в одном ареале, находятся в постоянном межкультурном диалоге, однако в последнее время процесс развития многолетних историко-культурных контактов народов, населяющих республики России, претерпевает серьезную трансформацию.

В условиях глобализации и интеграции культур приобретает особую важность выявление изменений, определяющих региональную специфику языкового сознания носителей национальных языков, длительное время контактирующих друг с другом.

На языковую картину мира, сформированную при участии родного языка, могут накладываться трансформирующие ее новые элементы. Способы адаптации и изменения культурно обусловленных знаний (проявляющих себя в том числе в т. наз. «психологическом» значении слов) представляют интерес с учетом условий, формирующих эти знания: региона проживания носителей языка и особенностей сфер межкультурных контактов, сопровождаемых взаимодействием рус-

* Исследование поддержано грантами РГНФ № 15-34-14007а(ц) и № 15-04-00378а.

ского и национального языков. Необходима фиксация, систематизация и научное описание социально-культурных доминант регионального языкового сознания, тенденций их изменения, обусловленных влиянием факторов языка (в том числе билингвальности) и территории.

Такие исследования предполагают непосредственный выход в практику: изучение динамики и вариативности содержания национального языкового сознания помогает оптимизировать межэтническое общение, предотвращать межэтнические конфликты, грамотно строить государственную политику в сфере межкультурных отношений.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках теории языкового сознания, разработанной в Московской психолингвистической школе, принято учитывать взаимосвязь таких понятий, как деятельность, сознание и культура: деятельность человека как представителя определенной культуры обусловлена психическими (когнитивными) процессами и актуализирована в речевой коммуникации через посредство языкового знака. Такой подход предполагает обращение не к лексическому или грамматическому (лингвистическому), но к психологическому значению языкового знака, детерминированному уникальностью тех отношений, в контексте которых мыслится объект в системе той или иной культуры. Применение комплекса психолингвистических методов к анализу языкового сознания носителей взаимодействующих языков и культур представляется оптимальным методологическим принципом.

Эффективным инструментом исследования этнокультурной специфики языкового сознания является широко используемая в психологии и психолингвистике методика свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией первого ответа. Материалы массовых ассоциативных экспериментов применимы для анализа как синхронного состояния языкового сознания, так и в диахроническом аспекте. Исследователь исходит из того, что сформированный у индивида образ мира собственной культуры, отражающийся в его языковом сознании, характеризуется определенной системностью, которая остается стабильной в течение длительного времени.

Системность языкового сознания изучается на материале ассоциативных словарей: они включают ассоциативные поля (АП), сконструированные из слов-реакций, которые опосредованно указывают на обыденные знания носителей национального языка, связанные с конкретным словом. АП как материал для исследования имеют ряд принципиальных отличий от традиционного языкового материала — словарных дефиниций и текстов.

Во-первых, АП в определенной степени противопоставлены словарным статьям в толковых словарях, где содержание дефиниций во многом определяется лексикографической традицией: АП представляют собой совокупность непосредственных вербальных реакций информантов на стимульное слово.

Во-вторых, АП содержат как осознаваемые, так и полуосознаваемые/неосознаваемые носителями языка знания, связанные с языковым знаком (в частности со словом).

В-третьих, АП включают устойчивую во времени часть, по которой можно судить о распространенных (в данной лингвокультуре) знаниях, и часть вариативную, связанную с индивидуальным опытом носителя языка (культуры) и изменяющуюся во времени.

Исследование содержания образов регионального языкового сознания началось в 2015 г. в рамках проекта, ориентированного (в числе прочих задач) на изучение общего и специфического в содержании и структуре образов языкового сознания русских и татар, проживающих в Республике Татарстан. Русский и татарский языки занимают прочные позиции в республике; в этом сыграло свою роль приблизительно равное соотношение численности русского и татарского этносов, а также последовательно проводимая языковая политика, определяемая как симметричное двуязычие [Вингендер 2014].

В настоящей статье приведены результаты пилотажного эксперимента на примере образа «власть».

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИНФОРМАНТЫ

Цель эксперимента, проведенного в 2015 г., заключалась в выявлении тенденций, определяющих содержание образов языкового сознания в зависимости от факторов билингвальности и территории проживания информантов. В частности, решались следующие задачи.

1. Сравнение содержания образов, связанных с социально значимыми понятиями, в языковом сознании информантов-татар в зависимости от языка, на котором проводился эксперимент: татарского (ТТ) и русского (ТР). Нас интересовали возможные изменения содержания и структуры ассоциативных полей слова-стимула, обусловленные фактором родного/неродного языка.

2. Сравнение полученных результатов эксперимента, проведенного в Республике Татарстан, с данными ЕВРАС с целью выявления тенденций изменения образа «власть» в языковом сознании татар-билингвов.

В эксперименте приняли участие представители татарской лингвокультурной общности, проживающие в Республике Татарстан (г. Казань). Всего было опрошено 326 человек: на татарском языке (ТТ) — 199, на русском языке (ТР) — 127.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученный материал представляет собой совокупность АП на каждый стимул на двух языках. Весь материал, включая единичные слова-реакции, был распределен на семантические зоны по методу Ю.Н. Караулова [Караулов 2000], однако с учетом особенностей грамматик татарского и русского языков (в частности с тем, что в татарском языке слабо выражены формальные различия слов по частеречному принципу) их диапазон был расширен: определяющим условием помещения слова-ассоциата в соответствующую зону являлась его семантика (метод на примере слова «власть» продемонстрирован в работе Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2016]). Внутри зон семантического гештальта были выделены субзоны.

Поскольку количество информантов в группах различалось, была рассчитана доля (%) каждого ответа на слово-стимул.

Таблица 1 содержит ассоциативные реакции, полученные в ходе эксперимента, проведенного на татарском языке.

Таблица 1а

Семантические зоны ассоциатов на стимул *власть* 'власть' (ТТ)

Зоны	Ассоциаты	%
ЧЕЛОВЕК		23,3
Субъект власти	президент (президент) 8, король (король) 0,9, патша (царь) 0,9, Путин, илнең (страны) 0,9 ир (муж) 0,9 зур кеше (большой человек) 0,9	11,6
Субъект соотношения	кеше (человек) 0,9, кешеләр (люди) 0,9, народы (народы) 0,9, халык (народ) 0,9	7,2
Эго	мин (я) 1,8, миндә (у меня) 0,9, үзеңке (свой) 0,9	3,6
Другое	дошман (враг) 0,9	0,9
ОБЪЕКТ		42,2
Власть	хакимият (власть) 8,0	8,0
Территория, локус	дәүләт (государство) 2,7, страна (страна) 1,8, России (России) 0,9, дөнья (мир, вселенная) 0,9, урам (улица) 0,9	7,2
Органы власти	хөкүмәт (правительство) 2,7, органы власти (органы власти) 0,9, хөкем (суд) 0,9, чин (чин) 0,9	6,3
Ценности	хокук (право) 0,9, хөрмәт (уважение) 0,9, ответственность (ответственность) 0,9, ирек (свобода, воля) 0,9, хөррият (свобода) 0,9	4,5
Расположение	баш (голова) 1,8, башлык (башлык/глава) 0,9, естәгеләр (верхушка) 0,9 естенлек итү (превосходить) 0,9	3,6
Закон	закон (закон) 3,6	3,6
Деньги	деньги (деньги) 1,8, акча (деньги) 0,9	2,7
Сфера	сәясәт (политика) 0,9, тарих (история) 0,9	1,8
Оценка	тәмуг (ад) 0,9, хаксызлык (несправедливость, произвол) 0,9	1,8
Атрибут	карона (корона) 0,9	0,9
Другое	мир (мир) 0,9, сәгать (часы) 0,9	1,8
ХАРАКТЕРИСТИКА		15,3
Сила, величина	кәчле (сильный) 3,6, көч (сила) 2,7, зур (большой) 1,8	8,1
Положительный (оценка)	яхшы (хороший) 1,8, матур (красивый) 0,9, гадел (справедливый) 0,9	3,6
Отрицательный (оценка)	ялган (ложный, лживый) 0,9, яман (плохой) 0,9	1,8
Другое	абстракт (абстрактный) 0,9, бер (один) 0,9	1,8
ДЕЙСТВИЕ		18,9
Активное со стороны власти	итү (властвовать) 2,7, идарә (управление) 2,7, идарә итү (управленческий) 1,8	7,2
Активное по отношению к власти	алу (брать) 0,9 власть алу (захватить власть) 0,9, тоту (держат, ловить, соблюдать) 0,9, үтәү (выполнять, исполнять) 0,9, алмашу (обменивать) 0,9	4,5
Состояние	кирәк (надо, нужно) 2,7, юк (нет) 0,9	3,6
Неактивное	буйсыну (подчиняться) 0,9 тыңлау (слушать) 0,9	2,7
Другое	урнаша (установиться) 0,9	0,9
ФЕ	народу (народу) 0,9	0,9

Таблица 16

Семантические зоны ассоциатов на стимул *хакимият* 'власть' (ТТ)

Зоны	Ассоциаты	%
ЧЕЛОВЕК		10,2
Субъект власти	президент 3,4, патша (царь) 2,3, ил белән идарә итүче (правитель страны) 1,1	6,8
Субъект соотношения	кеше (человек) 2,3, жәмгыять (общество) 1,1	3,4
ОБЪЕКТ		55,2
Территория, локус	Дәүләт (государство) 6,9, ил (страна) 2,3, башкала (столица) 1,1, бина (здание) 1,1, иле (страна) 1,1, йорты (дом) 1,1, Казан шәһәренең (города Казани) 1,1, РТ (Республика Татарстан) 1,1, Татарстан (Татарстан) 1,1, урыны (место) 1,1, шәһәр (город) 1,1, жирле (местный) 1,1	20,2
Расположение	башлыгы, башлык (шапка/глава) 13,8, глава (глава) 1,1	14,9
Ценности	берлеге (единство, содружество) 1,1, жаваплылык (ответственность) 1,1, дөньясы (мир, с аффиксом принадлежности) 1,1, дәрәслек (справедливость, правда) 2,3, хаклык (истина, справедливость) 1,1	6,7
Власть	власть 4,6	4,6
Органы власти	бүлеге (отдел) 1,1, госдума (государственная дума) 1,1, министерство (министерство) 1,1, хөкүмәт (правительство) 1,1	4,4
Деньги	акча (деньги) 1,1	1,1
Сфера	политика (политика) 1,1	1,1
Другое	анлашылмый (непонятно) 1,1, сүзе (слово) 1,1	2,2
ХАРАКТЕРИСТИКА		15,4
Богатство	бай (богатый) 1,1, байлыгы (богатство) 1,1, саран (скупой) 1,1, бурычлы (должник) 1,1	4,4
Сила, величина	көч (сила) 1,1, житди (серьезный) 1,1, кырыс (суровый, строгий) 1,1 зур (большой) 1,1	4,4
Отрицательный (оценка)	начар (плохой) 1,1, гаделсез (несправедливый) 1,1, тискәре (отрицательный, нехороший) 1,1	3,3
Значимость	беренче (первый) 1,1, әһәмият (значение, значимость) 1,1	2,2
Положительный (оценка)	дәрес (правильный, честный) 1,1	1,1
ДЕЙСТВИЕ		17,0
Активное со стороны власти	идарә (управление, руководство) 4,6, итү (властвовать) 4,6, идарә итү (управленческий) 1,1, идарәсе (управление) 1,1, карары (решение), 1,1	12,5
Активное по отношению к власти	эше (работа, занятие, труд) 2,3, үз естеңә алу (брать на себя) 1,1	3,4
Неактивное	хакимияттә яшәү (жить во власти) 1,1	1,1

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании в ассоциативном поле стимула «власть» семантической зоны, характеризующей человека, и эгоцентрической зоны, а также характеристик (атрибутов) по силе, величине и положительным качествам. Зона «действия» также более выражена в АП слова «власть». Характерным является присутствие реакции «закон», отсутствующей в ответах на стимул на татарском языке.

Стимул «хакимият» вызывает больше реакций, связанных с деятельностью власти, а также реакций, называющих отрицательные качества. Особенно показателен вес и разнообразие реакций подзоны «территория», содержащей эгоцентрики, связанные с РТ, в частности с ее столицей.

В таблице 2 приведены реакции татар, данных на стимул «власть» на русском языке.

Таблица 2

Семантические зоны ассоциатов на стимул 'власть' (ТР)

Зоны	Ассоциаты	%
БОГ		0,8
	Бог 0,8	0,8
ЧЕЛОВЕК		30,2
Субъект власти	Президент 6,3, король 2,4, Путин 1,6, вождь 0,8, монарх 0,8, повелитель 0,8, у Путина 0,8, царь 0,8 людей 0,8, мама 0,8	15,9
Субъект соотношения	народ 1,6, враг 0,8, всем 0,8, у людей 0,8 человек 1,6,	8,8
Эго	моя 3,9, наша 0,8, не наша 0,8	5,5
ОБЪЕКТ		39,8
Территория	государство 4,7, город 1,6, везде 0,8, волость 0,8, нора 0,8, родина 0,8, Россия 0,8, страна 0,8, страны 0,8	11,9
Расположение	над человеком 1,6, над 0,8, над всем 0,8, над людьми 0,8, над миром 0,8, над народом 0,8, над страной 0,8, высока 0,8, недоступен 0,8	8,0
Ценности	демократия 2,4, свобода 0,8, мир 0,8, справедливость 0,8	4,8
Деньги	деньги 3,9	3,9
Власть	самодержавие 0,8, самооборона 0,8, тоталитаризм 0,8	2,4
Органы власти	суд 0,8, чинов 0,8	1,6
Сфера	история 0,8, политика 0,8	1,6
Атрибутика	престол 0,8, трон 0,8	1,6
Другое	слово 0,8, еда 0,8, жизни 0,8, сласть 0,8, шла 0,8	4,0
ХАРАКТЕРИСТИКА		11,9
Сила, величина	сила 3,9, могущество 0,8, великая 0,8	5,5
Положительный (оценка)	ответственная 0,8, умный 0,8, честная 0,8	2,4
Отношение ко времени	не вечна 0,8, перемены 0,8	1,6
Отрицательный (оценка)	обман 0,8,	0,8
Значимость	главный 0,8	0,8
Другое	старая 0,8	0,8
ДЕЙСТВИЕ		8,8
Власти	губит/портит 1,6, влияние 0,8	2,4
Субъекта власти	держат/удержание 1,6, делать 0,8, управление 0,8,	3,2
Неактивное	иметь 0,8, покорность 0,8	1,6
Состояние	нужна 0,8	0,8
Другое	плевать 0,8	0,8
ФЕ		4,0
	народа 1,6, народу 0,8, в руках 0,8, делай что хочешь 0,8,	

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании в ассоциативном поле стимула «власть» семантической зоны, характеризующей человека, и эгоцентрической зоны, а также характеристик по силе, величине и положительным качествам. Зона «действия» также более выражена в АП слова «власть». Характерным является присутствие реакции закон, отсутствующей в ответах на стимул на татарском языке.

Стимул «хакимият» вызывает больше реакций, связанных с деятельностью власти, а также реакций, называющих отрицательные качества. Особенно показателен вес и разнообразие реакций подзоны «территория», содержащей эгоцентрики, связанные с РТ, в частности с ее столицей.

В таблице 3 приведены неединичные реакции на стимул «власть» по данным ЕВРАС.

Таблица 3

Неединичные реакции на стимул «власть» по данным ЕВРАС

Зоны	Ассоциаты	%
ЧЕЛОВЕК		15,0
Субъект власти	Президент(а) 6,3; царь (царя) 1,7; король (короля) 2,1; монарха (монархия) 1,2, Путин 1,0; Медведев 0,6	12,9
Субъект соотношения	народ 1,7	1,7
Эго	моя 0,4	0,4
ОБЪЕКТ		24,0
Деньги	деньги (денег) 7,7, коррупция 1,0, богатство 0,8	9,5
Органы власти, управления	правительство 1,9; исполнительная 0,4, КПСС 0,4, кремль 0,4	3,1
Закон	закон 1,9, закона 0,4	2,3
Сфера	политика 2,1	2,1
Территория	государство 1,5; в стране 0,4	1,9
Голова, верхушка	над миром 1,0, над всеми 0,4, над людьми 0,4	1,8
Ценности	демократия 1,1, ответственность 0,4	1,5
Атрибутика	корона 0,4, кулак 0,4	0,8
Другое	огня 0,6, безвластие 0,4	1,0
ХАРАКТЕРИСТИКА		15,1
Сила, величина	Сила (сильная) 8,6, могучая (могущество) 0,8, абсолютная 0,8, безграничная 0,4, полная 0,4	11,0
Отрицательный (оценка)	зло 1,1, ложь 0,6, беспредел 0,4, насилие 0,4, диктатура 0,4, тирания 0,4	3,3
Положительный (оценка)	мир 0,4, успех 0,4	0,8
ДЕЙСТВИЕ		3,0
Активное по отношению к власти	получить 0,6	0,6
Активное со стороны власти	влияние 0,8, владение 0,4, управление 0,4	1,6
Неактивное	знание 0,4	0,4
Состояние	возможность 0,4	0,4
ФЕ	народу 2,9; народа 4,6; в руках 0,6, имущих 0,6	8,7

Статистика по всем выборкам представлена в таблице 4.

Таблица 4

Соотношение семантических зон ассоциатов на стимул «власть» (ТТ, ТР, ЕВРАС)

Зоны	«власть» ТТ	«хакимият» ТТ	«власть» ТР	«власть» РР
БОГ	—	—	0,8	—
ЧЕЛОВЕК	23,3	10,2	30,2	15,0
Субъект власти	11,6	6,8	15,9	12,9
Субъект соотношения	7,2	3,4	8,8	1,7
Эго	3,6	—	5,5	0,4
ОБЪЕКТ	44,8	55,2	39,8	24,0
Власть	8,0	4,6	2,4	—
Закон	8,0	—	—	2,3
Территория, локус	7,2	20,2	11,9	1,9
Органы власти	6,3	4,4	1,6	3,1
Ценности	4,5	6,7	4,8	1,5
Расположение	3,6	14,9	8,0	1,8

Окончание таблицы 4

Зоны	«власть» ТТ	«хакимият» ТТ	«власть» ТР	«власть» РР
Деньги	2,7	1,1	3,9	9,5
Сфера	1,8	1,1	1,6	2,1
Атрибут	0,9	—	1,6	0,8
ХАРАКТЕРИСТИКА	17,1	15,4	11,9	15,1
Сила, величина	8,1	4,4	5,5	11,0
Значимость	—	2,2	—	—
Богатство	—	4,4	—	—
Отношение ко времени	—	—	1,6	—
Оценка (положительная)	3,6	1,1	2,4	0,8
Оценка (отрицательная)	3,6	3,3	0,8	3,3
ДЕЙСТВИЕ	18,0	17,0	8,8	3,0
Активное со стороны власти	7,2	12,5	2,4	1,6
Активное по отношению к власти	4,5	3,4	3,2	0,6
Неактивное	1,8	1,1	1,6	0,4
Состояние	3,6	—	0,8	0,4
ФЕ	0,9	—	4,0	8,7

В ответах татар на русском языке наблюдается большее сходство в ответах на стимул «власть», нежели на стимул «хакимият». Во-первых, в АП вновь выделяется группа эгоцентриков. Во-вторых, сходство демонстрирует и содержание зоны «территория». Среди реакций, апеллирующих к общественным ценностям, свобода появляется на русском языке, и на русский стимул на татарском языке. Единичные реакции указывают на атрибутику монаршей власти. Показательно отсутствие отрицательных характеристик в зоне характеристик как в ответах на русском языке, так и в ответах на татарском языке на русский стимул (подзона отрицательных качеств представлена только на родном языке). Сходны в статистическом и качественном отношении подзоны активных действий.

В результате исследования выявлены тенденции изменения стратегий ассоциирования в зависимости: 1) от языка, на котором проводился эксперимент, и 2) от региона проживания информантов. Различия первого типа определяются в значительной степени особенностями грамматик татарского и русского языков. Различия второго типа преимущественно выражаются в наличии разных ассоциатов в выборках ТТ и ТР. Фактор билингвальности объясняет наличие в содержании отдельных субзон реакций, являющихся переводом слова-стимула.

© Балясникова О.В., Черкасова Г.А.,
Степанова А.А., Уфимцева Н.В.
Дата поступления: 1.06.2017
Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вингендер М.* Противоборство языковой политики и языковой действительности в странах СНГ (Сравнение русско-тюркских языковых сообществ Татарстана и Казахстана) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований». Кн. 1. 2014. С. 237—257.

2. ЕВРАС: Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf. (Дата обращения: 19.10.2017).
3. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 191—206.
4. Уфимцева Н.В. Жизнь как ценность: эволюция содержания // Вопросы психолингвистики. № 2 (28). М., 2016. С. 15—19.

УДК: 81'23/24:39

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170

ETHNOPSYCHOLINGUISTIC ASPECT OF REGIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

**Olga V. Balyasnikova, Galina A. Cherkasova,
Anna A. Stepanova, Natalya V. Ufimtseva**

FGBUN Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Bolshoy Kislovskiy per., 1/1, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the phenomenon of “regional language consciousness” relying on data of psycholinguistic (associative) experiment held with the Tatar bilingual, residing in the Republic of Tatarstan. The experimental data are compared with the materials of the regional Russian associative dictionary (EVRAS) to determine the similarities and differences in the content of the image of “power” in the language consciousness of the respondents — the Tatar and the Russian. Based on the materials of the pilot study conducted in 2015, we outline the prospective for the analysis of “regional language consciousness” taking into account ethnic factors, language, bilingualism, and region of residence. One of the possible ways of presenting the results is a semantic image of relevant structured semantic areas and subareas in accordance with the characteristics of the data and the general objectives of the research project.

Key words: Regional Language Consciousness; Images of Language Consciousness; Bilingual; the Tatar; the Russian; Associative Experiment

REFERENCES

1. Wingender, M. (2014) Confrontation of language policy and language reality in the CIS countries (Comparison of Russian-Turkic language communities of Tatarstan and Kazakhstan). In *Actual ethno-linguistic and ethno-cultural problems of the present*. Moscow: Foundation for the Development of Fundamental Linguistic Research. Book. 1. Pp. 237—257. (in Russ.).
2. EURAS: Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V. Russian regional associative dictionary. Access mode: URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (accessed: 19.10.2017).
3. Karaulov, Yu.N. (2000). Indicators of the national mentality in the associative-verbal network. In *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 191—206. (in Russ.).
4. Ufimtseva, N.V. (2016). Life as a value: the evolution of content. *Issues of psycholinguistics*, 2(28). pp. 15—19. (in Russ.).

Для цитирования:

Балясникова О.В., Черкасова Г.А., Степанова А.А., Уфимцева Н.В. Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1161—1170. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170.

For citation:

Balyasnikova, O.V., Cherkasova, G.A., Stepanova, A.A., Ufimtseva, N.V. (2017). Ethnopsycholinguistic aspect of regional language consciousness. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1161—1170. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170.

Olga V. Balyasnikova, Galina A. Cherkasova & Anna A. Stepanova, Natalya V. Ufimtseva, 2017. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8(4), 1161—1170. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1161-1170.

Сведения об авторах:

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН; *научные интересы*: психолингвистика, лингвоконфликтология, *e-mail*: bn.post@yandex.ru

Черкасова Галина Александровна, научный сотрудник Института языкознания РАН; *научные интересы*: психолингвистика, компьютерная лингвистика, *e-mail*: gacherk@mail.ru

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН; *научные интересы*: психолингвистика, *e-mail*: st.anna@bk.ru

Уфимцева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН; *научные интересы*: психолингвистика, этнопсихолингвистика, языковое сознание, *e-mail*: nufimtseva@yandex.ru

Bio Note:

Balyasnikova Olga Veniaminovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; *Scientific Interests*: psycholinguistics, linguoconflictology, *e-mail*: bn.post@yandex.ru

Cherkasova Galina Aleksandrovna, Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; *Scientific Interests*: psycholinguistics, computer linguistics, *e-mail*: gacherk@mail.ru

Stepanova Anna Aleksandrovna, Candidate of Philology, Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; *Scientific Interests*: psycholinguistics, *e-mail*: st.anna@bk.ru

Ufimtseva Natalia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of ethnopsycholinguistics of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; *Scientific Interests*: psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, linguistic consciousness; *e-mail*: nufimtseva@yandex.ru



УДК: 811.111'42:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1171-1177

«СВОИ» versus «ЧУЖИЕ»: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Чес, Н.А. Ковалев

Московский государственный институт международных отношений
МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В статье представлены результаты комплексного исследования структуры и функционального потенциала концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА на материале публикаций американской и британской качественной прессы с 1948 по 1953 годы и с 2014 по июль 2016 года. Методами когнитивной лингвистики была проведена концептуальная реконструкция моделей, характерных для указанных исторических периодов; сопоставительный анализ моделей концепта и анализ их текстовых реализаций позволили сделать ряд выводов относительно динамики развития и прагматического потенциала концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА. Полученные данные свидетельствуют о перспективности дальнейшего изучения механизмов концептуализации и вербализации сложных явлений общественно-политической сферы деятельности в условиях новой геополитической реальности.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт, фрейм, метафорический концепт, манипулятивное воздействие

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная политика всегда рассматривалась как сфера, характеризующаяся повышенной конфликтогенностью. Однако среди множества крупных конфликтов, вошедших в историю международных отношений, холодная война занимает особое место. Конфронтация между СССР и США, возникшая после Второй мировой войны, переросла в глобальное противостояние двух систем, став со временем символом идеологической борьбы общемирового масштаба.

Феномен холодной войны представляет исключительный интерес с точки зрения изучения динамики развития концептов, закрепляющих в политической картине мира представления о сложных многоаспектных явлениях мировой политики. Концепт ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, возникший в определенный исторический момент, не только существовал и развивался на протяжении четырех десятилетий, став «зонтичной» структурой, объединяющей знания о целом периоде новейшей истории с 1946 по 1989 годы, но и продолжает функционировать в новых дискурсивных условиях в качестве ментальной схемы концептуализации современной геополитической реальности.

Целью настоящей работы является изучение структуры и функционального потенциала концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА путем сопоставительного рассмот-

рения моделей данного концепта, характерных для разных исторических периодов, на материале публикаций американской и британской качественной прессы с 1948 по 1953 годы (в так называемую фазу обострения противостояния между СССР и странами Запада) и с 2014 по июль 2016 года.

Комплексное исследование механизмов концептуализации и вербализации значимых элементов различных областей деятельности человека, в число которых входит такая неотъемлемая составляющая политической сферы, как глобальный конфликт, становится возможным в рамках когнитивной лингвистики, теоретические постулаты которой формируют методологическую базу настоящей работы и обуславливают выбор научно-исследовательской методики.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из ключевых постулатов когнитивной лингвистики является положение о том, что анализ языковых фактов позволяет произвести реконструкцию концептуальных структур, лежащих в их основании и фиксирующих в сознании человека представления о фрагментах действительности. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких „квантов“ знания» [Кубрякова и др. 1996: 90].

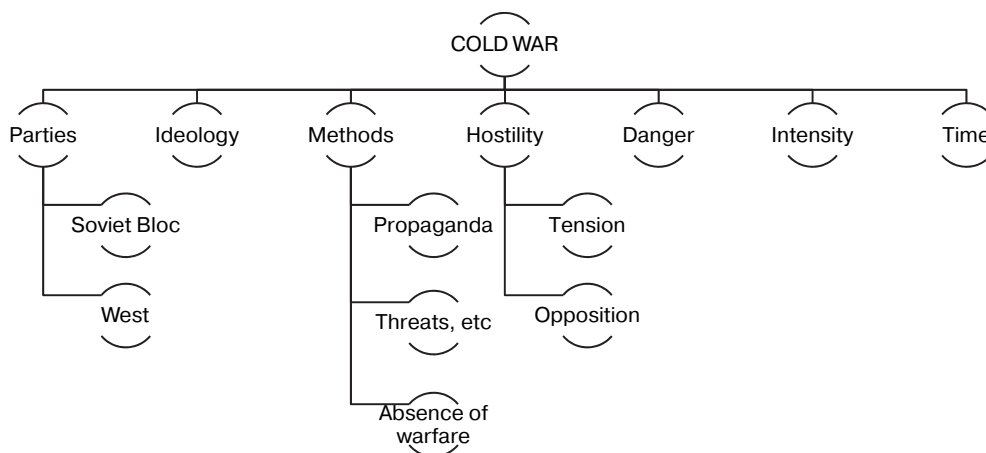
В результате многочисленных исследований, проводимых отечественными и зарубежными учеными, удалось установить, что концепты имеют комплексную структуру, включающую ценностную составляющую, понятийный и образный элементы [Степанов 1997: 40—42], и представляют собой ментальные образования, различающиеся по содержанию и степени абстракции [Бабушкин 1996: 54—55]. Сложные многокомпонентные концепты, представляющие структуры знаний, соотносимые с повторяющимися типовыми ситуациями, называют фреймами. Автор данного термина и разработчик методики фреймового анализа М. Минский рассматривает фрейм как гибкую и подвижную структуру знаний, которая помимо абстрактной схемы, дающей представление о типовых объектах и событиях, содержит и множество «действий по умолчанию», которые позволяют пополнять фрейм новыми данными [Минский 1979, 1988].

На основании принятых в отечественной когнитивной лингвистике классификационных параметров концепт ХОЛОДНАЯ ВОЙНА можно отнести к категории концептов, обладающих сложной информационной структурой, отражающей различные стадии развития типовой ситуации, то есть к категории динамических фреймов или сценариев.

Для решения исследовательских задач, а именно реконструкции структуры и содержания концепта-сценария ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, изучения динамики его развития и функциональных возможностей использовались методы концептуально-дефиниционного и функционально-репрезентативного анализа, сравнительного анализа и дискурсивного анализа.

ДИНАМИКА КОНЦЕПТА ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В ПЕРИОД С 1948 ПО 1953 ГОД

Анализ лексикографических источников позволил построить базовую модель фрейма ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, вершиной которой является ячейка-имя фрейма COLD WAR. Графически модель можно представить в виде следующей схемы:



Содержание и структура концепта-сценария ХОЛОДНАЯ ВОЙНА изменялись на всех этапах холодной войны. Например, в ходе первого этапа холодной войны (1946—1953 гг.) в субфреймах **Soviet Bloc** и **West** стали выделяться слоты **Personalities (Деятели)**, представленные в основном именами собственными, антропонимами (*Marshall, Premier Stalin, Joe, President Truman*), и **Places (География)**, содержащие названия стран и регионов, в которых противостояние ощущалось наиболее остро (*neighboring Red-dominated Albania, the Pacific*). В структуре субфрейма **Methods (Методы)** появился слот **Warfare (Военные действия)**, который изначально не входил в состав концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА и выступал в качестве дифференциального когнитивного признака в структуре концепта ВОЙНА, предполагавшего использование насильственных методов (*to fight the Red Bloc, temporary truce in a Super-Hot Cold War, war machine*). В конце указанного периода структура концепта расширилась за счет образования слота **Reconciliation (Примирение)**, который отразил стремление сторон положить конец конфликту (*the Austrian peace treaty (1955), to promote disarmament and a permanent peace*). Следует также отметить формирование нового слота **Religion (Религия)** в рамках субфрейма **Ideology (Идеология)**, что свидетельствует о появлении еще одного измерения холодной войны — противостояния религии и атеизма (*a life-and death struggle between atheistic Communism and Christian democracy*).

Функционально-репрезентативный анализ позволяет выявить в структуре концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА фокусный субфрейм **Danger (Опасность)**. Материал исследования показывает, что в ходе первого этапа холодной войны основная задача руководства США заключалась в том, чтобы усилить ощущение угрозы и опасности, исходящих от СССР (*American leaders picture us (the USA) winning the 'cold war' one month, and in mortal peril the next. We are losing the arms race with*

Russia, and our highest military authorities have stated that from now through 1954 will be the period of maximum peril for this nation). В структуре субфрейма **Danger (Опасность)** были выявлены слоты **Menace (Угроза)** (*We are tired of the tension, the sense of impending danger, the vast expense to which we are subjected*), **Trickery (Коварство)** (*Moscow is far too smart to start a hot war deliberately.*), **Torture (Пытки)** (*how long the world is going to be tortured by this Red aggression*).

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА ХОЛОДНАЯ ВОЙНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ С 2014 ПО ИЮЛЬ 2016 ГОДА

На основании анализа репрезентантов концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, функционирующих в современной англоязычной прессе, можно сделать вывод о том, что данный концепт остается востребованным и продолжает активно развиваться: новые элементы появляются и в структуре и в содержании концепта. Важно также отметить, что концепт ХОЛОДНАЯ ВОЙНА является сферой-источником метафорической экспансии и играет значимую роль в процессах концептуализации и вербализации представлений о событиях и явлениях, принадлежащих различным сферам деятельности человека.

В структуре концепта можно выделить такие новые субфреймы, как **Illness (Заболевание)** (*The particular trigger for the resurgence of chronic cold war-itis was Russia's sudden annexation in March of Crimea*), **Game (Игра)** (*This time around, there are much higher stakes involved for Russia, because NATO is literally at its gates. There is an interesting element in Putin's gamble...*), **Dysfunction (Поломка)** (*Spying, information theft, economic espionage and assassination also remain an important part of the dysfunctional US-Russia relationship*); у субфрейма **Methods (Методы)** появился слот **Internet warfare (Интернет-война)**. Следует указать на то, что образование субфрейма **Interaction (Взаимодействие)** подчеркивает различия между холодной войной, происходившей во второй половине прошлого века, и напряженностью в отношениях России и ряда западных стран, наблюдающейся сегодня: благодаря возможности путешествовать и свободно общаться у представителей разных стран есть шанс достичь взаимопонимания и вести конструктивный диалог (*Far from a new iron curtain of mutual hostility and distrust descending between East and West, Russians and Americans can in most cases travel back and forth, interact freely with one another and seek to find common ground on the toughest issues through mutually respectful dialogue*).

Изменения затронули и содержание отдельных структурных компонентов концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА. В частности, марксизм-ленинизм больше не является содержательным элементом субфрейма **Ideology (Идеология)**; в связи с распадом Советского блока и усилением Китая замена элементов содержания произошла и в субфрейме **Parties (Участники)** (*A New Cold War, Yes. But It's With China, Not Russia*).

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Манипулятивный потенциал концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА обусловлен двумя факторами — сложной структурой данного концепта, многие компоненты которого являются носителями прагматически ориентированных смыслов, и его спо-

способностью выступать в качестве сферы-источника метафорических переносов. В число концептов, обладающих особым ценностным статусом в картине мира американского лингвосообщества, безусловно, входит концепт РЕЛИГИЯ, формирующий один из слотов субфрейма **Ideology (Идеология)**. В контексте понимания того глубокого влияния, которое оказал протестантизм на формирование национального самосознания американцев, становится очевидным, что «религиозное измерение» холодной войны стало для большинства из них дополнительным аргументом в пользу морально-нравственной легитимности данного противостояния. Именно к религиозным чувствам своих сограждан апеллировали американские политики и журналисты в конце первого этапа холодной войны (*Mr. Benedict said that total cold war is being waged by a totalitarian enemy in our factories, schools, homes and even churches. The enemy seeks to corrupt Christianity and weaken faith*). По вышеозначенным причинам концепт РЕЛИГИЯ использовался и как сфера-источник при метафорическом осмыслении политически значимых событий в период холодной войны. Например, открытие новой радиостанции в Чехословакии метафорически репрезентировалось как «крестовый поход за свободу» (*Crusade For Freedom's New High Power Radio Station Now Broadcasting To Czechs*).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫВОДЫ

В ходе настоящего исследования методами концептуально-дефиниционного и функционально-репрезентативного анализа была проведена реконструкция структуры и содержания концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА на материале статей англоязычных СМИ, опубликованных в периоды с 1948 по 1953 год и с 2014 по июль 2016 года. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что концепт ХОЛОДНАЯ ВОЙНА представляет собой сложный многокомпонентный динамический фрейм, обладающий иерархической структурой, включающей в себя субфреймы и слоты, набор и содержание которых меняется под влиянием экстралингвистических факторов. В результате сопоставительного рассмотрения моделей концепта ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, характерных для разных исторических периодов, в структуре и содержании концепта были выявлены новые элементы, отсутствовавшие на более ранних этапах его функционирования. Изучение текстовых репрезентантов данного концепта в современном англоязычном политическом дискурсе свидетельствует о его значительном манипулятивном потенциале.

© Ches N.A., Kovalev N.A.

Дата поступления: 1.03.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бабушкин А.П.* Типы Концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996.
2. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.
3. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

4. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52—92.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.

УДК: 811.111'42:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1171-1177

“ONE’S OWN” VERSUS “ALIEN”: DEVELOPMENT DYNAMICS AND THE MANIPULATIVE POTENTIAL OF “THE COLD WAR” CONCEPT IN THE ENGLISH-POLITICAL DISCOURSE

Natalia A. Ches, Nikita A. Kovalev

Moscow State Institute of International Relations
Prospekt Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The aim of present research is to develop a framework for a diachronic analysis of complex concepts in political discourse. More specifically, the paper seeks to uncover some of the changes that the COLD WAR concept has undergone in political communication over time. In line with Minsky’s theory of frames that defines frames as data structures to represent stereotyped situations, the study shows that there are core elements in the COLD WAR frame that largely remain unaltered. This durable set of elements, however, does not exclude the emergence of new slots as well as novel extensions of the existing ones that can be used to comprehend and conceptualize recent developments in the realm of politics. The data also suggest that complex concepts can serve as a cognitive tool to change people’s hearts and minds by promoting a particular interpretation and evaluation of events or issues.

Key words: political discourse, concept, frame, conceptual metaphor, manipulation

REFERENCES

1. Babushkin, A.P. (1996). Tyhes of Concepts in the lexico-phraseological Semantics of the Language. Voronež: Izdatelstvo Voronež State University. (In Russ.).
2. Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z, Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1996). Concise dictionary of cognitive terms. Moscow: MGU. (In Russ.).
3. Minsky, M. (1979). A Framework for Representing Knowledge. Moscow: Energja. (In Russ.).
4. Minsky, M. (1988). Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious. *New in forein linguistics/ Edition XXIII. Cognitive aspects of language*. Moscow: Progress. pp. 52—92. (In Russ.).
5. Stepanov, Yu. S. (1997). Constants: the Dictionary of Russian culture. Moscow: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Для цитирования:

Чес Н.А., Ковалев Н.А. «СВОИ» versus «ЧУЖИЕ»: динамика развития и манипулятивный потенциал концепта холодная война в англоязычном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1171—1177. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1171-1177.

For citation:

Ches, N.A. & Kovalev, N.A. (2017). “One’s own” versus “alien”: development dynamics and the manipulative potential of “The Cold War” concept in the English political discourse, Moscow, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1171—1177. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1171-1177.

Natalia A. Ches, Nikita A. Kovalev, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1171—1177. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1171-1177.

Сведения об авторе:

Чес Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений МИД РФ; *научные интересы*: когнитивно-дискурсивная прагматика, лингвокогнитивные механизмы манипулятивного воздействия в полимодальной коммуникативной среде, разработка прикладных аспектов современных когнитивно-дискурсивных исследований; *e-mail*: eng7@mgimo.ru

Ковалев Никита Александрович, аспирант, преподаватель кафедры английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений МГИМО МИД РФ; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, исследования политического медиа-дискурса; *e-mail*: nikitakovalyov@yandex.ru

Bio Note:

Ches Natalia Anatolievna, PhD, Associate Professor of the English Language Department No. 1 at the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; *scientific interests*: cognitive and discursive pragmatics, linguistic and cognitive mechanisms of manipulative influence in a poly-modal communicative environment, development of applied aspects of modern cognitive-discursive studies; *e-mail*: eng7@mgimo.ru

Kovalev Nikita Aleksandrovich, post-graduate student, English language teacher at the department № 6 at the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; *scientific interests*: cognitive linguistics, political linguistics, studies of political media discourse; *e-mail*: nikitakovalyov@yandex.ru



УДК: 81'23/24/161.1+=581

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1178-1190

УРОВЕНЬ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «БОГАТСТВО/БЕДНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ*

Н.Л. Чулкина, Н.В. Кольцова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 10-2А, Москва, Россия

Статья посвящена сравнительному анализу представлений о бедности и богатстве в китайской и русской картинах мира и выявлению уровня конфликтности единиц, входящих в концептуальное поле «богатство/бедность».

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью изучения соответствующих концептов как базовых культурных ценностей, определяющих как взаимоотношения между людьми в социуме, так и направления и способы их деятельности. Особенно актуальной данная тема кажется в свете расширения взаимоотношений между Россией и Китаем, а так же тех экономических, политических и социальных изменений, которые претерпели данные страны в последние десятилетия. Целью данной работы является выявление уровня конфликтности единиц концептуального поля «богатство/бедность», представленного в языковом сознании русских и китайцев, направленное на выработку оптимальных стратегий и тактик успешного межкультурного общения. Основные методы исследования — когнитивные (метод измерения семантической близости языковых единиц; когнитивная интерпретация результатов исследования) и психолингвистический. Для получения данных о концептуальном поле в китайском языковом сознании был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Для исследования русского языкового сознания были использованы данные ассоциативных словарей.

Ключевые слова: конфликтность, богатство, бедность, языковое сознание, ассоциативный эксперимент

ВВЕДЕНИЕ

Исследование, представленное в данной статье, является междисциплинарным и охватывает такие области современных знаний, как этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация.

В отечественной лингвистике концепты «богатство» и «бедность», в целом, описаны довольно подробно (Е.Г. Стешина 2009; Т.Н. Новоселова 2005; Аль Кхалил Махир 2014 и др.). Мы же в нашем исследовании ставим более узкую задачу — выявить в анализируемых концептах те аспекты, в которых в той или иной степени проявляется их «конфликтность».

Как отмечает один из ведущих российских психолингвистов Е.Ф. Тарасов, «Межкультурное общение в этнопсихолингвистике трактуется как общение носи-

* Исследование проведено при поддержке Российского государственного научного фонда грант № 15-04-00378а «Конфликтные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели» (рук. Н.В. Уфимцева).

телей разных культур, сопровождаемое неизбежными коммуникативными конфликтами (конфликтами неполного понимания) из-за недостаточной общности сознаний» [Тарасов 2003: 10—23].

Важно отметить, что слова, именующие выбранные для изучения концепты, многозначны. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова приводит следующие толкования слов «богатый», «богатство» / «бедный, бедность»:

«Богатый — 1) Обладающий большим имуществом, деньгами, очень зажиточный. 2) Дорогостоящий, роскошный. 3) То же, что обильный; содержащий в себе много ценного. 4. Перен. Содержащий много ценных качеств. *Богатый голос*.

Богатство — 1) см. богатый. 2) Обилие материальных ценностей, денег» [Ожегов 1990: 58].

«Бедный — 1. То же, что неимущий; 2. *перен.* Имеющий недостаток в чем-н., скудный. *Бедная природа. Бедное воображение*; 3. Несчастный, жалкий.

Бедность — 1. см. бедный. 2. Жизнь в нужде, состояние того, кто постоянно нуждается» [Ожегов URL: <http://ozhegov.textologia.ru/letters/%C1%EE/?q=743&lets=%C1%EE>].

Таким образом, мы видим, что анализируемые слова представляют собой антонимическую пару и уже поэтому содержат в своей семантике некоторое противоречие, потенциальную «конфликтность». Однако получить необходимую информацию только из толковых словарей, фиксирующих лишь «чистую» семантику, невозможно. Необходимо обратиться к знаниям о мире, отраженным в языковом сознании китайцев и русских и составляющим смысловое содержание концептов, что и определило одну из важнейших задач нашего исследования.

В соответствии с поставленными задачами нами был использован соответствующий материал — ассоциативные поля выбранных слов-концептов, содержащиеся в существующих русскоязычных ассоциативных словарях, а также данные, полученные в результате проведенного самостоятельно свободного ассоциативного эксперимента с китайскими студентами Российского университета дружбы народов.

Основные методы исследования — психолингвистические (свободный ассоциативный эксперимент) и когнитивные (метод измерения семантической близости языковых единиц; когнитивная интерпретация результатов исследования).

Далее, мы приведем анализ и комментарии к полученным данным, оставив за рамками статьи описание самой процедуры ассоциативного эксперимента, которое можно найти во многих работах, авторы которых используют для анализа аналогичный материал.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «БОГАТСТВО/БЕДНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Приступая к анализу концептуального поля «богатство/бедность» в русском языковом сознании, прежде всего отметим, что материала для исследования важнейших характеристик данного поля на русском языке оказалось значительно больше, чем на китайском. Это — «Словарь ассоциативных норм русского языка» под редакцией А.А. Леонтьева (1977); «Русский ассоциативный словарь» (РАС-1)

(2002); РАС-2 (2008); «Русский региональный ассоциативный словарь. Сибирь и Дальний Восток». Т. 1 (2014). Имея в руках такой богатый материал на русском языке, мы отдаем себе отчет, что сопоставление его с данными о китайском языковом сознании в заданной области, конечно, не совсем корректно. Однако некоторые, наиболее важные свойства анализируемых концептов все же оказались сопоставимыми и способными представить общую картину уровня их конфликтности как внутри каждой из двух культур, так и при их сравнении.

Еще одно замечание, касающееся временного параметра исследования. В «китайской части» — это в основном только современное состояние языкового сознания, реконструированное в 2016 г. с помощью самостоятельного и «локального» (РУДН) проведения ассоциативного эксперимента. Русские же ассоциативные словари охватывают довольно большой и, главное, насыщенный крупными социальными изменениями период (с 1973 года по настоящее время). Это позволяет проследить эволюцию представлений русских о концептах богатство/бедность и деньги, а также изменения уровня конфликтности этих концептов, отраженной в обыденном языковом сознании.

С учетом сделанных предварительных замечаний приступим непосредственно к анализу и описанию особенностей концептуального поля «богатство/бедность» в русском обыденном языковом сознании.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТОВ БЕДНОСТЬ, БОГАТСТВО, ДЕНЬГИ В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ

Прежде всего, рассмотрим *эволюцию* данных концептов, ибо за последние 40 лет они претерпели в русской языковой картине мира значительные изменения, связанные с глобальными социальными трансформациями как внутри нашей страны, так и в мире в целом.

Обратимся к нашему материалу. Так, в самом раннем ассоциативном словаре, составленном под руководством выдающегося отечественного психолингвиста А.А. Леонтьева в 1967—1973 гг., концепты «богатство», «бедность» и тесно связанный с ними концепт «деньги» вообще не включены в список слов-стимулов прямого словаря. Эти слова присутствуют только в обратном словаре в качестве реакций на некоторые стимулы. Приведем здесь лишь некоторые из них, позволяющие выявить их основные смыслы:

Богатство: *земля 2; здоровье 1.*

Богатый: *стол, деревня 1; богатое — впечатление 3.*

Бедный: *студент 34; старый 2; ребенок 1.*

Бедным: *помощь 2; помогать 1.*

Деньги: *счет 39; потерять 33; найти 14; время 12; давать 9; есть 7; достать, кончиться 5; делать, слава, искать, кино, билет 2; существовать 1.*

Деньгами: *помогать 2.*

Деньги его любят: *счет 1.*

Деньги на билет: *передать 1.*

Из приведенных примеров очевидно, что исследуемые нами концепты не занимали столь значительное место в языковом сознании русских в период 70—

80-х годов XX века. Большинство ассоциатов обнаруживают, что, во-первых, богатство прежде всего было связано либо с духовной сферой, либо с природным богатством страны. Во-вторых, антонимичный концепт «бедный» выступает как реакция на стимулы «студент», «старый» и «ребенок», обозначающие наименее социально защищенные группы людей; реакция этого же слова в дательном падеже (**бедным**) — *помощь, помогать* — обнаруживает гуманное и абсолютно лишенное негативных коннотаций значение. Ассоциаты, обозначенные различными формами слова «деньги», также не содержат отрицательных оттенков смысла. В них, скорее, проявляется традиционно присущее русским людям «нестыжательное» отношение к деньгам.

Следующий источник информации для наших изысканий — «Русский ассоциативный словарь» (РАС-1) (2002). Из соображений экономии места не будем приводить здесь все словарные статьи этого словаря (прямого и обратного), но покажем лишь наиболее релевантные примеры, демонстрирующие те изменения, которые произошли в русском социуме и нашли свое отражение в обыденном языковом сознании русских.

В целом, эти изменения можно обозначить как «сдвиг в сторону материального богатства» (около 80% ассоциаций). Если в словаре А.А. Леонтьева слова «деньги» вообще не было в списке стимулов, то в РАС-1 этот ассоциат присутствует на первом месте по частотности реакций на слово-стимул «богатство» (11 ассоциаций на 106 испытуемых) и составляет отдельную словарную статью в прямом словаре и 21 статью в обратном словаре. И, наоборот, на долю реакций, обозначающих духовное богатство, в соответствующей словарной статье прямого словаря РАС-1 приходится лишь 9,5% ассоциаций. Несколько больший процент составляет «народное» богатство, т.е. природные ресурсы (*земля, леса, озера, природы*). Изменился и лексический состав ассоциатов: в основном это слова, обозначающие занятия, приносящие богатство (*бизнес, кооператив*), его количественные характеристики (*большое, несметное, огромное, дикое, много всего, невиданное*) и его обладатели (*миллионер, кооператор, купец, барин, бизнесмен, капиталист проклятый, буржуй, наследник, родственник, спонсор*).

Особый интерес для нас представляют оценочные реакции, выявляющие отношение русских того периода к богатству и к богатым людям. Именно в них, как нам представляется, заключена скрытая конфликтогенность, готовая при определенных условиях вылиться в открытый конфликт. Так, на слово-стимул богатый в РАС-1 приходится порядка 11% негативных реакций (*бездельник, толстый, додж, капиталист проклятый, злой, подлец, разгильдяй, сноб; мафия, жадный, карьерист, надменный, тупой, воровать, дурак*). А в обратном словаре ассоциат богач возник на такие стимулы, как: *чиновники, скряга жадный, проклятый, скупой, хануга*. При этом слово-стимул богатство в РАС-1 — иногда оценивается респондентами либо нейтрально, либо положительно (*хорошо, беспроблемная жизнь, комфорт, свобода, хорошо жить*). Негативную реакцию вызывают, скорее, богатые люди, обладатели богатства.

В РАС-2 на слово-стимул богатство положительных оценок уже втрое больше, чем негативных (*хорошо, счастье, удача слава, состояние, труд, обеспеченность,*

хочу, должно быть, защита, комфорт красивый дом, круто, не бывает лишним, неплохо, стабильность, уверенность, удобства, удовольствие, ум успех, щедрость). Однако по-прежнему слова «богатый» и «богач» как в прямом, так и в обратном словарях РАС-2 вызывают преимущественно отрицательное отношение респондентов. При этом особое осуждение вызывают способы получения богатства (воровать, вор, карьерист, мафия, блат). В языковое сознание русских прочно входят такие слова, обозначающие обладателей богатством, как: олигарх 20; бизнесмен 12; депутат, чиновник, политик. Встречаются и такие жаргонизмы, как бабло, бабки, додж, обнаруживающие презрительное отношение к деньгам (скорее всего, заработанным нечестным путем) и их обладателям.

Интересны также последние по времени данные «Русского регионального ассоциативного словаря (Сибирь и Дальний Восток)» (2014). Сибирь и Дальний Восток — богатейший край России, где сосредоточены природные ресурсы страны. Поэтому богатство в сознании жителей этого региона, скорее, должно ассоциироваться именно с запасами полезных ископаемых, лесов, озер, морей и рек. И, действительно, вторая по частотности реакция — золото 31. Однако, в целом, таких реакций в ассоциативном поле слова-стимула богатство немного, и они все одиночные (*бриллиант, нефть, драгоценность, национальное, Сибири*). Основную часть составляют оценочные реакции, причем большая их доля приходится на положительное восприятие богатства: *счастье 12; роскошь 8; хорошо 7; радость, успех 4; желание, мечта, цель 3; благополучие, блеск, свобода, слава, удача, хочу, щедрость 2; дар, замечательно, кайф, комфорт, нужно, отлично, сказка, состоятельность, старание, усердие, честное 1.*

При этом 191 ассоциат представляет материальное богатство и лишь 25 ассоциатов — духовное.

Таким образом, представления русских эволюционируют в сторону притяжения и одобрения, прежде всего, личного материального богатства, небольшая часть ассоциаций называет национальное, народное богатство, в основном относящееся к природным ресурсам. Следует также отметить, что в ассоциативных полях слов-стимулов «богатство», «богатый», «богач» довольно много реакций, из которых можно заключить, что личное материальное богатство, во-первых, зачастую нажито нечестным путем (*награбленное, нечестно, порок, грех, покер*), а во-вторых, его обладатели по-прежнему получают большое число негативных оценок (*мажор, жадный, глупый, жлоб, скряга, зажрался, ленивец, скупердай, злой, алчный, высокомерный, жестокий, надменный, подлец, хапуга*). Такое положение, безусловно, подтверждает наш тезис о потенциальной конфликтности анализируемых концептов русской культуры.

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ БОГАТСТВО/БЕДНОСТЬ, ДЕНЬГИ

С методикой когнитивного исследования семантической близости языковых единиц мы познакомились на сайте научно-образовательного кластера it-claim.ru. Используя предоставленную на этом сайте компьютерную программу, мы провели небольшой эксперимент по определению семантической близости слов *богатство*,

бедность, деньги, конфликт. Результаты этого эксперимента позволяют наглядно показать степень семантической близости изучаемых нами концептов со словом *конфликт* и тем самым обнаружить уровень конфликтогенности данных концептов.

Полученный материал довольно объемный, и представить его полностью в статье невозможно. Поэтому мы приведем здесь лишь наиболее яркие примеры.

Начнем со слова *богатство*. Чтобы получить нужные данные, необходимо было ввести два слова (*богатство* и *конфликт*) в специальные табличные ячейки и нажать «Поиск». На выходе мы получили две цепочки разной длины:

1. Богатство → есть → причина → конфликт
2. Богатство → деньги → ссора → конфликт
3. Богатство → есть → контакт → конфликт
1. богатый → друг → постоянный → конфликт
2. богатый → язык → национальный → конфликт

Аналогичная процедура была проделана со словами *бедность* и *деньги*. Покажем некоторые из полученных результатов:

1. бедность → богатство → есть → причина → конфликт
2. бедность → богатство → деньги → ссора → конфликт
3. бедность → нищета → деньги → ссора → конфликт
4. бедность → богатство → есть → контакт → конфликт
1. деньги → богатство → хорошо → есть → контакт → конфликт
2. деньги → нужда → потребность → есть → контакт → конфликт
3. деньги → работа → деньги → есть → контакт → конфликт
4. деньги → счет → деньги → есть → контакт → конфликт
5. деньги → нужда → голод → есть → контакт → конфликт
6. деньги → будущее → интерес → есть → контакт → конфликт
7. деньги → труд → лень → есть → контакт → конфликт
8. деньги → золото → богатство → есть → контакт → конфликт

Итак, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что концепты *богатство/бедность, деньги* в русском языковом сознании обладают довольно высоким уровнем конфликтогенности: смысловое содержание исследуемых слов-концептов русской культуры тесно связано с семантикой слова *конфликт* (3—4 семантических шага).

Обратимся теперь к анализу тех же концептов в обыденном языковом сознании китайцев.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «БОГАТСТВО/БЕДНОСТЬ» В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ

В нашем исследовании обозначенной проблемы мы опирались на данные, полученные в результате проведения локального свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие студенты подготовительного факультета Российского университета дружбы народов (РУДН) — 106 информантов 20—22 лет. Все они являются носителями китайской лингвокультуры и гражданами КНР.

Начнем описание результатов эксперимента с данных о концептуальном поле «богатство». При анализе ассоциаций на стимулы 富豪 («миллионер, богач»), 财富

(«богатство»), 丰富 («богатый») было выявлено, что большую долю реакций составляют ассоциаты, связанные с материальными ценностями, преимущественно деньгами (34% реакций на стимул 财富; 14% реакций на стимул 富豪). Нематериальные ценности также составляют значительную долю ассоциаций, для китайских респондентов ценны, прежде всего, знания и опыт (23% реакций на стимул 财富, 26% реакций на стимул 丰富). Данные реакции свидетельствуют не только о важности нематериальных ценностей, но и демонстрируют то, что традиционные взгляды на достижения материального благополучия по-прежнему сохраняются со времен танской эпохи. Именно тогда демонстрация высокого уровня знаний традиционных сочинений и умственных способностей на государственных экзаменах, а не родственные связи, стали являться основным путем продвижения по социальной лестнице.

Основным способом применения своих знаний и опыта с целью получения материальных благ является сфера бизнеса, о чем свидетельствуют такие реакции, как: 股票 — «акции» (2), 升值 — «подорожание» (2), 投资 — «инвестиции», 经商 — «заниматься бизнесом, посредник» (2), 雷顿森林体系 «Бретон-Вудская система», 经济 «экономика», 价值 «цена», 额 — «оборот», 公司 — «компания».

На второй план выходят реакции, выражающие отношение к состоятельному человеку, которое согласно полученным реакциям, достаточно неоднозначно.

Реакций на стимул 富豪 («миллионер, богач»):

1. Ассоциаты-синонимы:

- a) обеспеченный: 富豪 — «богач» (8), 有钱 — «при деньгах» (11), 富有 — «обеспеченный» (5), 更富 — «богаче»;
- b) состоятельный, но малокультурный человек: 土豪 (18);
- c) золотая молодежь: 富二代 — «золотая молодежь» (2), 败家的富二代 — «расточительные дети богатых родителей»;
- d) китайские предприниматели: 马云 — «Ма Юнь» (2), 王思聪 — «Ван Сыцун» (3), 李嘉诚 — «Ли Цзячэн»;
- e) я: 我.

2. Распоряжение денежными средствами:

- a) заработок, сохранение и рациональное использование денежных средств: 争取 — «добиваться» (2), 保持 — «сохранять» (2), 维持 — «сохранять», 需要把钱花在正确的地方 — «деньги нужно тратить на правильные вещи»;
- b) нерациональное использование: 奢侈 «промаывать» (3), 装逼如风常伴汝身 «показушничать», 消费 «транжирить»;
- c) благотворительность: 捐赠和帮助穷人 — «жертвовать и помогать нуждающимся».

3. Способности и моральные качества: 能力 — «способности» (2), 有经济头脑 — «экономический склад ума», 人品 — «моральные качества», 格调.

4. Положительные моральные качества: 慈善 — «доброта», 人性 — «гуманность».

Реакции на стимул 财富 («богатство»):

处境 — «неловкая ситуация», 附属 — «зависимость», 任性 — «заносчивость», 小三干爹 — «любовница и попечитель».

Глядя на представленные реакции, можно сделать вывод что, с одной стороны, в китайском сознании богач — это состоятельный, малокультурный человек или «мажор», которые проматывают свое состояние (22% ассоциатов-синонимов на стимул 富豪 от общего количества реакций; 4% ассоциатов с отрицательной коннотацией на стимул 财富). С другой стороны, «богач» — это человек со способностями, особым складом ума, позволившими достигнуть материального успеха, который рационально использует свои денежные средства, а также занимается благотворительностью (12% реакций на стимул 富豪). Как и в русском языковом сознании, негативных оценок несколько больше, что таит в себе скрытую конфликтность, однако она не столь выражена, поскольку совершенно отсутствуют реакции, связанные с нечестным путем получения материальных благ, присутствует лишь оттенок борьбы, что может свидетельствовать как о растущем индивидуализме, так и о том, что в сознании китайцев истинным и честным является лишь то, что достигнуто упорным трудом (6% реакций на стимул 财富): «борьба» за материальные блага: 辛苦拼搏换来的积累, 奋斗得来的东西, 耕耘, 自己争取, 积累 — «накопление», 聚集 — «собирать»; 日积月累 «постепенное накопление». О нелегкой жизни богатых людей так же свидетельствуют соответствующая группа реакции на стимул 富豪 (3%): 难 — «трудно», 纠结 — «сложно», 不幸 — «несчастье», 欲戴王冠, 必承其重 — «любишь с горочки кататься, люби и саночки возить». Вышеперечисленные реакции еще раз подтверждают то, что в китайском обыденном языковом сознании «легитимным средством достижения индивидуального материального благополучия является не удача, а личные усилия человека» [Тарасов 2003: 10—115], и в целом рисуется весьма положительный образ богатого человека, вписывающийся в традиционную концепцию конфуцианства. Так же примечательно, что среди реакций на выше перечисленные стимулы отсутствует противопоставление богатых бедным.

Далее мы переходим к описанию данных о концептуальном поле «бедность». Значительную часть реакций на стимулы 贫苦 («бедность», «бедный»), 穷人 («бедный человек») составляют ассоциаты-синонимы или ассоциаты со схожим семантическим компонентом (23,5% реакций на стимул 贫苦; 18% реакций на стимул 穷人). Далее было выявлено большое количество реакций с негативной коннотацией, в основном обозначающих жизненные трудности 17% реакций на стимул 贫苦: 困难 — «нужда, трудности» (4), 苦难 — «страдания, невзгоды» (2), 刻苦 — «терпеть лишения» (2), 很艰难的生活 — «очень трудная жизнь», 艰辛 — «горести, невзгоды», 艰苦 — «трудный, горести, беды», 艰难 — «трудный, трудности», 坎坷 — «потерпеть неудачу», 过的不开心 — «быть несчастным», 贫贱夫妻百事哀 — «на бедного Макара и шишки валятся», 痛苦 — «мучиться», 命苦 — «несчастье». А так же 14% реакций на стимул 穷人: 辛苦 — «мучиться» (4), 生活困难 — «жизненные трудности» (2), 困苦 — (2), 生活艰辛 — «трудная жизнь», 生活 — «жизнь», 艰辛 — «горести, невзгоды», 方向 — «обстоятельства», 苦 — «страдать», 窘迫 — «нужда, попасть в затруднительное положение», 饥饿 —

«голод»). Данные реакции свидетельствуют о сочувственном отношении к бедным людям, а также вместе с ассоциатами, указывающими на масштаб проблемы: 国家问题 — «государственная проблема», 多 — «много», 哪儿都有 — «повсюду», 挺多 — «очень много», указывают на остроту проблемы бедности в Китае. Однако правительство страны ведет активную борьбу с проблемой, «за три десятилетия экономического роста ... более 500 миллионов китайцев переступили черту абсолютной бедности» [Ишмуратова: 4—287], и данный факт формирует позитивный настрой, находит отражение в обыденном языковом сознании китайцев в виде ассоциатов со значением временного явления, пережитого, а так же стремления к решению проблемы (6% реакций на стимул 贫苦; 4% реакций на стимул 穷人): 奋斗 — «бороться» (2), 脱胎换骨 — «совершенно измениться», 要争取 — «нужно бороться», 需要接受教育提高本领 — «необходимо получить образование и повысить мастерство»; 暂时 — «временный» (2), 时候 — «в детстве» (2), 改变 — «перемена», 过去 — «в прошлом».

Выше уже было сказано, что бедность вызывает сочувствие, а так же желание помочь (12% реакций на стимул 穷人, 3% реакций на стимул 贫苦): 帮助 — «помогать» (3), 扶贫 — «помогать», 同情 — «сочувствовать», 怜悯 — «жалеть», 莫欺少年穷 — «не притеснять молодых и бедных». Бедный человек в обыденном сознании китайца отличается силой воли, трудолюбием и прочими положительными качествами (13% реакций на стимул 穷人): 努力 — «трудолюбивый» (4), 善良 — «добрый», 勤俭节约 — «трудолюбивый и бережливый», 勤奋 — «усердный», 有骨气 — «сильный духом», 骨气 — «стойкость», 志气大 — «сильная воля», 志气高 — «сильная воля», 志不穷 — «не слабый духом», 节俭 — «бережливый».

Однако за последние три десятка лет показатель неравенства населения сильно возрос. «Исследование, проведенное Китайским фондом исследования развития, показывает, что он подскочил ... до 0,48 ... экономисты утверждают, что при коэффициенте Джинни более 0,4 появляется угроза для социальной стабильности общества» [Ишмуратова 2014: 3—287]. Тревожные сигналы можно заметить и в реакциях респондентов. Доля ассоциатов с негативной коннотацией указывают на то, что бедный человек вызывает «презрение», как неопытно выглядящий, ленивый, с низким уровнем культуры (5% реакций на стимул 贫苦, 6% реакций на стимул 穷人): 文化程度低 — «малокультурный», 无力 — «бессильный», 潦倒 — «беспечный, невезучий, павший духом», 懒人 — «лентяй», 庸人 — «заурядный человек», 没知识 — «не иметь знаний», 精神贫 — 穷 «духовно бедный»; 破烂 — «истрепанный», 衣衫褴褛 — «в лохмотьях», 破旧的衣服 — «потрепанная одежда», 衣衫褴褛 — «в отрыве».

В отличие от реакций на группу стимулов, связанных с богатством, в данной группе значительное количество ассоциатов антонимические, что свидетельствует о противопоставлении бедных богатым (11% реакций на стимул 贫苦, 13% реакций на стимул 穷人), а так же есть ассоциаты, указывающие на социальный характер проблемы (5% реакций на стимул 穷人). Эти группы ассоциатов, на наш взгляд, могут быть показателями определенной социальной напряженности в китайском обществе и конфликтности изучаемых концептов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги проведенного исследования и перечислим сходства и различия между концептуальными полями «богатство/бедность» в языковом сознании русских и китайцев, а также сравним уровень конфликтности проанализированных концептов.

Сходства между изученными концептуальными полями сводятся к следующим положениям.

1. Как в русском, так и в китайском обыденном языковом сознании концепты *богатство* и *бедность* выступают в двух ипостасях — материальной и духовной. Причем материал ассоциативных экспериментов, проведенных с русскими респондентами в разные годы (с 1973 по настоящее время), дает возможность проследить эволюцию отношения к богатству, бедности и деньгам. Здесь наблюдается явный поворот сознания к материальному богатству и включение его в список базовых культурных ценностей.

2. *Бедность* же в обеих культурах получает большое количество негативных оценок, что особенно заметно в русском языковом сознании. Бедные люди вызывают не столько жалость и желание помочь, как это было раньше, сколько презрение и отторжение. При этом в языковом сознании китайцев все же преобладают реакции первого типа, т.е. жалось и желание помочь.

3. Разрыв между богатыми и бедными увеличивается, что, безусловно, повышает социальную напряженность и опасность возникновения конфликтов. Особенно ярко это прослеживается в материалах, полученных с помощью когнитивных экспериментов измерения семантической близости между словами *богатство* → *конфликт*; *бедность* → *конфликт* и *деньги* → *конфликт*.

Различия между содержанием анализируемых концептов в двух лингвокультурах состоят в следующем:

1) в способах приобретения материального богатства: если у русских преобладает желание разбогатеть как можно скорее и не всегда честным путем, то у китайцев ценится бережливость, заправливость и трудолюбие, образование и опыт;

2) в отношении к обладателям богатства (концепты *богатый*, *богач*): в русском языковом сознании негативное отношение выражено более ярко, что также позволяет говорить о более высоком уровне конфликтности этих концептов, чем в китайском языковом сознании. Это положение также подтверждается когнитивным экспериментом, результаты которого представлены в статье;

3) в более оптимистичном взгляде китайцев на проявления бедности и способах ее преодоления путем повышения уровня знаний и трудолюбия.

В целом, следует отметить, что социальные изменения в области, обозначенной концептами *богатство/бедность*, в обеих культурах происходят постоянно, что вызывает необходимость продолжать исследования языковых сознаний русских и китайцев с целью оптимизации межкультурных контактов и избегания конфликтных ситуаций.

© Чулкина Н.Л., Кольцова Н.В.
Дата поступления: 1.05.2017
Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аль Кхалил Махир.* Концептуальное поле «СОБСТВЕННОСТЬ» в русской и арабской лингвокультурах: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.
2. Ассоциативные эксперименты и словари онлайн. Режим доступа: <http://it-claim.ru/asis> (Дата обращения: 04.04.2017).
3. *Ишмуратова В.Г.* Борьба с бедностью в КНР: исторический опыт, проблемы и перспективы. М., 2014.
4. *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь. М.: Астрель, АСТ, 2002. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (Дата обращения: 04.04.2017).
5. *Леонтьев А.А.* (ред.) Словарь ассоциативных норм русского языка. Москва, МГУ, 1977.
6. *Новоселова Т.Н.* Концепт MATERIAL WEALTH и его языковая онтологизация в англо-американской культуре // АКД. Иркутск, 2005.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://ozhegov.textologia.ru/letters/%C1%EE/?q=743&lets=%C1%EE> (Дата обращения: 04.10.2017).
8. *Середа А.В.* Материальное благополучие и его роль в системе ценностей китайского общества: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11; Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2010.
9. *Стешина Е.Г.* Концепты богатство и бедность в молодежном языковом сознании русских и англичан: Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.
10. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2003.
11. *Черкасова Г.А.* Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (Дата обращения: 04.04.2017).

УДК: 81'23/24/161.1+=581

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1178-1190

CONFLICTOGENETY LEVEL OF THE CONCEPTUAL FIELD “WEALTH / POVERTY” IN THE LINGUISTIC CONCIIOUSNESS OF RUSSIANS AND THE CHINESE*

Nina L. Chulkina, Nadezhda V. Koltsova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaia str., 10-2 A, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the perception of poverty and wealth in Chinese and Russian world view and indification of the conflictogenity level of the units included in the “wealth/poverty” conceptual field. The topicality of the research is reasonable for necessity to study the above said concepts as the basic cultural values that determine relationships between people in society and the fields of concern. The topic is especially actual due to deepening relationships between Russia and China and economic, political and social changes that took place in the countries during the last decades.

* The study was supported by RGNF, project 15-04-00378a.

The target of the research is to reveal conflictogenity level of the the units included in the “wealth/poverty” conceptual field, which is represented in language consciousness of Russians and Chinese and directed at production of optimal strategy and tactics of successful intercultural communication. The basic research methods are cognitive ones (method of measuring the semantic similarity of language units; cognitive interpretation of the study results) and psycholinguistic. To collect data about the conceptual field in language consciousness of Chinese the association experiment was conducted. To research Russian language consciousness we used data of association dictionaries.

Key words: conflictogenity, wealth, poverty, language consciousness, association experiment

REFERENCES

1. Al Khalil Mahir. (2014). Konceptual field “PROPERTY” in Russian and lingua cultures. Diss. kand. filol nauk. Moscow. (in Russ.).
2. Associative experiments and online-dictionaries. URL: <http://it-claim.ru/asis> (accessed: 04.10.2017).
3. Ishmuratova, V.G. Struggle with poverty in People’s republic of China: history and perspective. Moscow. (in Russ.).
4. Russian associative dictionary. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 04.10.2017).
5. Leontiev, A.A. (Ed.). (1977). The dictionary of associative norms of russian language. Moscow: MSU.
6. Novoselova, T.N. (2005). Konzept MATERIAL WEALTH and its language ontologization in English and American cultures. *AKD*. Irkutsk. (in Russ).
7. Ozhegov, S.I. & Svedova, N.U. Difinition dictionary of Russian language: URL: <http://ozhegov.textologia.ru/letters/%C1%EE/?q=743&lets=%C1%EE> (accessed: 04.10.2017).
8. Sereda, A.V. (2010). Matherial wealth and its role in value system of Chinese: Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11; Buryat. state un-t. Ulan-Ude. (in Russ).
9. Steshina, E.G. (2008). Consept’s ‘wealth andpoverty’ in language consciousness of English and Russian young people. Diss. kand. filol. nauk. Saratov. (in Russ.).
10. Tarasov, E.F. (2003). Intercultural communication — new ontology of language consciousness analysis. *Etnokul’turnaya specifika yazykovogo soznaniya. Sbornik statej*. N.V. Ufimceva (Ed.). Moscow. (in Russ.).
11. Cherkasova, G.A. Russian assosiative comparative dictionary. URL: <http://it claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (accessed: 04.10.2017). (in Russ.).

Для цитирования:

Чулкина Н.Л., Кольцова Н.В. Уровень конфликтогенности концептуального поля «богатство/бедность» в языковом сознании русских и китайцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1178—1190. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1178-1190.

For citation:

Chulkina N.L., Koltsova N.V. (2017). Conflictogenity level of the conceptual field “wealth / poverty” in the linguistic conciousness of russians and the Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1178—1190. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1178-1190.

Nina L. Chulkina, Nadezhda V. Koltsova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1178—1190. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1178-1190.

Сведения об авторах:

Кольцова Надежда Викторовна, аспирант филологического факультета Российского университета дружбы народов по кафедре общего и русского языкознания по направлению 45.06.01 Языкознание и литературоведение; научные интересы: психолингвистика, лингвокультурология; e-mail: nadezdagalaktionova@gmail.com

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, лексикография; *e-mail*: nina.tchulkina@yandex.ru

Bio Note:

Koltsova Nadezhda Victorovna, post-graduate student of philology faculty of RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia) of the department of general and Russian linguistics, 45.06.01 Linguistics and literary studies; *Scientific interests*: psycholinguistics, linguoculture; *e-mail*: nadezdaGalaktionova@gmail.com

Chulkina Nina Leonidovna, a Doctor of philology studies, Associate professor, Professor of the department of general and Russian linguistics of RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Scientific interests*: psycholinguistics, linguoculture, lexicography; *e-mail*: nina.tchulkina@yandex.ru



УДК: 81'255.4:791.43

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199

ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ НАЗВАНИЯ КИНОФИЛЬМОВ КАК ОСОБЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

О.И. Александрова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2А, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению названий кинофильмов как особой единицы номинации, представляющей собой образно-смысловую центр поликодового текста, который объединяет сюжетные линии, идейно-философское содержание, жанровые характеристики, визуальный и звуковой ряд и др. В статье рассматриваются основные характеристики названия как заголовочного текста, обладающего цельностью, связностью и реализующего авторскую интенцию. Названию фильма свойственны сжатость, выделенность, полифункциональность, спаянность с визуальным и звуковым рядом, ретроспективная направленность представления авторского замысла, наличие прототипа. Название формируется с опорой на фоновые знания автора и предполагаемые фоновые знания потенциального зрителя. Особый интерес представляют переведенные названия, в которых отражаются и интенции и фоновые знания переводчика, интерпретирующего и адаптирующего оригинальные тексты. Названия кинофильмов выполняют не только информативную и номинативную функции, но и аттрактивную, рекламную и прагматическую функции, а также функцию антиципации, становясь важным инструментом создателей фильма и составляющей коммерческого дискурса. Соотношение текст — название отражает соотношение самого фильма и его трейлера, являющегося отдельным произведением особого жанра. Пересечение художественного и коммерческого дискурсов становится наиболее заметным при переводе фильма и его названия, когда более значимым может стать не столько соответствие фильма его содержанию и авторскому замыслу, сколько жанровое соответствие и ориентация на целевую аудиторию. Задача переводчика усложняется необходимостью адаптации текста и названия к инокультурной среде.

Ключевые слова: нейминг, заголовочный текст, название кинофильма, фильмоним, единица номинации, поликодовый текст, функции названий, перевод

ВВЕДЕНИЕ

Любое название художественного произведения является сложной языковой единицей, характеризующейся, с одной стороны, самостоятельностью и целостностью, а с другой стороны, обусловленностью содержанием произведения, частью которого оно является. Названия художественных фильмов представляют интерес как с точки зрения их структурно-семантической и функционально-прагматической характеристики, так и в аспекте межкультурной коммуникации, в том случае, если художественный фильм является иноязычным. Переводные названия кинофильмов иллюстрируют глубинные связи означаемого и означающего, обусловленные культурной спецификой, а также современные языковые процессы, отражающие культурные и общественно-политические изменения в мире. В связи с этим возникает необходимость раскрытия сущности названия кинофильма как семиотической единицы и описания его особенностей.

НАЗВАНИЕ КИНОФИЛЬМА КАК ЕДИНИЦА НОМИНАЦИИ

Названия художественных произведений занимают особое место в ономастической системе языка, так как такие имена даются прежде всего идеям, воплощенным в художественных произведениях, а не самим предметам [Суперанская 1973: 212]. При интерпретации названия художественного произведения важна не только его семантическая характеристика, но и образ, скрытый в многоплановой структуре этого произведения.

Художественный фильм, как произведение искусства, представляет собой поликодовый текст, а его название — образно-смысловой центр, связывающий множественные коды, представленные сюжетными линиями, идейно-философским содержанием, жанровыми характеристиками, визуальным и звуковым рядом и др. Центральное место названия в поликодовой структуре фильма мы попытались изобразить в виде схемы на рисунке 1.



Рис. 1. Название художественного фильма как центр поликодового произведения

Особая функциональная направленность названий кинофильмов способствовала повышению интереса лингвистов к данной единице номинации и выделению нового понятия «фильмоним» в качестве единицы ономастической терминологии для обозначения названия кинофильма (Ю.Н. Подымова, Е.В. Кныш, И.Г. Милевич и др.). Несмотря на свою краткость, однозначность и специфичность, этот термин не получил широкого распространения. На наш взгляд, это обусловлено несоответствием значения компонента *-оним* в составе термина-композиата «фильмоним» тем структурным и содержательным характеристикам, которые описывают онимы и которые закреплены в ономастике и ономастической семантике (ср. топонимы, антропонимы, теонимы, гидронимы, зоонимы, урбанонимы и др.).

В отечественной лингвистике названия художественных фильмов традиционно относятся к заголовочным текстам, которые, как любые речевые произведения, реализуют авторскую интенцию и характеризуются цельностью и связностью [Крылова 2006: 218].

Заголовочный текст рассматривается как часть целого текста, обеспечивающая, с одной стороны, интертекстуальность, связь со всеми его составляющими, с другой стороны, связь между автором и реципиентом, то есть их когнитивной и эмоционально-ценностной сферами. Автор (как правило, группа создателей фильма, но прежде всего режиссер), обладающий некоторыми фоновыми знаниями, транслирует множественные идеи, образы и смыслы через произведение (художественный фильм) и его первичное представление в названии реципиенту (потенциальному зрителю), имеющему собственные фоновые знания. Схематично это можно изобразить следующим образом (рис. 2).

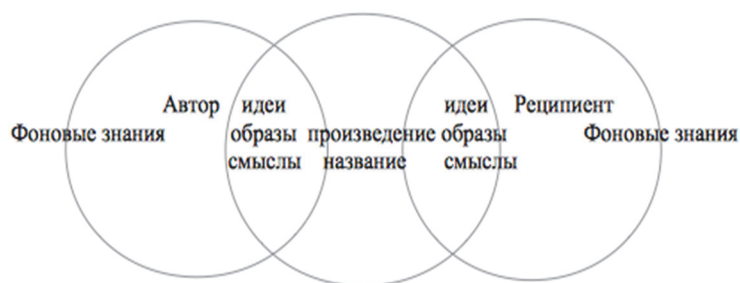


Рис. 2. Связь между автором и реципиентом через произведение и его название

При этом помимо опоры на фоновое знание реципиента для формирования заголовочного текста важным является использование прототипического и икононического принципов, то есть принципиальное значение приобретает связь названия с первичным развернутым поликодовым текстом и соотносительность с визуальным рядом. На эти характеристики названий художественных фильмов обращают внимание в своих работах Т.В. Васильева и В.Е. Горшкова [Васильева 2006: 161; Горшкова 2014].

В трансляции содержания фильма автором реципиенту название приобретает дополнительную характеристику. Являясь важнейшим семантико-композиционным элементом художественного произведения, заголовочный текст ретроспективно раскрывает многомерность авторского замысла: его содержание понимается в процессе прочтения и не совпадает «на входе в текст и на выходе из текста» [Богданова 2008: 4].

Процесс передачи авторского замысла реципиенту сопровождается поочередным представлением составляющих поликодового текста, порядок их представления может быть разным, но, как правило, сначала вместе с названием происходит знакомство с малой частью содержания, далее во время и после просмотра зритель получает представление о произведении и собственные впечатления о нем, которые позволяют переосмыслить название и увидеть в нем скрытые смыслы, а затем представление и впечатление о произведении сохраняется в памяти на основе ассоциативной связи с названием. Данный процесс мы попытались изобразить схематично на рисунке 3.

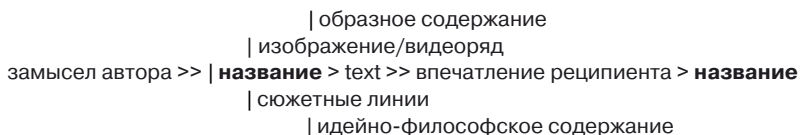


Рис. 3. Ретроспективный характер восприятия названия произведения

Специфика названий кинофильмов как единиц номинации заключается в том, что их первичное представление реципиенту, как правило, сопровождается визуальным рядом — статическим или динамическим изображением, размещенным на афише или в рекламном видеоролике — трейлере. Вербальные и иконические знаки, использованные одновременно, определяют жанровую принадлежность кинофильма и выполняют репрезентативную и рекламную функции.

ФУНКЦИИ НАЗВАНИЙ КИНОФИЛЬМОВ

Помимо общих для всех заголовочных текстов номинативной (именования и идентификации), коммуникативной, информативной и эстетической функций, названия кинофильмов выполняют функцию антиципации — «предвкушения события» [Велева-Борисова 1993], аттрактивную, рекламную и прагматическую функции.

Аттрактивная и рекламная функции заключаются в привлечении потенциального зрителя к просмотру и реализуются на первом этапе интерпретации заглавия до просмотра, когда зритель сталкивается с выбором — смотреть или не смотреть фильм [Траченко 1984]. В случае успешной реализации рекламной функции зритель принимает решение о просмотре фильма, во время которого он интуитивно соотносит название фильма с тем или иным элементом его сюжета или идейно-художественного содержания, таким образом стимулируя механизм информативной функции (второй этап). После просмотра наступает третий этап восприятия, на котором снова реализуется номинативная функция: название становится символом, ассоциирующимся у зрителя с сюжетом фильма, его главной идеей, жанром, пафосом (см. рис. 3).

Благодаря своей сжатости название позволяет сохранить содержание фильма и впечатление о нем в памяти зрителя (при условии успешной номинации). Являясь идейно-смысловым центром, название синтезирует в себе множественные составляющие художественного произведения, полученные и интерпретированные адресатом (зрителем), закрепляет их в его сознании и становится стимулом для последующего восстановления и воспроизведения.

Говоря о рекламной функции названия фильма, важно учитывать специфику современного кино, заключающуюся в его пересечении с коммерческим дискурсом: кинофильм создается не только как художественное произведение, но и как продукт, востребованный на рынке. Представление и продвижение кинофильма осуществляется благодаря отдельному произведению, так называемому трейлеру, представляющему собой непродолжительный видеоролик, включающий самые интересные и интригующие моменты еще не вышедшей в прокат картины. В неко-

торых случаях создатели фильма сопровождают название слоганом, в котором компрессируется содержание фильма, раскрывается, уточняется содержание названия, например: название *Gold* — слоган *It was never about the money*, ср. «Золото» — *Его недооценивали*.

Функционально рекламный ролик (трейлер) и название кинофильма пересекаются в силу общности принципов их формирования: прототипности / вторичности, выделенности / целостности, сжатости, первоочередности представления реципиенту. Такую соотнесенность двух малых форм развернутых произведений можно изобразить следующим образом:

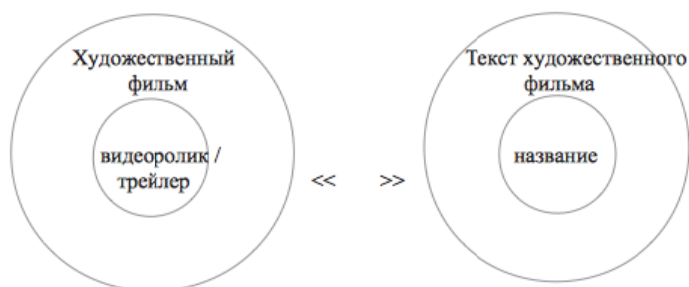


Рис. 4. Функциональная соотнесенность рекламного видеоролика и названия фильма

С точки зрения коммерческого дискурса основными составляющими рекламы кинопродукта являются имя режиссера, название выпускающей фильм кинокомпании, популярность актеров, известность и успех произведений, лежащих в основе фильма, и др. Имена в обязательном порядке вводятся «на входе» при первом представлении художественного произведения, выполняя вместе с названием аттрактивную и рекламную функции.

Кроме того, в названии точкой пересечения с коммерческим дискурсом часто являются прецедентные феномены, указывающие на произведения-бестселлеры, которые уже стали успешными, а значит, привлекательными для потенциального зрителя. Использование в названии прецедентных феноменов становится одной из популярных стратегий нейминга в современном кинематографе.

Прецедентные феномены являются сигналом совпадения участков фоновых знаний автора и реципиента (см. рис. 2), благодаря чему трансляция идей, образов и смыслов автора становится более успешной. Прецедентные феномены известны значительной части представителей определенного лингво-культурного сообщества, обнаруживаются в их речи и актуальны в когнитивном (эмоциональном и познавательном) плане [Нахимова 2004: 172], в связи этим к прецедентными можно относить не только названия классических романов («Отверженные», «Анна Каренина», «Великий Гэтсби», «Хоббит: Нежданное путешествие», современных бестселлеров («Прекрасные создания», «Тихая гавань», «Жизнь Пи», «Облачный атлас»), названия биографических фильмов («Хичкок», «Линкольн», «Боб Марли»), исторических фильмов («Великая стена», «В белом плену», «Контики»), ремейков или продолжений известных популярных фильмов («Фран-

кенвини», «Стартрек: Возмездие», «Крепкий орешек: Хороший день, чтобы умереть», «Джанго освобожденный», «007: Координаты Скайфолл»), но и названия общеизвестных компьютерных игр и мобильных приложений, повторяющихся в названиях фильмов Warcraft / «Варкрафт», Need for Speed / «Need for Speed: Жажда скорости», Angry birds / «Ангри Бёрдз в кино» и др. Такие названия фильмов обязательно совпадут с названиями популярных коммерческих продуктов, так как фильмы изначально ориентированы на их любителей, поклонников, фанатов.

СПЕЦИФИКА НЕОРИГИНАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ

Степень соотнесенности, спаянности названия с целостным поликодовым текстом, его связь с идейно-философским содержанием фильма может зависеть от качества его перевода. Если тексты художественного фильма, включая его название, переводятся на иностранный язык, адаптируются по иную культурную среду, процесс передачи авторского замысла несколько усложняется, так как теперь помимо адресанта и адресата появляется интерпретант со своими собственными фоновыми знаниями, уровнем переводческого профессионализма и языковым вкусом. При просмотре дублированного фильма зритель получает лишь интерпретацию содержания художественного фильма. При сохранении оригинального визуального ряда и музыкального сопровождения вербальная часть фильма трансформируется, что может повлечь за собой смещение смысловых и образных акцентов. Процесс передачи авторского замысла усложняется (рис. 5).



Рис. 5. Переводчик как интерпретатор авторского замысла

Декодируя тексты художественного фильма и адаптируя их для зрителя, представляющего иную культуру, переводчик вносит собственное понимание языковой ситуации, языковой личности героя и, на наш взгляд, авторского замысла в целом. Сравнение малых форм вербальной составляющей фильма — названия и слогана, репрезентирующих киноленту, наглядно демонстрирует смысловое смещение.

Рассмотрим пример оригинального и переведенного названия фильма и его слогана: «King Arthur: Legend of the Sword» — «Меч короля Артура», *From nothing comes a king* — *Рожден, чтобы быть королем*. В английском варианте и в названии, и в слогане центр высказывания и тема полностью совпадают — *king*. При переводе на русский язык парцеллированная конструкция трансформируется

в словосочетание с подчинительной связью, в котором акцент смещается с субъекта *король* на объект *меч*, а в слогане использована безличная конструкция, в которой *король* также не является субъектом. То есть в оригинальном названии внимание сосредоточено на том, что фильм о короле Артуре, о том, как он стал королем, о его легендарном мече. При первом знакомстве с русским названием создается впечатление, что фильм о волшебной силе меча и личных качествах героя, которые помогли ему стать королем. Очевидно, что смысловой центр в некоторой степени смещен и может повлиять на изменение ожиданий зрителя, хотя переведенное название вполне отражает содержание фильма.

Перевод названия кинофильма (и текста художественного фильма в целом) влияет на процесс передачи авторского замысла реципиенту, поэтому важным становится описание стратегий перевода иноязычных названий, выявление критериев адекватного и неадекватного перевода, установление признаков непереводаемых названий фильмов и практических методов поиска новых названий, позволяющих преодолевать коммуникативный барьер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Название художественного фильма представляет собой целостную единицу, связывающую множественные когнитивные, эмоционально-ценностные и культурные коды сложного произведения. Название формируется с опорой на фоновые знания автора и предполагаемые фоновые знания потенциального зрителя, имеет прототип, сопровождается визуальным рядом, ретроспективно раскрывает многомерность авторского замысла, характеризуется сжатостью и выделенностью, выполняет номинативную, коммуникативную, информативную, эстетическую, аттрактивную, рекламную и др. При создании фильма решаются не только художественные, но и коммерческие задачи, поэтому большое значение имеет соотношение его названия с жанром. Зарубежный фильм нуждается в переводе и некоторой адаптации, особое значение приобретает перевод названия, так как, как правило, с него начинается репрезентация фильма и оно сохраняет впечатление о фильме в памяти реципиента. Переводчик интерпретирует содержание вербальной составляющей фильма, зачастую трансформируя и адаптируя его в пределах новой лингвокультуры. Названия фильмов характеризуются структурно-грамматическими, лексико-семантическими и лингво-прагматическими особенностями, которыми нельзя пренебрегать при переводе.

© Александрова О.И.

Дата поступления: 15.07.2017

Дата приема к печати: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005.
2. *Богданова О.Ю.* Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
3. *Васильева Т.В.* Когнитивные механизмы формирования и функционирования заголовка // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 154—171.

4. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004.
5. *Горшкова В.Е.* Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 33—34.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
7. *Кныш Е.В.* Наименование кинофильмов как объект ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.А. Карпенко. Киев, 1988. С. 106—111.
8. *Крылова О.А.* Лингвистическая стилистика. М.: Высшая школа, 2006.
9. *Милевич И.Г.* Стратегии перевода названий фильмов // Русский язык за рубежом. 2007. № 5. С. 65—71.
10. *Нахимова Е.А.* О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 13. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. С. 166—174.
11. *Подымова Ю.Н.* Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дисс. канд. филол. наук. Майкоп, Адыгейский гос. университет, 2006.
12. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
13. *Траченко О.Н.* Стилистические характеристики заглавия как знака текста в синтагматике и парадигматике (на материале современного англоязычного рассказа): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.
14. *Hatim B.* The Translator as Communicator / B. Hatim, I. Mason. London; New York: Routledge, 1997.
15. *Veleva-Borissova.* La théorie interprétative de la traduction et les titres: thèse de doctorat. Paris: ESIT, 1993.

УДК: 81'255.4:791.43

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199

ORIGINAL AND TRANSLATED FILM TITLES AS SPECIFIC NAMING UNITS

Oksana I. Aleksandrova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaia str., 10-2 A, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article discusses a problem of film naming and focuses on the film title as a specific naming unit, that is a visual-and-semantic center of a polycode text, connecting multiple codes presented by storylines, ideological and philosophical content, genre characteristics, visuals and sound. The main features of titles as headlines are characterized by integrity and connectivity, they are implement the author's intention. The titles usually comply with the story, idea, philosophy and style of the film, reflect the content and artistic conception. They should be comprehensible, succinct, intriguing, designing as soon as they should be attractive for the target audience. Besides the nominative (nomination and identification), communicative, informative and aesthetic functions, which are common for all headlines, film titles perform the functions of anticipation and attraction, as well as advertising and pragmatic functions. Film titles become important instrument for lfilm providers, since modern cinema overlaps with commercial discourse: the movie is created not only as a piece of art, but also as a market product. Dealing with a foreign movie, film providers face new challenges since the film title should be targeted at the audience of different background. Violating one of these conditions may cause infelicity or translation fails.

Key words: Naming, Heading, Film Title, Filmonym, Naming Unit, Polycode Text, Functions of Title, Translation

REFERENCES

1. Alefirenko, N.F. (2005). Outstanding Issues of Semantics. Moscow: Gnozis. (in Russ.).
2. Bogdanova, O.Ju. (2009). Heading as Semantic and Compositional Part of Literary Text (as exemplified of English language): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. (In Russ.).
3. Vasil'eva, T.V. (2006). Cognitive mechanisms of heading composition and functions. *Vestnik MGU. Ser. 19. Linguistics and Crosscultural Communication*, 1. pp. 154—171. (In Russ.).
4. Garbovskij, N.K. (2004). Translation Theory. Moscow: MGU publishing group. (In Russ.).
5. Gorshkova, V.E. (2014) Film Title as a Unit of Translation and a Unit of Image-Sence. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 10. pp. 33—34. (In Russ.).
6. Karaulov, Ju.N. (1987). Russian Language and Language Identity. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Knysh, E.V. (1988). Films Naming as an Object under Study in Onomatology In *Issues of Russian Onomatology: collection of research papers*. Ju.A. Karpenko (Ed.). Kiev. pp. 106—111. (In Russ.).
8. Krylova, O.A. (2006). Linguistic Stylistics. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
9. Milevich, I.G. (2007). Strategies of Film Titles Translation. *Russkij jazyk za rubezhom*, 5. pp. 65—71. (In Russ.).
10. Nahimova, E.A. (2004). About Criteria of Precedent Phenomena Recognition in Political Texts. *Linguistics: Ural Linguistic Society Bulletin*, 13. pp. 166—174. (In Russ.).
11. Podymova, Ju.N. (2006). Film Titles in Structural-and-Semanticand Functional-and-Pragmatic Aspects: diss. kand. filol. nauk. Adyge State University, Majkop. (In Russ.).
12. Superanskaja, A.V. (1973). General Theory of Proper Name. Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Trachenko, O.N. (1984). Stylistic Features of Heading as a Sign of Text (as exemplified of modern English short story): Dis. k.f.n. Kiev. (In Russ.).
14. Hatim, B., & Mason I. (1997). The Translator as Communicator. London; New York: Routledge.
15. Veleva-Borissov, A. (1993). La théorie interprétative de la traduction et les titres: thèse de doctorat. Paris: ESIT.

Для цитирования:

Александрова О.И. Оригинальные переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1191—1199. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199.

For citation:

Aleksandrova, O.I. (2017). Original and translated film titles as specific naming units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1191—1199. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199.

Oksana I. Aleksandrova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1191—1199. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199.

Сведения об авторе:

Александрова Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: теория номинации, дискурсивный анализ, лексикология, семантика; *e-mail*: alexandrova_oi@pfur.ru

Bio Note:

Aleksandrova Oksana Ivanovna, PhD, Associated Professor, Associated Professor of the of General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *scientific interests*: naming, discourse analyse, lexicology, semantic; *e-mail*: alexandrova_oi@pfur.ru



УДК: 81'37:659(470)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1200-1206

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ БРЕНДОВ В РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА*

И.В. Крюкова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. Ленина, 27, г. Волгоград, Россия, 400066

В статье под общим термином «глобальные бренды» рассматриваются названия фирм, товаров и услуг, распространенные по всему миру, закрепленные в языковом сознании представителей разных лингвокультур (Coca-Cola, McDonald's, Disneyland и т.п.). Исследование контекстуального употребления глобальных брендов в российских массмедиа постсоветского периода показало, что они развивают переносные эмоционально-оценочные значения и в ряде контекстов теряют ономастический статус. Со временем глобальные бренды становятся ярким образным средством, характеризующим разнообразные явления российской жизни. Семантические трансформации рассмотренных названий демонстрируют изменения в ценностных установках носителей русской лингвокультуры, произошедшие за последние 25 лет.

Ключевые слова: глобальные бренды, прецедентное имя, синхронный срез, семантическая трансформация.

ВВЕДЕНИЕ

Представленная работа является частью исследования глобальных онимов, функционирующих в современной русской лингвокультуре. Под общим термином «глобальные онимы» рассматриваются распространенные по всему миру имена собственные разных разрядов, преимущественно американизмы: имена всемирно известных политических деятелей и звезд кино (*Барак Обама, Шварцнеггер*), имена сказочных персонажей, героев популярных фильмов и мультфильмов (*Микки Маус, Гарри Поттер, Бэтман*), названия мест (*Голливуд, Оксфорд, Давос*), средств массовой информации (*BBC, CNN, Times*), наград и премий (*Оскар, Нобелевская премия*), праздников (*Хэллоуин, День святого Валентина*); глобальные бренды (*Макдоналдс, Адидас, Кока-кола, Диснейленд*) [Крюкова 2008: 119].

Анализ показал, что наиболее чутко на социально-политические и экономические изменения реагируют глобальные бренды. Термин «глобальный бренд», используемый для обозначения названий фирм, товаров и услуг, распространенных в транснациональных масштабах, уже устоялся в работах отечественных и зарубежных экономистов, маркетологов, специалистов в сфере рекламы, выделены характеристики глобальных брендов (имидж, культовость, вездесущность и др.), описаны особенности глобальной рекламы, в которых они функционируют. Отношение того или иного бренда к глобальным определяется маркетологами на осно-

* Исследование проведено при поддержке Российского государственного научного фонда (грант № 15-34-01008).

вании интервью с потребителями в разных странах, в ходе которых выясняется, насколько он является значимым, выделяющимся, всплывающим в памяти при совершении покупок [Винсент 2004; Хейг 2006; Перция 2007 и др.]. Между тем лингвистические исследования функциональной специфики глобальных брендов немногочисленны, наиболее последовательно их фонетические и морфологические изменения в русской лингвокультуре рассмотрены в работе О.С. Фоменко [Фоменко 2009]. Однако семантика глобальных брендов, постоянно эволюционирующая буквально на глазах исследователя, нуждается в детальном анализе.

Цель данного исследования — проследить семантические преобразования глобальных брендов в русской лингвокультуре, происходившие за последние 25 лет. Материалом послужили более 1000 контекстов их употребления. Данные контексты были зафиксированы в общероссийских высокотиражных газетах и журналах, начиная с 90-х годов до настоящего времени. Рассматриваемый период характеризуется как социолингвистически значимый для исследования подобного рода.

Ведущие лингвистические методы исследования — контекстуальный анализ, направленный на изучение ближайшего языкового окружения глобального бренда в микроконтексте, и компонентный анализ, предусматривающий разложение переносных значений глобальных брендов на минимальные семантические составляющие. Общенаучный сопоставительный метод позволяет проследить семантические изменения глобальных брендов на уровне нескольких синхронных срезов.

Анализ показал существенные семантические сдвиги у глобальных брендов — от простой номинации до символизации. Не претендуя на полноту исследования этого чрезвычайно сложного и неоднозначного языкового явления, остановимся на наиболее частотных и показательных семантических трансформациях глобальных брендов.

ПЛЮРАЛИЗАЦИЯ

Универсальным свойством практически всех словесных товарных знаков с широкой известностью можно считать их апеллятивацию — переход из собственного имени в нарицательное, поскольку в результате длительного функционирования товарные знаки начинают ассоциироваться со свойствами товаров. У глобальных брендов, активно функционирующих на всем постсоветском пространстве начиная с 1990-х годов, наблюдается частичная апеллятивация, т.е. практически равнозначное употребление названия как в функции онима, так и в функции апеллятива.

Одним из основных маркеров частичной апеллятивации глобальных брендов является их плюрализация, под которой в русской ономастике понимается процесс образования имени в форме множественного числа [Подольская 1988: 107]. Плюрализация соотносит имя собственное с открытым классом объектов. При этом к простому обозначению совокупности однотипных объектов добавляется эмоциональная оценка:

В Москве сегодня работают 25 таких ресторанов. <...> «Макдоналдсы» и прочие «Баскин Робинсы» о таком только мечтают [Огонек: № 6. 2006].

Следует отметить сложившееся к началу 2000-х преобладание негативной эмоциональной окраски у глобальных брендов в форме множественного числа. Например, сочетание названия во множественном числе с местоимениями *всякие* или *какие-то* не только свидетельствует о его соотнесенности с открытым классом объектов, но и способствует возникновению коннотации пренебрежения. Такие высказывания часто встречаем в речи патриотически настроенных носителей русской лингвокультуры, отвергающих товары и услуги чужой страны:

Российский чудо-грузовик с блеском выиграл престижное ралли Париж — Дакар, обойдя всякие там «Рено» и «Мерседесы» [Комсомольская правда: 18.01.2002].

Однако, несмотря на существенные изменения семантики, при плюрализации глобальные бренды продолжают обозначать объекты, находящиеся за рамками русской лингвокультуры. Семантические преобразования широко известных торговых марок этим не исчерпываются.

ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

При длительном функционировании глобальных брендов их связь с конкретными объектами западного мира подменяется связью с совокупностью отечественных объектов, обладающих общими признаками. В результате у всемирно известных названий в русской лингвокультуре развиваются переносные значения. Имена, используемые не для именованья, а для образной характеристики объекта, в русской лингвистической традиции называются прецедентными. По справедливому замечанию Д.Б. Гудкова, «при переходе имени в разряд прецедентных происходит генерализация характеристик того «культурного предмета», на который оно указывает; последний начинает восприниматься как типичный, выступает как эталон, образец свойств, присущих целой группе объектов, но не теряет при этом своей индивидуальности» [Гудков 1999: 71].

Отметим, что практически у всех онимов-глобализмов наблюдается особый путь развития прецедентности — не столько по вертикали (во времени), сколько по горизонтали (в пространстве). В данном случае речь идет о семантическом «рассеивании» имени, создающемся при расширении его когнитивной базы. При этом своя культура оценивается как аналог чужой [Крюкова 2008].

Применительно к глобальным брендам это метафорический перенос названия, изначально относящегося к широко известному коммерческому объекту, на неизвестный или менее значимый объект, обладающий теми же основными признаками. Например, практически любой большой парк развлечений в крупном городе России потенциально может именоваться *русским Диснейлендом*, а безалкогольный газированный напиток местного производства — *русской Кока-Колой*.

Следует обратить внимание на лексическую сочетаемость глобальных брендов в переносном значении. В большинстве проанализированных контекстов эти названия употребляются с определителями *российский, русский, наш, свой, второй, местный*. Например, статья под названием «*Российский Диснейленд*» посвящена строительству в Нагатинском районе Москвы масштабного парка развлечений [Русский курьер: 16.01.2014]. А статья, в которой рассказывается об истории соз-

дания советского газированного напитка «Байкал», озаглавлена «*Советская кока-кола*» [МК-Санкт-Петербург: 20.06.2013]. Замена прописной буквы на строчную в сильной позиции заголовка отражает интуитивные представления носителей языка об изменении статуса имени собственного и его контекстуальный переход в апеллятив.

Словосочетания типа *советская кока-кола* или *русский Диснейленд* подвергаются образному переосмыслению и могут многократно воспроизводиться в речи в готовом виде для именованя других похожих объектов. Однако в данных примерах переосмысленные глобальные бренды продолжают обозначать безалкогольный газированный напиток или парк развлечений.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ

Многие исследователи отмечают, что у прецедентных имен, давно и прочно закрепившихся в когнитивной базе носителей русской лингвокультуры, вычленяется какая-либо одна характеристика, а остальные оказываются несущественными (*Обломов* — лентяй, *Кащей* — худой, *Моцарт* — гениальный) [Гудков 1999]. Однако наблюдение за функционированием глобальных брендов в российских массмедиа показало, что практически каждый из них в переносном значении многозначен: он ассоциируется сразу с несколькими качествами, присущими обозначаемому объекту, причем изначально предполагается потенциальная воспроизводимость всех этих качеств.

Последовательное развитие переносных значений демонстрирует анализ контекстов их употребления, относящихся к разным синхронным срезам: 1995—2005 гг. и 2006—2016 гг.

Первые употребления глобальных брендов в составе стилистических средств (сравнений и метафор) встречаем преимущественно в сопровождении родовых терминов (*магазин, кафе, напиток, автомобиль* и др.), иногда с сохранением исконной графики. Они, как правило, выделяют внешние признаки денотата:

Будущее экологично и экономит на чем только можно. Все некрашеное, разборное, предназначенное для многоцветного использования. Смесь конструктора LEGO с магазином IKEA [Гео: 06.2005].

С течением времени потребность в родовом термине утрачивается, а глобальные бренды, преодолевая ограничения, не допускающие изменения исконной графики известной торговой марки, все чаще употребляются в русской транскрипции и пишутся со строчной буквы. При этом они выступают в абстрактных значениях, далеких от обозначения конкретного вида продукции. Например, в следующем контексте употребление названия конструктора «Лего» в качестве члена сравнения передает значение «обрывочность, разорванность информации»:

История кусочками, как лего, как гири, что ложатся на весы [Комсомольская правда. 03.06.2013].

Многие всемирно известные бренды в первом синхронном срезе сохраняют экспрессию яркой и запоминающейся глобальной рекламы. Например, с 1988 года в телевизионной рекламе батареек компании «Энерджайзер» в разных странах

используется ставший знаменитым Кролик Энерджайзер (Energizer Bunny). Именно это имя персонажа вначале использовалось для характеристики беспрерывно работающего человека:

У нас в России человек, как кролик из рекламы «Энерджайзер» — все работает и работает [Комсомольская правда: 07.11.2001].

Затем связь с рекламным текстом утрачивается, интенсивно работающий человек ассоциируется с батарейкой «Энерджайзер»:

Вот уж кто заряжает окружающих своей энергией. Настоящий энерджайзер! [Советский спорт: 18.12.2008].

Далее становится возможным употребление названия в абстрактном значении «большой запас или неиссякаемый источник энергии»:

Он энерджайзер юмора и, мне кажется, находит себя именно в такой концентрации [Комсомольская правда: 29.11.2012].

По нашим наблюдениям, многие прецедентные глобальные бренды, функционирующие в русской лингвокультуре, не только многозначны, но и имеют амбивалентные оценочные значения. Например, название «Макдоналдс» в первом синхронном срезе использовалось для обозначения эффективного и прибыльного предприятия общественного питания:

За короткий срок «Русское бистро» стало прибыльным предприятием, настоящим «русским Макдональдсом» [Огонек: № 4. 1996].

В дальнейшем оно стало обозначать предприятие с некачественной кухней:

Если ваш желудок способен переварить елки, палки, крошки, картошки и прочий русский макдоналдс, если вы не боитесь холецистита, гастрита и цирроза, то все в порядке (пока) [Русский предприниматель: 09.09. 2004].

Абстрактные значения тоже отличаются противоположной оценочностью. Так, в статье под названием «Швейный Макдоналдс» [Эксперт: 02.06.2003], относящейся к первому синхронному срезу, товарный знак «Макдоналдс» используется для позитивной характеристики объекта и употребляется в метафорическом значении «большая компания, стабильно работающая в разных странах мира». А в наши дни встречаем это название в негативном обобщенном значении «организация труда, при которой за минимальные сроки предоставляют однотипные некачественные услуги». Например, критическая статья о реформе высшего образования озаглавлена «Интеллектуальный Макдоналдс» [Литературная газета: 07.11.2012].

Неоднородность восприятия глобальных брендов напрямую связана с тем, что само понятие «глобализация», являясь в современном обществе предметом острых идеологических споров, используется с различными оттенками позитивного и негативного отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному, отметим, что глобальные бренды не просто фиксируются в коллективном языковом сознании, а переживаются носителями русского языка. Общее свойство глобальных брендов — семантические трансформации, сопровождаемые апеллятиацией, плюрализацией, развитием нескольких перенос-

ных значений. При этом они приобретают потенциальную способность обозначать объекты и явления русской действительности, имеющие с исходными коммерческими объектами общий семантический признак; наблюдается развитие амбивалентных эмоционально-оценочных значений, отражающее неоднозначное отношение в российском обществе к процессу глобализации. В результате на определенном этапе своего семантического развития глобальные бренды становятся одним из ярких образных средств выражения ценностных установок носителей русского языка.

В заключение обратим внимание на актуальность и перспективность лексикографического представления рассмотренного материала в рамках «Словаря коннотативных имен собственных постсоветского периода», работа над которым ведется нами в настоящее время.

© Крюкова И.В.

Дата поступления: 1.02.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Винсент Л.* Легендарные бренды. Пер. с англ. Т. Новиковой. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
2. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
3. *Крюкова И.В.* Онимы-глобализмы в современной русской лингвокультуре // *Человек в коммуникации: лингвокультурология и прагматика*. Волгоград: Перемена, 2008. С. 118—125.
4. *Перция В.М.* Анатомия бренда. М.: Вершина, 2007.
5. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988.
6. *Фоменко О.С.* Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, 2009.
7. *Хейг М.* Выдающиеся бренды. Пер. с англ. Р. Сусидко. Ростов н/Д: Феникс, 2006.

УДК: 81'37:659(470)

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1200-1206

SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE GLOBAL BRANDS IN RUSSIAN MASS MEDIA OF THE POST-SOVIET PERIOD*

Irina V. Kryukova

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Lenina pr., 27, Volgograd, Russia, 400066

Abstract. In this article by global brands we mean the names of companies, goods and services well-known all over the world (Coca-Cola, McDonald's, Disneyland etc.). This popularity helps such names get into the linguistic consciousness of many nations. Having conducted a thorough analysis of global brands'

* The study was supported by RGNF (*project № 15-34-01008*).

usage in Russian post-Soviet mass media, we have found out that they often develop figurative attitudinal meanings and lose onomastic status in some contexts. In time global brands turn into the vivid metaphors which depict various aspects of Russian life. Semantic transformations of these names demonstrate the fluctuations of Russian value system which have been registered in recent 25 years.

Key words: global brands, precedent name, synchronous review, semantic transformation

REFERENCES

1. Vincent, L. (2004). *Legendary Brands*. Moscow: FAIR-PRESS. (In Russ).
2. Gudkov, D.B. (1999) *Precedent Name and the Problem of Precedency*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta. (In Russ).
3. Kryukova, I.V. (2008) *Global Onims in Modern Russian Linguoculturology*. In *Human in communication. Linguoculturology and pragmatics*. Volgograd: Peremena. pp. 118—125. (In Russ).
4. Percija, V.M. (2007). *Anatomy of Brand*. Moscow: Vershina. (In Russ).
5. Podolskaya, N.V. (1988) *The Dictionary of Russian Onomastic Terms*. 2 ed. Moscow: Nauka. (In Russ).
6. Fomenko, O.S. (2009) *Ppragmatonyms-globalism: linguistic status and functional specificity: abstract of thesis*. Volgograd State Socio-Pedagogical Universitu. Volgograd. (In Russ).
7. Haig, M. (2006) *Brand Royalty*. Rostov on Don: Feniks. (In Russ).

Для цитирования:

Крюкова И.В. Семантические преобразования глобальных брендов в российских масс-медиа постсоветского периода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1200—1206. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1200-1206.

For citation:

Krukova, I.V. (2017). *Semantic transformation of the global brands in Russian mass media of the post-soviet period*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1200—1206. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1200-1206.

Irina V. Kryukova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1200—1206. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1200-1206.

Сведения об авторе:

Крюкова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета; *научные интересы:* рекламные имена, топонимы, стилистика русского языка, риторика; *e-mail:* kryukova-irina@ya.ru

Bio Note:

Kryukova Irina Vasilievna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics at the Volgograd State Social and Pedagogical University; *scientific interests:* advertising names, toponyms, Russian language styles, rhetoric; *e-mail:* kryukova-irina@ya.ru



УДК: 811.111:811.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1207-1218

ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Г.П. МЕЛЬНИКОВА

Е.А. Маркова, И.Д. Тодорова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, 117198

В статье осуществлена попытка объяснения территориального и демографического императива английского языка и вариативности русского языка с позиции лингвистической концепции российского ученого-системолога Г.П. Мельникова. Согласно мнению основоположника теории World Englishes, в английском языкознании до сих пор отсутствует соответствующая методологическая основа для объяснения «триумфального шествия» английского. Многие работы, посвященные вариативности русского языка, также как и вариантам английского, не рассматриваются с позиций системной лингвистики. Как представляется авторам статьи, системный подход Г.П. Мельникова обладает большой объяснительной силой в вопросе лингвистической витальности этих двух языков. Авторы опираются на понятие внутренней детерминанты как особого свойства системы, развивающейся в направлении оптимальной адаптации к выполнению функционального запроса надсистемы, и внешней детерминанты, обуславливающей функциональные запросы надсистемы. В статье дан анализ языковых ситуаций русского языка как языка с событийной детерминантой и английского — с окказиональной детерминантой.

Ключевые слова: английский, русский язык, системный подход, системная типология языков, лингвистическая витальность, территориальный, демографический императив

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике появились исследования, посвященные вариативности английского и русского языков [Об этом подробнее см.: Бахтикиреева 2014; Болтон 2012; Долгина 2010; Зубкова 2010; Качру 2012; Маковеева 2001; Прошина 2011, 2012, Смит 2010]. Среди них есть работы, в которых исследователи осуществляют попытку объяснить активную вариативность, в том числе ссылаясь на лингвистическую концепцию российского ученого-системолога Геннадия Прокопьевича Мельникова [Бахтикиреева 2005, 2012; Москвичева 2010].

Английский язык. Лингвистический императив английского языка — «эра вариантов английского» широко изучается зарубежными и российскими англистами. В английском языкознании в ряд актуальных выдвинулась лингвистическая парадигма — теория World Englishes (WE) Брайда Б. Качру. Анализируя исследования, посвященные вариантам английского, ученый подчеркивает, что глобальный англо-инонациональный билингвизм, «спровоцированный» масштабностью и глубиной распространения этого языка, изучается многими лингвистами. Однако устойчивая теоретическая и методологическая база для анализа всепроникающей власти английского языка до сих пор не сформирована [Качру 2012: 150].

Его коллега и друг Смит Ларри И. полагает, что весьма сложно определить критерии, по которым конкретный язык выступает в качестве международного языка. «Я должен признать, что не знаю, как и почему английский язык стал часто используемым вспомогательным языком международного общения, но я точно знаю, что он стал таковым. Никогда раньше его не использовали более активно в мире. Это — самый популярный язык (...)» [Смит 2010: 152].

Русский язык. Изменениям функционирования русского языка, его вариативности в разных ареалах его распространения («разновидности», «региональные особенности», «национальные варианты», «русские языки» и т.п.) посвящено немало работ исследователей из Белоруссии, Казахстана, Финляндии, России и др. (Об этом подробно см.: [Бахтикиреева 2005: 16—30]). Научный интерес к этому вопросу российские лингвисты (У.М. Бахтикиреева) объясняют экстралингвистическими факторами — параметрами внеязыковой действительности после распада СССР. Советская культурно-историческая общность, основанная на базе единого языка, распалась, обусловив появление новых постсоветских государств и последующие изменения в правовом статусе русского языка, его витальности в новых обстоятельствах [Бахтикиреева 2005: 24].

Цель статьи. Не претендуя на установление критериев, «благодаря которым тот или иной язык часто используется в качестве вспомогательного языка международного общения», нам хотелось бы поделиться своими размышлениями. Что, как мы предполагаем, может содействовать более глубокому пониманию вопроса «как и почему английский язык стал часто используемым вспомогательным языком международного общения» и почему в последнее десятилетие лингвисты отмечают появление «вариантов» русского языка.

Методологическая основа. В качестве методологической базы, посвященной осмыслению своеобразия английской и русской языковой системы, их лингвистической витальности, обращаемся к системно-типологической теории языковой детерминанты Г.П. Мельникова.

Авторитетный ученый Л.Г. Зубкова во вступительной статье к «Системной типологии языков» [Мельников 2003] отмечает, что продуктивность идей и общей лингвистической концепции Г.П. Мельникова стала ощущаться языковедами с конца 60-х годов XX века. Рамки сравнительно-исторической и системно-структурной лингвистики к этому времени стали тесны для изучения сложной сущности языка [Мельников 2003: 7]. Новые работы российских лингвистов актуализируют системное учение Г.П. Мельникова [Валентинова, Денисенко, Преображенский, Рыбаков 2016].

Сформулированное ученым понятие *внутренней детерминанты* как особого свойства системы, развивающегося в направлении оптимальной адаптации к выполнению функционального запроса надсистемы, послужило фундаментом для создания им новой философско-методологической базы — системологии — общей теории систем. *Эта наука о системах* была разработана в соответствии с основными идеями основоположников системной лингвистики (Гумбольдт, Бодуэн де Куртенэ, Срезневский, Потеня и др.) и соотношении с понятиями и категориями материалистической диалектики. Созданная им лингвистическая школа — *сис-*

темная лингвистика — наиболее полное развитие получила в дисциплине, которую ученый назвал *системной типологией языков* [Лутин 2006: 13—21]. *Системная типология языков* Г.П. Мельникова, отмечает Л.Г. Зубкова, — это система типологий [Мельников 2003: 6, 9].

Внутренняя детерминанта. Одним из важных вкладов Г.П. Мельникова в науку о языке стало определение внутренних детерминант четырех морфологических типов языков, выделенных В. Гумбольдтом. *Инкорпорирующему, агглютинирующему, флективному, корнеизолирующему* типам в концепции Г.П. Мельникова характерны соответственно *обстановочная, (качественно) признаковая, событийная, окказиональная* внутренние детерминанты (главные коммуникативные ракурсы, внутренние формы 4-х морфологических типов). Это достижение ученого предоставило возможность объяснять, прежде всего, функциональные связи между семантическим своеобразием языка и особенностями условий общения в языковом социуме, «провоцирующими» соответствующую модификацию функций языка (Л.Г. Зубкова).

Внешняя детерминанта. По Г.П. Мельникову, любая система имеет свою внутреннюю детерминанту и соотносится с ней как часть с целым, так же как система в надсистеме является элементом надсистемы. *Внешняя детерминанта* определяется ученым как *функциональный запрос надсистемы на систему*. Именно такой запрос и является *внешней детерминантой* системы и той самой целью, ради которой функционирует эта система как часть целого, целью — определяющей количество, специфические свойства, сети связей, отношения ее элементов.

В свете предлагаемого подхода термин *внешняя детерминанта* является существенно более адекватным при описании многоярусных систем. Терминологически и сущностно он согласовывался с понятием *внутренняя детерминанта* и не имел налета «намеренного целеполагания», «кузации», который «раздражал» многих ученых при применении термина «цель» по отношению к системам [Лутин 2006: 13—21].

ОБСУЖДЕНИЕ

По Г.П. Мельникову, однородный и оседлый коллектив, постоянно разрастающийся и представляющий целостный социум с характерным ему экономическим, культурным и политическим единством, заинтересован в преобразовании социально значимой информации в общее достояние. Члены такого целостного социального образования «должны воспитываться в условиях очень высокого уровня духовной близости, единства миропонимания, этических норм и отношения к действительности, иначе центробежные тенденции приведут к распаду подобной социальной целостности на автономные образования» [Мельников 2003: 17].

Применяя это положение к особенностям функционирования вариантов английского языка (теория трех концентрических кругов / контактная вариантология Б.Б. Качру), можно говорить о том, что «различные виды социально значимой информации» теряют свою обязательность в современных обстоятельствах. Английский постепенно переставал обслуживать только один целостный социум (эт-

нос), или по Г.П. Мельникову — однородный и оседлый коллектив, представляющий целостное социальное образование, сохраняющий экономическое, культурное и политическое единство задолго до формирования новой лингвистической парадигмы — теории WE.

Распространяясь по миру, но сохраняя свою «зонтичную» систему, английский становится вариативным от одного социума к другому. Однако ни в одном из них не возникает сомнений в том, что они говорят именно на английском, а не каком-то ином языке. Большинство и вовсе не задается вопросом о том, к какому типу этот язык относится (это и не обязательно для «природных лингвистов»). Для английского языка, как одного из базовых культурных феноменов мировой цивилизации, возникли новые условия, когда на его основе осуществляется межкультурная коммуникация представителей разноязыких и разно-культурных этносов.

В обстоятельствах, когда нужно обеспечить коммуникацию между разными социумами (на всеми понимаемом языке), возникает потребность «полифункционально использовать те знаки, на известность которых слушающему может рассчитывать говорящий». И в этом конкретном языке должны нарастать *тенденции к корнеизоляции* [Мельников 2003: 123].

Следуя концепции Г.П. Мельникова, можно объяснить почему, существуя в разных вариантах, английский (англо-саксонский вариант) становится родовым понятием по отношению к вариантам. Когда «резко сужается исходный объем социального, общеизвестного знания; сужается та традиционная сфера содержания, в границах которой представители разных культур имеют основания надеяться на взаимное понимание; сокращается объем общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим» [Мельников 2003: 123].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ

Согласно ЛЭС, языки изолирующего типа характеризуются отсутствием словоизменения, грамматической значимостью порядка слов и слабым противопоставлением знаменательных и служебных слов. Этот список можно дополнить тенденцией английского к изолирующим процессам: английскому языку свойственна полифункциональность. Так, Л.Г. Зубкова отмечает, что в отличие от русского — языка флективно-фузионного синтетического, во флективно-аналитическом английском слово приобретает грамматическую характеристику (и, следовательно, актуализируется) по большей части лишь в составе предложения, словарное же слово нередко полифункционально. Неудивительно, что при развитии аналитизме в английском различия между частями речи в большой мере обусловлены синтаксическим контекстом, хотя сохраняющаяся в нем флективность облегчает актуализацию грамматических значений.

Однокоренные части речи могут различаться наличием/отсутствием словоизменяющей парадигмы и ее характером (ср. имя существительное и имя прилагательное, имя существительное и глагол), а также суперсегментными и сегмент-

ными характеристиками. Английское слово корневой структуры может принадлежать к разным частям речи, и при наличии словоизменения они имеют разные словоизменительные парадигмы. Тем не менее, все они включаются в одну словарную статью, но под отдельными номерами. ЛСВ выделяются у каждой части речи также отдельно, например:

plumb 1. *n* 1) отвес; 2) лот, грузило; 2. *a* 1) вертикальный, отвесный; 2) абсолютный, явный; 3. *adv* 1) отвесно; 2) точно, как раз; 4. *v* 1) ставить по отвесу, устанавливать вертикально; 2) измерять глубину, бросать лот; 3) вскрывать; проникать вглубь (чего-л.); 4) работать водопроводчиком;

quiet 1. *a* 1) спокойный; тихий; бесшумный; неслышный; 2) спокойный; скромный; 3) неяркий, не бросающийся в глаза; 4) тайный, скрытый; укромный; 5) мирный, спокойный, ничем не нарушаемый; 2. *n* тишина, безмолвие; покой, спокойствие; мир; 3. *v* успокаиваться; 4. *int* тише!, не шуметь!» [Зубкова 2012].

Под термином *полифункциональность* обычно понимается способность элементов языка выступать в разных функциях и на разных уровнях. *Слово может выступать в качестве разных членов предложения*, один и тот же языковой элемент может иметь способность выступать в роли слова или аффикса или в новом категориальном статусе в пределах части речи, часто с параллельным изменением значения.

В понимании одного из первых отечественных англистов, обративших внимание на полифункциональность как закономерное явление в английском, Г.Н. Воронцовой, это — «свойство, принадлежащее грамматическим и лексико-грамматическим элементам строевой системы языка, в которых объединяются значения разного порядка» [Воронцова 1960: 41].

По И.Ю. Колесову, английскому свойственны как изолирующие механизмы, так и черты полифункциональной морфологии, поэтому обращение к проблемам полифункциональности и полистатутности актуально для английского. При этом указывается, что полистатутность — это потенциальная способность слова к полифункциональности, а полифункциональность — речевая реализация полистатутности [Колесов 1993: 35].

В трактовке Н.Б. Гвишиани полифункциональность — это «способность слова соотноситься с категориальным значением различных частей речи» [Гвишиани 1979: 175].

Сформулированные этими учеными определения позволяют глубже понять природу наступающей «эры вариантов английского». Концепция же Г.П. Мельникова позволяет оценить вопрос полифункциональности *системно*: «полифункциональность знаков — это прежде всего их парадигматическая и синтагматическая *полисемичность*, для разрешения которой приходится увеличивать *информационную нагрузку на контекст*, на распределение функции выражения *смысловой единицы* между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, на использование этих же единиц для уточнения синтагматических, когномативных отношений между называемыми смыслами, что, в частности, связано с выработкой определенных *позиционных* ограничений на порядок следова-

ния называемых смыслов в высказывании (обычно это трактуется как требование фиксированного ‘порядка слов’) и с тенденцией предельной неизменчивости звукового облика используемых знаков» [Мельников 2003: 123].

Позиция Г.П. Мельникова объединяет определения англистов как аспектные направления в единый системный подход в изучении языка. При таком подходе, как представляется, проблему полифункциональности языка можно объяснять не просто «строевыми особенностями английского языка» (как это поясняет С.Е. Маковеева и др. [Маковеева 2001]), но и указанием причин, обуславливающих эти особенности языкового строя, а также траекторию развития английского, и в целом языков изолирующего типа.

Позиционные ограничения, обуславливающие фиксированный порядок слов, информационная нагрузка на контекст, распределение функции выражение *смысловой* единицы между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, использование этих же единиц для уточнения отношений между называемыми смыслами характерны для языков изолирующего типа. В результате подобных ограничений на набор языковых средств в подавляющем большинстве сюжетов возникают трудности их языкового выражения, увеличивается роль *оказионального творческого употребления* имеющихся знаков с учетом контекста, конкретной ситуации общения и индивидуальных особенностей слушающего, тем более что в неоднородном языковом социуме актуальный коммуникативный акт, как правило, не ориентирован на широкое распространение передаваемых сведений и многозвенную ретрансляцию сообщений.

Все это ведет к тому, что *внутренняя форма* высказывания, создаваемая говорящим для воздействия на повод с целью содействия его превращению в требуемый сюжет, тоже оказывается, как правило, ситуативно и контекстно обусловленной, неоднотипной. Следовательно, простота грамматики корнеизолирующего языка, неизменность и относительно небольшой объем его исходных значений и морфем, легкость освоения (если иметь в виду наиболее простые коммуникативные ситуации), оборачивается отсутствием фиксированного коммуникативного ракурса, необходимостью творческого подхода при выборе приемов выражения служебной информации с помощью вещественных значений [Мельников 2003: 124].

Следуя логике Г.П. Мельникова, можно сказать, что внутренняя форма английского языка как типологически близкого к корнеизолирующим¹ складывалась в процессе обеднения аффиксации по мере смещения языков ряда племен/народов, сливающихся в единую английскую нацию. Это приводило к увеличению роли позиционно-контекстного внешнего выражения связи между элементами содержания, представленного знаками высказывания — простота грамматики за счет предельного использования возможностей полифункциональности знаков. Поэтому и *внутреннюю форму, и номинативные смыслы высказываний* на таком языке коммуникант часто вынужден оптимизировать лишь на *каждый данный* случай. (По всей видимости, и вопрос разграничения т.н. ‘Р-формы’, выступающей то в качестве частицы, то предлога может при таком подходе получить свое дополнительное объяснение).

¹ Цельносистемная организация языка не исключает его типологической неоднородности.

Таким образом, основываясь на предположении о том, что *внутренняя форма (детерминанта) английского языка — окказиональная, творческая, можно предположить, что вероятность интенсивной «ползучей экспансии» английского языка в мире в определенной мере связана с отсутствием строго фиксированного коммуникативного ракурса. Безусловно, что это не самая главная причина, но такая особая внутренняя детерминанта позволяет английскому существовать в разных вариантах. Нет необходимости строго придерживаться норм, выработанных предшествующими поколениями англичан и закрепленных в языке исконных носителей языка.*

Основываясь на выводах основоположников системной лингвистики, Г.П. Мельников указывает на то, что преемственность страдает в наибольшей мере вследствие бурного смешения народов и культур, требующего выработки общего для всех языка, предельно простого для его освоения. Формирующийся в таких условиях аналитический строй, в предельном своем проявлении, приближается к корнеизоляции [Мельников 2003: 29—31].

Полагаем, что эти выводы справедливы в отношении английского языка, расширяющего свой территориальный и демографический императив за счет появления разных вариантов.

Выводы в отношении английского языка как языка изолирующего типа с окказиональной внутренней детерминантой подтверждаются на конкретном языковом материале Л.Г. Зубковой (См. подробнее [Зубкова 2010]). В этом языке с развитым аналитизмом «всенародно» приемлемым становится, что

— слово корневой структуры может принадлежать к разным частям речи, и при наличии словоизменения они имеют разные словоизменительные парадигмы, которые включаются в одну словарную статью, хотя и под отдельными номерами;

— различия между частями речи (в т.ч. между разным функционированием ‘Р-форм’ либо в качестве частиц, либо предлогов) в большой мере обусловлены контекстом (увеличение роли позиционно-контекстного внешнего выражения связи между элементами содержания, представленного знаками высказывания);

— простота грамматики за счет предельного использования возможностей полифункциональности знаков.

Заключение. Свое предположение о том, что системный подход к изучению языка, выработанный основоположниками системной лингвистики, способствует снятию некоторых проблемных вопросов в методологическом осмыслении императива английского языка и вариативности русского, подкрепляем следующими предварительными выводами.

Английский язык. Основываясь на положениях Г.П. Мельникова, полагаем, что

♦ *функциональный запрос процесса глобализации как надсистемы на систему является внешней детерминантой (Надсистема определяет, какой должна быть «предельная внутренняя детерминанта системы в этом узле надсистемы»);*

♦ *внутренняя детерминанта (или коммуникативный ракурс) английского языковой системы, сложившийся в длительном историческом процессе «бурного смешения народов и культур», наиболее приспособлена для быстрого распространения*

ния по миру («Отсутствие фиксированного коммуникативного ракурса, необходимость творческого подхода при выборе приемов выражения служебной информации с помощью вещественных значений») благоприятствует появлению все новых и новых вариантов);

♦ английский язык «внутреннего круга» и каждый его вариант во «втором и третьем круге» являются своеобразными языковыми системами — функциональными элементами надсистемы — глобализации («глобальной деревни», требующей универсального языка), соотносятся с ней как части с целым, благодаря внутренней детерминанте.

Мы отнюдь не настаиваем на том, что причины «глобальной англлизации» кроются лишь в своеобразном коммуникативном ракурсе этого языка, но внутренняя детерминанта английского хорошо приспособлена и длительное время приспособлялась к «демографическому обслуживанию». Для обоснования наличия экстралингвистических факторов, таких как: исторический (длительный) период функционирования английского в качестве имперского языка, языка метрополии в период доминирования Британского государства-империи на море и в международных отношениях; экономическая привлекательность англоязычных стран т.н. «внутреннего круга» (Великобритания, США, Новая Зеландия, Канада, Австралия) потребуется отдельная статья.

Русский язык. Работы русистов последнего десятилетия дают пищу для размышлений в отношении т.н. «вариантов» русского языка на постсоветском пространстве и в мире. По всей видимости, это связано с тем, что после событий 1991 года стремительно сужался «исходный объем социального, общеизвестного знания, традиционная сфера содержания объем общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим» [Мельников 2000]. В обстоятельствах размежевания на «этно-дома» («Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить») взаимное понимание членов разных социумов качественно менялась.

По Г.П. Мельникову, *любой язык развивается под влиянием потребности использования в определенных условиях.* Русский язык стал развиваться в иных/постсоветских условиях под влиянием потребностей новых социумов. Таким образом, уход в историю единой культурно-исторической общности — советский народ, автономизация постсоветских государств обуславливали необходимость номинации новых явлений действительности, стал увеличиваться объем лексики, не известный в других ареалах распространения русского языка. Как отмечает С.А. Москвичева: «Следствием того, что слова в языке „не готовы“, что языковой знак не дан, а задан, является творческий потенциал языка, его способность „приноравливаться“ к новой ситуации, что, в конечном счете, служит целям выражения индивидом своих интенций и чувств. <...> Едва ли не самым ярким проявлением такой бесконечной определмости выступает лексико-семантическая категория полисемии» [Москвичева 2010].

Разделение единой культурно-исторической советской общности и пространства СССР на пятнадцать государств оказало мощное влияние на функционирование русского языка. Выводы лингвистов, как мы полагаем, подтверждаются

и мнением американского лингвиста Э. Сепира, писавшего о том, что общий язык пока служит мощным фактором для межкультурной коммуникации, но не вызывает сомнений, но есть другие факторы, действующие с обратной силой, которые также мощно противодействуют: «Общность языка не может до бесконечности обеспечивать общность культуры, если географические, политические и экономические детерминанты культуры перестают быть одинаковыми в разных ареалах его распространения» [Цит. по: [Алпатов 2001: 225—226].

Вместе с тем длительный исторический период существования русского языка в качестве государственного, Великая Отечественная война, в которой все народы выступили единым фронтом, экономическая мощь относительно постсоветских государств — все эти факторы способствуют функционированию русского языка в качестве универсального макропосредника на огромной территории.

В отличие от английского языка распространенность и востребованность русского языка в постсоветских государствах имеет еще одно важное отличие. Нынешние постсоветские страны никогда не являлись колониями Российской империи в классическом понимании, но в то же время глубоко впитали в себя русскую культуру, воплощенную, в частности, на языке этой культуры. Территориальный и демографический императив, витальность русского языка в перспективе зависит от многих факторов, среди которых наиболее важным является экстралингвистический — привлекательность России в экономическом и политическом плане.

© Маркова Е.А., Тодорова И.Д.
Дата поступления: 1.09.2017
Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 225—226.
2. Бахтикиреева У.М. Русский — полинациональный язык? // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 2.
3. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2005.
4. Болтон К. О современном состоянии теории контактных вариантов английского языка (World Englishes): подходы, проблемы и спорные вопросы // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество. 2012. Том XIV. Вып. 3. № 73—74. С. 173—188.
5. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
6. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Забытые парадигмы языкознания: системология Г.П. Мельникова // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2016. № 5.
7. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1960.
8. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М.: Высшая школа, 1979.
9. Долгина Е.А. Полифункциональность английских артиклей в языке и речи. М.: Либроком, 2010.

10. *Зубкова Л.Г.* Принцип знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010. 752 с. (*Studia philologica*); [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/zubkova.htm> (Дата обращения 22.02.2012).
11. *Качру Б.Б.* Мировые варианты английского языка: агония и экстаз // *Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество.* 2012. Том XIV. Вып. 4. № 75—76. С. 145—165.
12. *Колесов И.Ю.* Теоретические обоснования грамматизации глагольных лексем в английском языке // *Категориально-формальный и функционально-прагматический аспекты языка.* СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1993. С. 34—40.
13. *Лутин С.А.* Истоки и суть детерминантного подхода к языку как системе (памяти Г.П. Мельникова) // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика.* 2006. № 2 (8). С. 13—21.
14. *Маковеева С.Е.* Частицы в современном английском языке: Генезис и функциональный аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2001.
15. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. М.: Наука, 2003.
16. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
17. *Москвичева С.А.* Категория полисемии через призму сущностных характеристик языкового знака // *Психологические исследования: электронный науч. журн.* 2010. № 2 (10). URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 04.08.2017).
18. *Прошина З.Г.* Легитимность вариантов «неродного» английского языка // *Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество.* 2011. Том XIII. Вып. 4 (№ 67—68). С. 164—165.
19. *Прошина З.Г.* Смена парадигмы языкового образования? (Предисловие к статье А. Мачуды) // *Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество.* 2012. Том XIV. Вып. 2. № 71—72.
20. *Смит Л.И.* Английский как вспомогательный язык международного общения // *Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Личность. Культура. Общество.* 2010. № 3 (57—58). С. 149—154.

УДК: 811.111:811.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1207-1218

VARIABILITY OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES IN THE LIGHT OF THE LINGUISTIC CONCEPT OF G.P. MELNIKOV

Elena A. Markova, Ivelina D. Todorova

RUDN University

10a, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article presents the authors' attempt to explain the territorial and demographic imperative of the English language and variability of the Russian language from the position of the linguistic theory of Russian scientist G. P. Melnikov. According to the founder of the theory of World Englishes at the present time in there is no any appropriate methodological basis for the explanation of the English language's "triumphal march" in linguistics. Many works devoted to the variation of the Russian language, as well as English are not considered from the standpoint of systemic linguistics. It appears to the authors that a systematic approach G. P. Melnikov has great explanatory power in the issue of linguistic vitality of these two languages. The authors rely on the concept of internal determinant as a specific attribute of the system developing in the direction of optimal adaptation to the completion of the super-system functional request

and the external determinant that conditions functional requirements of the super-system. The article contains the language situations analysis of the Russian language as a language with event determinant and the language situations analysis of the English language as a language with occasional determinant.

Key words: English, Russian language, systematic approach, systemic typology of languages, linguistic vitality, territorial, demographic imperative

REFERENCES

1. Alpatov, V.M. (2001). History of linguistic studies. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. pp. 225—226. (In Russ.).
2. Bahtikireeva, U.M. (2014). Russian a poly-national language? *Russian Journal of Linguistics*, 2. (In Russ.).
3. Bahtikireeva, U.M. (2005). Artistic bilingualism and features of the Russian artistic text of a bilingual writer. Dis. ... d. filol. nauk. Moscow. (In Russ.).
4. Bolton, K. (2012). On the current state of the theory of English language contact variants (World Englishes): approaches, problems and controversial issues, *International magazine of social and humanitarian studies. Individuality. Culture. Society*. Vol. XIV. Issue. 3. no 73—74. pp. 173—188.
5. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhensky, S.YU. & Rybakov, M.A. (2016) Systemic approach to the basis of philological thought, Moscow, Publishing House YASK, 440. (Language. Semiotics. Culture). (In Russ.).
6. Valentinova, O.I., Preobrazhenskiy, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016) Forgotten Paradigms of Linguistics: Systemology by G.P. Mel'nikov [Forgotten paradigms of linguistics: G.P. Melnikov's systemology] IN *Philological sciences (Scientific Essays of High Education)* № 5. 18—39. (In Russ.).
7. Voroncova, G.N. (1960). Essays on the grammar of the English language. Moscow, Literature Edition in Foreign languages, 41. (In Russ.).
8. Gvishiani, N.B. (1979). Poly-functional words in language and discourse: tutorial. Moscow, High Education, 200. (In Russ.).
9. Dolgina, E.A. (2010). Poly-functionality of English articles in language and discourse, Moscow, Librokom. (In Russ.).
10. Zubkova, L.G. (2010). The principle of sign in the system of language. Moscow, Languages of Slavonic culture. (Studia philologica). URL: <http://philologos.narod.ru/ling/zubkova.htm> (22.02.2012). (In Russ.).
11. Kachru, B.B. (2012). World variants of English language: agony and ecstasy IN *International magazine of social and humanitarian studies. Individuality. Culture. Society*. Vol. XIV. Issue 4. № 75—76. 145—165.
12. Kolesov, I.YU. (1993). Theoretical basis of verbal lexemes grammatization in English IN *Categorical, formal, functional and pragmatic aspects of language*, SPb.: RGPU named by A.I. Gercena, 34—40. (In Russ.).
13. Lutin, S.A. (2006). The origins and essence of the deterministic approach to the language as a system (the memory of G.P. Melnikov). *Russian Journal of Linguistics*. № 2 (8). pp. 13—21. (In Russ.).
14. Makoveeva, S.E. (2001). Particles in Modern English: Genesis and Functional Aspect, Dis. ... d. filol. nauk: 10.02.04. Arhangel'sk. (In Russ.).
15. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic typology of languages. Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Mel'nikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: synthesis of morphological classification of languages with a stadial. Moscow, RUDN. (In Russ.).
17. Moskvicheva, S.A. (2010). Category of polysemy through the prism of the linguistic sign essential characteristics IN *Psychological research: electronic scientific magazine*, № 2 (10). [web-resource] URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 04.08.2017). (In Russ.).

18. Proshina, Z.G. (2011). Legitimacy of “non-native” English variants. *International magazine of social and humanitarian studies. Individuality. Culture. Society.* Vol. XIII. Issue 4 (67—68). pp. 164—165. (In Russ.).
19. Proshina, Z.G. (2012). A change of the language education paradigm? (Introduction into the article by A. Macudy) IN *International magazine of social and humanitarian studies. Individuality. Culture. Society.* Vol XIV. Issue. 2. № 71—72. (In Russ.).
20. Smit, L.I. (2010). English as a subsidiary language of international communication IN *International magazine of social and humanitarian studies. Individuality. Culture. Society.* № 3(57—58). pp. 149—154.

Для цитирования:

Маркова Е.А., Тодорова И.Д. Вариативность английского и русского языков в свете лингвистической концепции Г.П. Мельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1207—1218. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1207-1218.

For citation:

Markova E.A., Todorova I.D. (2017). Variability of English and Russian Languages In the light of the Linguistic Concept of G. P. Melnikov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1207—1218. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1207-1218.

Elena A. Markova, Ivelina D. Todorova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1207—1218. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1207-1218.

Сведения об авторе:

Маркова Елена Андреевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, соискатель; *научные интересы:* теория языка, системология, лингвистическая типология, типология, витальность языков; *e-mail:* abellen@yandex.ru

Тодорова Ивелина Димовна, аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы:* системология, лингвистическая типология, типология, витальность языков; *e-mail:* ivelina_todorova@mail.ru

Bio Note:

Markova Elena Andreevna, senior lecturer of the Foreign Languages Department at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the RUDN University, doctoral candidate; *scientific interests:* theory of language, systemology, linguistic typology, typology, vitality of languages; *e-mail:* abellen@yandex.ru

Todorova Ivelina Dimovna, post-graduate student of the Russian Language and Intercultural Communication Department at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the RUDN University; *scientific interests:* systemology, linguistic typology, typology, vitality of languages; *e-mail:* ivelina_todorova@mail.ru



УДК: 81'42

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227

РЕКОНСТРУКЦИЯ «МЕСТ ПАМЯТИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

С.А. Шейпак

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 10а, Москва, Россия, 117198

В статье обосновывается возможность реконструировать в художественном дискурсе «места памяти», необходимые, по мысли историка П. Нора, для создания национальной идентичности. Использование художественного дискурса для выявления «мест памяти» позволяет учесть критические замечания, которые касались принципов отбора «мест памяти» у Нора: их избыточность и инструментализацию. Художественный дискурс как источник «мест памяти» подчеркивает их знаковый характер, поскольку субъективная авторская интерпретация «мест памяти» в каждом произведении определяет динамику их значений. Являясь, согласно Нора, узлами в сети коллективной памяти, «места памяти», выявленные в художественном дискурсе, показывают процесс формирования национальной коллективной памяти.

Сопоставление «мест памяти» в «Легенде веков» В. Гюго и романе М. Барреса «Лишенные корней» (*Les Déracinés*) показывает, как в каждом произведении меняется значение совпадающих в них «мест памяти». Каждое художественное произведение, актуализируя определенное «место памяти», по-новому его интерпретирует. Однако неразрывная связь субъекта воспоминания и «места памяти» позволяет создать задуманную Нора «вторичную историю», отражающую динамичную картину национальной коллективной памяти.

Ключевые слова: «места памяти», «вторичная история», художественный дискурс, лингвистический поворот

ВВЕДЕНИЕ

Концепция «мест памяти» была предложена Пьером Нора в качестве нового подхода к формированию национальной идентичности в 80-е годы XX века, когда из-за ущерба, нанесенного образу нации, во второй половине XX века перестала, по его мнению, работать традиционная историческая модель [Nora 1984: XVIII]. Излагая свою концепцию «истории-памяти», Нора упоминает о том, что память может материализоваться в двух формах: в форме истории и в литературной форме, которые традиционно существовали параллельно, но отдельно одна от другой [Nora 1984: XLII]. Отталкиваясь от этого утверждения Нора, можно предположить, что литературный дискурс может стать *par excellence* источником для реконструкции «мест памяти» в национальной истории.

В данной статье для реконструкции «мест памяти» были выбраны два произведения XIX века: поэтический цикл В. Гюго «Легенда веков» (1883) и роман М. Барреса «*Les Déracinés*» (1897). Название романа можно было бы перевести как «Лишенные корней», поскольку речь в нем идет о поколении, для которого утрата корней — связей с семьей и родной землей — грозит утратой всех жизненных ориентиров.

ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР «МЕСТ ПАМЯТИ»

Принцип старой модели, состоявший, согласно Нора, в том, чтобы выбирать из прошлого только факты, объяснявшие развитие нации, оказался бессилем одновременно перед лицом прошлого, настоящего и будущего [Nora 1984: XVI]. Старая модель предписывала, какие события прошлого необходимо сохранить для будущего. Нора утверждал, что необходимо создать символическую историю, которая отвечала бы лучше, чем классическая история, гражданским потребностям настоящего. Ее создание, по мнению Нора, требовало разорвать повествовательную непрерывность национального мифа, утвердившегося в национальной истории со времен III-й Республики.

В «новой истории» или «истории-памяти», по мысли Нора, должны звучать голоса тех, кто раньше не был слышен за официальными речами, создававшими национальный миф. Новая история мыслилась Нора как «вторичная история» (*histoire au second degré*), созданная из рассказов-воспоминаний [Nora 1984: XLII]. Поскольку потеряла свое значение институциональная память, долг памяти становится отныне долгом рассказчика, который создает «вторичную историю». Таким образом, значимыми становятся не сами рассказываемые события, а неизбежно происходящие с увеличением временной перспективы изменения в их восприятии и оценке, которые позволяют поставить под сомнение незыблемость национальной исторической традиции.

В концепции Нора «местом памяти» (*lieu de mémoire*) становятся культурные концепты, имеющие материальное, функциональное и символическое воплощение в национальной истории, способные воплотить «максимум смысла в минимуме знаков» [Nora 1984: XXXV]. Нора рассматривает «места памяти», несмотря на их разнообразную природу, как узлы, скрепляющие в единую сеть национальную коллективную память [Nora 1984: XLI]. Основной характеристикой «мест памяти» для Нора является их способность к метаморфозе, постоянному обновлению значений, внезапному появлению новых производных уже устоявшихся значений. Динамика значений «мест памяти» позволяет выявить изменения в структуре национальной коллективной памяти. Благодаря череде забвений, сменяющихся воспоминаниями, единая сеть «мест памяти» будет производить эффект *mis en abîme* [Nora 1984: XXXVII]. В каждый новый исторический момент будет происходить актуализация, с одной стороны, различных «мест памяти»: исторических лиц или событий, предметов, зданий, географических объектов, праздников, ритуалов, произведений искусства. А, с другой стороны, значение каждого «места памяти» в момент его актуализации будет неразрывно связано с субъектом воспоминаний. Постоянные изменения в значениях «мест памяти» позволили Нора говорить об отсутствии у «мест памяти» референта в реальном мире. Нора их называет «знаками, отсылающими к самим себе, знаками в буквальном смысле этого слова, которые при постоянстве формы постоянно открыты для обновления значения» [Nora 1984: XLI].

«МЕСТА ПАМЯТИ» И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

Из-за принципов отбора «мест памяти», использованных для многотомного издания *Lieux de mémoire*, концепция Нора подверглась критике со стороны французских историков по двум позициям: с точки зрения изучения истории и с точки

зрения развития исторической науки [Gervereau 2011; Hutton 2106: 234]. Критику вызвала, в первую очередь, их избыточность и инструментализация, ставшая результатом их хронологической ограниченности. Ограниченные рамками последних 200 лет национальной истории, «места памяти» в издании под редакцией Нора, по мнению его оппонентов, приобретали идеологический характер. Будучи значимыми на определенном политическом этапе, они утрачивали свою важность в последующем. Иной подход к отбору «мест памяти» может быть использован, если для их выделения будет использован не традиционный исторический дискурс, а художественный дискурс.

Сближение подходов к анализу художественного и исторического дискурсов, начавшееся в 60-е годы прошлого века, обозначают как «лингвистический поворот» в историографии [Потапова 2015: 79]. Н.Д. Потапова, описывая этапы развития лингвистических идей в историографии, подчеркивает, что в полемике по вопросу, является ли история повествованием и можно ли применять к историческим текстам приемы литературного анализа, огромную роль имела публикация «Метаистории» Х. Уайта [Потапова 2015: 94]. Уайт утверждал, что успех исторической теории зависит в большей степени от литературной формы ее изложения и интерпретативных стратегий, выбранных автором для ее изложения, а не от значимости исторических данных, на которые тот опирался [Уайт 2002: 495]. Уайт показал в своей работе, что «историческое поле конституируется как возможная сфера анализа в языковом акте, тропологическом по своей природе» [Уайт 2002: 496]. Ссылаясь на Канта и Коллингвуда, Уайт подчеркивал в заключении «Метаистории» неизбежную субъективность историка в изложении и интерпретации исторических фактов: «Мы свободны понимать историю так, как нам нравится, равно как мы свободны сделать из нее все, что мы хотим» [Уайт 2002: 501]. По мнению Потаповой, Уайт заложил основы для «художественного осмысления настоящего и прошлого как формы исследования и осознания важности художественных практик и импликаций в работе историка» [Потапова 2015: 95].

Опираясь на идеи Уайта о возможности использовать художественный дискурс как источник исторического знания и объект исторического анализа, для реконструкции «мест памяти» можно использовать художественные тексты. Многие литературные произведения, исходя из самой идеи их создания, могут служить самостоятельными источниками «мест памяти» в национальной традиции. Причем интерес представляет выявление разных смыслов, которые авторы произведений, стоящие на разных идеологических и эстетических позициях, вкладывают в одни и те же «места памяти». Сопоставление различных авторских интерпретаций позволяет показать изменения в значениях тех «мест памяти», которые их объединяют. Каждый автор, используя определенное «место памяти» как знак, будет встраивать его в свой смысловой интерпретационный контекст. Оппоненты упрекали Нора в избыточности, особенно в педагогических целях, и инструментализации «мест памяти», которые вошли в три объемных тома издания, подготовленного под его руководством. Реконструкция «мест памяти» через художественный дискурс, сохраняя, безусловно, достаточную степень субъективности, позволит фор-

мализовать процедуру их отбора. Благодаря субъективной авторской интерпретации художественные произведения будут подчеркивать изменения в значениях «мест памяти», определяя тем самым динамический характер национальной коллективной памяти.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ У ГЮГО И БАРРЕСА

Поэтический цикл «*Легенда веков*» В. Гюго и роман «*Лишенные корней*» М. Барреса созданы в одну эпоху, когда проблемы формирования национального мифа особенно остро стояли перед французами [Мильчина 2005: 224]. Однако они отражают два различных взгляда французскую идентичность. Их взгляд из прошлого в будущее отличается в первую очередь глубиной собственного жизненного опыта: Баррес родился через три года после выхода в свет первой книги цикла «*Легенды веков*», работу над которым Гюго продолжал более 20 лет.

Движимый романтическим порывом, Гюго воплощает в «*Легенде веков*» стремление к идеалу, веру в великую и таинственную нить в лабиринте человечества, именуемую Прогрессом [Hugo 1859]. Он ставит перед собой такую же гигантскую задачу, как Нора, который хотел собрать воедино «места памяти», выражающие французскую национальный миф: рассмотреть род человеческий, как великую коллективную личность в его деяниях на протяжении многих эпох [Hugo 1859]. Мифологизируя исторические сюжеты и легенды, Гюго создает эпический цикл, построенный на антитезах, выражающих диалектическое единство законченности и незавершенности, единичности и универсальности художественного произведения [Полякова 2009: 128]. Образы эпических героев, воплощающие для Гюго героическое начало в жизни народа, борющегося за свои права, обретают особое значение для писателя, вынужденного отправиться в изгнание после провозглашения Второй Империи.

Баррес стал кумиром современников после публикации трилогии, объединенной идеей «культы самости» (*le Culte de Moi*), возникающего из противопоставления «себя» и «варварства» [Schenker 2007: 10]. Чтобы сохранить свое «Я» и стать полностью свободным человеком, необходимо вести постоянную борьбу с варварством, препятствующим саморазвитию. Позднее, отказавшись от индивидуализма, Баррес приходит к идее социальной энергии, которую он возводит в национальный принцип. К моменту выхода романа «*Лишенные корней*» Баррес примкнул к андрейфусарам и написал ряд статей антисемитского толка, резко выступая против Эмиля Золя, автора открытого письма “*J'accuse!*” в защиту Дрейфуса. В трилогии национальной энергии, частью которой были «*Лишенные корней*», он выражал идеи национального возрождения и традиционализма, считая семью и родную землю основой национальной идентичности [Schenker 2007: 8].

Различие в идеологических и эстетических взглядах Гюго и Барреса неизбежно отражаются в «местах памяти» каждого произведения. Эпохи, которые нашли отражение в их текстах, от Средних веков до конца XIX века, совпадают, однако «места памяти» для них различны. Гюго говорит о Святом Дионисии, Роланде, Ронсаре, Вольтере, Дидро, Гревской площади, Дантоне, Аустерлице, франко-прус-

ской войне и церемонии гражданских похорон. Для Барреса оказываются важны Мерovej, Святая Женеvьева, Сорбонна, Сен-Сир, Боссюэ, Робеспьер, Талейран, Маренго, Консулат, Бальзак, Тэн, Гизо, Ферри.

Стоит отметить, что роман Барреса превращает самого Гюго в «место памяти», поскольку он завершается описанием торжественной церемонии похорон писателя в 1885 году, одновременно патетическим по отношению к великому писателю и уничижительным для тех, кто из момента его славы пытался извлечь сиюминутную политическую выгоду [Barrès 1922: 464].

«МЕСТА ПАМЯТИ» У ГЮГО И БАРРЕСА

Несмотря на очевидное и легко объяснимое несовпадение «мест памяти» двух произведений, можно отметить и ряд совпадений тех знаков, о которых говорил Нора, сохраняющих форму, но по-разному интерпретируемых Гюго и Барресом. Совпадающих в двух текстах «мест памяти» немного: Карл Великий, Руссо, Революция, Тюильри, 1793 год, Пантеон, Наполеон I. Рассмотрим более подробно их интерпретации у Гюго и Барреса.

У Гюго Карл Великий появляется в стихотворении «Эмери» (*Aymerillot*), сюжет которого заимствован из эпической поэмы [Михайлов 2010: 340], однако, несмотря на мифопоэтический замысел всего цикла, который Гюго излагает в предисловии, тональность этого стихотворения скорее сатирическая. Гюго пародирует жесту о непокорных баронах, искажая содержание оригинальной поэмы об Эмери. У Гюго пэры Франции, которых Карл призывает освободить Нарбонну, захваченную сарацинами, один за другим отказываются от боя, причем нелепыми выглядят и призывы Карла («*не хотите ль вы Нарбонн отвоевать немножко?*») / («*voudrez-vous pas prendre Narbonne un peu*»), и возражения баронов («*Себе оставьте город этот, на что он мне*») / («*Gardez tout ce pays, car je n'en ai que faire*»). Гюго, сохраняя такие композиционно-стилистические особенности, как повторы, формульные эпитеты, высмеивает Карла и его баронов в духе фаблио, отступая от традиционно эпического изображения феодальной доблести. В романе Барреса образ империи Карла Великого возникает также с иронической интонацией в размышлениях о гегемонических устремлениях пролетариата завоевать европейское пространство [Barrès 1922: 245].

Оба автора апеллируют к Руссо: Гюго в стихотворении «Франция и душа» (*France et âme*) сравнивает его незатухающим факелом и называет его имя в ряду с Клебером, Мирабо и Вольтером, чьи идеи воодушевляли писателя в революционные дни; по словам Барреса, Руссо был источником вдохновения для юного Бонапарта, которого тот буквально «обожествлял» [Barrès 1922: 253, 258]. Руссо — единственный автор, кого Баррес приводит в пример, размышляя об удивительном времени, которое лицеист, стремящийся проникнуть в тайны философии и современной социальной жизни, проводит за чтением в библиотеке. По книгам Руссо юные читатели учатся любить и ценить дружбу, он зажигает их сердца и наполняет смыслом их будущую взрослую жизнь. Это тайное чтение, по мнению Барреса,

поражает воображение юных читателей и будит их чувства, томящиеся в темнице лица [Barrès 1922: 19].

Отлично у Гюго и Барреса отношение к Революции. Для Гюго в стихотворении «*Франция и душа*» — это эпическое событие, которое он мифологизирует. Он сравнивает ее сначала с Этной, чья лава повергала в ужас в первые годы, но затем стала приносить добрые плоды (*Sa lave alors terrible et maintenant féconde*); затем с Дианой, объявившей, под лай собачьих свор и звуки рожков, охоту на тиранов («*L'âpre chasse donnée aux tyrans par la France*»). Гюго воспринимает Революцию как сакральное событие, возвысившее Человека, позволившее ему стать вровень с Богами («*L'écroulement des rois c'est le sacre de l'homme/.../ C'était d'avoir grandi jusqu'aux cieux l'âme humaine*»). Ужасы первых лет Революции, кровавые события 1793 года Гюго также рисует эпически, ставя их в стихотворении *Видение* (*Tout était vision*) в один ряд с библейским пророчеством *Mané Thécel Pharès*, предрекшим гибель Вавилона и мартовскими идами.

Взгляд Барреса на Революцию не столь романтичен: его персонажи, рассуждая о лучших работах, посвященных оценке Революции, саркастически сравнивают труд Ипполита Тэна и доклады сельскохозяйственных комиссий, отдавая последним предпочтение из-за их успеха у читателей. Без оттенка пафоса о Революции говорит один из важнейших, с точки зрения замысла Барреса, персонажей романа — аристократ Сен-Филен [Barrès 1922: 343]. Он, единственный из юношей, покинувших Лотарингию, чтобы завоевать Париж, понимает, благодаря своим прочным корням, необходимость покинуть столицу, пока она не уничтожила его идеалы и традиции, и возвращается домой. Родные Сен-Филена были казнены в 1793 году, его семья не выбирала ни Революцию, ни послереволюционную Францию, однако, оставаясь ее сыновьями, они готовы ей служить.

Наполеон I, стал тем «местом памяти», чье восприятие объединяет Гюго и Барреса. Без оттенка иронии Гюго, преклоняясь перед величием Наполеона, сравнивает его с Карлом Великим и Цезарем. В стихотворении «*Возвращение Императора*» (*Le Retour de l'Empereur*), посвященном торжественному захоронению останков императора в Пантеоне, Гюго называет его горделивым орлом (*aigle indompté*), его сражения он описывает как борьбу с самим Иеговой, и его падение объясняет Божьей мстью за грандиозный замысел объединить народы под властью своей империи (*Mais de tels projets Dieu se venge*). В романе Барреса ключевой становится сцена, в которой юноши отправляются в Пантеон к могиле Наполеона [Barrès 1922: 241]. Для Барреса Наполеон — «место памяти», которое он ощущает как сгусток национальной энергии, объединяющий на протяжении века всех французов, независимо от их политических взглядов. Как и Гюго, Баррес говорит об эпическом призыве Императора, которому повинуются юные поколения, о той памяти, которую сохранили о Наполеоне все европейские народы: французы, немцы, итальянцы, поляки, русские. Всех их, так же как и молодых французов, Наполеон вывел из летаргического сна и продолжает вдохновлять каждое новое поколение бороться за свои идеалы [Barrès 1922: 245].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ «мест памяти» в художественном дискурсе подтвердил мысль П. Нора, что они могут рассматриваться как знаки, открытые для новых значений. Новые значения «мест памяти» проявляются в каждом произведении, которое их по-разному актуализирует. Напротив, трудно согласиться с мыслью Нора, о том, что у «мест памяти» нет референта в реальном мире. Принять такое утверждение историка можно было бы лишь с оговоркой, что каждая актуализация определенного «места памяти» будет его создавать для него новую систему референций, независимо от того, идет ли речь о нем в историческом или художественном дискурсе.

Достоинством художественного дискурса при анализе «мест памяти» можно считать его намеренную субъективность в реконструкции значимых феноменов национальной истории. Только такой авторский взгляд позволит создать задуманную Нора «вторичную историю», в которой память рассказчика спасает от забвения события минувшего времени, чтобы сформировать современную национальную идентичность, необходимую для движения в будущее.

© Шейпак С.А.

Дата поступления: 12.08.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мильчина В.А. «Послесловие к „Рейну“» Виктора Гюго: националистическая риторика как форма компенсации утраченного величия // Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 224—253.
2. Михайлов А.Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Либроком, 2010.
3. Полякова Е.Л. «Легенда веков» Виктора Гюго в контексте романтического мифотворчества: дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2009.
4. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
5. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
6. Barrès M. Les déracinés: le roman de l'énergie nationale. Paris: Plon, 1922.
7. Gervereau L. Pourquoi canoniser Pierre Nora? 01.11.2011 Режим доступа: http://www.lemonde.fr/idees/article/2011/11/01/pourquoi-canoniser-pierre-nora_1596553_3232.html Дата обращения 14.05.2017.
8. Hugo V. La Légende des siècles. Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/LaLégende_des_siècles Дата обращения 14.05.2017.
9. Hugo V. Préface. La Légende des siècles. Paris: Hetzel, 1859. P. VII–XVII Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Légende_des_siècles/Préface Дата обращения 14.05.2017.
10. Hutton P.H. The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing: How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History. New-York: Springer Nature, 2016.
11. Nora P. Entre histoire et mémoire // Les lieux de mémoire, La République, t. I. Pierre Nora (éd.). Paris: Gallimard, 1984. P. XV—XLII.
12. Schenker M.H. Le nationalisme de Barrès: Moi, la terre et les morts. *Paroles gelées*, 2007, 23 (1), 5—25.

УДК: 81'42

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227

“REALMS OF MEMORY” RECONSTRUCTED IN LITERARY DISCOURSE

Svetlana A. Sheypak

RUDN University

10-2A, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The paper suggests that literary discourse provides “realms of memory” that are necessary, according to Pierre Nora, for reconstructing national collective memory. If “realms of memory” are revealed in literary discourse, the selected “realms of memory” will not be overabundant and ideologically determined, as they are in the monumental edition “Realms of Memory” by Pierre Nora. Following Nora’s semiotic approach, the paper argues that “realms of memory” selected in literary discourse should be perceived as nodes in the national collective memory. They shape national memory as a dynamic system since each author give their personal interpretation in his/her work.

The paper compares how different are authorial interpretations for the “realms of memory” in two works written in the same period: a collection of poems *The Legend of the Ages* by Victor Hugo and a novel *Les Déracinés* by Maurice Barrès. The new actualisations of a “realm of memory” in the literary works allows its new interpretations. However, the intrinsic relationship between the subject who remembers and the object of memory enables to create a “second degree history”, such as it was conceived by Nora, revealing how national memory has been constructed.

Key words: “realm of memory”, “second degree history”, literary discourse, linguistic turn

REFERENCES

1. Milchina, V.A. (2005). “The Epilogue to ‘the Rhine’” Victor Hugo: nationalist rhetoric as a form of compensation for lost greatness In *Republic of literature: France in the global intellectual culture*. Edited by S.N. Zenkin. Moscow: New literary review. pp. 224—253. (In Russ.).
2. Mikhailov, A.D. (2010). French heroic epic. Questions of poetics and stylistics. Moscow: Lib-rokom. (In Russ.).
3. Polyakova, E.L. (2009). “The Legend of the centuries” by Victor Hugo in the context of romantic myth-making: dis. kand. filol. sciences. Lomonosov Moscow State University, Moscow. (In Russ.).
4. Potapova, N.D. (2015). The linguistic turn in historiography. SPb.: Publishing house of the European University in St. Petersburg. (In Russ.).
5. White, H. (2002). *Metahistory converge: the Historical imagination in nineteenth century Europe*. Ekaterinburg: publishing house of Ural University. (In Russ.).
6. Barrès, M. (1922). *Les déracinés: le roman de l'énergie nationale*. Paris: Plon.
7. Gervereau, L. (2011). Pourquoi canoniser Pierre Nora? URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2011/11/01/pourquoi-canoniser-pierre-nora_1596553_3232.html (accessed 14.05.2017).
8. Hugo, V. *La Légende des siècles*. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/LaLégende_des_siècles (accessed 14.05.2017).
9. Hugo, V. (1859). Préface. *La Légende des siècles*. Paris: Hetzel. pp. VII—XVII. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Légende_des_siècles/Préface (accessed 14.05.2017).
10. Hutton, P.H. (2016). *The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing: How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History*. New-York: Springer Nature.
11. Nora, P. (Ed.) (1984). *Entre histoire et mémoire. Les lieux de mémoire, La République*, t. I. Paris: Gallimard. pp. XV—XLII.
12. Schenker, M.H. (2007). Le nationalisme de Barrès: Moi, la terre et les morts. *Paroles gelées*, 23(1). pp. 5—25.

Для цитирования:

Шейпак С.А. Реконструкция «мест памяти» в художественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1219—1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.

For citation:

Sheypak, S.A. (2017) “Realms of memory” reconstructed in literary discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1219—1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.

Svetlana A. Sheypak, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1219—1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.

Сведения об авторе:

Шейпак Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы:* французская литература, дискурс-анализ, теория вежливости; *e-mail:* svetlana.sheipak@gmail.com

Bio Note:

Sheypak Svetlana Alexandrovna, PhD in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *Scientific Interests:* French literature, discourse analysis, linguistic politeness; *e-mail:* svetlana.sheipak@gmail.com



УДК: [811.161.1:811.512.122]255.4
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1228-1236

РУССКИЙ КАК ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА С КАЗАХСКОГО НА ДРУГИЕ ЯЗЫКИ

А.К. Дилдабекова

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
ул. Мунайтыасова, 5, г. Астана, Казахстан

До начала XXI в. казахская художественная литература переводилась на европейские языки в подавляющем большинстве случаев с русского перевода, часто с подстрочника. Речь идет о периоде, когда переводы с казахского языка на русский осуществляли не только свои кадры, но и приглашенные специалисты. Как показывают наше исследование, искажение смыслов при передаче информации, обусловленные переводческими неудачами, незнанием реалий, неуместным повышением или понижением регистра языка, ошибками, заложенными в русскоязычной версии, приводит к «помехам в передаче информации» на другие языки, в т.ч. на английский. Статья представляет собой анализ ошибок и неточностей разного типа, связанных с переводом с казахского языка на русский, и затем с русской версии на английский. Материалом исследования послужила русскоязычная версия романа А. Нурпеисова «Кровь и пот».

Ключевые слова: переводческая деятельность, русско-казахское переводческое дело, русский язык, «помехи», искажения, переводчик, вторичный перевод

ВВЕДЕНИЕ

История казахстанского переводческого дела XX века (советский период) прежде всего связана с русским языком как посредником, своеобразным языком-мостом, способствовавшим узнаванию казахской культуры другими народами, в частности — европейскими. С русского перевода была создана значительная часть переводов на иные языки, в т.ч. на английский.

Переводы с казахского на русский язык, осуществлявшиеся приглашенными переводчиками (М. Казаков, З. Кедрина, Л. Соболев, А. Ким и др.), выполнялись через «подстрочник» (подстрочный перевод). В силу недостаточного владения или невладения переводчиками казахским языком далеко не всегда казахская языковая (агглютинативная) система адекватно передавалась русской (флективно-фузионной синтетической) языковой системой.

Искаженная информация на языке перевода (ЯП) затрудняет ее адекватное понимание. Крайний недостаток переводчиков, владевших двумя языками, которые бы понимали особенности осмысления окружающей действительности казахским этносом, обусловили появление текстов на русском языке с искаженной информацией — большим количеством переводческих ошибок. Вторичный перевод — перевод русскоязычных версий художественных текстов на английский язык усложнялся еще большими «помехами», которые в конечном итоге приводили к неправильному восприятию и пониманию смысла, заложенного в оригинале.

Причина кроется не в том, что на русском языке невозможно передать во всей полноте информацию, заложенную автором произведения, а в непонимании особенностей, глубинных культурных «деталей», которые передавались с «помехами» или вовсе опускались.

Последствия переводческих ошибок довольно ощутимы, чтобы их не замечать. Однако до сих пор этому вопросу в теории и практике перевода, в том числе частной теории и практике перевода (казахский — русский, русский — казахский), не уделяется достаточного внимания. Тогда как, с нашей точки зрения, наступило время более детальных исследований переводов со многих языков бывшего Союза на русский.

Цель настоящей статьи — на примере выявленных в ходе исследования переводческих ошибок с казахского на русский язык романа А. Нурпеисова «Кровь и пот» показать их влияние на восприятие произведения русскоязычным читателем и англоязычным рецепиентом, воспринимающим текст казахского автора в переводе с русского языка.

КОНТЕКСТ

Очевидно, что в многонациональной стране (СССР) не было возможности в короткие сроки подготовить достаточное количество двуязычных переводчиков с разных языков на русский.

Как отмечают российские исследователи [Алекторов 2013: 25], школа художественного перевода советского периода (50—70-е годы) опиралась в основном на опыт русских переводчиков. Работы теоретиков и практиков перевода в СССР публиковались в изданиях «Мастерство перевода», «Тетради переводчика», журнале «Дружба народов». В «Литературной газете» помещались материалы совещаний, дискуссий по вопросам теории и практики художественного перевода.

Теория «ускоренного развития национальных литератур», «многонациональной советской литературы» шла в ногу с практикой. В Казахстане этого периода в большом объеме появляются переводы произведений казахской художественной литературы на русский язык, среди которых немало высококачественных переводов, представляющих казахскую прозу и поэзию в версии русских переводчиков.

Начиная с 60-х годов русские переводчики, живущие в Казахстане, сотрудничающие с известным журналом «Простор», вносят свой заметный вклад в переводческую деятельность Казахстана (В. Антонов, А. Никольская, Н. Чернова, А. Соловьев, Л. Флоровская, В. Киктенко, Л. Шашкова и др.) [Бахтикиреева, Синячкина 2005: 38].

В 80-х годах появятся двуязычные переводчики (Ж. Бакбергенов, Б. Каирбеков, Б. Канапьянов, А. Кодар и др.), владеющие русским и казахским языками.

Современная казахстанская образовательная парадигма направлена на подготовку переводчиков со знанием казахского, русского, английского и других иностранных языков.

Трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот» была переведена писателем Ю. Казаковым в начале 60-х годов, а впервые на русском языке роман был опубликован в 1966 г. в издательстве «Жазушы» (Алма-Ата).

Исследователи отмечают, что один из значительных этапов казахстанской переводческой деятельности связан именно с переводом этого романа А. Нурпеисова на русский язык, к переводу которого были привлечены также и казахстанские кадры (Г. Бельгер, потом М. Симашко) и приглашенный из Москвы переводчик Юрий Казаков [Жаксылыков 2011: 41].

Роль и значение романа-трилогии для казахской культуры сложно переоценить, особенно в контексте понимания миссии любого писателя — отражение исторического процесса в художественной форме. В этом романе широко обобщен исторически важный период казахстанской истории и истории СССР: Первая мировая война и гражданская война 1918—1920 гг., социальные конфликты, обусловившие совместную борьбу русского пролетариата и аральских казахов-рыбаков за установление советской власти. Крах прежнего мира и создание нового передается через яркие самобытные национальные характеры и тонкий психологический анализ.

В 1973 г. по роману создан одноименный спектакль (режиссер А. Мамбетов), а в 1978 г. был снят одноименный художественный фильм по сценарию А. Михалкова-Кончаловского.

ОБСУЖДЕНИЕ

Один из самых авторитетных переводчиков Казахстана — Г.К. Бельгер¹, работавший над подстрочным переводом этого произведения, писал об авторе романа: «К числу тех немногих крупных писателей, кто уделяет ему (подстрочнику) пристальное внимание, относится автор трилогии „Кровь и пот“ Абдижамил Нурпеисов, с которым я сотрудничаю уже два десятилетия. <...> Чтобы национальное произведение звучало в переводе на русский язык адекватно оригиналу, важны и схожесть творческих позиций переводчика и автора <...>, а переводчику необходимо знать — по крайней мере! — историю, культуру, быт и нравы, традиции того народа, чью литературу он представляет на русском языке ...» [Бельгер 2005: 16].

И еще одно важное замечание создателя подстрочного перевода трилогии: «<...> я с предубеждением отношусь к тем переводам, из которых так и выпирает русский дух, сугубо „русский менталитет“. <...> Приведу лишь несколько примеров. Вот скажем Юрий Казаков был уверен, что рыбаки в романе „Кровь и пот“ должны выражаться грубо, косноязычно, резко и вложил им в уста бесконечное количество бранных слов. Вот и читаем на каждом шагу: ‘черная холера’, ‘сукин сын’, ‘стервец’, ‘пройдоха’, ‘зараза’, ‘сатана баба’, ‘карга’, шваль трусливая’, ‘черт’, ‘пес шелудивый’, ‘подлец’, ‘сволочь’, ‘гад’, ‘гнида’, ‘дура’, ‘стерва’, ‘дурак мордастый’, ‘вошь’, ‘паскуда’, ‘балбес’, ‘жирная свинья’, ‘поганка’, ‘тварь подлая’, ‘старая стерва’ и т.д. И по этой лексике иногда возникает такое ощущение, будто герои Нурпеисова уж слишком обрусели» [Бельгер 2005: 104].

¹ Герольд Карлович Бельгер — переводчик, прозаик, публицист, эссеист, писавший на русском, казахском, немецком, родился в 1934 г. в г. Энегельс Саратовской области. После известных репрессий по отношению к немцам Поволжья в СССР он вырос и воспитывался в казахском ауле.

Вместе с тем Г.К. Бельгер отмечал, что в процессе подготовки подстрочника, к примеру, казахское слово «...қарақатын (буквально ‘черная баба’) опрелена была так: *тырыли арық ...* Ни ‘худая’, ни ‘сухая’, ни ‘сухощавая’, ни ‘худощавая’ не удовлетворяло, пока не нашли мы наиболее адекватное, с разговорным оттенком — ‘сухопарая’. Предложение обрело такую форму: „Сухопарая, возбужденная Кара-катын, задыхаясь, вбежала в землянку“. Так оно в целостности и сохранности и перекочевало в художественный перевод. Не явись в переводе-посреднике это единственное точное определение, еще неизвестно, на каком бы слове остановился Ю. Казаков» [Бельгер 2005: 14—15].

Позиция Г.К. Бельгера оправдана: изнуряющий труд автора подстрочного перевода не всегда находит понимание переводчика Ю. Казакова. В процессе нашего исследовательского проекта мы были солидарны с позицией Г.К. Бельгера. Непонимание особенностей менталитета казахов (аральских рыбаков), невладение казахским языком, отдаленность постоянного проживания от местности, в которой живут и действуют герои романа, мы ощущаем в процессе чтения русского перевода.

Ограниченные рамками статьи мы не можем включить в одну работу все выявленные нами примеры переводческих ошибок. Остановимся на нескольких примерах, которые, с нашей точки зрения, затрудняют восприятие текста, искажают смысл произведения, формируют «белые пятна» — нулевую информацию для рецепиента. Как представляется, они достаточно презентабельно отражают искажение информации.

*Преобразования — трансформации в русской версии Ю. Казакова,
перенесенные американским переводчиком Катрин Фитцпатрик
в английский текст романа*

1) — Ойбай, до чего же он глуп! Он и в самом деле верит, что мурза заимел скакуна через дружбу с *туркменами*? [Нурпейсов 2000: 371]

2) — Кха! Хорошо, скажем так... Скажем, с другой стороны — заимствует, а? — У *туркмен*? — И у *туркмен*... [Нурпейсов 2000: 371]

1.1.) “Oybay, how stupid he is! Does he really believe that the murza got his argamak from befriending *Turkmens*?” [Nurpeisov 2013: 358]

2.1.) “Hah! Hah! Good, let’s say... let’s say on the other hand... he borrows them, eh?” “From *the Turk*?” “From *the Turk*, too...” [Nurpeisov 2013: 358]

Как видно из приведенных примеров (1, 1.1.), в первом случае К. Фитцпатрик использовала для передачи русского этнонима «туркмены»² транслитерацию «Turkmens» для адекватного перевода. Но в следующих примерах (2, 2.1.) *туркмены* превращаются в *турков* (*the Turk*)³. Следуя из определений слов *туркмен*

² Туркмены — тюркоязычный народ древнеогузского происхождения, составляющий основное население Туркменистана, а также традиционно проживающий в Афганистане и на северо-востоке Ирана. Говорят на туркменском языке огузской подгруппы тюркских языков [Электронный ресурс: Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>].

³ Тюрки — народ, разговаривающий на турецком языке, относящемся к тюркской ветви алтайской языковой семьи, основное население Турции, являются второй по численности этнической группой на Кипре [Электронный ресурс: Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>].

и *турок*, это два разных народа со своей культурой, обычаями и традициями, отличные друг от друга. Можно предположить, что переводчик ошибся при работе над текстом, можно было бы сослаться и на техническую ошибку. Однако примеры: «Все *туркмены* были смуглы, поджары, в высоких бараньих папахах» [Нурпеисов 2000: 711] и «All of the *Turks* were swarthy, tanned and wearing tall sheepskin hats» [Nurpeisov 2013: 665] доказывают обратное. К. Фитцпатрик и далее в тексте использует этноним — *the Turks*, несмотря на то, что с английского это слово переводится как *турок* (турки).

Можно допустить мысль, что переводчик на английский не смог определить разницу между этнонимами *туркмен* и *турок*. Но следующие примеры свидетельствуют о невладении переводчиком информацией о том, что в мире существуют более тридцати тюркских народов.

1) Толстяк был известный *татарский* купец, один из крупнейших после Темирке, закупавший рыбу в Казалинске и Камбаше и вагонами отправлявший ее в Оренбург [Нурпеисов 2000: 403]

1.1.) The fat man was an *Uzbek* merchant who bought fish in Kazalinsk and Kambasha and sent it on the railroad to Orenburg [Nurpeisov 2013: 387]

Русское словосочетание *татарский купец* на английский переводится словосочетанием *a Tatar merchant*. Читатель же видит *an Uzbek merchant*, что на русском означает *узбекский купец*. Наличие слов *татарский* от *татарин*⁴ и *узбекский* от *узбек*⁵ сами по себе дают ясное представление о том, что речь идет о двух разных народах.

Искажая информацию, заложенную в оригинале, автор английского перевода вводит в заблуждение читателя, сужает его кругозор и мироощущение. Можно было бы найти оправдание, приведя доводы о том, что Катрин Фитцпатрик в 80-е годы училась и жила в Ленинграде, а затем переводила работы российских политиков на английский язык. Возможно, она бы не сделала подобных ошибок, если бы речь шла о славянских народах или уже — восточнославянских народах. Неудачные переводы фрагментов романа с русского варианта привели к «помехам в передаче информации», не говоря уже о смысле, заложенном в оригинале. Трансфер с казахского на английский посредством русского языка состоялся, но удачным назвать его затруднительно.

Приведем в качестве иллюстрации нашего вывода примеры в языке-посреднике, которые привели к неудачному выбору эквивалента и искажению понимания текста-оригинала в английском переводе.

Во фрагменте оригинала, когда главный герой романа Еламан вернулся из скитаний в свой родной аул и остановился у старого друга Мунке, все жители

⁴ Татáры (самоназвание) — тюркский этнос, живущий в центральных областях европейской части России, в Поволжье, Приуралье, в Сибири, Казахстане, Средней Азии, СУАР и на Дальнем Востоке [Электронный ресурс: Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>].

⁵ Узбе́ки — тюркоязычный народ. Являются основным и коренным населением Узбекистана. В постсоветской Средней Азии представляют самую многочисленную из этнических групп [Электронный ресурс: Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>].

пришли повидаться с ним. Но он не увидел среди них только своего давнего друга Доса и огорчился. Однако узнав о причине — смерти матери Доса, Еламан решил сам пойти к другу и выразить соболезнование. По казахскому обычаю члены семьи, которая носит траур, не идут к человеку, приехавшему издалека, а ждут, чтобы тот сам пришел. Увидев входящего в дом Еламана со стариками, Дос крикнул жене, чтобы та постелила *көрпе* (специальное одеяло) гостям: «*Көрпе сал, — деді Дос*» [Нұрпейісов 2004: 446].

В юртах, где нет полов, казахи стелили прямо на землю *алаша* (палас, ковер), и затем *көрпе*, чтобы не было холодно и сыро при сидении (стеганное, ватное одеяло прямоугольной формы) [Нұрпейісов 2004]. На русский язык Ю. Казаков перевел: «*Постели одеяла! — наконец буркнул Дос*» [Жаксылыков 2011: 441].

На английском К. Фитцпатрик дает свою интерпретацию: «*Make up the beds!*» [Нурпейсов 2000: 425], тогда как в английском языке *to make up the bed* означает *постелить постель*. Можно предположить, что данное выражение является адекватным переводом для *постелить одеяло*, но не в данном случае. В данном контексте гости пришли к Досу оказать соболезнование и прочесть молитву по усопшей, а не переночевать, и выражение «*Make up the beds!*» неуместно.

Возможно наличие в русском переводе сноски (авторского комментария) и/или описания *көрпе* в самом тексте сняли бы досадную оплошность, мешающую восприятию как русскоязычного, так и англоязычного читателя.

Еще один пример:

— *Ой, қайным-ау! Сенікі батыр — аңқау дегеннің кебі зой* [Нұрпейісов 2004: 235]. Это предложение вполне простое для перевода, но на русском языке появляются неточности: *Сенікі батыр — аңқау дегеннің кебі зой* переводится на русский как: *По твоему, батыр означает наивный*.

— *Эх, батыр. Деверек ты мой! Не зря говорят батыр — как младенец* [Жаксылыков 2011: 229].

Слово в слово, буквально переведено это предложение на английский.

— *Eh, batyr! My dear deverek! It is no wonder they say a batyr is like an infant* [Нурпейсов 2000: 231].

В этих примерах также можно увидеть, что слово *деверек* переведено на английский тем же приемом, даже не общим английским термином, означающим эту степень родства тоже — *brother-in-law*. Учитывая, что термины родства в англо-американской культуре сравнительно с русской и казахской культурой используются в гораздо меньшем количестве, то очевидным представляется, что вдумчивый англоязычный читатель едва ли понял, какое понятие, какая степень родства стоит за этой лексической единицей, усложненной еще и уменьшительно-ласкательным суффиксом. В казахской культуре отношения деверя и жены брата деверя особые и имеют свои особенности. Об этом знает практически каждый казах, этой проблематике посвящено и немало исследовательских работ.

Ограничим примеры еще одной переводческой ошибкой:

Въезжая в аул, Судр Ахмет все раздумывал, ..., как вдруг у самой дороги увидел единственную в ауле юрту, и сердце его екнуло. Сначала он увидел юрту, но тотчас заметил и верблюжонка возле юрты, и тут же все понял. «О верблюдица, скотище

родное!.. — останавливая коня, подумал он. — *Разрешилась*, значит, почтенная!» [Жаксылыков 2011: 158]

Coming into the aul, Sudr Akhmet kept thinking of whom he should visit, when suddenly, at the roadside, he saw the only yurt in the aul, and his heart skipped a beat. At first he saw the yurt, but then immediately saw the female camel next to the yurt, and immediately understood everything. “Oh, my camel, my own animal!” he thought, stopping the horse. “*It’s allowed*, that means it’s respected!” [Нурпейсов 2000: 152]

В данном примере слово *разрешилась* означает *окотилась, родила детеныша*, как видно это по контексту (Сначала он увидел юрту, но тотчас заметил и верблюжонка возле юрты, и тут же все понял). Но в английской версии слово *разрешилась* дан как *it’s allowed*. Мы считаем, что перевод неправильный, так как *to allow* в русском языке *разрешать, позволять, допускать, предоставлять*, что ни как не может быть синонимом к слову *родить детеныша*. И в английском контексте не было слово о верблюжонке, которое определило бы правильное истолкование слова *разрешилась*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование, посвященное переводческим ошибкам, на нынешнем этапе насчитывает более семидесяти примеров, представленных здесь частично, свидетельствующих о помехах в передаче информации с русского перевода на английский вариант. Сейчас уже можно сделать некоторые предварительные выводы.

Русский язык как посредник между двумя культурами внес неоценимый вклад в развитие казахской культуры, узнавания его не только образованным русскоязычным читателем — представителем разных национальностей, но и образованным читателем ближнего и дальнего зарубежья. По наличию литературы у любого народа судят о его культуре, вкладе в общую копилку мировой культуры. Литература — главный критерий в определении состоявшейся нации.

Обогащение казахского литературного фонда (даже и с подобными потерями при переводе) не вызывает сомнений. Русский язык, как отмечает глава казахстанского государства, остается с нами (казахстанцами) навсегда. Однако несомненно и другое: с целью достижения наибольшей адекватной передачи информации из одной культуры в другую для Казахстана наступило время подготовки специалистов, способных заняться переводческой деятельностью без языка-посредника. В практике переводческого дела вторичный перевод, как своего рода трансфер (трансферинг), может оставаться, но едва ли это будет оправдано для художественных произведений. Национальные особенности оригинала и индивидуальная творческая манера автора произведения, размывается в случае вторичного перевода. Об этом свидетельствуют русский и английский переводы исследуемого нами романа.

© Дилдабекова А.К.

Дата поступления: 1.05.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алекторов А.Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах) // *Классикалық зерттеулер — Классические исследования: Многотомник.* Алматы: «Әдебиет элеми», 2013. Т. 13.
2. *Бахтикиреева У.М., Синячкина Н.Л.* Переводческая деятельность в Казахстане (страницы истории: взгляд из России). Учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2011.
3. *Бельгер Г.К.* Ода переводу. Литературно-критические статьи, исследования, эссе о проблемах художественного перевода. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
4. *Жаксылыков А.Ж.* Актуальные проблемы художественного перевода и развитие казахской литературы: хрестоматия. Алматы: Қазақ университеті, 2011.
5. *Нурпеисов А.К.* Кровь и пот: Трилогия. Пер. с каз. Астана: Елорда, 2000.
6. Электронный ресурс: Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (Дата обращения 10.10.2016).
7. *Nurpeisov A.* Blood and Sweat. New York: Liberty Publishing House, 2013.
8. *Нурпейісов Ә.* Қан мен тер. Трилогия. 1-том. Алматы: Жазушы, 2004.

УДК: [811.161.1:811.512.122]'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1228-1236

RUSSIAN AS THE INTERIM LANGUAGE IN THE PROCESS OF TRANSFER FROM KAZAKH TO OTHER LANGUAGES

Anar K. Dildabekova

Eurasian National University named after L.N. Gumilyov
Munaitpasov str., 5, Astana, Kazakhstan

Abstract. Until the beginning of the XXI century Kazakh belles-lettres was translated into European languages in the overwhelming majority of cases from the Russian translation. It is a question of the period when translations from the Kazakh language into Russian were carried out not only by their staff, but also by invited specialists. As our research shows, the distortion of information caused by translation failures and mistakes in the Russian language leads to “interference in the information” in other languages, including to English. The article is illustrated by translation errors from the Kazakh language to Russian, and from Russian to English, extracted from the Russian translation of A. Nurpeisov's novel “Blood and Sweat”.

Key words: translation activity, Russian-Kazakh translation, Russian language, interference, distortions, translator, secondary translation

REFERENCES

1. Alektorov, A.E. (2013). Index of books, magazine and newspaper articles and notes on the Kirghiz (Kazakhs). *Classically Sertoli — Classical studies: a multi-volume work.* Алматы: “Jedebiet jelemi”. Vol. 13. (In Russ.).
2. Bahtikireeva, U.M. & Sinyachkina, N.L. (2011). Translation activities in Kazakhstan (pages oh histor: view from Russia. Moscow: Izd-vo RUDN. (In Russ.).
3. Belger, G.K. (2005). Ode to translation. Literary-critical articles, studies, essays on problems of literary translation. Алматы: “Dike-Press”. (In Russ.).
4. Zhaksylykov, A.Zh. (2011) Actual problems of artistic translation and development of Kazakh literature. Reader. Алматы: Қазақ университеті. (In Russ.).

5. Nurpeisov, A.K. (2000). Blood and Sweat. Trilogiya. Per. s kaz. Astana. Elorda. 832. (In Russ.).
6. Nurpeisov, A. (2013). Blood and Sweat. New York: Liberty Publishing House. 780.
7. Nurpeisov, A. (2004). Қан мен тер. Trilogiya. 1-tom. Almaty: Zhazushy. 472. (In Kazakh.)

Для цитирования:

Дилдабекова А.К. Русский язык как язык-посредник в процессе перевода с казахского на другие языки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1228—1236. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1228-1236.

For citation:

Dildabekova A.K. Russian as the interim language in the process of transfer from Kazakh to other languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1228—1236. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1228-1236.

Anar K. Dildabekova, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1228—1236. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1228-1236.

Сведения об авторе:

Дилдабекова Анар Кулбаевна, докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, ул. Мунайпасова, 5, г. Астана, Казахстан; *научные интересы:* теория перевода, казахская литература, сравнительные исследования, интерференция; *e-mail:* Dil.Nara@mail.ru

Bio Note:

Dildabekova Anar Kulbaevna, doctoral student of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Munaitpasov Str., 5, Astana, Kazakhstan; *Scientific Interests:* translation activity, Russian-Kazakh translation, Russian language, interference; *e-mail:* Dil.Nara@mail.ru



УДК: 81'42:81'22:821.161.1-31
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248

СТРУКТУРА СЕМИОТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале романа А. Кабакова «Невозвращенец»)

П.Ю. Повалко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается время как важнейшая семиотическая и лингвопоэтическая категория художественного текста. На материале романа Александра Кабакова «Невозвращенец» анализируется структура темпоральной категории в совокупности ее семиотических измерений, а именно — семантики и прагматики. Методологическую основу анализа составляет семиотический подход к рассмотрению текстовой категории, который находит отражение в учете разнообразных контекстов, которые служат кодификации темпоральных характеристик художественного текста. Показывается, что содержание семантических полей, отражающих категорию времени романа, их пересечение и взаимодействие, а также прагматические отношения, основанные на авторских установках и читательской интерпретации, выстраивают многослойную, иерархизированную структуру темпоральности в художественном тексте.

При этом экспликация семантики художественного времени осуществляется прежде всего лексико-грамматическими и синтаксическими языковыми единицами, а для прагматики ключевым средством выражения становятся организация текста и контексты — авторского замысла, и читательского восприятия. Таким образом подчеркивается, что текстовое время шире, чем время в языке.

Полученные в ходе анализа материала результаты демонстрируют важность семиотического взгляда на исследования текстов литературных произведений. Представляется, что одновременное рассмотрение и семантики, и прагматики текста, их соотношения и взаимодействия позволяет преодолеть некоторую «узость» чисто грамматического взгляда при анализе такой сложной текстовой категории, как время. Учитывая лингвистические, философские, культурологические и социально-исторические контексты, исследователь расширяет границы анализа, увеличивает его подлинность и получает возможность раскрыть и интерпретировать все заложенные автором смыслы.

Ключевые слова: семантика, прагматика, категория времени, художественный текст, семиотический подход

ВВЕДЕНИЕ

Категория времени в романе, будучи семиотической по своей сути, обладает «глубинной структурой, основанной на семантике языковых единиц, которая устанавливает отношение знаков к объектам действительности, значение знаков, содержание, смысл и информацию единиц различного уровня» [Папина 2002: 13]. С другой стороны, структура категории определяется и прагматикой, то есть «отношением знаков к их интерпретаторам, к тем, кто продуцирует <...> и раскодирует знаки...» [там же]. Прагматический аспект определен самим назначением художественного текста, а именно — коммуникацией с читателем. Причем считая и семантику, и прагматику частями семиотики, учитывая при анализе контексты и интенции автора, мы добиваемся более полного лингвистического анализа художественного текста, добиваемся того, что «текст предстает перед нами не как

реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности. В связи с этим меняется представление об отношении потребителя и текста. Вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная — «потребитель общается с текстом» [Лотман 2002: 162].

Отсюда исследовательская задача в рамках данной статьи: рассмотреть структуру текстовой категории времени в совокупности семиотических измерений и взаимодействие таких аспектов семиотики, как семантика и прагматика, на материале романа «Невозвращенец» (синтактика не входит в круг задач данного исследования). Частной задачей становится описание набора языковых средств репрезентации темпоральной категории, их значений, лексико-семантической организации и прагматических функций (связи авторского замысла и читательского восприятия).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТЕСТОВОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А. КАБАКОВА «НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ»

В качестве материала выбран известный роман А. Кабакова «Невозвращенец». Написанный в непростой для России период грядущих перемен, он стал своего рода предсказанием, инвариантом развития событий, моделированием будущего страны. Семиотика времени связана с реальностью мироощущения советского народа в переломную эпоху конца 80-х годов. Общим для всех было предчувствие кардинальных перемен, ожидание социально-политических катастроф, возможной революции. Революция, по А. Кабакову, страшна тем, что после нее «жизнь искажается, уничтожается навсегда», утрачиваются человеческие ценности, сбиваются ориентиры. Автор, обращаясь к читательскому знанию и опыту проживания катастроф XX века, пишет роман-напоминание о том, что время циклично, но амплитуда цикличности зависит от социума.

Новые контексты, появляющиеся в сегодняшнем мире, иначе расставляют акценты в прочтении романа, привносят дополнительную детализацию, формируют уточненное содержание как авторской позиции, так и читательской репрезентации. Все это касается и темпоральной категории. Более того, манипуляции со временем становятся в романе сюжетообразующим фактором. Герой-экстраполятор перемещается не в пространстве, а во времени, меняя «настоящее» на катастрофическое «будущее», лишенное (по антиутопической традиции) времени: «Часы были изъяты Комиссией» [Кабаков 1990: 29]. Однако знание точного времени необходимо герою в качестве ориентира, дающего уверенность в свободе выбора и вольном распоряжении собственной жизнью.

Рассматривать структуру категории времени мы будем, опираясь на представление М.М. Бахтина о художественном времени как составляющей хронотопа произведения, как о «четвертом измерении» художественного мира [Бахтин 1975]. Такой подход диктует деление времени текста на действительность героя (фабульное время, фон художественных событий, моделирование реальности в соответствии с авторским замыслом) и на действительность субъекта изображения (субъективное время).

Семантика фабульного времени

Репрезентация фабульного художественного времени в литературном тексте основана на глагольных формах. Ю.С. Маслов в своей статье дает следующее определение времени: это «грамматическая категория глагола, выражающая отношение времени описываемой в речи ситуации к моменту произнесения высказывания (то есть к моменту речи или отрезку времени, который в языке обозначается словом «сейчас»), который принимается за точку отсчета (абсолютное время) или отношение времени к другой относительной временной точке отсчета (относительное время)» [Маслов 1990: 89]. То есть понятие сюжетного времени в художественном тексте выражено глагольной категорией, иллюстрирующей объективное время и ситуативную локализацию события или факта, о котором говорится в предложении или фрагменте текста. Будучи грамматической категорией, время ограничивает определенные события или характеристику фактов, соотнося их «с определенной точкой отсчета, которая ситуационно совпадает с моментом речевого акта» [Потапова 2009: 4].

С точки зрения семантики смысловое ядро лексико-семантического поля времени составляют глагольные формы со значением событийности, действия, движения, изменения: *двинулся, брели, кинулся, шел, свернули, подошли* и т.д.

Я выключил приемник и двинулся по Тверской [Кабаков 1990: 9]; *Корабли шли под нейтральным польским флагом* [там же]; *Мы прошли близко* [Кабаков 1990: 13]; *Мы уже шли по Садовой* [Кабаков 1990: 14]; *Мы вышли на Страстную* [Кабаков 1990: 41]; *Я вильнул за угол, кинулся к знакомой двери* [Кабаков 1990: 10]; *Мы свернули на Бронную* [Кабаков 1990: 25]; *Он запер двери и побежал к танку* [Кабаков 1990: 24]; *брели люди* [Кабаков 1990: 9]; *и мы выплыли на улицу и длинными, все еще подводными прыжками начал уходить вглубь* [Кабаков 1990: 28] и т.д.

Глаголы такого типа занимают центральное место в «будущей» части романа, что на прагматическом уровне интерпретируется как описание реализации героем ключевого мотива произведения — а именно движения, бегства.

В приядерную группу лексики, репрезентирующей время, входят семантически оппозиционные глаголы, частотные для описания времени «настоящего» с общей категориальной семой «действие с отсутствием движения». Это такие одноактные глаголы, как: *сказал, увидел, сообщил, подумал, воскликнул, ужаснулся, рассмеялся, согласился, возразил, заметил, вставил* и мн. др.:

Очень надо! — радостно сообщил Сергей Иванович [Кабаков 1990: 19]; *Игорь Васильевич заткнулся и вдруг отчаянно захохотал* [Кабаков 1990: 6]; *Ну, при чем наш институт? — возразил я* [Кабаков 1990: 7]; *Ну, не только, — коротко буркнул Сергей Иванович и даже вроде обиделся по-детски* [там же]; *Но о чем же я могу написать?! — тут и я засмеялся* [Кабаков 1990: 8]; *Ну, — замылся я, — сами понимаете... интересно, конечно...* [Кабаков 1990: 19]; *Я думаю!* — немедленно перебил Игорь Васильевич [Кабаков 1990: 20]; *В ушедших временах, — уточнил Сергей Иванович* [Кабаков 1990: 21]; *Я его вроде и раньше видел... — мямлил я* [Кабаков 1990: 39].

То есть для времени «настоящего» характерно отсутствие событий, все действие заключено в диалогах, событийность находится в области сознания главного героя, который осознает себя и принимает решения в ходе разговоров.

Прагматические отношения проявлены особенно ярко на хронологической оси: прошлое — настоящее — будущее. Текст романа ретроспективен. Автор направляет движение времени в прошлое, будущее время актуализировано слабо.

Так, отсутствуют традиционные для репрезентации настоящего времени наречия, обозначающие временной ориентир события после момента речи, прилагательные типа «будущий» и пр.

Кроме того, особенностью романа становится использование глагольных форм будущего времени вместе с маркерами времени настоящего, прежде всего наречиями, обозначающими временной ориентир, совпадающий с моментом события:

И шо ж сегодня на той площади будет [Кабаков 1990: 15]; *через 15 минут здесь будет комиссия* [Кабаков 1990: 13]; *у нас уже нет и не будет времени* [Кабаков 1990: 41]; *дело сегодня предстояло рутинное* [Кабаков 1990: 23]; *сейчас они пойдут по домам* [Кабаков 1990: 13]; *сейчас выьем по рюмке коньяку* [Кабаков 1990: 30]; *сейчас объявят* [Кабаков 1990: 43].

Как всякая антиутопия, «Невозвращенец» является по авторскому замыслу попыткой предсказать вектор, продемонстрировать возможность описываемого развития событий, заглянуть в возможное будущее. С другой стороны, время в антиутопии — «время расплаты за грехи воплощенной утопии, причем воплощенной в прошлом» [Ланин 1993: 161]. Такое время не предполагает будущего, поэтому и у антиутопического мира будущего нет. Герой живет сейчас, предполагая только ближайший шаг.

Уточняют значения фабульного времени наречия и наречные группы, выполняющие роль интенсификаторов. Частотными в романе являются наречия и наречные конструкции — показатели внезапности действия, выраженные наречиями: *тут же, немедленно, быстро, мгновенно* и т.д.:

Игорь Васильевич заткнулся и вдруг отчаянно захохотал [Кабаков 1990: 6]; *и вдруг над двором поплыло пение* [Кабаков 1990: 27]; *тут мы все втроем дружно закурили; на столик тут же водрузилась пепельница* [Кабаков 1990: 19]; *тут же сел и второй* [Кабаков 1990: 5]; *половина из них тут же унеслась в решетку* [Кабаков 1990: 44]; *потряс мою руку и немедленно усадил в кресло* [Кабаков 1990: 19]; *спутница моя немедленно выпросталась из моих объятий* [Кабаков 1990: 26].

Примечательно, что употребление подобных наречий характерно и для «будущей», и для «настоящей» части романа. Внезапность действия (вдруг, неожиданно и пр.) характерно для времени, которое усугубляет несвободу, так как решения не исходят от героя. Подобное время становится «случайным», в котором человек пассивен, с ним что-то случается, сам он лишен инициативы.

ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ФОН СОБЫТИЙ

На периферии лексико-семантического поля фабульного времени расположена лексика, эксплицирующая исторический фон событий, через коннотативные значения определяющая тот или иной временной исторический отрезок, социальный контекст. Историческое время в художественном тексте рассматривается как

характеристика смены эпох, поколений, событий и явлений в жизни общества, то есть является темпоральным выражением социального. Кодификация исторического времени осуществляется через детали быта, свойственные описываемому периоду, особенности идеологии, реалии культурной и социальной жизни, специфику взаимодействия героев и среды.

С точки зрения прагматики, то есть авторского замысла, заложенных в текст смыслов, лексика, репрезентирующая социально-историческое время в романе, является ключевой.

Прагматика историко-социального времени романа выстраивается по-разному для части «настоящего» и части «будущего».

«Настоящее» время романа — время позднесоветское, приметам которого становятся характерные описания всех казенных мест того периода. Используются следующие номинации: *кадры* (название отдела); *присутственные стены*; *вечно мигающие полусломанные лампы дневного света*; *архаические ковровые дорожки*; *вид заштатной конторы*; *сортиры выдающиеся даже по отечественным меркам* [Кабаков 1990: 3—5].

Языковые единицы, формирующий данный семантический ряд, обладают общей категориальной семой «относящееся к советскому учреждению». Помимо этого, коннотативное значение данного ряда однозначно описывает исторический период, равный советскому времени.

Кроме того, однозначной интерпретации семиотики описываемого исторического периода служат речевые обороты, характерные для канцерного стиля советской эпохи.

Известно, что канцелярит изучается как явление историко-культурное: проводится параллель между распространением канцелярской речи за пределы официально-делового стиля и идеологией советского государства [Булаховский 1975; Кожина 2008]. В современной лингвистике выделяются такие формальные особенности канцелярита, как: номинализация (замена глагола отглагольными с существительными, причастиями, составными глагольно-именными сочетаниями), замена простых оборотов и слов многословными сочетаниями, лексические штампы, отыменные предлоги [Земская 2000; Романенко 2000].

В романе для кодификации исторического периода используются большая часть из отмеченных особенностей канцелярского стиля:

Номинализация: *продолжается выдвижение делегатов* [Кабаков 1990: 18].

Многословность: *начал работу Первый Чрезвычайный Учредительный Съезд Российского Союза Демократических Партий* [Кабаков 1990: 9]; *в работе съезда принимают участие делегаты* [там же].

Лексические штампы: *мировая общественность*; *горячо поддерживает*; *миролюбивые усилия* [там же].

Время «будущего» — это, прежде всего, время гражданской войны. Воюют православные «витязи» с некрещеными, анархисты с металлистами, комиссия народной безопасности с жильцами домов, боевики Партии Социального Распределения — с обитателями Замоскворечья и Измайлова, исламисты с немусульманами, словом — все со всеми.

Идентификация времени «будущего» в качестве времени военного осуществляется благодаря частотному использованию лексических единиц с общей категориальной семой — «война»:

все они были в военном [Кабаков 1990: 12]; *стреляют автоматчики* [Кабаков 1990: 30]; *взрыв гранаты* [Кабаков 1990: 12]; *грохнул взрыв* [Кабаков 1990: 10]; *танки* [Кабаков 1990: 42]; *стучали очереди* [Кабаков 1990: 9]; *бил крупнокалиберный с бэтээра* [Кабаков 1990: 9]; *«калашиников»* [там же]; *пулемет* [Кабаков 1990: 12]; *ударил короткая очередь* [Кабаков 1990: 12]; *два солдата* [Кабаков 1990: 24]; *длинный нож-штык* [Кабаков 1990: 26].

Все данные лексические единицы реализуют сигматическую функцию, а именно: напрямую указывают на происходящие военные действия.

Далее. Время «будущего» интерпретируется как время голодное благодаря прямому употреблению слов с семантикой «голод, недостаток еды». В этом случае существительное «голод» и производные прилагательные и глаголы служат для обозначения социального бедствия, локализованного во времени:

голодающие Ярославль и Владимир [Кабаков 1990: 32]; *голодал он уже не меньше года* [Кабаков 1990: 34]; *голод и обций ужас* [Кабаков 1990: 36].

Здесь используется прямое, денотативное значение лексических единиц.

Кроме того, голодное время эксплицируется денотативными значениями лексических единиц и выражений, которые отсылают к традиционным обозначениям голода как социального состояния:

возможность кормиться по талонам [Кабаков 1990: 16]; *хлебный паек* [Кабаков 1990: 15]; *он положил возле каждого прибора по куску — огромному, граммов на сто! — настоящего хлеба* [Кабаков 1990: 31].

Здесь языковые единицы, реализуя прагматическую функцию знаков, выступают в качестве описания социально-исторической действительности, соотносенной с социальными бедствиями.

Время романа «Невозвращенец» соотносится с эпохой советской истории, когда судьбы граждан государства были полностью в руках власти, когда человек не мог чувствовать свою защищенность вне зависимости от своего положения и достатка, когда роковые решения могли приниматься и реализовываться без суда.

Узнаваемыми маркерами становятся лексические единицы, которыми описывают сотрудников органов внутренней безопасности и их деятельность:

люди в серой полицейской форме, люди в штатских куртках [Кабаков 1990: 13], *трое в хороших серых пальто и меховых шапках* [Кабаков 1990: 23], *«воронки» по ночам ездят* [Кабаков 1990: 37], *черная «Волга»* [Кабаков 1990: 13].

Каждая из этих единиц в своем денотативном значении не раскрывает суть описываемого явления, и только встраиваясь в ряд, семантически преобразуется и приобретает коннотативное значение.

В тексте романа проявлены и другие знаки историко-социального времени, однако для задач данного исследования оправдано будет ограничиться приведенными примерами.

КАЛЕНДАРНОЕ ВРЕМЯ

Моделируя художественную реальность, автор неизбежно задает параметры физического времени, то есть времени календарного. Календарное время существует в сознании человека как объективно представленное, оно составляет чистую длительность, которая измеряет изменения в космосе, природе, человеческой жизни. Как замечает М.А. Барг, «календарное время непрерывно», оно «течет равномерно, ритмично, ему неизвестны замедления и ускорения», календарное время «позволяет нам упорядочить происходящее во времени — события следуют одно за другим», оно «кумулятивно и абсолютно, однократно и ассиметрично, т.е. течет строго однонаправленно» [Барг 1984: 66—67].

С другой стороны, календарное время, отражая сменяемость природных явлений и называя природные циклы, само становится цикличным. Е.С. Яковлева дает следующую дефиницию цикличности: «...время как последовательность повторяющихся однотипных событий» [Яковлева 1994: 73].

Центром семантического поля календарного времени становятся наименования единиц суточного и сезонного времени: времен года, месяцев, частей суток и образованных от них прилагательных:

зима [Кабаков 1990: 32], *зимняя окраска танка* [Кабаков 1990: 43]; *ноябрьский воздух* [Кабаков 1990: 28]; *ночь* [Кабаков 1990: 15, 18, 32], *ночные поезда* [Кабаков 1990: 32]; *ночной свет* [Кабаков 1990: 29]; *на все утро* [Кабаков 1990: 18]; *московское время — ноль часов три минуты* [Кабаков 1990: 9]; *было без четверти два* [Кабаков 1990: 15]; *ровно в половине восьмого* [Кабаков 1990: 43].

К центру семантического поля тяготеют слова и выражения, относящиеся по смыслу к понятиям определенного цикла: *ледяной ветер* [Кабаков 1990: 9]; *ледяная ночь* [Кабаков 1990: 10]; *мороз* [Кабаков 1990: 17]; *иней* [там же]; *лютый холод* [Кабаков 1990: 41]; *холодный воздух*; *сугробы* [Кабаков 1990: 13]; *лупило солнце* [Кабаков 1990: 38]; *жара туманила перспективу* [Кабаков 1990: 41] и пр.

Метафоры, основанные на свойствах и характеристиках типичных сезонных явлений, составляют периферию данного семантического поля: *белые струи* [Кабаков 1990: 9], *белые змеи* [Кабаков 1990: 25], *серебряные нити* [Кабаков 1990: 9] — о снеге.

Прагматика календарного времени проявлена на уровне сюжетном, на уровне организации текста: характеристики физического времени в «настоящей» и «будущей» части романа находятся в оппозиционных отношениях (лето, день — для настоящего, зима, ночь — для будущего) и означивают важность осуществляемого героем выбора: символическому комфорту он предпочитает тяжелые условия зимнего мороза, тьмы холодной ночи.

На оси линейного времени представлена хронология жизни человека, биографическое время. Биографическое время соотносится с раскрытием характера героя, его становлением и ростом, то есть с «образом человека, проходящего свой жизненный путь» [Бахтин 1975: 281], становится мерой жизненного процесса.

Здесь ядро составляет прилагательное «молодой», характеризующее оппонентов героя, людей «из редакции», и его коллег:

Были два совсем молодых существа [Кабаков 1990: 33]; Хитрости и интриги давно побледнели рядом с элегантным людоедством моих молодых и ученых коллег [Кабаков 1990: 4]; А это вот, прошу любить и жаловать, молодой наш товарищ [Кабаков 1990: 5]; Сергей Иванович, его и без отчества можно, молодой еще, — сказал, сделав серьезное лицо, молодой Сергей Иванович [там же]; А меня в честь Есенина мать назвала, — тут же влез молодой [Кабаков 1990: 6]; Я увидел молодое лицо [Кабаков 1990: 13].

На периферии возрастной шкалы находится старость, что эксплицируется лексемой «старик» и «немолодой». Старость — характеристика второстепенных, эпизодических персонажей.

Посередине танцевал немолодой человек [Кабаков 1990: 33]; Старик раскрыл глаза, сел [Кабаков 1990: 34]; Сварливый голос в сущности уже довольно беззлобно-го вдового старика [Кабаков 1990: 4]; Старик же для меня давно не представлял никакой власти [там же].

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ

Иную сторону отношения человека (автора, читателя и персонажей) со временем представляет то, что составляет действительность субъекта изображения. Субъективное время — это категория индивидуального человеческого восприятия, отражение в сознании индивидуума объективной длительности, последовательности и скорости процессов, в художественном тексте связано с осмыслением и оценкой героями чувственного восприятия событий, совершающихся во времени. Ощущение героями течения времени, его ускорения, замедления или даже остановки на мгновение определяют такие свойства субъективного времени, как дискретность, неоднородность, способность двигаться в любую сторону. По словам С.Б. Аюповой, субъективное время «может быть представлено памятью как вместилищем прошлого, созерцанием как аналогом настоящего и воображением как заменителем будущего» [Аюпова 2012: 668].

Лексико-семантическим ядро субъективного психического времени составляют ментальные глаголы. Такое время в романе ретроспективно, герой обращается к своей памяти:

Я вспомнил, как когда-то, давным-давно, а если точнее — ровно десять лет назад — я уже шел по ночной Тверской... [Кабаков 1990: 10]; Мне приснились эти судки, и блюда, и что-то жареное, горячее, и обжигающий глоток водки, и запах кофе, и гости, входящие без оружия, нарядные гости в целой одежде... [Кабаков 1990: 10]; Я вспомнил, что в этом подъезде жила некогда знаменитая певица, здесь всегда толпились безумные поклонники [Кабаков 1990: 14]; А в заказе чего только не было — кажется, даже мясо... Или масло... уже не помню [Кабаков 1990: 10]; Сколько уже видел я их, этих южных красавиц [Кабаков 1990: 11]; А однажды утром я видел, как красная кирпичная пыль, выдуваемая июньским ветром, ложилась на мертвеца [Кабаков 1990: 14]; Сколько уже слышал я этих историй [Кабаков 1990: 14].

Субъективное восприятие времени героем неравномерно, на него влияют условия, в которых «героическое» сознание протагониста может или не может получить развитие. Так, в относительно безопасном пространстве «шикарного ночного кабака» время сжато, событийные подробности опущены. В моменты опасности воспринимаемое время замедляется, сознание героя фиксирует любые мелочи, движения и события замедлены.

Подробность «опасного» времени необходима герою для реализации потенций, для перехода собственных границ, о чем говорил М.Ю. Лотман [Лотман 1997].

В тексте «замедленность» эксплицируется синтаксически — выстраиванием сложноподчиненных предложений с обилием знаков препинания:

Я успел запомнить, что правой рукой все еще намертво цепляюсь за рукав ее пальто... Я успел почувствовать, что ни на меня, ни на женщину люди почти не наступали: их движение уже не было столь общим, ровным стремлением к поворотне, они уже топтались на месте, разворачивались, и мы оказались в мертвой зоне, быстро пустевшей зоне между убивавшими и убиваемыми... И я успел заметить самое главное: двое с шапками не смотрят вниз, они смотрят на толпу прямо перед собой, и тот, что уже зарезал одного, медленно встряхивает, встряхивает клинок, отбрасывая с него слишком медленно стекающую кровь, и ищет, ищет в толпе следующего, а второй еще не совсем готов и держит шапку — вверх острием, и стоит неустойчиво... [Кабаков 1990: 27—28].

Автором «Невозвращенца» в полной мере реализуется мысль П.А. Флоренского относительно описания времени в художественном тексте: «Непрерывно текущее однородное время не способно дать ритм. Последний предполагает пульсацию, сгущение и разрежение, замедление и ускорение, шаги и остановки. Следовательно, изобразительные средства, дающие ритм, должны иметь в себе некоторую расчлененность, одними своими элементами задерживающую внимание и глаз, другими же, промежуточными, продвигающую то и другое от элемента к другому» [Флоренский 1992: 232—233].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ материала позволяет сделать некоторые обобщения.

◆ Категории времени в художественном тексте обладает особой комплексной, многослойной, иерархически организованной структурой, включающей в себя, с одной стороны, сложноорганизованные взаимосвязанные семантические поля темпоральности, с другой стороны — прагматические отношения, основанные на авторских установках и читательской интерпретации.

◆ Текстово-семантические поля художественного времени репрезентуются языковыми средствами разных уровней, прежде всего — лексического и синтаксического. Они отличаются распространенной структурой, уникальной для каждого художественного текста.

◆ При рассмотрении прагматики художественного текста на первый план выходит его структурная организация, которая не формальна, но реализует авторские установки, а также контексты создания произведения — культурные, философские, историко-социальные.

◆ Семантика и прагматика, как два измерения семиотики, в художественном тексте — разграничиваются, но соотносятся: категория времени получает в произведении и языковые и внеязыковые значения, таким образом, можно говорить о том, что время в тексте шире чем время в языке.

◆ Представляется, что именно семиотический подход (рассмотрение и семантики, и прагматики текста, их соотношение и взаимодействие) позволяет расширить возможности анализа такой сложной категории, как время, и выявить связи исследований языка с иными формами интеллектуальной и духовной деятельности человека. Рассматривая филологические, философские, культурологические и социально-исторические коннотации, исследователь получает возможность добиться полноты и подлинности анализа, раскрыть и интерпретировать все заложенные в тексте смыслы.

© Повалко П.Ю.

Дата поступления: 24.12.2017

Дата приема к печати: 26.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аюпова С.Б.* Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): дисс. ... доктора филол. наук. Уфа, 2012.
2. *Барз М.А.* Категории и методы исторической науки. М.: Изд-во «Наука», 1984.
3. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234—407.
4. *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. М., 1975.
5. *Земская Е.А.* Новояз, new speak? Nowomowa...Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000. С. 19—25.
6. *Кабаков А.* Невозвращенец. М.: Издательство «Вариант», 1990.
7. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008.
8. *Ланин Б.А.* Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154—163.
9. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 621—658.
10. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 158—162.
11. *Маслов Ю.С.* Время // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
12. *Папина А.Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002.
13. *Потапова Т.В.* Диахрония категории времени глагола (на материале русского языка и языков разных систем): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
14. *Романенко А.П.* Советская словесная культура: образ риторика. М.: Едиториал УРСС, 2003.
15. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.
16. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: Пространство. Время. Восприятие. М.: Гнозис, 1994.

УДК: 81'42:81'22:821.161.1-31

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248

THE STRUCTURE OF THE SEMIOTIC CATEGORY OF TIME IN A LITERARY TEXT (Based on Novel “The Defector (Nevozvrashchenets)” by A. Kabakov)

Polina Yu. Povalko

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article considers time as the most important semiotic and linguopoetical category of a literary text. The text of A. Kabakov's novel “The Defector (Nevozvrashchenets)” is used to analyse the structure of the temporal category in its semiotic dimensions, namely semantics and pragmatics. It is shown that the contents of semantic fields, which reflect the category of time in the novel, the intersection and interplay between these fields and pragmatic relations based on author's attitudes and reader's interpretation, establish a multi-layered, hierarchical structure of temporality in the fictional text.

Moreover, the semantics of fictional time is primarily explained by lexico-grammatical and syntactic linguistic units, while, in terms of pragmatics, the crucial modes of expression are the text organization and the context of the author's intention and the reader's perception. Thus, it is emphasized that the time within fictional text is broader than the time in the language.

The results of the text analysis demonstrate how important it is to examine fictional texts from the semiotic viewpoint. It appears that a simultaneous considering of semantics and pragmatics of a text and their correlation and interaction permits us to go beyond the “narrow” grammatical opinion when analysing such a complex text category as the time. Taking in consideration linguistic, philosophical, cultural and socio-historical contexts, the researcher expands the boundaries of analysis, increases its authenticity and obtains an opportunity to disclose and interpret all the meanings embedded by the author.

Key words: semantics, pragmatics, time category, literary text, semiotic method

REFERENCES

1. Ayupova, S.B. (2012). Time and space categories in the Language Literary World View (based on the prose of I.S. Turgenev); [dissertation]. Ufa. (in Russ.).
2. Barg, M.A. (1984). Categories and methods of historical science. Moscow: Nauka. (in Russ.).
3. Bakhtin, M.M. (1975). Forms of time and of the chronotope in the novel. *Questions of Literature and Aesthetics*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. pp. 234—407. (In Russ.).
4. Bulahovskij, L.A. (1975). A Historical Commentary to the Literary Russian Language. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
5. Zemskaya, E.A. (2000). Novoyaz, new speak? Nowomowa... What's next? E.A. Zemskaya (editor) *Russian language of the end of XX century (1985—1995)*. Moscow. 19—25. (In Russ.).
6. Kabakov A. (1990). The defector (Nevozvrashchenets). Moscow: Variant (In Russ.).
7. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskij, V.A. (2008). The Russian Language Stylistics. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
8. Lanin, B.A. (1993). Anatomy of literature dystopia, *Social sciences and contemporary world*, 5. pp. 154—163. (In Russ.).
9. Lotman, Yu.M. (1997). Artistic Space in Gogol's Prose. Yu. Lotman. *Russian Literature*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 621—658. (In Russ.).
10. Lotman, Yu.M. (2002). The Semiotics of Culture and the Concept of a Text. In *History and Typology of the Russian Culture*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 158—162. (In Russ.).

11. Maslov, Yu.S. (1990). Time. In Yartseva V.N. (editor) Linguistic encyclopaedically dictionary. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
12. Papina, A.F. (2002). Text its unity and global categories Tutorial. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
13. Potapova, T.V. (2009) Diachrony of the verb's time category (on the material of the Russian language and languages of different systems): *Extended abstract of candidate's thesis*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
14. Romanenko, A.P. (2003). Soviet verbal culture: rhetorician image. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
15. Florensky, P.A. (1993). Analysis of spatiality and time in pictorial works. Moscow: Progress. (In Russ.).
16. Yakovleva, E.S. (1994). Fragments of Russian Language Outlook of the World: Space. Time. Perception. Moscow: Gnosis. (In Russ.).

Для цитирования:

Повалко П.Ю. Структура семиотической категории времени в художественном тексте (на материале романа А. Кабакова «Невозвращенец») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1237—1248. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248.

For citation:

Povalko, P.Yu. (2017). The structure of the semiotic category of time in a literary text (based on novel “The defector (Nevozvrashchenets)” by A. Kabakov). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1237—1248. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248.

Polina Yu. Povalko, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1237—1248. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248.

Сведения об авторе:

Повалко Полина Юрьевна, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *научные интересы:* когнитивная лингвистика, семиотика, филологическая герменевтика, анализ художественного текста; *e-mail:* Polina.povalko@gmail.com

Bio Note:

Povalko Polina Yurievna, Assistant of the General and Russian Linguistics Department the Faculty of Philology, RUDN University, Moscow; *Interests:* semiotics, cognitive linguistics, philological hermeneutics, text analysis; *e-mail:* Polina.povalko@gmail.com